ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

NAUCHNYI DIALOG

ISSN 2225-756X

Научный диалог

2021. № 8

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011 г., Роскомнадзор
Год основания	2012
Периодичность	12 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • EBSCO • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620050, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620098, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	cniop@bk.ru

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

Тематика	07.00.00 Исторические науки 10.01.00 Литературоведение 10.02.00 Языкознание
География авторов выпуска	Арзамас, Волгоград, Вологда, Екатеринбург, Курск, Москва, Нижний Новгород, Омск, Петрозаводск, Ростов-на-Дону, Самара, Санкт-Петербург, Саранск, Тобольск, Тюмень, Якутск
Авторы, имеющие ученую степень	83 %

Дата выхода в свет 19.08.2021

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

2021. № 8

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-47018 of 18.10.2011
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Presence in Citation Bases, indexation	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• EBSCO • RSCI — All published articles are publicly available for reading and citing on the journal’s website and in the National E-Library • CyberLeninka
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

Главный редактор

Татьяна Валерьевна Леонтьева, д-р филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, канд. филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, д-р исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Алессандро Витале, д-р наук, профессор (Италия, Милан)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, д-р филологических наук, профессор (Болгария, София)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Владимировна Гусейнова, д-р педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

Редакционный совет

10.02.00 Языкознание

Александр Константинович Киклевич, д-р филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)
Арто Мустайоки, д-р философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Биляна Марич, д-р филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Вадим Витальевич Сдобников, д-р филологических наук, доцент (Россия, Нижний Новгород)
Евгения Викторовна Терехова, д-р филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, д-р филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Ренате Ратмайр, д-р филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Татьяна Николаевна Бунчук, канд. филологических наук, доцент (Россия, Сыктывкар)
Тимур Беньюминович Радбиль, д-р филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

10.01.00 Литературоведение. Журналистика. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, д-р филологических наук, профессор (Кыргызстан, Бишкек)
Андреана Борисова Ефтимова, д-р наук, профессор (Болгария, София)
Галина Ивановна Родина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Евгения Николаевна Кузьмина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Новосибирск)
Иво Поспишил, д-р наук (Чешская Республика, Брно)
Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Павел Федорович Лимеров, канд. филологических наук, доцент (Россия, Сыктывкар)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Алексеевна Савоськина, канд. филологических наук, доцент (Украина, Измаил)

07.00.00 Исторические науки. Этнография. Этнология

Александр Геннадиевич Нестеров, д-р исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, д-р наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, д-р исторических наук, профессор (Казахстан, Усть-Каменогорск)
Андрей Александрович Иванов, д-р исторических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, д-р исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Английский перевод аннотаций: Ирина Волгина

Editor-in-Chief:

Tatyana Valeryevna Leontyeva, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

Science Editors

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Anna Viktorovna Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)
Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Tatyana Vladimirovna Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

Editorial board

Linguistics

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)
Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)
Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)
Evgeniya Viktorovna Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)
Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Nina Markovna Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)
Tatyana Gennadyevna Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)
Tatyana Nikolayevna Bunchuk, PhD in Philology, associate professor (Russia, Syktyvkar)
Timur Benyuminovich Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)
Vadim Vitalyevich Sdobnikov, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Nizhny Novgorod)

Literary studies. Journalism. Folklore

Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Aleksandr Samuilovich Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)
Andreana Borisova Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Galina Ivanovna Rodina, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Arzamas)
Evgenia Nikolayevna Kuzmina, Doctor of Philology, professor (Russia, Novosibirsk)
Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno)
Olga Yurevna Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)
Pavel Fyodorovich Limerov, PhD in Philology, associate professor (Russia, Syktyvkar)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Tatyana Alekseyevna Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

History. Ethnography. Ethnology

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Albina Sovetovna Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)
Andrey Aleksandrovich Ivanov, Doctor of History, professor (Russia, St. Petersburg)
Yuri Dmitrievich Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Содержание

Языкознание

Ару А. Словообразовательная репрезентация концепта ДРУЖБА в современном русском языке 9

Борисова Е. О. Семантическая реконструкция лексики со значением скорости, образованной от глаголов перемещения объекта 28

Иоанесян Е. Р. Один класс предикатов, отражающих концептуализацию времени как ресурса 43

Никитин О. В. «Грустно, что лакеи имеют силу…» (неизвестные письма из архива Б. В. Томашевского) 57

Ребрина Л. Н., Шамне Н. Л. Проблематизация социальной реальности в коммуникативных практиках конфликтной мобилизации в сообществах социальных сетей Германии 73

Рябцева Н. К. Когнитивные доминанты, лингвоспецифичность коммуникации и проблемы перевода 87

Степыкин Н. И. Потенциал применения формализованных параметров для моделирования речевого действия 112

Литературоведение. Журналистика. Фольклористика

Богданова О. В., Власова Е. А. «Иногда чувствую себя Шекспиром…» (интертекстуальные пласты «Пилигримов» И. Бродского) 129

Ван Юйчжи, Ремчукова Е. Н. Конфуцианство в национально-ориентированном рекламном тексте Китая 149

Дубровская С. А., Киржаева В. П., Владимирова С. М. Ближневосточная повседневность в журнальных очерках С. С. Кондурушкина начала XX века 170

Кудряшов И. В., Пяткин С. Н. О чем взывают «повешенные вниз головою» Николая Клюева? (Об одной поэтической эпитафии жертвам белого террора) 185

Проданик Н. В. Метафора «книга — жизнь» в средневековой словесности и русской литературе первой половины XIX века 207

Чижов Н. С. Советский поэтический андеграунд в критическом и научном освещении (статья первая) 221

Исторические науки

Андриайнен С. В. «Войска без знамен» : История 5 пехотного корпуса русской армии в царствование Николая I 249

Апрыщенко В. Ю., Лагошина Н. А. Ирландские якобиты в континентальной Европе конца XVII — XVIII веков 272

Воронов И. И. Телеграфный департамент как структурный элемент государственного управления в России в 1865—1881 годах 290

Жердева Ю. А., Сумбурова Е. И., Черкасова М. В. Восприятие российской политики в Галиции в дневниках и мемуарах участников Первой мировой войны 307

Иванов А. А. Епископ Андрей (Ухтомский) : церковное осмысление и критика идеологии и практики социализма 323

Касаткин К. А. «Балканы» в российских энциклопедических словарях первой половины XIX века 341

Костенко Ю. И., Морозов В. М. Отношения Израиля и СССР в 1956—1957 годах : по документам Государственного архива Израиля 356

Котельников К. Д. Амбулатория Российского Общества Красного Креста в Берлине в 1920—1930-е годы 375

Мамяченков В. Н., Анисимов А. Л., Шведов В. В. Великая Отечественная война и трудовые ресурсы промышленности Урала : особенности развития 388

Нестерова Т. П. Франция, Италия и дипломатическое завершение итало-эфиопской войны в Лиге Наций (май — июль 1936 года) 400

Носов К. С., Муратова С. Р., Балюнов И. В. Оборонительные стены Тобольского кремля : историко-архитектурный очерк 414

Пригодич Н. Д. Формирование и развитие аэродромной сети Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны 438

Саблин В. А. Крестьянский двор на Европейском Севере России в годы Гражданской войны (1917—1921 гг.) : параметры выживания 452

Слепцов Ю. А. Мифологические сюллюкюны в верованиях якутов (саха) (из полевых материалов) 467

Созинова К. А. Брачные узы в Англии в первой половине XVII века : проповеди новобрачным Томаса Гатейкера 478

АВТОРАМ 491

CONTENTS 496

Языкознание
Linguistics

Адем Ару, аспирант (Нижний Новгород)
Евгения Рафаэлевна Иоанесян, д-р филол. наук (Москва)
Елизавета Олеговна Борисова, канд. филол. наук (Екатеринбург)
Лариса Николаевна Ребрина, д-р филол. наук (Волгоград)
Надежда Константиновна Рябцева, д-р филол. наук (Москва)
Николай Иванович Степыкин, канд. филол. наук (Курск)
Николай Леонидович Шамне, д-р филол. наук (Волгоград)
Олег Викторович Никитин, д-р филол. наук (Петрозаводск)

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Ару А. Словообразовательная репрезентация концепта ДРУЖБА в современном русском языке / А. Ару // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 9—27. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-9-27.

Aru, A. (2021). Word-Formation Representation of Concept FRIENDSHIP in Modern Russian. *Nauchnyi dialog, 8:* 9-27. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-9-27. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-9-27

Словообразовательная репрезентация концепта ДРУЖБА в современном русском языке

Ару Адем
orcid.org/0000-0003-2295-7180
аспирант кафедры современного русского языка и общего языкознания Института филологии и журналистики
adem.aru@hotmail.com

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия)

Word-Formation Representation of Concept FRIENDSHIP in Modern Russian

Adem Aru
orcid.org/0000-0003-2295-7180
Postgraduate student
Department of Contemporary Russian and General Linguistics,
Institute of Philology and Journalism
adem.aru@hotmail.com

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Ару А., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассмотрены особенности словообразовательной объективации концепта ДРУЖБА в русской языковой картине мира. В центре исследования — структура и семантика слов, формирующих словообразовательное гнездо с вершиной *друг* в русском языке. Установлено, что словообразовательное гнездо с вершиной *друг* в русском языке включает 53 слова. Поднимается вопрос о верификации и уточнении когнитивных признаков концепта «Дружба», выявленных на предыдущих стадиях анализа. Показано, что субстантивные дериваты воплощают в концептуальном блоке I ‘дружба как чувство и отношение’ такие новые когнитивные признаки, как ‘объединение кого-либо, основанное на дружбе, единстве взглядов, интересов; сотрудничество’ и ‘приветливое, доброжелательное отношение к кому-л.’, а в концептуальном блоке II ‘субъект дружбы’ — такие новые когнитивные признаки, как ‘субъект супружеских отношений (только для лиц женского пола)’, ‘предмет, составляющий пару с другим предметом, образующий вместе с ним единое целое’. Анализ глагольных дериватов выявил новый когнитивный признак для концептуального блока III ‘дружба как процесс’ — это когнитивный признак ‘оказать дружескую услугу, услужить’. Анализ адъективных и наречных дериватов способствовал обоснованию необходимости ввести в рассмотрение новый концептуальный блок IV — ‘качество, свойство, признак, характеристика отношения / чувства дружбы’, в составе которого обнаружено 9 новых когнитивных признаков.

Ключевые слова:
лингвокультурология; дружба; друг; концепт; словообразовательное гнездо.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The features of word-formation objectification of the concept FRIENDSHIP in the Russian linguistic picture of the world are considered. The research focuses on the structure and semantics of words that form a word-formation nest with apex “friend” in Russian. It was found that the word-formative nest with the top “friend” in Russian includes 53 words. The question is raised about the verification and clarification of the cognitive features of the “Friendship” concept identified at the previous stages of the analysis. It is shown that substantive derivatives embody in conceptual block I “friendship as a feeling and attitude” such new cognitive features as “uniting someone based on friendship, unity of views, interests; cooperation’ and friendly, benevolent attitude towards someone’, and in conceptual block II the subject of friendship’ — such new cognitive features as ‘the subject of marital relations (only for females)’, ‘the object that is paired with another object, forming together whole. The analysis of verb derivatives revealed a new cognitive feature for conceptual block III “friendship as a process” is a cognitive feature “to render a friendly service, to serve”. The analysis of adjective and adverbial derivatives helped to substantiate the need to introduce into consideration a new conceptual block IV — “quality, property, feature, characteristic of attitude / feeling of friendship”, in which 9 new cognitive features were found.

Key words:
cultural linguistics; friendship; friend; concept; word-building nest.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.161.1’37:392.7

Словообразовательная репрезентация концепта ДРУЖБА в современном русском языке

© Ару А., 2021

1. Введение

В статье представлен очередной этап предпринятого нами комплексного лингвокультурологического описания концепта ДРУЖБА в русской языковой картине мира на лингвокогнитивной основе.

В наши дни лингвокультурологический подход в современной науке о языке представляет собой ряд сравнительно самостоятельных стратегий научного поиска [Красных, 2002; Русский язык …, 2014; Радбиль, 2016]. Значительное место в этом ряду занимает лингвистическая концептология — междисциплинарное исследовательское направление, посвященное всестороннему изучению концептов национальной культуры [Степанов, 1997; Радбиль и др., 2020].

В центре нашего исследования находится описание концептуального содержания и особенностей языковой объективации такого ключевого концепта русской культуры, как концепт ДРУЖБА. Он, разумеется, отражает универсальные представления, значимые для всей мировой культуры. При этом многие исследователи отмечают существенный национально обусловленный компонент в концептуальном содержании и ценностном фоне русского концепта. Впервые об этом заговорила А. Вежбицкая, осуществив сопоставительный анализ русского слова *друг* и английского *friend* [Вежбицкая, 2001, с. 114]. Уникальное соединение общечеловеческого и этноспецифического начал в русском представлении о друге и дружбе отмечается и в работе А. Д. Шмелева, который указывает на существующий в русской культуре интерес к сфере неофициальных, «задушевных» отношений между людьми [Шмелев, 2002, с. 180—188]. Специфика дружеских отношений в русском мире органически вытекает из ряда более общих ключевых идей русской языковой картины мира, а именно — установки русских людей на повышенное внимание к неформальному общению, акцента на искренность чувств, а также «идеи, что плохо, когда человек действует из соображений практической выгоды» [Зализняк и др., 2005, с. 11].

В начале 2000-х годов появляются первые опыты комплексного синхронно-диахронного описания концепта ДРУЖБА в русской лингвокультуре. Отметим диссертационное исследование О. А. Араповой [Арапова, 2004], а также словарную статью «Дружба» в известном двухтомном из-

CC BY

дании «Антология концептов» (2005), где указывается: «Концепт ДРУЖБА в русском языке представлен обширным лексико-семантическим полем слов, содержащих сему дружбы (*товарищество, приятельствовать, кореш* и т. д.). Ядром этого поля мы считаем функционально-семантическую триаду *друг — дружить — дружба*, поскольку в ней реализуются главные когнитивно обусловленные позиции, отражающие в обыденном сознании носителей языка ситуацию дружбы: субъект (участник ситуации) — предикат (функциональное наименование ситуации) — абстрактное имя (интерпретация ситуации, взятой в отрыве от модально-временного фактора)» [Арапова и др., 2005, с. 58].

В наше время внимание ученых к разным аспектам представлений о друге и дружбе значительно активизируется, что во многом связано с возросшим интересом к проблематике «диалога культур» и кросс-культурной коммуникации, а также с практическими потребностями преподавания иностранных языков и русского языка как иностранного. Исследуется концепт ДРУЖБА в иностранных языках, например, в английском [Трубаева и др., 2016; Опря, 2018], в том числе и в сопоставительном аспекте — в русском и английском языках [Рахимова, 2018], в русском и испанском [Толчина, 2010], в немецком и французском [Чайко, Муриева, 2020] и т. д.

Описательные исследования именно русского концепта ДРУЖБА в основном концентрируются на изучении фразеологии [Чугаева, 2016] и паремиологии русского языка [Безуглая, 2017; Бисемалиева, 2020]. Историко-лингвистическое освещение концепта ДРУЖБА в социальном аспекте представлено, например, в работе [Попович, 2016]. Разнообразные смысловые и дискурсивные модификации концепта ДРУЖБА в языке и культуре новейшего периода анализируются в исследованиях [Коняева, 2015; Макарова, 2019].

Также существуют и опыты исследования лексики дружбы в диалектах русского языка. Так, Т. В. Леонтьева продемонстрировала, что в диалектах могут актуализироваться и в ряде случаев выходить на первый план другие когнитивные признаки, например, общительность, трудовая помощь (о работе, выполняемой с помощником, в парах) и др. [Леонтьева, 2016, с. 71—78]. В нашей работе мы рассматриваем только материал русского литературного языка, а диалектные единицы привлекаются выборочно, в том объеме, в каком их упоминают словари русского литературного языка. При этом, в соответствии с замыслом исследования, анализируется семантика исключительно производных слов.

Таким образом, при всем тематическом и проблемном разнообразии работ о дружбе и друге именно проблема словообразовательной объективации указанного концепта освещалась в полной мере, что позволяет обосновать ***новизну*** предпринятого исследования.

CC BY

Согласно принятой концепции комплексного описания концепта, после анализа экстралингвистического содержания, историко-этимологической составляющей и семантического наполнения по данным словарей исследуется собственно языковая объективация концепта — в словообразовательном, синтагматическом и парадигматическом измерении. В нашем исследовании мы остановимся только на специфике словообразовательной репрезентации концепта ДРУЖБА.

Объектом данного исследования являются семантические и структурные особенности системной организации словообразовательного гнезда с вершиной *друг* в русском языке.

Цель исследования — верифицировать когнитивные признаки концепта ДРУЖБА, установленные на предыдущем этапе исследования, и по возможности выявить его новые когнитивные признаки посредством анализа дериватов, формирующих словообразовательное гнездо с вершиной *друг* в русском языке.

2. Описание материала исследования и методов анализа особенностей словообразовательной репрезентации концепта ДРУЖБА в современном русском языке

Материал для исследования определяется спецификой поставленных задач и включает в себя несколько лексикографических источников. Словообразовательное гнездо с вершиной *друг* формируется в работе по данным «Словообразовательного словаря русского языка» А. Н. Тихонова [Тихонов, 1985] и дополняется дериватами внелитературного характера из «Большого словаря русской разговорной экспрессивной речи» В. В. Химика [Химик, 2004]. Семантика дериватов толкуется по данным семнадцатитомного «Словаря современного русского литературного языка» [ССРЛЯ, вып. III, IV, VII, IX, X, XII, XIII, XIV, XVI]. Значение словообразовательных моделей приводится по «Русской грамматике» [РГ, 1980, т. 1].

Методологической базой предпринятого исследования являются концепция языковой картины мира и языковой концептуализации мира [Шмелев, 2002; Зализняк и др., 2005; Русский язык, 2014], а также идеи и принципы реконструкции культурно-значимой информации по данным языка [Вежбицкая, 2001; Ковшова, 2013; Радбиль, 2016]. Исследование основано на методике комплексного лингвокультурологического анализа концептов культуры на лингвокогнитивной основе, принятой в Нижегородской концептологической школе [Радбиль и др., 2019а; Радбиль и др., 2019б].

В соответствии с этой методикой на первоначальном этапе был определен базовый смысловой объем концепта ДРУЖБА по данным энциклопедических источников, основных толковых и этимологических словарей

CC BY

[Ару, 2021, с. 167—171]. В результате, с опорой на работу [Арапова и др., 2005], было выявлено три концептуальных блока: ‘дружба как чувство и отношение’, ‘субъект дружбы’, ‘дружба как процесс’. Каждому из блоков было приписано определенное количество когнитивных признаков.

Представим далее системно базовое смысловое наполнение концепта ДРУЖБА по данным словарей:

I. Компонент «чувство дружбы ↔ отношения дружбы»:

1.1. Чувство взаимной расположенности, привязанности людей друг к другу;

1.2. Отношения между кем-л., основанные на чувстве взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т. п.;

1.3. Дружелюбие, взаимопонимание и т. п. между народами, странами, государствами (= *дружба народов*);

1.4. Доброжелательные отношения друг к другу человека и животного.

II. Субъектный компонент:

2.1. Лицо, тесно связанное с кем-либо взаимным доверием, преданностью, любовью; близкий человек, верный товарищ;

2.2. Любимый человек, возлюбленный;

2.3. Приятель;

2.4. Сторонник, защитник, приверженец чего-л. или кого-л. (*Друг истины, свободы и т. п.);*

2.5. Лицо, коллектив, связанные с кем-либо общностью интересов, идей, единством цели;

2.6. Домашнее животное как объект чувства привязанности;

2.7. Постоянный посетитель дома, семьи;

2.8. Любовник хозяйки дома (*ирон.*);

2.9. Обращение к кому-л., с целью подчеркнуть хорошее отношение;

2.10. Обращение к чужому, незнакомому человеку (*разг., фамильярн.*);

2.11. То, что способствует нормальной деятельности человека (о неодушевленном явлении, объекте) (*перен., разг.*).

III. Процессуальный компонент:

3.1. Быть, находиться в отношениях взаимной расположенности, приязни;

3.2. Вступать в отношения взаимной расположенности, приязни;

3.3. Испытывать любовь, иметь склонность, пристрастие к чему-л. (*разг.; перен.*);

3.4. Делать друзьями кого-либо; соединять *(устар.)*;

3.5. Примиряться (*устар.*);

3.6. Покровительствовать, помогать (*устар.*).

CC BY

В итоге мы получили 21 когнитивный признак концепта ДРУЖБА: ‘дружба как чувство и отношение’ (4 КП); ‘субъект дружбы’ (11 КП); ‘дружба как процесс’ (6 КП).

Далее полученные данные верифицируются и уточняются посредством анализа дериватов, входящих в словообразовательное гнездо с вершиной *друг* в русском языке.

3. Словообразовательное гнездо с вершиной *друг* в свете комплексного лингвокультурологического писания концепта ДРУЖБА

Как уже было сказано ранее, словообразовательное гнездо с вершиной *друг* формируется в работе по данным «Словообразовательного словаря русского языка» А. Н. Тихонова [Тихонов, 1985, с. 317—318] и дополняется дериватами внелитературного характера *дружбан* и *друган* по «Большому словарю русской разговорной экспрессивной речи» В. В. Химика [Химик, 2004, с. 154]. Для удобства восприятия словообразовательное гнездо представлено в графической форме (рис. 1).

ДРУГ	→ друж-ок	→ дружоч-ек	
	→ друж-ищ-е		
	→ друж-е		
	→ не-друг		
	→ по-друг-а	→ подруж-к-а	
		→ подруж-еньк-а	
	→ со-друж-еств-о		
	→ друж-н-ый	→ друж-н-о	→ не-дружно1
		→ не-дружный	→ недружн-о2
		→ дружн-ость	
	→ друж-еск-ий	→ по-дружеск-и	
		→ не-дружеск-ий	
	→ дружеств-енн-ый	→ дружественн-о	
		→ дружествен-ность	
		→ не-дружественн-ый	
	→ друж-и-ть	→ дружить-ся	→ по-дружиться[1]
		→ друж-б-а	
		→ по-дружить	→ подружить-ся[2]
		→ с-дружить-ся[1]	
		→ за-дружить	→ задружить-ся
		→ пере-дружить	→ передружить-ся
		→ при-дружить	

→ раз-дружить → разружить-ся
→ с-дружить → сдружить-ся[2]
→ у-дружить
→ друж-е-любн-ый → дружелюбн-о → не-дружелюбно[1]
→ не-дружелюбн-ый → недружелюбн-о[2]
→ недружелюб-и-е[1]
→ дружелюб-и-е → не-дружелюбие[2]
→ друж-еств-о (устар.)
→ друж-к-а (устар.)
→ по-друж-и-е (устар.)
НЕОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНЫЕ ДЕРИВАТЫ:
→ друж-бан (простор.)
→ друг-ан (простор.)

Рис. 1. Словообразовательное гнездо с вершиной *друг* в русском языке

Гнездо с вершиной *друг* в современном русском языке включает 53 слова (52 деривата разной степени производности, с учетом словообразовательной омонимии, обозначенной на схеме надстрочными индексами 1 и 2). Это говорит о том, что данное словообразовательное гнездо характеризуется разветвленной структурой с богатыми и разнообразными словообразовательными связями. Этот факт, в свою очередь, согласно А. Вежбицкой, является объективным свидетельством «культурной разработанности» представления о дружбе в русском языковом сознании, его культурной отмеченности, значимости для русских людей [Вежбицкая, 2001].

В словообразовательном гнезде представлены слова разных знаменательных частей речи: существительные, глаголы, прилагательные и наречия. Далее в работе приводится концептуальный анализ основных дериватов с целью уточнения и возможного расширения числа выявленных на предыдущем этапе исследования когнитивных признаков концепта ДРУЖБА.

3.1. Концептуальный анализ субстантивных дериватов

Субстантивные дериваты в основном уточняют содержание таких выявленных ранее концептуальных блоков в смысловом наполнении концепта ДРУЖБА, как I ‘дружба как чувство и отношение’ и II ‘субъект дружбы’.

Концептуальный блок I ‘дружба как чувство и отношение’ представлен следующими дериватами. Это устаревшее слово *дружество*: «То же, что дружба» [ССРЛЯ, т. III, стлб. 1132], которое соответствует выявленным ранее КП 1.1. ‘Чувство взаимной расположенности, привязанности людей друг к другу’ и 1.2. ‘Отношения между кем-либо, основанные на чувстве взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т. п.’. Наличие устаревшего антонимического деривата *недружество* ‘*Устар.*

CC BY

Нерасположение, нелюбовь, неприязнь» [ССРЛЯ, т. X, стлб. 858] также подтверждает реальность данных когнитивных признаков.

Дериват *содружество* имеет два значения. В первом значении ʻвзаимная дружба, дружеское единение’ [ССРЛЯ, т. XIV, стлб. 136] это слово также соответствует выявленным ранее КП 1.1 и КП 1.2. Однако значение 2 ʻобъединение кого-либо, основанное на дружбе, единстве взглядов, интересов’ [ССРЛЯ, т. XIV, стлб. 136] позволяет выделить этот смысловой компонент как новый когнитивный признак, который можно сформулировать так: ʻобъединение кого-либо, основанное на дружбе, единстве взглядов, интересов; сотрудничество’.

Еще один новый когнитивный признак связан с семантикой деривата *дружелюбие*: ʻприветливое, доброжелательное отношение к кому-л.’ [ССРЛЯ, т. III, стлб. 1135—1136]. Это значение представляется более широким, чем базовое значение лексемы *дружба*, потому что предполагает наличие добрых чувств к людям, не обязательно связанным дружескими отношениями с субъектом этого отношения. Имеется в виду особый тип этически окрашенного отношения к действительности — национально обусловленная установка на наличие добрых чувств к миру вообще, которая является одной из ключевых идей русской языковой картины мира [Вежбицкая, 2001; Зализняк и др., 2005]. Реальность данного когнитивного признака для русской языковой картины мира подтверждает и наличие антонимического производного слова — *недружелюбие*: «Неприязненное отношение, нерасположение к кому-л.» [ССРЛЯ, т. X, стлб. 858].

Значительно большей разработанностью отличается фрагмент словообразовательного гнезда, отвечающий за воплощение концептуального блока II ʻсубъект дружбы’. Определенные смысловые параллели с представлением о друге воплощает антонимическое производное слово *недруг*: «1. Человек, враждебно, неприязненно относящийся к кому-л.; враг; *2. Народно-поэт.* Неприятель, противник в военных действиях» [ССРЛЯ, т. VII, стлб. 857—858]. Здесь можно видеть отражение таких, выявленных ранее когнитивных признаков, как КП 2.1 ʻЛицо, тесно связанное с кем-либо взаимным доверием, преданностью, любовью; близкий человек, верный товарищ’ и КП 2.3 ʻПриятель’, а также КП, обнаруженный на стадии историко-этимологического анализа — ʻвоин = товарищ по оружию’ [Ару, 2020, с. 80].

Далее следует отметить наличие эмоционально окрашенных дериватов от слова *друг*, отражающих оценочный компонент концептуального содержания субъектного компонента концепта ДРУЖБА. Это прежде всего дериват *дружок* в двух значениях: «1. *ласкат.* к слову *друг*; 2. *просторечн.* возлюбленный, милый» [ССРЛЯ, т. III, стлб. 1129]. Здесь можно видеть соответствие таким, выявленным ранее когнитивным признакам, как 2.1.

CC BY

‘Лицо, тесно связанное с кем-либо взаимным доверием, преданностью, любовью; близкий человек, верный товарищ’ и 2.2. ‘Любимый человек, возлюбленный’. Отражение особого типа отношения к объекту дружбы — эмпатии [Вежбицкая, 2001; Русский язык …, 2014] выражается в образовании еще одного диминутива — *дружочек* ‘*разг., ласкат*. к дружок’ [ССРЛЯ, т. III, стлб. 1129].

Устаревшая застывшая форма звательного падежа *друже* [Там же] также отмечается как экспрессивно-окрашенная, уважительная (в ряде контекстов — ироническая). Однако эта форма тяготеет все же к выражению когнитивного признака 2.3 ‘Приятель’, а также 2.9 ‘Обращение к кому-л., с целью подчеркнуть хорошее отношение’ и 2.10 ‘Обращение к чужому, незнакомому человеку (*разг., фамильярн*.)’. КП 2.9 и 2.10 воплощаются и в деривате *дружище* ‘*Разг*. Дружеское обращение к кому-л., фамильярное обращение к другу’ [Там же].

Внелитературные варианты молодежного жаргона *друган* ‘*Жарг*. Друг, приятель, знакомый человек’ и *дружбан* ‘*Шутл.-фамил. Жарг*. = друган’ [Химик, 2004, с. 154] — также отражают эмоционально-экспрессивную реализацию КП 2.1. ‘Лицо, тесно связанное с кем-либо взаимным доверием, преданностью, любовью; близкий человек, верный товарищ’, КП 2.3 ‘Приятель’, КП 2.9 ‘Обращение к кому-л., с целью подчеркнуть хорошее отношение’ и КП 2.10 ‘Обращение к чужому, незнакомому человеку (*разг., фамильярн*.)’.

Коррелят в женском роде *подруга* в принципе воплощает уже указанные выше компоненты смысла, но, в сравнении с *друг*, имеет более узкое значение: ‘девочка, девушка или женщина, находящаяся в дружбе с кем-либо’ [ССРЛЯ, т. X, стлб. 569]. Также в словаре отмечается значение, определяющее временные пределы — *подруга детства, юности* и пр. Диминутивы *подружка* ‘*Разг*., *ласк*. к *подруга*’ и *подруженька* ‘*Разг*., *ласк*. к *подруга, подружка*’ имеют то же значение [Там же, стлб. 569], но при этом сопровождаются эмоционально-экспрессивными оттенками смысла. В устойчивом выражении — коллокации *подруга жизни* в значении ‘о жене’ [Там же, стлб. 569] можно видеть новый когнитивный признак ‘супруг (как правило, применительно к женскому полу)’. Возможность для коррелята женского пола обозначать супругу подчеркивается и наличием в русском языке устаревшего слова *подружие* ‘*Устар.* Жена; возлюбленная’ [Там же, стлб. 570]. Отметим, что коррелят в мужском роде *друг*, в отличие от *подруга*, в русском языке не может обозначать субъект супружеских отношений (*друг* — всегда обозначение человека по признаку неофициальных отношений, в которых он состоит).

Еще выявлено устаревшее и диалектное слово *дружка*, которое в одном из значений толкуется как ‘*Устар. и обл.* друг, подруга; пара’ [ССРЛЯ, т. III,

стлб. 1133]. В этом значении слово может употребляться по отношению к животным, что видно из иллюстрации к толкованию: *Между тем, селезни, покинутые своими утками, долго держатся около тех луж: и озерков, где потеряли своих* ***дружек***. С. Акс. Зап. руж. охотн. [Там же, стлб. 1133].

Новый когнитивный признак концепта ДРУЖБА, не выявленный ранее при анализе лексикографических источников, воплощается во втором значении слова *дружка* ʻодин из одинаковых парных предметовʼ [ССРЛЯ, т. III, стлб. 1133]. В целях нашего исследования в этой словарной статье важно указание на возможность распространительного употребления данного слова в метафорических контекстах: *Хоть эта книжка писана и прозою, тем не менее она составляет решительную* ***дружку*** *к стихотворениям г. Молчанова.* Бел. «Супр. истина» [Там же, стлб. 1133], то есть второй предмет, который дополняет первый, исходный предмет в каком-либо отношении до единого целого, то есть составляет с ним пару.

Кстати, отметим еще одно диалектное значение этого слова: «*Обл.* Одно из лиц народного свадебного обряда, распорядитель на свадьбе со стороны жениха» [Там же, стлб. 1137]. Однако слово *дружка* в этом значении имеет в словаре отдельную словарную статью, а значит, должно рассматриваться как омоним.

3.2. Концептуальный анализ глагольных дериватов

Глагольные дериваты воплощают выявленные ранее когнитивные признаки, формирующие концептуальный блок III ʻПроцессуальный компонентʼ и выражают разные аспекты процесса дружбы или состояния. Это разнообразные приставочные, суффиксальные и постфиксальные слова, которые в целом отражают соответствующие словообразовательные модели для данных способов словообразования [РГ, 1980, т. 1]:

— *подружить*: «1. *Перех.* Сделать друзьями, сблизить, сдружить. 2. *Неперех. Разг.* Дружить некоторое время. *Подружить недолго.* 3. *Неперех. Разг.* Начать дружить; подружиться с кем-либо» [ССРЛЯ, т. X, стлб. 570]; ср. также — *подружиться*: «*Сов.* Сделаться, стать друзьями; завязать дружбу» [Там же];

— *задружить*: «*Неперех. Простореч.* То же, что подружиться» [ССРЛЯ, т. IV, 1955, стлб. 428], то есть начать дружить, в соответствии с данной словообразовательной моделью [РГ, 1980, т. 1];

— *передружить*: «*Разг*. Подружить многих, всех или со многими, со всеми» [ССРЛЯ, т. IX, стлб. 587];

— *сдружать (сдружить)*: «Делать друзьями» [ССРЛЯ, т. XIII, стлб. 545];

— *раздружить*: «*Разг.* Прервать, прекратить чью-либо дружбу» [ССРЛЯ, т. XII, стлб. 309]. Ср. также возвратный вариант — *раздру-*

житься: «*Разг.* Прервать, прекратить свою дружбу с кем-либо» [Там же, стлб. 309].

Указанные выше глаголы соответствуют выявленным ранее когнитивным признакам 3.1 ‘Быть, находиться в отношениях взаимной расположенности, приязни’ и 3.2 ‘Вступать в отношения взаимной расположенности, приязни’.

Метафорический когнитивный признак 3.3 ‘Испытывать любовь, иметь склонность, пристрастие к чему-л., любить заниматься чем-л. (*разг.; перен.*)’ выражается в переносных употреблениях следующих глагольных дериватов:

— *сдружаться (сдружиться)*: «*Разг.* Примиряться, свыкаться с чем-либо, приникать к чему-либо» [ССРЛЯ, т. XIII, стлб. 545];

— *раздружить*: «*Перен.* Заставить потерять расположение к чему-либо, перестать заниматься чем-либо» [ССРЛЯ, т. XII, стлб. 309] — и *раздружиться*: «*Перен.* Потерять расположение к чему-либо, перестать заниматься чем-либо. *Раздружиться с книгами* [Там же, стлб. 309].

Новый когнитивный признак, не отмеченный на предыдущих стадиях исследования, на наш взгляд, выражается в таком деривате, как *удружить*: «*Разг.* Оказать дружескую услугу, услужить» [ССРЛЯ, т. XVI, стлб. 357]. Данный перенос значения стал возможным на базе когнитивной схемы ‘поступить как друг / повести себя как друг’.

3.3. Концептуальный анализ адъективных и наречных дериватов

Анализ производных слов — прилагательных и наречий — позволил поставить вопрос о наличии в совокупном смысловом наполнении концепта ДРУЖБА еще одного концептуального блока — признаковой составляющей. Ее образуют смыслы, связанные с качествами, признаками, свойствами характеристиками отношения дружбы, со степенью его проявления. Набор концептуальных признаков, формирующих этот блок, зависит от особенностей семантики производных прилагательных и образованных от них наречий.

Качественное прилагательное *дружный* имеет в русском литературном языке следующие значения: «1. Связанный взаимным расположением, дружбой; приятельский, товарищеский; сплоченный. // Находящийся в дружеских, приятельских отношениях с кем-либо (для краткой формы *дружен, -а, -ы*). 2. Происходящий одновременно; единодушный, согласный» [ССРЛЯ, т. III, стлб. 1129—1130]. Примерно те же значения приводятся для качественного наречия *дружно*: «1. По-приятельски, в согласии. 2. Одновременно, согласованно; вместе» [Там же, стлб. 1130]. Антонимический дериват *недружный* по своей семантике в целом соответствует указанному выше набору значений: «1. Не расположенный к дружбе,

CC BY

взаимному согласию. *Недружная семья.* // Сопровождающийся взаимным несогласием, неприязнью. *Недружная жизнь.* 2. Происходящий, совершаемый неодновременно, несогласно» [ССРЛЯ, т. VII, стлб. 859]. То же — для наречия *недружно.*

Таким образом, на этом этапе анализа мы можем сформулировать некоторые когнитивные признаки для IV признакового компонента содержания концепта ДРУЖБА: КП 4.1 ʻСвязанный взаимным расположением, дружбой; приятельский, товарищеский’; КП 4.2 ʻСплоченный’; КП 4.3 ʻНаходящийся в дружеских, приятельских отношениях с кем-либо’; КП 4.4 ʻ*Перен*. Происходящий одновременно; КП 4.5 ʻ*Перен*. Единодушный, согласный’. Данный набор когнитивных признаков характеризует такую сторону концепта ДРУЖБА, как **«дружба как отношение»**.

Прилагательное *дружеский* имеет следующие значения: «1. Относящийся к другу, друзьям, принадлежащий им. 2. Основанный на взаимном расположении, дружбе; приятельский, товарищеский; свойственный друзьям» [ССРЛЯ, т. III, стлб. 1135]. Аналогичные значения можно видеть у наречий *дружески, по-дружески*: «По-приятельски, как друг, друзья» [Там же, стлб. 1135]. Антонимические соответствия демонстрируют примерно схожий круг смыслов — *недружеский*: «Неприязненный, недружелюбный» [ССРЛЯ, т. VII, стлб. 859].

Если второе значение прилагательного *дружеский* синонимично первому значению качественного прилагательного *дружный*, то его первое значение связано с его лексико-грамматическим разрядом — относительно-притяжательное. Оно позволяет сформировать новый КП 4.6 ʻОтносящийся к другу, друзьям, принадлежащий им’. Данный КП тоже характеризует такую сторону концепта ДРУЖБА, как **«дружба как отношение»**.

Прилагательное *дружественный* тяготеет к отображению такого, выявленного ранее когнитивного признака, как 1.3 ʻДружелюбие, взаимопонимание и т. п. между народами, странами, государствами (= *дружба народов*) ’, что видно из его толкования в первом значении (во втором значении прилагательное синонимично первому значению для *дружный* и второму — для *дружеский*): «1. Основанный на дружбе, выражающий дружбу; взаимноблагожелательный (преимущественно о государствах и отношениях между ними). 2. Свойственный друзьям; дружелюбный, приятельский» [ССРЛЯ, т. III, стлб. 1132—1133]. То же отмечается в словаре для субстантивного деривата *дружественность* и для наречного производного слова *дружественно* [Там же, стлб. 1133], а также для антонимических соответствий *недружественный* и *недружественно* [ССРЛЯ, т. VII, стлб. 859].

Анализ позволяет выявить еще один КП 4.7 ʻОснованный на дружбе, выражающий дружбу; взаимно-благожелательный (преимущественно

CC BY

о государствах и отношениях между ними)', тоже характеризующий такую сторону концепта ДРУЖБА, как **«дружба как отношение»**.

Прилагательное *дружелюбный* имеет следующие значения: «Проникнутый дружелюбием, основанный на дружелюбии; доброжелательный» [ССРЛЯ, т. III, стлб. 1135]. Для образованного от него наречия словарь указывает значение 'доброжелательно'. Примерно те же значения отражены «от противного» в толковании антонимического деривата *недружелюбный*: «Неприязненно настроенный, недоброжелательно относящийся к кому-л. // Выражающий недружелюбие, неприязнь» [ССРЛЯ, т. VII, стлб. 858]. То же отмечается и для наречия *недружелюбно*.

Анализ данных толкований позволяет сформулировать еще два когнитивных признака: КП 4.8 'Проникнутый дружелюбием, основанный на дружелюбии' и КП 4.9 'доброжелательный'. Данный набор когнитивных признаков характеризует уже другую сторону концепта ДРУЖБА — **«дружба как чувство»**.

4. Заключение

В целом проведенный анализ еще раз подтвердил значительную культурную разработанность концепта ДРУЖБА в русской языковой картине мира, что выразилось в разветвленной структуре и большом количестве дериватов словообразовательного гнезда с вершиной *друг*. Также мы показали существенный ценностный потенциал концепта: это выражается в наличии дериватов, характеризующихся разными типами эмоционально-экспрессивной и стилистической отмеченности — неофициальной, фамильярной, иронической, уважительной, ласкательной и пр.

Проведенный анализ позволил обнаружить ряд новых когнитивных признаков концепта ДРУЖБА, которые не были выявлены на предыдущем этапе исследования. На основе семантики субстантивных дериватов концептуальный блок I 'дружба как чувство и отношение' был пополнен когнитивными признаками 1.5 'Объединение кого-либо, основанное на дружбе, единстве взглядов, интересов; сотрудничество' и 1.6 'Приветливое, доброжелательное отношение к кому-л.'.

Также анализ семантики субстантивных дериватов позволил обогатить концептуальный блок II 'субъект дружбы' за счет включения в его семантический объем такого когнитивного признака, как КП 2.12 'субъект супружеских отношений (только для лиц женского пола)', и метафорического когнитивного признака, полученного путем семантического расширения — КП 2.13 'предмет, составляющий пару с другим предметом, образующий вместе с ним единое целое'.

Анализ глагольных дериватов способствовал обнаружению нового когнитивного признака в концептуальном блоке III 'дружба как процесс' —

это концептуально-метафорический КП 3.7 ‘Оказать дружескую услугу, услужить’, то есть ‘поступить как друг / повести себя как друг’.

Изучение адъективных и наречных дериватов привело к обоснованию необходимости выявить новый, IV концептуальный блок в совокупном смысловом наполнении концепта ДРУЖБА — ‘качество, свойство, признак, характеристика отношения / чувства дружбы’. Состав этого блока формируют следующие когнитивные признаки: КП 4.1 ‘Связанный взаимным расположением, дружбой; приятельский, товарищеский’; КП 4.2 ‘Сплоченный’; КП 4.3 ‘Находящийся в дружеских, приятельских отношениях с кем-либо’; КП 4.4 ‘*Перен*. Происходящий одновременно; КП 4.5 ‘*Перен*. Единодушный, согласный’; КП 4.6 ‘Относящийся к другу, друзьям, принадлежащий им’; КП 4.7 ‘Основанный на дружбе, выражающий дружбу; взаимно-благожелательный (преимущественно о государствах и отношениях между ними)’; КП 4.8 ‘Проникнутый дружелюбием, основанный на дружелюбии’; КП 4.9 ‘доброжелательный’.

Согласно принятой нами концепции комплексного описания концепта ДРУЖБА, перспективы дальнейшего исследования связаны с анализом синтагматических и парадигматических связей и отношений между лексемами — репрезентантами данного концепта.

Источники и принятые сокращения

1. РГ, 1980 — *Русская* грамматика : в 2 томах : т. 1 / гл. ред. Н. Ю. Шведова. — Москва : Наука, 1980. — Т. 1. — 783 с.

2. ССРЛЯ — *Словарь* современного русского литературного языка : в 17 томах. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950—1965. — Т. 1—17.

3. *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка в 2 т. : т. 1. : ок. 145000 слов / А. Н. Тихонов. — Москва : Русский язык, 1985. — 856 с.

4. *Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи / В. В. Химик. — Санкт-Петербург : Норинт, 2004. — 768 с.

Литература

1. *Арапова О. А.* Дружба / О. А. Арапова, Р. М. Гайсина // Антология концептов: в двух томах : том 1 / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. — Волгоград : Парадигма, 2005. —С. 58—79.

2. *Арапова О. А.* Концепт «Дружба» : системный и функционально-когнитивный анализ : диссертация… канд. филол. наук : 10.02.01 / О. А. Арапова. — Уфа , 2004. — 242 с.

3. *Ару А.* Концепт «дружба» в русской языковой картине мира : историко-этимологический аспект / А. Ару // Вопросы филологии и переводоведения : направления и перспективы современных исследований : сборник научных статей / отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. — Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2020. — С. 76—81.

4. *Ару А.* Языковая репрезентация концепта «дружба» в лексико-семантической системе русского языка (по данным лексикографических источников) / А. Ару // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2021. — № 1. — С. 187—192.

5. *Безуглая А.* Лингвокультурологический анализ концепта «дружба» в русском языке : паремиологический и ассоциативный аспекты / А. Безуглая // Slavica Wratislaviensia. — 2017. — № 3773. — С. 161—175.

6. *Бисемалиева В. М.* Концепт «дружба» в русской языковой картине мира / В. М. Бисемалиева // Электронный научный журнал. — 2020. — № 7 (36). — С. 41—47.

7. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая, пер. с англ. А. Д. Шмелева. — Москва : Языки славянской культуры, 2001. — 288 с.

8. *Зализняк А. А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира : сборник статей / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — 544 с.

9. *Ковшова М. Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии : коды культуры / М. Л. Ковшова. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2013. — 456 с.

10. *Коняева Е. В.* Модификаты концепта «Дружба» в русском языке конца XX — начала XXI вв. : автореферат диссертации… кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. В. Коняева. — Екатеринбург, 2015. — 24 с.

11. *Красных В. В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : курс лекций / В. В. Красных. — Москва : ИТДГК «Гнозис», 2002. — 284 с.

12. *Леонтьева Т. В.* Лексика дружбы : перспективы изучения / Т. В. Леонтьева // Социокультурное пространство России и зарубежья : общество, образование, язык. — 2016. — Вып. 5. — С. 71—78.

13. *Макарова В. В.* Скажи мне, кто твой друг : концепт друг в современном русском медиадискурсе (на материале НКРЯ 2014 г.) / В. В. Макарова // Исследовательский журнал русского языка и литературы. — 2019. — Т. 13. — С. 135—153. — DOI : https://doi.org/10.29252/iarll.13.135

14. *Опря Е. С.* Актуализация концепта «друг» в молодежном узусе современного английского языка (на примере номинации bro и ее производных) / Е. С. Опря // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2018. — № 7 (196). — С. 38—42.

15. *Попович Е. С.* Социальные аспекты развития концепта «друг» в русском языке [Электронный ресурс] / Е. С. Попович // Научный журнал КубГАУ. — 2016. — № 115 (01). — Режим доступа : http://ej.kubagro.ru/2016/01/pdf/79.pdf (дата обращения : 14.06.2021).

16. *Радбиль Т. Б.* «Прецедентные имена» как элементы «языка культуры» / Т. Б. Радбиль // Ономастика Поволжья : материалы XV Международной научной конференции / под ред. Л. А. Климковой, В. И. Супруна. — Арзамас — Саров : Интерконтакт, 2016. — С. 49—54.

17. *Радбиль Т. Б.* ДУША и ТЕЛО в аспекте сопоставительного анализа концептов культуры : материалы к лингвокультурологическому фразеологическому словарю русско-казахских соответствий / Т. Б. Радбиль, Г. А. Ахметжанова, Ж. Ж. Жумагулова, А. Е. Сералиева, Г. Е. Сералиева // Научный диалог. — 2020. — № 3. — С. 127—150. — DOI : 10.24224/2227-1295-2020-3-127-150.

18. *Радбиль Т. Б.* Концепт «грех» в контексте лексикографического описания ключевых концептов русской культуры / Т. Б. Радбиль, В. В. Сайгин // Вопросы лексикографии. — 2019а. — № 15. — С. 36—59. — DOI: 10.17223/22274200/15/3.

19. *Радбиль Т. Б.* Художественное воплощение русского национально-культурного концепта РЕКА в творчестве М. Ю. Лермонтова / Т. Б. Радбиль, И. С. Юхнова // Научный диалог. — 2019б. — № 2. — С. 27—142. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-127-142.

20. *Рахимова И. Р.* Национально-культурная специфика вербализации концепта «дружба» в английском и русском языках / И. Р. Рахимова // Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe. — 2018. — № 4 (32). — С. 65—67.

21. *Русский язык* начала XXI века : лексика, словообразование, грамматика, текст : коллективная монография / Т. Б. Радбиль, Е. В. Маринова, Л. В. Рацибурская, Н. А. Самыличева, А. В. Шумилова, Е. В. Щеникова, С. Н. Виноградов, Е. А. Жданова. — Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2014. — 325 с.

22. *Степанов Ю. С.* Константы : словарь русской культуры : опыт исследования / Ю. С. Степанов. — Москва : Академпроект, 1997. — 989 с.

23. *Толчина Н. Ю.* Репрезентация концепта «дружба» в разговорной речи (на материале русского и испанского языков) / Н. Ю. Толчина // Вестник Московского государственного областного университета : серия «Лингвистика». — 2010. — № 2. —С. 160—163.

24. *Трубаева Е. И.* Языковые средства репрезентации концепта «дружба» в современном английском языке / Е. И. Трубаева, С. Н. Симон // Филологические науки : вопросы теории и практики. — 2016. — № 2 (56). — Ч. 2. — С. 154—156.

25. *Чайко Н. Н.* Репрезентация концепта ДРУЖБА в немецком и французском языках (на материале анализа паремий) / Н. Н. Чайко, М. В. Муриева // Филологические науки : вопросы теории и практики. — 2020. — № 10. — С. 298—302. — DOI : https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.58

26. *Чугаева Е. С.* Полевая структура концепта «дружба» в русской фразеологической картине мира / Е. С. Чугаева // Научное и образовательное пространство : перспективы развития : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т : т. 2 / под ред. О. Н. Широкова. — Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2016. — С. 72—74.

27. *Шмелев А. Д.* Русская языковая модель мира : материалы к словарю / А. Д. Шмелев. — Москва : Языки славянской культуры, 2002. — 224 с.

Material resources

Khimik, V. V. (2004). *Big dictionary of Russian colloquial expressive speech.* Sankt-Peterburg: Norint. 768 p. (In Russ.).

RG — Shvedova, N. Yu. (ed.). (1980). *Russian grammar: in 2 volumes: vol. 1.* Moscow: Nauka. 783 p. (In Russ.).

SSRLYa — *Dictionary of the modern Russian literary language.* Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. *1—17* (In Russ.).

Tikhonov, A. N. (1985). *Word-formation dictionary of the Russian in 2 volumes: vol. 1.* Moscow: Russkiy yazyk. 856 p. (In Russ.).

References

Arapova, O. A. *The concept of «Friendship»: system and functional-cognitive analysis: PhD Diss.* Ufa, 2004. 242 p. (In Russ.).

Arapova, O. A., Gaysina, R. M. (2005). Friendship. In: Karasik, V. I., Sternin, I. A. (eds.). *Anthology of Concepts: in 2 volumes: vol. 1.* Volgograd: Paradigma. 58—79. (In Russ.).

Aru, Adem (2020). Concept «friendship» in the Russian language picture of the world: historical and etymological aspect. In: Kormilina, N. V., Shugaeva, N. Yu. (eds.). *Questions of philology and translation studies: directions and prospects of modern research: a collection of scientific articles.* Cheboksary: Chuvash. gos. ped. un-t. 76—81. (In Russ.).

Aru, Adem (2021). Linguistic representation of the concept «friendship» in the lexical and semantic system of the Russian language (according to lexicographic sources). *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky, 1:* 187—192. (In Russ.).

Bezuglaya, A. (2017). Linguoculturological analysis of the concept of «friendship» in the Russian language: paremiological and associative aspects. *Slavica Wratislaviensia*, *3773:* 161—175. (In Russ.).

Bisemalieva, V. M. (2020). The concept of «friendship» in the Russian language picture of the world. *Electronic scientific journal, 7 (36):* 41—47. (In Russ.).

Chayko, N. N., Murieva, M. V. (2020). Representation of the concept of FRIENDSHIP in German and French (based on the analysis of paremias). *Philological sciences: questions of theory and practice*, *10:* 298—302. DOI: https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.58. (In Russ.).

Chugaeva, E. S. (2016). Field structure of the concept «friendship» in the Russian phraseological picture of the world. In: Shirokov, O. N. (ed.). *Scientific and educational space: development prospects: materials of the III Intern. scientific-practical conf.: in 2 volumes: vol. 2.* Cheboksary: TsNS «Interaktiv plyus». 72—74. (In Russ.).

Konyaeva, E. V. *Modifications of the concept «Friendship» in the Russian language of the late XX — early XXI centuries: author's abstract of PhD Diss.* Ekaterinburg, 2015. 24 p. (In Russ.).

Kovshova, M. L. (2013). *Linguoculturological method in phraseology: codes of culture*. Moskva: LIBROKOM. 456 p. (In Russ.).

Krasnykh, V. V. (2002). *Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: a course of lectures.* Moskva: ITDGK «Gnozis». 284 p. (In Russ.).

Leontyeva, T. V. (2016). Lexicon of friendship: perspectives of study. *Socio-cultural space of Russia and abroad: society, education, language, 5*: 71—78. (In Russ.).

Makarova, V. V. (2019). Tell me who your friend is: a concept friend in modern Russian media discourse (based on the material of the RNC 2014). *Research Journal of Russian Language and Literature, 13:* 135—153. DOI: https://doi.org/10.29252/iarll.13.135. (In Russ.).

Oprya, E. S. (2018). Actualization of the concept «friend» in the youth usus of modern English (on the example of the nomination bro and its derivatives). *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University, 7 (196):* 38—42. (In Russ.).

Popovich, E. S. (2016). Social aspects of the development of the concept «friend» in the Russian language. *Scientific journal of KubSAU, 115 (01).* Available at: http://ej.kubagro.ru/2016/01/pdf/79.pdf (accessed 14.06.2021). (In Russ.).

Radbil, T. B. (2016). «Precedent names» as elements of the «language of culture». In: Klimkova, L. A., Suprun, V. I. (eds.). *Onomastics of the Volga region: materials of the XV International scientific conference*. 49—54. (In Russ.).

Radbil, T. B., Akhmetzhanova, G. A., Zhumagulova, Zh. Zh., Seralieva, A. E., Seralieva, G. E. (2020). DUSHA ("SOUL") and TELO ("BODY") in the Aspect of Contrastive Analysis of Cultural Concepts: Materials for the Linguo-Cultorological Phraseological Dictionary of Russian-Kazakh Correlations. *Nauchnyi dialog, 3:* 127—150. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-127-150. (In Russ.).

Radbil, T. B., Marinova, E. V., Ratsiburskaya, L. V., Samylicheva, N. A., Shumilova, A. V., Shchenikova, E. V., Vinogradov, S. N., Zhdanova, E. A. (2014). *Russian*

CC BY

of the beginning of the XXI century: vocabulary, word formation, grammar, text: collective monograph. Nizhniy Novgorod: Izd-vo NNGU im. N. I. Lobachevskogo. 325 p. (In Russ.).

Radbil, T. B., Saygin, V. V. (2019a). Concept «sin» in the context of the lexicographic description of the key concepts of Russian culture. *Voprosy Leksikografii, 15:* 36—59. DOI: 10.17223/22274200/15/3. (In Russ.).

Radbil, T. B., Yukhnova, I. S. (2019b). Artistic Expression of Russian National-Cultural Concept of River in M. Yu. Lermontov's Works. *Nauchnyi dialog*, *2:* 27—142. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-127-142. (In Russ.).

Rakhimova, I. R. (2018). National and cultural specificity of verbalization of the concept of «friendship» in English and Russian. *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe*, *4 (32):* 65—67. (In Russ.).

Shmelev, A. D. (2002). *Russian language model of the world: materials for the dictionary.* Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. 224 p. (In Russ.).

Stepanov, Yu. S. (1997). *Constants: a dictionary of Russian culture: research experience.* Moskva: Akademproekt. 989 p. (In Russ.).

Tolchina, N. Yu. (2010). Representation of the concept of «friendship» in colloquial speech (based on the Russian and Spanish languages). *Bulletin of the Moscow State Regional University: series Linguistics, 2:* 160—163. (In Russ.).

Trubaeva, E. I., Simon, S. N. (2016). Linguistic means of representing the concept of «friendship» in modern English. *Philological sciences: questions of theory and practice: part 2*, *2 (56):* 154—156. (In Russ.).

Vezhbitskaya, A. (2001). *Understanding cultures through key words.* Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. 288 p. (In Russ.).

Zaliznyak, A. A., Levontina, I. B., Shmelev, A. D. (2005). *Key ideas of the Russian language picture of the world: a collection of articles.* Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. 544 p. (In Russ.).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Борисова Е. О. Семантическая реконструкция лексики со значением скорости, образованной от глаголов перемещения объекта / Е. О. Борисова // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 28—42. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-28-42.

Borisova, E. O. (2021). Semantic Reconstruction of Vocabulary with a Speed Value Derived from Verbs of Object Movement. *Nauchnyi dialog, 8:* 28-42. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-28-42. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-28-42

Семантическая реконструкция лексики со значением скорости, образованной от глаголов перемещения объекта

Борисова Елизавета Олеговна
orcid.org/0000-0003-3749-3307
кандидат филологических наук, доцент
кафедра русского языка
для иностранных учащихся
joborisowa@yandex.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при поддержке
гранта РНФ № 20-18-00223
«Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики»

Semantic Reconstruction of Vocabulary with a Speed Value Derived from Verbs of Object Movement

Elizaveta O. Borisova
orcid.org/0000-0003-3749-3307
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of the Russian language
for foreign students
joborisowa@yandex.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:
The reported study was funded
by the Russian Science Foundation,
project number 20-18-00223
"Etymologization and semantic
reconstruction of the Russian
dialect vocabulary"

© Борисова Е. О., 2021

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются глаголы перемещения объекта субъектом, развивающие семантику низкой и высокой скорости действия. Основой исследования становится по большей части лексика русских народных говоров, однако привлекаются также факты литературного языка. Выделяется несколько лексических групп, в рамках которых могут развиваться «скоростные» значения, — в зависимости от обозначаемого глаголами способа перемещения: не отрывая от земли; силой своего движения; по воздуху; присвоение; отдача; помещение во что-либо. Внутри каждой группы описываются основные модели развития лексем с семантикой скорости, определяемые особенностями называемого действия, значением аффиксов и возможными ассоциативными рядами. Обнаруживается, что, хотя перемещение объекта субъектом — достаточно обширная лексическая группа, непосредственно в обозначениях скорости представлен ограниченный набор моделей, реализующихся с привлечением синонимичных глаголов (*тянуть*, *тащить* и *волочить*; *бросать*, *кидать*, *метать* и *швырять*; *хватать*, *хапать*, *брать* и *взять* и т. д.). Описываются корреляции семантики скорости с другими семантическими полями, возникающие в рамках данной тематической группы.

Ключевые слова:
этнолингвистика; языковая картина мира; русская диалектная лексика; семантическая деривация; глагол.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the verbs of moving an object by the subject, developing the semantics of low and high speed of action. The research is mainly based on the vocabulary of Russian folk dialects, but the facts of the literary language are also involved. Several lexical groups are distinguished, within which "speed" meanings can develop, depending on the way of movement indicated by the verbs: without lifting off the ground; by the strength of your movement; by air; appropriation; giving away; putting into something. Within each group, the main models of the development of lexemes with the semantics of speed, determined by the features of the called action, the meaning of affixes and possible associative series are described. It is found that, although the movement of an object by a subject is a fairly extensive lexical group, a limited set of models are presented directly in the designation of speed, which are implemented using synonymous verbs (*tyanut' [pull], tashchit' [drag] and volochit' [crawl along]; brosat' [throw], kidat' [cast] etc; khvatat' [grab] etc.*). The correlations of the semantics of speed with other semantic fields that arise within the framework of this thematic group are described.

Key words:
ethnolinguistics; linguistic picture of the world; Russian dialect vocabulary; semantic derivation; verb.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.161.1’373.612

Семантическая реконструкция лексики со значением скорости, образованной от глаголов перемещения объекта

© Борисова Е. О., 2021

1. Введение

Скорость — параметр измерения количества совершенных действий или изменения состояния в определенный временной промежуток. Наиболее наблюдаемым и актуальным для «наивного носителя языка» процессом, обладающим скоростью, является движение, которое, в свою очередь, на вербальном уровне наиболее яркое воплощение находит в глаголах движения, см.: [Надеина, 2013а]. Глаголы, называющие конкретные способы передвижения, и их дериваты активно развивают обобщенные значения скорости: ‘быстро’ / ‘медленно’, ‘совершать действия быстро / медленно’, ‘медлительный / расторопный человек’ и под. Л. В. Надеина отмечает особую важность семантического компонента скорости и для развития у глаголов движения переносных значений: «Компонент значения скорость, иллюстрирующий быстроту перемещения субъекта (объекта) из одного пункта в другой, принимает участие в механизме метафоризации в качестве основы переноса и является наиболее частотным в семантической сфере движения» [Надеина, 2013а, с. 179].

В настоящей статье мы рассматриваем развитие скоростной семантики у глаголов, называющих перемещение объекта субъектом. Охарактеризуем особенности развития соответствующих значений в разных лексических группах, выделенных на основе обозначаемого способа перемещения.

2. Номинации, мотивированные глаголами *тащить*, *волочить* и *тянуть*

Признак низкой скорости связывается с перемещением чего-либо без отрыва от земли: соответствующее значение развивается у глаголов *тянуть*, *тащить* и *волочить*. Действия такого типа предполагают приложение значительных усилий, движение с преодолением сопротивления, что вызывает ассоциации с замедлением, вынужденным снижением скорости и определяет продуктивность «медленных» образований от *волочить(ся)* и *тащить(ся)/таскать(ся)*: прост. *волочить* ‘замедлять, медлить с окончанием какого-либо дела, оттягивать время’ [ССРЛЯ, т. 2, с. 625], арх. *воло́чься* ‘идти медленно, с трудом’ [КСГРС], без указ. ме-

CC BY

ста *изволо́чка*, *изволо́ка* ‘промедленье, проволочка, задержка, встарь волокита’ [Даль, т. 2, с. 11], арх. *проволо́ка* ‘медлительность, пустая трата времени’ [СРНГ, т. 32, с. 100] и мн. др.; разг. *притаскиваться* ‘с трудом, медленно приходить куда-либо’ [ССРЛЯ, т. 11, с. 793], разг. *тащиться* ‘идти медленно, вяло, с трудом’, ‘ехать медленно или долго’ [ССРЛЯ, т. 15, с. 149—150]. Производные данных глаголов также реализуют типичную для «медлительности» модель отрицания способности к движению: влад., смол., курск. *невы́волока* ‘непроворный, неповоротливый толстый человек’ [СРНГ, т. 20, с. 364—365].

Действие, называемое глаголом *тянуть*, с одной стороны, аналогично *волочению* и, в представлении носителей языка, предполагает значительные усилия, ср. литер. *едва тянуть ноги* ‘идти, передвигаться медленно от болезни, утомления и т. п.’ [ССРЛЯ, т. 15, с. 1268]; иркут. *тяни́гусом* ‘медленно, с трудом’ [СРНГ, т. 46, с. 88] ← *тянуть* + *гуз*). С другой стороны, важной для скоростных номинаций составляющей семантики корня является признак «увеличения в размере», возникающего в результате обозначенного воздействия на объект (*растягивания*, ср. литер. *тянуть* ‘увеличивать в длину, в ширину вытягиванием, натягиванием’ [ССРЛЯ, т. 15, с. 1271]).

В наивном языковом сознании присутствует устойчивая корреляция между скоростью совершения работы и длительностью, то есть временем, затраченным на ее выполнение. В семантику базового наречия со значением низкой скорости — *медленно* — признак длительности эксплицитно не включен, но проявляется при образовании глагола, то есть в случае актуализации семы процессуальности, ср. *медлить* ‘слишком долго что-либо делать; не торопиться, не спешить, мешкать’ [ССРЛЯ, т. 6, с. 767]. При этом «быстрые» слова объединяют в семантической парадигме значения «высокой скорости» и «короткого срока», ср. *скорый* ‘происходящий с большой скоростью; отличающийся большой скоростью, быстротой’, ‘производимый, совершаемый быстро, без промедления, в короткий срок’ [ССРЛЯ, т. 13, с. 1033—1034], *быстрый* ‘скоро перемещающийся в пространстве, стремительный в движении, беге, полете, течении’, ‘совершающийся, происходящий в короткий промежуток времени’ [ССРЛЯ, т. 1, с. 722].

Основываясь на корреляции скорости и длительности, производные глаголов *тянуть* и *тягать* поддерживают пространственную метафору медлительности, интерпретируемой как «удлинение» затрачиваемого на выполнение действия отрезка времени (в этом отношении показательно перм. *истяга́ть время* ‘оттягивать время, намеренно медлить’ [СРНГ, т. 12, с. 267]). О семантических особенностях глагола *тянуть* пишет Г. И. Кустова: «*Тянуть* — единственный в группе глаголов перемещения объекта — приложим к ситуации, когда объект не перемещается» [Кустова, 2004, с. 177]. «Важной

CC BY

идеей в семантике *тянуть* является идея расстояния, дистанции между субъектом и объектом и связанная с ней идея протяженности, вытянутости, линии. <…> На этой же идее основан, по-видимому, перенос “пространство — время”, поскольку время концептуализировано как линия, протяженность-длительность: *тянул с ответом*; *тянул на старых запасах целый месяц*; *время (собрание) тянулось очень медленно*» [Там же, с. 177—178].

Итак, значения, связанные с медлительностью, длительностью, представлены у следующих дериватов *тянуть* и *тягать*: *тянуть* ‘медлить, мешкать или волочить, длить, долго не кончать’ [Даль, т. 4, с. 464], литер. *тянуться* ‘медленно двигаться’ [ССРЛЯ, т. 15, с. 1280], *затягивать* и *затягать* ‘волочить, проволакивать дело, медлить, длить’ [Даль, т. 1, с. 677], свердл. *растяга́ться* ‘мешкать, медленно делать, возиться’ [ДЭИС], арх. *потегу́нья* ‘медлительный человек, копуша’ [КСГРС], прибайк. *тяну́чка* ‘о медлительной, нерасторопной, ленивой женщине’ [СРНГ, т. 46, с. 92] и др., — а также во фразеологизме — новг. *как со смолы тянется* ‘что-л. происходит слишком медленно’ [Там же].

Отметим, что глаголы *волочить(ся)*, *тянуть(ся)* и *тащить(ся)* демонстрируют тенденцию создания экспрессивной «скоростной» фразеологии путем добавления «объекта воздействия»: иркут. *тянуть резину* ‘медлить, делать что-либо крайне медленно’ [ФСРГС, с. 201], общенар. *тянуть канитель* ‘затягивать какое-либо дело’ [СППП, с. 43] (образ, заложенный в основе данного фразеологизма, близок к влад., сарат. *каните́льничать* ‘канителить, медлить, мешкать’ [СРНГ, т. 13, с. 41], подробнее см. в [Березович и др., 2011, с. 292]), новг. *тянуть, как нищего за хвост* ‘делать что-л. медленно’ [СРНГ, т. 46, с. 91], пск. *как быка на баню тащить* ‘о делающем что-либо крайне неохотно, медленно и неуклюже человеке’ [СППП, с. 89], печор. *как шишка́ (лешака́) за́ волосы волочить (тянуть)* ‘медленно, с усилием что-нибудь делать’ [ФСРГНП, т. 1, с. 338], ивановск. *(тащиться) как онуча* ‘о медленно идущем человеке’ [БСРНС, с. 464] и др.

Интересно, что при нейтрализации семы протяженности дериваты гнезда **tęg-* могут участвовать в выражении значения высокой скорости. При этом, по-видимому, актуализируется семантика «тяги» как источника, мотиватора движения: прост. *дать, задать тягу* ‘поспешно убежать, спастись бегством’ [ССРЛЯ, т. 15, с. 1226] (ср. литер. *тяга* ‘тянущая, движущая сила, а также источник такой силы’ [Там же, с. 1224]), прост. *дать, задать тягача* ‘поспешно убежать, спастись бегством’ [Там же, с. 1228].

3. Номинации, мотивированные глаголом *носить*

Семантика высокой скорости формируется в словообразовательном гнезде глагола *нести* / *носить*, называющего перемещение силой

CC BY

своего движения, как правило, на весу. В «быстрых» производных глагола акцентируется процесс передвижения: «перемещать → перемещать с высокой скоростью»; отметим, что глагол *нести* относится к числу тех, которые позволяют образовать возвратные формы со значением скорости (как и некоторые другие глаголы, называющие воздействие на объект, ср., например, приведенные ниже *броско* и *бросаться*): новг. *нёско* ‘быстро, стремительно (о течении)’ [СРНГ, т. 21, с. 153], смол. *сно́сный* ‘расторопный’ [СРНГ, т. 39, с. 129], *нестись* литер. ‘двигаться вперед с большой скоростью’, разг. ‘очень быстро бежать’ [ССРЛЯ, т. 7, с. 1198—1199].

Еще одна номинация высокой скорости, производная от *носить(ся)*, связана с прототипической ситуацией передвижения в открытом транспортном средстве, с которого можно упасть при излишне быстрой езде: костр. *на вы́нос* ‘быстро, без остановки, одним махом (о езде по ухабистой дороге, в гору)’ [СРНГ, т. 5, с. 318]. Использование деривата данного глагола объясняется наличием у него семы «отделения», ср. *выноситься* ‘стремительно выбегать, выезжать, вылетать, выплывать откуда-л. или куда-л.’, ‘вырываясь откуда-л., устремляться в каком-л. направлении’ и пр. [Ефремова].

4. Номинации, мотивированные глаголами *бросать*, *кидать*, *швырять* и *метать*

На таких признаках, как резкость и однократность действия, основывается модель «резким движением, взмахом заставлять перемещаться в воздухе в каком-либо направлении → быстро делать», реализующаяся рядом синонимичных глаголов, таких как *бросать*, *кидать*, *швырять*, *метать*. По мнению Л. В. Надеиной, компонент «скорость», иллюстрирующий быстроту перемещения субъекта (объекта) из одного пункта в другой, принимает участие в механизме метафоризации в качестве основы переноса и является наиболее частотным в семантической сфере движения [Надеина, 2013б]. Перемещение по воздуху создает образ беспрепятственного перемещения и, как следствие, ассоциируется с высокой скоростью [Там же].

Глаголы *бросать*, *метать* и *швырять* образуют «скоростные» дериваты по сходным словообразовательным моделям.

1. Адвербиализованные формы имен существительных с суффиксом *-ок-* (часто в творительном падеже со значением образа действия), например: ленинг. *броско́м* ‘кое-как, в спешке’ [СРГК, т. 1, с. 120], карел. *кидко́м* ‘наскоро, кое-как, торопливо’ [СРГК, т. 2, с. 344], карел. *кидком броском* ‘то же’ — *Зять домой придет, кидком броском поест да и на пожню* [Там же], пск. *В швыро́к* ‘очень быстро, стремительно (ехать)’ [БСРП, с. 748].

CC BY

2. Прилагательные и наречия с суффиксами *-к-*, *-чив-*, *-оват-*: пск. *бро́ско* ‘скоро, поспешно’ [СРНГ, т. 3, с. 197], пск. *швы́рко* ‘быстро’ [КСРНГ], пск., твер. *побро́счивый* ‘скорый, быстрый’ [СРНГ, т. 27, с. 206], волог. *броснова́тый* ‘расторопный, разбитной, шустрый’ [СРГК, т. 1, с. 120].

3. Возвратные глаголы: *бросаться* литер. ‘быстро приниматься, поспешно начинать что-либо делать (употр. с инфинитивом в знач. знаменательной связки)’ [ССРЛЯ, т. 1, с. 645], карел. ‘делать что-н. торопливо, суетливо’ [СРГК, т. 1, с. 119], курск., орл. *вски́даться* ‘начать делать что-л. спешно, встревоженно, взволнованно’ [СРНГ, т. 5, с. 201].

Дериваты глагола *швырять* представлены, кроме этого, «скоростными» междометиями (прост. *швырь* ‘употребляется для обозначения быстрого движения (от глаг. *швырять, швырнуть*)’ [ССРЛЯ, т. 17, с. 1321] и перм. *швыр* ‘употребляется по знач. глаг. сделать что-л. быстро’ — *Только швыр да пошёл* [СПГ, т. 2, с. 547])[1].

Глагол *метать* характеризуется бо́льшим набором вариантов образования «скоростных» дериватов. Так, значение высокой скорости движения развивается непосредственно у глагола *мета́ть* арх., олон. ‘преодолевать быстро значительное расстояние (на коне)’, смол. ‘идти быстро’ [СРНГ, т. 18, с. 134—135], а также у его субстантивных дериватов с абстрактным значением — олон. *ме́том* ‘опрометью, стремглав’ [Там же, с. 142] и карел. *ме́тью* ‘быстро, стремительно’ [СРГК, т. 3, с. 235]. От слова *мечь* образовано, по мнению М. Фасмера, также литер. *опрометью* ‘во весь дух, очень быстро, стремительно’ [ССРЛЯ, т. 8, с. 966] ← *опрометь* ‘стремительный бег’ (ср. пск., твер. *опрометь* ‘очень быстрый, стремительный бег’ [СРНГ, т. 23, с. 301]) ← *мечь* [Фасмер, т. 3, с. 146], а кроме того, общий с *метать* корень имеет смол. *во́промя* ‘поспешно, быстро’ [СРНГ, т. 5, с. 97], приведенное этимологом в одном ряду с *опрометью* [Фасмер, т. 3, с. 146]. Вероятно, в результате присоединения к глагольному корню экспрессивной приставки *ше-* образовано дон. *как ше́мет* ‘о ком-л., чем-л. очень быстром’ [СРДГ, с. 671], дон. *ше́метом* ‘очень быстро, стремительно’ [Там же]: этот путь восстанавливает М. Фасмер для курск., дон. *шеметать*, *шеметиться* ‘проводить время без дела’, *шеметнуться* ‘метнуться, кинуться’ [Фасмер, т. 4, с. 427]. Наконец, от данного корня образуется обозначение субъекта быстрого действия: пск., твер. *поме́тчик* ‘проворный, быстро работающий человек’ [СРНГ, т. 29, с. 210].

Медленное действие сравнивается также с беспорядочным разбрасыванием чего-либо на основании признаков разнонаправленности, бесцельности движения, вызывающих ассоциации с непродуктивной деятельностью:

1 Подробнее о номинациях, мотивированных междометиями, см. [Борисова, 2018].

пск., твер. *варóх* ‘обозначает беспорядочное кидание, разбрасывание без толку’ [СРНГ, т. 5, с. 124] → пск., твер. *ворóх* ‘употребляется для обозначения медленного исполнения, совершения чего-либо’ [Там же]; пск., твер. *шарох-варох* ‘означает медленное исполнение какого-либо дела’ [Там же].

5. Номинации, мотивированные глаголами *хватать*, *ловить* и *брать* (*взять*)

Большую донорскую группу для лексики быстроты составляют глаголы присвоения (*хватать*, *ловить*, *взять* и др.), значения которых, актуальные для образования «скоростной» лексики, могут быть разделены на два типа — ‘брать, захватывать’ и ‘овладевать чем-либо’. В первом случае значение высокой скорости базируется на таком признаке, как способность к совершению действия: «хватать → способный схватить → ловкий, быстрый» (ср. башкир. *хватýщий* ‘ловкий, цепкий, быстрый в работе’ — *А невеска-то у йей хватуш’шийа: вез’де успеват, и ф колхозе роботат* [СРГБаш: хватущий], арх. *ухвáткий* ‘ловкий, проворный, умелый’ [КСГРС]). По этой модели развивается значение *ловкий* литер. ‘обладающий физической сноровкой, искусный в движениях’ [ССРЛЯ, т. 6, с. 312], ряз. ‘такой, который быстро, умело и хорошо делает что-л.; способный хорошо работать’ [Деулино, с. 280] ← *ловить* [ЭССЯ, т. 16, с. 114], а также многочисленных производных от глагола *хватать*: литер. *ухватистый* ‘ловкий, проворный, расторопный’ [ССРЛЯ, т. 16, с. 1103], волог. *ухвáтывать* ‘быстро, хорошо работать’ [СРГК, т. 6, с. 662], дон. *похватнóй* ‘быстрый, проворный’ [СРНГ, т. 30, с. 344], ряз. *похватчéй* ‘более быстрый, более ловкий, более быстро, более ловко’ [Там же] и др. Признак ловкости, высокой скорости реакции, необходимой для «схватывания», лежит, вероятно, и в основе таких обозначений поспешности, как урал. *схвáту* ‘быстро, второпях’ [СРНГ, т. 43, с. 54], пск., смол. *похвáтываться* ‘поторопиться, поспешить что-л. сделать’ [СРНГ, т. 30, с. 345].

Во втором случае «скоростная» семантика у глаголов присвоения «стартует» из значения овладения (ср. *брать* ‘завладевать кем-, чем-либо’ [ССРЛЯ, т. 1, с. 613], *хватать* ‘брать, захватывать что-нибудь’ [ССРЛЯ, т. 17, с. 76] и др.), актуализирующего при деривации сему большого количества: *хватать* → *охватывать* → арх. *охвáтывать* ‘быстро что-либо делать, быстро работать’ [СРНГ, т. 25, с. 28]; *отхватывать* → вят. *отхвáтывать* ‘быстро бежать’ [СРНГ, т. 24, с. 351]; *брать* → влад., волог. *бóрко* ‘быстро, скоро’ — *Отпусти возжи — так борчее кони пойдут* [СРНГ, т. 3, с. 101]; *хапать* → карел. *хап* ‘о человеке, который работает быстро, в полную силу’ [СРГК, т. 6, с. 703], волог., ленинг., карел. *хáпúстый* ‘жадный до работы, дела’ [Там же, с. 704], карел. *хáпкий* ‘быстрый, проворный’ [Там же]. Интерпретация при-

CC BY

знака большого количества проявляется и в других лексических значениях этих слов: карел. *хап* ‘жадный человек’ [Там же, с. 703], карел. *хáпи́стый* ‘жадный, скупой’ [Там же, с. 704] и т. п.). Приведенные примеры демонстрируют корреляцию быстроты и скупости на уровне общности мотивационных моделей, ср. наблюдение А. А. Едалиной: «Такая особенность жадного человека, как чрезмерное желание чем-либо обладать, напрямую оказывается сопряжена с характером совершаемых действий. Жадный человек готов броситься на добычу (сарат. *броский* ‘жадный’ [СРНГ, т. 3, с. 197]), падок на что-либо» [Едалина, 2013, с. 35].

Связь семантики трудолюбия (а способность быстро и много работать, безусловно, свидетельствует о нем в представлении носителя традиционной культуры) и скупости, проявленную в приведенных нами примерах (*хап*, *хапистый*), отмечает также М. А. Еремина: анализируя прилагательные *пáдкий* ‘способный, умелый, старательный’, *вáлкий* ‘прилежный, старательный, трудолюбивый’ (арх.), она отмечает, что «нисходящее перемещение, заканчивающееся контактом с объектом, будучи соотнесено с ценностной ориентационной шкалой “верх — хорошо, низ — плохо”, может иметь еще одно семантическое продолжение — в виде семантики жадности, ср. *припадчивый* ‘жадный’ (пск., твер.), *валкий* ‘алчный, завистливый’ (арх.), *падкий* ‘завистливый’ (арх.), демонстрируя (особенно ярко при общности лексических форм) смысловые параллели между двумя идеями» [Еремина, 2003, с. 97].

Названные факты пересекаются с еще одной «быстрой» моделью. Так, лексика, образованная от глаголов присвоения, может реализовывать признаки помещения чего-л. куда-л. и, как следствие, вместимости и большого объема, применительно к скорости создающие образ быстроты как «вместимости» действий во временной промежуток, ср. показательные контексты: свердл. *ёмкой* ‘крепкий, сильный физически, здоровый, ловкий, проворный’ — *Жать она была ёмкая, выжнет большущую постать <участок> за день* [СРГСУ, т. 1, с. 152]; свердл., перм. *ёмко* ‘быстро, проворно’ — *Ёмко подёте, за час дойдёте* [ДЭИС]. Образ высокой скорости через признак большого объема создается следующими лексемами: *ёмкий* южн.-сиб., перм., краснояр. ‘быстрый, выносливый в работе’, волог., свердл., тобол., курган., иркут. ‘ловкий, проворный, удалой (в работе)’ [СРНГ, т. 8, с. 356], перм. ‘обладающий сноровкой, бойкий, проворный, быстрый’ [СПГ, т. 1, с. 247].

Представляется, что строгой границы между приведенными фактами (*борко*, *хапкий* и др. — с одной стороны, и *ёмко*, *ёмкий* — с другой) на уровне внутренней формы и механизма возникновения значения высокой скорости нет, ср. идентичные контексты: «*Отпусти возжи — так борчее*

кони пойдут» и «*Ёмко подёте, за час дойдёте*». Разница видится в том, что во втором случае признак большого объема закреплен в лексическом значении (ср. литер. *ёмкий*), что — в сочетании с утратой соответствующего бесприставочного глагола присвоения **jęti* ‘брать’ — оказывает влияние на восприятие данных номинаций. Отметим также, что от **jęti* образована еще одна «скоростная» лексема: влад., иван. *проя́тный* ‘проворный, расторопный’ [СРНГ, т. 33, с. 61] (для основы *-ятный* восстанавливается праслав. форма **jętьnъ*, **jętъ* ‘взятый’ [Фасмер, т. 4, с. 568]).

6. Номинации, мотивированные глаголом *дать*

Перемещение объекта, противоположное присвоению, — о т д а ч а — обозначается глаголом *дать (давать)* и его дериватами, среди которых наличием коннотативной семантики высокой скорости характеризуется *подать / подавать*. Так, имплицитно признак быстроты представлен в непосредственно глагольном значении: новосиб. *подавать* ‘работать в полную силу, с большой отдачей’ — *У старого человека нет подачи, ни черта не подает* [СРНГ, т. 27, с. 326]. Исходя из прямого значения глагола, можно предположить, что при номинации акцентируется умение взаимодействовать с другими участниками трудового процесса; к этой модели, по-видимому, относятся арх. *подано* ‘быстро, споро, хорошо’ [КСГРС], арх. *податно* ‘быстро, успешно’ [Там же] и *пода́тный* урал., перм, тюмен., амур. ‘ловкий, спорый’ [СРНГ, т. 27, с. 332]. Дериваты корня *дать* реализуют признак «легко *поддающийся* воздействию» (ср. литер. *податливый* ‘легко изменяющий свою форму под давлением, под каким-л. воздействием’ [Ефремова], *податный* амур., свердл., дон. ‘легко поддающийся обработке’, казан., влад., урал., свердл., зап., южн. сиб. ‘сговорчивый, уступчивый, податливый’ [СРНГ, т. 27, с. 332]), что дает импульс для характеристики деятельности, осуществляемой с высокой скоростью: волог. *подаваться* ‘продвигаться вперед (о работе, деле и т. п.)’ [Там же, с. 327] (ср. ворон. *подаваться* ‘поддаваться воздействию чего-л., изменяться под воздействием чего-л.’). С этим же значением податливости, реакции на воздействие связана характеристика лошади как животного, выступающего в инструментальной функции при перемещении: якут. *пода́тный* ‘быстрый, стремительный (о лошади)’ [Там же, с. 332].

7. Номинации, мотивированные глаголами *совать(ся)* и *нырять*

Особым типом перемещения является п о м е щ е н и е (с у б ъ е к т о м с е б я и л и к а к о г о - л и б о о б ъ е к т а) в о ч т о - л и б о. В номинации скорости данная семантическая группа представлена двумя глаголами: *совать(ся)* ‘вкладывать, вталкивать, вдвигать куда-либо’ [ССРЛЯ, т. 14,

CC BY

с. 55] и *нырять* ‘погружаться в воду с головой’ [ССРЛЯ, т. 7, с. 1458]. В обоих случаях, по всей видимости, актуальны такие признаки называемых данными глаголами действий, как резкое однократное усилие в начале и смена среды / местоположения: казаки-некрас. *сова́ться* ‘о быстром совершении какого-либо действия’ [СРНГ, т. 39, с. 178], казаки-некрас. *су́нуться* ‘о быстром совершении какого-либо действия’ — *Ходоки приехали, я сунулася переделася*; *Сунулась причесала голову*; *Влезла она в хату, сунулась затирки сварила* [Там же, с. 179], *совко́й* волог. ‘ловкий, быстрый’, новг. ‘быстрый, проворный, бойкий’ [Там же, с. 189]; мурман. *ныркóм* ‘незаметно, быстро’ [СРГК, т. 4, с. 56], мурман., карел. *ны́ром* ‘быстро, мигом’ — *Возьмите по конфетке. Ну, и что же, что наелись, конфетка-то ныром* [Там же, с. 57]. Сюда же, возможно, следует отнести арх. *но́ром* ‘быстро, бегом с разбегу’ [КСГРС]: М. Фасмер, анализируя глагол *нырять*, отмечает, что наряду с формами на *-ы-* «существуют формы чередования *е/о* <…>, ср. на *о*: чеш. *nořiti*, слвц. *norit’*» [Фасмер, т. 3, с. 91—92]. Прототипическая ситуация погружения субъекта в воду представлена и в пск. *В ви́р головушкой* ‘очень быстро, опрометью’ [СППП, с. 21] (ср. пск. *вир* ‘глубокое место в реке или озере; омут, водоворот, пучина’, ‘топкое место’ [СРНГ, т. 4, с. 291]).

Отметим, что сочетанием значений помещения и быстрого движения характеризуется глагол арх. (онеж.) *ши́хать* ‘совать, толкать, вертя, двигая взад и вперед, в стороны’ и ‘быстро двигаться, ударяясь во что-н.’ [СРГК, т. 6, с. 879]. Специфика значения помещения (чего-л. куда-л.), связанного с описанием разнонаправленного движения, дает также импульс для развития семантики медлительности: арх. (онеж.) *ши́хаться* ‘копаться, делать что-нибудь медленно’ [Там же].

8. Заключение

Быстрота как признак, описывающий скорость движения и изменение состояния во времени, нередко включена в семантику глаголов и актуализируется при семантической и словообразовательной деривации. В настоящей статье мы рассмотрели модели образования «лексики скорости» от глаголов перемещения объекта субъектом. Было установлено, что, несмотря на значительный объем данной глагольной группы в русском языке, для обозначений скорости привлекается несколько рядов синонимичных лексем: значения глаголов перемещения, выступающие донорскими для лексики быстроты и медлительности, отчетливо распадаются на несколько типов. В соответствии с ними было выделено шесть параграфов, в заголовки которых мы вынесли мотивирующие глаголы: перемещение волоком (*тянуть*, *тащить* и *волочить*); перемещение силой своего движения (*носить*); перемещение по воздуху в определенном направлении (*бросать*,

CC BY

кидать, *швырять* и *метать*); присвоение (*хватать*, *ловить* и *брать* / *взять*); отдача (*дать*); помещение во что-либо (*совать*).

Движение с низкой скоростью наиболее часто сравнивается на основании признака значительности прилагаемых к действию усилий с перемещением чего-либо по земле, волочением. Данный мотив, дополняющийся в ряде ситуаций акцентом на неспособности к движению, проявлен и в разговорно-просторечной, и в диалектной лексике (разг. *тащиться*, прост. *волочить*, арх. *проволо́ка*, влад., смол., курск. *невы́волока*).

Для лексики высокой скорости, ассоциирующейся, напротив, с безусильностью и легкостью, в роли мотивирующих выступают глаголы инициируемого субъектом перемещения объекта по воздуху (*бросать*, *метать* и под.). Называемое ими действие — *бросок* — не предполагает обязательной скоростной характеристики, однако на развитие значений быстроты влияет его образ: резкий толчок и следующий за ним полет, не встречающий препятствий и видимого сопротивления. Внутри данного синонимического ряда глаголов дериваты со значением скорости образуются по сходным моделям: прежде всего это адвербиализованные формы отглагольных существительных (карел. *кидко́ми*, пск. *в швыро́к*) и возвратные формы глаголов (карел. *бросаться*, курск., орл. *вски́даться*).

Дериваты антонимичных в прямом значении глаголов присвоения и отдачи *брать* и *давать* одинаково развивают семантику высокой скорости. В номинациях, мотивированных глаголами присвоения, проявляется корреляция быстроты с ловкостью, умелостью, хорошей реакцией, с одной стороны, и «жадностью до работы», с другой. Производные глагола *дать*, по-видимому, эксплицируют идеи взаимодействия (ср. арх. *подано* ‘быстро, споро, хорошо’) и — применительно к объектам и хозяйственным животных — способности «откликаться» на воздействие, *поддаваться* (якут. *пода́тный* ‘быстрый, стремительный (о лошади)’).

Таким образом, номинации, мотивированные глаголами перемещения объекта субъектом, в большинстве случаев отражают представления о высокой скорости, актуализируя признаки безусильности, легкости, резкости, внезапности, большого объема, податливости. Компонент ‘низкая скорость’ развивается в семантике дериватов глаголов, называющих перемещение по земле, которое предполагает приложение значительных усилий для преодоления сопротивления.

Источники и принятые сокращения

1. БСРНС — *Мокиенко В. М.* Большой словарь русских народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2008. — 800 с. — ISBN 978-5-373-01351-2.

2. БСРП — *Мокиенко В. М.* Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2008. — 785 с. — ISBN 978-5-373-05079-1.

3. Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. — 2-е изд. — Санкт-Петербург ; Москва : Изд. М. О. Вольфа, 1880—1882 (1989).

4. КСГРС — Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

5. СППП — *Словарь* псковских пословиц и поговорок / Санкт-Петербургский государственный университет, Межкафедр. словар. каб. им. проф. Б. А. Ларина, сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, науч. ред. Л. А. Ивашко, отв. ред. Л. А. Карпова. — Санкт-Петербург : Норинт, 2001. — 176 с. — ISBN 5-7711-0118-4.

6. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров / главный редактор Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. — Москва ; Ленинград ; Санкт-Петербург : Наука, 1965. — Выпуск 1. — 306 с.

7. ССРЛЯ — *Словарь* современного русского литературного языка : в 17 т. / ред. В. И. Чернышев. — Москва ; Ленинград : Наука, 1948—1965.

8. ФСРГНП — *Фразеологический* словарь русских говоров Нижней Печоры : в 2 т. / сост. Н. А. Ставшина. — Санкт-Петербург : Наука, 2008. — ISBN 978-5-02-025261-5.

9. ФСРГС — *Фразеологический* словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Федорова. — Новосибирск : Наука, 1983. — 232 с.

Литература

1. *Березович Е. Л.* Канителиться, конопатиться и размузыкивать : семантические модели медлительности в русском языке / Е. Л. Березович, Е. О. Борисова // Пространство и время в языке и культуре. — Москва : Индрик, 2011. — С. 288—303. — ISBN 978-5-91674-140-7.

2. *Борисова Е. О.* Звуковой код в обозначениях скорости (на материале русских народных говоров) / Е. О. Борисова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. — 2018. — № 3. — С. 136—150. — DOI: 10.15826/izv2.2018.20.3.051.

3. *Едалина А. А.* Взаимодействие семантических областей «Еда» и «Жадность» в русских народных говорах / А. А. Едалина // Научный диалог. — 2012. — № 12. — С. 21—29.

4. *Едалина А. А.* Русская диалектная лексика со значением жадности : мотивационный анализ / А. А. Едалина // Вестник Пермского университета. — 2013. — Выпуск 2 (22). — С. 31—36.

5. *Еремина М. А.* Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду» в русских народных говорах : этнолингвистический аспект : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.01 / М. А. Еремина. — Екатеринбург, 2003. — 253 с.

6. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова [Электронный ресурс]. — Москва : Дрофа ; Русский язык, 2000. — Режим доступа : http://www.efremova.info (дата обращения 20.02.2021).

7. *Красовская Н. А.* Организация антропоцентрической глагольной лексики в русских говорах / Н. А. Красовская // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2014. — Выпуск 3. — С. 212—220.

8. *Кустова Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г. И. Кустова. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 472 с. — ISBN 5-9551-0022-9.

9. *Надеина Л. В.* «И ввысь лететь как вниз» : компонент «скорость» в метафоризации сферы движения (на материале глаголов движения в русских народных говорах) / Л. В. Надеина // Сибирский филологический журнал. — 2013а. — Выпуск 4. — С. 169—179.

10. *Надеина Л. В.* Образное осмысление перемещения субъекта из замкнутого пространства вовне (на материале глаголов движения в русских народных говорах) / Л. В. Надеина // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2013б. — № 07 (98). — С. 70—73.

11. *Надеина Л. В.* Перемещение ползком и волоком в образном отражении (на материале глаголов движения в русских народных говорах) / Л. В. Надеина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2010. — № 1 (5). — Ч. II. — С. 154—158.

12. *Надеина Л. В.* Семантика движения в отражении русской языковой диалектной метафоры : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Л. В. Надеина. — Томск, 2007. — 25 с.

13. *Петлева И. П.* О семантических истоках слов со значением ‘скупой’ в русском языке / И. П. Петлева // Этимология 1970. — Москва : Наука, 1972. — С. 207—216.

14. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. — Москва : Прогресс, 1986—1987.

Material resources

BSRNS — Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2008). *The Great Dictionary of Russian folk comparisons.* Moscow: OLMA Media Group. 800 p. ISBN 978-5-373-01351-2. (In Russ).

BSRP — Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2008). *Big dictionary of Russian sayings.* Moscow: OLMA Media Group. 785 p. ISBN 978-5-373-05079-1. (In Russ).

Dal — Dal, V. I. (1880—1882 (1989)). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language in 4 volumes-2nd ed.* St. Petersburg; Moscow: Publishing House of M. O. Wolf. (In Russ).

FSRGNP — *Phraseological dictionary of Russian dialects of the Lower Pechora: in 2 vols.* (2008). Saint Petersburg: Nauka. ISBN 978-5-02-025261-5. (In Russ).

FSRGS — *Phraseological dictionary of Russian dialects of Siberia.* (1983). Novosibirsk: Nauka. 232 p. (In Russ).

KSGRS — *Dialect Dictionary of the Russian North (Department of Russian Language and General Linguistics of the UrFU, Yekaterinburg).* (In Russ).

SPPP — *Dictionary of Pskov proverbs and sayings / St. Petersburg State University, Interdepartmental Department. dictionary. kab. im. prof. B. A. Larin.* (2001). St. Petersburg: Norint. 176 p. ISBN 5-7711-0118-4. (In Russ).

SRNG — *Dictionary of Russian folk dialects, 1.* (1965). Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka. 306 p. (In Russ).

SSRLYa — *Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 vols.* (1948—1965). Moscow; Leningrad: Nauka. (In Russ).

References

Berezovich, E. L., Borisova, E. O. (2011). To be canyled, caulk and unmusk: semantic models of slowness in the Russian language. In: *Space and time in language and culture.* Moscow: Indrik. 288—303. ISBN 978-5-91674-140-7. (In Russ).

Borisova, E. O. (2018). Sound code in speed designations (based on the material of Russian folk dialects). *Proceedings of the Ural Federal University. Series 2. Humanities, 3:* 136—150. DOI: 10.15826/izv2.2018.20.3.051. (In Russ).

Edalina, A. A. (2012). Interaction of Semantic Areas "Food" and "Greed" in Russian Folk Dialects. *Nauchnyi dialog, 12:* 21—29. (In Russ).

Edalina, A. A. (2013). Russian dialect vocabulary with the meaning of greed: motivational analysis. *Bulletin of the Perm University, 2 (22):* 31—36. (In Russ).

Efremova, T. F. (2000). *New dictionary of the Russian language. Explanatory-word-formation.* Moscow: Bustard; Russian language. Available at: http://www.efremova.info (accessed 20.02.2021). (In Russ).

Eremina, M. A. (2003). *Lexico-semantic field "The attitude of a person to work" in Russian folk dialects: ethnolinguistic aspect.* PhD Diss. Yekaterinburg. 253 p. (In Russ).

Fasmer, M. (1986—1987). *Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes.* Moscow: Progress. (In Russ).

Krasovskaya, N. A. (2014). Organization of anthropocentric verbal vocabulary in Russian dialects. *Proceedings of the Tula State University. Humanities, 3:* 212—220. (In Russ).

Kustova, G. I. (2004). *Types of derived meanings and mechanisms of language expansion.* Moscow: Languages of Slavic culture. 472 p. ISBN 5-9551-0022-9. (In Russ).

Nadeina, L. V. (2007). *Semantics of movement in the reflection of the Russian language dialect metaphor.* Author's abstract of PhD Diss. Tomsk. 25 p. (In Russ).

Nadeina, L. V. (2010). Moving by crawling and dragging in a figurative reflection (based on the material of verbs of movement in Russian folk dialects). *Philological sciences. Questions of theory and practice, 1 (5) / II:* 154—158. (In Russ).

Nadeina, L. V. (2013a). "To fly up And down": the "speed" of metaphorization in the scope of the movement (based on the verbs of motion in Russian folk dialects). *Siberian journal of Philology, 4:* 169—179. (In Russ).

Nadeina, L. V. (2013b). Figurative understanding of the subject's movement from a closed space outside (based on the material of verbs of movement in Russian folk dialects). *Bulletin of the Trans-Baikal State University, 07 (98):* 70—73. (In Russ).

Petleva, I. P. (1972). On the semantic origins of words with the meaning of 'stingy' in the Russian language. *Etymology 1970.* Moscow: Nauka. 207—216. (In Russ).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Иоанесян Е. Р. Один класс предикатов, отражающих концептуализацию времени как ресурса / Е. Р. Иоанесян // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 43—56. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-43-56.

Ioanesyan, E. R. (2021). One Class of Predicates Reflecting Conceptualization of Time as a Resource. *Nauchnyi dialog, 8:* 43-56. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-43-56. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-43-56

Один класс предикатов, отражающих концептуализацию времени как ресурса

Иоанесян Евгения Рафаэлевна
orcid.org/0000-0002-4950-6315
доктор филологических наук
ведущий научный сотрудник
ioanevg@mail.ru

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

One Class of Predicates Reflecting Conceptualization of Time as a Resource

Evgeniya R. Ioanesyan
orcid.org/0000-0002-4950-6315
Doctor of Philology
Leading Researcher
ioanevg@mail.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

© Иоанесян Е. Р., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследование, представленное в статье, проводилось в рамках концептуально-метафорической теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Одной из концептуальных метафор, относящихся к числу концептуальных метафор европейской культуры, является метафора ВРЕМЯ — ЭТО ОГРАНИЧЕННЫЙ РЕСУРС, ВРЕМЯ — ЭТО ЦЕННОСТЬ. Концептуализация времени как ресурса может имплицировать оценку того или иного способа расходования времени, в частности, негативно, как потерю. Значение ‘терять время’ отмечается у русского глагола *терять*, французских *perdre*, *gaspiller*, испанского *perder*, итальянского *perdere*, английских *lose*, *waste*, *misspend*, *squander*, немецкого *verlieren* и др. В статье на примере русского глагола *терять* представлены классы употреблений этих предикатов в указанном значении, а также отмечены некоторые особенности французских и английских единиц, отражающих специфические черты картины мира этих языков. Исследование опирается на большой корпус толковых и двуязычных словарей, на данные лингвистических корпусов. Актуальность исследования определяется тем, что, как отметили авторы концептуальной теории метафоры, основные ценности культуры согласуются с метафорическими структурами ее базовых концептов. Актуальность исследования определяется также тем, что изучение метафорических концептов является одним из способов реконструкции языковой картины мира.

Ключевые слова:
лексическая семантика; концептуальная метафора; метафорические концепты; лингвоспецифичность; языковая картина мира.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The research presented in the article was carried out within the framework of the conceptual and metaphorical theory of J. Lakoff and M. Johnson. One of the conceptual metaphors related to the conceptual metaphors of European culture is the metaphor TIME IS A LIMITED RESOURCE, TIME IS A VALUE. The meaning ‘to waste time’ is noted in the Russian verb *to lose*, French *perdre, gaspiller*, Spanish *perder*, Italian *perdere*, English *lose*, *waste, misspend, squander*, German *verlieren*, etc. Using the example of the Russian verb *to lose*, the classes of use of these predicates in the indicated meaning are presented in the article, as well as some features of the French and English units reflecting the specific features of the worldview of these languages are noted. The research is based on a large corpus of explanatory and bilingual dictionaries, data from linguistic corpuses. The relevance of the study is determined by the fact that, as it has been noted by the authors of the conceptual theory of metaphor, the basic values of culture are consistent with the metaphorical structures of its basic concepts. The relevance of the study is also determined by the fact that the study of metaphorical concepts is one of the ways to reconstruct the linguistic picture of the world.

Key words:
lexical semantics; conceptual metaphor; metaphorical concepts; linguistic specificity; linguistic picture of the world.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 81’37+81’367.332.7

Один класс предикатов, отражающих концептуализацию времени как ресурса

© Иоанесян Е. Р., 2021

1. Вводные замечания

Наше исследование проводилось в рамках концептуально-метафорической теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф и др., 2008]. К числу концептуальных метафор, выделенных этими учеными, относится метафорическая модель «ВРЕМЯ — ЭТО ДЕНЬГИ»: «Время в нашей культуре — ценность. Это ограниченный ресурс, который мы используем для достижения своих целей. <…> Из метафоры ВРЕМЯ — ЭТО ДЕНЬГИ следует метафора ВРЕМЯ — ЭТО ОГРАНИЧЕННЫЙ РЕСУРС, из которой следует метафора ВРЕМЯ — ЭТО ЦЕННОСТЬ» [Там же, с. 28—30].

Цель исследования — описание одного класса предикатов, отражающих концептуализацию времени как ограниченного ресурса. Имплицитным следствием концептуализации времени как ресурса является оценка того или иного способа его расходования, в частности, негативная — как потеря времени. В значении ‘терять время’ выступают русский глагол *терять*, французские *perdre*, *gaspiller*, испанский *perder*, итальянский *perdere*, английские *lose*, *waste*, *misspend*, *squander*, немецкий *verlieren* и др.

В статье представлены основные классы употреблений этих предикатов в указанном значении, а также отмечены некоторые особенности французских и английских единиц, отражающих специфические черты картины мира этих языков.

Материалом для анализа явились данные толковых и двуязычных словарей, лингвистических корпусов. Актуальность исследования обусловлена тем, что изучение метафорических концептов является одним из способов реконструкции языковой картины мира.

2. Основные положения

Мы выделили несколько классов употреблений предикатов, отражающих концептуализацию времени как ограниченного ресурса в интересующем нас аспекте, которые мы продемонстрируем на примере русского глагола *терять*.

I. Неправильное расходование времени, выделенного на достижение цели человека.

Этот класс употреблений представлен в языке четырьмя подклассами.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

I.1. Выбран неправильный вариант решения задачи, который не может привести к достижению цели, например: (1) *Чаще всего человек, обратившийся к знахарям, теряет время для необходимого лечения и его болезнь усугубляется* (В. В. Мезенцев, К. С. Абильханов. Чудеса: Популярная энциклопедия, 1991). Обращение к знахарям расценивается как выбор неправильного способа лечения, который не может привести к избавлению человека от болезни. (2) *Зимой Феррис построил в Пуле еще одно шасси PC1-02. Но уже на первых этапах чемпионата в Южной Америке стало ясно, что максимум, на что может рассчитывать Penske с такой машиной, — место в десятке. В Зандфорте дебютировала новая узкобазная машина PC1-03, но лишь восьмое место в Голландии и поломка полуоси в Ле-Кастеле окончательно уверили Роджера в том, что совершенствуя PC1, команда лишь теряет время* (Владимир Маккавеев. Четыре жизни Серого Роджера // «Формула», 2002.05.15) (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источников. — *Е. И.*). После нескольких попыток стало очевидным, что автомобиль нужно менять, попытки его усовершенствовать результата не дадут, это — потерянное время. (3) *Пока продавец пищевых добавок богател, его клиенты теряли драгоценное время, которое могли бы потратить на реальное лечение серьезных заболеваний* (Георгий Мултыков. Чуда не произошло // lenta.ru, 2019.08.18). (4) *Жоффру следовало бы использовать оперативное значение этого разрыва, между тем он пытается осуществить охват германцев западнее Уазы, теряя время на его организацию, вместо того чтобы направить главные усилия между 1-й и 2-й германскими армиями* (А. К. Коленковский. Маневренный период)[1].

Высказывания с глаголом *терять* в этом значении синонимичны высказываниям с оценочными *зря* и *напрасно* — *напрасно*$_3$ в классификации Анны А. Зализняк: «высказывание с оценочным *напрасно* равносильно утверждению, что выбор был сделан неправильно» [Зализняк, 2006, с. 121]. Часто *напрасно* и *зря* присутствуют и в поверхностной структуре предложения, например: (1) *Все равно все переговоры об освобождении Пьера ведутся между Петербургом и Тифлисом… Я сама лично, без помощи русской власти, ничего сделать не могу; все эти Абдул Валиевы или дураки, или плуты, Шамиль с ними и разговаривать не хочет… Если он кого-нибудь и признает еще, то исключительно главнокомандующего войсками, я только теряю напрасно время* (Ф. Ф. Тютчев. На скалах и долинах Дагестана, 1903). Героиня констатирует, что выбранный ею вариант решения проблемы освобождения Петра не приведет к достижению цели — ни с ней, ни с посредниками Шамиль не станет вступать в переговоры. Един-

1 Все примеры из газет, журналов и книг здесь и далее взяты из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

ственно правильным решением проблемы было бы обращение к главнокомандующему. (2) *Для меня дѣло было ясно: съ момента возвращенія Атабая — надо было уходить на Памиръ. Настаивать на пропускѣ и вести переговоры — значило терять время напрасно* (Д. Л. Иванов. Шугнан. Афганистанские очерки // Вестник Европы, № 7. 1885). Дается негативная оценка выбора переговоров в качестве решения проблемы: они не приведут к достижению цели.

I.2. Выбран неправильный вариант решения задачи, требующий бóльшего количества времени, чем это в действительно необходимо для решения задачи: (1) *Все они — участники системы ЭОКС: Электронная Отчетность по Каналам Связи Компания Такском — специализированный оператор связи системы ЭОКС. Компания Такском — специализированный оператор связи системы ЭОКС. ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ! Зачем терять время в очередях? Вы можете сдать всю отчетность, не покидая своего офиса* (Информация // «Финансы и кредит», 2003.02.17). Правильный вариант решения задачи — электронный отчет, второй вариант расценивается как потеря времени. (2) *И зачем терять время на строительство и монтаж оборудования, если есть возможность купить уже действующую компанию* (Екатерина Шохина. Откормить и продать // Эксперт, 2004.12.13). (3) «*Если бы мы не экспериментировали с freemium, а сразу начали использовать limited time trial, мы бы не теряли лишнего времени, — говорит Алексей Айларов* (Елена Краузова. Как сменить стратегию стартапа и не потерять бизнес // РБК Дейли, 2013.11.07). (4) *Под лампочкой сидел за маленьким случайным столиком опрятный черноволосый майор НКВД. Терпеливая скука — вот было главное выражение его лица. Он зря терял время, пока зэков приводили и отводили по одному. Собрать подписи можно было гораздо быстрей* (А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг, 1958—1973).

В этом значении тоже наличествует смысл ‘напрасно’, но в отличие от случая, рассматриваемого в п. I. 1, где речь шла о принципиальной невозможности достижения цели избранным путем, здесь сравниваются два возможных способа ее реализации, один из которых оценивается негативно, как требующий больше времени и больше усилий, и осмысляется как напрасная трата времени.

I.3. Выбран неправильный вариант решения задачи, включающий случаи расходования времени на какие-то бесполезные, «лишние», действия, которые не могут привести к решению поставленной задачи, например: *Организация производственной практики осуществляется по прямым договорам. Часто, к сожалению, ее прохождение — это пустая формальность. Нередко практиканты используются на предприятиях, в учреждениях, организациях на подсобных работах. И заметьте — это длительная*

CC BY

по времени практика (до 6 месяцев), где просто теряется учебное время. Как итог: учащиеся разочарованы, необходимые практические навыки не приобретены (Владимир ЩЕРБА. Мурманский индустриальный лицей: в Новый год с новыми планами! // Комсомольская правда, 2010.12.28). Прохождение практики не привносит ничего полезного в процесс получения образования, практика лишь отнимает время от действительно нужных занятий.

II. **Время расходуется на недостижимые цели**.

В отличие от п. I., где оценивалась правильность выбранного способа достижения поставленной цели, в данном случае сообщается о невозможности осуществления поставленной задачи в принципе, например: *Иван очень упрямый, ты его не переубедишь, только время потеряешь*. В этом же пункте мы рассматриваем случаи употребления глагола *терять* в значении простой констатации безуспешности, бесплодности действий человека, например: *Иван потерял два часа, пытаясь дозвониться в поликлинику.*

Высказывания с глаголом *терять* в этом значении синонимичны высказываниям с *напрасно*, *зря в* значении «неэффективности действия», *напрасно 1*, *зря 1* в классификации Анны А. Зализняк [Зализняк, 2006, с. 117] — ‘действие не достигнет / не достигло результата’. Часто *напрасно*, *зря*, *впустую* присутствуют и в поверхностной структуре предложения, например: (1) *Я считаю, грубо говоря, что ты теряешь время напрасно, стремясь к явно недостижимой цели* (Г. А. Газданов. Эвелина и ее друзья, 1968). (2) *Рассчитайте силы. Чем быстрее вы поймете, что вам выполнить по силам, а что нет, тем лучше. Пытаясь объять необъятное, вы теряете время впустую* (trud.ru. 50 карьерных советов, как работать меньше и лучше // Труд-7, 2010.05.21). Цель не может быть достигнута — невозможно объять необъятное. (3) *Процессии по Нариманову заставили потерять зря много времени и не достигнуть цели* (П. К. Козлов. Географический дневник Тибетской экспедиции 1923—1926 гг. № 3 (1924—1925)).

III. **Время расходуется на недостойные цели или занятия.**

Приведем несколько примеров употребления рассматриваемых предикатов в указанном значении: (1) *Вы реалистка только в том смысле, что Вы не сентиментальны и не любите терять время на бесплодную и пошлую мечтательность, свойственную многим женщинам* (П. И. Чайковский. Письма Н. Ф. фон-Мекк, 1877). (2) *— За что же, — говорил Добролюбов, — заставлять читателя терять время на ненужную болтовню автора, разводящего на трех страницах мысль, которую можно выразить двумя фразами; да и добро бы, если бы эта мысль была нова, а то самая избитая* (А. Я. Панаева. Воспоминания, 1889—1890). (3) *Чувствовалось, что тебе было жаль терять время на Конан Дойла, но ведь*

CC BY

мне мое время так же дорого, как тебе твое (К. И. Чуковский, Н. К. Чуковский. Переписка Корнея и Николая Чуковских, 1941). (4) *Раздражающий перерыв в действии, когда вдруг вспоминаешь, что у тебя полно неотложных дел, а ты сидишь здесь, теряешь время на какую-то чепуху* (Дина Рубина. Камера наезжает, 1993—1994). (5) <…> в *той квартире я вел жизнь безалаберную и потерял много времени на пустяки* (Дмитрий Каралис. Автопортрет, 1999).

IV. Вынужденная потеря времени.

В отличие от п. I, где речь шла о неправильном использовании временного ресурса субъектом — семантический компонент ‘напрасно’, в этом значении глагол *терять* обозначает вынужденную потерю времени, и на первый план выходит оценочный компонент ‘жалко’: ≈ ‘жалко, что пришлось потратить лишнее время’.

Отметим, что у глаголов типа русского *тратить* тоже присутствует этот компонент, но там он носит скрытый характер и может подавляться контекстом [Зализняк и др., 2012, с. 451]. Ср.: *мне не жалко потраченного времени* и **мне не жалко потерянного времени*.

IV.1. В силу неудачно сложившихся обстоятельств — неблагоприятных погодных условий, грубого вмешательства посторонних лиц, каких-то объективных причин и т. п. — человеку для достижения своей цели приходится тратить время на действия, которые при других условиях ему не понадобились бы, например: (1) *Мы задерживаемся в Сеймчане, чтобы поставить на свою лодку брезентовый верх, который избавил бы нас от необходимости ежедневно терять время на разбивку палаток* (С. В. Обручев. В неизведанные края. Путешествия на Север 1917—1930 г., 1954). Отсутствие брезентового верха у лодки вынуждает людей тратить «лишнее» время на «лишние» действия — разбивку палаток. (2) *Врет компас на 10—20, а то и на все 30 градусов. Того и гляди вылетишь на камни. Теряется масса времени: в точку промысла, расположенную от тебя милях в тридцати, приходишь с «точностью» плюс-минус 5—10 миль, теряешь час-два на возвращение в район лова* (Марк Борозин. Испытание морем // «Техника — молодежи», 1974). Из-за неточности компаса рыбаки отклоняются от намеченной цели, и им приходится «терять время» на возвращение в район лова. (3) *Двои сутки мы стояли между жизнью и смертью, и, когда сего дня буря затихла и можно было бы идти, вдруг я узнаю, что баржа под носом Пьянкова обсохла, и мы должны опять терять день для съемки ее* (М. А. Бестужев. Дневник плавания по Амуру, 1857). (4) *По словам Александра Маторыгина, заместителя директора департамента ЖКХ, во время замены теплосетей в этом районе несколько раз происходили порывы труб после запуска тепла. Как раз еще начались морозы. По-*

CC BY

теряли время на устранение аварий (Юрий Шестак. Почему жилые дома остались без тепла? // Комсомольская правда, 2010.12.02).

IV.2. В силу неудачно сложившихся обстоятельств человеку для достижения своей цели приходится тратить время на запланированные действия больше времени, чем это потребовалось бы при более благоприятных условиях: (1) *Продолжаем движение вниз. Щель над колодцем оказалась вполне проходимой, но все-же потеряли время на протаскивание и спуск мешков* (Константин Серафимов. Экспедиция во мрак (1978—1996)). В отличие от п. IV.1, в данном случае речь идет не о том, что из-за непредвиденных обстоятельств время расходуется на какие-то дополнительные, вынужденные действия, поскольку спуск мешков является составляющей частью, одним из этапов движения членов экспедиции вниз. «Потеря» времени в данном случае выражается в том, что из-за недостаточного размера щели, через которую должен осуществляться спуск оборудования и людей, продвижение членов экспедиции оказалось более длительным, чем планировалось. (2) *В вечернее время мешают пробки, ночью — машины во дворах. Приходится ехать очень медленно, стараясь не зацепить дорогие иномарки, и теряем драгоценные минуты* («Скорая» запаздывает // Огонек, 2013). Из-за пробок на дорогах, автомобилей во дворах, мешающих проезду, машине «Скорой помощи» приходится тратить дополнительное время, чтобы добраться до места назначения: она «теряет время». (3) *Звонил Тонино, пока нас не было, просил позвонить. В «Совинфильме» еще даже не готов перевод итал. контракта: Еровшин болен(?!). Юрист же говорит, что некоторые важные детали итальянцами изменены. Короче, опять ожидание… А на носу Рождество, значит опять я теряю и теряю неделю за неделей…* (А. А. Тарковский. Мартиролог, 1981). Из-за юридических проволочек завершение работы над фильмом «Ностальгия» бесконечно затягивается, режиссер «теряет время». (4) *Сделать указатели удобными. к сожалению, часто москвичи и гости Белокаменной теряют время в поисках нужного учреждения, магазина, потому что не могут разобраться, куда правильно выйти. А на станциях метро нет карты города с указанием всех выходов с этой станции*. (Мария Беленькая. Московское метро надо объединить с железной дорогой // Труд-7, 2011.02.09).

V. Непродуктивное расходование времени.

В данном случае речь идет не о том, что время расходуется на недостижимые или недостойные цели или занятия (пп. II и III). В этом значении глагол обозначает бесполезное, бесцельное проживание человеком определенного периода своей жизни: время проходит без пользы, впустую. Например: *Оказалось, что Одинцова не теряла времени в уединении: она прочла несколько хороших книг и выражалась правильным русским языком*

CC BY

(И. С. Тургенев. Отцы и дети, 1860—1861); героиня провела время в уединении с пользой — прочитала несколько хороших книг.

В этом значении глагол *терять* часто употребляется с отрицанием и наречием *даром*[1]: *Что касается самого Баденъ-Поуэлля, то онъ не терялъ даромъ дорогихъ минутъ и возможностей индійской жизни* (В. А. Попов, В. С. Преображенский. Бой-скауты, 1917). Баденъ-Поуэлл проводил время в Индии с пользой и использовал все возможности, которые имелись у него в этой стране.

Смысл ‘бесполезное проведение времени’ у глагола *терять* эксплицируется в переводах русских текстов на другие языки, например: *«О, что бы я сделал, если б я не потерял времени даром!»* (И. С. Тургенев. Первая любовь, 1860). Фр. *Oh! que n’aurais-je fait si je n’avais gaspillé mon temps!* Французский глагол *gaspiller* означает ‘транжирить, проматывать’: «*Gaspiller son temps*, le perdre sans profit» [EL], ‘*Gaspiller son temps*, бесполезно терять’.

VI. Упущенная возможность.

Человек упустил благоприятную возможность для осуществления своей цели — время, в которое могло быть осуществлено некоторое действие, безвозвратно ушло, «потеряно», например: (1) *Выслали, а у нас, конфискация? — ах, надо было успеть раздать, потеряла время!* (А. И. Солженицын. Бодался теленок с дубом, 1967—1974). Время, в которое героиня могла бы раздать свои вещи, уже прошло. (2) *У ней только дружба к Штольцу, основанная на его блистательных качествах, потом на дружбе его к ней, на внимании, на доверии. Так она отталкивала мысль, даже возможность о любви к старому своему другу <…> Чтоб кончить все это разом, ей оставалось одно: заметив признаки рождающейся любви в Штольце, не дать ей пищи и хода и уехать поскорей. Но она уже потеряла время: это случилось давно* (И. А. Гончаров. Обломов, 1859). (3) *По словам Полковникова, прими генерал Крымов в эту минуту твердое решение продолжать безостановочное движение на Петербург, город был бы взят. К сожалению, генерал Крымов, застигнутый врасплох <…> и в значительной мере утерявший прежнюю решимость, заколебался, стал запрашивать указаний ставки и потерял драгоценное время. Порыв ослаб, полки заколебались, и под влиянием преступной агитации началось брожение* (П. Н. Врангель. Записки, 1916—1921).

Если человек намерен достичь своей цели, он должен начать вовремя, чтобы не упустить благоприятную возможность для ее осуществления, он должен действовать, не «теряя времени» — не теряя ни дня, ни часа:

1 См., например, определение этого наречия в [Ефр] — ‘бесполезно, бесцельно’.

CC BY

(1) *Куку хотелось остаться здесь, внимательно исследовать эти острова. Но он спешил к берегам Америки, ему нужно было еще отыскать Северо-Западный проход. Лето коротко, и нельзя терять ни одного дня. 2 февраля 1778 года он вышел в море, решив еще вернуться сюда, если представится возможность* (Н. К. Чуковский. Водители фрегатов, 1927—1941). Лето — время, когда может быть осуществлено запланированное действие, — длится недолго, поэтому нельзя откладывать исполнение намеченного, нельзя «терять время». (2) *Но вдруг все это сразу рухнуло, еще раз наглядно подтвердив мне ту истину, которую я всегда высказывал своим друзьям в разговорах: в тайных обществах нельзя терять ни одного дня, ни одного часа для исполнения задуманного, потому что каждый день и каждый час приносит с собою новые шансы раскрытия* (Н. А. Морозов. Повести моей жизни / Дни испытания, 1912). (3) *Курд, чистильщик сапог, подарил мне самое сильное, по его словам, средство от малярии — засушенного паука, заклеенного в пустую скорлупу от грецкого ореха. Но и это чудодейственное средство не помогло. Портовый врач сказал, чтобы я немедленно, не теряя ни одного дня, уезжал из Батума в Тифлис, где, по его словам, малярия должна была тотчас пройти* (К. Г. Паустовский. Повесть о жизни. Бросок на юг, 1959—1960). (4) *Въ противномъ случаѣ, звѣровщиковъ угрызаетъ совѣсть за неисполненіе обряда; и постоянно думая объ этомъ, они теряютъ удобныя минуты при самой охотѣ, дѣйствуютъ вяло, безъ увѣренности въ побѣдѣ и потому, конечно, скорѣе подвергаются несчастіямъ* (А. А. Черкасов. Записки охотника Восточной Сибири // «Дело», № 4, 1867).

Необходимо отметить лингвоспецифичность некоторых единиц, в основе которых лежит метафорическая модель ВРЕМЯ — ЭТО ОГРАНИЧЕННЫЙ РЕСУРС, ВРЕМЯ — ЭТО ЦЕННОСТЬ. Приведем некоторые примеры.

Значение ‘непродуктивное расходование времени — время проходит без пользы’ (п. V) имеется и у аналогов русского глагола *терять* в других языках. См., например, французский глагол *perdre* ‘терять’: «*Perdre son temps <…> en faire un mauvais usage, le dépenser inutilement*» [DFC, p. 865], ‘Perdre son temps, терять время <…> неправильно его использовать, бесполезно тратить’. Однако французский глагол имеет интересную особенность, проявляя одну нетривиальную черту картины мира французского языка. Выражения вида *à temps perdu*, *à mes moments perdus* и т. п. — букв ‘в потерянное время, в мои потерянные моменты’ — означают ‘на досуге, в часы досуга, в свободное время’: «À temps perdu “dans les moments de loisir” (où l’on a du temps à “perdre”, par opposition au temps réservé au travail). Les moments de liberté sont considérés comme perdus, dans une perspective

CC BY

d'utilité sociale» [Rey et al., 2003, p. 739], 'À temps perdu, в часы досуга (когда есть время, которое можно терять, как противопоставление времени, отведенному для работы). Моменты свободного времени рассматриваются как потерянные, с точки зрения общественной пользы'. Иными словами, время, не занятое полезным трудом, в картине мира французского языка расценивается как бесполезное, как потерянное. Приведем два примера: «*J'irai vous voir à vos heures perdues*. *Il fait de la musique à ses moments perdus*» [AD 1835], 'Я зайду к вам, когда вы будете свободны (букв. 'я зайду к вам в ваши потерянные часы'). В свободное время он музицирует (букв. 'в свои потерянные моменты он музицирует')'.

Интересная особенность английской языковой картины мира состоит в том, что, в отличие от русской картины мира, в число ограниченных ресурсов входят не только деньги, время и силы и некоторые необходимые для жизни ресурсы (вода, электроэнергия, продукты и т. п.), но и пространство, талант, шансы, эмоции, мысли и др.: «a bad use of something valuable that you have only a limited amount of: *a waste of time/money*; *a waste of talent/ability*» [CAL]. Приведем несколько примеров: (1) «*It was a wasted opportunity*. *His talents are wasted in that job*» [OALD]. (2) «*My joke* (*the allusion*, *her speech*, etc) *was wasted on him*» [АРСГС, с. 519]. (3) <…> *to waste so much room on frivolity"* (Isaac Asimov. The Gods Themselves (1972)). <…> пожертвовать такое количество свободного пространства на развлечения.

В английском языке значение потери времени представлено бóльшим количеством единиц, чем, например, в русском. Кроме аналога русского глагола *терять* — глагола *lose*, к этому классу относятся глаголы *misspend*, *squander*, существительное и глагол *waste* и некоторые другие (см. [Иоанесян, 2018]). При этом указанные предикаты имеют свою специфику. Так, например, глагол и существительное *waste*, как и русский глагол *терять*, имеют значение 'вынужденная потеря времени, не зависящая от воли субъекта' с оценочным компонентом 'жалко, что пришлось потратить лишнее время' (IV значение из выделяемых нами значений). Особенность английских единиц заключается в том, что они могут также обозначать потерю времени на неконтролируемые процессы, например, на процесс пищеварения: *The physiological advantages of the practice of injection are undeniable, if one thinks of the* ***tremendous waste of human time*** *and energy occasioned by eating and the digestive process* (H. G. Wells. The War of the Worlds, 1898). Нельзя отрицать физиологических преимуществ способа инъекции, если вспомнить, как много времени и энергии тратит человек на еду и пищеварение. Ср. *если вспомнить, как* ***много времени и энергии *теряет*** *человек на еду и пищеварение*. В подобных случаях очевидно, что речь идет

CC BY

не о неразумном расходовании времени и энергии — говорящий выражает сожаление, что эти процессы отнимают столько времени и энергии: время, расходуемое на еду и пищеварение, расценивается как «лишнее».

3. Заключение

Итак, мы рассмотрели один класс предикатов, основанных на «представлении о времени как о ценности, сопоставимой с ограниченным ресурсом» [Лакофф и др., 2008, с. 29]. Метафора ВРЕМЯ — ЭТО ОГРАНИЧЕННЫЙ РЕСУРС, ВРЕМЯ — ЭТО ЦЕННОСТЬ относится к числу концептуальных метафор европейской культуры. При концептуализации времени как ресурса может имплицироваться негативная оценка того или иного способа его расходования как его потери. Значение ‘потеря времени’ отмечается у русского глагола *терять*, французских *perdre*, *gaspiller*, испанского *perder*, итальянского *perdere*, английских *lose*, *waste*, *misspend*, *squander*, немецкого *verlieren* и др. В статье на примере русского глагола *терять* представлены классы употреблений таких предикатов в указанных значениях. Отмечены некоторые особенности французских и английских единиц, отражающих специфику рассматриваемого фрагмента картины мира этих языков. Актуальность исследования определяется тем, что основные ценности культуры согласуются с метафорическими структурами ее базовых концептов. Актуальность исследования обусловлена также тем фактом, что изучение метафорических концептов является одним из способов реконструкции языковой картины мира.

Источники и принятые сокращения

1. АРСГС — *Англо-русский* словарь глагольных словосочетаний / под ред. Э. М. Медниковой. — Москва : Русский язык, 1986. — 640 с.

2. Ефр — *Ефремова Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. — Москва : АСТ, Астрель, Харвест, Lingua, 2006. — Режим доступа : http://slovari.gramota.ru (дата обращения 11.03.2021).

3. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа:// http://www.ruscorpora.ru (дата обращения 03.03.2021).

4. AD 1835 — *Dictionnaire* de l’Académie française. La 6e édition. — Paris : Imprimerie et librairie de FIRMIN DIDOT frères, 1835 [Electronic resource]. — Access mode: https://french_academie.fracademic.com (дата обращения 17.03.2021).

5. CAL — *Cambridge* Advanced Learner’s Dictionary & Thesaurus [Electronic resource]. — Fourth Edition. — Cambridge : Cambridge University Press, 2013. — Access mode : http://dictionary.cambridge.org (дата обращения 27.09.2020).

6. DFC — *Dictionnaire* du français contemporain illustré / sous la direction de J. Dubois. — Paris : Librairie Larousse, 1987. — 1263 p.

7. EL — *Littré E.* Dictionnaire de la langue française. en cinq tomes / E. Littré. — Paris : Hachettes, 1872—77.

8. OALD — *Oxford* Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource]. — Tenth Edition. — Oxford : Oxford University Press, 2020. — 1820 p. — Access mode : https://www.oxfordlearnersdictionaries.com (дата обращения 11.03.2021).

9. *Rey A*. Dictionnaire des expressions et locutions / A. Rey, S. Chantreau. — Paris : Dictionnaires LE ROBERT, 2003. — 888 p.

Литература

1. *Баранов А. Н*. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя / А. Н. Баранов. — В книге : Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — 2-е изд. — Москва : Издательство ЛКИ, 2008. — С. 7—21.

2. *Зализняк А. А*. Многозначность в языке и способы ее представления / Анна А. Зализняк. — Москва : Языки славянских культур, 2006. — 672 с.

3. *Зализняк А. А*. Как мы проводим дни и ночи / Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. — В книге : Зализняк А. А. Константы и переменные русской языковой картины мира / Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. — Москва : Языки славянских культур, 2012. — С. 448—456.

4. *Иоанесян Е. Р.* Концептуальная метафора: опыт сопоставления метафорических моделей в разных языках / Е. Р. Иоанесян. — Москва : Ин-т языкознания ; Ярославль : Канцлер, 2018. — 230 с.

5. *Лакофф Дж*. Метафоры, которыми мы живём / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ., ред. А. Н. Баранова. — 2-е изд. — Москва : Издательство ЛКИ, 2008. — 256 с.

Material resources

AD 1835 — *Dictionnaire de l'Académie française*. (1835). (La 6-e edition). Paris: Imprimerie et librairie de FIRMIN DIDOT frères. Available at: https://french_academie.fracademic.com (accessed 17.03.2021). (In French).

ARSGS — Mednikova, E. M. (ed). (1986). *English-Russian Dictionary of Verb Phrases*. Moscow: Russkiy yazyk. 640 p. (In Russ.).

CAL — *Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus*. (2013). (4th ed.). Cambridge: Cambridge University Press. Available at: http://dictionary.cambridge.org (accessed 27.09.2020).

DFS — Dubois, J. (ed.). (1987). *Dictionnaire du français contemporain illustré*. Paris: Librairie Larousse. 1263 p. (In French).

Efr — Efremova, T. F. (2006). *Modern explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow: AST, Astrel, Kharvest, Lingua. 3. Available at: http://slovari.gramota.ru (accessed 11.03.2021). (In Russ.).

EL — Littré, E. (1872—77). *Dictionnaire de la langue française. en cinq tomes.* Paris: Hachettes. (In French).

NKRYa — *National corpus of the Russian language*. Available at: http://www.ruscorpora.ru (accessed 03.03.2021). (In Russ.).

OALD — *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. (2020). (10th ed.). Oxford: Oxford University Press. 1820 p. Available at: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com (accessed 11.03.2021).

Rey, A., Chantreau, S. (2003). *Dictionnaire des expressions et locutions*. Paris: Dictionnaires LE ROBERT. 888 p. (In French).

CC BY

References

Baranov, A. N. (2008). Foreword by the editor. Cognitive metaphor theory nearly 20 years later. In: *Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors. We Live By.* (2nd ed.). Moscow: Publisher LKI. 7—21. (In Russ.).

Ioanesyan, E. R. (2018). *Conceptual metaphor: an experience of comparing metaphorical models in different languages*. Moscow: Institut yazykoznaniya; Yaroslavl: Kantsler. 230 p. (In Russ.).

Lakoff, G., Johnson, M. (2008). *Metaphors. We Live By*. (2nd ed.). Moscow: Publisher LKI. 256 p. (In Russ.).

Zaliznyak, A. A. (2006). *Polysemy in language and ways of its representation.* Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur. 672 p. (In Russ.).

Zaliznyak, A. A., Shmelev, A. D. (2012). How we spend days and nights. In: *Zaliznyak, A. A., Levontina, I. B., Shmelev, A. D. Constants and variables of the Russian language picture of the world*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur. 448—456. (In Russ.).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Никитин О. В. «Грустно, что лакеи имеют силу…» (неизвестные письма из архива Б. В. Томашевского) / О. В. Никитин // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 57—72. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-57-72.

Nikitin, O. V. (2021). "It is Sad that Lackeys Have Power..." (Unknown Letters from the Archive of B. V. Tomashevsky). *Nauchnyi dialog, 8:* 57-72. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-57-72. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-57-72

«Грустно, что лакеи имеют силу…» (неизвестные письма из архива Б. В. Томашевского)

Никитин Олег Викторович
orcid.org/0000-0003-2815-6691
Scopus AuthorID 57209316536
доктор филологических наук,
профессор
кафедры русского языка
olnikitin@yandex.ru

Петрозаводский
государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

"It is Sad that Lackeys Have Power..." (Unknown Letters from the Archive of B. V. Tomashevsky)

Oleg V. Nikitin
orcid.org/0000-0003-2815-6691
Scopus AuthorID 57209316536
Doctor of Philology, Professor
Department of the Russian Language
olnikitin@yandex.ru

Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

© Никитин О. В., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена рассмотрению эпистолярного наследия легендарного филолога XX века — профессора Бориса Викторовича Томашевского (1890—1957) и его связей с ведущими учеными в контексте историко-литературной, лингвистической и идеологической полемики преимущественно 1930—1950-х годов. В работе подчеркивается вклад ученого в развитие мировой науки в эпоху культурных потрясений. Особое внимание уделено публикациям неизвестных посланий к Б. В. Томашевскому отечественных и зарубежных филологов: И. Л. Андроникова, Г. О. Винокура, Д. С. Лихачева, А. А. Реформатского, Б. Унбегауна, М. Фасмера, Р. О. Якобсона. Обнародованные письма характеризуют состояние науки тех лет: показывают сложности в работе над изданием «Полного собрания сочинений» Пушкина, открывают полемику вокруг спорных вопросов теории и практики текста, выражают отношение корреспондентов к фактам идеологического давления на филологию, описывают трудности военного времени и др. Эпистолярий Б. В. Томашевского рассматривается также в контексте роли советской языковой личности в формировании научной традиции. Актуальность исследования обусловлена использованием архивных материалов в парадигме гуманитарного знания для выяснения малоизученных фактов в летописи филологии 1930—1950-х годов.

Ключевые слова:
Б. В. Томашевский; Пушкин; филологическая полемика; идеология в науке; текстология; переписка; искусство слова; языковая личность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the epistolary heritage of the legendary philologist of the XX century — Professor Boris Viktorovich Tomashevsky (1890—1957) and his relations with the leading scientists in the context of historical, literary, linguistic and ideological polemics mainly of the 1930s and 1950s. The paper emphasizes the contribution of the scientist to the development of world science in the era of cultural upheavals. Special attention is paid to the publications of unknown epistles to B. V. Tomashevsky by domestic and foreign philologists: I. L. Andronikov, G. O. Vinokur, D. S. Likhachev, A. A. Reformatsky, B. Unbegaun, M. Vasmer, R. O. Jakobson. The published letters describe the situation in science of that period: they show the difficulties in working on the publication of Pushkin's "Complete Works", reveal the polemics around controversial issues of the theory and practice of the text, express the attitude of correspondents to the facts of ideological pressing on science, describe the difficulties of wartime, etc. B. V. Tomashevsky's epistolary is also considered in the context of the role of Soviet linguistic personality in creating scientific tradition. The relevance of the study is due to the use of archival materials in the paradigm of the humanities to clarify poorly studied facts of the 1930s and 1950s.

Key words:
B. V. Tomashevsky; Pushkin; philological polemics; ideology in science; textual studies; correspondence; the art of word; the language individuality.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.161.1+929Томашевский

«Грустно, что лакеи имеют силу…» (неизвестные письма из архива Б. В. Томашевского)

© Никитин О. В., 2021

1. Введение

Профессор Борис Викторович Томашевский (1890—1957) — самобытный ученый из плеяды филологов Серебряного века, исключительно одаренный, фантастически трудолюбивый, с высоким нравственным стержнем и твердой верой в предназначение филологии. Мыслитель, тонкий текстолог и самозабвенный исследователь рукописей, книговед, знаток мировой стихотворной традиции, литературный критик и теоретик, крупный специалист по стилистике и французской поэзии, историк культуры, переводчик и педагог. Мы знаем о нем многое, и прежде всего в пантеон науки вошли его классические книги по пушкинистике и поэтике (см.: [Томашевский, 1925; Томашевский, 1928; Томашевский, 1929; Томашевский, 1956; Томашевский, 1961] и др.). Равновеликого мастера, так глубоко и пронзительно чувствовавшего эпоху XIX века, ее культурно-исторические события, эстетику, философию и тексты (будь то русские или иностранные), едва ли можно было найти и в то время, когда научные искания Бориса Викторовича были на подъеме. Имя Б. В. Томашевского с почтением произносили не только ученые его ближнего круга, но и великие творцы высокого искусства слова, такие, как А. А. Ахматова, назвавшая его в 1958 году «учителем и другом», а память о нем — «священной» [ОР РГБ, ф. 645. Картон 35, № 25, л. 1].

Известный литературовед Б. М. Эйхенбаум на заседании Учёного совета Пушкинского дома, посвящённом памяти Б. В. Томашевского, не выдерживая регламента академического выступления, прорвал своей речью формализм некрологов и выразил главное достоинство почившего коллеги — *власть ума*: «Мне кажется, что в нём было много противоречий не только психологических, но противоречий как учёного. Со стороны он производил впечатление человека очень уверенного. Но на самом деле нет! Он охотно сражался и умел сражаться. <…> Он был дерзок, но не от самоуверенности. У него было много врагов. Его многие боялись, хотя никакой власти у него не было, кроме одной (правда, большой) — власти ума» (цит. по изд.: [Борис …, 1991, с. 31]).

Мир Томашевского гораздо шире и глубже его печатных прозрений. Свои сокровенные мысли по поводу общественных потрясений в мире филологии

CC BY

1920—1950-х годов он излагал в письмах к друзьям и близким коллегам и открывался в них совсем с другой стороны — как неистовый борец за Пушкина и высокие научные ценности, за исторический подход к анализу текстов и эпохи времени великого поэта, нередко выступал против конъюнктуры и правофланговых идей советской идеологии. Он всегда оставался независимым от внешнего воздействия и был верен классическим традициям русской филологии.

Рукописное наследие Б. В. Томашевского, при всем внимании к нему академических исследователей, до сих пор недостаточно изучено и представлено в научных публикациях. Поэтому целью настоящей работы является погружение читателя в мир духовных исканий Б. В. Томашевского. Каждое вновь открытое письмо фиксирует неизвестное нам событие не только из биографии ученого, но и из истории филологии. В этой науке он, бесспорно, был одним из последних энциклопедистов-классиков, признанных как в нашей стране, так и за рубежом. Так, Р. О. Якобсон в телеграмме-некрологе, посланной в Институт русской литературы, справедливо назвал Бориса Викторовича «мировым ученым» [ОР РГБ, ф. 645. Картон 42, № 26, л. 5].

2. Искусство слова и портрет эпохи в переписке друзей Б. В. Томашевского

Есть и другая сторона эпистолярия, которая всегда отличала филологов прошлого: их общение часто носило интимный характер и было очень откровенным. Поэтому сквозь строки в таких письмах рельефно выступает облик ученого — его языковая личность. Вот, например, что сообщал И. Л. Андроников Томашевским 11 августа 1935 года:

«Ленинград, с которым я, к удивлению расстался в целом без труда [,] ценен мне несколькими людьми (не знаю, можно ли так сказать) [,] и среди этих немногих лиц я всегда вспоминаю вас и очень жалею, что вы не в Москве. Мне даже больше хочется, чтобы вы были москвичами, чем ленинградцами. <…>

Вы, наверно, помните, Ирина Николаевна, что Вы говорили мне о том, как мне надо измениться для того, чтобы какая-нибудь девушка вышла за меня замуж. Я поступил иначе: сперва девушка вышла за меня замуж, а потом я изменился» [ОР РГБ, ф. 645. Картон 35, № 13, лл. 2—2 об. Автограф].

Например, в общении с А. А. Реформатским (1900—1979), известным словотворцем и оригинальным ученым, уровень взаимопонимания мог достигать почти совершенной высоты и красоты художественной игры, когда один из героев позволял себе без стеснения выражать эмоции в необычной форме шуточного стихотворения, посвященного «дорогим Борвику и Ирине на память о Москве». Начиналось оно так:

CC BY

Как он жирён — тот кот пивной,
Фальшивый, полосатый.
Распластанный передо мной,
Когда я был богатый. <…>
[ОР РГБ, ф. 645. Картон 38, № 60, л. 1. Автограф. 29 января 1948 года].

В их переписке проступали яркие эпизоды научной жизни конца 1940-х годов, когда, находясь под гнетом официальной идеологии, многие ученые вынуждены были говорить и часто писать одно, а думать — другое. Эти откровения А. А. Реформатского другу по филологическому ремеслу говорят об обоюдном доверии ученых, их понимании абсурдности ситуации и ироническом отношении к ней: «Мучительно читаю четверокурсникам основы сравнительного метода под флагом “Ст<алинского> уч<ения> о яз<ыке>”. Им трудно, а мне некогда. Вообще, я слегка рехнулся, но в добрую сторону: стал искренним, простым, честным. К чему бы это?» [Там же, л. 5. Автограф. 5 ноября 1950 года].

Эпистолярные россыпи, частью еще никем не описанные, дают подлинную картину научных баталий в то время — не хрестоматийные, по учебникам, знания, а рассказывают от первого лица насыщенную волнениями и порой интеллектуальными страданиями историю советской филологии без глянца. Приведем еще один фрагмент письма А. А. Реформатского Б. В. Томашевскому (без указания даты, предположительно конец 1940-х годов):

«Мой ближайший сотрудник по литературному институту Виктор Левин (ученик Г. О. [Винокура], ДН [Ушакова], Р. Ив. [Аванесова], П. Савв. [Кузнецова] и мой), умница и талант + благородное сердце за «защиту Виноградова и Реформатского» и др. (навет из Иванова) был изгнан. У меня ½ каθедры! На меня “жмуть”! Грозят повесить. <…>

Последнее: на концерте Рихтера встречаюсь с ВВВ (имеется в виду В. В. Виноградов. — *О. Н.*) — он весел! Знакомит с каким-то доктором. “Вот — говорит — полечился у него. Он у Корнелия Зелинского”. Я (в ответ): “К. З<елинск>ого лечить просто: дать яду и всё… А нам трудно; Ваш друг лёгочник, а нам надо лечиться от сердечных болезней — мы больны сердюченцией”» [Там же, л. 20. Автограф].

В этом письме в аллегорической форме обыгрывается взрывная ситуация в науке конца 1940-х годов, связанная с походом против «космополитов», «низкопоклонников перед Западом», очередным витком притеснений историков языка и компаративистов. Так, судя по письму А. А. Реформатского, его ученик В. Д. Левин был уволен из Литературного института. Началась новая волна гонений на академика В. В. Виноградова, промарровская критика обрушилась на его книгу «Русский язык» (1947). «Сер-

CC BY

дюченцией» здесь метафорически названо целое «направление» в общественной жизни, возглавлявшееся последователем академика Н. Я. Марра Г. П. Сердюченко, известным своими разгромными статьями и выступлениями. В письме упоминается и другая одиозная фигура советского литературоведа и критика К. Л. Зелинского, участвовавшего позднее в травле Б. Л. Пастернака.

Эти испытания в той или иной мере коснулись многих честных филологов, отстраненных от должностей, запрещенных в преподавании, сосланных на другие ставки и уволенных — отвергнутых властью за твердость духа и интеллигентски мягкое сопротивление надвигавшейся тьме.

Первый том монументального исследования Б. В. Томашевского «Пушкин» (1956) А. А. Реформатский воспринял восторженно и, не скупясь на похвалу, назвал «памятником нерукотворным». И добавил сразу же: «И через сколько унижений, ослов и в преодоление глупых слов!» [ОР РГБ, ф. 645. Картон 38, № 60, л. 23. Автограф. 8 октября 1956 года]. Такая неполированная наука выступала со страниц многих писем Б. В. Томашевского и к нему.

Стиль их общения тоже необычен. А. А. Реформатский был признанным мастером словесной эквилибристики: придумывал шутки и экспромты буквально на ходу, пародировал, ёрничал, выворачивал наружу свои чувства, зная, что перед ним такой же своеобычный мастер, озаренный красотой языкотворчества. Обращения А. А. Реформатского к Б. В. Томашевскому и финальные «рескрипты» первого стилистически изысканны и просто неповторимы: «Дорогой Борвик!», «Чудесный Борис Викторович!» [Там же, л. 4], «Ваш испытанный скептик и глубочайший пессимист Р. Йикстамрофер» [Там же, л. 12 об.], «Преданный Вам serviteur (из франц. *слуга*. — *О. Н.*) и раб Ваш Олексашка» [Там же, л. 14]. Одно из писем А. А. Реформатского Б. В. Томашевскому начиналось такими словами: «Дорогие отшельники, эрмитажники то ж! Что ж вы сокрылись? Смолкли?» [Там же, л. 20].

Близким другом четы Томашевских был крупный московский филолог Г. О. Винокур (1896—1947), с которым Бориса Викторовича связывали тесные научные и человеческие отношения. Они оба были борцы за науку и часто страдали от притеснений. Особенно это было заметно при подготовке академического собрания сочинений А. С. Пушкина в 1930-е годы. Фрагменты их переписки, опубликованные нами ранее, говорят о сложной атмосфере тех лет в кругу так называемых *пушкинистов* (кстати, Б. В. Томашевский не любил этого слова, быть может, из-за недоверия или даже презрения к нему со стороны властных структур, боявшихся независимости и твердости суждения ученого, его силы слова). «Проклятые и мерзкие пушкинистические дела! — писал Г. О. Винокур коллеге предположительно в 1935—1936 годах. — Вы меня, Б. В., не так поняли. Я не уговаривал Вас итти (так в руко-

CC BY

писи. — *О. Н.*) в лавочку холуев. Мне только было досадно, что холуи портят Вам настроение и что вся эта мерзость нарушает Ваше душевное спокойствие. <…> Не знаю, согласитесь ли Вы со мною, но я придаю гораздо большее значение не количеству томов, которые Вам будут отведены, но просто Вашему участию в руководстве (в оригинале подчеркнуто автором. — *О. Н.*) изданием, п<отому> ч<то> остальные руководители никакого доверия с точки зрения высших требований дела не внушают» [Никитин, 2019, с. 7].

Проблемы поэтики и политики в науке обсуждались и в других письмах двух филологов, влюбленных в гения русской словесности. И снова настроение друзей менялось, проступали нотки сожаления и боли, когда речь заходила о «производственных» сложностях в работе, о том, что было закрыто от читателей Пушкина. Эти терзания их преследовали каждый раз, буквально разрывали на части при столкновении с конъюнктурщиками в науке и ее умелыми дельцами. Приведем фрагмент письма Г. О. Винокура Б. В. Томашевскому от 17 ноября 1946 года: «Ваше нежелание взять на себя 14 том очень осложняет дело и создает чрезвычайно тяжелое положение. Я не вижу никого, кто годился бы на это [,] кроме Вас. Из числа Ваших аргументов, вескость которых я не оспариваю вообще, я бы все-таки не настаивал на значении (далее одно слово написано неразборчиво. — *О. Н.*) с 14-м томом, в котором виноваты лакеи. Грустно, что лакеи имеют силу, и с этим необходимо всячески бороться, но ведь они будут только торжествовать, если получат возможность доказывать, что “пушкинисты” сорвали издание» [ОР РГБ, ф. 645. Картон 35, № 77, л. 15. Автограф].

Или вот такой порывистый сюжет из науки тех лет, показывающий горячий протест ученых против диктата и штамповки мнений. Из письма Г. О. Винокура Б. В. Томашевскому от 15 декабря 1946 года: «Но обнорщину надо каленым железом выжечь — ведь это читают, этому учатся, этому никто подлинно не возражает, — этому верят! Научка! Мне положительно сейчас не хватает красноречия Реформатского!» [Там же, л. 18 об. Автограф].

В их переписке сохраняется тот непревзойденный филологами старой школы почерк научных экспериментов, которые затем вырастали в глубокое исследование и часто пробивали брешь в академических темах и утвержденных свыше планах научной работы. Показательно в русле полемики разных течений такое письмо Г. О. Винокура жене Б. В. Томашевского И. Н. Медведевой (дата не указана, предположительно конец 1930-х — 1940-е годы): «Я задумал книгу в форме “Очерков по истории русского стихотворного языка”, понимая под стихотворным языком не “поэтическую речь” (по-опоязовски), а просто русский язык, употреблявшийся в стихотворной литературе, в его отношении к русскому общенациональному языку, как он рос в XVIII веке» [ОР РГБ, ф. 645. Картон 35, № 76, л. 6. Автограф].

CC BY

Публикуемые свидетельства взаимоотношений Б. В. Томашевского с учеными разных школ показывают высокую степень полемичности обсуждаемых проблем, расширяют потенциальное поле филологии, вводят в дискуссионное пространство современной науки неизвестные ранее факты и личные оценки событий глазами их участников. Б. В. Томашевский, обладая феноменальной памятью и исключительными математическими способностями, мог с легкостью шахматиста дать ответ на любую партию в филологических состязаниях. Он жил ими как искатель истины, влюбленный в текст.

3. Б. В. Томашевский в кругу друзей: из переписки 1929—1957 годов

Подборка писем продолжает обозначенную выше проблематику и включает Б. В. Томашевского в круг самых авторитетных советских ученых с мировым именем. Он в числе немногих получил персональное приглашение принять участие в дискуссии на I Международном съезде славистов в Праге в 1929 году.

В письме Д. С. Лихачева обсуждаются лично-бытовые вопросы периода Великой Отечественной войны — трагического события в истории жизни каждого филолога, отлученного от науки и вынужденного искать кров и добывать пропитание. Эти «осколки» памяти показывают мужество в преодолении трудностей и энтузиазм наших ученых, интенсивно работавших над новыми идеями в годы страшных испытаний.

Письмо давнего друга Б. В. Томашевского Р. О. Якобсона относится к тому периоду советской истории, который мы называем «Оттепелью», но духовная связь двух филологов-энциклопедистов не прерывалась никогда. Понятен эмоциональный тон Романа Осиповича, впервые после долгой разлуки с Родиной оказавшегося в СССР в 1956 году по случаю подготовки программы IV Международного съезда славистов (Москва, 1958).

Лаконичный ответ М. Фасмера, еще одного филолога, покинувшего Россию в послереволюционные годы, на книжный подарок Б. В. Томашевского примечателен оценкой первого: «…это одна из самых важных работ о Пушкине» [ОР РГБ, ф. 645. Картон 41, № 57, л. 1. Автограф].

Заключительные два письма освещают стиховедческие интересы Б. В. Томашевского и английского слависта Б. Унбегауна, великолепного знатока истории русского и славянских языков, тоже «невозвращенца», оказавшегося в рядах Белой гвардии и эмигрировавшего из России в годины красного террора.

Представленные документы полностью публикуются впервые и расположены в хронологическом порядке с соблюдением авторских особенностей орфографии, пунктуации и стилистики.

CC BY

а) *М. Мурко*[1] *— Б. В. Томашевскому*

[ОР РГБ, ф. 645. Картон 36, № 78, л. 1. Машинопись на бланке без подписей].

Проф. д-ру Б. В. Томашевскому
В Праге 24 апреля 1929 г.

I. SJEZD
SLOVANSKÝCH FILOLOGÚ
V PRAZE
Praha V., Břehova 51.
Zkrácená adresa telegr.: «MURKO-PRAHA»
C. telef. 277-5-1.

Многоуважаемый коллега!

Комитет первого съезда славянских филологов[2] в своей литературно-исторической секции составил ряд проблемов (так в тексте. — *О. Н.*), которые, как полагает, требуют дискуссии. Позволяем себе обратить Ваше внимание именно на проблему:

«Наука о литературе и языковедение»[3].

Краткое введение в дискуссию приготовляет проф. д-р Матезіус[4], но мы бы желали, чтобы Вы занялись этой темой и приняли участие в дискуссии. Извольте прислать комитету краткое содержание Ваших предложений, чтобы передать его главному референту.

С искренним уважением за организационный комитет

J. Horák[5], v. r.	M. Weingart[6], v. r.	M. Murko, v.r.
секретарь	кассир	председатель

1 Мурко Матиаш (1861—1952) — югославский филолог и педагог, иностранный член-корреспондент Академии наук СССР (с 1924 года). Специалист в области компаративистики и славяно-русских связей.

2 I Международный съезд славистов проходил в Праге в 1929 году, с 6 по 13 октября. Несмотря на официальное приглашение, Б. В. Томашевский и другие литературоведы и лингвисты из СССР не приняли участия в заседаниях из-за особого отбора участников советской делегации, окончательный состав которой «был намечен Марром» [Робинсон, 2013, с. 81].

3 Эта строка набрана разрядкой и подчеркнута в подлиннике.

4 Матезиус Вилем (1882—1945) — чешский языковед, основатель Пражского лингвистического кружка (1926).

5 Горак Иржи (1884—1975) — чешский фольклорист и литературовед, действительный член Чехословацкой Академии наук (с 1956 года). В 1945—1948 годах был послом Чехословакии в СССР. В момент проведения I Международного съезда славистов вПраге исполнял должность генерального секретаря.

6 Вайнгарт Милош (1890—1939) — чешский славист-богемист, литературовед, переводчик и журналист, член Чехословацкой Академии наук, словесности и искусств. В 1927—1939 годах преподавал на философском факультете Карлова университета. Специалист по старославянскому языку и сравнительной филологии.

CC BY

b) ***Д. С. Лихачев[1] — Б. В. Томашевскому***

[ОР РГБ, ф. 645. Картон 37, № 15, л. 1. Автограф на оборотной стороне[2] почтовой карточки].

Дорогой Борис Викторович!

Получил письмо от Ник<олая> Ив<ановича> Мордовченко[3] из Тобольска. Он работает в Омском пед<агогическом> ин<ституте>. Преподает всякие литер<атурные> предметы. Там же вместе с ним находятся и В. В. Виноградов[4], закончивший только что еще одну книгу![5] Н. И. пишет, что растолстел. А при моем отъезде из Л<енингра>да он был совсем плох: не стоял на ногах и обличием был ужасен. Он спрашивает о Вас. Поэтому сообщаю Вам его адрес: Тобольск, Красная 17.

Писал Г. П. Блоку[6], спрашивал его об адресе Евг. Конст.[7] и Жир[8], но ответа не получил. Может быть Вам удалось узнать? (Далее три слова жирно зачеркнуты. — *О. Н.*). В одной комнате нас 10 человек — 2 семьи. С едой плохо. С библиотекой плохо (по др<евне>р<усской> лит<ературе> — мало). Настроение поэтому неважное. Единственный человек, с которым можно побеседовать [,] — Анна Мих<айловна> Астахова[9]. Над чем Вы работаете?

---

1 Лихачев Дмитрий Сергеевич (1906—1999) — советский литературовед, академик АН СССР, заведующий Отделом древнерусской литературы Пушкинского дома. Почетный доктор ряда европейских университетов. Председатель Пушкинской комиссии АН СССР (РАН) и правления Советского (Российского) фонда культуры, Герой Социалистического Труда, лауреат Ордена Андрея Первозванного (№ 1). Специалист по текстологии, истории литературы и культуры, эстетике, мемуарист и общественный деятель.

2 На л. 1 об. того же письма указан адрес получателя: Гоголевский бульвар[,] д. 29, кв. 34а[,] Борису Викторовичу Томашевскому.

3 Мордовченко Николай Иванович (1904—1951) — советский литературовед и историк, член Союза писателей СССР. Специалист по русской критике первой четверти XIX века. Работал в Пушкинском доме, преподавал в ЛИФЛИ и ЛГУ.

4 Виноградов Виктор Владимирович (1894/95—1969) — советский филолог, академик АН СССР, директор Института русского языка АН СССР, главный редактор журнала «Вопросы языкознания». Основоположник научной грамматической школы. После начала Великой Отечественной войны был выслан в Тобольск как неблагонадежный, где преподавал в местном педагогическом институте до июня 1943 года (см.: [Из воспоминаний …, 2010].

5 В военные годы ученый выпустил две книги: «Величие и мощь русского языка» [Виноградов, 1944] и «Великий русский язык» [Виноградов, 1945].

6 Блок Георгий Петрович (1888—1962) — советский литературовед, писатель, переводчик. Специалист по творчеству А. С. Пушкина. Л. Н. Толстого, А. А. Фета. Участвовал в издании «Полного собрания сочинений» А. С. Пушкина. Работал в Пушкинском доме, музее Л. Н. Толстого, Архиве Академии наук СССР. Последние годы трудился над изданием «Полного собрания сочинений» М. В. Ломоносова.

7 Установить имя затруднительно.

8 Фамилия не дописана. Возможно, имелся в виду известный литературовед В. М Жирмунский.

9 Астахова Анна Михайловна (1886—1971) — советский филолог и фольклорист. Специалист по изучению народной культуры Русского Севера, преимущественно былинного

CC BY

Привет большой Ирине Николаевне[1].
Ваш Д. Лихачев

[Казань][2], 11.XII. [19]42

с) *Р. О. Якобсон[3] — Б. В. Томашевскому*

[ОР РГБ, ф. 645. Картон 42, № 26, л. 4. Машинопись на бланке с подписью автора].

Slavic languages and Literatures — HARVAD UNIVERSITY — 10 июля 1956.
Holyoke 29
Cambridge 38, Massachusetts

Дорогой Борис Викторович!

Неделю тому назад тебе была послана отсюда заказной бандеролью пачка моих работ, и одновременно мой гаагский издатель отправил тебе нашу новую книжку об основах речи[4].

Я очень счастлив, что довелось свидеться[5], если даже кратки были встречи и так и не удалось потолковать по-настоящему о тех литературоведческих, стиховедческих и прочих вопросах, которые нас с тобой занимают.

Как ни странно, я с каждым днем все более полон своих московских впечатлений. Очень досадно, что не успел побывать в Ленинграде. В начале января мне, по-видимому, предстоит съездить в Прагу на вторую сессию славистов. Так как из Праги в Ленинград — рукой подать, думаешь ли что была бы возможность засвидетельствовать почтение Пушкинскому Дому, прочесть лекцию или что-нибудь в этом роде? Обмозгуй и черкни.

эпоса. Работала в Государственном институте истории искусств, в Пушкинском доме, где заведовала фольклорным архивом. После блокады 1941—1942 годов была эвакуирована в Казань вместе с другими сотрудниками Пушкинского дома.

1 Имеется в виду И. Н. Медведева-Томашевская (1903—1973), литературовед, жена Б. В. Томашевского. Она была знакома с А. А. Ахматовой и А. И. Солженицыным. Автор историко-литературных очерков «Таврида: земной Элизий. Екатерина II, Пушкин, Лихачев и другие [Медведева-Томашевская, 2020].

2 Город определен по штемпелю «Проверено военной цензурой. Казань 129» и обратному адресу отправителя на л. 1 об.: Казань, ул. Комлева 9, комн. 57. Д. С. Лихачев.

3 Якобсон Роман Осипович (1896—1982) — российский и американский филолог, организатор науки. Почетный доктор многих университетов. Президент Лингвистического общества Америки. Долгие годы был профессором Гарвардского университета. Исследователь русского авангарда, стиховедения. Автор трудов по фонологии, славистике, нейролингвистике, семиотике и другим областям гуманитарного знания.

4 Имеется в виду книга Р. О. Якобсона и М. Халле «Основы языка» [Jakobson et al., 1956].

5 Р. О. Якобсон мог увидеться с Б. В. Томашевским во время приезда в СССР 17—25 мая 1956 года для участия в заседании Международного комитета славистов по подготовке IV Международного съезда славистов в Москве.

CC BY

Посылай работы свои и друзей. Приветы.

Твой
Роман

d) *М. Фасмер[1] — Б. В. Томашевскому*

[ОР РГБ, ф. 645. Картон 41, № 57, л. 1. Автограф].

30.10.1956.

Глубокоуважаемый коллега!

Очень Вам благодарен за любезную присылку Вашей прекрасной книги о Пушкине[2]. Будучи очень занят своим словарем[3], я еще не успел прочесть ее всю, но и прочитанные главы убедили меня в том, что это одна из самых важных работ о Пушкине. От души желаю Вам успешного ее продолжения[4].

Искренне преданный Вам

М. Фасмер

e) *Б. В. Томашевский — Б. Унбегауну[5]*

[ОР РГБ. Ф. 645. Картон 41, № 15, лл. 1—1 об. Машинопись без подписи].

Ленинград, 15 апреля 1957

Глубокоуважаемый Борис Осипович![1]

Разрешите обратиться к Вам с просьбой решить одну пушкиноведческую загадку, связанную с произведениями В. Скотта.

---

1 Фасмер Макс (Максимилиан Романович) (1886—1962) — российский и немецкий лингвист, славист, лексикограф, этимолог. Выпускник Императорского Санкт-Петербургского университета, ученик И. А. Бодуэна де Куртенэ и А. А. Шахматова. В 1924 году основал журнал «Zeitschrift für slavische Philologie». Профессор Берлинского университета Фридриха-Вильгельма, Стокгольмского — в Швеции, Свободного — в Западном Берлине. Известен как автор фундаментального «Russisches etymologisches Worterbuch» (1-е изд.: [Vasmer, 1953—1958]), неоднократно переиздававшегося в русском переводе и с дополнениями О. Н. Трубачева.

2 Имеется в виду исследование Б. В. Томашевского «Пушкин. Книга первая (1813—1824)» [Томашевский, 1956].

3 Имеется в виду «Russisches etymologisches Worterbuch» [Vasmer, 1953—1958].

4 Продолжение книги «Пушкин. Книга вторая. Материалы к монографии (1824—1837)» издано посмертно [Томашевский, 1961].

5 Унбегаун Борис Генрихович (1898—1973) — русский филолог немецкого происхождения. В 1953—1965 годах — профессор сравнительной славянской филологии Оксфорда, основатель ежегодника «Oxford Slavonic Papers». Специалист по истории русского и славянских языков, ономастике, стиховедению. Автор известной книги «Russian Surnames» (1972), переизданной в русском переводе.

CC BY

<…> Критическая проза в последний раз комментировалась в 9-м томе старого академического изд<ания> соч<инений> Пушкина под ред<акцией> Н. К. Козмина[1]. В этом комментарии Козмин ограничивается указанием, что такой сцены в “Вудстоке” нет. Это мне кажется недостаточным. По-видимому, у Пушкина какая-то описка или обмолвка, но я не допускаю мысли, чтобы всё это было фантазией Пушкина. Но разъяснение Козмина до сих пор принимается за абсолютную истину, и никто не искал цитаты, которую хотел выписать Пушкин.

Я сам — очень плохой знаток В. Скотта. Читал его давно и не всего. <…> Между тем Вам решить этот вопрос, вероятно, гораздо проще <…>.

Журнал «Вопросы языкознания» предложил мне написать отзыв о Вашей книге, посвященной русскому стихосложению. Я не отказался, и, если не ошибаюсь, в № 3 этого года должен появиться мой отзыв[2]. Я позволил себе не во всем согласиться с Вами, но возражения мои направлены не столько против Вас, сколько против тех распространенных в литературе взглядов, которые Вы приняли в своей книге <…>.

f) *Б. Унбегаун — Б. В. Томашевскому*

[ОР РГБ, ф. 645. Картон 41, № 53, лл. 1—1 об. Машинопись с подписью и припиской автора].

25-го апреля 1957

Глубокоуважаемый Борис Викторович,

Искренне благодарю Вас за Ваше письмо, которое я получил сегодня. Я постараюсь выяснить как можно скорее загадку с пушкинским упоминанием Вальтер (такое написание в тексте. — *О. Н.*) Скотта. Конечно, в Оксфорде это сделать легче [,] чем в Москве; все же сейчас я совершенно не могу сказать, сколько времени займет это библиографическое разыскание. <…>

Что бы Вы ни написали о моем труде, уже самый факт, что Вы нашли время и желание выразить о нем свое мнение, является для меня честью. <…>

С искренним приветом

Б. Унбегаун

П. С. Мое отчество «Генрихович»; «О» — инициал моего второго имени /Оттокар/.

Б. У.

1 Имеется в виду книга: Сочинения Пушкина. Том девятый. [Кн.] II: Примечания к историко-литературным, критическим, публицистическим и полемическим статьям и заметкам [Пушкин, 1929].

2 Имеется в виду рецензия Б. В. Томашевского на книгу Б. Унбегауна «Russian versification» [Томашевский, 1957].

CC BY

4. Заключение

Эпистолярий Б. В. Томашевского интересен с нескольких сторон: 1) он дает нетривиальную оценку событиям и лицам того времени, рисует портреты самих корреспондентов с неофициальной стороны; 2) письма свидетельствуют об обширных и продуктивных контактах ученого, показывают, что он находился в центре ключевых событий в мире филологической науки; 3) примечателен культурно-языковой фон писем, насыщенных необычными вкраплениями и авторскими «репризами» без штампов и культурных предрассудков; 4) мы обратили внимание также на экспрессивный накал словесных характеристик некоторых посланий, вызванных нетипичными ситуациями в филологической среде 1930—1950-х годов и непоколебимыми убеждениями Б. В. Томашевского и его коллег в отстаивании подлинных приоритетов в науке; 5) привлеченные документы доказывают, что эпистолярий может быть полноценным источником для изучения летописи отечественной науки в наиболее сложные, противоречивые периоды ее развития. Они обогащают, дополняют и уточняют известные сведения, позволяют под иным углом зрения подойти к оценке хрестоматийных явлений и увидеть много нового и полемичного в скрытой от глаз цензуре, а значит, будут способствовать объективному пониманию хода развития филологии XX века.

Источники и принятые сокращения

1. ОР РГБ — *Отдел* рукописей Российской государственной библиотеки (Москва). Ф. 645. (Томашевский Борис Викторович).

Литература

1. *Борис* Викторович Томашевский, 1890—1957 : к 100-летию со дня рождения / вступ. ст. Я. Л. Левкович. — Москва : Б. и., 1991. — 31 с.

2. *Виноградов В. В.* Величие и мощь русского языка : учебное пособие по русскому языку. Вып. 1 / В. В. Виноградов. — Москва : Правда, 1944. — 31 с.

3. *Виноградов В. В.* Великий русский язык / В. В. Виноградов. — Москва : Гослитиздат, 1945. — 172 с.

4. *Из воспоминаний* Н. Малышевой, вдовы академика В. В. Виноградова [Электронный ресурс] / Публикация и вступление Б. А. Успенского // Вестник Европы. — 2010. — № 28. — Режим доступа : https://magazines.gorky.media/vestnik/2010/28/iz-vospominanij-n-malyshevoj-vdovy-akademika-v-v-vinogradova.html (дата обращения 03.04.2021).

5. *Медведева-Томашевская И. Н.* Таврида : земной Элизий. Екатерина II, Пушкин, Лихачев и другие / И. Н. Медведева-Томашевская. — Санкт-Петербург : АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2020. — 608 с.

6. *Никитин О. В.* Власть ума (о Борисе Викторовиче Томашевском) / О. В. Никитин // Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение : курс лекций. — Москва : Флинта, 2019. — С. 6—12.

7. [*Пушкин А. С.*] Сочинения Пушкина. Т. 9. [Кн.] II: Примечания к историко-литературным, критическим, публицистическим и полемическим статьям и заметкам / А. С. Пушкин. — Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1929. — 1046 с.

8. *Робинсон М. А.* Первый Международный съезд славистов в Праге: надежды, разочарования и неосуществленные проекты (по материалам переписки русских славистов) / М. А. Робинсон // Славянский мир : общность и многообразие : к 1150-летию славянской письменности : международная научная конференция : тезисы : в 2 ч. Ч. 1 (20—21 мая 2013 г.). — Москва : Ин-т славяноведения РАН, 2013. — С. 80—84.

9. *Томашевский Б. В.* Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. — Ленинград : Гос. изд-во, 1925. — 232 с.

10. *Томашевский Б. В.* Краткий курс поэтики / Б. В. Томашевский. — Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1928. — 132 с.

11. *Томашевский Б. В.* О стихе : статьи / Б. В. Томашевский. — Ленинград : Прибой, 1929. — 326 с.

12. *Томашевский Б. В.* Пушкин. Книга первая (1813—1824) / Б. В. Томашевский. — Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1956. — 743 с.

13. *Томашевский Б. В*. Пушкин. Книга вторая. Материалы к монографии (1824—1837) / Б. В. Томашевский. — Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1961. — 575 с.

14. *Томашевский Б. В.* [Рецензия] / Б. В. Томашевский // Вопросы языкознания. — 1957. — № 3. — С. 127—134. — Рец. на кн. : В. О. Unbegaun. Russian versification. — Oxford, 1956. — 164 с.

15. *Jakobson R.* Fundamentals of Language / R. Jakobson, M. Halle. — The Hague : Mouton & Co, 1956. — 88 p.

16. *Vasmer M.* Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I—III / M. Vasmer. — Heidelberg : Karl Winter & Universitatsverlag, 1953—1958. [Bd. I. A—K. — 1953. — 712 s.; Bd. II. L—Ssuda, 1955. — 712 s.; Bd. III. Sta—Ÿ. — 1958. — 697 s.].

Material resources

OR RGB — *Department of Manuscripts of the Russian State Library (Moscow). (Tomashevskiy Boris Viktorovich)*. (In Russ.).

References

Jakobson, R., Halle, M. (1956). *Fundamentals of Language*. The Hague: Mouton & Co. 88 p.

Levkovich, Ya. L. (ed.). (1991). *Boris Viktorovich Tomashevskiy, 1890—1957: to the 100th anniversary of the birth*. Moscow. 31 p. (In Russ.).

Medvedeva-Tomashevskaya, I. N. (2020). *Taurida: earthly Elysium. Ekaterina I, Pushkin, Likhachev and others*. St. Petersburg: AST. 608 p. (In Russ.).

Nikitin, O. V. (2019). The power of the mind (about Boris Viktorovich Tomashevsky). In: Tomashevsky B. V. *Stylistics and versification: a course of lectures*. Moscow: Flinta. 6—12. (In Russ.).

Pushkin, A. S. (1929). *Works of Pushkin. Notes on historical-literary, critical, journalistic and polemical articles and notes*. Leningrad: Publisher USSR Academy of Sciences. 9/2. 1046 p. (In Russ.).

Robinson, M. A. (2013). The First International Congress of Slavists in Prague: Hopes, Disappointments and Unrealized Projects (Based on the Correspondence of Russian

Slavists) In: *Slavic World: Community and Diversity.* Moscow: In-t slavyanovedeniya RAN. *1*: 80—84. (In Russ.).
Tomashevskiy, B. V. (1925). *Literature theory. Poetics*. Leningrad: Gos. izd-vo. 232 p. (In Russ.).
Tomashevskiy, B. V. (1928). *A short course in poetics*. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo. 132 p. (In Russ.).
Tomashevskiy, B. V. (1929). *About the verse: articles*. Leningrad: Priboy. 326 p. (In Russ.).
Tomashevskiy, B. V. (1956). *Pushkin. Book one (1813—1824)*. Moscow; Leningrad: Publisher USSR Academy of Sciences. 743 p. (In Russ.).
Tomashevskiy, B. V. (1961). *Pushkin. Book two. Materials for the monograph (1824—1837).* Moscow; Leningrad: Publisher USSR Academy of Sciences. 575 p. (In Russ.).
Tomashevskiy, B. V. (1957). [Book Review: B. O. Unbegaun. Russian versification. Oxford, 1956. 164 p.]. *Voprosy Jazykoznanija, 3:* 127—134. (In Russ.).
Uspensky, B. A. (ed.). (2010). From the memoirs of N. Malysheva, the widow of Academician V. V. Vinogradov. *Europe bulletin, 28*. Available at: https://magazines.gorky.media/vestnik/2010/28/iz-vospominanij-n-malyshevoj-vdovy-akademika-v-v-vinogradova.html (accessed 03.04.2021). (In Russ.).
Vasmer, M. (1953—1958). *Russisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg: Karl Winter & Universitatsverlag. *I—III*. (In Germ.).
Vinogradov, V. V. (1944). *The greatness and power of the Russian language: a textbook on the Russian language*. Moscow: Pravda. 31 p. (In Russ.).
Vinogradov, V. V. (1945). *Great Russian language*. Moscow: Goslitizdat. 172 p. (In Russ.).

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Ребрина Л. Н. Проблематизация социальной реальности в коммуникативных практиках конфликтной мобилизации в сообществах социальных сетей Германии / Л. Н. Ребрина, Н. Л. Шамне // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 73—86. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-73-86.

Rebrina, L. N., Shamne, N. L. (2021). Problematization of Social Reality in Communicative Practices of Conflict Mobilization in Communities Social Networks in Germany. *Nauchnyi dialog, 8:* 73-86. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-73-86. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-73-86

Проблематизация социальной реальности в коммуникативных практиках конфликтной мобилизации в сообществах социальных сетей Германии

Ребрина Лариса Николаевна
orcid.org/0000-0003-0512-980X
ResearcherID G-6420-2015
Scopus Author ID 56241972800
доктор филологических наук
ведущий научный сотрудник
lnrebrina@volsu.ru

Шамне Николай Леонидович
orcid.org/0000-0002-5745-8907
Researcher ID S-8228-2016
Scopus Author ID 56241492800
доктор филологических наук
директор института филологии и межкультурной коммуникации
nikolay.shamne@volsu.ru

Волгоградский
государственный университет
(Волгоград, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00193

Problematization of Social Reality in Communicative Practices of Conflict Mobilization in Communities Social Networks in Germany

Larisa N. Rebrina
orcid.org/0000-0003-0512-980X
ResearcherID G-6420-2015
Scopus Author ID 56241972800
Doctor of Philology
Leading Researcher
lnrebrina@volsu.ru

Nikolay L. Shamne
orcid.org/0000-0002-5745-8907
Researcher ID S-8228-2016
Scopus Author ID 56241492800
Doctor of Philology
Director of the Institute of Philology and Intercultural Communication
nikolay.shamne@volsu.ru

Volgograd State University
(Volgograd, Russia)

Acknowledgments:
The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00193

© Ребрина Л. Н., Шамне Н. Л., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены результаты изучения предметного системно-коммуникативного измерения практик конфликтной мобилизации в социальных сетях Германии в контексте медиатизации политики и постулатов успешности конфликтной коммуникации Гарвардской школы конфликтологии. Определяются сферы жизни общества, характеризуемые с позиции наблюдателей — участников сообществ мобилизации — как сосредоточение проблемных ситуаций и явлений. Факт достижения запланированного воздействия при проблематизации фрагментов социальной реальности подтверждается преобладанием солидарных реакций адресатов. Делается вывод о преимущественном предъявлении фрагментов социальной реальности как угрозы посредством прямой оценки, указания на необходимость противостояния как главной задачи сообщества, широких призывов к борьбе и критики оппонента; о доминирующем подкрепленном предъявлении оценки адресату. Описаны получающие отражение в практиках конфликтной мобилизации следствия современной медиации в политической сфере, в том числе, изменяющиеся характеристики и установки коммуникантов. Мобилизационные практики характеризуются как практики институциализации протеста и разрешения конфликта. Показывается, что изучаемые дискурсивные практики сочетают в себе черты разных стратегий разрешения конфликта, обнаруживают частичные отклонения от постулатов успешной конфликтной коммуникации, сформулированных представителями Гарвардской школы конфликтологии в концепции «Принципиальные переговоры».

Ключевые слова:
протестная коммуникация; сообщество в социальной сети, конфликтная мобилизация, проблематизация социальной реальности; медиатизация политики.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The results of studying the subject system-communicative dimension of conflict mobilization practices in social networks in Germany in the context of mediatization of politics and postulates of successful conflict communication of the Harvard School of Conflictology are presented in the article. The spheres of social life, characterized from the perspective of observers — members of mobilization communities — as a concentration of problem situations and phenomena are determined. The fact of achieving the planned impact when problematizing fragments of social reality is confirmed by the predominance of solidarity reactions of the addressees. The conclusion is made about the predominant presentation of fragments of social reality as a threat through a direct assessment, an indication of the need for confrontation as the main task of the community, broad calls for struggle and criticism of the opponent; about the dominant reinforced presentation of the assessment to the addressee. The consequences of modern mediation in the political sphere, which are reflected in the practices of conflict mobilization, including the changing characteristics and attitudes of communicants, are described. Mobilization practices are characterized as the practice of institutionalizing protest and conflict resolution. It is shown that the studied discursive practices combine the features of different conflict resolution strategies, reveal partial deviations from the postulates of successful conflict communication, formulated by representatives of the Harvard School of Conflictology in the concept of “Principled Negotiations”.

Key words:
protest communication; community in a social network, conflict mobilization, problematization of social reality; mediatization of politics.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.112.2’42:004.738.5

Проблематизация социальной реальности в коммуникативных практиках конфликтной мобилизации в сообществах социальных сетей Германии

© Ребрина Л. Н., Шамне Н. Л., 2021

1. Теоретико-методологические основы изучения предметного измерения конфликтной мобилизации в сообществах социальных сетей

В рамках нашего исследования современный протест интерпретируется а) как феномен, отражающий сопряжение политической и медиасферы [Oniszczuk, 2011] и результирующее привнесение в медиатизированную политическую коммуникацию функций СМИ [Паулов, 2008]; б) с позиций широкого коммуникативного подхода как коммуникативная система со своими системно-коммуникативными характеристиками, конституирующими ее измерения: пространственно-временное (прототипические дискурсивные практики с их жанровыми особенностями); коллективно-личностное (дискурсивно конструируемые образы адресанта, адресата; особенности их коммуникативного поведения); предметное (проактивно-реактивное конструирование, а именно: проблематизация реальности) [Бараш и др., 2018; Ребрина, 2020]. Говоря о дискурсивной проблематизации, мы опираемся на тезис о гносеологической неопределенности современной постмодернисткой социальной действительности (обусловливается интерсубъективно приписываемыми действительности значениями и оценками, относительностью знаний о любом из процессов в обществе) [Гилинский, 2018, с. 17; Bauman, 2004; Kurzweil, 2005]. Мы исходим также из имеющихся научных результатов, свидетельствующих в пользу связи технологических изменений с социокультурными; указывающих на детерминируемое глобализацией информационных и коммуникативных процессов, современной медиацией изменение мышления, а именно — формирование Net-мышления как адаптивного механизма сознания, что находит отражение в актуальных дискурсивных практиках [Казимирчик, 2014; Катречко, 2004; Курбатов, 2017; Пронина, 2001; Ребрина, 2020; Small et al., 2009].

Объект нашего исследования — коммуникативные практики конфликтной мобилизации в сообществах социальных сетей (СС) Германии в период 2019—2021 годов, включающие, как показало предыдущее исследование, внешние публикации, которыми делятся в сообществе его члены;

CC BY

публикации сообщества с целью косвенной мобилизации (целенаправленного информирования для разделения определенных знаний и отношения, поддержания консолидации участников группы против оппонента); администрируемые публикации, непосредственно мобилизующие сообщество к участию в протестной онлайн- / офлайн-акции [Ребрина, 2021]. Состав исследуемых сообществ гетерогенен, включает потребителей контента и продуцентов собственного контента, участников, поддерживающих сильные и слабые связи, интернет-скептиков, умеренно активных и активных интернет-пользователей [Докука, 2014]. Протестная мобилизация в исследуемых сообществах СС базируется на распределенном посредством самовыставленных фильтров информировании (информирование из референциального поля интернет-пользователя, его «круга доверия», частично совпадающего с границами сообщества в СС; при этом ближние связи пользователя все больше замещаются «экспертами» в релевантной предметной области) [Ваньке и др., 2014; Докука, 2014; Ребрина, 2021]. Используются организационный (создание условий консолидации сообщества в СС), информационный (администрируемое селективное информирование), психологический (управление эмоциями, мотивацией, установками), семантический (создание семантических полей вокруг предъявляемой идеи, обращение к культурным нормам с целью изменения аксиологического пространства адресата, его поведения), коммуникативный (придание публичности и стимулирование коммуникации об объекте проблематизации), педагогический (развитие политического мышления, сознательности и гражданской активности) способы мобилизации [Киняшева, 2018]. Взаимодействие в сообществах конфликтной мобилизации в СС Германии осуществляется в рамках модели «мы — они», базирующейся на самопрезентации, противопоставлении и консолидации против общего оппонента [Ребрина, 2021].

Исследуемые мобилизационные практики представляют собой практики институционализированного разрешения конфликта. Конфликт при должном качестве коммуникации может выполнять конструктивную функцию, раскрывая противоречия, функционируя как источник развития в поиске решений. Удовлетворительность коммуникации в рамках конфликтной мобилизации может быть охарактеризована в параметрах постулатов концепции принципиальных переговоров представителей Гарвардской школы конфликтологии Р. Фишер и У. Юри [Fisher et al., 2011].

Материалом исследования послужила выборка из протестных сообществ СС Facebook (например, «Aufstehen Bundesweit» [AB], «Fridays gegen Altersarmut» [FGA], «Gegen Gentrifizierung in Köln» [GGK], «Wir brauchen den Widerstand gegen rechts!» [WBWgR], «Wir Wutbürger leisten jetzt Widerstand!» [WWLW]) общим объемом 2015 публикаций.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

2. Закономерности проблематизации социальной реальности в немецкоязычных практиках конфликтной мобилизации в сообществах социальных сетей

Количественный анализ актуализируемых тематических доминант в исследовательском корпусе практик конфликтной мобилизации в сообществах СС Германии позволил выделить релевантные сферы, к которым относятся проблематизируемые ситуации, то есть наиболее неблагоприятные, вызывающие неудовольствие и протестные настроения активных граждан (продуцирующих собственный контент или делящихся внешними сообщениями в сообществах) (рис. 1). Согласно полученным результатам следующие сферы воспринимаются адресантами и со-адресантами (членами сообщества, поделившимися внешней публикацией и продемонстрировавшими солидарность с ее автором [Ребрина, 2020]) как сосредоточение событий и явлений с «индексом угрозы»: «антиковидные меры, вакцинация, локдаун», «экономические решения правительства», «А. Меркель и ее миграционная политика», «пенсионная реформа», «курс крайне правых сил, их растущая популярность». При этом «проблемными сферами», объединившими наибольшее количество интернет-пользователей Германии в сообщества (исходя из количественного состава мобилизационных сообществ в СС), являются следующие: «положение пенсионеров и пенсионная реформа», «действия крайне правых сил» («Альтернатива для Германии»), «антиковидные меры и вакцинация», что отражает позицию широких слоев населения (разных типов участников; см. выше о гетерогенном составе сообществ). Это подтверждает также и оценка активности

Рис. 1. «Сферы-источники» объектов проблематизации в конфликтной мобилизации сообществ СС Германии

CC BY

солидарных онлайн-реакций участников сообществ (учитывалось общее количество всех форм интерактивного одобрения — солидарные комментарии, репосты, знаки интерактивных оценок, например, со значением «нравится», «мы вместе», «супер», «возмутительно», «сочувствую» и мн. др.): наибольшая активность сопровождает критические публикации о политике крайне правых, антиковидных мерах, пенсионной реформе и бедности в старости (в порядке убывания).

Косвенным подтверждением конструирования (а именно — проблематизации) социальной реальности служит однозначное превалирование солидарных реакций членов сообщества к публикациям (97,89 %) над возражающими и критикующими, что указывает на достижение запланированного результата, желаемое восприятие адресата (присвоение, разделение транслируемых образов и отношения).

Как показывает анализ, в исследуемых мобилизационных практиках предъявление обстоятельства / ситуации как угрозы, проблемы реализуется преимущественно посредством транслирования прямой оценки, заявлений о необходимости бороться против, призывов к членам сообщества изменить ситуацию, обвинений оппонента (субъекта власти, политической силы) (табл. 1) Реализация тактики контрастирующей позитивной оценки предыдущего состояния имеет единичный характер (например, *Die Rentenkasse* ***war früher immer gut gefüllt****, aber wenn man damit seit Jahren andere Löcher stopft <...> ist das kein Wunder* [FGA, 23.04.2021] — *Раньше пенсионный фонд всегда был хорошо наполнен, но если годами затыкать им другие дыры <...> то неудивительно*). При этом оценка чаще всего предъявляется как разделяемая многими или как моральная аксиома (то есть без требуемого обоснования, как понимаемая и принимаемая всеми). Тактики, реализующие стратегию предъявления оценки, представлены в таблице (табл. 1).

Современная медиатизированная политическая сфера нацелена на создание и контроль медиарельности, определяемой, в числе прочего, и логикой медиа [Ребрина, 2020]. Процесс медиатизации политики и личности, его результаты получают подтверждение и отражение в описываемых мобилизационных практиках в следующих фактах:

а) редукция социальной реальности до симплифицированных, привлекающих адресата образов, выполняющих регулирующую и мотивационную функции (см. администрируемое селективное информирование, превалирование психологической аргументации, возрастающая роль эмоционального разделения и эмоциональной приверженности, редукция позиций оппонента до его обвинения, критики);

б) виртуализация социального, смещение границ публичного и приватного, взаимопроникновение категорий адресанта и адресата (см. частотность

CC BY

Таблица 1

Стратегии и тактики проблематизации социальной реальности в рамках конфликтной мобилизации в сообществах СС

Тактика	(%)	Пример
СТРАТЕГИЯ ОБОСНОВАНИЯ СТАТУСА «ПРОБЛЕМА»		
указания на негативные последствия имеющей место ситуации / обстоятельства	8,4	*Damit **wird sich auch die Wohnungskrise verschärfen**. **Es drohen:** Kündigungen und Zwangsräumungen, Strom- und Wassersperren, … Zwangsversteigerungen* [GGK, 28.03.2020]. — *Тем самым усугубится и жилищный кризис. Нам грозят увольнения, насильственные выселения, перебои с электро- и водоснабжением, … принудительные продажи имущества.*
непосредственной отрицательной оценки современного состояния	31,7	*Tote als Propagandamittel zu missbrauchen ist **ekelhaft*** [WBWgR, 26.04.2021]. — *Отвратительно использовать мертвых как средство пропаганды; Ein Land begeht angekündigten, kollektiven **Selbstmord*** [WBWgR, 21.04.2021]. — *Страна совершает объявленное коллективное самоубийство; Deutschland droht ein **Rentenkollaps*** [WBWgR, 23.04.2021]. — *Германия на пороге пенсионного коллапса.*
обвинения оппонента (субъекта власти, его сторонников) как доказательство неблагоприятности ситуации	15,5	*Es ist normal, dass in Krisenzeiten die Menschen ihr Bedürfnis nach Sicherheit und Schutz auf die Regierung projizieren — aber **sicher** ist **bei der CDU nur eins**: dass sie es momentan **auf ganzer Linie vergeigt**!* [AB, 18.02.2021]. — *Это нормально — во время кризиса проецировать свои потребности в надежности и защите на правительство — но относительно ХДС только одно можно сказать с уверенностью: в настоящее время в их деятельности провал по всем фронтам!*
заявления в качестве / цели задачи сообщества «бороться против» как аргумент в пользу негативной оценки ситуации	21,5	*Wir werden deshalb in Solidarität mit den Bewohner*innen ein weiteres Mal **auf die Straße gehen**. Wir werden **nicht akzeptieren**, dass Menschen ihrer selbst aufgebauten Zukunft beraubt werden. <…> diese Menschen haben **das Recht, die Stadt zu gestalten** <…> Wir **werden nicht warten**, bis uns dieses Recht offiziell zugesprochen wird, sondern **uns dieses Recht nehmen** und **die Stadt von unten gestalten*** [GGK, 15.08.2020]. — *Поэтому мы вместе с жителями в следующий раз выйдем на улицу. Мы не хотим соглашаться с тем, что у людей крадут их будущее, которое они сами выстроили. <…> эти люди имеют право сами строить и преобразовывать свой город <…> Мы не будем ждать, пока нам официально дадут это право, мы сами возьмем*

CC BY

Продолжение табл.1

Тактика	(%)	Пример
		его в свои руки и будем создавать всем народом, «снизу» свой город.
призыва к членам сообщества изменить ситуацию как демонстрация недовольства ситуацией	22,9	*Deshalb* ***kommt*** *am 15.08. um 15:00 Uhr zum Heumarkt,* ***um für unkommerzielle und selbstverwaltete Räume in der Stadt zu kämpfen*** *und* ***gegen Verdrängung und Zwangsräumung zu protestieren****. Die Häuser denen, die sie brauchen!* [GGK, 15.08.2020]. — Поэтому приходите 15.08 в 15.00 к Сенному рынку, чтобы бороться за некоммерческое и самоуправляемое городское пространство, протестовать против вытеснения и принудительного выселения. Дома — тем, кто в них нуждается!
СТРАТЕГИЯ (ПОДКРЕПЛЕННОГО / НЕПОДКРЕПЛЕННОГО) ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ОЦЕНКИ		
представления оценки как разделяемой многими	32,8	***Wir sind fassungslos.*** *Eine großartige Chance für viele Menschen in unserem Land ist heute vertan worden* [GGK, 15.04.2021]. — *Мы ошеломлены. Сегодня огромная возможность для многих людей в нашей стране была упущена.*
представления оценки как моральной аксиомы	30,6	(о повышении пенсионного возраста до 69 лет) *Wie* ***zynisch und gewissenlos*** *kann man … eigentlich sein? Schon jetzt mit der Rente ab 67* ***ist eindeutig klar****, dass die allermeisten …, die körperlich anstrengenden Berufen nachgehen, nicht bis zum regulären Renteneintrittsalter in Vollzeit durcharbeiten können.* ***Es ist nicht länger hinnehmbar****, dass Rentnerinnen und Rentner … Flaschen sammeln müssen und die staatliche Rente nicht zum Leben reicht …* [FGA, 17.04.2021] — Это насколько циничным и бессовестным нужно быть…? Даже сейчас, при пенсионном возрасте 67 лет, ясно, что подавляющее большинство... занимающихся тяжелым физическим трудом, не могут до достижения пенсионного возраста работать полный рабочий день. Нельзя терпеть, что пенсионеры … должны собирать бутылки, что государственной пенсии недостаточно для жизни.
представления оценки как разделяемой авторитетом	17,4	***Otto Teufel, der beste Rentenexperte Deutschlands*** *…* ***hat*** *in filigraner Recherche …* ***nachgewiesen****, dass seit 1957 bis heute weit über 950 Milliarden Euro aus Rentenversicherungsbeiträgen für allgemeine staatlich Aufgaben entnommen wurden. … Wäre diese Summe in der Rentenkasse geblieben, hätten wir heute ein Rentenniveau wie in Österreich* [WWLW, 26.04.2021]. — Отто Тойфель, лучший пенсионный эксперт Германии…, доказал филигранными исследованиями…, что с 1957 года более

CC BY

Окончание табл.1

Тактика	(%)	Пример
		950 миллиардов евро были изъяты из пенсионного страхования для решения общегосударственных задач. <…> Останься эта сумма в пенсионном фонде, у нас сегодня были бы пенсии, как в Австрии.
представления оценки как индивидуальной оценки адресанта	19,2	*ich versuche ernsthaft das Handeln unserer Regierung und den Unterschied zwischen "und" und "oder" zu verstehen <...> Das Gegenteil eines Dilemmas, nur eine Wahl haben, das heißt in Wirklichkeit keine Wahl* [WBWgR, 27.04.2021]. — Я серьезно пытаюсь понять действия нашего правительства и разницу между «и» и «или» <...> Противоположность дилемме — иметь выбор, но в действительности это означает отсутствие выбора.

актуализации статусов со-адресанта и со-адресата и континуальное совмещение ролей адресанта и адресата [Ребрина, 2021]; частотность коммуникативных средств формирования интернет-солидарности и оценочности; растущая публичная субъективность, снижение приоритета объективного; например, закрепленное предупреждение участникам сообщества «Die Rente muss zum Leben reichen»: *Wir bitten, künftig nur noch Beiträge, die Fakten und Zahlen enthalten nur noch einzureichen, wenn sie mit belegbaren Quellen versehen sind. Ansonsten kann es passieren, dass die Gruppe, wegen Verbreitung von nicht belegbarer Informationen, geschlossen* wird [RMLR, 05.05.2020]. — В будущем мы просим вас отправлять материалы, содержащие факты и цифры, только если они взяты из проверенных источников. В противном случае группа может быть закрыта из-за распространения непроверенной информации);

в) умножение субъектов политической коммуникации (фактор опыта или компетентности становится менее релевантным);

г) трансгрессивность коммуникативных практик (то есть максимизация «силы текста» и воли адресанта при сокращении формы послания [Ребрина, 2020]);

д) персонализация политических коммуникативных практик (см. адресность воздействия, индивидуализация информирования, функционирование самовыставленных фильтров, идентифицирование, презентация и статистика участников).

Еще одним проявлением и, одновременно, следствием медиатизации является развитие новых психических характеристик коммуникантов, а именно: ориентированность на симультанную разноформатную информацию и синкретизм восприятия (см. о Net-мышлении [Катречко, 2004; Курбатов, 2017; Пронина, 2001; Ребрина, 2020]), на равноценность логического и эмоционального; замещение дефицита объективного субъективным,

CC BY

синтеза — комбинаторикой; толерантность к неполной, неопределенной, чрезмерной информации; установка на интерактивность как способ достижения цели и полифоничность как конституирующий признак современных мобилизационных практик (практики реализуются только при дополнении со стороны других участников, задействовании разнородного интерактивного инструментария).

Коммуникативные практики мобилизации в СС как практики институциализации протеста и разрешения конфликта (острого несовпадения позиций) [Fisher et al., 2011] способны при их удовлетворительности служить оптимизации конструктивной силы конфликта, формируя общественный резонанс и «повестку дня», убежденность в необходимости изменений [Deutsch et al., 2006]. При этом выполненный анализ указывает на сочетание в исследуемых практиках превалирующей стратегии жесткого разрешения конфликта (используются давление общественного резонанса, обвинения оппонента, подкрепленное предъявление оценки как разделяемой большинством или моральной аксиомы) и стратегии затяжных переговоров (характерно администрируемое информирование и манипулирование, доминирование доводов к этосу и эмоциональному опыту адресата).

Как показывает изученный материал, в практиках конфликтной мобилизации в СС имеет место несоблюдение большинства постулатов метода принципиальных переговоров Р. Фишера и У. Юри: а) частичное несоблюдение постулата № 1 о непродуктивности переноса отрицательной оценки проблемной ситуации на оппонента (проявления: частотность в публикациях сообществ и комментариях участников критики оппонента и его негативной оценки как средства конфликтной солидаризации, конструирования идентичности сообщества, редукция фактов до удовлетворяющих собственной позиции); б) частичное несоблюдение постулата № 2 о первостепенной значимости интересов сторон, а не позиций (проявления: эмоциональность, категоричность, субъективность как распространенные характеристики публикаций сообществ и комментариев участников, умалчивание взглядов, интересов оппонента); в) частичное несоблюдение постулата № 4 о расширении спектра объективных аргументов и критериев оценки (проявления: периферийный характер тактики апелляции к авторитету при предъявлении оценки, между тем в качестве экспертного подкрепления возможно было бы использовать мнение компетентных лиц, профильных служб / ведомств, частотные прецедентные случаи, отсылку к нормам и пр.). В исследуемых мобилизационных практиках, как правило, не предлагается какое-либо решение проблемы (см. постулат № 3 Р. Фишера и У. Юри, ориентирующий на поиск альтернативных решений [Fisher et al., 2011]), что, однако, продиктовано жанровыми признаками описываемых дискурсивных практик.

CC BY

3. Выводы

В актуальных коммуникативных практиках конфликтной мобилизации в сообществах СС Германии реализуемая модель взаимодействия «мы — они» базируется на использовании разных способов мобилизации. Как наиболее «проблемные», с высоким «индексом угрозы» интернет-пользователями Германии воспринимаются процессы и ситуации, связанные с пандемией, экономическим курсом и миграционной политикой правительства, положением пенсионеров и пенсионной реформой, деятельностью крайне правых политических сил. При этом оценка степени остроты и опасности названных сфер несколько отличается у активных, среднеактивных и пассивных членов сообщества. В пользу достижения запланированного воздействия, разделения адресатом проблематизации фрагментов реальности свидетельствует явное доминирование солидарных реакций участников. Само предъявление некого обстоятельства, явления как проблемы реализуется преимущественно посредством транслирования прямой оценки, провозглашения противостояния в качестве задачи сообщества, адресованных сообществу призывов к борьбе, обвинений оппонента. Преобладает подкрепленное предъявление оценки. В исследуемых практиках отражаются следствия современной медиации в политической сфере: редукция социальной реальности до привлекающих адресата образов, виртуализация социального, смещение границ публичного и приватного, умножение субъектов коммуникации и взаимопроникновение категорий адресанта и адресата, трансгрессивность и персонализация коммуникативных практик; изменяющееся отношение коммуникантов к субъективному и объективному, логическому и эмоциональному, неопределенности и чрезмерности; полифоничность как конституирующий признак современных протестных интернет-практик. Представляя собой практики институциализации протеста и разрешения конфликта, описанные дискурсивные практики обнаруживают черты стратегии жесткого разрешения конфликта и стратегии затяжных переговоров, частичное отклонение от большинства постулатов успешной конфликтной коммуникации, сформулированных представителями Гарвардской школы конфликтологии Р. Фишером и У. Юри.

Источники и принятые сокращения

1. AB — *Aufstehen* Bundesweit [Electronic resource]. — Access mode : https://www.facebook.com/groups/243166236489815/ (accessed 13.04.2021).

2. FGA — *Fridays* gegen Altersarmut [Electronic resource]. — Access mode : https://ru-ru.facebook.com/groups/436259326993185/ (accessed 18.04.2021).

3. GGK — *Gegen Gentrifizierung* in Köln [Electronic resource]. — Access mode : https://ru-ru.facebook.com/groups/853735811320023/ (accessed 23.04.2021).

4. WBWgR — *Wir* brauchen den Widerstand gegen rechts! [Electronic resource]. — Access mode : https://www.facebook.com/groups/1584361998467221/ (accessed 27.04.2021).

5. WWLW — *Wir* Wutbürger leisten jetzt Widerstand! [Electronic resource]. — Access mode : https://www.facebook.com/groups/3916953541654099 (accessed 03.05.2021).

Литература

1. *Бараш Р. Э.* Системно-коммуникативное исследование радикальных движений, или как возможна научная теория протеста / Р. Э. Бараш, А. Ю. Антоновский // Философский журнал. — 2018. — № 11 (2). — С. 91—105. — DOI: 10.21146/2072-0726-2018-11-2-91-105.

2. *Ваньке А.* Интернет-коммуникации как средство и условие политической мобилизации в России (на примере движения «За честные выборы») / А. Ваньке, И. Ксенофонтова, И. Тартаковская // Inter. — 2014. — № 7. — С. 44—73.

3. *Гилинский Я.* Человеческое, слишком человеческое — Human, toohuman / Я. Гилинский // Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований. — 2018. — № 3 (129). — С. 15—18.

4. *Докука С. В.* Коммуникация в социальных онлайн-сетях как Фактор протестной мобилизации в России : автореферат диссертации … кандидата социологических наук : 22.00.04 / С. В. Докука. — Москва, 2014. — 27 с.

5. *Казимирчик Л. В.* Феномен медиатизации публичной политики : теоретико-методологический аспект / Л. В. Казимирчик // Теория и практика общественного развития. — 2014. — № 11. — С. 99—103.

6. *Катречко С. Л.* Интернет и сознание: к концепции виртуального человека Трансформация сознания в эпоху Интернета [Электронный ресурс] / С. Л. Катречко // Влияние Интернета на сознание и структуру знания. — Москва : ИФ РАН. — 2004. — Режим доступа : https://www.iph.ras.ru/page50056493.htm (дата обращения 28.02.2020).

7. *Киняшева Ю. Б.* Социальные сети как инструмент политической мобилизации граждан в современной России / Ю. Б. Киняшева // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2018. — № 3. — С. 3—10.

8. *Курбатов В. И.* NET-мышление: новые реалии информационной эры / В. И. Курбатов // Гуманитарий юга России. — 2017. — Т. 6, № 6. — С. 173—181. — DOI: 10.23683/2227-8656.2017.6.14.

9. *Паулов С. В.* Медиатизация политики и место СМИ в системе политической коммуникации / С. В. Паулов // Вестник Читинского государственного университета. — 2008. — № 1 (46). — С. 26—30.

10. *Пронина Е. Е.* «Живой текст»: четыре стилевых признака Net-мышления / Е. Е. Пронина // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2001. — № 6. — С. 74—80.

11. *Ребрина Л. Н.* Системно-коммуникативные измерения современного протеста (на материале немецкоязычных онлайн-петиций) / Л. Н. Ребрина, Н. Л. Шамне // Научный диалог. — 2020. — № 3. — С. 151—167. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-151-167.

12. *Ребрина Л. Н.* Конфликтная мобилизация в сообществах социальных сетей как актуальная практика протестной коммуникации : коллективно-личностное измерение / Л. Н. Ребрина // Научный диалог. — 2021. — № 5. — С. 115—139. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-115-139.

13. *Bauman Z.* Wasted lives. Modernity and its outcasts / Z. Bauman. — Cambridge : Polity Press, 2004. — 113 p. — ISBN-13: 978-0745631653.

14. *Deutsch M*. The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice / M. Deutsch, P. T. Coleman, E. C. Marcus. — San Francisco : Jossey-Bass Publishers, 2006. — 960 p. — ISBN 978-0585221229.

15. *Fisher R*. Getting to Yes: Negotiating Agreement Without Giving in / R. Fisher, W. Ury, B. Patton. — New York : Penguin Books, 2011. — 204 p. — ISBN 9780143118756.

16. *Kurzweil R.* The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology / R. Kurzweil. — New York : PG, 2005.

17. *Oniszczuk Z*. Mediatisation of Politics and Politicisation of the Media. Two Dimensions of the Relationship / Z. Oniszczuk // Studiów Medioznawczych. — 2011. — № 4 (47). — P. 1—15.

18. *Small G.* I-Brain: Surviving the Technological Alteration of the Modern Mind / G. Small, G. Vorgan. — New York : Harper-Collins, 2009. — 256 p.

Material resources

AB — *Aufstehen Bundesweit*. Available at: https://www.facebook.com/groups/243166236489815/ (accessed 13.04.2021). (In Germ).

FGA — *Fridays gegen Altersarmut*. Available at: https://ru-ru.facebook.com/groups/436259326993185/ (accessed 18.04.2021).

GGK — *Gegen Gentrifizierung in Köln*. Available at: https://ru-ru.facebook.com/groups/853735811320023/ (accessed 23.04.2021).

WBWgR — *Wir brauchen den Widerstand gegen rechts!* Available at: https://www.facebook.com/groups/1584361998467221/ (accessed 27.04.2021).

WWLW — *Wir Wutbürger leisten jetzt Widerstand!* Available at: https://www.facebook.com/groups/3916953541654099 (accessed 03.05.2021).

References

Barash, R. E., Antonovsky, A. Yu. (2018). System-based communication research of radical movements, or as a possible scientific theory of protest. *Philosophical Journal*, *11 (2):* 91—105. DOI: 10.21146/2072-0726-2018-11-2-91-105. (In Russ.).

Bauman, Z. (2004). *Wasted lives. Modernity and its outcasts*. Cambridge: Polity Press. 113 p. ISBN-13: 978-0745631653.

Deutsch, M., Coleman, P. T., Marcus, E. C. (2006). *The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice*. San Francisco: Jossey-Bass Publishers. 960 p. ISBN 978-0585221229.

Dokuka, S. V. (2014). *Communication in social online networks as a factor of protest mobilization in Russia*: author's abstract of PhD Diss. Moscow. 27 p. (In Russ.).

Fisher, R., Ury, W., Patton, B. (2011). *Getting to Yes: Negotiating Agreement Without Giving in*. New York: Penguin Books. 204 p.

Gilinskij, Ya. (2018). Human, too human — Human, toohuman. *Telescop, 3 (129):* 15—18. (In Russ.).

Katrechko, S. L. (2004). Internet and consciousness: towards the concept of a virtual person Transformation of consciousness in the era of the Internet. In: *Influence of the Internet on consciousness and the structure of knowledge.* Moscow: IP RAS. Available at: https://www.iph.ras.ru/page50056493.htm (accessed 28.02.2020).

CC BY

Kazimirchik, L. V. (2014). The phenomenon of public policy mediatization: theoretical and methodological aspect. *Theory and practice of social development, 11:* 99—103. (In Russ.).

Kinyasheva, Yu. B. (2018). Social networks as a tool of political mobilization of citizens in modern Russia. *Proceedings of the Tula State University. Humanities, 3:* 3—10. (In Russ.).

Kurbatov, V. I. (2017). NET thinking: new realities of the information era. *Humanitarians of the South of Russia, 6 (6):* 173—181. DOI: 10.23683/2227-8656.2017.6.14. (In Russ.).

Kurzweil, R. (2005). *The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology*. New York: PG.

Oniszczuk, Z. (2011). Mediatisation of Politics and Politicisation of the Media. Two Dimensions of the Relationship. *Studiów Medioznawczych, 4 (47):* 1—15.

Paulov, S. V. (2008). The public policy mediatisation and mass media in the system of political communication. *Bulletin of the Chita State University, 1 (46):* 26—30. (In Russ.).

Pronina, E. E. (2001). "Live text": four stylistic features of Net thinking. *Bulletin of Moscow University. Episode 10: Journalism, 6:* 74—80. (In Russ.).

Rebrina, L. N., Shamne, N. L. (2020). Systemic-Communicative Dimensions of Modern Protest (based on German-Language Online Petitions). *Nauchnyi dialog*, *3:* 151—167. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-151-167. (In Russ.).

Rebrina, L. N (2021). Conflict Mobilization in Social Networks Communities as an Actual Practice of Protest Communication: Collective-Personal Dimension. *Nauchnyi dialog, 5:* 115-139. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-115-139. (In Russ.).

Small, G. (2009). *I-Brain: Surviving the Technological Alteration of the Modern Mind*. New York: Harper-Collins.

Vanka, A., Ksenofontova, I., Tartakovskaya, I. (2014). Internet communications as a means and condition of political mobilization in Russia (on the example of the movement "For Fair Elections"). *Inter, 7:* 44—73. (In Russ.).

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Рябцева Н. К. Когнитивные доминанты, лингвоспецифичность коммуникации и проблемы перевода / Н. К. Рябцева // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 87—111. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-87-111.

Riabtseva, N. K. (2021). Cognitive Dominants, Language-Specific Communication and Translation Problems. *Nauchnyi dialog, 8:* 87-111. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-87-111. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-87-111

Когнитивные доминанты, лингвоспецифичность коммуникации и проблемы перевода

Рябцева Надежда Константиновна
orcid.org/0000-0002-2042-4615
ResearcherID S-7138-2016
Scopus Author ID 55218430500
доктор филологических наук,
заведующая сектором
прикладного языкознания
nadia_riabceva@mail.ru

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Cognitive Dominants, Language-Specific Communication and Translation Problems

Nadezhda K. Riabtseva
orcid.org/0000-0002-2042-4615
ResearcherID S-7138-2016
Scopus Author ID 55218430500
Doctor of Philology,
Head of Applied
Linguistics Department
nadia_riabceva@mail.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

© Рябцева Н. К., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье объясняются ключевые когнитивные особенности процесса перевода, лингвоспецифичность межъязыковой коммуникации и вытекающие из них закономерности обучения переводу на иностранный язык: языковая интерпретация содержания исходного текста, его концептуальная адаптация по отношению к воспринимающей культуре и др. На многочисленных примерах в статье показано, что переводчики часто выбирают в качестве основных доминант перевода лингвистические данные и не учитывают его когнитивные и культурные аспекты. Особое внимание уделено проявлению лингвоспецифичности коммуникации на родном и иностранном языке, а также вполне «естественной» в подобных условиях межъязыковой интерференции, вызванной неконгруэнтностью контактирующих языков. Показана межъязыковая асимметрия функционально аналогичных средств выражения развернутых номинативных формул в русском и английском языках, закономерности установления их эквивалентности. Продемонстрированы особенности лингвоспецифичного выражения идиоматичности в русском и английском языке, в частности, на примере новых актуальных развернутых терминологических моделей, которые строятся в русском и в английском языке на различных основаниях, но, тем не менее, могут составлять вполне адекватные межъязыковые эквиваленты.

Ключевые слова:
когнитивные доминанты; лингвоспецифичность коммуникации; межъязыковая асимметрия; номинативность; идиоматичность; интерференция; лингвистическая неконгруэнтность; терминологичность

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The paper is devoted to explaining the key cognitive distinctions characteristic to translation process and its teaching. Among them are linguistic interpretation of the input text's contents, its conceptual adaptation to the accepting culture, etc. To demonstrate them, multiple examples are given to show that translators, particularly not trained enough, often choose for basic translation dominants in the accepting culture those equivalents that are primarily purely linguistic, ignoring conceptual and cultural background of the original and the accepting culture's notions and forms. Meanwhile, the latter help avoid such translation failures as literal / word by word translation, etc. Special attention in the paper is paid to the translation into the foreign, English, language, its contrastive culture-specific and communicative features as compared to those in the Russian language: to their cognitive dominants in communication and their cross-linguistic asymmetry and incongruency which generate quite «natural» cross-linguistic interference in Russian-English translation. It is particularly obvious when there are extensive textual nominal expressions, especially terminological, which demonstrate at present an active, extensive and productive usage in English, but present a serious problem in teaching English as a foreign language and translation into it. It is also shown that in Russian their cross-linguistic idiomatic analogues are language specific and show different patterns, but still can be adequately matched with their foreign counterparts.

Key words:
cognitive dominants; language-specific communication; cross-linguistic asymmetry; nominalization; idiomaticity; interference; linguistic incongruency; terminology.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 81’255.4+811.161.1’276.6+811.111’276.6+001.4

Когнитивные доминанты, лингвоспецифичность коммуникации и проблемы перевода

© Рябцева Н. К., 2021

1. Когнитивные доминанты и лингвоспецифичность межкультурной коммуникации

Перевод как один из видов межкультурной коммуникации, согласно современной когнитивной лингвистике, «основан на языковой интерпретации и концептуальной адаптации содержания исходного текста по отношению к воспринимающей культуре» [Болдырев, 2018, с. 34]. Изучение когнитивных основ переводческой деятельности и влияющих на нее факторов в общем виде представимо как «выбор переводчиком когнитивных доминант перевода, которые носят преимущественно интерпретативный характер» [Там же]. Одним из ведущих свойств межкультурной коммуникации выступает ее лингвоспецифичность, которая наиболее ярко проявляется в виде, в первую очередь, «прямого» (дословного, пословного) перевода с родного языка на иностранный (ср. «*military officer* — “военные офицеры” вместо “военнослужащие”») [Болдырев, 2018, с. 36]. Кроме того, взаимодействие стиля и содержания также часто бывает лингвоспецифично и жанрово обусловлено.

Так, существуют культурно-обусловленные лингвоспецифичные особенности коммуникации на русском и английском языке в принципе, а также во всех соответствующих стилях и жанрах, в том числе в научном общении. Кроме того, в каждом языке существуют свои лингвоспецифичные и динамичные коммуникативные форматы структурирования сообщения и текста [Евтушенко, 2018, с. 15—16; Swales, 2004]. Последние могут «копироваться» при переводе и создавать интерференцию родного и иностранного языка, часто вызывая непонимание текста у адресата («English foreign language writers may use the rhetorical conventions and patterns of their own native language to express their thoughts and ideas while writing a paper in English» [Valipour et al., 2017, p. 169]).

В целом можно сказать, что в современном, в том числе — и особенно — в научном мире, коммуникация на английском языке превращает английский язык в «*lingua franca*», что, с одной стороны, способствует единению научного сообщества и активному распространению новой научной информации («English as an international language plays an important role as a universal language» [Valipour et al., 2017, p. 172]). Так, сейчас в мире из ста ведущих

CC BY

международных научных журналов только 18 издаются за пределами США и Великобритании, и среди них только два не аффилированы с ведущими англоязычными научными издательствами («Of the top 100 scientific journals, only 18 are published outside the US/UK; of these only 2 were not affiliated with the giant science publishing houses (i.e. *Elsevier, Wiley, Springer* or *Cell Press*)» [Meneghini et al., 2007, p. 112]). Ср. в этой связи [Graddol, 2006]. С другой стороны, в этой ситуации повышается роль обучения английскому языку как иностранному вообще и как к средству международного научного общения — в частности. Особое значение приобретает необходимость обучения «английскому языку для академических целей» — English for Academic Purposes (EAP) («The trend towards using English as an academic *lingua franca* has undoubtedly increased the awareness of a need for specific EAP writing instruction» [Hüttner, 2010, p. 197]), ср. [Hyland, 2006]. Постоянно подчеркивается важность овладения английским языком как международным языком научной коммуникации (ср. «The need for genre literacy is increasingly becoming evident in academic writing courses, particularly in the realm of research article (RA) writing» [Alinasab et al., 2021, p. 18].

При этом ученые отмечают, что у начинающих возникает множество проблем не только с сочетаемостью, идиоматикой, синтаксисом и т. д. (что следовало бы ожидать), но и на самом элементарном — лексическом уровне [Hüttner, 2010; Рябцева, 2020]. Так, в исследовании [Hüttner, 2010] было показано, что даже такое предельно элементарное и чрезвычайно распространенное в научной литературе на английском языке понятие, как *study*, иностранными молодыми учеными почти не используется, скорее всего потому, что ассоциируется более с учебой, чем с научным изучением чего-либо. («A contributing factor to the avoidance of this term could be that for students *study* has connotations of learning rather than of research projects» [Hüttner, 2010, p. 212]). Ср. в этой связи «неиспользование» понятия *study* в переводах терминологических понятий, а также названий и аннотаций научных публикаций с русского языка на английский носителями русского языка, свидетельствующее о ярко выраженной асимметрии между научной речью на русском и на английском языке: *исследования в области теории (и практики)* перевода **vs**. *Translation Studies,* см. также: *Discourse Studies, Literary Studies* и т. п. Пример: «*Когнитивный подход в изучении* метафорической концептуализации» — «*Cognitive approach to the study of* metaphorical conceptualization» (КИЯ-34) **vs**. «*Cognitive studies in* metaphorical conceptualization»; ср. «Academic English is realised by specific discourse-genres that are characterised by definite rhetorical patterns of text organization» [Hyland, 2012, p. 159].

В когнитивной лингвистике проблемы, возникающие в процессе межкультурной коммуникации, квалифицируются как лингвистические, меж-

CC BY

личностные, (социо)культурные и собственно когнитивные [Boldyrev et al., 2019, p. 21]. При этом подчеркивается, что в каждом языке существуют свои собственные, лингвоспецифичные «коммуникативные стили общения» [Ting-Toomey, 1999], «стили мышления» и когнитивно-коммуникативные доминанты [Рябцева, 2018а]. В когнитивном отношении соответствующие межкультурные «несоответствия» объясняются, в первую очередь, тем, что одно и то же «концептуальное содержание», например, представление (концепт) о том, что такое «человек, говорящий на своем родном языке», в разных языках получает свое собственное, отличное от других, наименование, ср. русск. *носитель языка* vs. англ. *native speaker*, которое по-своему, лингвоспецифично, интерпретируется, концептуализируется и вербализуется в данных языках и которое нельзя перевести на другой язык дословно.

К числу наиболее характерных стилистических особенностей (письменной) коммуникации и потому ее универсальных когнитивных доминант принадлежат «номинативность» и «идиоматичность», которые в межъязыковой коммуникации носят ярко выраженный лингвоспецифический и культурно-обусловленный характер.

2. Номинативность и межъязыковая коммуникация

Одним из ключевых понятий в характеристике коммуникации, особенно письменной, выступает «именной характер изложения» [Кожина, 2006, с. 5] и, соответственно, номинативность и номинализация [Виноградов, 2001; Halliday, 2004]. Ср. «Academic writing is unique in its reliance on nominal/phrasal rather than clausal structures» [Biber et al., 2010, p. 12]. При этом доминантными способами репрезентации номинативности в разных языках выступают различные, неидентичные и потому лингвоспецифичные явления. Так, наиболее распространенным способом номинации и номинализации в письменных текстах на русском языке выступает генитивная конструкция [Кожина, 2006], тогда как в английском языке — номинативная конструкция вида «существительное + существительное» [Bailey, 2015; Swales, 2004]. Эти две грамматически различные, но концептуально идентичные конструкции в межъязыковом отношении характеризуются ярко выраженной асимметрией своего «устройства», а также чрезвычайной распространенностью в разного рода письменных официальных текстах, в том числе юридических, научных и т. п., ср. [Чарыкова, 2010].

3. Номинативность в английском языке: основной вид номинативных конструкций

Считается, что тенденция к экономии языковых средств и аналитическая деятельность человеческого мышления приводят, в частности в ан-

CC BY

глийском языке, к широкому распространению номинативных конструкций вида «существительное + существительное (+ существительное и т. д.)», которые в компактной и свернутой форме несут большую информационную нагрузку [Левицкий, 2019; Джиоева, 2018а; Schleppegrell, 1996, p. 272], что обеспечивает их широкое использование в разного рода официальных и других типах письменных текстов, заголовков, названий и т. д. Ср. «В английском научном стиле в отличие от соответствующего русского стиля наблюдается тенденция к экономии» [Забайкина, 2014, с. 5]. Сложность восприятия и особенно «порождения» номинативных конструкций английского языка носителями других языков объясняется, в первую очередь, их лингвоспецифичной природой, а также их полифункциональностью. Так, К. Кипер считает, что конструкции N+N в английском языке не относятся ни к морфологии, ни к синтаксису, а образуют самостоятельную категорию («N+N combinations cannot be reliably classed as being either syntactic or morphological objects, but form a category of their own» [Kuiper, 1999, p. 408], ср. [Bauer, 1998; Hacken, 2016].

Причем «лингвоспецифичное» проявление номинативности в английском языке в виде номинативных конструкций представляет собой одно из наиболее оригинальных, широко распространенных и ярко выраженных его явлений. Это связано с тем, что речевая репрезентация номинализации в английском языке «обусловлена именной синтаксизацией имени существительного… Беря свои истоки в грамматическом потенциале английского имени существительного, номинативность формируется на уровне синтаксиса в виде многокомпонентных именных цепочек» [Джиоева, 2018б, с. 232]. Особенно активно номинализация используется в научной речи на английском языке — с одной стороны, и еще более активно — в ее терминологии, что формирует «системную характеристику английского языка» [Джиоева, 2018б, с. 232].

Другие специалисты также подчеркивают: «Широкое употребление существительных в общем падеже в качестве препозитивных атрибутов считается одной из специфических характеристик английского языка и наиболее распространено именно в научном стиле. Употребление многокомпонентного номинативного словосочетания дает возможность передачи максимального количества информации при минимальном использовании грамматических средств связи, ср. *male lung cancer deaths* — «смертность мужского населения от рака легкого» [Забайкина, 2014, с. 5]; см. также [Гальперин, 2012]. И именно эта синтактико-грамматическая модель становится основой для образования неологизмов, особенно в виде общенаучных и специальных понятий, и именно научная проза наиболее благоприятствует созданию подобных именных не-

CC BY

ологизмов. Так, в текстах медицинских статей к ним относится большой пласт устойчивых выражений, не зафиксированных в словарях: *dose-dependency* — «в зависимости от дозы», *J-shaped relationship* — «доза, полезная до определенного значения, свыше — вредная» и т. п. [Забайкина, 2014, с. 12].

В русском языке подобных конструкций нет, поэтому неподготовленный переводчик использует эти средства в гораздо меньшей степени, чем носители языка в своей родной речи. Неслучайно специалисты в области преподавания английского как иностранного постоянно подчеркивают важность обучения «порождению» номинативных конструкций в английском языке («Nominal resources deserve greater attention in academic literacy instruction» [Fang et al., 2021, p. 5; Flowerdew, 2019]; Noun-noun collocations are particularly difficult to generate and use for those students, that do not have the same constructions in their own language [Hua et al., 2019, p. 156]). Специалисты обращают внимание на их часто «коллокационный» («устойчивый», фразеологизированный) характер и создают большое количество разнообразных по тематике, уровню обучения и целям соответствующие специальные лингвистические онлайн- и офлайн-ресурсы [Fang et al., 2021], количество и качество которых постоянно увеличивается и улучшается.

Показательно, что и понимание номинативных конструкций, в первую очередь специального или терминологического характера, представляет собой проблему, особенно для носителей других языков, поскольку номинативные конструкции, ввиду отсутствия у их компонентов каких-либо грамматических показателей, подразумевают некоторые специальные знания в данной области («Nominal groups… can be obscure and highly ambiguous if one does not know what they mean in advance» [Halliday, 2004, p. 197]). При этом само название номинативных конструкций в английском языке — noun–noun phrases / collocations / groups [Hanes, 2014, p. 129] — показывает их предельную естественность для него теперь уже во всех типах речи. Одно из наиболее ярких их свойств было указано в исследовании Вильяма Хейнса: «Номинативные конструкции становятся одним из продуктивных способов компрессии информации, который трудно освоить носителям других языков» («They become a creating language barrier that many scientists find difficult to overcome» [Ibid]). Ср. также название соответствующей публикации: «Nominal groups as an indicator of non-native English communication problems in top-ranked Brazilian science journals» [Hanes, 2014]. Так, в этой статье приводятся корпусные статистические данные, показывающие, что доля ошибок в порождении номинативных конструкций (НК) в английском языке носителями португальского (бразильского) языка зна-

чительно превышает количество других видов ошибок: пунктуационных, предложных, артиклиевых, терминологических:
НК — Nominal group error (subset of awkward collocation) 15,2 %
Пунктуация — Punctuation/capitalization error 12,5 %
Предлоги — Preposition use error 10,8 %
Артикли — Article error (unnecessary or lacking; definite vs. indefinite) 9,7 %
Терминология — Nonexistent or weakly supported terminology 4,1 %

Соответственно, делается вывод, что именно номинативные конструкции особо важны в научном тексте и именно поэтому М. А. К. Халлидей назвал их «основополагающими» для научной речи и особенно трудными для усвоения иностранцами («This is important type of construction, which Halliday identifies as foundational to scientific English… and especially problematic for non-native speakers» [Hanes, 2014, p. 135]. В специально проведенном корпусном исследовании переводов названий научных публикаций с русского языка на английский (выполненных носителями русского языка) также было установлено, что количество номинативных конструкций при этом значительно уступает количеству номинативных конструкций, используемых носителями английского языка [Рябцева, 2020].

А какие конструкции более всего соответствуют английским номинативным конструкциям «существительное + существительное» в русском языке и какие следствия из этого вытекают? Так, следующие примеры показывают, что основным средством передачи на английский язык самого распространенного в научных текстах на русском языке падежа — генитива — выступает предлог *of*, ср.: «Метафорические когнитивные модели создания сложных фитонимов» — «Metaphoric cognitive models for the formation *of* compound plant names»*;* «О границах креативности в языке: почему непонятное понятно» — «The boundaries *of* linguistic creativity: understanding absurdity»; «Термины как триггеры лингвистической креативности в комедийном кинодискурсе» — «Terms as triggers *of* linguistic creativity in comedy films» (примеры из КИЯ-№ 1 (41)).

Однако в случае злоупотребления при переводе предлогом *of* создается стилистически неаутентичный текст. Ср. в этой связи более естественные для английского языка модели: «Метафорические когнитивные модели создания сложных фитонимов» **vs**. *Metaphoric cognitive models for compound plant names formation*; «О границах креативности в языке: почему непонятное понятно» **vs**. *Linguistic creativity boundaries: understanding absurdity;* «Термины как триггеры лингвистической креативности в комедийном кинодискурсе» **vs**. *Terms as linguistic creativity triggers in comedy films*.

CC BY

4. Номинативность в русском языке: генитив в письменной (научной) речи на русском языке и его межъязыковая асимметрия

В русском языке письменные тексты, особенно официального характера, также стремятся к синтаксической и семантической компрессии, но преимущественным средством для их воплощения служат генитивные конструкции и их «цепочки»: «Современный научный стиль характеризуется стремлением к синтаксической компрессии — к сжатию, увеличению объема информации при сокращении объема текста. Поэтому для него характерны словосочетания имен существительных, в которых в функции определения выступает родительный падеж имени (*обмен веществ, коробка передач*)» [Владимирова, 2010, с. 9]. Ср. «В научной речи на русском языке наблюдается исключительная активность родительного падежа, так как он обозначает признак, отношение, принадлежность, количество и т. д. В результате порождаются цепочки родительных падежей: *единица измерения силы тока, закон преломления линий электрического смещения* и т. д.» [Владимирова, 2010, с. 23].

Генитив в русском языке выступает главным номинативным средством выражения содержания: его компактного представления, «сворачивания», компрессии, «сжатия» и т. д. Его важнейшей особенностью выступает возможность беспредложного выражения и образования длинных генитивных «цепочек», а также способность сочетаться с различными предлогами. Эти свойства весьма востребованы в научном стиле речи как в названиях научных публикаций, так и при образовании составных специальных и терминологических понятий, например: *техника осуществления актов семиозиса, пути превращения ментальных структур сознания в языковые знаки, пропозициональные модели репрезентации эмоциональных состояний, обращение к когнитивной модели лексической семантики, особенность общего устройства концептуального уровня языковой системы, показатель частотности просодических маркеров дискурсивной незавершенности* (примеры из КИЯ-1 (44)). Такое широкое использование генитива в письменных, в том числе и научных, текстах на русском языке объясняется тем, что по-русски генитив коммуникативно и стилистически не маркирован и позволяет выразить большой объем информации в компактной форме. Показательно, что «прямой» перевод генитивных цепочек и конструкций на английский язык будет стилистически маркирован и считается стилистическим недостатком текста, ср. «*Средства речевого воздействия* в политическом дискурсе на *основе речей политических лидеров России и КНР*» — «Ways *of* speech influence in political discourse based on speeches *of* political leaders *of* Russia and China»; «Комплексный *анализ текста* в системе междисциплинарного языкового образования» — «Comprehensive analysis *of* the text in the system *of* interdis-

CC BY

ciplinary language education». Ср. название научной статьи по-английски, в котором явно прослеживается «след» русского языка: «Gorokhova N. V., Kubyshko I. N. Challenges *of* formation *of* engineering thinking *of* technical specialists» (Astra Salvensis, 2018, T. 6, p. 625—630).

С когнитивной точки зрения русский генитив выступает в качестве активной, широко распространенной, семантически емкой, стилистически почти универсальной, чрезвычайно удобной формой-доминантой, способной выразить широкий спектр значений и отношений. В английском языке, напротив, соответствующие ему конструкции с предлогом *of* являются инактивным, стилистически маркированным и даже громоздким средством выражения понятийных отношений. Присутствие многочисленных предлогов *of* является одной из наиболее ярких и показательных черт межъязыковой интерференции при переводе с русского языка на английский (выполненный преимущественно не-носителями английского языка), стилистическим недостатком изложения и проявлением межъязыковой асимметрии двух языков. Об этом свидетельствует множество самых разнообразных лингвистических фактов, наиболее показательным из которых выступает перевод с русского языка на английский. Для неподготовленных переводчиков и специалистов, владеющих английским языком как иностранным, самым естественным способом перевода генитивной конструкции с русского языка на английский выступает «прямой», дословный, пословный перевод. Его недостатки особенно бросаются в глаза, когда в тексте на русском языке встречается целая цепочка взаимозависимых генитивных форм. В результате их пословного перевода на английский язык появляется повтор из нескольких предлогов *of*, который делает такой перевод неприемлемым: «The presented monograph is the result *of* the collective work *of* an international and interdisciplinary scientific collaboration».

Таким образом, русский генитив и английский предлог *of*, выражающий генитивные отношения, принципиально асимметричны: стилистически, содержательно, коммуникативно и когнитивно. Какие номинативные средства выступают в качестве когнитивных доминант в письменном тексте на английском языке и представляют собой тем самым когнитивно и коммуникативно равнозначные межъязыковые эквиваленты русского генитива? Как показывает ряд современных исследований, перевод письменных текстов на английский язык составляет большую проблему в двух принципиальных направлениях: перевод (новой) терминологии и перевод в виде номинативных конструкций. В большом количестве случаев эти две проблемы пересекаются, поскольку до 40 % составных терминов в английском (научном) тексте составляют номинативные конструкции. Более того, подобные конструкции считаются в английском языке «коллокациями» — то есть достаточно устой-

CC BY

чивыми, характерными и потому в определенной степени идиоматическими выражениями (см., например, [Parkinson, 2015]).

5. Идиоматичность и номинативные конструкции в английском языке: синкретизм терминологии и идиоматичности

Номинативные конструкции типа noun + noun представляют собой весьма яркую, показательную, семантически чрезвычайно емкую и содержательную когнитивную доминанту в английском языке вообще и в письменной научной коммуникации, осуществляемой на английском языке, — в особенности. Не в последнюю очередь потому, что представляют собой удобное, компактное и емкое средство представления специального и терминологического знания. Ср. широко распространенные в научной лингвистической литературе на английском языке устойчивые и общепонятные (особенно для носителей языка) терминологизированные (лингвистические) выражения (включающие еще и сокращения): *language ideology, language socialization, critical discourse analysis, conversation analysis, academic discourse analysis, a key component, vocabulary lists, collocation needs, visualisation decisions, EAP (English for Academic Purposes) users, EAP materials, EFL (English as a Foreign Language) learners, Natural Language Processing (NLP) programs; collocation conventions, collocation problems, discipline-specific collocations, interdisciplinary research traditions, second language proficiency* и мн. др., в том числе распространенные другими компонентами: *a corpus-driven and expert-judged approach, a new academic word list, Academic Vocabulary List relevant to university student writing, monolingual English learners' dictionaries, native and second language speakers, corpus examples for language comprehension and production, corpus-based language learning research, a needs-driven online academic writing aid, dictionary use in foreign-language learning, academic English language policy* и т. д. (ср. [Ilson, 2014].

Так, в типичных аутентичных названиях научных публикаций на английском языке одной из наиболее часто используемых конструкций, нередко терминологического и потому идиоматического характера, являются наиболее свойственные для него семантико-синтаксические средства «свертывания» информации — номинативные конструкции, отсутствующие в грамматике русского языка (и многих других языков). (Ср. «The major findings show the prevalence of nominal-group titles as a linguistic strategy of scientific discourse rather than as a disciplinary, generic or language characteristic» [Soler, 2007, p. 90]). Номинативные конструкции являются одним из наиболее показательных, эффективных и уникальных именно для английского семантического синтаксиса конструкционных средств, обладающих целым комплексом свойств: это компактность формы, компрессия

CC BY

содержания, смысловая емкость и т. д. Ср. использование специальных понятий *a corpus-driven dictionary, a construction grammar approach* в следующих примерах названий научных публикаций: «Designing a model for *a corpus-driven dictionary* of academic English» (unpublished PhD. http://publications.aston.ac.uk/14664/1/Kosem2010_484017_3.pdf, Aston University); «Constructions: *A construction grammar approach* to argument structure» (Chicago: Univ. of Chicago Press, 1995).

Так, в настоящее время в качестве модели развернутого терминологического, особенно лингвистического понятия стали использоваться и получили широкое распространение устойчивые и общепринятые терминологические номинативные конструкции с ключевым компонентом *-based*: *evidence-based (dialectics), case-based (strategy), theory-based (benchmarking), team-based (empirical studies), knowledge-based (asset management), web-based (software / systems); corpus-based (genre analysis / grammatical analysis), discipline-based (keywords), noun-based (phrase), move-based (revisions), genre-based (revision strategies)* и т. д.; ср. названия научных публикаций: «Conceptual and methodological advances in *practice-based studies*», «A *knowledge-based solution* for automatic mapping in component based automation systems». Игнорирование использования номинативных конструкций при переводе общенаучных понятий в названиях научных публикаций с русского языка на английский порождает, в частности, несвойственные для последнего цепочки из стилистически маркированного повтора предлога *of*; ср. естественное и вполне качественное название научной публикации на русском языке «*Значение* лингвистики цвета в экспликации когнитивных механизмов этноменталитета» — и стилистически не совсем удачный его перевод на английский язык: «The value *of* linguistics *of* color in explication *of* cognitive mechanisms *of* ethnic mentality» [КИЯ-34] **vs**. более аутентичное *Color terms in explicating ethnic mentality cognitive mechanisms*.

В целом, вслед за исследованием [Boldyrev et al., 2019, p. 20—27], можно сказать, что в процессе межкультурной коммуникации, в том числе научной, ее участники активируют «когнитивно-коммуникативный контекст», который носит интерпретативный характер. С его помощью они отбирают, квалифицируют и оценивают свои знания о мире, а также свой лингвокультурный опыт и представляют их в вербальной форме. Поскольку знания и опыт любого человека носят уникальный характер, хотя и представимы в виде общепринятых в данном языке лингвистических средств, то «в межкультурной коммуникации при этом могут возникнуть проблемы, связанные с расхождением в знаниях и в способах структурирования мира и языка, в их отношении к нормам, ценностным ориентирам и превалирующему стилю мышления и коммуникации» [Ibid., p. 27].

CC BY

Они признаются само собой разумеющимися носителями данного языка и представляют собой когнитивно-коммуникативные доминанты именно в данной лингвокультуре, но часто они существенно отличаются от таковых в чужой лингвокультуре. Центральным понятием в этом отношении выступает «коллокация» (collocation (англ.) — в большей или меньшей степени «устойчивое словосочетание»), которое объединяет все достаточно или предельно и неразрывно связанные словоупотребления в данном языке — от двукомпонентных до расширенных дополнительными элементами многокомпонентных выражений, в том числе прагматически «законченных», то есть представляющих единую пропозицию, ср. русск. *Ни пуха, ни пера! Бог в помощь!* и мн. др.

6. Коллокации и их межъязыковая неконгруэнтность

В современной научной литературе по обучению иностранному, особенно английскому, языку все более внимания отводится самым разнообразным устойчивым оборотам, выражениям, высказываниям, моделям и схемам. И все более исследователей различных видов и жанров текста приходят к мнению, что фактически любая речь в значительной степени включает штампы, клише, фразеологию, идиоматику, устойчивые выражения и обороты и т. д. Главным свойством всех подобных конструкций и фрагментов выступает невозможность их «пословного» (дословного, поэлементного, «буквального» и т. д.) перевода, поскольку порождает уже хорошо известную проблему — неконгруэнтность преобладающего количества многокомпонентных межъязыковых выражений: отсутствие между ними одно-однозначных соответствий. В очень большой степени все эти проблемы относятся и к научной речи на английском языке как иностранном («EAP users with L1s other than English may be hindered by the interference of incongruent collocations in their first languages» [Peters, 2016, p. 25]; см. также [Алимов, 2005; Комиссаров, 1989; Jarvis et al., 2008; Sinha et al., 2009]).

Научный стиль на английском языке значительно отличается от научного стиля на русском языке не только в силу лингвистической (грамматической, лексической, семантической, прагматической и др.) асимметрии между языками, обусловленной асимметрией естественного языка в принципе, но и ввиду культурных различий в стиле мышления и коммуникации в двух данных культурах, вызванных, в свою очередь, лексико-грамматическим устройством и прагматическими свойствами коммуникации, осуществляемой на этих языках [Рябцева, 2018б]. Языковое мышление основано на использовании характерных для данной лингвокультуры способах объективации смысла и проявляется в лексико-грамматической сочетаемости, структуре высказывания, экспликации или импликации различ-

CC BY

ных коммуникативных смыслов и особенно в устойчивых, идиоматичных моделях и средствах «свернутого» выражения заданного смысла — коллокациях. Поэтому существующие «этнокультурные механизмы» формирования и выражения смысла часто имеют ярко выраженную лингвоспецифичность. Это, в свою очередь, порождает асимметрию в способах вербализации коммуникативного задания высказывания и текста в разных языках и в разных стилях, а тем самым — межъязыковые концептуальные, вербальные и стилистические «несоответствия»: межъязыковую когнитивную и коммуникативную асимметрию [Рябцева, 2019]. (Ср. «Asymmetric grammatical coding is found very widely throughout the world's languages, and in cross-linguistically recurrent ways» [Haspelmath, 2019, p. 2]). Они свидетельствуют о том, что в каждом языке существуют свои «когнитивные схемы лингвокультуры», моделирующие закономерности в конфигурации смыслов, актуальные для дискурсивной деятельности представителей конкретной лингвокультуры» [Монгилева и др., 2019, с. 58]; см. [Hutchins, 2010, 2014; Langacker, 1991].

Особенно активно межъязыковая неконгруэнтность коллокаций разного типа и вида стала фиксироваться, разрабатываться, анализироваться и использоваться в различных прикладных и методологических аспектах в современной научной коммуникации, главную роль в которой играет английский язык. Это объясняется, в первую очередь, обязательным учетом идиоматичности различных, в том числе терминологических (особенно развернутых), выражений в английском языке, что значительно осложняет перевод научных публикаций с других естественных языков на английский язык. В этой связи во всем мире растет количество и качество специальных учебных, методических, методологических, справочных и т. п. пособий и исследований, в которых аккумулируется опыт корпусных исследований научной речи на английском языке, особенно в виде «расширенных» коллокационных выражений, способных придать научной речи на английском языке в достаточной степени аутентичный характер.

Показательно, что современные системы МП, а также методики преподавания иностранного языка и перевода на иностранный (английский) язык все более ориентируются на «контекстно-связанные», а также на фразеологически и пропозиционально связанные значения полнозначных и неполнозначных единиц, в которых даже форма полнозначного или вспомогательного лексического элемента может играть решающую роль [O'Donnell et al., 2013]. Это то, что представляет собой в широком смысле идиоматические или фразеологические обороты, устойчивые словосочетания, выражения, конструкции, дистрибутивно связанные значения, клаузы, речевые и «коммуникативные» формулы, а также все другие

CC BY

«лингвоспецифичные принципы вербализации» заданного содержания и общепринятые в данном языке способы выражения заданного смысла и т. п. [Riabtseva, 2020, p. 25]. Ср. англ. *extended collocations, multiword expressions, multi-word units, formulaic language, concurrent patterns, a distributional semantics of multiword expressions* [Cortes, 2006; Fazly et al., 2008; Larsen-Walker, 2017; Jhih-Jie et al., 2017], *recurrent word-combinations, the task-based language production* [Foster, 2001], *academic lexical phrases, n-grams, "text in context" exemplification of genre knowledge and genre related language features* [Cai, 2016], *clusters* [Hyland, 2008a], *meanings associated with phraseological patterns* [Hanks, 2017], *verbalization style* [Howarth, 1998] *native-speaker intuition* [Rogers 2017] и т. п. Так, «the word strings that repeatedly occur together», часто не полностью грамматически оформленные, но показывающие статистически значимые корпусные данные, принято называть *lexical bundles* [Biber et al., 2004; Biber et al., 2007; Cortes, 2004]. И не менее показательно, что подобные речевые формулы стали включаться в названия научных публикаций, в первую очередь, посвященных научной речи на английском языке, например: «*If you look at…*: Lexical bundles in university teaching and textbooks» [Biber et al., 2004]; «*The purpose of this study is to*: Connecting lexical bundles and moves in research article introductions» [Cortes 2013]; «*As can be seen*: Lexical bundles and disciplinary variation» [Hyland, 2008b]; «*It seems plausible to maintain that…*: Clusters of epistemic stance expressions in written academic ELF texts» [Shchemeleva, 2019]; «*To our great surprise…*: A frame-based analysis of surprise markers in research articles» [Hua et al., 2019].

Приведенные данные показывают: чем больший фрагмент естественно-языкового высказывания будет (в определенной степени формально) отражен в лингвистическом обеспечении МП или пособии по переводу и чем более гибко он будет сопоставляться со встретившимися в тексте перевода выражениями, фрагментами, речевыми формулами и т. п., тем больше шансов получить приемлемый результат перевода. Ясно, что все эти проблемы связаны с многозначностью ЕЯ (ср. [Sysoev et al., 2018]), а также с его гибкостью, «пластичностью», изменчивостью, потенциальными возможностями в номинализации и идиоматизации выражения, а также с его преимущественно избирательной сочетаемостью почти всех лингвистических элементов.

7. Заключение

В соответствии с широко распространенным представлением, в исследовании языка есть две главные области — структура языка и использование языка. Не менее важной областью исследования представляется, как

CC BY

было показано выше, взаимодействие этих двух сфер. Кроме того, значительно возросшее значение английского языка в научной коммуникации во всем мире делает особо важным вопрос о качестве перевода научных публикаций на английский язык. Именно подобные проблемы сейчас выдвигаются на передний план не только в преподавании иностранного языка и перевода на всех уровнях и во всех видах, но и в совершенствовании лингвистического обеспечения МП [Maučec et al., 2019]. (Ср.: *«It is becoming increasingly apparent that language is largely formulaic in nature, and that the competent use of formulaic sequences is an important part of fluent and natural language use»* [Durrant et al., 2009, p. 157]).

В результате в целом межкультурная коммуникация характеризуется разнообразием лингвистических «несоответствий» между родным и иностранным языком, асимметричных явлений и конструкций, интерференцией, неконгруэнтностью межъязыковых устойчивых выражений и мн. др. Эти несоответствия объясняются лингвокультурологическими особенностями и отличительными свойствами контактирующих в коммуникации языков. В результате наиболее показательной чертой межкультурной коммуникации выступает ее когнитивно-коммуникативная асимметрия. Современное представление об имеющейся в межкультурной коммуникации когнитивно-коммуникативной асимметрии непосредственно связано с когнитивными доминантами в контактирующих языках.

Важнейшими когнитивными доминантами в научной коммуникации, осуществляемой не только на английском и русском языках, но и на любом языке, выступают номинативность речи и идиоматичность сочетаемости лингвистических единиц. В статье было показано, как и каким образом в этом отношении стиль речи относительно ее номинативности и идиоматичности отличается в разных языках и какие средства в преподавании иностранного языка и перевода на иностранный язык помогают преодолеть существующие между ними расхождения и придать речи на иностранном языке вполне достаточную степень аутентичности.

Источники и принятые сокращения

1. КИЯ-34 — *Когнитивные* исследования языка : сборник научных трудов. — Москва : Институт языкознания РАН ; Тамбов : Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, 2018. — Выпуск 34. — 976 с.

2. КИЯ-1 (44) — *Когнитивные* исследования языка : сборник научных трудов. — Москва : Институт языкознания РАН ; Тамбов : Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, 2021. — Выпуск 1 (44). — 473 с.

3. *Journal* of English for Academic Purposes [Electronic resource]. — 2021. — Voluem 53. — Access mode: https://www.sciencedirect.com/journal/journal-of-english-for-academic-purposes (accessed: 23.06.2021).

CC BY

Литература

1. *Алимов В. В.* Интерференция в переводе (на материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации) : учебное пособие / В. В. Алимов. — Москва : КомКнига, 2005. — 323 с.

2. *Болдырев Н. Н.* Перевод как проблема выбора когнитивных доминант / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. — 2018. — Выпуск 34. — С. 33—37. — ISBN 978-56040651-4-3.

3. *Виноградов В. В.* Русский язык / В. В. Виноградов. — Москва : Русский язык, 2001. — 720 с. — ISBN 5-200-03017-X.

4. *Владимирова Т. Л.* Язык и стиль научного текста / Т. Л. Владимирова. — Томск : Томский политехнический университет. — 2010. — 81 с.

5. *Гальперин И. Р.* Очерки по стилистике английского языка: опыт систематизации выразительных средств / И. Р. Гальперин. — Москва : Либроком, 2012. — 376 с. — ISBN 978-5-397-02330-6.

6. *Джиоева* А. А. Английская номинативность и картина мира / А. А. Джиоева. — Москва : Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2018а. — 176 с. — ISBN 978-5-4365-1350-8.

7. *Джиоева А. А.* Концептуализация мира в контексте фундаментальной и интегральной науки / А. А. Джиоева // Когнитивные исследования языка. — 2018б. — № 32. — С. 230—237. — ISBN 978-5-89016-442-1.

8. *Евтушенко Т. Г.* Национально-культурная специфика англоязычной научной статьи / Т. Г. Евтушенко // Иностранные языки в сфере профессиональной коммуникации: материалы международной научной конференции. — Москва : МГЛУ, 2018. — С. 15—16.

9. *Забайкина А. И.* Лингвостилистические особенности англоязычного научного текста [Электронный ресурс] / А. И. Забайкина // Огарев-online. — 2014. — № 13. —Режим доступа: http://journal.mrsu.ru/arts/lingvostilisticheskie-osobennosti-angloyazychnogo-nauchnogo-teksta (дата обращения: 04.01.2021).

10. *Кожина М. Н.* Стилистический энциклопедический слова русского языка / М. Н. Кожина. — Москва : Флинта — Наука, 2006. — 696 с. — ISBN 978-5-02-002791-6.

11. *Комиссаров В. Н.* Проблема интерференции в теории перевода / В. Н. Комиссаров // Interferenz in der Translation. Herausgegeben von Heide Schmidt. Leipzig : VEB VerlagEnzyklopädie, 1989. — P. 103—108.

12. *Левицкий А. Э.* Конвенционализация новых характеристик номинативных единиц современного английского языка / А. Э. Левицкий // Слово. Словарь. Термин. Лексикограф : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции памяти профессора Ю. Н. Марчука (г. Москва, 1—2 марта 2019) / под общ. ред. И. И. Валуйцевой. — Москва : ИИУ МГОУ. — 2019. — С. 354—362. — ISBN 978-5-7017-3063-0.

13. *Монгилева Н. В.* Схемное моделирование в лингвокультурологичеких сопоставлениях / Н. В. Монгилева, А. П. Чудинов // Когнитивные исследования языка. — 2019. — Выпуск 38. — С. 52—58. — ISBN 978-5-00078-280-4.

14. *Рябцева* Н. К. Название как доминантный компонент научного текста: русско-английские межъязыковые «несоответствия» / Н. К. Рябцева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2018а. — Т. 17, № 2. — С. 33—43. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.2.4.

15. *Рябцева Н. К.* Стиль мышления и коммуникации в межъязыковом и когнитивном аспекте / Н. К. Рябцева // Когнитивные исследования языка : выпуск 34 : Cogni-

tio и communicatio в современном глобальном мире : материалы VIII Международного конгресса по когнитивной лингвистике. — Москва : Тамбов, 2018б. — С. 830—833. — ISBN 978-56040651-4-3.

16. *Рябцева Н. К.* «Конструкционная грамматика» и научная коммуникация: межъязыковой аспект / Н. К. Рябцева // Научный диалог. — 2019. — № 6. — С. 50—71. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-50-71.

17. *Рябцева Н. К.* Асимметрия межкультурной коммуникации и проблемы аутентичности / Н. К. Рябцева // Научный диалог. — 2020. — № 4. — С. 130—150. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-130-150.

18. *Чарыкова О. Н.* Научный стиль речи / О. Н. Чарыкова. — Воронеж : Воронежский университет, 2010. — 55 с.

19. *Alinasab M.* Genre-based revising strategies of graduate students in applied linguistics: Insights from term papers / M. Alinasab, J. Gholami, Z. Mohammadnia // Journal of English for Academic Purposes. — 2021. — Volume 49. — DOI: 10.1016/j.jeap.2020.100941.

20. *Bailey S.* Academic writing: A handbook for international students / S. Bailey. —London : Routledge, 2015. — 303 p. — ISBN 0-203-83165-9.

21. *Bauer L.* When is a Sequence of Two Nouns a Compound in English / L. Bauer // ELL. — 1998. — № 2. — Pp. 65—86. — DOI: 10.1017/S1360674300000691.

22. *Biber D.* Lexical bundles in university spoken and written registers / D. Biber, F. Barbieri // English for Specific Purposes. — 2007. — № 26 (3). — Pp. 263—286. — DOI: 10.1016/j.esp.2006.08.003.

23. *Biber D.* If you look at… : Lexical bundles in university teaching and textbooks / D. Biber, S. Conrad, V. Cortes // Applied Linguistics. — 2004. — № 25. — Pp. 371—405. — DOI: 10.1093/applin/25.3.371.

24. *Biber D.* Challenging stereotypes about academic writing: Complexity, elaboration, explicitness / D. Biber, B. Gray // Journal of English for Academic Purposes. — 2010. — № 9 (1). — Pp. 2—20.

25. *Biber D*. Grammatical complexity in academic English. Linguistic change in writing / D. Biber, B. Gray. — Cambridge: Cambridge University Press, 2016. — 277 p. — ISBN: 978-1-107-00926-4.

26. *Boldyrev N. N.* Challenges of intercultural communication from the perspective of linguistic interpretation theory / N. N. Boldyrev, O. G. Dubrovskaya // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2019. — № 4. — С. 20—27. — DOI 10.20916/1812-3228-2019-4-20-27.

27. *Cai J.* An exploratory study on an integrated genre-based approach for the instruction of academic lexical phrases / J. Cai // Journal of English for Academic Purposes. — 2016. — № 24. — Pp. 58—74.

28. *Cortes V.* Teaching lexical bundles in the disciplines: An example from a writing intensive history class / V. Cortes // Linguistics and Education. — 2006. — № 17. — Pp. 391—406. — DOI: 10.1016/j.linged.2007.02.001.

29. *Cortes V.* The purpose of this study is to: Connecting lexical bundles and moves in research article introductions / V. Cortes // Journal of English for Academic Purposes. — 2013. — № 12. — Pp. 33—43. — DOI: 10.1016/j.jeap.2012.11.002.

30. *Durrant P.* To what extent do native and non-native writers make use of collocations? / P. Durrant, N. Schmitt // International Review of Applied Linguistics. — 2009. — № 47 (2). — Pp. 157—177. — DOI: 10.1515/iral.2009.007.

31. *Extracting* Formulaic Expressions and Grammar and Edit Patterns to Assist Academic Writing / Chen Jhih-Jie, Jim Chang, Ching-Yu Yang, Mei-Hua Chen, Jason S. Chang // EU-

ROPHRAS 2017. — London, UK, 2017. — Pp. 95—103. — DOI: 10.26615/978-2-9701095-2-5_012.

32. *Fazly A.* A distributional account of the semantics of multiword expressions / A. Fazly, S. Stevenson // Ital. J. Linguist. — 2008. — № 1 (20). — Pp. 157—179.

33. *Flowerdew J.* The linguistic disadvantage of scholars who write in English as an additional language: Myth or reality / J. Flowerdew // Language Teaching. — 2019. — Volume 52. — Pp. 249—260. — DOI: 10.1017/S0261444819000041.

34. *Foster P.* Rules and routines: a consideration of their role in the task-based language production of native and non-native speakers / P. Foster // Researching Pedagogic Tasks: Second Language Learning, Teaching, and Testing. — Harlow : Longman, 2001. — Pp. 75—93.

35. *Graddol D.* English next: why global English may mean the end of English as a Foreign Language / D. Graddol. — London : The British Council, 2006. — 132 p.

36. *Hacken T. P.* Introduction: Compounds and their meaning / T. P. Hacken // The Semantics of Compounding. — Cambridge : Cambridge University Press, 2016. — Pp. 1—12. — DOI: 10.1017/CBO9781316163122.001.

37. *Halliday M. A. K.* The Language of Science / M. A. K. Halliday. — London : New York : Continuum, 2004. — 24 p. — ISBN 10 0826458718.

38. *Hanes W. F.* Nominal groups as an indicator of non-native English communication problems in top-ranked Brazilian science journals / W. F. Hanes // Belas Infiéis. — 2014. — Volume 2, N. 2. — Pp. 127—139.

39. *Hanks P.* Mechanisms of Meaning / P. Hanks // Computational and Corpus-Based Phraseology. — Springer, 2017. — Pp. 54—68. — DOI: 10.1007/978-3-319-69805-2_5.

40. *Haspelmath M.* The efficiency theory of asymmetric coding: An overview. Oral presentation [Electronic resource] / M. Haspelmath. — Access mode: http://tipl.philol.msu.ru/~otipl/index.php/science/colloquium/colloquium-2019-2020/Oct2019 (accessed: 23.06.2021).

41. *Hua G.* To our great surprise… : A frame-based analysis of surprise markers in research articles / G. Hua, L. Chen // Journal of Pragmatics. — 2019. — № 3. — Pp. 156—168. — DOI: 10.1016/j.pragma.2019.02.021.

42. *Hutchins E.* Cognitive ecology / E. Hutchins // Topics in Cognitive Science. — 2010. — № 2. — Pp. 705—715. — DOI: 10.1111/j.1756-8765.2010.01089.x.

43. *Hüttner E.* The cultural ecosystem of human cognition / E. Hüttner // Philosophical Psychology. — 2014. — № 27:1. — Pp. 34—79. — DOI: 10.1080/09515089.2013.830548.

44. *Hüttner J.* Purpose-Built Corpora and Student Writing / J. Hüttner // Journal of Writing Research. — 2010. — № 2. — Pp. 197—218. — DOI: 10.17239/jowr-2010.02.02.6.

45. *Hyland K.* Academic clusters: Text patterning in published and postgraduate writing / K. Hyland // International Journal of Applied Linguistics. — 2008a. — № 18(1). — Pp. 41—62.

46. *Hyland K.* As can be seen: Lexical bundles and disciplinary variation / K. Hyland // English for Specific Purposes. — 2008b. — № 27. — Pp. 4—21.

47. *Hyland K.* Bundles in academic discourse / K. Hyland // Annual Review of Applied Linguistics. — 2012. — № 32. — Pp. 150—169. — DOI: 10.1017/S0267190512000037.

48. *Hyland K.* English for Academic Purposes: an advanced resource book / K. Hyland. — London & NewYork : Routledge, 2006. — 356 p.

49. *Ilson R.* Prolegomena to a Cross-Linguistic Comparison of Usage Problems / R. Ilson // English Usage (Guides) Symposium. — Cambridge, 2014. — Pp. 4—5.

50. *Jarvis S.* Crosslinguistic influence in language and cognition / S Jarvis, A. Pavlenko. — New York : London : Routledge, 2008. — 308 p.

51. *Kuiper K*. Compounding by Adjunction and its Empirical Consequences / K. Kuiper // Language Sciences. — 1999. — № 21. — Pp. 407—422.

52. *Langacker R. W*. Grammar and Conceptualization / R. W. Langacker. — Berlin : N.Y. : Mouton De Gruyter, 2000. — 427 p.

53. *Larsen-Walker M*. How Does Data Driven Learning Affect the Production of Multi-Word Sequences in EAP Students' Academic Writing? / M. Larsen-Walker // EUROPHRAS 2017. — London, UK, 2017. — Pp. 78—86. — DOI: 10.26615/978-2-9701095-2-5_010.

54. *Longman* Grammar of Spoken and Written English / D. Biber, S. Johansson, G. Leech, S. Conrad, E. Finegan. — London : Pearson, 1999. — 1200 p. — ISBN: 0582237254.

55. *Meneghini R.* Is there science beyond English? / R. Meneghini, A. Packer // EMBO Reports. — 2007. — Volume 8. — Pp. 112—116.

56. *Nominal* complexities in school children's informational writing / Z. Fang, V. Gresser, P. Cao, J. Zheng // Journal of English for Academic Purposes. — 2021. — Volume 50. — P. 100958. — DOI: 10.1016/j.jeap.2021.100958.

57. *O'Donnell M.* The development of formulaic sequences in first and second language writing: Investigating effect of frequency, association and native norm / M. O'Donnell, U. Romer, N. C. Ellis // International Journal of Corpus Linguistics. — 2013. — № 18 (1). — Pp. 83—108. — DOI: 10.1075/ijcl.18.1.07odo.

58. *Parkinson J*. Noun-noun collocations in learner writing / J. Parkinson // Journal of English for Academic Purposes. — 2015. — Volume 20. — Pp. 103—113. — DOI: 10.1016/j.jeap.2015.08.003.

59. *Peters E*. The learning burden of collocations: The role of interlexical and intralexical factors / E. Peters // Language Teaching Research. — 2016. — № 20 (1). — Pp. 113—138. — DOI: 10.1177/1362168814568131.

60. *Riabtseva N.* Artificial vs human intelligence in digital vs human translation / N. Riabtseva // Лингвистический форум 2020: Язык и искусственный интеллект : тезисы докладов международной конференции. Институт языкознания РАН, Москва. 12—14 ноября 2020 г. / под ред. А. А. Кибрика, В. Ю. Гусева, Д. А. Залманова. — Москва, 2020. — Pp. 25—27.

61. *Rogers J*. An Objective Method of Identifying Teachworthy Multiword Units for Second Language Learners / J. Rogers // EUROPHRAS 2017. — London, UK, 2017. — Pp. 148—153. — DOI: 10.26615/978-2-9701095-2-5_020.

62. *Schleppegrell M. J.* Conjunctions in spoken English and ESP writing / M J. Schleppegrell // Applied Linguistics. — 1996. — № 17 (3). — Pp. 271—285. — DOI: 10.1093/applin/17.3.271.

63. *Shchemeleva I. It seems plausible to maintain that…*: Clusters of epistemic stance expressions in written academic ELF texts / I. Shchemeleva // Journal of English for Specific Purposes. — 2019. — Volume 7 (1). — Pp. 24—43. — DOI: 10.18485/esptoday.2019.7.1.2.

64. *Sinha A*. Interference of first language in the acquisition of second language / A. Sinha, N. Banejee, R. Shastri // Journal of Psychology and Counseling. — 2009. — № 1 (7). — Pp. 117—122.

65. *Soler V*. Writing titles in science: An exploratory study / V. Soler // English for Specific Purposes. — 2007. — № 26 (1). — Pp. 90—102. — DOI: 10.1016/j.esp.2006.08.001.

66. *Swales J. M*. Research genres: Exploration and applications. / J. M. Swales. — Cambridge : Cambridge University Press. — 2004. — 314 p. — ISBN: 0-521-53334-1.

67. *Sysoev A*. Smart Context Generation for Disambiguation to Wikipedia / A. Sysoev, I. Nikishina // Artificial Intelligence and Natural Language : Proceedings 7th International

Conference-AINL. — St. Petersburg, 2018. — Pp. 11—22. — DOI: 10.1007/978-3-030-01204-5_2.

68. *Tetreault J. R*. Native judgments of non-native usage: Experiments in preposition error detection / J. R. Tetreault, M. Chodorow // Proceedings of the Workshop on Human Judgements in Computational Linguistics: Association for Computational Linguistics. — Mancheste, 2008. — Pp. 24—32.

69. *Ting-Toomey S.* Communicating across Cultures / S. Ting-Toomey. — New York : The Guilford Press, 1999. — 261 p. — ISBN 1-57230-445-6.

70. *Valipour V.* The generic structures and lexico-grammaticality in English academic research papers / V. Valipour, N. Assadi, N. Davatgari // Southern African Linguistics and Applied Language Studies. — 2017. — № 35/2. — Pp. 169—182. — DOI: 10.2989/16073614.2017.1373365.

Material resources

Journal of English for Academic Purposes: 53. (2021). Available at: https://www.sciencedirect.com/journal/journal-of-english-for-academic-purposes (accessed: 23.06.2021).

KIA-1 (44) — *Cognitive studies of language: collection of scientific papers.* (2021). Moscow: Institute of Linguistics RAS; Tambov: Tambov State University named after G. R. Derzhavin. 473 p.

KIA-34 — *Cognitive studies of language: collection of scientific papers*. (2018). Moscow: Institute of Linguistics RAS; Tambov: Tambov State University named after G. R. Derzhavin. 976 p.

References

Alimov, V. V. (2005). *Interference in translation (on the material of professionally oriented intercultural communication and translation in the field of professional communication): textbook*. Moscow: KomKniga. 323 p. (In Russ.).

Alinasab, M., Gholami, J., Mohammadnia, Z. (2021). Genre-based revising strategies of graduate students in applied linguistics: Insights from term papers. *Journal of English for Academic Purposes, 49*. DOI: 10.1016/j.jeap.2020.100941.

Bailey, S. (2015). *Academic writing: A handbook for international students*. London: Routledge. 303 p. ISBN 0-203-83165-9.

Bauer, L. (1998). When is a Sequence of Two Nouns a Compound in English. *ELL, 2:* 65—86. DOI: 10.1017/S1360674300000691.

Biber, D., Barbieri, F. (2007). Lexical bundles in university spoken and written registers. *English for Specific Purposes, 26 (3):* 263—286. DOI: 10.1016/j.esp.2006.08.003.

Biber, D., Conrad, S., Cortes, V. (2004). If you look at… : Lexical bundles in university teaching and textbooks. *Applied Linguistics, 25:* 371—405. DOI: 10.1093/applin/25.3.371.

Biber, D., Gray, B. (2010). Challenging stereotypes about academic writing: Complexity, elaboration, explicitness. *Journal of English for Academic Purposes, 9 (1):* 2—20.

Biber, D., Gray, B. (2016). *Grammatical complexity in academic English. Linguistic change in writing*. Cambridge: Cambridge University Press. 277 p. ISBN: 978-1-107-00926-4.

Biber, D., Johansson, S., Leech, G., Conrad, S., Finegan, E. (1999). *Longman Grammar of Spoken and Written English*. London: Pearson. 1200 p. ISBN: 0582237254.

Boldyrev, N. N. (2018). Translation as a problem of choosing cognitive dominants. *Cognitive studies of language, 34:* 33—37. ISBN 978-56040651-4-3. (In Russ.).

Boldyrev, N. N., Dubrovskaya, O. G. (2019). Challenges of intercultural communication from the perspective of linguistic interpretation theory. *Cognitive linguistics issues, 4:* 20—27. DOI 10.20916/1812-3228-2019-4-20-27.

Cai, J. (2016). An exploratory study on an integrated genre-based approach for the instruction of academic lexical phrases. *Journal of English for Academic Purposes, 24:* 58—74.

Charykova, O. N. (2010). *Scientific style of speech*. Voronezh: Voronezh University. 55 p. (In Russ.).

Chen Jhih-Jie, Jim Chang, Ching-Yu Yang, Mei-Hua Chen, Jason S. Chang. (2017). *Extracting* Formulaic Expressions and Grammar and Edit Patterns to Assist Academic Writing. In: *EUROPHRAS 2017*. London, UK. 95—103. DOI: 10.26615/978-2-9701095-2-5_012.

Cortes, V. (2006). Teaching lexical bundles in the disciplines: An example from a writing intensive history class. *Linguistics and Education, 17:* 391—406. DOI: 10.1016/j.linged.2007.02.001.

Cortes, V. (2013). The purpose of this study is to: Connecting lexical bundles and moves in research article introductions. *Journal of English for Academic Purposes, 12:* 33—43. DOI: 10.1016/j.jeap.2012.11.002.

Durrant, P., Schmitt, N. (2009). To what extent do native and non-native writers make use of collocations? *International Review of Applied Linguistics, 47 (2):* 157—177. DOI: 10.1515/iral.2009.007.

Dzhioeva, A. A. (2018a). *English nominative and picture of the world*. Moscow: Lomonosov Moscow State University. 176 p. ISBN 978-5-4365-1350-8.

Dzhioeva, A. A. (2018b). Conceptualization of the world in the context of fundamental and integral science. *Cognitive studies of language, 32:* 230—237. ISBN 978-5-89016-442-1. (In Russ.).

Evtushenko, T. G. (2018). National and cultural specificity of an English-language scientific article. In: *Foreign languages in the field of professional communication: materials of an international scientific conference*. Moscow: MGLU. 15—16. (In Russ.).

Fang, Z., Gresser, V., Cao, P., Zheng, J. (2021). Nominal complexities in school children's informational writing. *Journal of English for Academic Purposes, 50:* 100958. DOI: 10.1016/j.jeap.2021.100958.

Fazly, A., Stevenson, S. (2008). A distributional account of the semantics of multiword expressions. *Ital. J. Linguist, 1 (20):* 157—179.

Flowerdew, J. (2019). The linguistic disadvantage of scholars who write in English as an additional language: Myth or reality. *Language Teaching, 52:* 249—260. DOI: 10.1017/S0261444819000041.

Foster, P. (2001). Rules and routines: a consideration of their role in the task-based language production of native and non-native speakers. In: *Researching Pedagogic Tasks: Second Language Learning, Teaching, and Testing*. Harlow : Longman. 75—93.

Galperin, I. R. (2012). *Essays on the stylistics of the English language: the experience of systematization of expressive means*. Moscow: Librokom. 376 p. ISBN 978-5-397-02330-6. (In Russ.).

Graddol, D. (2006). *English next: why global English may mean the end of English as a Foreign Language*. London : The British Council. 132 p.

Hacken, T. P. (2016). Introduction: Compounds and their meaning. In: *The Semantics of Compounding*. Cambridge : Cambridge University Press. 1—12. DOI: 10.1017/CBO9781316163122.001.

Halliday, M. A. K. (2004). *The Language of Science*. London: New York : Continuum. 24 p. ISBN 10 0826458718.

Hanes, W. F. (2014). Nominal groups as an indicator of non-native English communication problems in top-ranked Brazilian science journals. *Belas Infiéis, 2/2:* 127—139.

Hanks, P. (2017). Mechanisms of Meaning. In: Computational and Corpus-Based Phraseology. Springer. 54—68. DOI: 10.1007/978-3-319-69805-2_5.

Haspelmath, M. *The efficiency theory of asymmetric coding: An overview. Oral presentation*. Available at: http://tipl.philol.msu.ru/~otipl/index.php/science/colloquium/colloquium-2019-2020/Oct2019 (accessed: 23.06.2021).

Hua, G., Chen, L. (2019). To our great surprise… : A frame-based analysis of surprise markers in research articles. *Journal of Pragmatics, 3:* 156—168. DOI: 10.1016/j.pragma.2019.02.021.

Hutchins, E. (2010). Cognitive ecology. *Topics in Cognitive Science, 2:* 705—715. DOI: 10.1111/j.1756-8765.2010.01089.x.

Hüttner, E. (2014). The cultural ecosystem of human cognition. *Philosophical Psychology, 27/1:* 34—79. DOI: 10.1080/09515089.2013.830548.

Hüttner, J. (2010). Purpose-Built Corpora and Student Writing. *Journal of Writing Research, 2:* 197—218. DOI: 10.17239/jowr-2010.02.02.6.

Hyland, K. (2006). *English for Academic Purposes: an advanced resource book*. London & NewYork : Routledge. 356 p.

Hyland, K. (2008a.). Academic clusters: Text patterning in published and postgraduate writing. *International Journal of Applied Linguistics, 18 (1):* 41—62.

Hyland, K. (2008b). As can be seen: Lexical bundles and disciplinary variation. *English for Specific Purposes, 27:* 4—21.

Hyland, K. (2012). Bundles in academic discourse. *Annual Review of Applied Linguistics, 32:* 150—169. DOI: 10.1017/S0267190512000037.

Ilson, R. (2014). Prolegomena to a Cross-Linguistic Comparison of Usage Problems. In: *English Usage (Guides) Symposium*. Cambridge. 4—5.

Jarvis, S., Pavlenko, A. (2008). *Crosslinguistic influence in language and cognition*. New York: London: Routledge. 308 p.

Komissarov, V. N. (1989). The problem of interference in the theory of translation. In: *Interferenz in der Translation. Herausgegeben von Heide Schmidt*. Leipzig: VEB VerlagEnzyklopädiye. 103—108. (In Russ.).

Kozhina, M. N. (2006). *Stylistic encyclopedic words of the Russian language*. Moscow: Flinta-Science. 696 p. ISBN 978-5-02-002791-6. (In Russ.).

Kuiper, K. (1999). Compounding by Adjunction and its Empirical Consequences. *Language Sciences, 21:* 407—422.

Langacker, R. W. (2000). *Grammar and Conceptualization*. Berlin; N.Y.: Mouton De Gruyter. 427 p.

Larsen-Walker, M. (2017). How Does Data Driven Learning Affect the Production of Multi-Word Sequences in EAP Students' Academic Writing? *EUROPHRAS 2017*. London, UK. 78—86. DOI: 10.26615/978-2-9701095-2-5_010.

Levitsky, A. E. (2019). Conventionalization of new characteristics of nominative units of modern English. In: *Word. Vocabulary. Term. Lexicographer: a collection of articles*

based on the materials of the International Scientific and Practical Conference in memory of Professor Yu. N. Marchuk (Moscow, March 1—2, 2019). Moscow: IIU MGOU. 354—362. ISBN 978-5-7017-3063-0. (In Russ.).

Meneghini, R., Packer, A. (2007). Is there science beyond English? *EMBO Reports, 8:* 112—116.

Mongileva, N. V., Chudinov, A. P. (2019). Schematic modeling in linguoculturological comparisons. *Cognitive studies of language, 38:* 52—58. ISBN 978-5-00078-280-4. (In Russ.).

O'Donnell, M., Romer, U., Ellis, N. C. (2013). The development of formulaic sequences in first and second language writing: Investigating effect of frequency, association and native norm. *International Journal of Corpus Linguistics, 18 (1):* 83—108. DOI: 10.1075/ijcl.18.1.07odo.

Parkinson, J. (2015). Noun-noun collocations in learner writing. *Journal of English for Academic Purposes, 20:* 103—113. DOI: 10.1016/j.jeap.2015.08.003.

Peters, E. (2016). The learning burden of collocations: The role of interlexical and intralexical factors. *Language Teaching Research, 20 (1):* 113—138. DOI: 10.1177/1362168814568131.

Rogers, J. (2017). An Objective Method of Identifying Teachworthy Multiword Units for Second Language Learners. In: *EUROPHRAS 2017*. London, UK. 148—153. DOI: 10.26615/978-2-9701095-2-5_020.

Riabtseva, N. K. (2018a). Academic Paper Titles and Their Dominating Patterns: a Russian-English Perspective. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics, 17/2:* 33—43. DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.2.4. (In Russ.).

Riabtseva, N. K. (2018b). Cogitatio & communicatio in a cross-linguistic and cognitive perspective. *Cognitive studies of language, 34: Cognitio and Communicatio in the Modern Global World: Proceedings of the VIII International Congress on Cognitive Linguistics*. Moscow — Tambov. 830—833. ISBN 978-56040651-4-3 (In Russ.).

Riabtseva, N. K. (2019). "Construction Grammar" and Academic Communication: A Cross-Linguistic Perspective. *Nauchnyi dialog, 6:* 50—71. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-50-71. (In Russ.).

Riabtseva, N. (2020). Artificial vs human intelligence in digital vs human translation. In: *Linguistic Forum 2020: Language and Artificial Intelligence: Abstracts of the International Conference. Institute of Linguistics RAS*. Moscow. 25—27.

Riabtseva, N. K. (2020). Cross-Cultural Communication: Its Asymmetry and Authenticity. *Nauchnyi dialog, 4:* 130—150. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-130-150. (In Russ.).

Schleppegrell, M. J. (1996). Conjunctions in spoken English and ESP writing. *Applied Linguistics, 17 (3):* 271—285. DOI: 10.1093/applin/17.3.271.

Shchemeleva, I. (2019). *It seems plausible to maintain that…*: Clusters of epistemic stance expressions in written academic ELF texts. *Journal of English for Specific Purposes, 7 (1):* 24—43. DOI: 10.18485/esptoday.2019.7.1.2.

Sinha, A., Banejee, N., Shastri, R. (2009). Interference of first language in the acquisition of second language. *Journal of Psychology and Counseling, 1 (7):* 117—122.

Soler, V. (2007). Writing titles in science: An exploratory study. *English for Specific Purposes, 26 (1):* 90—102. DOI: 10.1016/j.esp.2006.08.001.

Swales, J. M. (2004). *Research genres: Exploration and applications*. Cambridge : Cambridge University Press. 314 p. ISBN: 0-521-53334-1.

CC BY

Sysoev, A., Nikishina, I. (2018). Smart Context Generation for Disambiguation to Wikipedia. In: *Artificial Intelligence and Natural Language : Proceedings 7th International Conference-AINL*. St. Petersburg. 11—22. DOI: 10.1007/978-3-030-01204-5_2.

Tetreault, J. R., Chodorow, M. (2008). Native judgments of non-native usage: Experiments in preposition error detection. In: *Proceedings of the Workshop on Human Judgements in Computational Linguistics: Association for Computational Linguistics*. Mancheste. 24—32.

Ting-Toomey, S. (1999). *Communicating across Cultures* . New York : The Guilford Press. 261 p. ISBN 1-57230-445-6.

Valipour, V., Assadi, N., Davatgari, N. (2017). The generic structures and lexico-grammaticality in English academic research papers. *Southern African Linguistics and Applied Language Studies, 35/2:* 169—182. DOI: 10.2989/16073614.2017.1373365.

Vinogradov, V. V. (2001). *Russian language*. Moscow: Russian language. 720 p. ISBN 5-200-03017-X. (In Russ.).

Vladimirova, T. L. (2010). *Language and style of scientific text*. Tomsk: Tomsk Polytechnic University. 81 p. (In Russ.).

Zabaykina, A. I. (2014). Linguistic features of the English-language scientific text. *Ogarev-online, 13.* Available at: http://journal.mrsu.ru/arts/lingvostilisticheskie-osobennosti-angloyazychnogo-nauchnogo-teksta (accessed: 04.01.2021). (In Russ.).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Степыкин Н. И. Потенциал применения формализованных параметров для моделирования речевого действия / Н. И. Степыкин // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 112—127. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-112-127.

Stepykin, N. I. (2021). Potential of Using Formalized Parameters for Modeling Speech Action. *Nauchnyi dialog, 8:* 112-127. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-112-127. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-112-127

Потенциал применения формализованных параметров для моделирования речевого действия

Степыкин Николай Иванович
orcid.org/0000-0002-2802-5686
кандидат филологических наук
заведующий кафедрой теоретической
и прикладной лингвистики
nick1086@mail.ru

Юго-Западный
государственный университет
(Курск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта
№ 20-012-00160

Potential of Using Formalized Parameters for Modeling Speech Action

Nikolay I. Stepykin
orcid.org/0000-0002-2802-5686
PhD in Philology
Head of the Department
of Theoretical and Applied Linguistics
nick1086@mail.ru

Southwest State University
(Kursk, Russia)

Acknowledgments:
The reported study was funded by RFBR,
project number 20-012-00160

© Степыкин Н. И., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучаются количественные параметры, характеризующие прямые и косвенные связи слов в составе ассоциативного поля «вежливый» на материале «Проекта мультилингвального ассоциативного тезауруса вежливости». Цель исследования — обоснование потенциала применения формализованных параметров при анализе соотношения *стимул — реакция* как речевого действия. Для достижения поставленной цели были использованы свободный ассоциативный эксперимент, общенаучные методы анализа, синтеза и обобщения. Рассмотрены функции индекса прямой и обратной ассоциативной силы, числа опосредований, индекса ассоциативной силы опосредования, числа пересекающихся ассоциатов и ассоциативной силы перекрытия. Индекс прямой ассоциативной силы используется для вычисления вероятности активации сочетания *стимул — реакция*, а индекс обратной ассоциативной силы выявляет степень операциональности соответствующих сочетаний *реакция — стимул*. Анализ параметра опосредований даёт возможность определить количество потенциальных признаков, на основе которых осуществляется предицирование от стимула к реакции. Индекс ассоциативной силы опосредования характеризует операциональность соотношения *стимул — реакция* и т. д. Доказывается эффективность применения формализованных квантитативных параметров при моделировании речевого действия.

Ключевые слова:
ассоциативное поле; вежливый; индекс прямой ассоциативной силы; индекс обратной ассоциативной силы; индекс ассоциативной силы опосредования; индекс силы перекрытия ассоциатов.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The quantitative parameters characterizing direct and indirect connections of words in the composition of the associative field “polite” are studied on the basis of the “Project of a multilingual associative thesaurus of politeness”. The aim of the study is to substantiate the potential of using formalized parameters when analyzing the *stimulus-response* ratio as a speech action. To achieve this goal, a free associative experiment, general scientific methods of analysis, synthesis and generalization were used. The functions of the index of direct and inverse associative strength, the number of mediations, the index of the associative power of mediation, the number of intersecting associates and the associative power of overlap are considered. The index of direct associative strength is used to calculate the probability of activation of a combination of *stimulus — response*, and the index of inverse associative strength reveals the degree of operationality of the corresponding combinations of *response — stimulus*. Analysis of the mediation parameter makes it possible to determine the number of potential signs, on the basis of which predication from stimulus to reaction is carried out. The index of the associative power of mediation characterizes the operationality of the ratio of *stimulus - reaction*, etc. The effectiveness of the use of formalized quantitative parameters in the modeling of speech action is proved.

Key words:
associative field; polite; direct associative strength index; reverse associative strength index; the index of the associative power of mediation; overlap strength index of associates.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 81’23+811.161.1’374.2::395.7

Потенциал применения формализованных параметров для моделирования речевого действия

© Степыкин Н. И., 2021

1. Введение

Одной из актуальных проблем современной психолингвистики является анализ накопленных и обработанных ассоциативных норм, которые представляют собой совокупность спонтанных речевых действий, активированных заданными словами-стимулами. Создание ассоциативного словаря основывается на методе свободного ассоциативного эксперимента, который позволяет выявить наиболее сильные предикативные связи. Исследования в области ассоциативной лексикографии, инициированные в начале XX века в США [Kent & Rosanoff, 1910], были продолжены во многих странах Европы и мира. Первый «Словарь ассоциативных норм русского языка» появился в 1977 году [Леонтьев, 1977]. Количество ассоциативных тезаурусов постоянно растёт, появляются двуязычные и мультилигвальные словари (см., например, [Пюрбеев, 2019; Санчез Пуиг, 2001; Славянский …, 2004 и мн. др.). Однако, несмотря на всё увеличивающиеся объёмы исследовательского материала, проблема анализа соотношения *стимул — реакция* остаётся не до конца решённой. В. А. Пищальникова постулирует, что при изучении этого предикативного по своей сути соотношения «необходимо исследовать речевое действие как механизм вербализации личностного смысла в актах функционального оперирования знаком» [Пищальникова 2019, с. 755—756]. Для такого подхода важно установить существенные параметры речевого действия.

Анализ продуцирования речевого действия с учётом операций синтаксирования проведён в исследованиях [Степыкин, 2020; Степыкин, 2021]. Представленная концепция, основанная на модели речепорождения Леонтьева-Рябовой [Ахутина, 2008], позволяет выделить такой параметр речевого действия, как полнота цикла синтаксирования. В результате проведённого исследования были обнаружены речевые действия полного цикла синтаксирования (*вежливый человек, вежливый мужчина* и прочее), речевые действия с пропущенным этапом поверхностного синтаксирования (*вежливый улыбка, вежливый манеры*) и речевые действия с применением операции смыслового синтаксирования (*вежливый — воспитанный, вежливый — культурный* и прочее). Кроме того, были отмечены речевые действия, не предусматривающие лексических механизмов (*вежливый — вежливость*) [Степыкин, 2020].

CC BY

Параметры ситуативности и предикативности речевого действия с определённой долей объективности отражены в схеме направления ассоциаций слов-стимулов предметного характера:

«1. Ситуации с участием S (предмета, названного стимулом).
2. Предметно-логические связи S.
3. Связи части и целого.
4. Место и время S.
5. Предметы, сопутствующие S в типичных для него ситуациях.
6. Качества, оценки S.
7. Действия S, состояния, деятельность.
8. Связь S с человеком.
9. Речевое направление ассоциаций.
10. Символическое использование S» [Гольдин, 2014, с. 15].

Предложенная схема позволяет выявить основания предицирования объекта, заданного стимулом. Автор отмечает, что «на своём высшем уровне она включает, во-первых, представления о ситуациях, их компонентах и свойствах компонентов ситуаций, во-вторых, о человеке и его связях с ситуациями и их компонентами, в-третьих, классификационные представления о мире, т. е. результаты предметно-логической деятельности человека, в наибольшей степени характеризующие научное знание, но, несомненно, свойственные и обыденному мировосприятию, в-четвертых, — представления о языке и речевой деятельности» [Там же, с. 16]. Однако такая модель анализа ассоциатов совсем не учитывает формальные реакции и количественные показатели, характеризующие связи слов в составе ассоциативного поля (далее по тексту — АП).

Отметим, что оптимальное количество параметров анализа связи слов в составе АП до сих пор не установлено. Например, в русском ассоциативном словаре (РАС) представлены семь индикаторов: общее количество реакций, число отказов от реагирования, количество разных и единичных реакций, общее количество стимулов, вызвавших реакцию; число различных стимулов, вызвавших реакцию, и число стимулов, вызвавших данную реакцию один раз [Караулов и др., 1994]. В свою очередь, тезаурус ассоциативных норм университета Южной Флориды фиксирует 29 показателей, характеризующих само слово-стимул, реакцию испытуемого, прямые и обратные связи стимула и реакции, а также совокупные и опосредованные связи стимула и других слов, включённых в обработанный массив [Nelson et al., 1999]. О. Е. Виноградова и И. А. Стернин при анализе АП принимают во внимание данные лексикографических источников и предлагают учитывать индекс словарной фиксации (ИСФ), совокупный индекс яркости (СИЯ) и интегральный индекс яркости (ИИЯ)

CC BY

для психолингвистического исследования вербальной семантики [Виноградова и др., 2016].

Целью предпринимаемого исследования является рассмотрение количественных параметров, характеризующих прямые и косвенные связи слов в составе АП на материале «Проекта мультилинвального ассоциативного тезауруса вежливости» (МАТВ) [Степыкин и др., 2020], а также обоснование их учёта при анализе соотношения *стимул — реакция* как речевого действия.

2. Индекс прямой ассоциативной силы слова *вежливый*

Индекс прямой ассоциативной силы отражает вероятность активации определённого сочетания при предъявлении того или иного слова-стимула. Для расчета этого показателя необходимо разделить частоту реакции *X* на общее количество реакций в составе АП. Так, по данным МАТВ [Степыкин и др., 2020], вероятность актуализации речевого действия *вежливый — воспитанный* составляет 16 %, а вероятность появления сочетаний *вежливый ребёнок* или *вежливый старик* и др. составляет всего 1 % (табл. 1).

Таблица 1

АП *вежливый*: индекс прямой ассоциативной силы

Реакции на стимул *вежливый*	**Индекс прямой ассоциативной силы**
Воспитанный	0,16
Человек	0,14
Добрый	0,07
Культурный	0,05
Учтивый	0,03
Мужчина	0,03
Мальчик	0,025
Приятный	0,025
Воспитание	0,02
Поступок	0,015
Тон	0,015
Друг	0,015
Умный	0,015
Любезный	0,015
Хороший	0,015
Услужливый	0.01
Старик	0.01
Ребёнок	0.01

CC BY

Окончание табл. 1

Реакции на стимул *вежливый*	**Индекс прямой ассоциативной силы**
Платок	0.01
Красивый	0.01
Благовоспитанный	0.01
Шляпа	0.01
Доброжелательный	0.01
Милый	0.01
Аккуратный	0.01

Индекс прямой ассоциативной силы способствует выявлению операциональности речевого действия, активированного словом-стимулом.

3. Индекс обратной ассоциативной силы слова *вежливый*

Индекс обратной ассоциативной силы показывает вероятность появления реакции *вежливый* на тот или иной стимул из всего набора предъявлённых стимулов. Согласно данным МАТВ [Степыкин и др., 2020], слово *вежливый* активировалось при предъявлении следующих стимулов: *учтивый, тон, благодарность, будьте любезны, воспитанный, деликатность, джентльмен* и т. д. Отразим индекс обратной ассоциативной силы слова *вежливый* в таблице (табл. 2).

Таблица 2

АП *вежливый*: индекс обратной ассоциативной силы

Реакции на стимул *вежливый*	**Индекс прямой ассоциативной силы**
Учтивый	0,19
Воспитанный	0,07
Культурный	0,04
Добрый	0,035
Заботливый	0,02
Тон	0,02
Благодарность	0,01
Джентльмен	0,01
Будьте любезны	0,01
Деликатность	0,01

Исходя из данных таблицы 2, активация сочетания *учтивый — вежливый* является наиболее вероятной (19 %). Напротив, прямое предицирование *вежливый — учтивый* не столь очевидно (3 %). Полученные резуль-

CC BY

таты свидетельствуют о потенциале слова задавать определённый вектор репрезентации смысла. Этот вектор зависит не только от семантической, но и от грамматической формы слова-стимула, которая предопределяет появление определённой синтаксической конструкции (например, *прилагательное + существительное*). Так, вероятность активации сочетания *вежливый человек* составила 14 %, при этом на стимул *человек* не было получено ни одной реакции *вежливый*.

4. Число опосредований и индекс опосредованной ассоциативной силы

Число опосредований отражает механизм двухступенчатой цепочки ассоциирования S — RO — R, где S — стимул, R — реакция, RO — опосредованная реакция, полученная на R как стимул. По данным МАТВ [Степыкин и др., 2020], наибольшее число опосредований было обнаружено для сочетания *вежливый человек* (11), что свидетельствует об операциональности этого речевого действия. Рассчитаем индекс опосредованной силы, воспользовавшись методикой, предложенной в работе [Nelson et al., 1999] (табл. 3).

Таблица 3

Индекс опосредованной ассоциативной силы сочетания *вежливый человек*

Реакция	**Индекс прямой ассоциативной силы S — RO**	**Индекс прямой ассоциативной силы реакции RO — R**	**Интегральный индекс прямой ассоциативной силы**
Воспитанный	0,16	0,13	0,020
Добрый	0,07	0,115	0,008
Культурный	0,05	0,16	0,008
Мужчина	0,03	0,02	0,0006
Приятный	0,025	0,13	0,003
Друг	0,015	0,02	0,0003
Умный	0,015	0,18	0,003
Любезный	0,015	0,16	0,002
Ребёнок	0,01	0,02	0,0002
Красивый	0,01	0,13	0,001
Аккуратный	0,01	0,13	0,001
Индекс опосредованной ассоциативной силы			0,0471

Индекс опосредованной ассоциативной силы составил 0,0471. Каждое опосредование может быть рассмотрено как предикативный признак речевого действия *вежливый человек*. Наиболее актуально опосредование в виде двухступенчатой предикативной цепочки *вежливый — воспитанный — человек,* то есть вежливый человек, прежде всего, должен быть воспитанным.

CC BY

Сочетание *вежливый — воспитанный* имеет 4 опосредования (*культурный, добрый, учтивый* и *человек*). Индекс опосредованной ассоциативной силы *вежливый — воспитанный* составляет 0,0079, при этом признак *культурный* является наиболее ярко выраженным (0,006).

Три опосредования было отмечено у сочетания *вежливый – аккуратный (воспитанный, культурный, порядочный*). Однако опосредованная ассоциативная сила этого сочетания оказалась крайне низкой 0,0002.

Сочетание *вежливый — культурный* имеет одно опосредование (*воспитанный*) с индексом опосредованной ассоциативной силы 0,013. Также одно опосредование отмечено в паре *вежливый — добрый* (*приятный*) с индексом 0,0004, а индекс ассоциативной силы опосредования предикативной пары *вежливый — приятный* оказался ещё ниже, несмотря на 2 опосредования (*добрый* и *культурный*).

5. Показатель пересечений ассоциатов и индекс силы перекрытия двух ассоциативных полей

Показатель пересечений отражает количество одинаковых ассоциатов, продуцируемых словом-стимулом и словом-реакцией. По данным МАТВ [Степыкин и др., 2020], в составе АП *вежливый* и *воспитанный* активировано 7 одинаковых реакций (*человек, добрый, культурный, мальчик, умный, хороший, ребёнок*). Рассчитаем индекс силы перекрытия для АП *вежливый* и *воспитанный,* воспользовавшись методикой, предложенной в работе [Nelson et al., 1999] (табл. 4).

Таблица 4

Индекс силы перекрытия АП *вежливый* и *воспитанный*

Общая реакция для анализируемых АП	**Индекс прямой ассоциативной силы по стимулу** *вежливый*	**Индекс прямой ассоциативной силы реакции по стимулу** *воспитанный*	**Интегральный индекс прямой ассоциативной силы**
Человек	0,14	0,13	0,0208
Добрый	0,07	0,05	0,0035
Культурный	0,05	0,08	0,0040
Мальчик	0,025	0,04	0,0010
Умный	0,02	0,02	0,0004
Хороший	0,02	0,02	0,0004
Ребёнок	0,01	0,03	0,0003
Индекс силы перекрытия			0,0304

Индекс силы перекрытия для АП *вежливый* и *воспитанный* составил 0,0304. Наивысшая степень перекрытия проявилась в общей реакции *чело-*

CC BY

век (0,0208), что подчёркивает операциональность речевых действий *вежливый человек* и *воспитанный человек*, при этом вероятность актуализации сочетания *вежливый человек* на 3 % выше. Самый низкий индекс силы перекрытия зафиксирован по ассоциату *ребёнок* (0,0003), при этом, по данным эксперимента, актуализация речевого действия *воспитанный ребёнок* немного более вероятна, чем *вежливый ребёнок*. Сочетания *вежливый — умный*, *вежливый — хороший* и *воспитанный — умный*, *воспитанный — хороший* имеют примерно равный потенциал активации. В свою очередь, предикативные связи *воспитанный мальчик* и *воспитанный — культурный* более операциональны, чем *вежливый мальчик* и *вежливый — культурный*. Отобразим графически области пересечения (перекрытия) анализируемых АП (рис. 1).

Рис. 1. Области пересечения общих компонентов АП *вежливый* и *воспитанный*

Область пересечения общих компонентов АП является основой для продуцирования речевого действия *вежливый — воспитанный*. Аналогичным образом был рассчитан индекс силы перекрытия для АП *вежливый* и *человек* (табл. 5).

Таблица 5

Индекс силы перекрытия АП *вежливый* и *человек*

Реакция	**Индекс прямой ассоциативной силы по стимулу** *вежливый*	**Индекс прямой ассоциативной силы реакции по стимулу** *человек*	**Интегральный индекс прямой ассоциативной силы**
Мужчина	0,03	0,04	0,0012
Друг	0,015	0,02	0,0003
Добрый	0,07	0,01	0,0007
Хороший	0,015	0,01	0,0002
Индекс силы перекрытия АП			0,0024

Количество одинаковых ассоциатов, активированных словами *вежливый* и *человек*, равняется 4 (*мужчина, друг, добрый* и *хороший*). Индекс силы перекрытия для АП *вежливый* и *человек* составил 0,0024. Вероятность активации речевых действий *вежливый мужчина* и *человек — мужчина* составляет 3 и 4 % соответственно. Самый низкий индекс силы перекрытия зафиксирован по ассоциату *хороший* (0,0002), при этом, по данным эксперимента, актуализация речевого действия *вежливый — хороший* немного более вероятна, чем *человек — хороший*. Потенциал активации сочетания *вежливый — добрый* в 7 раз выше, чем у сочетания *человек — добрый*. Графически области пересечения (перекрытия) анализируемых АП, являющиеся основой предицирования S R, представлены на рисунке 2.

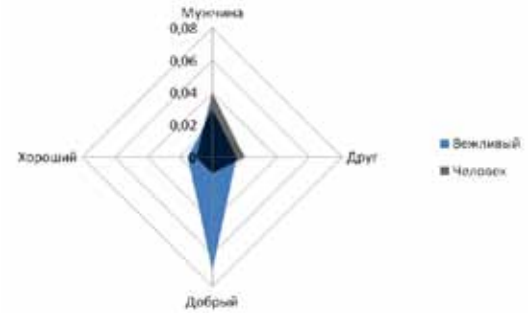

Рис. 2. Области пересечения общих компонентов АП *вежливый* и *человек*

Слова-стимулы *вежливый* и *добрый* имеют 6 общих ассоциатов (*человек, хороший, милый, поступок, друг, воспитанный*). Рассчитаем индекс силы перекрытия (табл. 6).

Таблица 6

Индекс силы перекрытия АП *вежливый* и *добрый*

Реакция	**Индекс прямой ассоциативной силы по стимулу** *вежливый*	**Индекс прямой ассоциативной силы реакции по стимулу** *добрый*	**Интегральный индекс прямой ассоциативной силы**
Человек	0,14	0,115	0,016
Хороший	0,015	0,08	0,0012
Милый	0,01	0,02	0,0002
Поступок	0,015	0,015	0,0002
Друг	0,015	0,015	0,0002
Воспитанный	0,16	0,01	0,0016
Индекс силы перекрытия АП *вежливый — добрый*			0,0194

Индекс силы перекрытия АП *вежливый* и *добрый* равняется 0,0194. Операциональность речевых действий *вежливый человек* и *добрый человек* подтверждается высокой степенью их активации в эксперименте. Эти сочетания имеют наиболее высокую совместную зону пересечения. Активация речевого действия *вежливый — воспитанный* значительно вероятнее, чем *добрый — воспитанный* (16 % vs 1 %). Соответственно общая зона пересечения этих сочетаний составляет 0,01. Аксиологическая модальность выражается в речевых действиях *вежливый — хороший, вежливый — милый, добрый — хороший, добрый — милый*, при этом стимул *добрый* продуцирует соответствующие предикативные связи с более высокой долей вероятности, чем стимул *вежливый*. Равнозначные зоны перекрытия обнаружены для сочетаний *вежливый / добрый — поступок / друг* (рис. 3).

Рис. 3. Области пересечения АП *вежливый* и *добрый*

Четыре общих ассоциата имеют АП *вежливый* и *культурный*. Рассчитаем индекс силы перекрытия для этих АП (табл. 7).

Таблица 7

Индекс силы перекрытия АП *вежливый* и *культурный*

Реакция	**Индекс прямой ассоциативной силы по стимулу** *вежливый*	**Индекс прямой ассоциативной силы реакции по стимулу** *культурный*	**Интегральный индекс прямой ассоциативной силы**
Человек	0,14	0,14	0,0196
Воспитанный	0,16	0,12	0,0192
Умный	0,015	0,015	0,0002
Аккуратный	0,01	0,01	0,0001
Индекс силы перекрытия			0,0391

CC BY

Ассоциативные поля *вежливый* и *культурный* имеют наивысший индекс перекрытия (0,0391) по сравнению с проанализированными ранее АП. Большинство пересекающихся связей имеют одинаковую вероятность активации. Наиболее операциональны сочетания *вежливый человек* и *культурный человек*. Вероятность их активации, по данным МАТВ, составила 14 %. Индекс прямой ассоциативной силы сочетания *вежливый — воспитанный* на 0,04 выше, что говорит о его большей операциональности по сравнению с сочетанием *культурный — воспитанный*. Вероятность активации предикативных связей *вежливый — умный, воспитанный — умный, вежливый — аккуратный* и *воспитанный — аккуратный* составила менее 2 %. Графически пересечение общих компонентов АП *вежливый* и *культурный* выглядит так (рис. 4).

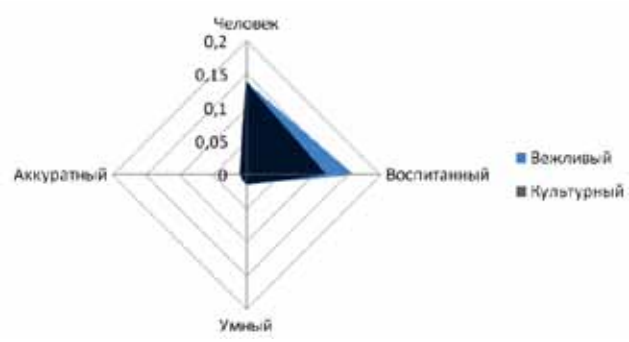

Рис. 4. Области пересечения АП *вежливый* и *культурный*

Также четыре общих ассоциата обнаружено при анализе АП *вежливый* и *учтивый,* однако индекс силы перекрытия значительно ниже, чем у АП *вежливый* и *культурный* (ср. табл. 7 и 8).

Таблица 8

Индекс силы перекрытия АП *вежливый* и *учтивый*

Реакция	**Индекс прямой ассоциативной силы по стимулу** *вежливый*	**Индекс прямой ассоциативной силы реакции по стимулу** *учтивый*	**Интегральный индекс прямой ассоциативной силы**
Человек	0,14	0,09	0,0126
Любезный	0,015	0,015	0,0002
Умный	0,015	0,015	0,0002
Мужчина	0,03	0,01	0,0003
Индекс силы перекрытия			0,0133

CC BY

Сочетания вежливый — *любезный, вежливый — умный, учтивый — любезный* и *учтивый — умный* имеют одинаковую вероятность активации (1,5 %). По данным эксперимента, наиболее операциональны сочетания *вежливый человек* и *учтивый человек* (14 и 9 % соответственно). Вероятность активации предикативной связи *вежливый мужчина* в 3 раза выше, чем *учтивый мужчина*. Пересечение общих компонентов АП *вежливый* и *учтивый* представлено на рисунке (рис. 5).

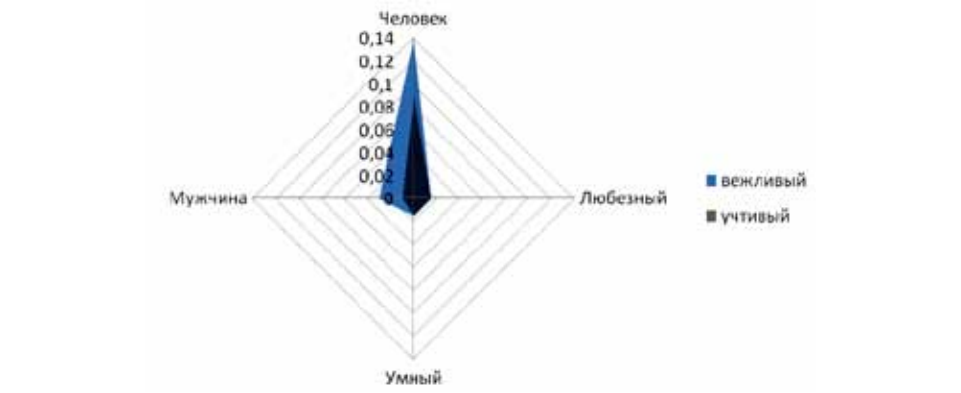

Рис. 5. Области пересечения АП *вежливый* и *учтивый*

Интегрируем информацию по всем проанализированным сочетаниям стимул — реакция в следующей таблице (табл. 9).

Таблица 9

Количество пересечений и индекс силы перекрытия АП S и R

S	R	Количество пересечений АП S и R	Индекс силы перекрытия АП S и R
Вежливый	Человек	4	0,0024
	Воспитанный	7	0,0278
	Культурный	4	0,0391
	Добрый	6	0,0194
	Приятный	6	0,0224
	Учтивый	4	0,0133
	Аккуратный	3	0,0216

Показатель пересечений отражает количество оснований для предицирования как в направлении от стимула к реакции, так и в обратном, а индекс силы перекрытия показывает степень близости психологически

CC BY

актуального значения слова-стимула и слова-реакции. Полученные результаты демонстрируют, что количество пересечений двух АП не всегда прямо пропорционально индексу силы перекрытия. Так, АП *вежливый* и *воспитанный* имеют наибольшее количество общих ассоциатов (7), а самый высокий индекс силы перекрытия характерен для сочетания *вежливый — культурный*.

6. Выводы

Проведенное исследование показало эффективность применения формализованных квантитативных параметров для моделирования речевого действия как механизма порождения и актуализации смысла.

Индекс прямой ассоциативной силы отражает вероятность активации сочетания *S — R*, а индекс обратной ассоциативной силы указывает на потенциал предикативной связи *R — S*. Было доказано, что слово задаёт направление репрезентации смысла и активирует психические, лексические и грамматические механизмы. Так, вероятность продуцирования сочетания *вежливый — воспитанный* составила 16 %, а *воспитанный — вежливый* — всего 7 %. Было экспериментально установлено, что вероятность актуализации речевого действия полного цикла синтаксирования *вежливый человек* составляет 14 %. При предъявлении стимула *человек* сочетание *человек вежливый* не было воспроизведено испытуемыми.

Количество опосредований является квантитативным показателем, отражающим число признаков, на основании которых активируется связь *S — R*. Наибольшее количество опосредований было обнаружено для сочетания *вежливый человек* (11). Высокий индекс ассоциативной силы опосредования этого сочетания подтверждает операциональность речевого действия *вежливый человек*.

Число пересечений — это количественный показатель общих компонентов репрезентации смысла как в направлении от стимула к реакции, так и в обратном. Наибольшее количество пересечений было выявлено для АП *вежливый* и *воспитанный* (7), что свидетельствует о сходстве смыслов, продуцируемых этими словами. Индекс силы перекрытия показывает степень близости психологически актуального значения слов. В результате анализа АП слова *вежливый* было установлено, что наиболее близкими по смыслу являются слова *вежливый* и *культурный*.

Источники

1. *Степыкин Н. И.* Проект мультилингвального ассоциативного тезауруса вежливости / Н. И. Степыкин, Д. М. Миронова. — Курск : Университетская книга, 2020. — 205 с. — ISBN 978-5-907356-47-4.

Литература

1. *Ахутина Т. В.* Модель порождения речи Леонтьева — Рябовой : 1967 — 2005 / Т. В. Ахутина // Психология, лингвистика и междисциплинарные связи / под ред. Т. В. Ахутиной, Д. А. Леонтьева. — Москва : Смысл, 2008. — С. 79—104. — ISBN 978-5-89357-264-3.

2. *Виноградова О. Е.* Психолингвистические методики в описании семантики слова / О. Е. Виноградова, И. А. Стерин. — Воронеж : Истоки, 2016. — 160 с. — ISBN 978-5-4473-0108-8.

3. *Гольдин В. Е.* Ассоциативные словари и образ мира / В. Е. Гольдин // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2014. — № 3. — С. 14—16.

4. *Пищальникова В. А.* Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики / В. А. Пищальникова // Russian Journal of Linguistics. — 2019. — Т. 23. — № 3. — С. 749—761. — DOI: 10.22363/2312-9182-2019-233-749-761.

5. *Пюрбеев Г. Ц.* Опыт создания ассоциативного словаря сравнений / Г. Ц. Пюрбеев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Грамота. — 2019. — Т. 12. — Выпуск 2. — С. 223—226. — DOI: 10.30853/filnauki.2019.2.48.

6. *Русский* ассоциативный словарь. Ассоциативный тезаурус современного русского языка [Электронный ресурс] / под ред. Ю. Н. Караулова, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова и др. — Режим доступа : http://tesaurus.ru/dict/ (дата обращения 26.02.2021).

7. *Санчез Пуиг М.* Ассоциативные нормы русского и испанского языков / М. Санчез Пуиг, Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова. — Москва ; Мадрид : Азбуковник, 2001. — 496 с. — ISBN 5-99744-035-X.

8. *Славянский* ассоциативный словарь : русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. — Москва : Институт языкознания РАН, 2004. — 792 с. ISBN 5-7904-0366-2.

9. *Словарь* ассоциативных норм русского языка [Электронный ресурс] / под ред. А. А. Леонтьева. — Режим доступа : http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm (дата обращения 16.03.2021).

10. *Степыкин Н. И.* Ассоциативное поле *вежливый* : динамика психологически актуального содержания в лексиконе индивида / Н. И. Степыкин // Science for Education Today. — 2020. — № 2. — С. 151—166. — DOI: 10.15293/2658-6762.2002.10.

11. *Степыкин Н. И.* Опыт моделирования ассоциативных полей (по материалам проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости») / Н. И. Степыкин // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 106—120. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-106-120.

12. *Kent G. H.* Study of association in Insanity / G. H. Kent, A. J. Rosanoff // American Journal of Insanity. — 1910. — № 67. — Pp. 317—390.

13. *Nelson D. L.* The University of South Florida Word Association, Rhyme, and Word Fragment Norms [Electronic resource] / D. L. Nelson, C. L. McEvoy, T. A. Schreiber. — Access mode : http://w3.usf.edu/FreeAssociation (accessed 21.03.2021).

Material resources

Stepykin, N. I., Mironova, D. M. (2020). *The project of a multilingual associative thesaurus of politeness.* Kursk: University Book. 205 p. ISBN 978-5-907356-47-4. (In Russ.).

CC BY

References

Akhutina, T. V. (2008). Leontiev-Ryabova's model of speech generation: 1967—2005. In: *Psychology, linguistics and interdisciplinary connections.* Moscow: Smysl. 79—104. ISBN 978-5-89357-264-3. (In Russ.).

Goldin, V. E. (2014). Associative dictionaries and the image of the world. *Problems of history, philology, culture, 3:* 14—16. (In Russ.).

Kent, G. H., Rosanoff, A. J. (1910). Study of association in Insanity. *American Journal of Insanity, 67:* 317—390.

Leontiev, A. A. (ed.). *Dictionary of associative norms of the Russian language.* Available at: http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm (accessed 16.03.2021). (In Russ.).

Nelson, D. L., McEvo, C. L., Schreiber, T. A. *The University of South Florida Word Association, Rhyme, and Word Fragment Norms.* Available at: http://w3.usf.edu/FreeAssociation (accessed 21.03.2021).

Pishchalnikova, V. A. (2019). Interpretation of the associative data as a problem of methodology of psycholinguistics. *Russian Journal of Linguistics, 23 (3):* 749—761. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-233-749-761. (In Russ.).

Purview, G. C. (2019). The Experience of creating associative dictionary comparison. *Philological Sciences. Questions of theory and practice. Diploma, 12 (2):* 223—226. DOI: 10.30853/filnauki. 2019.2.48. (In Russ.).

Russian associative dictionary. Associative thesaurus of the modern Russian language. Available at: http://tesaurus.ru/dict/ (accessed 26.02.2021). (In Russ.).

Sanchez Puig, M., Karaulov, Yu. N., Cherkasova, G. A. (2001). *Associative norms of the Russian and Spanish languages.* Moscow; Madrid: Azbukovnik. 496 p. ISBN 5-99744-035-X. (In Russ.).

Stepykin, N. I. (2020). Associative field polite: dynamics of psychologically relevant content in the lexicon of an individual. *Science for Education Today, 2:* 151—166. DOI: 10.15293/2658-6762. 2002. 10. (In Russ.).

Stepykin, N. I. (2021). Experience in Modeling Associative Fields (Project "Multilingual Associative Thesaurus of Politeness"). *Nauchnyi dialog, 3:* 106—120. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-106-120. (In Russ.).

Ufimtseva, N. V., Cherkasova, G. A., Karaulov, Yu. N., Tarasov, E. F. (2004). *Slavic associative dictionary: Russian, Belarusian, Bulgarian, Ukrainian.* Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. 792 p. ISBN 5-7904-0366-2. (In Russ.).

Vinogradova, O. E., Sterin, I. A. (2016). *Psycholinguistic methods in the description of the semantics of the word.* Voronezh: Origins. 160 p. ISBN 978-5-4473-0108-8. (In Russ.).

Литературоведение. Журналистика. Фольклористика
Literary Studies. Journalism. Folklore

Ван Юйчжи, аспирант (Москва)
Вера Петровна Киржаева, д-р пед. наук (Саранск)
Елена Николаевна Ремчукова, д-р филол. наук (Москва)
Елизавета Алексеевна Власова, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)
Игорь Васильевич Кудряшов, д-р филол. наук (Арзамас)
Надежда Владимировна Проданик, канд. филол. наук (Омск)
Николай Сергеевич Чижов, канд. филол. наук (Тюмень)
Ольга Владимировна Богданова, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)
Светлана Анатольевна Дубровская, д-р филол. наук (Саранск)
Светлана Михайловна Владимирова, преподаватель (Саранск)
Сергей Николаевич Пяткин, д-р филол. наук (Арзамас)

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Богданова О. В. «Иногда чувствую себя Шекспиром…» (интертекстуальные пласты «Пилигримов» И. Бродского) / О. В. Богданова, Е. А. Власова // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 129—148. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-129-148.

Bogdanova, O. V., Vlasova, E. A. (2021). "Sometimes I Feel Like Shakespeare..." (Intertextual Layers of "Pilgrims" by I. Brodsky). *Nauchnyi dialog, 8:* 129-148. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-129-148. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-129-148

«Иногда чувствую себя Шекспиром…» (интертекстуальные пласты «Пилигримов» И. Бродского)

Богданова Ольга Владимировна
orcid.org/0000-0001-6007-7657
доктор филологических наук,
профессор
olgabogdanova03@mail.ru

Власова Елизавета Алексеевна
orcid.org/0000-0001-5781-7466
кандидат филологических наук
kealis@gmail.com

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

"Sometimes I Feel Like Shakespeare..." (Intertextual Layers of "Pilgrims" by I. Brodsky)

Olga V. Bogdanova
orcid.org/0000-0001-6007-7657
Doctor of Philology, Professor
olgabogdanova03@mail.ru

Elizaveta A. Vlasova
orcid.org/0000-0001-5781-7466
PhD in Philology
kealis@gmail.com

The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(Saint Petersburg, Russia)

© Богданова О. В., Власова Е. А., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается хрестоматийно известное стихотворение И. Бродского «Пилигримы» (1958). Предлагается его новая, углубленная интерпретация. Авторы работы акцентируют внимание на «втором» варианте текста Бродского, в 1959 году дополненного эпиграфом из сонета У. Шекспира. Отталкиваясь от эпиграфических строк, авторы статьи вместо общепринятой трактовки стихотворения (через традиционный мотив скитальчества пилигримов как бесконечного движения человека по жизни) выводят на первый план образ (пост)шекспировских пилигримов-мыслей, пилигримов-чувств. Изменение ракурса восприятия позволяет увидеть более глубокие пласты стихотворения Бродского и реинтерпретировать уже привычные образы и мотивы. Так, находит объяснение заглавная лексема текста — *пилигримы*, переосмысляется «странный» образ «синего солнца», трактуемый критиками как элемент «из научной фантастики». Рассматривается семантика мотива современного «бара», читаемого исследователями «как символ загадочной заграничной роскоши». Получает объяснение «неожиданное» цитирование в тексте стихотворения нелюбимого Бродским Н. Некрасова и др. Выявление широких интертекстуальных пластов «Пилигримов» — стихов К. Бальмонта, В. Брюсова, Ф. Сологуба, А. Ахматовой, О. Мандельштама, М. Лохвицкой и др. — позволяет авторам работы продемонстрировать умноженный потенциал стихотворения, усилить накал трагического осмысления мира лирическим героем Бродского.

Ключевые слова:
И. А. Бродский; «Пилигримы»; интертекст; образно-мотивная система; философский ракурс.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the well-known poem by I. Brodsky “Pilgrims” (1958), and offers a new, in-depth interpretation of it. The authors of the work focus on the “second” version of Brodsky’s text, supplemented in 1959 with an epigraph from a sonnet by W. Shakespeare. Starting from the epigraphic lines, the authors of the article instead of the generally accepted interpretation of the poem (through the traditional motif of the pilgrim’s wanderings as the endless movement of a person through life) bring to the fore the image (post)Shakespeare’s pilgrims-thoughts, pilgrims-feelings. Changing the perspective of perception allows them to see deeper layers of Brodsky’s poem and reinterpret already familiar images and motifs. Thus, the title lexeme of the text — “pilgrims” — is explained; the “strange” image of the “blue sun”, interpreted by critics as an element “from science fiction”, is reinterpreted; the semantics of the motif of the modern “bar”, read by researchers “as a symbol of mysterious foreign luxury”, is explained; the “unexpected” quotation in the text of a poem by N. Nekrasov, unloved by Brodsky, analyzed and explained; etc. Identification of broad intertextual layers of “Pilgrims” — poems by K. Balmont, V. Bryusov, F. Sologub, A. Akhmatova, O. Mandelstam, M. Lokhvitskaya, etc. — allows the authors of the work to demonstrate the multiplied potential of the poem, to increase the intensity of the tragic understanding of the world by the lyrical hero of Brodsky.

Key words:
I. Brodsky; “Pilgrims”; intertext; figurative-motivic system; philosophical perspective.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 821.161.1Бродский.07

«Иногда чувствую себя Шекспиром…» (интертекстуальные пласты «Пилигримов» И. Бродского)

© Богданова О. В., Власова Е. А., 2021

1. Введение

Стихотворение Иосифа Бродского «Пилигримы» широко известно. «Знаменитые “Пилигримы”» [Плеханова, 2002, с. 156] — так называет его И. Плеханова, один из авторитетных специалистов-бродсковедов. Едва ли не каждый исследователь, писавший о Бродском (Л. Лосев [Лосев, 2008], Я. Гордин [Гордин, 2010], В. Полухина [Полухина, 2006], В. Куллэ [Куллэ, 1996], М. Крепс [Крепс, 2007], А. Ранчин [Ранчин, 2016], Н. Стрижевская [Стрижевская, 1997], Д. Ахапкин [Ахапкин, 2009] и др.), вспоминает это стихотворение, признает его одним из лучших в ранней лирике поэта. Между тем текстуальный анализ стихотворения «Пилигримы» приводится крайне редко, литературоведческие интерпретации локальны и, как правило, рассеяны в общем контексте поэзии Бродского.

Среди исследователей, которые непосредственно обращались к анализу стихотворения «Пилигримы», могут быть названы имена Л. Лосева [Лосев, 2008], Я. Гордина [Гордин, 2010], И. Плехановой [Плеханова, 2008]. Исследователи единодушно соглашаются, что в центре «Пилигримов» лежит одна из наиболее важных и сквозных в поэзии Бродского философем — философема *движение*.

По словам Я. Гордина, «первое стихотворение, прославившее его [Бродского], — “Пилигримы” <…> задало один из ведущих внешних сюжетов Бродского — движение в пространстве…» [Гордин, 2010, с. 231]. По наблюдению И. Плехановой, в «Пилигримах» «весь лирический сюжет — устремлённость в неведомое…», «одухотворённость движения стихийна», суть движения — «эпическая направленность» [Плеханова, 2008, с. 156], констатирующая бесконечность мира.

По мнению литературоведов, «Пилигримы» пронизаны прежде всего идеей осознания лирическим героем (и автором) вечного движения к непознанному, идеей бесконечности человеческого пути в *миро*познании и *само*познании. По И. Плехановой, «опора существования в этом мире — не конечный человек и не конечная Истина», но «воля к поиску, не цель, но процесс движения» [Плеханова, 2008, с. 156].

Действительно, движение в тексте стихотворения — сюжетоформирующий принцип, скрепляющий, подобно стержню, структуру всей элегии,

CC BY

пронизывающий (нанизывающий на себя) все строки поэтического текста. Движение героев-пилигримов — стремление познать безбрежный мир, и итог — философская невозможность этого познания. «Малость» отдельного человека в этом огромном непознанно-непознаваемом мире становится, по мнению исследователей, центром поэтической аллегории Бродского.

Именно так — как аллегорию — определяет «Пилигримов» Л. Лосев: «Его [Бродского] воображение создает из мешанины экзотических книжек и кинофильмов величественные, но невнятные аллегории» [Лосев, 2008, с. 60]. По Л. Лосеву, аллегорический мир Бродского намеренно приближен к современности, знаменателен чертами и признаками актуальности, «невнятность» аллегории компенсируется узнаваемыми реалиями: «Мекка и Рим, бар как символ загадочной заграничной роскоши, и тут же синее солнце из научной фантастики, и “пилигримы / солнцем палимы” из хрестоматийного стихотворения нелюбимого Некрасова» [Лосев, 2008, с. 61].

Примечательны *интертекстуальные* сопоставления, которые намечает критика. Так, Я. Гордин пишет: «Юный Бродский прошел через все возможные влияния и ориентации, через все привязанности литературной молодежи пятидесятых: Лорка, Незвал, джазовая культура, Багрицкий… Но краеугольные камни классической поэзии, обнаруженные им просто-напросто на уроках литературы, проступали сквозь все — не как затверженные формальные ориентиры, а как угаданная коренная порода, “почва и судьба”. Молодой Бродский, воспринимавшийся читателями как “новый поэт”, вызывающе демонстрирует свою связь с Пушкиным» [Гордин, 2010, с. 229].

Рядом с «Пилигримами» Я. Гордин называет пушкинского «Странника» и выделяет в нем мотивы «несовершенства мира» и — главное — «своего собственного несовершенства» [Гордин, 2010, с. 230]. По мысли исследователя, «лейтмотив последних лет пушкинской жизни — бегство, уход от низкой суеты, движение к “некоему свету”» [Гордин, 2010, с. 231] — обнаруживается и у Бродского. Вслед за Пушкиным в стихах уже раннего Бродского проступает «пророческий пласт», который в «Пилигримах» символизирован «двумя понятиями <…> сконцентрировавшими в себе смысл ведущей тенденции» — это «звезды и птицы», «символ “некоего света” в вышине, маяка, путеводной меты» [Гордин, 2010, с. 233].

Движение, пространство, время, мир и человек, звезды, птицы — таков, по наблюдению исследователей, образно-символический ряд ранней поэзии Бродского, ведущие нити лирической наррации в «Пилигримах». И в целом, несомненно, можно согласиться с подобными наблюдениями. Однако текст стихотворения «Пилигримы» предлагает и иные ракурсы восприятия, иные аспекты интерпретации — менее общие, но более «бродские».

CC BY

2. Звуковые ряды «Пилигримов»

Согласно словарям, лексема *пилигрим* происходит от латинского *peregrinus* — «чужеземец, иностранец», иноязычное слово пришло в русский язык из итальянского *pellegrino* [Фасмер, 1987, с. 261—262], становясь синонимом богомольцев, паломников, путешествующих по святым местам. Заметим, в русском языке достаточно других, более адаптированных в национальном сознании слов, отражающих то же понятие. Однако Бродский использует не русский вариант обозначения странников, скитальцев, путников, но «итализированных» пилигримов. На первый взгляд, это обстоятельство может служить знаком увлечения Бродского зарубежной литературой: по наблюдениям Е. Рейна, Бродский «находился в том периоде, когда для него главными учителями были переводные поэты» [Полухина, 2006, с. 9].

Между тем, на наш взгляд, Бродского привлек не концепт западноевропейского паломничества (явления как такового), не (интер)текстуальные аллюзии зарубежной литературы, но звуковой образ самого слова *пилигрим*. В звуковом поле стиха множащееся ассонансное *и* порождает пронзительный звук, способный пронизать пространство, пробудить ритмику неспешного движения, придать глубину пронзаемому шествием пилигримов мира.

Звуковой образ слова *пилигримы* — с интенсивной фонетической амплитудой трижды повторенного в корневой морфеме гласного *и* — в сознании чуткого поэта неизбежно должен был пробудить образ «бесконечного» [Бродский, 1998, с. 21] *мир*а, *мимо* которого шествуют (бредут) святые странники-богомольцы. Внутренний рифмический каркас стиха задается фонетическим обликом заглавного словообраза и множится в звуковых омофонах: *пилигримы // мимо // мира // Рима // ристалищ // капищ* и т. д. Анафорическое многократное *мимо*, усиливаясь в параллелизме синтаксических конструкций и отражаясь в звуковых вариантах образа *мира*, *Мекки* и *Рима*, *капищ* и *кладбищ, синего* солнца, пронизанных акустически высоким («острым») *и*, вырисовывает длинный и длящийся вектор безконечного пути, страннического движения, беспредельности троп и дорог.

Пятикратное / шестикратное (эпаналепсическое) *мимо* отчетливо прорисовывает пространственную горизонталь, которая в ходе развития смыкается в символически замкнутый круг: от зачинного «Мимо…» к завершающему поэтическое восьмистишие звуковому паронимическому «пилигримы» (мимо → пилигримы). Акцентно-звуковое подобие и параллели — [mima // …grimy/a // mira и т. д.] — первоначально прочерчивают линеарный мир (направление, движение), к концу «строфы» превращая его (их) в спиралевидное пространство, обладающее объемом.

CC BY

Мимо ристалищ, капищ,
мимо храмов и баров,
мимо шикарных кладбищ,
мимо больших базаров,
мира и горя *мимо*,
мимо Мекки и Рима,
синим солнцем палимы,
идут по земле ***пилигримы***.

Нестрогие омофоны *шикарных* // *кладбищ*, *мимо* // *Мекки*, *мимо* // *Рима*, *мира-и-горя* // *мимо*, *синим* // *палимы*, опирающиеся на «узкое» *и*, дополняются и чередуются с «широкими» *а* и *о*, моделируя разнообразие мира *храмов* // *баров*, *больших* // *базаров*, *солнца* и др.

Если Л. Лосев считает, что «бар» у Бродского возникает «как символ загадочной заграничной роскоши» [Лосев, 2008, с. 61], то, на наш взгляд, интенция поэта совершенно иная. Суть в том, что Бродский создает образ пилигримов, богомольных странников, направляющихся на поклонение в святые места. Все движение пилигримов, «увечных», «горбатых», «голодных», «полуодетых» [Бродский, 1998, с. 21], метатекстуально осенено молитвой, словом Божиим, звуком голоса Господа. И это порождает в сознании Бродского глубинную ассоциацию. Как известно из свидетельств четырех евангелистов, после входа в Иерусалим Христос направился в храм и, увидев в нем торговцев, изгнал их.

Ин. 2: 13–16: «Приближалась Пасха Иудейская, и Иисус пришёл в Иерусалим и нашёл, что в храме продавали волов, овец и голубей, и сидели меновщики денег. И, сделав бич из верёвок, выгнал из храма всех, и овец и волов; и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул. И сказал продающим голубей: возьмите это отсюда и дома Отца Моего не делайте домом торговли».

Мф. 21: 12–13: «И вошёл Иисус в храм Божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей, и говорил им: написано, — дом Мой домом молитвы наречётся; а вы сделали его вертепом разбойников».

На наш взгляд, храмы и бары, несколько асинхронно (как подчас случается у Бродского) соположенные в строках «Пилигримов», становятся осовремененной аллюзией не на «заграничную роскошь», как полагает Л. Лосев, а на евангелический текст, выступают своеобразным синонимом-заместителем церкви и торга сегодня, в современности: храм и бар. Слова из различных временны́х пластов оказываются в странном соседстве, но истоком своим имеют библейские (евангелические) тексты. Аллюзия на

CC BY

библейское «торжище» поддерживается, на наш взгляд, и лексемой *базары* (*большие базары*), появляющейся в следующей строке стихотворения. Образы святых пилигримов актуализируют «вольные» отсылки к Священным текстам.

«Синее солнце», которое прочитано Л. Лосевым как образ «из научной фантастики» [Лосев, 2008, с. 61], на наш взгляд, тоже оказывается искаженным. Тяжелый и длинный путь странников-пилигримов, нещадно палимых лучами южного испепеляющего солнца и измученных непереносимо удушающим зноем, не только в метафорическом, но и в (природно-) физическом плане очень точно угадан и передан Бродским: как известно, при взгляде на раскаленное жаром зенитное солнце человек видит только иссиня-черный диск светила, который и воссоздан в стихах Бродского в образе поэтически точного «*синего* солнца», отражающего беспощадность горячих солнечных лучей, испепеляющих все живое, до синевы иссушающих кожу человека.

Наконец, интертекстуальная аллюзия, намеченная Л. Лосевым, — «”пилигримы / солнцем палимы” из хрестоматийного стихотворения нелюбимого Некрасова» [Лосев, 2008, с. 61] — действительно может быть (могла бы быть) атрибутирована как некрасовская, из стихотворения «Размышления у парадного подъезда» (1858): «*И пошли они солнцем палимы*…» Однако признать это можно только на формальном уровне. В контексте стихотворения Бродского оборот «синим солнцем палимы» по законам семантико-грамматической сочетаемости раскладывается не на единицы *синим* и *солнцем палимы*, а на иные синтагмы — *синее солнце* и *палимы*, которые в поэтико-семантическом наполнении оказываются слишком далеки от текста Некрасова. Можно предположить, что поэтически настроенный слух Бродского актуализировал предикат *пали́мы* по причине (звуко-)фонетического ассонанса, опирающегося в глагольной словоформе на ударное *и*. Тяготы долгого (дл*и*нного) пути пилигримов эксплицированы Бродским посредством выразительного образа испепеляющего («с*и*него») солнца, а долгота временно́й протяженности бесконечного пути пилигримов обозначена сменой временны́х природных маркеров, чередующихся «закатов» и «рассветов» (метафорически — в глазах и сердцах странников).

Пейзаж в стихотворении Бродского берет на себя не столько визуальную, сколько звуковую, музыкальную функцию. С одной стороны, вся пейзажная картина пронизана «высокой» амплитудой интенсивной фонемы *и* (*ними*[2], *им*, *птицы*, *зарницы, кричат, хрипло*), с другой — она ощутимо наполнена звуками природы: пустыни поют, птицы кричат (хрипло кричат), даже вспышки зарниц (молний), сопровождающих грозу, скрывают в себе отдаленные неслышные раскаты грома.

CC BY

За ними поют пустыни,
вспыхивают зарницы,
звезды горят над ними,
и хрипло кричат им птицы <…>

Как уже было сказано, Я. Гордин обратил внимание на важность появления в тексте «Пилигримов» образов-символов «звезда» и «птицы». Но в поэтическом мире стихотворения Бродского не менее важны и образы «пустынь» и «зарниц». Бродский чутко слышит пустыню, ощущает безбрежность ее просторов и различает певучесть ее могучих зыбучих песков. В атмосфере шествия пилигримов за образом предупреждающего пения пустыни угадываются мотивы опасности и тяжести бесконечного пути, мотивы сопровождающих странников жажды и голода, лишений и бессилия. Вспышки зарниц предупредительны — это синекдоха отдаленного (но приближающегося) грома, метонимический заместитель грозы и угрозы. Оборот *Звезды горят…* не столько передает свет звезды, сколько «от обратного» становится знаком темноты и бездонности черного ночного неба и тьмы пути.

В подобной звуковой какофонии хриплый крик ночных птиц заключает в себе пророческое провидение и предвидение:

что мир останется прежним,
да, останется прежним,
ослепительно снежным,
и сомнительно нежным,
мир останется лживым,
мир останется вечным,
может быть, постижимым,
но все-таки бесконечным.

Настойчивое повторение *прежним* (дважды: в первой и второй строке приведенного выше фрагмента) (+ *вечным*), контекстуальная антитетиза *снежный / нежный*, околофразеологическое *вечный / лживый* (= *вечно-лживый*), противительное *постижимый,* ***но*** *бесконечный* привносят в стихотворный текст знание о контрастах-константах мира, о диалектике противоположностей, в итоге — о пронзительности взгляда лирического (авто)героя, о философичности поэтических воззрений молодого (но зрелого) Бродского.

3. Метафизические ракурсы текстовой реальности

По воспоминаниям Я. Гордина, в период работы над «Пилигримами» «Иосиф отрицал целесообразность и справедливость мира <…> с такой

CC BY

страстностью и непреклонностью, что хотелось защитить этот бедный мир» [Гордин, 2010, с. 135]. Именно образ «бедного мира» и создает Бродский в стихотворении, образ мира увечного, горбатого, голодного, полуодетого. Пилигримы — субъективно-субъектная часть этого мира.

И, значит, не будет толка
от веры в себя да в Бога.
…И, значит, остались только
иллюзия и дорога.

Анафорический повтор «*и, значит*» звучит философским убеждением-утверждением автора и героя, отражает уверенность в невозможности изменения вечного мира, но эксплицирует стремление и движение — к нему (от него?), к отдельному человеку (?), к самому себе (?).

Кажется, права И. Плеханова, когда утверждает, что в финале стихотворения Бродского «вся эта энергия жизни концентрируется в слове *быть*:

И быть над землей закатам,
и быть над землей рассветам.

Сильная позиция логически (интонационно) выделенного слова *быть* и его тавтологичность действительно знаменуют собой неизменность длящейся бесконечности и вечности мира, в беспредельно больших пространствах которого затерян маленький человек-странник, тень-пилигрим. Святитель Тихон Задонский (Письма Посланные, 15): «И всяк живущий на земле есть путник…»

Между тем продемонстрированное понимание стихотворения Бродского не окончательно, образом странствующих пилигримов, ищущих Свет и Истину, его внутренняя семантика не исчерпывается. Привлекает внимание тот факт, что поэт возвращается к «правке» уже принятого и признанного слушателями текста и спустя год привносит в стихотворение эпиграф из Шекспира (1959).

В переводе С. Маршака шекспировский «Сонет 27», из которого Бродским взяты эпиграфические строки, звучит так:

Трудами изнурен, хочу уснуть,
Блаженный отдых обрести в постели.
Но только лягу, вновь пускаюсь в путь —
В своих мечтах — к одной и той же цели.
Мои мечты и чувства в сотый раз
Идут к тебе дорогой пилигрима,

CC BY

И, не смыкая утомленных глаз,
Я вижу тьму, что и слепому зрима.
Усердным взором сердца и ума
Во тьме тебя ищу, лишенный зренья.
И кажется великолепной тьма,
Когда в нее ты входишь светлой тенью.
Мне от любви покоя не найти.
И днем и ночью — я всегда в пути [Шекспир, 1993, с. 247].

Кажется, что смысловое наполнение двух стихотворений (претекста и посттекста) весьма близко: сонет Шекспира заключает итоговая строка, весьма близкая метафорическому содержанию «Пилигримов»: жизнь — вечное движение («И днем и ночью — я *всегда в пути*»).

Но очевидно и другое: сонет Шекспира — любовная лирика, и движение лирического героя — «Иду[…] к *тебе*…», «Во тьме *тебя* ищу…» — выражает чувства любви к женщине, традиционно конститутивной теме сонетного жанра. Однако элегия Бродского «Пилигримы» лишена любовных мотивов: пафос любовной лирики потеснен философскими поисками лирического героя, поиском и осмыслением пути не к тебе-возлюбленной, но пути жизненного, пути героя в вечности и бесконечности.

Возникает вопрос: зачем, с какой целью Бродский предпосылает основному (завершенному и цельному) тексту «Пилигримов» строки из любовного сонета Шекспира?

Можно предположить, что, включая эпиграф в перитекст уже контурированных «Пилигримов», Бродский делал акцент не на любовном мотиве, но на ином: «Мои *мечты и чувства* в сотый раз / *Идут дорогой* <…> *пилигрима*». Поэту важна идея странническое движения не людей, не человека (в целом не чуждая стихотворению Бродского), но идея странничества мысли и мечты, чувства и впечатления, зрения и слуха. Помещенная вне контекста любовного сонета, единичная шекспировская строка-мысль-образ утрачивает романтическую интенцию — и в результате внутренний смысл стихотворения Бродского переходит в совершенно иной регистр, погружается в иной — ирреальный — план восприятия.

Ищущий себя как личность и как поэт Бродский посредством эпиграфа переводит идею «Пилигримов» в более тонкую область: теперь героями поэта оказываются не странники-богомольцы, но пилигримы-мысли, пилигримы-чувства. Это мысли и чувства лирического героя идут

Мимо ристалищ, капищ,
мимо храмов и баров,

CC BY

мимо шикарных кладбищ,
мимо больших базаров,
мира и горя мимо,
мимо Мекки и Рима,
синим солнцем палимы,

— мысли, мечты и чувства шествуют по земле пилигримами.

Метрически строки Шекспира и стихотворение Бродского не коррелируют, но благодаря шекспировскому образу план восприятия — земной, реальный, «почти» исторический — при таком ракурсе переводится в *не*земной, *ир*реальный, *над*исторический и даже *над*человеческий. Происходит (по Бродскому) «метафорическое ускорение» [Бродский, 2005, с. 49]. Это не люди-пилигримы увечны, горбаты, голодны, полуодеты — это мысль и чувство лирического героя (= поэта) убоги, хромы, нищи и наги.

Если образ странников, глаза которых «*полны заката*» и сердца которых «*полны рассвета*», прежде прочитывался как близящаяся «закатная» старость странствующих скитальцев и «рассветная» доброта их чистых сердец, то теперь эти образы наполняются болью понимания лирическим героем самого себя, видящего вокруг закат (как вариант — закат гуманности), но все еще носящего в своем сердце «нежный» рассвет надежды и веры в человека (может быть, во Вселенную).

Трагизм осмысления мира обретает в стихотворении удвоенный (умноженный) потенциал: мысль одного (= одинокого, единственного) героя оказывается в противостоянии (оппозиции) всему окружающему его мирозданию. Лирический персонаж проникается способностью понимания глубины трагичности вселенского мира, его мысль-пилигрим не может найти опоры ни в чем в этом бесконечном пространстве и времени. Пение пустынь, вспышки зарниц, свет звезд в бездонном темном небе, крики птиц — теперь не просто знаки страшного мира, пугающего людей-странников, но приметы абсолютно холодного и равнодушного к человеку мира, хриплыми звуками и глубиной небесной черноты утверждающего вечность и неизменность («*прежно*сть») лживого и замершего («снежного») мироздания.

Именно такой мир и понимание его таковым и приводит одинокого лирического героя, его мысли-пилигримов, к осознанию трагической истины: «значит, не будет толка / от веры в себя да в Бога» [Бродский, 1998, с. 21]. В подобном страшном мире нет места ни человеку, ни Богу, ни вере, ни надежде. Остающиеся герою «только иллюзия и дорога», кажется, то же самое движение, которое было итогом пути странников-пилигримов, но в теперешнем варианте оно наполняется предельной мерой трагического одиночества: если странники-богомольцы искали святые места и стойко

CC BY

брели в надежде достичь их, то «внутренний» лирический герой — мысль-пилигрим, чувство-пилигрим, мечта-пилигрим — обречен одиноко странствовать в безнадежном пространстве и времени, в мире, созданном ледяным холодом и вечной темнотой. У пилигримов-странников была *дорога*, у лирического героя-пилигрима остается (скорее) лишь *иллюзия*.

4. Интертекстуальные пласты «Пилигримов»

Если раньше в (почти) реальном пространстве пилигримов хриплые крики птиц могли быть граем воронов, карканьем ворон, то теперь хриплые голоса птиц обретают таинственно-мистический оттенок: это уже не враны или коршуны, это вещие птицы Сирин, Алконост или Гамаюн, фантастические прорицательницы, птицы-девы, способные к членораздельной речи-пророчеству. Интертекстуальный фон неомифологической живописи В. Васнецова («Гамаюн, птица вещая», 1897) и символической поэзии А. Блока («Гамаюн, птица вещая (Картина В. Васнецова)», 1899) позволяют разглядеть в тексте Бродского тревожный образ птицы-предвестницы беды, провозвестницы неизбежно грядущего апокалипсиса.

Блок «Гамаюн, птица вещая» (опубл. 1908):

На гладях бесконечных вод,
Закатом в пурпур облеченных,
Она вещает и поет,
Не в силах крыл поднять смятенных…
Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых…
Предвечным ужасом объят,
Прекрасный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запекшиеся кровью!.. [Блок, 1971, с. 25]

Блок переносит действие «Гамаюна…» во времена задолго до монгольского ига, далеко до Московской Руси, в его определении — во времена «предвечные». И в том же «предвечном» блоковском времени-пространстве оказываются и герои Бродского — мысли-пилигримы, обитатели вечности, бесконечности, непознанности.

Интертекстуальное поле «вещих» ассоциаций, связанных с пророчествами птиц Сирин, Алконост, Гамаюн, может стать затекстовым фо-

CC BY

ном для восприятия «Пилигримов» Бродского: это и «Райские птицы» (1907) и «Гусляр» (1909) К. Бальмонта, «Песня Гамаюна» (неоконч. цикл) Н. Клюева, может быть, даже «Я смертельна для тех, кто нежен и юн…» (1910) А. Ахматовой (особенно если вспомнить об эпитете «нежный», мелькающем в тексте Бродского). В подобном контексте «хриплый голос» и образ «птицы печали» (А. Ахматова) обретают у Бродского черты мифологического существа, обитающего в мире иллюзий, тем самым выводя стихотворение на более высокий философический уровень.

Обращение к интертекстуальным пластам стихотворения Бродского важно не само по себе, не только как факт знакомства молодого (восемнадцатилетнего) поэта с классической литературой, но и как демонстрация необычайной глубины мысли, чувства поэта, ищущего академического филологического знания (в том числе в стенах ЛГУ), но в гениальности своей природно сомкнутого с поэтической мыслью мировой культуры, обладающего собственной поэтической интуицией.

В этом плане интересно указать на другие тексты о пилигримах, которые мог знать Бродский в конце 1950-х годов и которые могли стать катализаторами его интереса к образу-метафоре.

В ракурсе обобщенной метафоры «люди-пилигримы» одними из первых могут оказаться строки Ф. Сологуба «Пилигрим (“В одежде пыльной пилигрима…”)» (1897).

В одежде пыльной пилигрима,
Обет свершая, он идёт,
Босой, больной, неутомимо,
То шаг назад, то два вперёд, —
И, чередуясь мерно, дали
Встают всё новые пред ним,
Неистощимы, как печали, —
И всё далек Ерусалим.

Томясь в таинственной печали,
Стремится вечно род людской
В недосягаемые дали,
К какой-то цели роковой.
И создаёт неутомимо
Судьба преграды перед ним,
И всё далек от пилигрима
Его святой Ерусалим [Сологуб, 2012, с. 334–335].

CC BY

Текст Бродского не только близок сологубовской параллели «род людской // пилигрим», но и родственен представлению о «недосягаемости дали», о недостижимости «цели роковой» («…всё далек…»), о путях «томительной печали».

Текстуально и мотивно образ-концепт Бродского «пилигримы» обнаруживает переклички с «Пилигримами» (1904—1905) М. Лохвицкой:

Знойным солнцем палимы,
Вдаль идут пилигримы
Поклониться гробнице священной.
От одежд запыленных,
От очей просветленных
Веет радостью цели блаженной.

Тяжела их дорога —
И отставших так много,
Утомленных от зноя и пыли,
Что легли на дороге,
Что забыли о Боге,
О крылатых виденьях забыли.

Им в сияющей дали
Голоса отзвучали,
Отжурчали поющие реки.
Им — без времени павшим,
Им — до срока уставшим,
Не простится вовеки. Вовеки! [Лохвицкая, 1999, с. 371]

Доминантные интенции поэтической мысли Лохвицкой и Бродского ощутимо различны, но визуальные ряды строк поэтессы образно и тонически перекликаются со строками поэта. Ранее намеченное в образах «голодных» и «полуодетых» странников Бродского противопоставление «заката» и «рассвета», подчеркнутое в тексте небольшого стихотворения дважды, находит отклик в дихотомии «одежд запыленных» и «очей просветленных» Лохвицкой, в образе пилигримов, «утомленных от зноя и пыли», но «тяжелой дорогой» бредущих к «цели блаженной».

Особого внимания заслуживает в «Пилигримах» Лохвицкой оборот *солнцем палимы*. Вряд ли в рамках символической поэзии «русской Сафо» (В. Брюсов) оборот *солнцем палимы* может быть соотнесен с текстом Некрасова. Скорее, другое: ранее атрибутированный «от-Некрасова» оборот

CC BY

солнцем палимы в контексте ранней постсимволистской поэзии Бродского должен (может) быть детерминирован «по-Лохвицкой». И даже если юный Бродский еще не знал поэзию «русской вакханки», интертекстуальная связь строк *солнцем палимы* с некрасовскими стихами (как справедливо подчеркнуто Л. Лосевым, ч у ж д ы м Бродскому) ставится под сомнение.

Образ пилигримов появляется и в поэзии В. Брюсова, например, в его «романтической поэме» «Исполненное обещание» (1901, 1907), «благоговейно посвящен<ной> памяти В. А. Жуковского» [Брюсов, 1973, с. 545] и намеренно эксплуатирующей сюжетные коллизии «Лесного царя», а современниками поэта неизменно связываемой с его «литературным романом» с М. Лохвицкой. У Брюсова образ одинокого «скромного пилигрима», «в одежде инока и бос<ого>», идущего «в страну, где пострадал Христос» [Брюсов, 1973, с. 545], прочно смыкается с любовной тематикой и, вероятно, впоследствии находит отклик (продолжение и переосмысление) в уже названных «Пилигримах» Лохвицкой. Образ пилигримов у Брюсова возникает и в стихотворении «Паломникам Свободы» (1905), где к Храму Свободы «тропинкой еле зримой / К уныло сомкнутым вратам, / Сходились часто пилигримы / Возжечь усердно фимиам…» [Брюсов, 1981, с. 151]

Стилистически и даже лексически весьма близкими тексту Бродского оказываются «Пилигримы» О. Мандельштама:

Слишком легким плащом одетый,
Повторяю свои обеты.

Ветер треплет края одежды —
Не оставить ли нам надежды?

Плащ холодный — пускай скитальцы
Безотчетно сжимают пальцы.

Ветер веет неутомимо —
Веет вечно и веет мимо [Мандельштам, 1990, с. 264].

В тексте Мандельштама вновь (как и у Ф. Сологуба) звучит мысль «Не оставить ли нам надежды?», бросающая отсвет на текст Бродского, но привлекают внимание и звуковая омофония *«неутомимо / мимо», «ветер / веет», «веет / вечно»*, лексический повтор *«веет вечно / веет мимо / веет неутомимо»*, и обстоятельственный эпитет, завершающий строки Мандельштама, — *«мимо»*, так мастерски аллитерированный Бродским.

CC BY

Образ пилигрима появляется и в стихах И. Бунина — «Пилигрим» (1908). Однако центральная мысль бунинского стихотворения: «*Хранит душа одну мечту — о плате / За труд земной…*» [Бунин, 1956, с. 27] — вряд ли могла (может) показаться близкой Бродскому.

И хотя с трудом можно признать родство поэзии С. Есенина и Бродского, но можно указать на строки из «Руси советской» (1924), где возникает образ «*пилигрима угрюмого*», вернувшегося «*Бог весть с какой далекой стороны*»: они пронизаны интонацией одиночества и отчуждения:

Язык сограждан стал мне как чужой,
В своей стране я словно иностранец… [Есенин, 1990, с. 268]

Не принимая «Русь советскую» (знаменитое бродское «Не принимаю!»), Бродский не мог не расслышать боль советского поэта:

Моя поэзия здесь больше не нужна,
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен…[Есенин, 1990, с. 268]

Не разделяя исходную интенцию Есенина: «*Отдам всю душу октябрю и маю*», — Бродский не мог не солидаризироваться с болью поэта: «*… только лиры милой не отдам*»:

Я не отдам ее в чужие руки,
Ни матери, ни другу, ни жене.
Лишь только мне она свои вверяла звуки
И песни нежные лишь только пела мне [Есенин, 1990, с. 269].

Образ есенинского «пилигрима-иностранца» вряд ли столь же близок Бродскому, как пилигримы (гипероним «богомольцы») Сологуба, Лохвицкой или Брюсова, Мандельштама, Гумилева или Блока, однако пронзительное одиночество персонажа не могло не найти отклика в душе современного поэта.

Число строк о пилигримах в русской поэзии можно множить — начиная с Г. Державина (XVIII в.), через В. Жуковского, Н. Гоголя и М. Лермонтова до Ф. Тютчева (XIX в.), вплоть до М. Кузьмина и Б. Пастернака (XX в.). В ряду лирических произведений, в которых нашел отражение образ пилигримов, несомненно, могут оказаться и строки зарубежной («иностранной») литературы, как уже отмечалось, вызывавшей в те годы интерес Бродского: Франсиско де Кеведо «Отшельница и пилигрим», В. Скотт «Владыка огня» (1801) и «Песнь последнего менестреля» (1805), Дж. Китс

CC BY

«Изабелла, или Горшок с базиликом» (1818), Ш. Бодлер «У каждого своя химера» (1857), Э. Ростан «Принцесса греза» (1895) и мн. др.

Однако дело не в том, чтобы суммировать количественный показатель, но чтобы понять, какую функцию берет на себя интертекст у Бродского. Важно подчеркнуть, что на фоне иных «пилигримов» «Пилигримы» Бродского едва ли не единственные, в которых план физический так открыто сдвинут в сторону метафизического: пилигримами предстают не люди, но мысли, не плоть, но душа. И это обстоятельство вынуждает вновь вернуться к эпиграфу, к шекспировским строкам «Мои мечты и чувства в сотый раз / идут к тебе дорогой пилигримов…»

5. Шекспировские аллюзии в тексте Бродского

Совершенно очевидно, что имя Шекспира в русском сознании прежде всего связано с образом Гамлета, более определённо и устойчиво, чем с лирическими мотивами и образами его любовных сонетов. Отсылка в эпиграфе «Пилигримов» к строкам Шекспира, заметим, не маркированным Бродским детализацией (например, из «Сонета №…»), невольно и несомненно, хотя и фоново, пробуждает в сознании читателя шекспировско-гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?..» И эта интертекстуальная аллюзия не произвольна, но находит отражение в тексте: проступает в финальных строках стихотворения и аккумулирует размышления лирического героя Бродского.

Если признать, что основную энергию «Пилигримов» формировал концепт «движение» — бесконечное движение-жизнь, то для тонко и точно осознающего логику стиха Бродского очевидным было бы завершение его элегии строками:

И, значит, не будет толка
от веры в себя да в Бога.
…И, значит, остались только
иллюзия и дорога [Бродский, 1998, с. 21].

Последующие строки:

И быть над землей закатам,
и быть над землей рассветам.
Удобрить ее солдатам.
Одобрить ее поэтам [Бродский, 1998, с. 21],

— должны быть признаны им избыточными, уводящими от *движения*, «стабилизирующими» шествие странников-пилигримов.

CC BY

Но повторение утвердительного «*быть*», акцентированного, дважды повторенного в последних строках стихотворения, начатого с Шекспира, посредством «*быть*» и завершается тоже Шекспиром. В ответ на его сакральный вопрос «Быть или не быть?..» Бродский отвечает: «быть».

Однако жизнеутверждающее «быть» едва ли может быть сочтено *бродским*. Специалистам известна приверженность Бродского теме смерти, то есть к «не-быть». На наш взгляд, именно поэтому вслед за «почти-риторическим» (сдвоенным) *быть* в финале стихотворения возникают опровергающие его синтаксические параллели: *«удобрить <…> солдатам», «одобрить <…> поэтам»*. Бродского, с одной стороны, явно увлекает фонетическая (омофонная) игра *«удобрить / одобрить»*, но, с другой, сущностной стороны, — вслед за могущим показаться позитивным императивом «*быть*» снова возникает привычная для Бродского раздумчивая дихотомия — войны и песни, смерти и поэзии, «*быть*» **и** «*не быть*». Казалось бы, утвердительный ответ на гамлетовский вопрос у Бродского вновь оказывается пронизанным вопросительной семантикой, остается открытым диалектическому противоречию и имплицирует философскую неразделимость тезиса и антитезиса.

Мысль-пилигрим (то есть лирический герой) Бродского не достигает *«святых мест», «цели блаженной»*, она оказывается вовлеченной в бесконечный поиск-движение, сродни лермонтовскому *«духу изгнанья»*, принужденному вечно блуждать над *«грешною землей»*.

6. Заключение

Таким образом, подводя итоги анализа стихотворения Иосифа Бродского «Пилигримы», можно сказать, что интертекстуальное поле стихотворения Бродского позволяет существенно расширить образно-семантический план «Пилигримов» и обна(ру)жить новые составляющие мастерски развернутой поэтической метафоры, реализованной в (казалось бы «простом», как нередко утверждают) раннем стихотворном тексте. Эпиграф из Шекспира, прежде не привлекавший внимание исследователей, позволил выйти на более тонкий метафорический уровень стихотворения, переключить регистр с образов странников-пилигримов на образы мыслей-пилигримов, пилигримов-чувств и душевных сомнений. Обращение к литературным претекстам В. Брюсова, Ф. Сологуба, О. Мандельштама, М. Лохвицкой и др. дало возможность новых интерпретаций «темных мест» стихотворения Бродского *(«синее солнце»*, *«бары и храмы»*, «цитата» из Н. Некрасова и т. п.). Ранее продемонстрированные исследователями наблюдения над текстом Бродского не аннигилированы новым подходом, но иная точка зрения позволила тоньше обнажить богатство и глубину поэтического мира (юного) Бродского.

CC BY

Прав Я. Гордин, когда утверждает: в поэзии Бродского «истинный смысл лежит глубже лексического ряда» [Гордин, 2010, с. 199].

Источники

1. *Блок А.* Собрание сочинений : в 6 томах / А. Блок. — Москва : Правда, 1971. — Т. 1 : Стихотворения : 1897—1903. — 480 с.

2. *Бродский И.* Книга интервью / И. Бродский ; сост. В. Полухина. — 3-е изд., испр., доп. — Москва : Захаров, 2005. — 784 с.

3. *Бродский И.* Пилигримы / И. Бродский // Сочинения Иосифа Бродского. — Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 1998. — 2-е изд. — Т. 1. — 304 с. — С. 21.

4. *Брюсов В.* Собрание сочинений : в 7 томах / В. Брюсов. — Москва : Художественная литература, 1973. — Т. 1 : 1892—1909. — 670 с.

5. *Брюсов В.* Стихотворения / В. Брюсов. — Минск : Наука и техника, 1981. — 558 с.

6. *Бунин И.* Стихотворения / И. Бунин. — 2-е изд. — Ленинград : Советский писатель, 1956. — 427 с.

7. *Есенин С.* Собрание сочинений : в 2 томах / С. Есенин. — Москва : Советская Россия, 1990. — Т. 1 : Стихотворения. Поэмы. — 415 с.

8. *Лохвицкая М.* Песнь любви : стихотворения, поэма / М. Лохвицкая. — Москва : Летопись, 1999. — 412 с.

9. *Мандельштам О.* Сочинения : в 2 томах / О. Мандельштам. — Москва : Художественная литература, 1990. — Т. 1 : Стихотворения. Переводы. — 637 с.

10. *Сологуб Ф.* Полное собрание стихотворений и поэм : в 3 томах / Ф. Сологуб. — Санкт-Петербург : Наука, 2012—2020. — Т. 2. Кн. 1 : Стихотворения и поэмы : 1893—1899. — Санкт-Петербург, 2014. — 990 с.

11. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 томах / М. Фасмер. — Изд. 2-е, стер. — Москва : Прогресс, 1987. — Т. III (Муза — Сят). — 832 с.

12. *Шекспир В.* Собрание избранных произведений : в 5 томах / В. Шекспир. — Санкт-Петербург : Terra Fantastica, КЭМ, 1993. — Т. V : Сонеты. — 384 с.

Литература

1. *Ахапкин Д. Н.* Иосиф Бродский после России : комментарии к стихам, 1972—1996 / Д. Н. Ахапкин. — Санкт-Петербург : Журнал «Звезда», 2009. — 131 с.

2. *Гордин Я.* Рыцарь и смерть, или Жизнь как замысел : о судьбе Иосифа Бродского / Я. Гордин. — Москва : Время, 2010. — 256 с.

3. *Крепс М.* О поэзии Иосифа Бродского / М. Крепс. — Санкт-Петербург : Журнал «Звезда», 2007. — 200 с.

4. *Куллэ В. А.* Поэтическая эволюция Иосифа Бродского в России (1957—1972) : диссертация … кандидата филологических наук / В. А. Куллэ. — Москва, 1996. — 246 с.

5. *Лосев Л.* Иосиф Бродский : опыт литературной биографии / Л. Лосев. — Москва : Молодая гвардия, 2008. — 446 с.

6. *Плеханова И. И.* Преображение трагического : метафизическая мистерия Иосифа Бродского : диссертация … доктора филологических наук : 10.01.01 — русская литература / И. И. Плеханова. — Иркутск, 2002. — 429 с.

7. *Полухина В.* Иосиф Бродский глазами современников : в 2 книгах / В. Полухина. — Изд. 2-е. — Санкт-Петербург : Журнал «Звезда», 2006. — Кн. 1 : 1987—1992. — 384 с.

8. *Ранчин А. М.* О Бродском : размышления и разборы / А. М. Ранчин. — Москва : Водолей, 2016. — 246 с.

9. *Стрижевская Н.* Письмена перспективы : О поэзии Иосифа Бродского / Н. Стрижевская. — Москва : ГРААЛЬ, 1997. — 375 с.

Material resources

Blok, A. (1971). *Collected works: Vol. 1: Poems. 1897—1903*. Moscow: Pravda. 480 p. (In Russ.).
Brodsky, I. (1998). *The works of Joseph Brodsky*: *Vol. 1.* St. Petersburg: Pushkinskiy fond. 304 p. (In Russ.).
Brodsky, I. (2005). *Interview Book*. Moscow: Zaharov. 784 p. (In Russ.).
Bryusov, V. (1973). *Collected works: in 7 vol.*; *Vol. 1: 1892—1909*. Moscow: Hudozhestvennaya literatura. 670 p. (In Russ.).
Bryusov, V. (1981). *Poems*. Minsk: Nauka i tekhnika. 558 p. (In Russ.).
Bunin, I. (1956). *Poems*. Leningrad: Sovetskiy pisatel. 427 p. (In Russ.).
Esenin, S. (1990). *Collected works. Vol. 1: Poems*. Moscow: Sovetskaya Rossiya. 415 p. (In Russ.).
Lokhvitskaya, M. (1999). *Love Songs: Poems*. Moscow: Letopis'. 412 p. (In Russ.).
Mandelshtam, O. (1990). *Collected works. Vol. 1: Poems. Translation.* Moscow: Hudozhestvennaya literatura. 637 p. (In Russ.).
Sologub, F. (2014). *Complete works and poems. 2-2: Poems. 1893—1899*. St. Petersburg: Nauka. 990 p. (In Russ.).
Fasmer, M. (1987). *Etymological Dictionary of the Russian language: in 4 vol. 3: (M—S).* Moscow: Progress. 832 p. (In Russ.).
Shekspir, V. (1993). *Collection of selected works: in 5 vol. 5: Sonnets*. St. Petersburg: Terra Fantastica, KEM. 384 p. (In Russ.).

References

Akhapkin, D. N. (2009). *Iosif Brodsky after Russia: comments on poems, 1972—1996*. St. Petersburg: Journal Zvezda. 131 p. (In Russ.).
Gordin, Ya. (2010). *Knight and death, or Life as a plan. About the fate of Joseph Brodsky*. Moscow: Vremya. 256 p. (In Russ.).
Kreps, M. (2007). *On the poetry of Joseph Brodsky*. St. Petersburg: Journal Zvezda. 200 p. (In Russ.).
Kulle, V. A. (1996). *The poetic evolution of Joseph Brodsky in Russia (1957—1972):* PhD. Diss.. Moscow. 246 p. (In Russ.).
Losev, L. (2008). *Joseph Brodsky. Experience of literary biography*. Moscow: Molodaya Gvardiya. 446 p. (In Russ.).
Plekhanova, I. I. (2002). *The Transfiguration of the Tragic: the metaphysical mystery of Joseph Brodsky*: Doct. Diss. Irkutsk. 429 p. (In Russ.).
Polukhina, V. (2006). *Joseph Brodsky through the eyes of contemporaries: in 2 books. 1: 1987—1992.* St. Petersburg: Journal Zvezda. 384 p. (In Russ.).
Ranchin, A. M. (2016). *About Brodsky: reflections and analyses*. Moscow: Aquarius. 246 p. (In Russ.).
Strizhevskaya, N. (1997). *The writing of perspective. On the poetry of Joseph Brodsky*. Moscow: GRAAL. 375 p. (In Russ.).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Ван Юйчжи. Конфуцианство в национально-ориентированном рекламном тексте Китая / Ван Юйчжи, Е. Н. Ремчукова // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 149—169. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-149-169.

Wang Yuzhi, Remchukova, E. N. (2021). Confucianism in China's Nationally Oriented Advertising Text. *Nauchnyi dialog, 8:* 149-169. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-149-169. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-149-169

Конфуцианство в национально-ориентированном рекламном тексте Китая

Ван Юйчжи
orcid.org/0000-0002-2984-8238
аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета,
ассистент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук
van_yu@pfur.ru

Ремчукова Елена Николаевна
orcid.org/0000-0002-7901-9622
ResearcherID Y-7687-2018
доктор филологических наук, профессор
кафедра общего и русского языкознания филологического факультета
remchukova_en@rudn.ru

Российский университет дружбы народов
(Москва, Россия)

Благодарности:
Исследование проводится при поддержке Государственного комитета по стипендиям КНР
(грант № 201908090003)

Confucianism in China's Nationally Oriented Advertising Text

Wang Yuzhi (王语之)
orcid.org/0000-0002-2984-8238
Post-graduate student, Department of General and Russian Linguistics, Philological Faculty,
Assistant of the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences
van_yu@pfur.ru

Elena N. Remchukova
orcid.org/0000-0002-7901-9622
ResearcherID Y-7687-2018
Doctor of Philology, Professor, Department of General and Russian Linguistics, Philological Faculty
remchukova_en@rudn.ru

Peoples' Friendship University of Russia
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:
The reported study was funded by the China Scholarship Council
(project number 201908090003)

© Ван Юйчжи, Ремчукова Е. Н., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена мультимодальному анализу репрезентации национально-культурного феномена «конфуцианство» в сфере рекламы современного Китая на примерах национально-ориентированных рекламных текстов разных тематических разновидностей. Актуальность работы обусловлена важностью сохранения и продолжения наследия конфуцианства в современном китайском обществе, особенно в медиапространстве. Особое внимание уделяется мультимодальному анализу вербальных и невербальных средств выражения ключевого понятия конфуцианства «пять постоянств праведного человека» в китайских национально-ориентированных рекламных текстах. Показано, что понятие «пять постоянств» как один из важных компонентов конфуцианства получает свое продолжение в сфере рекламы современного Китая, развивается в соответствии с общественной жизнью китайского народа в современную эпоху. Установлено, что использование конфуцианской идеи пяти постоянств праведного человека можно рассматривать как один из важных и эффективных способов создания рекламы с целью воздействия на целевую аудиторию внутреннего рынка Китая. Выводы и результаты исследования позволяют составить общее представление о понятии пяти постоянств конфуцианства, а также о практике его применения в качестве приёмов манипулирования общественным сознанием в современной китайской рекламе, что имеет большое значение для синологических исследований в разных научных областях.

Ключевые слова:
рекламный дискурс; конфуцианство; мультимодальный анализ; лингвокультурология; ценности; национально-ориентированная реклама; Китай; маркетинговая лингвистика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the multimodal analysis of the representation of the national-cultural phenomenon “Confucianism” in the field of advertising in modern China on the examples of nationally-oriented advertising texts of different thematic varieties. The relevance of the work is due to the importance of preserving and continuing the heritage of Confucianism in modern Chinese society, especially in the media space. Particular attention is paid to the multimodal analysis of verbal and non-verbal means of expressing the key concept of Confucianism “five constancies of a righteous person” in Chinese nationally oriented advertising texts. It is shown that the concept of “five permanencies” as one of the important components of Confucianism gets its continuation in the field of advertising in modern China, develops in accordance with the social life of the Chinese people in the modern era. It has been established that the use of the Confucian idea of the five permanencies of a righteous person can be considered as one of the most important and effective ways to create advertising with the aim of influencing the target audience of the Chinese domestic market. The conclusions and results of the study allow us to get a general idea of the concept of the five constancies of Confucianism, as well as the practice of its application as methods of manipulating public consciousness in modern Chinese advertising, which is of great importance for sinological research in various scientific fields.

Key words:
advertising discourse; Confucianism; multimodal analysis; cultural linguistics; values; nationally oriented advertising; China; marketing linguistics.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 81’42:659.11+659.1:008

Конфуцианство в национально-ориентированном рекламном тексте Китая

© Ван Юйчжи, Ремчукова Е. Н., 2021

1. Введение

Рекламный текст сегодня активно изучается и привлекает внимание учёных в самых разных областях наук, в том числе в лингвистике. В последние годы появилось новое направление прикладной лингвистики для изучения рекламного дискурса — маркетинговая лингвистика [Борисова, 2016]. Для исследований в рамках маркетинговой лингвистики первостепенную значимость имеет термин *продвигающий текст*, под которым мы понимаем «коммуникативную единицу, функционирующую в пространстве маркетинговых коммуникаций, служащую целям эффективного воздействия на целевую аудиторию и обладающую системой релевантных вербальных и невербальных средств его усиления / оптимизации» [Ухова, 2018].

В современную эпоху рекламный текст вполне можно рассматривать как поликодовый продвигающий текст, это объясняется, прежде всего, тем, что в рекламных текстах, благодаря развитию технологий, широко используются не только традиционные вербальные средства, но и различные невербальные элементы. Кроме того, сегодня, в связи с большой конкуренцией на рынке, для успешного продвижения товара или услуги адресант не только должен установить контакт с аудиторией, но и вынужден постоянно поддерживать эту связь, обозначая общие интересы. Для достижения этой цели адресант часто применяет различные манипулятивные приёмы, способствующие эффективному воздействию на адресата.

Одним из распространённых манипулятивных приёмов, применяемых при создании рекламного текста для достижения наибольшей эффективности его воздействия, является апелляция к определённым ценностям и стереотипам, укрепившимся в сознании населения. Этот манипулятивный приём уже давно получил широкое признание среди современных рекламистов [Моисеева, 2008, с. 154; Аниськина, 2014; Social and personal values …, 2020], например, он часто встречается в национально-ориентированной рекламе.

Под *национально-ориентированной рекламой* (далее — НОР) мы понимаем разновидность коммерческой рекламы, в которой репрезентируется положительный имидж страны, имеющей уникальные географические и богатые историко-культурные ресурсы, с опорой на национальные цен-

CC BY

ности для продвижения товаров или услуг на внутреннем рынке определённой страны [Ремчукова и др., 2020, с. 147].

В нашей статье ***объектом*** исследования являются механизмы использования идеалов и ценностей конфуцианства в китайских национально-ориентированных рекламных текстах, а ***предметом*** — вербальные и невербальные средства, которые репрезентируют ключевое для конфуцианства понятие «пять постоянств праведного человека» в текстах данного типа. ***Цель*** нашего исследования заключается в том, чтобы выявить специфику использования вербальных и невербальных средств выражения понятия пяти постоянств в современных китайских национально-ориентированных рекламных текстах.

Поставленной целью обусловлен круг ***задач***, требующих решения в рамках данной статьи: 1) описание истории появления и формирования понятия пяти постоянств в конфуцианстве древнего Китая; 2) раскрытие сущности понятия пяти постоянств и особенностей его развития в современном Китае; 3) описание вербальных и невербальных средств выражения понятия пяти постоянств в китайских текстах НОР; 4) анализ специфики применения вербальных и невербальных средств выражения понятия пяти постоянств в китайских текстах НОР.

Материалом для нашей работы послужили национально-ориентированные рекламные видеоролики, транслируемые на центральных телеканалах и функционирующие в Интернете Китая (Bilibili и CCTV).

Теоретической базой исследования послужили труды лингвистов, посвященные анализу общих проблем мультимодальности [Kress et al, 2001; O'Halloran et al, 2021], рекламного дискурса [Учёнова, 2003; Кара-Мурза, 2010; Музыкант и др., 2019], медиадискурса [Fairclough, 2003; Matheson, 2005; Анненкова, 2011; Добросклонская и др., 2015], лингвокультурологии [Маслова, 2001; Карасик, 2015] и маркетинговой лингвистики [Борисова, 2016; Ухова, 2018]. В совокупности упомянутые исследования рассматривают сущностные вопросы медиадискурса (в частности, рекламного дискурса), его методологию, концепцию и значимость в современном медиапространстве.

Вопросы, связанные с осмыслением ценностей конфуцианства, рассматриваются, с одной стороны, в фокусе теоретических толкований классических учений конфуцианства [Чжу Си, 1983; Дэн Цюбо, 2005; Цин Хэйфэн, 2012; Лян Цичао, 2015; Лэ Айгуо, 2018;], с другой — с точки зрения их продолжения и развития в современном китайском обществе [Ян Циньфан и др., 2013; Лю Цзюньшань, 2017].

Наряду с общенаучными методами обобщения, наблюдения, комментирования в процессе работы были использованы общелингвистические

CC BY

и специальные ***методы исследования***, включая традиционные методы лексико-семантического и контекстуального анализа, мультимодального дискурс-анализа, метод семантической и прагматической интерпретации компонентов текста; кроме того, выявление национально-культурной специфики текстов потребовало привлечения метода лингвокультурологического комментирования.

2. Пять постоянств праведного человека в конфуцианстве: прошлое и настоящее

Конфуцианство является системой убеждений, сохраняющейся в результате коллективного выбора на протяжении тысячелетней истории китайской цивилизации, и составляет основу идеологии сообщества и государства Китая [Chan, 2020, с. 221]. Основываясь на принципах гуманности и нравственности, конфуцианство на протяжении тысячелетий оказывает сильнейшее воздействие на формирование идеальной модели личности китайского народа [Ян Циньфан и др., 2013, с. 85]. Как отмечает известный китайский философ Лян Цичао в своей работе, «中华民族之所以存在，因为中国文化存在；而中国文化，离不了儒家» [*китайский народ существует, потому что китайская культура существует; а китайская культура не может расставаться с конфуцианством*] [Лян Цичао, 2015, с. 8].

В конфуцианстве понятие «三纲五常» [*три устоя и пять постоянств*] содержит ключевые принципы, которые определяют этику китайского народа [Lu, 2018, с. 63]. Под «三纲» [*три устоя*] понимается абсолютная власть и господство государя над подданным, отца над сыном, мужа над женой; а «五常» [*пять постоянств*] включают гуманность, справедливость, благопристойность, мудрость и благонадежность. Три устоя и пять постоянств — это неотъемлемое целое — более того, пять постоянств считаются основой трёх устоев [Лэ Айгуо, 2018, с. 120].

Понятие пяти постоянств формируется на основе длительного отбора достижений прежних мудрецов конфуцианства. Как отмечают в своих исследованиях китайские учёные, первоначально Конфуций (551—479 до н. э.) выдвинул конкретные моральные нормы: благопристойность, почитание родителей, преданность, скромность, щедрость, благонадёжность, мудрость, доброту, нежность, честность, бережливость и уступчивость [Чжан Дэйнянь и др., 2004, с. 212]. Затем Мэн-цзы (372—289 до н. э.) обобщил теоретические размышления своих предшественников, провозгласив четыре моральные ценности: гуманность, справедливость, благопристойность и мудрость [Там же, с. 212]. Вслед за Мэн-цзы, в начале династии Западной Хань (202 до н. э. — 8 н. э.) Цзя И (200—168 до н. э.) добавил ещё одну важную категорию — благонадёжность — так сложилось по-

CC BY

нятие пяти постоянств. Однако пять постоянств как совершенная система моральных норм была создана Дуном Чжуншу в середине династии Западной Хань философом Дун Чжуншу (179—104 до н. э.), который призвал императора к распространению пяти постоянств среди народа, к воспитанию людей в духе этих моральных принципов. Позже теория пяти постоянств получила подробное разъяснение и развитие в «Отчёте о дискуссии в Зале Белого тигра» (79 н. э.), который написал Бань Гу (32—92 н. э.), и ряде классических работах по конфуцианству. Так пять постоянств стали основными этическими принципами в древнем феодальном обществе Китая [Там же, с. 222].

Сегодня Китай — социалистическая страна, живущая под руководством Коммунистической партии Китая. Создание «социалистических ценностей с китайской спецификой» стало актуальной темой для КПК, так как на фоне глобализации и широкого распространения западных ценностей самобытный национальный характер китайского народа и его влияние складываются только тогда, когда социалистические ценности создаются на основе китайской культуры [Ин Цзян, 2014, с. 50; Zhao, 2018, с. 321; Jiang, 2018, с. 155].

В этой связи в 2012 году на XVIII Всекитайском съезде КПК были выдвинуты ключевые социалистические принципы, которые состоят из двенадцати ценностей, систематизированных в трёх аспектах: 1) государственный аспект: мощь страны, демократия, просвещение, гармония; 2) общественный аспект: свобода, равенство, справедливость, законность; 3) гражданский аспект: патриотизм, преданность своему делу, добросовестность и дружба. Пять постоянств конфуцианства рассматриваются как культурный ген и ядро духа ключевых социалистических ценностей в Китае, и в современную эпоху их содержание продолжает развиваться в соответствии с идеологией современного Китая [Ин Цзян, 2014, с. 47].

3. Понятие «仁» [*гуманность*] и его отражение в китайских текстах НОР

Понятие «仁» [*гуманность*] является ядром идеологической системы Конфуция, что проявляется в многочисленных использованиях соответствующего иероглифа в тексте «论语» [транскрипция по произношению: [*Лунь Юй*]; перевод: *Аналекты Конфуция*]. Согласно данным исследователей, в «Лунь Юй» насчитывается более ста употреблений иероглифа 仁 [*гуманность*] [Li, 2019, с. 41].

Основной принцип гуманности — любить человека. Об этом написано в «Лунь Юй»: «樊迟问仁。子曰: 爱人。» [*Фан Чи спросил о гуманности. Конфуций ответил: «Любить человека»*] [Чжан Яньин, 2007, с. 182].

Данный ответ представляет собой самое прямое и утвердительное определение Конфуция понятия гуманности. Кроме того, Конфуций определяет «уровни» людей, которых надо любить. На его взгляд, человек прежде всего должен любить, почитать и уважать родственников, особенно быть преданным родителям и старшему в семье, а потом — любить остальных людей. Конфуций говорит: «**弟子入**则孝，出则悌，谨而信，泛爱众，而亲仁» [*Мои ученики должны показать почтительность к родителям дома, вне дома должны проявлять уважительность к старшим, должны поступать аккуратно и держать своё слово, должны широко любить людей и сближаться с человеколюбивыми людьми*] [Там же, с. 4]. Ученик Конфуций — Ию-цзы добавляет к этому: «**孝弟也者，其**为仁之本与!» [*Почитание родителей и старших — это основа гуманности!*] [Там же, с. 2].

Поэтому Конфуций считает, что гуманность в первую очередь должна основываться на почитании родителей и старших, а затем надо внедрить её в общественную практику. Китайский народ с древности и до сих пор твёрдо придерживается принципа почитания родителей и старших, основанного на ключевом понятии «**仁**» [*гуманность*]; этот принцип регулярно воспроизводится в современных текстах НОР.

В российской рекламе (в отличие от китайской) образы пожилых людей реже связываются с необходимостью заботы о старших членах семьи; чаще они соотносятся с понятиями традиционности, опыта, мудрости или с присущими им качествами — аккуратностью, чистотой, опрятностью [Лапина-Кратасюк, 2008, с. 71].

Понятие гуманности имеет большое влияние на формирование отношения китайцев к пожилым людям в своей культуре — степень этого влияния можно увидеть в текстах современной китайской рекламы.

Например, в ряде рекламных роликов одного из продуктов здорового питания «脑白金» [*Наобэйцин*] на невербальном уровне часто воспроизводятся такие визуальные ситуации (в форме мультфильма) [Наобэйцин, 2014], в которых энергичная пожилая супружеская пара, пёстро и нарядно одетая, танцует весело, как молодые люди. Эти кадры позволяют аудитории связать данный продукт здорового питания с отличным состоянием здоровья пожилых людей.

На вербальном уровне этот ролик сопровождается рекламным текстом: «**今年**过节不收礼，收礼只收脑白金。孝敬爸妈，脑白金！脑白金，年轻态，健康品。» [*В этом году* не примем никаких других подарков, кроме *Нао Бэй Цин*. ***Почитание родителей*** *— Нао Бэй Цин! Нао Бэй Цин,* ***молодое состояние****, здоровый продукт!*] [Наобэйцин, 2014].

Данный текст создаётся авторами как бы от лица пожилых родителей — такая форма способствует убеждению потребителей в необходимо-

CC BY

сти покупки данного продукта, подчёркивая его эффективность для сохранения здоровья пожилых людей. Кроме того, в Китае приносить родителям подарки на праздники — это одна из самых распространённых и прочных традиций, выражающая уважение к родителям, более того, выбор подарка часто отражает степень этого уважения. Вербальный текст вместе с содержанием невербальной части рекламы основан на важнейшем для китайского потребителя мотиве почитания родителей и старших. Использование в рекламном ролике ключевого понятия «仁» [*гуманность*] позволяет эффективно воздействовать на потребителей, убеждает их рассматривать «Нао Бэй Цин» как наилучший выбор среди всех продуктов питания, который гарантирует поддержание здоровья пожилых родителей.

4. Понятие «义» [*справедливость*] и его отражение в китайских текстах НОР

Древний китайский философ, представитель неоконфуцианства, Чжу Си отмечает в «论语集注» [*Сборник комментариев к Лунь Юй*]: «义者, 行事之宜。» [*Справедливость — это оптимальный стандарт поведения*] [Чжу Си, 1983, с. 325]. Категория справедливости включает такие требования, как почитание старших, уважительное отношение к старшему брату, к человеку высоких умственных и нравственных качеств, к начальству, беспристрастность, бескорыстность, запрет преступности, защита собственного имущества, выступление против несправедливой войны [Дэн Цюбо, 2005, с. 7].

Конфуций рассматривает «义» [*справедливость*] как важную моральную норму, по которой можно судить о мышлении и поведении человека: он отмечает: «君子义以为上» [*Для праведного человека справедливость дороже всего*] [Чжан Яньин, 2007, с. 275]. Кроме того, Конфуций связывает справедливость с отважностью и считает, что надо бороться за справедливое дело. Помимо этого, Конфуций высказывается о соотношении справедливости и выгоды: «不义而富且贵, 于我如浮云» [*Быть богатым и знатным несправедливым путём — на это не стоит обратить внимание*] [Там же, с. 92]. Конфуций считает, что деятельность человека ради выгоды нуждается в регулировании на основе принципа справедливости, и требует, чтобы человек не забывал об этом принципе в интересах выгоды.

Отражение понятия «义» [*справедливость*] часто наблюдается в текстах НОР в Китае, особенно в текстах рекламы банков, компаний недвижимости и других предприятий, которые имеют большую прибыль. Это связано с социально-ответственным маркетингом, цель которого заключается не только в ориентации производства на потребителя, но и в установлении взаимосвязи между обществом и компаниями — проявлении их от-

CC BY

ветственности перед обществом [Основы маркетинга …, 2013, с. 69]. Это проявляется как на невербальном, так и на вербальном уровне.

Например, в рекламе Сельскохозяйственного банка Китая воспроизводятся ситуации, в которых двое молодых людей из отсталой деревни улучшают свою жизнь с помощью услуг этого банка [Сельхозбанк, 2019]; в рекламе компании недвижимости «Country Garden Holdings» показано, как компания закупает картофель у жителей бедных районов, производит и продаёт печенье из картофеля, помогая жителям справиться с нищетой [CGH, 2020]; в рекламе национальной платёжной системы «UnionPay» показано, как различные китайские банки оказывают финансовую поддержку государственному строительству [UnionPay, 2019].

Помимо этого, на вербальном уровне в текстах слоганов вышеуказанных примеров рекламы продемонстрирована забота об интересах китайского народа и Китая и объединение собственных интересов с национальными интересами. Например, рекламный слоган Сельскохозяйственного банка Китая: «**精准扶**贫，中国农业银行。» [*Точное* ***оказание помощи бедным*** *— Сельскохозяйственного банка Китая*] [Сельхозбанк, 2019]; рекламный слоган компании недвижимости «Country Garden Holdings»: «**希望社会因我**们的存在而变得更美好。» [*Надеемся, что* ***общество*** *становится* ***лучше*** *благодаря* ***нашему существованию***] [CGH, 2020]; рекламный слоган национальной платёжной системы «UnionPay»: «**中国越来越好就是**给我们的回报。» [***Китай*** *становится всё* ***лучше*** *— именно это является* ***наградой для нас***] [UnionPay, 2019].

Вербальные и невербальные компоненты подобной рекламы демонстрируют пристальное внимание рекламодателей к коллективным интересам народа и страны: они провозглашают приоритет общественных интересов, ретушируя интенции, направленные на собственную прибыль. Таким образом, адресантам удаётся переключить внимание целевой аудитории на бескорыстность их деятельности, придать своему бизнесу моральную ценность. Использование важнейшего понятия конфуцианства — «义» [*справедливость*] как одного из постоянств праведного человека позволяет производителям скрыть от внимания целевой аудитории мотив извлечения прибыли, что помогает компаниям сформировать собственный положительный имидж на китайском рынке и способствует эффективному воздействию на потребителя.

Российская НОР (в отличие от китайской) характеризуется тем, что в ней социальная ответственность рекламодателей проявляется в меньшей степени. Как отмечают исследователи, большинство российских предпринимателей рассматривают получение максимальной прибыли в кратчайшие сроки как главную цель своей деятельности. Под социальной же

ответственностью они понимают выплату налогов и заработной платы, создание социального пакета для своих сотрудников и помощь (в добровольно-принудительной форме) властям в поддержании социальной сферы [Роль и место концепта рекламы …, 2013, с. 30—31].

5. Понятие «礼» [*благопристойность*] и его отражение в китайских текстах НОР

«礼» [*благопристойность*] как одно из пяти постоянств представляет собой морально-нравственную категорию и один из важнейших ценностных ориентиров, которые были сформулированы и развиты Конфуцием, Мен-цзы и рядом последователей конфуцианства на основания моральных и социальных правил по общественным связям и жертвоприношению династий Ся, Шан и Чжоу [Дэн Цюбо, 2005, с. 7].

Конфуций требует от людей строго соблюдать принципы: «君君，臣臣，父父，子子。» [*Государь должен быть государем, чиновник — чиновником, отец — отцом, сын — сыном*] [Чжан Яньин, 2007, с. 177] — и подчёркивает, что человек должен «克己复礼为仁» [*обуздать себя, следовать правилам этикета и становиться гуманным*] [Там же, с. 171], то есть люди не должны «非礼勿视, 非礼勿听, 非礼勿言, 非礼勿动» [*смотреть то, что не совпадает с этикетом, слушать то, что не совпадает с этикетом, говорить то, что не совпадает с этикетом, и трогать то, что не совпадает с этикетом*] [Там же, с. 171].

Последователь конфуцианства Сюнь-цзы также отмечает важность понятия «礼» [*благопристойность*]. На его взгляд, источник дисгармонии общества — это конфликты между интересами и желаниями людей, а результаты дисгармонии общества — это бедность народа. Поэтому для регулирования конфликтов между людьми и создания гармоничного общества необходимо создать правила этикета, с помощью которых можно руководить народом.

Кроме того, Гуань-цзы рассматривает «礼» [*благопристойность*] как самую высокую моральную норму. Он определяет «礼» [*благопристойность*], «义» [*справедливость*], «廉» [*бескорыстие*] и «耻» [*совестливость*] как четыре устоя государства, среди которых «礼» [*благопристойность*] считает самым главным. Чжу Си также подчёркивает, что «礼者, 天理之节文也» [*благопристойность — это ритуал, который определяется закономерностью природы*] [Чжу Си 1983, с. 131].

Понятие «礼» [*благопристойность*] как одно из пяти постоянств продолжается развиваться в современном Китае; в текстах НОР также обнаруживается его отражение на вербальном и невербальном уровне. На невербальном уровне в текстах НОР часто воспроизводятся ситуации, связан-

CC BY

ные с благопристойностью: дети вместе с родителями посещают пожилых родственников с подарками (и пожилые родственники тоже должны давать детям «красный конверт»), хороший хозяин угощает гостей хорошим чаем и т. д. Все они рассматриваются как важные правила этикета в Китае.

Например, в рекламе «Банка Синье» воспроизводится ситуация, где дети с родителями посещают дедушку и бабушку с подарками на Китайский Новый год, а дедушка и бабушка тоже дают детям «красные конверты», которые, согласно традициям, могут изгонять зло и обеспечивать счастье детей в новом году [Синье, 2021].

В рекламе чая «Тяньфу» воспроизводится ситуация, в которой люди весело угощают коллег на работе, друзей на встрече и пожилых людей дома таким чаем. На вербальном уровне в рекламном слогане чая «Тяньфу» звучит текст: «咱们的第二客厅» [*Наша вторая* ***гостиная***], в котором адресант утверждает, что рекламируемый чай может выполнять функции приёма гостей [Тяньфу, 2021].

Кроме того, в одной рекламе «Huawei» воспроизводится классический сюжет из романа «Троецарствие» — «Трижды посещать шалаш». На невербальном уровне показан китайский традиционный этикет приветствия: малый поклон, одна рука охватывает сложенную в кулак другую [Huawei, 2020].

Вербальные компоненты рекламы, взаимодействуя с перечисленными визуальными компонентами для формирования в сознании китайских потребителей стандарта «礼» [*благопристойность*] в современной жизни, убеждает их в том, что рекламируемые объекты являются самыми оптимальным выбором для исполнения важных ритуалов.

6. Понятие «智» [*мудрость*] и его отражение в китайских текстах НОР

Мудрость как одно из пяти постоянств является обобщённым понятием, которое Конфуций и Мен-цзы развили на основе рассуждений китайских мудрецов прежних времён о таких мудростях, как самопознание, познание чужого, забота о чужом, сочувствие и отчётливое различие правды и лжи, добра и зла.

Конфуций рассматривает самопознание как предпосылку становления морального праведного человека, познание о ритуалах — как предпосылку понимания своего существования и познание речи чужого — как предпосылку познания личности другого человека. Кроме того, такие мудрости, как забота о чужом и сочувствие, основываются на понятии 仁 [*гуманность*].

Мен-цзы и Дун Чжуншу считают, что человеку «必仁且知» [*необходимо быть гуманным и мудрым*] [Дун Чжуншу и др., 1992, с. 314], так как это наивысший уровень, к которому стремится Конфуций. Как отмечает Цин

Хэйфэн, современные китайцы, скорее всего, понимают «智» [*мудрость*] как обладание богатыми знаниями, тогда как в конфуцианстве мудрость требует от человека не только познания и освоения сущности явлений, но и морального усовершенствования, однако сегодня «智» [*мудрость*] чаще понимается в узком смысле — как стремление к знаниям [Цин Хэйфэн, 2012, с. 193]. Нельзя не отметить, что такая трансформация понятия мудрости проявляется и в текстах современной рекламы, в том числе национально-ориентированной.

Так, после вспышки эпидемии коронавируса в 2020 году количество рекламы приложений для дистанционного обучения значительно выросло; и в текстах НОР данной тематической разновидности наблюдается активное использование различных элементов, которые демонстрируют стремление современного китайского народа к развитию интеллектуальных способностей.

Например, на невербальном уровне рекламы приложения «学而思» [*Учиться и размышлять*], которое представляет известный китайский актёр Дэн Чао, демонстрируется, как его сын учится с помощью данного приложения. Вербальный уровень репрезентирован следующим текстом: «**全国超**8000**名研**发人员，致力于研究学习的科学，让孩子科学地学习。孩子收获好方法，学习事半功倍。好成绩源自好方法，网校我们就上学而思» [*Более 8000 научных специалистов стремятся к* ***исследованию науки обучения*** *— это позволяет детям* ***учиться по-научному***. *Если дети знают способы хорошо учиться, тогда при малой затрате сил они получат хороший результат.* ***Хорошую успеваемость*** *обеспечивают хорошие способы, для онлайн-школы мы выбираем только «Учиться и размышлять»*], который акцентирует внимание на ценных свойствах рекламируемого приложения как такого, который разработан с учетом достижений науки [УиР, 2021]. Использование соответствующей лексики, отражающей психологическое стремление китайского народа к мудрости (в данном контексте «智» [*мудрость*] понимается именно в том узком смысле, о котором говорит Цин Хэйфэн), убеждает китайских потребителей в правильности выбора обучающего продукта. Кроме того, название приложения «学而思» [*Учиться и размышлять*] происходит из известной цитаты Конфуция в «Лунь Юй» об учёбе: «学而不思则罔,思而不学则殆» [*Если только учишься, но не размышляешь, тогда ничего не усвоишь; если только размышляешь, но ничему не учишься, тогда идёшь по опасному пути*] [Чжан Яньин, 2007, с. 18].

Понятие «智» [*мудрость*] используется и в рекламе высокотехнологических компаний. Но, в отличие от малых и средних компаний, они часто демонстрируют в рекламе свою социальную ответственность, показывая

использование своих технологий для улучшения народной жизни, что соответствует наивысшему уровню мудрости в конфуцианстве — быть гуманным и мудрым.

Например, в невербальной части рекламы китайской компании Lenovo воспроизводится ряд ситуаций, в которых китайский народ использует технологию компании Lenovo в разных сферах промышленности, а в рекламном тексте: «智慧，是一种力量。联想的力量是要让每个人都享有智慧，都感受到梦想实现的可能。联想，智慧中国。» [***Ум*** *— это* ***сила****. Сила Lenovo намерена* ***позволять каждому наслаждаться и иметь ум****, чувствовать* ***возможность реализации мечты****. Lenovo —* ***умный Китай***] — рекламодатель не только подчёркивает важность умственного совершенствования отдельного человека, но и выражает желание вносить вклад в развитие и процветание всей страны [Lenovo, 2019].

Итак, адресант в рекламе передаёт две ключевых идеи: 1) компания ценит ум и обладает передовой технологией; 2) компания рада делиться своей технологией на благо китайского народа. Смысл данной рекламы полностью совпадает с определением понятия «智» [*мудрость*] в конфуцианстве: быть умным на основе гуманности.

7. Понятие «信» [*благонадежность*] и его отражение в китайских текстах НОР

«信» [*благонадежность*] представляет собой моральную норму, которую Конфуций и его последователи обобщили на основе наследия и развития учения о таких моральных принципах, как верность, честность и доверие, для построения гармоничного общения, гармоничной политики, гармоничной экономики, гармоничной культуры и гармоничного общества.

Конфуций характеризует «信» [*благонадежность*] как одну из четырёх главных задач в обучении своих учеников — как сказано в работе «Лунь Юй»: «子以四教:文、行、忠、信。» [*Конфуций обучает учеников с четырёх сторон: культура, практика, преданность и благонадёжность*] [Чжан Яньин, 2007, с. 97]. Кроме того, «信» [*благонадежность*] рассматривается как одна из важных предпосылок того, чтобы стать праведным человеком, как говорит Конфуций: «君子义以为质, 礼以行之, 孙以出之, 信以成之。» [*Праведный человек рассматривает справедливость как основу, делает всё благопристойно, говорит всё скромно и преуспевает благонадёжно*] [Там же, с. 239]. Более того — Конфуций считает благонадёжность одной из основ государственного правления: «民无信不立» [*Без доверия народа страны не будет*] [Там же, с. 175].

Современные китайские учёные отмечают, что «信» [*благонадежность*] выполняет функции сублимации первых четырёх постоянств [Лю Цзюнь-

шань, 2017, с. 95]; в современном Китае «信» [*благонадежность*] также имеет большое значение в разных отраслях, особенно для построения и охранения системы социального кредита [Лю Цзюньшань, 2014, с. 48].

Понятие «信» [*благонадежность*] также используется в текстах китайской НОР. Так, в рекламе приложения для покупки автомобиля «И Чэй» воспроизводится такая ситуация: известный китайский актёр Шен Тен переживает за покупку автомобиля; в это время все прохожие на улице собираются и рассказывают ему, что надо выбрать приложение «И Чэй», которое предоставляет верную и проверенную информацию [И Чэй, 2021].

На вербальном уровне рекламный текст «买新车，先上易车App! 查车主成交价，价格不吃亏» [*Для покупки нового автомобиля сначала надо зайти в приложение И Чэй! Найди цену сделки владельца автомобиля, не останься внакладе*] показывает потребителям, что сотрудники приложения способны найти точную информацию об автомобилях, поэтому с помощью данного приложения можно купить автомобиль по заслуженной цене. Это формирует достоверный имидж приложения в сознании китайских потребителей, которые ценят верность рекламодателей. Честность — это важная сторона благонадежности.

В рекламе «Банка Чжунсинь» на невербальном уровне воспроизводится сюжет на тему преданной любви: одна пожилая дама смотрит на фото в брачном свидетельстве и вспоминает о своей прошедшей жизни: свадьба, рождения дочери и ряд значимых жизненных ситуаций. После к ней присоединяется муж, и они вместе листают альбом для воспоминания. А рекламный текст: «时间啊，把我们都变老了，但有些东西，却从来没变过。谢谢你，把爱存在我这里» [*Время старит нас, но некоторые вещи не изменились. Спасибо тебе, что сохранил любовь ко мне*] — показывает, что пожилые супруги всё время соблюдают свои обещания любви и верности. В подтексте данной рекламы выражается убеждение в том, что услуги рекламируемого банка являются верными и надёжными [Чжунсинь, 2018].

8. Заключение

Итак, подведем итоги проведённого анализа текстов китайской НОР в аспекте отражения в них ключевого для конфуцианства понятия пяти постоянств.

Понятие пяти постоянств праведного человека в конфуцианстве рассматривается как одна из важнейших основ китайской культуры. Несмотря на то, что пять постоянств восходят к древности, данное понятие всё время активно развивается благодаря усилиям последователей Конфуция; оно широко используется и в настоящее время в разных сферах жизни китайского народа, в том числе в медиапространстве.

Принципы пяти постоянств как важнейшие национальные ценности китайского народа применяются при создании текстов НОР. В качестве манипулятивных приёмов адресант предпочитает использовать их первичное значение, краткое и легкое для понимания, в то время как глубокие философские коннотации привлекаются относительно редко. Это объясняется намерением рекламодателя масштабно и эффективно воздействовать на целевую аудиторию: использование известного всему китайскому народу понятия конфуцианства способствует продвижению товаров или услуг на основе общих ценностей.

Анализ собранных в ходе исследования примеров национально-ориентированной рекламы показал, что, апеллируя при её создании к понятию пяти постоянств, адресант активно воспроизводит ситуации повседневных межличностных коммуникаций, которые часто встречаются в жизни китайского народа, но значительно реже обращается к другим сферам социальной жизни. Это объясняется стремлением китайских рекламодателей убедить потребителей в практической значимости товаров и услуг; кроме того, это позволяет адресанту лучше продемонстрировать связь между рекламируемыми объектами и потребителем.

Источники и принятые сокращения

1. И Чэй — *Реклама* мобильного приложения «И Чэй» [Электронный ресурс]. — 2021. — Режим доступа : https://www.bilibili.com/video/BV1oV411e7oD (дата обращения 19.01.2021).

2. Наобэйцин — *Реклама* «Наобэйцин» [Электронный ресурс]. — 2014. — Режим доступа : https://www.bilibili.com/video/BV11b411k7Jy?p=2 (дата обращения 24.01.2021).

3. НОР — *Национально-ориентированная* реклама.

4. Сельхозбанк — *Реклама* «Сельскохозяйственного банка Китая» [Электронный ресурс]. — 2019. — Режим доступа : https://www.bilibili.com/video/BV1J441127M6 (дата обращения 26.01.2021).

5. Синье — *Реклама* «Банка Синье» [Электронный ресурс]. — 2021. — Режим доступа : https://www.bilibili.com/video/BV12h411k71W (дата обращения 28.01.2021).

6. Тяньфу — *Реклама* «чая Тяньфу» [Электронный ресурс]. — 2021. — Режим доступа : https://www.bilibili.com/video/BV1ry4y1a7cf (дата обращения 04.02.2021).

7. УиР — *Реклама* мобильного приложения «Учиться и размышлять» [Электронный ресурс]. — 2021. — Режим доступа : https://www.bilibili.com/video/BV1u54y1Y7eB (дата обращения 8.02.2021).

8. Чжунсинь — *Реклама* «Банка Чжунсинь» [Электронный ресурс]. — 2018. — Режим доступа : https://www.bilibili.com/video/BV1at411Q7bx (дата обращения 10.02.2021).

9. CGH — *Реклама* компании «Country Garden Holdings» [Электронный ресурс]. — 2020. — Режим доступа : https://www.bilibili.com/video/BV12y4y1k7m9 (дата обращения 13.02.2021).

10. Huawei — *Реклама* компании «Huawei» [Электронный ресурс]. — 2020. — Режим доступа : https://www.bilibili.com/video/BV1Y7411q7wq (дата обращения 17.02.2021).

11. Lenovo — *Реклама* компании «Lenovo» [Электронный ресурс]. — 2019. — Режим доступа : https://www.bilibili.com/video/BV1nt411T7Y3 (дата обращения 19.02.2021).

12. UnionPay — *Реклама* «UnionPay» [Электронный ресурс]. — 2019. — Режим доступа: https://www.bilibili.com/video/BV1FJ411w718 (дата обращения 21.02.2021).

Литература

1. *Аниськина Н.В.* Трансформация ценностей в современной рекламе / Н. В. Аниськина // Активные процессы в социальной и массовой коммуникации : коллективная монография / под редакцией Н. В. Аниськиной и Л. В. Уховой. — Ярославль : ЯГПУ, 2014. — С. 22—30. — ISBN 978-5-00089-004-2.

2. *Анненкова И. В.* Медиадискурс XXI века : лингвофилософский аспект языка СМИ / И. В. Анненкова. — Москва : Издательство МГУ, 2011. — 392 с. — ISBN 978-5-211-06231-3.

3. *Борисова Е. Г.* Маркетинговая лингвистика : направления и перспективы / Е. Г. Борисова // Верхневолжский филологический вестник. — 2016. — № 4. — С. 140—143.

4. *Добросклонская Т. Г.* Медиалингвистика в России и за рубежом : достижения и перспективы / Т. Г. Добросклонская, Чжан Хуэйцинь // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2015. — № 1. — С. 9—19.

5. *Дун Чжуншу*. Обильная роса летописи Чуньцю / Дун Чжуншу, Су Юй, Чжун Чжэ. — Пекин : Китайское книгоиздательство, 1992. — 526 с. (董仲舒. 春秋繁露 / 董仲舒, 苏舆, 钟哲. — 北京 : 中华书局, 1992年. — 526页.).

6. *Дэн Цюбо*. Происхождение, развитие и основные смыслы «гуманности», «справедливости», «благопристойности», «мудрости» и «благонадежности» / Дэн Цюбо // Вестник Чаншаского университета. — 2005. — № 6. — С. 4—10. (邓球柏. “仁义礼智信”的由来、发展及其基本内涵 / 邓球柏. 长沙大学学报. — 2005年. — № 6. — 4—10页.)

7. *Ин Цзян*. «Гуманности», «справедливости», «благопристойности», «мудрости», «благонадежности» и ключевые социалистические ценности / Ин Цзян // Вестник Нанкинского политического института. — 2014. — № 6. — С. 47—50. — DOI: 10.13231/j.cnki.jnip.2014.06.010 (尹强. “仁义礼智信”与社会主义核心价值观 / 尹强. 南京政治学院学报. — 2014. — № 6. — 47—50页. — DOI: 10.13231/j.cnki.jnip.2014.06.010)

8. *Кара-Мурза Е.С.* Реклама : дискурс, функциональный стиль, жанр? / Е. С. Кара-Мурза // Стереотипность и творчество в тексте : межвузовский сборник научных трудов. — Пермь : Издательство ПГНИУ, 2010. — С. 220—231.

9. *Карасик В. И.* Самопрезентация в рекламном дискурсе / В. И. Карасик // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2015. — № 4. — С. 33—43.

10. *Лапина-Кратасюк Е. Г.* Образы идеальной семьи в российских глянцевых журналах и телевизионной рекламе / Е. Г. Лапина-Кратасюк // Вестник РГГУ. Серия : История. Филология. Культурология. Востоковедение. — 2008. — № 10. — С. 67—72.

11. *Лэ Айгуо*. Первоначальное значение, эволюция и диалектика «трёх устоев и пяти постоянств» в конфуцианстве / Лэ Айгуо // Учёба и практика. — 2018. — № 12. — С. 119—128. (乐爱国. 儒家“三纲五常”的本义、演变及其辨正 / 乐爱国 // 学习与实践. — 2018. — № 12. — 119—128页.)

12. *Лю Цзюньшань*. Мнения Лао-цзы о благонадёжности и её ценности нравственного воспитания / Лю Цзюньшань // Исследования педагогических наук. — 2014. — № 11. — С. 48—55. (刘峻杉. 老子的信德观及其德育价值 / 刘峻杉 // 教育科学研究. — 2014. — № 11. — 48—55页.)

13. *Лю Цзюньшань*. Происхождение и современные толкования «гуманности», «справедливости», «благопристойности», «мудрости» и «благонадежности» / Лю Цзюньшань // Университетские педагогические науки. — 2017. — № 3. — С. 94—100. (刘峻杉. 仁义礼智信五德的早期源流和当代诠释取向 / 刘峻杉 // 大学教育科学. — 2017. — 第3期. — 94—100页.)

14. *Лян Цичао*. Философия конфуцианства / Лян Цичао. — Пекин : Китайское книгоиздательство, 2015. — 132 с. — ISBN 9787101105407 (梁启超. 儒家哲学 / 梁启超. — 北京 : 中华书局, 2015. — 132 页. — ISBN 9787101105407)

15. *Маслова В. А.* Лингвокультурология / В. А. Маслова. — Москва : Академия, 2001. — 208 с. — ISBN 5-7695-0745-4.

16. *Моисеева Н. О.* Реклама и проблема ценностных ориентаций общества / Н. О. Моиссева // Вестник славянских культур. — 2008. — № 3—4 (X). — С. 152—158.

17. *Музыкант В. Л.* Эффективный копирайтинг в системе бренд-коммуникаций (онлайн и офлайн среда) : монография / В. Л. Музыкант, Д. С. Скнарев. — Москва : Директ-Медиа, 2019. — 270 с. — ISBN 978-5-4475-9709-2.

18. *Основы* маркетинга, 5-е европейское издание : перевод с английского / Ф. Котлер, Г. Армстронг, Дж. Сондерс, В. Вонг. — Москва : Вильямс, 2013. — 752 с. — ISBN 978-5-8459-1571-9.

19. *Ремчукова Е.Н.* Имидж страны в рекламном дискурсе : между коммерческой и социальной составляющей / Е. Н. Ремчукова, В. А. Омельяненко // Научный диалог. — 2020. — № 9. — С. 144—158. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-144-158.

20. *Роль* и место концепта рекламы в формировании имиджа социально ответственного бизнеса в России / И. А. Морозова, Е. Г. Гущина, Е. М. Витальева, А. В. Трошин // Национальные интересы : приоритеты и безопасность. — 2013. — № 22. — С. 24—31.

21. *Ухова Л. В.* «Продвигающий текст» : понятие, особенности, функции / Л. В. Ухова // Верхневолжский филологический вестник. — 2018. — № 3. — С. 72—82. — DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10136.

22. *Учёнова В. В.* Философия рекламы / В. В. Учёнова. — Москва : Гелла-принт, 2003. — 208 с. — ISBN 5-901008-24-3.

23. *Цин Хэйфэн*. «Гуманность», «справедливость», «благопристойность», «мудрость» и «благонадежность» и ключевые ценности китайской культуры / Цин Хэйфэн // Марксизм и реалия. — 2012. — № 4. — С. 188—194. — DOI: 10.15894/j.cnki.cn11-3040/a.2012.04.001 (景海峰. 仁义礼智信与中华文化的核心价值 / 景海峰 // 马克思主义与现实. — 2012. — № 4. — 188—194 页. — DOI: 10.15894/j.cnki.cn11-3040/a.2012.04.001)

24. *Чжан Дэйнянь*. Введение в китайскую культуру / Чжан Дэйнянь, Фан Кэли. — Пекин : Пекинский педагогический университет, 2004. — 367с. — ISBN 9787303033768 (张岱年. 中国文化概论 / 张岱年, 方克立. — 北京 : 北京师范大学, 2004. — 367 页. — ISBN 9787303033768.)

25. *Чжан Яньин*. Перевод и комментарии к «Лунь Юй» / Чжан Яньин. — Пекин : Китайское книгоиздательство, 2007. — 308 с. — ISBN 978-7-101-05278-7. (张燕婴. 论语译注 / 张燕婴. — 北京 : 中华书局, 2007. — 308 页. — ISBN 978-7-101-05278-7.)

26. *Чжу Си*. Сборник комментариев к Четверокнижию / Чжу Си. — Пекин : Китайское книгоиздательство, 1983. — 388 с. (朱熹. 四书章句集注 / 朱熹. — 北京 : 中华书局, 1983. — 388页.)

27. *Ян Циньфан*. Анализ совпадения дополнительной ценности культуры конфуцианства с психологией целевой аудитории рекламы / Ян Циньфан, Ли Цзянвэй // журнал Гуаньцзы. — 2013. — № 3. — С. 85—88. — DOI: 10.19321/j.cnki.gzxk.2013.03.021. (杨金

芳, 李建伟. 儒家文化附加值与广告传媒受众的心理契合研究 / 杨金芳, 李建伟 // 管子学刊. — 2013. — № 3. — 85—88页. — DOI: 10.19321/j.cnki.gzxk.2013.03.021)

28. *Chan Sin-wai.* The Routledge Encyclopedia of Traditional Chinese Culture / Chan Sin-wai. — London : Routledge, 2020. — 440 p. — ISBN 9781138211155.

29. *Fairclough N.* Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research / N. Fairclough. — London : Routledge, 2003. — 288 p. — ISBN 9780415258937.

30. *Jiang Yi-huah.* Confucian Political Theory in Contemporary China / Jiang Yi-huah // Annual Review of Political Science. — 2018. — Vol. 21. — Pp. 155—173. — DOI: https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-041916-020230.

31. *Kress G.* Multimodal Discourse : the modes and media of contemporary communication / G. Kress, T. van Leeuwen. — London : Oxford University Press, 2001. — 152 p. — ISBN 0340662921.

32. *Li Xiangjun.* The Ideological Connotation, Transcendental Path and Critical Reflection of the Concept of Confucian Benevolence / Li Xiangjun // Hebei Academic Journal. — 2019. — № 2. — Pp. 41—49.

33. *Lu Benxiu.* Exploration into the Thought of the Traditional "Three Cardinal Principles and Five Constant Virtues" / Lu Benxiu // Journal of Social Science of Hunan Normal University. — 2018. — № 6. — Pp. 63—69.

34. *Matheson D.* Media Discourses : Analyzing Media Texts. Issues in Cultural and Media Studies / D. Matheson. — New York : Open University Press, 2005. — 224 p.

35. *O'Halloran K. L.* Multimodal approach to analysing big social and news media data / K. L. O'Halloran, G. Pal, M. Jin // Discourse, Context and Media. — 2021. — № 40. — Pp. 1—16. — DOI: https://doi.org/10.1016/j.dcm.2021.100467.

36. *Social* and personal values in advertising : evidence from food advertising in South Korea / C. Gauthier, M. Fornerino, C. Werle, A. Jolibert, M. Lee, T. Sego // International Studies of Management & Organization. — 2020. — Vol. 50. — Issue 2. — Pp. 174—200. — DOI: https://doi.org/10.1080/00208825.2020.1758422.

37. *Zhao Quansheng.* The influence of Confucianism on Chinese politics and foreign policy / Zhao Quansheng // Asian Education and Development Studies. — 2018. — Vol. 7. — № 4. — Pp. 321—328. — DOI: https://doi.org/10.1108/AEDS-03-2018-0057.

Material resources

Agricultural — *Bank-Advertising of the "Agricultural Bank of China".* (2019). Available at: https://www.bilibili.com/video/BV1J441127M6 (accessed 26.01.2021). (In Russ).

CGH — *Advertising of the company "Country Garden Holdings".* (2020). Available at: https://www.bilibili.com/video/BV12y4y1k7m9 (accessed 13.02.2021). (In Russ).

Huawei — *Advertising of the company "Huawei".* (2020). Available at: https://www.bilibili.com/video/BV1Y7411q7wq (accessed 17.02.2021). (In Russ).

I Chey — *Advertising of the mobile application "I Chey".* (2021). Available at: https://www.bilibili.com/video/BV1oV411e7oD (accessed 19.01.2021). (In Russ).

Lenovo — *Advertising of the company "Lenovo".* (2019). Available at: https://www.bilibili.com/video/BV1nt411T7Y3 (accessed 19.02.2021). (In Russ).

Naobeitsin — *Advertising "Naobeitsin".* (2014). Available at: https://www.bilibili.com/video/BV11b411k7Jy?p=2 (accessed 24.01.2021). (In Russ).

NOR — *Nationally-oriented advertising.* (In Russ).

Signe — *Advertising of "Bank of Signe"*. (2021). Available at: https://www.bilibili.com/video/BV12h411k71W (accessed 28.01.2021). (In Russ).

Tianfu — *Relkama "Tianfu tea"*. (2021). Available at: https://www.bilibili.com/video/BV1ry4y1a7cf (accessed 4.02.2021). (In Russ).

UiR — *Advertising of the mobile application "Learn and Reflect"*. (2021). Available at: https://www.bilibili.com/video/BV1u54y1Y7eB (accessed 8.02.2021). (In Russ).

UnionPay — *Advertising "UnionPay"*. (2019). Available at: https://www.bilibili.com/video/BV1FJ411w718 (accessed 21.02.2021). (In Russ).

Zhongxin — *Advertising of "Zhongxin Bank"*. (2018). Available at: https://www.bilibili.com/video/BV1at411Q7bx (accessed 10.02.2021). (In Russ).

References

Aniskina, N. V. (2014). Transformation of values in modern advertising. In: *Active processes in social and mass communication: a collective monograph.* Yaroslavl: YaGPU. 22—30. ISBN 978-5-00089-004-2. (In Russ).

Annenkova, I. V. (2011). *Media discourse of the XXI century. Linguophilosophical aspect of the language of mass media.* Moscow: MSU Publishing House. 392 p. ISBN 978-5-211-06231-3. (In Russ).

Borisova, E. G. (2016). Marketing linguistics: directions and prospects. *Verkhnevolzhsky Philological Bulletin, 4:* 140—143. (In Russ).

Chan Sin-wai. (2020). *The Routledge Encyclopedia of Traditional Chinese Culture.* London: Routledge. 440 p. ISBN 9781138211155.

Deng Qiubai. (2005). The origin, development and main meanings of "humanity", "justice", "decency", "wisdom" and "trustworthiness". *Bulletin of Changsha University, 6:* 4—10. (In Chin.).

Dobrosklonskaya, T. G., Zhang Huiqin. (2015). Media linguistics in Russia and abroad: achievements and prospects. *Bulletin of the Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication, 1:* 9—19. (In Russ).

Dong Zhongshu, Su Yu, Zhong Zhe. (1992). *Heavy dew of the annals chunqiu.* Beijing: Chinese publishing. 526 p. (In Chin.).

Fairclough, N. (2003). *Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research.* London: Routledge. 288 p. ISBN 9780415258937.

Gauthier, C., Fornerino, M., Werle, C., Jolibert, A., Lee, M., Sego, T. (2020). Social and personal values in advertising: evidence from food advertising in South Korea. *International Studies of Management & Organization, 50 (2):* 174—200. DOI: https://doi.org/10.1080/00208825.2020.1758422.

Jiang Yi-huah. (2018). Confucian Political Theory in Contemporary China. *Annual Review of Political Science, 21:* 155—173. DOI: https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-041916-020230.

Jing Haifeng. (2012). "Humanity", "justice", "decency", "wisdom" and "trustworthiness" and the key values of Chinese culture. *Marxism and Reality, 4:* 188—194. DOI: 10.15894/j.cnki.cn11-3040/a.2012.04.001. (In Chin.).

Kara-Murza, E. S. (2010). Advertising: discourse, functional style, genre? In: *Stereotyping and creativity in the text: an interuniversity collection of scientific papers.* Perm: PGNIU Publishing House. 220—231. (In Russ).

Karasik, V. I. (2015). Self-presentation in advertising discourse. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics, 4:* 33—43. (In Russ).

Kotler, F., Armstrong, G., Saunders, J., Wong, V. (2013). *Fundamentals of Marketing.* Moscow: Williams. 752 p. ISBN 978-5-8459-1571-9. (In Russ).

Kress, G., Van Leeuwen, T. (2001). *Multimodal Discourse: the modes and media of contemporary communication.* London: Oxford University Press. 152 p. ISBN 0340662921.

Lapina-Kratasyuk, E. G. (2008). Images of an ideal family in Russian glossy magazines and television advertising. *Vestnik RSUH. Series: history. Philology. Cultural studies. Oriental studies, 10:* 67—72. (In Russ).

Le Aiguo. (2018). The original meaning, evolution and dialectics of the "three foundations and five constants" in Confucianism. *Study and Practice, 12:* 119—128. (In Chin.).

Li Xiangjun. (2019). The Ideological Connotation, Transcendental Path and Critical Reflection of the Concept of Confucian Benevolence. *Hebei Academic Journal, 2:* 41—49.

Liang Qichao. (2015). *The Philosophy of Confucianism.* Beijing: Chinese Book Publishing. 132 p. ISBN 9787101105407. (In Chin.).

Liu Junshan. (2014). Lao-tzu's opinions on trustworthiness and its value of moral education. *Studies of Pedagogical Sciences, 11:* 48—55. (In Chin.).

Liu Junshan. (2017). The origin and modern interpretations of "humanity", "justice", "decency", "wisdom" and "reliability". *University Pedagogical Sciences, 3:* 94—100. (In Chin.).

Lu Benxiu. (2018). Exploration into the Thought of the Traditional "Three Cardinal Principles and Five Constant Virtues". *Journal of Social Science of Hunan Normal University, 6:* 63—69.

Maslova, V. A. (2001). *Linguoculturology.* Moscow: Academy. 208 p. ISBN 5-7695-0745-4. (In Russ).

Matheson, D. (2005). *Media Discourses: Analyzing Media Texts. Issues in Cultural and Media Studies.* New York: Open University Press. 224 p.

Moiseeva, N. O. (2008). Advertising and the problem of value orientations of society. *Bulletin of Slavic Cultures, 3—4 (X):* 152—158. (In Russ).

Morozova, I. A., Gushchina, E. G., Vitalieva, E. M., Troshin, A. V. (2013). The role and place of the advertising concept in the formation of the image of socially responsible business in Russia. *National interests: priorities and security, 22:* 24—31. (In Russ).

Musykant, V. L., Sknarev, D. S. (2019). *Effective copywriting in the brand communication system (online and offline environment).* Moscow: Direct-Media. 270 p. ISBN 978-5-4475-9709-2. (In Russ).

O'Halloran, K. L., Pal, G., Jin, M. (2021). Multimodal approach to analysing big social and news media data. *Discourse, Context and Media, 40:* 1—16. DOI: https://doi.org/10.1016/j.dcm.2021.100467.

Remchukova, E. N., Omelianenko, V. A. (2020). Country Image in Advertising Discourse: Between Commercial and Social Components. *Nauchnyi dialog, 9:* 144—158. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-144-158. (In Russ.).

Uchenova, V. V. (2003). *Philosophy of advertising.* Moscow: Gella-print. 208 p. ISBN 5-901008-24-3. (In Russ).

Ukhova, L. V. (2018). "Promoting text": concept, features, functions. *Verkhnevolzhsky Philological Bulletin, 3:* 72—82. DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10136. (In Russ).

Yang Jinfen, Li Jianwei. (2013). Analysis of the coincidence of the additional value of the culture of Confucianism with the psychology of the target audience of advertis-

ing. *Journal of Guanzi, 3:* 85—88. DOI: 10.19321/j. cnki. gzxk. 2013. 03. 021. (In Chin.).

Yin Qiang. (2014). “Humanity”, “justice”, “decency”, “wisdom”, “trustworthiness” and key socialist values. *Bulletin of the Nanjing Political Institute, 6:* 47—50. DOI: 10.13231/j.cnki.jnip.2014.06.010. (In Chin.).

Zhang Dainian., Fang Keli. (2004). *Introduction to Chinese culture.* Beijing: Beijing Pedagogical University. 367 c. ISBN 9787303033768. (In Chin.).

Zhang Yanying. (2007). *Translation and comments on “Lun Yu”*. Beijing: Chinese Book Publishing. 308 p. ISBN 978-7-101-05278-7. (In Chin.).

Zhao Quansheng. (2018). The influence of Confucianism on Chinese politics and foreign policy. *Asian Education and Development Studies, 7 (4):* 321—328. DOI: https://doi.org/10.1108/AEDS-03-2018-0057.

Zhu Xi. (1983). *Collection of comments on the Fourth Book.* Beijing: Chinese Book Publishing. 388 p. (In Chin.).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Дубровская С. А. Ближневосточная повседневность в журнальных очерках С. С. Кондурушкина начала XX века / С. А. Дубровская, В. П. Киржаева, С. М. Владимирова // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 170—184. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-170-184.

Dubrovskaya, S. A., Kirzhaeva, V. P., Vladimirova, S. M. (2021). Middle Eastern Everyday Life in S. S. Kondurushkin's Magazine Essays at Beginning of Twentieth Century. *Nauchnyi dialog, 8:* 170-184. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-170-184. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-170-184

Ближневосточная повседневность в журнальных очерках С. С. Кондурушкина начала XX века

Дубровская Светлана Анатольевна
orcid.org/0000-0002-5660-8977
доктор филологических наук, доцент
s.dubrovskaya@bk.ru

Киржаева Вера Петровна
orcid.org/0000-0003-3337-7579
доктор педагогических наук, доцент
kirzhaeva_vera@mail.ru

Владимирова Светлана Михайловна
orcid.org/0000-0003-3258-4779
преподаватель
vladisveta@rambler.ru

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
(Саранск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 21-09-41005

Middle Eastern Everyday Life in S. S. Kondurushkin's Magazine Essays at Beginning of Twentieth Century

Svetlana A. Dubrovskaya
orcid.org/0000-0002-5660-8977
Doctor of Philology, Associate Professor
s.dubrovskaya@bk.ru

Vera P. Kirzhaeva
orcid.org/0000-0003-3337-7579
Doctor of Pedagogy, Associate Professor
kirzhaeva_vera@mail.ru

Svetlana M. Vladimirova
orcid.org/0000-0003-3258-4779
lecturer
vladisveta@rambler.ru

National Research Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia)

Acknowledgments:
The reported study was funded by RFBR, project number 21-09-41005

© Дубровская С. А., Киржаева В. П., Владимирова С. М., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается проблема презентации ближневосточной повседневности в ранней прозе С. С. Кондурушкина (1874—1919), активного участника литературно-общественной жизни России рубежа XIX—XX веков. На материале очеркового цикла «Из скитаний по Сирии» и других произведений начала 1900-х годов представлен анализ приемов воссоздания ближневосточной повседневности. Изучены повествовательные стратегии, лежащие в основе ближневосточного нарратива русского травелога. Это позволяет уточнить характеристики жанра путевого очерка в общем контексте отечественной словесности рубежа веков, что обусловливает научную новизну и актуальность статьи. Авторы детально рассматривают очерки «Греки в Палестине и Сирии», «Terra incognita», «Баядерка», «Акулина в Триполи». Обосновывается последовательная смена разоблачительного дискурса политической публицистики на разнообразные формы «этнографического» нарратива. Поставленные задачи потребовали использования традиционных методов академического литературоведения, а также приемов лингвокультурологии, имагологии, имперских и колониальных исследований. В научный оборот вводится ряд архивных материалов, в частности, адресованные С. С. Кондурушкину письма Н. К. Михайловского.

Ключевые слова:
С. С. Кондурушкин; ближневосточная повседневность; ближневосточный нарратив; очерковая проза; «Из странствий по Сирии»; «Русское богатство».

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The problem of the presentation of the Middle Eastern everyday life in the early prose of S. S. Kondurushkin (1874—1919), an active participant in the literary and social life of Russia at the turn of the XIX—XX centuries is examined in the article. On the basis of the essay cycle “From Wanderings in Syria” and other works of the early 1900s, an analysis of the methods of recreating the Middle Eastern everyday life is presented. The narrative strategies that underlie the Middle Eastern narrative of the Russian traveler are studied. This makes it possible to clarify the characteristics of the genre of the travel sketch in the general context of Russian literature at the turn of the century, which determines the scientific novelty and relevance of the article. The authors examine in detail the essays “Greeks in Palestine and Syria”, “Terra incognita”, “La Bayadere”, “Akulina in Tripoli”. The consistent change of the exposing discourse of political journalism to various forms of “ethnographic” narrative are substantiated in the article. The tasks set required the use of traditional methods of academic literary criticism, as well as techniques of cultural linguistics, imagology, imperial and colonial studies. A number of archival materials are introduced into scientific circulation, in particular, letters from N.K. Mikhailovsky addressed to S.S.Kondurushkin.

Key words:
S. S. Kondurushkin; Middle Eastern everyday life; Middle Eastern narrative; essay prose; “From Wanderings in Syria”; “Russian Wealth”.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 82-992+82-43+821.161.1Кондурушкин.07

Ближневосточная повседневность в журнальных очерках С. С. Кондурушкина начала XX века

© Дубровская С. А., Киржаева В. П., Владимирова С. М., 2021

1. Введение

Ближний Восток традиционно вызывал особый интерес в отечественном литературном, культурном и научном сознании. В последние годы литературные образы Ближнего Востока и ближневосточная повседневность осмысливаются исследователями в различных аспектах — от историко-литературных до социо-и лингвокультурологических, постимперских и постколониальных, см.: [Ельцова, 2020; Котельников, 2020; Мулахи и др., 2021; Осовский, 2014; Осовский и др., 2019; Alan et al., 2021; Etkind, 2011].

Характеризуя ситуацию формирования образа Ближнего Востока в России, известный специалист в области восприятия Востока русской словесностью З. А. Намитокова отмечала: «В XIX в. в различных русских периодических изданиях, а также отдельными книгами в свет вышли около тысячи трехсот произведений, связанных с традицией христианского паломничества на Восток <…> Огромная роль в распространении материалов о Востоке принадлежала русскому Православному Палестинскому Обществу…» [Намитокова, 2004, с. 165]. Литературоведом был предложен практически исчерпывающий перечень изданий, в который вошли журналы «Вестник Европы», «Журнал Министерства народного просвещения», «Исторический вестник», «Москвитянин», «Отечественные записки», «Русский вестник», «Русское слово», «Северный вестник», «Странник», газеты «Московские ведомости», «Русский инвалид», «Санкт-Петербургские ведомости» и др. Сюда же следует добавить и журнал «Русское богатство» (основан в 1876 году), который на рубеже XIX—XX веков предоставлял читателю широкие возможности для знакомства с экзотическим миром Ближнего Востока. Можно предположить, что интерес издания к этой проблематике в немалой степени был связан с интересом к ней одного из редакторов журнала — известного российского общественного деятеля, литератора и публициста С. Я. Елпатьевского, автора очерков, заметок и книг о Турции и Египте («За границей», «Египет» и др.), см. о нем: [Миронов и др., 1992].

О популярности ближневосточной темы в русском травелоге рубежа XIX—XX веков свидетельствуют многочисленные произведения русских путешественников, см. подробнее: [Русский …, 2018, с. 536—577].

CC BY

В этом контексте особое внимание привлекает творчество писателя и журналиста С. С. Кондурушкина, который вошел в русскую литературную жизнь с очерками и рассказами о Палестине, Сирии и Ливане. Его произведения во многом определили специфику ближневосточного нарратива русской очерковой прозы 1900—1910-х годов.

Фигура С. С. Кондурушкина отчасти привлекала внимание историков, специалистов по Ближнему Востоку, однако их интерес по преимуществу ограничивался ссылками на его отдельные публикации, посвященные Сирии, см.: [Сарабьев, 2019; Семенова, 2013; Хохлов, 2007].

В последние годы заметный интерес к прозе С. С. Кондурушкина отмечен в Сирии и Ливане, о чем свидетельствует, в частности, исследовательская и переводческая деятельность И. Раефа [Раеф, 2020].

Задача предлагаемой статьи — проанализировать пути и приемы презентации ближневосточной повседневности в очерках Кондурушкина первой половины 1900-х годов, выявить особенности ближневосточного хронотопа и основные повествовательные стратегии, тем самым уточнив характеристики жанра путевого очерка в русской литературе этого периода. Последним определяются актуальность и научная новизна представленной статьи.

Поставленные задачи определили методологию исследования, а его комплексный характер потребовал использования традиционных методов академического литературоведения (сравнительно-исторический, биографический, культурно-исторический, метод целостного анализа произведения) и приемов новых гуманитарных дисциплин (лингвокультурология, имагология, имперские и колониальные исследования). Особое значение для нашей статьи имело обращение к архивным источникам — документам и материалам Кондурушкина, хранящимся в Российском государственном архиве литературы и искусства (Москва) [РГАЛИ], Центральном государственном историческом архиве (Санкт-Петербург) [ЦГИА].

2. Ближний Восток в ранней биографии С. С. Кондурушкина

Личность и творчество Степана Семёновича Кондурушкина (1874—1919) относительно мало известны историкам отечественной литературы и журналистики, а основные сведения о нем ограничиваются по преимуществу биографическими справками в энциклопедических изданиях [Биобиблиографический …, 1911; Смиренский, 1966; Чуваков, 1994]. Его можно отнести к числу практически забытых сегодня писателей, хотя во второй половине 1900-х — 1910-х годах это был один из самых заметных участников литературной жизни Петербурга / Петрограда, выступавший на страницах ведущих периодических изданий столицы, прежде всего га-

CC BY

зет «Слово» и «Речь». Отметим, что среди его корреспондентов в разное время были Н. К. Михайловский, В. Г. Короленко, А. М. Горький, Л. Н. Андреев, И. А. Бунин и др.

Ближневосточная проблематика стала ведущей в творчестве писателя и журналиста не случайно. Родившийся в бедной крестьянской мордовской семье в Самарской губернии, после окончания сельской школы он поступил в Вольскую учительскую семинарию, затем год прослужил учителем в одной из чувашских деревень. Решив продолжить образование, молодой человек в 1895 году становится студентом Казанского учительского института, по праву считавшегося одним из лучших учебных заведений по подготовке преподавательских кадров не только в Поволжье, но и во всей Российской империи. По окончании института был командирован Императорским Православным Палестинским Обществом (далее — Палестинское Общество) в город Назарет в Палестине в качестве преподавателя местной учительской семинарии, см.: [Владимирова и др., 2021].

Напомним, что Палестинское Общество видело одной из своих задач организацию начального образования для христианского населения турецкого Ближнего Востока, а финансируемые обществом школы для мальчиков и девочек обеспечивались педагогическими кадрами в том числе и из России. За пять лет пребывания в регионе Кондурушкин сделал серьезную карьеру, поднявшись по служебной лестнице от рядового учителя до помощника инспектора Южно-сирийского учебного округа и заслужив благожелательные отзывы о своей деятельности. Так, его непосредственный руководитель, инспектор южно-сирийских школ Палестинского Общества Д. Ф. Богданов писал о своем подчиненном: «…он очень полезен в школьном деле. В течение уже трёх лет он, единственный европеец в этой глуши, честно выносит труды и тягости первого устройства школ, добиваясь сносно перенести их и выработать из имеющегося материала терпимый педагогический персонал» [Богданов, 1902, с. 31—32].

Пребывание в новой стране, глубокое погружение в арабскую жизнь стало материалом для литературного осмысления новых впечатлений молодым педагогом и начинающим писателем. Его записные книжки этого времени хранят много ярких заметок, зарисовок и набросков, посвященных реалиям повседневной жизни Палестины и Сирии, смешным случаям из собственных поездок по региону и жизни его учеников, а также арабских знакомых и т. д. В Сирии Кондурушкин женится на наставнице русской православной гимназии для девочек в Дамаске Елисавете Васильевне Рибнер, в 1903 году рождается их старшая дочь. Постепенно он осознает литературную деятельность как свое настоящее призвание и принимает решение оставить педагогическое поприще и вернуться в Россию.

CC BY

17 июля 1903 года, еще находясь в Дамаске, Кондурушкин подает прошение на имя ректора Санкт-Петербургского университета о зачислении его вольнослушателем на арабско-турецко-персидско-татарское отделение восточного факультета: «Изучив на месте практически и отчасти теоретически арабский язык, а также нравы и обычаи мусульманского мира, я желал бы освоить для себя добытый материал путем научного ознакомления с предметом, прошедши полный курс наук» [ЦГИА, л. 16]. Закончив 1903/04 учебный год на восточном факультете, Кондурушкин принимает решение перейти на юридический факультет, полагая, очевидно, достаточным объем теоеретических знаний о Ближнем Востоке, полученный за два семестра. В 1905 году в ходе русско-японской войны Кондурушкин был мобилизован на военную службу. В 1905—1906 годах служит в качестве военного чиновника в одном из сибирских госпиталей, что, добавим, заметно расширит его представление о современной России и русской жизни и даст новый материал для очерков и рассказов. Именно чередование ближневосточного нарратива очерковой прозы второй половины 1900-х — начала 1910-х годов с путевыми записками о жизни Поволжья, Сибири, Русского Севера, Европы и Китая станет заметной частью его зрелого творчества.

3. Ближневосточная повседневность в политическом контексте ранней публицистики С. С. Кондурушкина

Пребывание на Ближнем Востоке, погружение в жизнь сирийских христиан и мусульман, знакомство с экзотическими нравами и обычаями оказались решающими факторами в развитии литературного таланта молодого педагога. Если его первые опыты не были напрямую связаны с ближневосточной повседневностью, то на рубеже 1890—1900-х годов, следуя советам В. Г. Короленко и Н. К. Михайловского, начинающий автор обращается к сюжетам из арабской жизни. Отвечая на присланную Кондурушкиным в «Русское богатство» аллегорию «Весенняя сказка», В. Г. Короленко писал: «Вы, очевидно, живете в крае малознакомом и интересном. Отчего бы Вам, вместо туманных аллегорий, не попытаться познакомить читающую публику с особенностями той жизни, которая Вас теперь окружает? Итак, попытайтесь и пришлите. Я охотно прочту, если пригодится, мы напечатаем» [Короленко, 1936, с. 129]. Последовавший этому совету, Кондурушкин много позднее назовет себя «литературным крестником» известного писателя [Короленко 1936, с. 130].

Следует отметить, что Кондурушкину было важно максимально наглядно представить всю экзотику ближневосточной повседневности русскому читателю, почти не имевшему о ней представления. Несколько публицистических очерков он посвящает анализу политической и эконо-

CC BY

мической ситуации на Ближнем Востоке, проблемам и возможностям установления взаимовыгодных торговых отношений России с этим регионом. Размышляя, почему русские не знают Ближнего Востока, автор приходит к выводу: «Сирия, Палестина, Малая Азия, Египет, даже Персия и Афганистан — все это названия, с которыми у русских людей не соединяется никаких цельных понятий <…> Мне кажется, главная причина незнания своего соседа заключается в следующем: в горах написанной о нем бумаги встречается так мало дельного и толкового, что все прочитанное вылетает из головы, как дым» [Кондурушкин, 1903, с. 37].

В ранних очерках писателя формируется особый тип дискурса, который мы с некоторой степенью условности можем определить как «этнографический». Воссоздание языковых особенностей, фольклорных и этнических реалий, визуализация богатейшего исторического прошлого региона позволяют говорить о важности лингвокультурологических и имагологических элементов конструируемого автором нарратива. В этом отношении примечателен первый очерк Кондурушкина «Греки в Палестине и Сирии», опубликованный в «Русском богатстве» в 1900 годы [Кондурушкин, 1900]. В нем автор ставит и решает несколько задач, важнейшая из которых — формирование общественного мнения о состоянии православного дела в Палестине. Внутренний конфликт между русской и греческой православными церквями, существующий на этой территории в течение нескольких десятилетий (см. подробнее: [Императорское…,1907, с. 1—120]), обретает в очерке зримые контуры. Автор не просто описывает сложившуюся ситуацию, но фактически требует вмешательства в этот процесс и русского общества, и российской власти. В примерах, приводимых в очерке, ярко проявляется его острокритическое отношение и обозначается разоблачительно-обличительный вектор создаваемого нарратива. Здесь напрямую сказывается позиция Кондурушкина-педагога и сотрудника Палестинского Общества. Он не только видит ситуацию, в том числе и в образовательной сфере, изнутри, но оценивает ее с точки зрения активного участника школьной и религиозной жизни региона.

Экзотика и историческая аура Святой Земли не должны препятствовать пониманию читателем происходящего, увидеть подлинные причины усиливающегося кризиса: «В половине настоящего XIX столетия патриарх иерусалимский, Кирилл, основал в Иерусалиме духовную семинарию с 6-летним курсом. Но странно то, что для детей из местных жителей там сначала не было места, а потом им было позволено учиться, но только до 4-го класса включительно. Остальные классы и науки предназначались исключительно для греческих мальчиков, которые привозились для этого из греческих провинций» [Кондурушкин, 1900, с. 190]. Чтобы не быть голос-

CC BY

ловным в своих утверждениях, автор приводит наглядное свидетельство непосредственных участников: «Один сириец, учившийся в этой школе, рассказывал мне, что арабы воспитываются там в черном теле и преследуются несправедливостями и презрением не только со стороны учеников-греков, но и наставников — тоже греков. Впечатление вынес он из этой школы самое тяжелое <…> Средства у греческих патриархов были и есть, да и немалые средства. Нет только у них желания заботиться о чужой им народности» [Кондурушкин, 1900, с. 190—191].

При этом Кондурушкин насыщает публицистический текст продуманными литературными приемами, создавая гротескно-комические образы отрицательных персонажей. Так, характеризуя деятельность греческих патриархов, он сравнивает с «бочкой Данаид» всю структуру «Святогробского общества», подчеркивает вопиющую малограмотность антиохийского патриарха Спиридония и делает беспощадный вывод: «В большинстве случаев это — пронырливые искатели приключений, покидающие свою родину затем, чтобы поживиться в стране варваров» [Кондурушкин, 1900, с. 191]. Чувство сострадания у читателя должно вызывать положение местного населения, изнемогающего от бедности и бесправия: «Народ, населяющий Сирию и Палестину, очень беден. Страшно большие имущественные поборы <…> Кроме того, население обременено не менее тяжелыми негласными налогами, которые беспощадно дерет хищническое турецкое чиновничество. Ни одно, самое маленькое, дело не делается местными властями без взятки. Правосудия не существует» [Кондурушкин, 1900, с. 169]. Именно политической остротой содержания, на наш взгляд, объясняется публикация очерка под псевдонимом «К. С.».

Внимания заслуживает особая авторская стратегия, направленная на создание позитивного образа Ближнего Востока, — выявление и презентация комических черт отнюдь не в комических сюжетах. Так, описывая притеснения местного населения со стороны турецких чиновников, Кондурушкин «смягчает» удручающую картину не лишенным иронии наблюдением: «В религиозном воображении одной из особых сирийских сект (друзской) рисуется заманчивая картина земного царства, когда их бог — воплощение — сойдет на землю в последний раз и всех своих последователей сделает турецкими чиновниками» [Кондурушкин, 1900, с. 169].

Альтернативой сложившейся ситуации становится, в интерпретации автора, деятельность Палестинского Общества, существенно изменившая положение христиан: «За какие-нибудь 20 лет своего существования П<алестинское> Общество основало много школ в Сирии и Палестине, поддерживает много церквей своими подарками в виде риз и др. церковной утвари; построило в Иерусалиме палаты для паломников, где послед-

CC BY

них никто не обидит и не ограбит» [Кондурушкин, 1900, с. 191—192]. При этом Кондурушкин не упускает возможности посмеяться над доверчивостью русских паломников, тем самым предупреждая читателя о необходимости проявлять разумную осторожность в отношениях с населением Иерусалима: «И чего только не продают в Палестине нашим богомольцам наглые местные спекулянты! Им продают гвозди, которыми был пригвожден Спаситель; они покупают их, как святыню; продают стружки от Св. Гроба (хотя он каменный), молоко Богородицы в сушеном виде, слезы Богородицы, пролитые ею у Креста, египетскую тьму в пузырьках — они покупают и стружки, и молоко, и слезы, и египетскую тьму, которую Бог послал на Египет по слову Моисея <…> Находились в среде греческих монахов и такие люди, которые продавали за деньги места на небе по мере — русскими четвертями аршина» [Кондурушкин, 1900, с. 179].

Диалог автора с персонажами, представляющими разнообразные социальные слои местного общества, внимание к «другому», особая религиозно-просветительская миссия Палестинского Общества, соучастное понимание благородной роли русского человека в повседневной жизни местных арабов — основные темы очеркистики Кондурушкина начала 1900-х годов. Специфика его публицистической манеры, проявляющаяся прежде всего в сочетании анализа политической и экономической ситуации, погружения в перипетии международной политики, оценки внешнеполитических интересов Российской империи с лирическими зарисовками ближневосточной природы, четким воспроизведением деталей быта, иронических и комическими описаниями городских и деревенских жителей, создает особую художественность ранних очерков и в значительной степени объясняет их популярность у редакции «Русского богатства», «Русской мысли», «Исторического вестника» и у широкой читательской аудитории.

4. Реалии и образы Ближнего Востока в цикле очерков «Из скитаний по Сирии»

Стремление автора выйти за пределы собственно публицистики, политических и путевых заметок лучше всего прослеживается в цикле «Из скитаний по Сирии» [Кондурушкин, 1902]. Входящие в него тексты имеют синтетическую природу: путевой очерк трансформируется в рассказ. Не случайно при публикации произведений отдельной книгой цикл очерков получает новое жанровое определение — «Сирийские рассказы» (1908, 1910), в которых автор и участник описываемых в публицистическом тексте событий становится автобиографическим героем художественного произведения, а лингвокультурологическая и имагологическая составляющие занимают не меньшее место, чем в нехудожественной прозе.

CC BY

Журнал «Русское богатство» высоко оценил это произведение молодого писателя и проявил большую заинтересованность в дальнейшем сотрудничестве. Свидетельством интенсивного диалога редакции и автора могут служить письма бессменного редактора журнала, известного публициста, литературного критика и общественного деятеля Н. К. Михайловского. Понимая значительный художественный потенциал двух присланных в редакцию очерков и тот интерес, который они представляют для читателя, опытный литератор сразу предлагает своему корреспонденту опубликовать цикл: «Ваши рассказы “Баядерка” и “Акулина в Триполи” будут напечатаны, если Вы пришлете еще несколько таких же маленьких очерков, чтобы составилась целая серия» [РГАЛИ, л. 3]. Кондурушкин отправит в редакцию четыре «маленьких очерка». Все они будут опубликованы в сентябрьской книжке «Русского богатства» за 1902 год, а в декабре последует продолжение. Примечательно, что сохранение целостности цикла окажется задачей, более важной для Н. К. Михайловского, чем для самого автора. Об этом свидетельствует письмо от 27 ноября: «Если Вы думаете продолжать свои сирийские очерки, то я попрошу Вас дать им какое-нибудь другое общее заглавие: неудобно переносить заглавие на другой год. По этой же причине не могу исполнить Ваше желание — отделить “Два минарета” от “Горя Халиля” и “Ко-ко-ко”. Все три очерка пойдут в декабре» [РГАЛИ, л. 2].

Воссоздавая образы Ближнего Востока, Кондурушкин сохраняет ориентацию на традиции русской классики. В рассказах легко узнаваемы интонации пушкинского «Путешествия в Арзрум» и лермонтовской лирики при описании горных дорог и пейзажей («Баядерка»), гоголевское смеховое слово («Узнал! Узнал!»), чеховские характеры («Акулина в Триполи»).

Приемом создания образов ближневосточной повседневности становится использование арабских варваризмов как маркеров этнокультурной составляющей. Яркий пример — рассказы «Баядерка» и «Акулина в Триполи», представляющие лирический и комический варианты восприятия культуры «Другого». «Баядерка» сопровождается примечанием к заголовку, дающим толкование семантики слова через опору на реалии русской культуры: «Слово баядерка происходит от арабского слова “баядер” — гумно, значит — гуменница. Танцовщица, переезжающая с места на место, останавливающаяся в палатке, на гумнах» [Кондурушкин, 1902, с. 235].

Еще один прием — столкновение стереотипов разных культур: рассказчик, русский православный человек, оказавшийся в Сирии, выезжает за город, где встречает небольшую группу арабов, странствующих актеров. Девочка, старуха, араб-музыкант и девушка-танцовщика — все они готовы развлекать неожиданного гостя привычными песнями и танцами. Казалось бы, традиционный этнографический сюжет — путешественник и

CC BY

туземцы, исполняющие для него свои песни и танцы, — стремительно меняет свой ход, когда повествователь после веселой песни хочет услышать «песню про людское горе»: «Араб сосредоточенно наморщил лоб, ударил несколько раз по струнам, как бы спрашивая их, могут ли они дать звуки человеческих страданий, потом решительно сказал: “Нет, господин! Мы таких песен не знаем”. “Как не знаете? — продолжал я настаивать. — Неужели же нет у вас ни горя, ни забот? Разве никто из вас не терял в жизни дорогое существо, — отца, мать, сына, мужа?”

Шафика, сидя у костра, вдруг встрепенулась, но, спохватившись, еще ниже склонила голову, обхватив ее руками. Старуха, до сих пор молчавшая, заговорила. Голос ее зазвучал грубо, резко, с хрипотой: “Нет у нас таких песен, говорят тебе! Мы не горюем и не плачем о покойниках. Умер — воля Бога! Вера наша не велит горевать о покойниках”» [Кондурушкин, 1902, с. 240].

Будничное повествование переходит в иной план: оказывается, скорбно молчащая Шафика недавно потеряла любимого. Рассказ о ее трагедии разрушает границы между двумя мирами, а сопереживание утрате позволяет автобиографическому герою и молодой мусульманке на короткое время испытать эмпатию. И хотя чужой мир приоткрывается другому лишь на мгновенье, для читателя он оказывается открыт и по-человечески понятен, несмотря на всю свою восточную экзотичность.

В ином — комическом — ключе предстает восприятие арабского мира, языка и культуры в рассказе «Акулина в Триполи», где русская паломница категорически не приемлет иной культуры. Автор-повествователь высмеивает ограниченность, невежество и гордыню Акулины, ее неспособность к диалогу и нежелание принять другого, даже оказавшись в его стране. Не зная и не желая знать ни языка, ни местных обычаев, она полностью уверена, что и на Святой Земле курица может называться только по-русски:

« — Да вот, я ей, барышня, говорю — курица, а она мне “жажа”? <…>

— Да это по-ихнему, Акулина, по-арабски, курица называется дижаже.

— Какой это такой арабский язык? У меня язык красный и у ней — красный, больше ничего. А курочка так и будет курочка, а не “жажа”» [Кондурушкин, 1902, с. 242].

Спор приобретает почти геополитический размах: «И какой это вы арабский язык выдумали! — вдруг набросилась Акулина на барышню. — Никакого такого арабского языка нет. Ведь Христос-то, разве на арабском языке говорил? На ру-у-уско-ом! Значит, арабский язык — одна выдумка, беззаконие. И чего это наш батюшка царь смотрит! Задала бы я им арабский язык! У меня через день они все заговорили бы по-русски» [Кондурушкин 1902, с. 244].

CC BY

Очевидно, что, с точки зрения автора, подобная «закрытость» русского православного мира ничуть не лучше закрытости мира арабского. И одну из задач своего цикла Кондурушкин, без сомнения, видит в том, чтобы способствовать взаимной открытости и взаимопониманию. Отказ от диалога русской и арабской культур, представленный в целом ряде его ранних очерков, в частности в «Англичанке», приводит к комически-разоблачительному эффекту, в то время как принятие этого диалога и понимание его ложится в основание постижения всей глубины ближневосточной повседневности русским человеком, в частности в одном из лучших произведений этого периода — очерке «На рубеже пустыни».

5. Заключение

Ближневосточные сюжеты становятся предметом осмысления молодого автора с начала 1900-х годов. Следуя своему творческому принципу, сформулированному в одном из писем А. М. Горькому, — «писать о жизни, как я ее увижу и пойму» [Кондурушкин, 1988, с. 966], Кондурушкин показывает ближневосточную повседневность с ее экзотикой, непростым, нередко конфликтным конфессиональным диалогом, этническим колоритом, обычаями и нравами населяющих эту землю народов. Эта творческая установка будет реализовываться и в дальнейшей литературной практике, в частности в произведениях, появлявшихся во второй половине 1900-х — начале 1910-х годов. Таким образом, творчество Кондурушкина в немалой степени способствовало тому, что ближневосточная повседневность стала одним из ключевых элементов формирующегося в русской литературе этого времени нарратива путешествия по Ближнему Востоку.

Источники и сокращения

1. *Императорское* Православное Палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882—1907) : историческая записка, составленная по поручению Совета Общества проф. А. А. Дмитриевским. — Санкт-Петербург : Типография В. Ф. Киршбаума, 1907. — VIII. — 332 с.

2. *Кондурушкин К. С.* Греки в Палестине и Сирии / С. С. Кондурушкин // Русское богатство. — 1900. — № 9. — С. 168—196.

3. *Кондурушкин С. С.* — Горькому. Одесса 11 <24> декабря / Переписка с С. С. Кондурушкиным. Предисловие, публикация и комментарии В. Н. Чувакова // Литературное наследство. — 1988. — Т. 95. — С. 966—967.

4. *Кондурушкин С. С.* Из скитаний по Сирии / С. С. Кондурушкин // Русское богатство. — 1902. — № 9. — С. 235—266.

5. *Кондурушкин С. С.* Terra incognita / С. С. Кондурушкин // Русская мысль. — 1903. — № 12. — С. 37—55.

6. РГАЛИ — *Российский* государственный архив литературы и искусства. Письма Михайловского Николая Константиновича к Кондурушкину С. С. 27 ноября 1902—[1900-е]. Ф. 231. Оп. 2. Ед. хр. 22.

7. ЦГИА СПб — *Центральный* государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Личное дело Степана Семеновича Кондурушкина. Ф. 14. Оп. 15. Д. 600.

Литература

1. *Биобиблиографический* указатель новейшей русской беллетристики (1861—1911) // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Издание 7. — Москва : Бр. А. и И. Гранат и Ко, 1911. — Т. 11. — С. 648.

2. *Богданов Д. Ф.* Православные школы в Южной Сирии в 1900—1901 учебном году / Д. Ф. Богданов // Сообщения ИППО. — 1902. — Т. 13, Выпуск 1. — С. 10—51.

3. *Владимирова С. М.* Ближневосточный хронотоп в прозе С. С. Кондурушкина рубежа XIX—XX веков : к постановке проблемы / С. М. Владимирова, С. А. Дубровская, Д. А. Дубровская // Филология : научные исследования. — 2021. — № 2. — С. 1—9. — DOI: 10.7256/2454-0749.2021.2.35012.

4. *Ельцова Е. Н.* Образ арабского Востока в путевой литературе Серебряного века / Е. Н. Ельцова // Исследовательский журнал русского языка и литературы. — 2020. — Т. 8. — № 1 (15). — С. 67—82.

5. *Короленко В. Г.* Избранные письма : в 3 т. / В. Г. Короленко. — Москва : Художественная литература, 1936. — Т. 3. — 280 с.

6. *Котельников В. А.* Ближний Восток в русских литературных отражениях 1750—1850 гг. / В. А. Котельников // Исследовательский журнал русского языка и литературы. — 2020. — Т. 8. — № 1 (15). — С. 11—33. — DOI: 10.29252/iarll.15.11.

7. *Миронов Г. М.* Елпатьевский Сергей Яковлевич / Г. М. Миронов, М. Г. Миронова // Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь / главный редактор П. А. Николаев. — Москва : Большая российская энциклопедия, 1992. — Т. 2. Г—К. — С. 228—230.

8. *Мулахи С.* Топос Египта в поэзии Серебряного века / С. Мулахи, Е. Н. Ельцова, С. М. Пинаев // Научный диалог. — 2021. — № 5. — С. 237—255. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-237-255.

9. *Намитокова З. А.* Египет и египтяне в русской литературе о странствиях (середина XIX — начало XX века) / З. А. Намитокова // Восток в русской литературе XVIII — начала XX века. Знакомство. Переводы. Восприятие. — Москва : ИМЛИ РАН, 2004. — С. 163—196. — ISBN 5-9208-0203-0.

10. *Осовский О. Е.* Имперская и постимперская парадигма в идеологии российского образования XVIII — первой трети XX века (к постановке проблемы) / О. Е. Осовский // Академический журнал Западной Сибири. — 2014. — № 4. — С. 96—97.

11. *Осовский О. Е.* Новаторы как архаисты / О. Е. Осовский, В. П. Киржаева // Русская литература. — 2019. — № 2. — С. 206—207. — DOI: 10.31860/0131-6095-2019-2-206-207.

12. *Раеф И.* Э. Али-заде и С. С. Кондурушкин / И. Раеф // Кросс-культурный оазис : актуальные тенденции развития арабской филологии в России / отв. ред. И. Е. Билык, В. А. Кузнецов. — Москва : ИВ РАН, 2020. — С. 21—30. — ISBN: 978-5-89282-997-7.

13. *Русский* травелог XVIII — начала XX веков : аннотированный указатель / под ред. Т. И. Печерской ; составители : А. А. Богодерова [и др.]. — Новосибирск : Немо Пресс, 2018. — 832 с. — ISBN 978-5-903978-95-3.

14. *Сарабьев А. В.* Заря исламистской проблематики Ближнего Востока : «Магометанское братство» в Сирии в начале XX в. / А. В. Сарабьев // Minbar. Islamic Studies. — 2019. — № 12 (3). — С. 665—688. — DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-3-665-688.

15. *Семенова М. А.* Образ Арабского Востока в русском общественном сознании второй половины XIX — начала XX веков : по материалам литературы путешествий : автореферат диссертации … кандидата исторических наук : 07.00.02 / М. А. Семенова. — Москва, 2013. — 27 с.

16. *Смиренский Б. В.* Кондурушкин С. С / Б. В. Смиренский // Краткая литературная энциклопедия / главный редактор А. А. Сурков. — Москва : Советская энциклопедия, 1962—1978. — Т. 3 : Иаков — Лакснесс, 1966. — Стб. 701.

17. *Хохлов А. Н.* Российские православные школы в Палестине и Сирии на рубеже XIX—XX вв. / А. Н. Хохлов // Восточный архив. — 2007. — № 16. — С. 20—28.

18. *Чуваков В. Н.* Кондурушкин Степан Семенович / В. Н. Чуваков // Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь / главный редактор П. А. Николаев. — Москва : Большая российская энциклопедия, 1994. — Т. 3. К—М. — С. 50—51.

19. *Alan M.* The Ottoman Empire and the Imperial Turn / M. Alan, C. M. Philliou // Comparative Studies in Society and History. — 2012. — Vol. 54. — № 4. — Pp. 721—745.

20. *Etkind A.* Internal Colonization : Russia's Imperial Experience 1st Edition / A. Etkind. — Oxford : Polity, 2011. — 264 p. — ISBN 978-0745651309.

Material resources

Kondurushkin, K. S. (1900). Greeks in Palestine and Syria. *Russian wealth, 9:* 168—196. (In Russ).

Kondurushkin, S. S. (1902). From wandering in Syria. *Russian Publishing House, 9:* 235—266. (In Russ).

Kondurushkin, S. S. (1903). Terra incognita. *Russian Thought, 12:* 37—55. (In Russ).

Kondurushkin, S. S. — Gorky. Odessa 11 <24> December / Correspondence with S. S. Kondurushkin. Preface, publication and comments by V. N. Chuvakov. (1988). *Literary heritage, 95:* 966—967. (In Russ).

RGALI — *The Russian State Archive of Literature and Art. The letter of Mikhailovsky Nikolai Konstantinovich to Kondurushkin S. S. November 27, 1902 — [1900s]. F. 231. Op. 2. Ed. hr. 22.* (In Russ).

The Imperial Orthodox Palestinian Society and its activities over the past quarter of a century (1882—1907): a historical note compiled by the order of the Council of the Society by Prof. A. A. Dmitrievsky, VIII. (1907). St. Petersburg: V. F. Kirshbaum Printing House. 332 p. (In Russ).

TsGIA St. Petersburg. — *The Central State Historical Archive of St. Petersburg. Personal file of Stepan Semenovich Kondurushkin. F. 14. Op. 15. D. 600.* (In Russ).

References

Alan, M., Philliou, C. M. (2012). The Ottoman Empire and the Imperial Turn. *Comparative Studies in Society and History, 54 (4):* 721—745.

Biobibliographic index of the latest Russian fiction (1861—1911). (1911). In: *Encyclopedic Dictionary of the Russian Bibliographic Institute of Pomegranates. Edition 7, 11.* Moscow: Br. A. and I. Granat and Co. P. 648. (In Russ).

Bogdanov, D. F. (1902). Orthodox schools in Southern Syria in the 1900—1901 academic year. *Messages of the IPPO, 13 (1):* 10—51. (In Russ).

Chuvakov, V. N. (1994). Kondurushkin Stepan Semyonovich. In: *Russian writers 1800—1917. Biographical Dictionary, 3. K-M.* Moscow: The Great Russian Encyclopedia. 50—51. (In Russ).

Eltsova, E. N. (2020). The image of the Arab East in the travel literature of the Silver Age. *Research Journal of the Russian Language and Literature, 8/1 (15):* 67—82. (In Russ).

Etkind, A. (2011). *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience 1st Edition.* Oxford: Polity. 264 p. ISBN 978-0745651309.

Khokhlov, A. N. (2007). Russian Orthodox schools in Palestine and Syria at the turn of the XIX—XX centuries. *Vostochny Archive, 16:* 20—28. (In Russ).

Korolenko, V. G. (1936). *Selected letters: In 3 volum, 3.* Moscow: Khudozhestvennaya literature. 280 p. (In Russ).

Kotelnikov, V. A. (2020). The Middle East in Russian literary reflections of 1750—1850. *Research Journal of the Russian Language and Literature, 8/1 (15):* 11—33. DOI: 10.29252/iarll.15.11. (In Russ).

Mironov, G. M., Mironova, M. G. (1992). Elpatyevsky Sergey Yakovlevich. Russian writers 1800—1917. In: *Biographical Dictionary, 2.* Moscow: Great Russian encyclopedia. 228—230. (In Russ).

Mulahi, S., Eltsova, E. N., Pinaev, S. M. (2021). Topos of Egypt in Poetry of Silver Age. *Nauchnyi dialog, 5:* 237—255. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-237-255. (In Russ). 37-255.

Namitokova, Z. A. (2004). Egypt and the Egyptians in Russian literature about wanderings (late XIX — early XX century). In: *The East in Russian literature of the XVIII — early XX century. Acquaintance. Transfers. Perception.* Moscow: IMLI RAS. 163—196. ISBN 5-9208-0203-0. (In Russ).

Osovsky, O. E. (2014). The Imperial and post-imperial paradigm in the ideology of Russian education of the XVIII — first third of the XX century (towards the formulation of the problem). *Academic Journal of Western Siberia, 4:* 96—97. (In Russ).

Osovsky, O. E., Kirzhaeva, V. P. (2019). Innovators as Archaists. *Russian literature, 2:* 206—207. DOI: 10.31860/0131-6095-2019-2-206-207. (In Russ).

Pechersk, T. I. (ed.). (2018). *Russian travelogue of the XVIII — early XX centuries: an annotated index.* Novosibirsk: Nemo Press. 832 p. ISBN 978-5-903978-95-3. (In Russ).

Raef, I. (2020). E. Ali-zade and S. S. Kondrushkin. In: *Cross-cultural OA-a ZIS: current trends in the development of Arabic Philology in Russia.* Moscow: IV RAS. 21—30. ISBN: 978-5-89282-997-7. (In Russ).

Sarabi, A. B. (2019). Dawn Islamic issues in the Middle East: "MA-gametangia brotherhood" in Syria in the early twentieth century. *Minbar. Islamic Studies, 12 (3):* 665—688. DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-3-665-688. (In Russ).

Semenova, M. A. (2013). *The image of the Arab East in the Russian public consciousness of the second half of the XIX — early XX centuries: based on the materials of travel literature.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 27 p. (In Russ).

Smirensky, B. V. Kondurushkin S. S. (1966). *Brief literary encyclopedia, 3.* Moscow: The Soviet Encyclopedia. Stb. 701. (In Russ).

Vladimirova, S. M., Dubrovskaya, S. A., Dubrovskaya, D. A. (2021). The Middle Eastern chronotope in the prose of S. S. Kondurushkin of the turn of the XIX—XX centuries. To the formulation of the problem. *Philology: scientific research, 2:* 1—9. DOI: 10.7256/2454-0749. 2021.2.35012. (In Russ).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Кудряшов И. В. О чем взывают «повешенные вниз головою» Николая Клюева? (Об одной поэтической эпитафии жертвам белого террора) / И. В. Кудряшов, С. Н. Пяткин // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 185—206. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-185-206.

Kudryashov, I. V., Pyatkin, S. N. (2021). What is Nikolai Klyuev's "Hung Upside Down" Crying for? (On Poetic Epitaph to Victims of White Terror). *Nauchnyi dialog, 8:* 185-206. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-185-206. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-185-206

О чем взывают «повешенные вниз головою» Николая Клюева? (Об одной поэтической эпитафии жертвам белого террора)

Кудряшов Игорь Васильевич
orcid.org/0000-0001-7022-3830
ResearcherID J-7391-2019
доктор филологических наук,
доцент, профессор кафедры
русского языка и литературы
kiv.arz@yandex.ru

Пяткин Сергей Николаевич
orcid.org/0000-0002-8659-7543
ResearcherID J-9796-2016
доктор филологических наук,
профессор,
профессор кафедры
русского языка и литературы
nikolas_pyat@mail.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского,
Арзамасский филиал
(Арзамас, Россия)

What is Nikolai Klyuev's "Hung Upside Down" Crying for? (On Poetic Epitaph to Victims of White Terror)

Igor V. Kudryashov
orcid.org/0000-0001-7022-3830
ResearcherID J-7391-2019
Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor, Department of Russian
Language and Literature
kiv.arz@yandex.ru

Sergey N. Pyatkin
orcid.org/0000-0002-8659-7543
ResearcherID J-9796-2016
Doctor of Philology, Professor,
Professor, Department of Russian
Language and Literature
nikolas_pyat@mail.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod,
Arzamas Branch
(Arzamas, Russia)

© Кудряшов И. В., Пяткин С. Н., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблемам историко-культурного комментария, а также истолкования идейно-образного содержания и жанровой атрибуции стихотворения Н. А. Клюева «Повешенным вниз головою…», созданного поэтом в вытегорский период жизни (1918—1922). Анализ показал, что факты вытегорской жизни Клюева времени создания «Повешенным вниз головою…» и глубоко переживаемый поэтом страх подвергнуться жестокой казни подвигли его к литературному увековечению памяти жертв белого террора, принявших мученическую смерть через повешение в годы гражданской войны. Авторы исследования приходят к выводу, что отсылки к Библии и стихотворению Л. И. Пальмина «Requiem» позволяют отнести это произведение Клюева к одному из самых пламенных сочинений поэта той поры, призывающих живых к самоотверженному служению идеалам пролетарской революции, и идентифицировать его жанровую принадлежность как литературную эпитафию жертвам белого террора, выделяющуюся своей монументальностью и вневременностью содержащегося в нем ценностного посыла потомкам. Авторы статьи убеждены, что несостоявшаяся попытка Клюева републикации стихотворения «Повешенным вниз головою…» в 1927 году выдает в поэте, переживающем обвинения критиков в контрреволюционном содержании произведений, стремление продемонстрировать преемственность позднего творчества с его «коммунарским» прошлым.

Ключевые слова:
Н. А. Клюев; А. А. Вермишев; Л. А. Пальмин; белый террор; эпитафия; литературная традиция; библейская традиция; мифопоэтика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the problems of historical and cultural commentary, as well as the interpretation of the ideological-figurative content and genre attribution of N. A. Klyuev's poem "Hung upside down...", created by the poet during the Vytegorsk period of his life (1918—1922). The analysis showed that the facts of Klyuev's Vytegorsk life at the time of his creation "Hung upside down..." and the poet's deeply felt fear of being subjected to a cruel execution prompted him to literally perpetuate the memory of the victims of the White Terror who were martyred by hanging during the Civil War. The authors of the study come to the conclusion that references to the Bible and L. I. Palmin's poem "Requiem" make it possible to attribute this work of Klyuev to one of the most ardent works of the poet of that time, calling on the living to selflessly serve the ideals of the proletarian revolution, and to identify its genre as a literary epitaph to the victims of the White Terror, which stands out for its monumentality and the timelessness of its valuable message to descendants. The authors of the article are convinced that the failed attempt by Klyuev to republish the poem "Hung upside down..." in 1927 betrays the poet, who is experiencing criticism of the counter-revolutionary content of his works, a desire to demonstrate the continuity of his later work with his "communard" past.

Key words:
N. A. Klyuev; A. A. Vermishev; L. A. Palmin; white terror; epitaph; literary tradition; biblical tradition; mythopoetics.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 821.161.1Клюев.07

О чем взывают «повешенные вниз головою» Николая Клюева? (Об одной поэтической эпитафии жертвам белого террора)

© Кудряшов И. В., Пяткин С. Н., 2021

1. Вводные замечания (О научной несостоятельности «опыта комментария» на картах Таро)

Стихотворение Николая Клюева «Повешенным вниз головою…» вошло в состав сборника поэта «Львиный хлеб», опубликованного в московском издательстве «Наш путь» в 1922 году. Произведения, собранные в этой книге, не были датированы поэтом и создавались им в период пребывания в Вытегре, куда он переехал из деревни Рубцово весной 1918 года, вскоре после смерти отца. Американский исследователь творчества поэта М. Мейкин справедливо называет книгу «Львиный хлеб» «главным, итоговым поэтическим “высказыванием”» поэта вытегорского периода творчества и указывает, ссылаясь на датировку текстов в книге «Сердце Единорога» (1999) [СЕ], на примерные сроки создания клюевских текстов: «Все написаны между 1919 и 1921 годами» [Мейкин, 2005, с. 173]. Российский ученый С. И. Субботин несколько точнее обозначает срок готовности рукописи книги «Львиный хлеб» — «Июнь (?), не ранее» 1921 года [ВС, с. 798]. Точная датировка создания произведений, составивших сборник «Львиный хлеб», имеет значение как для уяснения времени написания интересующего нас стихотворения «Повешенным вниз головою…», так и для осмысления идейно-художественного замысла и жанровой атрибуции этого клюевского текста, о чем речь пойдет ниже в связи с анализируемыми событиями из вытегорской жизни поэта.

Исследователи творчества Николая Клюева, как правило, обходили вниманием стихотворение «Повешенным вниз головою…», ограничиваясь лишь указанием на превалирующее в произведении авторское настроение безысходности [Азадовский, 2002, с. 177] или же на содержащиеся в нем «сюрреалистические образы», рожденные «страхом перед одиночеством» и характеризующие «амбивалентность» чувственного мира поэта [Солнцева, 2000, с. 94—95]. Единственной на сегодняшний день попыткой (весьма, на наш взгляд, неудачной) осмыслить природу символизма и образности клюевского текста стала статья филолога и писателя Ю. П. Соловьева «“Иное царство” Николая Клюева. Опыт комментария к одному стихотворению». Автор этой публикации сопоставляет

CC BY

«символический стержень клюевского стихотворения с одной из фигур карт Таро — 12-м арканом, носящим название “Повешенный”» [Соловьев, 2000, с. 199]. Не отказывая Соловьеву в научной смелости, заметим, что необоснованность проводимого им сопоставления принадлежащих к разным и далеким культурным и историческим эпохам «повешенных» и, как следствие, научная несостоятельность выводов проявляются уже в том, что в отличие от 12-го аркана в стихотворении Клюева речь идет не об одном повешенном (если точнее, то подвешенном живом человеке), а о видящих сны казненных, принявших смерть через повешение вниз головою. Приводимые в публикации Ю. П. Соловьева доказательства литературной связи произведения Клюева с западноевропейской и отечественной оккультной литературой (в частности, сочинениями «Богемское Таро» Жерара Анкосса (Папюса), «Символы Таро: (старинная колода карт): философия оккультизма в рисунках и числах» П. Д. Успенского, а также книгой путевых очерков Е. П. Блаватской «Из пещер и дебрей Индии: Загадочные племена на “Голубых горах”. Дурбар в Лагоре», проповедующей существование в природе неизвестных науке оккультных сил) вне актуального историко-культурного контекста проясняют истоки символико-образного строя произведения Клюева «Повешенным вниз головою…» ровно настолько, насколько мог быть полезным для литературоведения в этом отношении самый простой расклад на картах Таро, используемый в мировых эзотерических практиках.

2. «Захлёстнутые за ноги» (Вытегорский смертный страх поэта)

Приведем целиком текст стихотворения Николя Клюева.

Повешенным вниз головою
Косматые снятся шатры
И племя с безвестной молвою
У аспидно-синей горы.

Там девушка тигру услада,
И отрок геенски двууд.
Захлестнутым за ноги надо
Отлить из кровинок сосуд.

В нем влага желёз, сочленений,
И с семенем клей позвонков…
Отрадны казненному сени
Незыблемых горных шатров.

CC BY

Смертельно пеньковой тропою
Достичь материнской груди…
Повешенных вниз головою
Трещоткою рифм не буди [СЕ, с. 489].

Уже с заглавной строки текста обращает на себя внимание способ смертной казни через повешение вниз головою. В отличие от самого распространенного в мире способа казни — повешения за шею, — при котором смерть наступает если не мгновенно (в результате перелома шейных позвонков под тяжестью тела), то на протяжении нескольких минут (в результате асфиксии), при повешении за ноги процесс умирания значительно затягивается, агония наступает только спустя несколько часов [Ушерович, 1933, с. 158—196]. Крайняя степень жестокости такого способа казни, сопряженного с непомерными муками осужденных на смерть, способствовала тому, что в России он никогда не применялся как крайняя мера судебного (законодательного) наказания даже за самые тяжкие преступления.

В Российском законодательстве наказание «повешением вниз головою» (или за ноги) встречается единожды применительно к погибшим дуэлянтам. В 1715 году при непосредственном участии императора Петра I был разработан «Воинский артикул», систематизировавший российские уголовно-правовые нормы и действовавший, как известно, вплоть до создания Сводов законов Российской империи. 139 воинский артикул «наижесточайше» запрещал «вызовы, драки и поединки». За нарушение этого запрета дуэлянтам полагалась смертная казнь через повешение за шею. Тела же погибших на поединках предписывалось вешать за ноги: «И ежели случится, что оба или один из них (дуэлянтов. — *И. К., С. П.*) в таком поединке останется, то их и по смерти за ноги повесить» [Артикул воинский …, 1735, с. 148]. Обращает на себя внимание тот факт, что даже Петр I, отличавшийся крайней жестокостью применения наказаний, повелевал вешать за ноги не живых, а исключительно тела уже умерших военных.

Но что же тогда могло навеять Клюеву тему для его стихотворения? Ответ на этот вопрос кроется в реалиях вытегорской жизни поэта. В свое время К. М. Азадовский в документально-биографическом очерке, посвященном Клюеву, обратил внимание на «явную перекличку» стихотворения «Повешенным вниз головою…» со строками письма поэта к В. С. Миролюбову, написанного осенью 1919 года в Вытегре, но какого-либо пояснения этой переклички исследователь в своей работе, к сожалению, не представил, ограничившись лишь указанием на имеющую место связь [Азадовский, 2002, с. 236]. Письмо Клюева к Миролюбову характеризует внутреннее состояние адресанта: его естественный и нескрываемый страх за свою

CC BY

жизнь и стремление во что бы то ни стало «защитить себя от неминуемой и *страшной* смерти с приходом белогвардейцев» в Вытегру: «Ах, слеза моя, горелая, пропащая! Белогвардейцы в нескольких верстах от Пудожа. *Страх смертный, что придут и повесят вниз головой и собаки обглодают лицо мне.* Так было без числа. Я ведь не комиссар — не уцелею <...> Приехал бы я в Москву, да проезд невозможен: нужно все “по служебным делам” — вот я и сижу на горелом месте и вою, как щенок шелудивый. И пропаду, как вошь под коростой, во славу Третьего Интернационала» [СД, с. 249] (здесь и далее курсив в цитатах наш. — *И. К., С. П.*).

В охваченной гражданской войной стране в самом разгаре белый террор, жертвами которого подчас становились не только сами участники вооруженного конфликта, но и сочувствующие советской власти мирные крестьяне, жены и дети красноармейцев [Ратьковский, 2017]. Ещё летом 1919 года белогвардейцы заняли деревню Куганаволок Водлозерской волости Пудожского уезда и продолжили наступление на расположенный в 70 верстах уездный центр Пудож. Навстречу им из Пудожа, расположенного в 100 верстах от Вытегры, вышел отряд красногвардейцев численностью 45 человек под командованием уездного военного комиссара Ф. С. Колотихина, который остановил продвижение белогвардейцев на границе Водлозерской волости. В течение всего лета 1919 года за Водлозеро шли упорные позиционные бои. Например, деревня Сердечкина Избушка, расположенная всего в 33 верстах от уездного города, несколько раз в течение этого времени переходила из рук в руки. В октябре 1919 года над Пудожем нависла реальная угроза сдачи, но город удалось отстоять и уже к концу месяца изгнать белогвардейцев за пределы Водлозерской волости [За Советскую Карелию …, 1963, с. 56—62]. Вероятнее всего, письмо к Миролюбову было написано Клюевым в октябре 1919 года (в дни, когда решалась судьба Пудожа), а утверждение поэта, что «белогвардейцы в нескольких верстах от Пудожа», не так далеко от правды, если помнить, что в условиях продолжительных позиционных боев разведывательные отряды белогвардейцев могли быть замечены в пригороде уездного центра. Из воспоминаний В. А. Соколова, младшего современника и земляка поэта, известно, что в те дни, когда белогвардейцы подступали к Пудожу, «Клюев провожал пламенной речью вытегорский красноармейский отряд на бой с врагами» [ВС, с. 238], следовательно, поэт был информирован о нависшей над Пудожем опасности. И эта тревожная ситуация, по всей видимости, нагнеталась слухами о неизбежной сдаче города, распространившимися среди вытегорских обывателей.

Страх смерти от рук белогвардейцев, овладевший поэтом осенью 1919 года в Вытегре, подкреплялся еще и известиями о массовых жестоких расправах с сочувствующим советской власти мирным населением, проис-

CC BY

ходивших весной этого же года в стране, в том числе и в расположенном неподалеку Олонце после его захвата отрядами белофиннов: «24 апреля 1919 г. белофинские отряды “Олонецкой добровольческой армии” после боя захватили Олонец. Происходили массовые расправы с пленными. Например, известен расстрел 27 раненых красноармейцев в больнице г. Олонец. Расстрелы подтверждались актом медперсонала больницы. Расстреливались жены и дети красноармейцев... Всего в городе расстреляно более 60 человек, по уезду более 200 человек» [Ратьковский, 2017, с. 232]. О фактах белого террора — массовых показательных расстрелах и повешениях — так же, как и о гибели отдельных героев войны, периодически сообщали общероссийские и губернские газеты большевистской направленности той поры, которые Клюев, в то время являвшийся членом вытегорской организации РКП(б) и принимавший «в ее работе самое активное участие» [Азадовский, 2002, с. 158], не мог не читать.

Обратимся еще раз к уже упомянутому письму поэта к Миролюбову 1919 года. Объяснение Клюевым своего страха казни через повешение вниз головой подкреплено, с его точки зрения, весомым и убийственным аргументом: «*Так было без числа. Я ведь не комиссар — не уцелею*» [СД, с. 249]. Опасения поэта, в то время бывшего членом партии большевиков, активно занимавшимся агитационно-пропагандистской работой, подвергнуться репрессии со стороны белогвардейцев имели под собой серьезное основание. В отличие от комиссаров, входящих в состав воинского формирования, «красный агитатор» Клюев был штатским и не имел возможности отступить из города вместе с красногвардейцами, под их защитой, чтобы «уцелеть» и избежать неминуемой жестокой расправы. Массовые репрессии и казни в период гражданской войны, заметим, с обеих конфликтующих сторон, были явлением распространенным повсеместно. Но тот способ казни, которого смертельно боялся Клюев, даже в условиях братоубийственной войны, никак нельзя назвать массовым, а наоборот — единичным, из ряда вон выходящим проявлением неоправданной жестокости, зверства непримиримых участников гражданского кровопролития. Так, в недавно увидевшем свет исследовании И. С. Ратьковского «Хроника белого террора в России: репрессии и самосуды (1917—1920 гг.)», систематизировавшем все сохранившиеся сведения масштабных расправ белых войск, содержится упоминание лишь одного факта казни через повешение вниз головою, состоявшейся 31 августа 1919 года во время прорыва конницы Мамонтова к Ельцу над военкомом запасного пехотного батальона 13-й армии А. А. Вермишевым (1879—1919) [Ратьковский, 2017, с. 286]. Свою известность он получил как пролетарский поэт-коммунист, по одной из версий — автор ставшей популярной поэтической клятвы красноармейцев

CC BY

«Вперед, друзья, вперед…», опубликованной в газете «На фронт» в мае 1919 года, и ряда пьес, отражающих характер классовой борьбы того времени: «За правдой» (1908), «Праздник Сатаны» (1918) и «Красная правда» (1919), более известной по ее театральным постановкам как «Красные и белые» [ВИ, с. 5—15]. Некролог о зверски замученном мамонтовцами поэте-комиссаре Вермишеве, написанный его близким другом и сослуживцем Саркисом Лукашиным, был опубликован в «Еженедельнике “Правды”» (№ 12—13 от 12 октября 1919 года), в то время являвшемся органом Центрального комитета и Московского комитета и Московского губернского комитета РКП(б). Информация о героической смерти Александра Вермишева появляется и в других изданиях, как центральных, так и региональных. Некрологи А. А. Вермишеву были опубликованы, например, в общероссийском «Вестнике театра» (№ 38 от 21—26 октября 1919 года) и «Боевой правде» (№ 39 от 29 октября 1919 года). Но еще до публикаций в центральных периодических изданиях в газете «Известия» Орловского губернского и городского Советов (№ 462 от 20 сентября 1919 года) выходит небольшая информационная «корреспонденция о гибели красного комиссара А. Вермишева в гор. Ельце от рук банды Мамонтова»:

«31 августа политический комиссар Н-ского пехотного запасного батальона Н-ской армии А. Вермишев при защите г. Ельца от набега мамонтовских банд, удерживая с красноармейцами напор бандитов на станцию Елец, все время стоял в рядах красноармейцев, ободрял их словами и боевыми действиями. Бандиты окружили отряд красноармейцев, и тов. Вермишев был взят в плен. Тут же, на поле битвы, казаки избили тов. Вермишева до потери сознания нагайками, привязали к седлу и притащили в город к дому, где находился генерал Мамонтов.

Перед домом, занимаемым Мамонтовым, казаки подвергли тов. Вермишева жестокой казни: отрезали по частям пальцы, нос, уши и другие части тела. Потом повесили тов. Вермишева за ноги на заборе и после трехчасовой пытки изрубили шашками на части.

На все вопросы, задаваемые бандитами, тов. Вермишев ничего не отвечал и, когда увидел, что ему приходит конец, громко воскликнул: “Да здравствует Красная Армия и ее завоевания! Да здравствует власть Советов! Да здравствует тов. Ленин! Будьте прокляты, палачи…”.

В это время тов. Вермишеву был нанесен шашкой смертельный удар в голову. Тов. Вермишев, член Коммунистической партии, неустанно работал на пользу Революции среди красноармейцев и рабочих.

Ни одной минуты не проходило у него без дела. Он шел первым туда, где грозила наибольшая опасность, где слабые товарищи нуждались в поддержке или духовной помощи.

CC BY

Тов. Вермишев в свободное время писал стихи, помещая их в газете “Красная звезда”, написал пьесу “Красная правда” в четырех частях. Так погиб смертью мученика истинный борец за лучшее будущее трудящихся, честный коммунист, человек с отзывчивой душой, незаурядный поэт-пролетарий» (цит. по: [Орловская губерния …, 1963, с. 131—132]).

Яркая жизнь и героическая смерть А. Вермишева уже в начале 20-х годов стали примером и символом самоотверженного служения идеалам революции, а имя казненного мамонтовцами поэта-большевика с кратким описанием его страшной гибели было увековечено в несколько раз переиздававшийся книге «Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917—1921 гг.» [ПБ, с. 119].

Скорее всего, Клюев и Вермишев не были лично знакомы. Вместе с тем существует целый ряд весомых косвенных свидетельств в пользу того, что поэт знал о трагической судьбе красного комиссара.

Так, в 1919 году В «Записках Передвижного Общедоступного театра» (№ 22/23) Клюев печатает направленную против проводимой властями политики уничтожения особо почитаемых в народе мощей святых статью «Самоцветная кровь», ответом на которую стала раздражительная, пресыщенная колкостями анонимная статья «Театр корявой бабки» в «Вестнике театра» (№ 36 за 7—12 октября 1919 года). В этом же номере журнала, который Клюев, без сомнения, прочел, содержится информация о театральной жизни Петербурга, где в ряду прочего сообщалось, что «в Революционном Рабочем героическом театре» под режиссерством А. Мгеброва усиленно репетируют пьесу «Красные и белые», которая пойдет для открытия сезона». «Вестник театра» помещал на своих страницах и информацию о театральной жизни в российской провинции, в том числе и городе Вытегра. В 50 номере «Вестника театра» от 29 января — 4 февраля 1920 года была помещена — опять-таки без авторской подписи — уничижительная по своему пафосу статья «Канун да ладан!..», рассказывающая о посвященном русскому народному искусству вступительном слове Николая Клюева («Медвежья цифирь»), которое предшествовало просмотру пьесы из современной революционной жизни «Мы победим», поставленной по произведению Азрова на сцене вытегорского красноармейского клуба «Свобода» [СД, с. 511]. Сам Клюев принимал самое активное участие в театральной жизни Вытегры, причем в самых разных ипостасях: автора пьес, режиссера-постановщика, театрального критика и даже актера [ВС, с. 235—257] — и, конечно же, внимательно следил за театральной жизнью молодой страны Советов, главным образом по публикациям в периодике — «Записках передвижного театра», где печатался сам еще с 1918 года, и «Вестнике театра», где печатали откровенно нелицеприятные, наполненные сарказмом статьи о нем. В промежутке между

CC BY

двумя разгромными для поэта статьями в «Вестнике театра» в 38 номере журнала от 21—26 октября была опубликована большая (в полразворота газетного листа) статья П. С. Когана «Красная Правда» о спектакле фронтовой студии Пролеткульта, следом за которой редактором был помещен уже упомянутый нами некролог А. А. Вермишеву, «автору “Праздника Сатаны”, “Белые и Красные”, “Красной Правды” и ряда других талантливых пьес, отражающих процесс пролетарской борьбы». Из этой публикации Клюев также мог почерпнуть информацию о творчестве Вермишева и некоторых обстоятельствах его ухода из жизни «во цвете лет ужасной, мучительной смертью». В данном отношении обратим внимание на еще одно важное, на наш взгляд, обстоятельство. Биограф поэта С. И. Субботин, анализируя газетные материалы Клюева вытегорского периода, выделил в них три тематические группы, одну из которых составили сочинения, что «посвящены бойцам революции» [Субботин, 1984, с. 144]. Из этого наблюдения ученого вполне следует, что Клюев той поры проявлял особый интерес к героическим личностям, чья жизнь обретала высокий смысл в жертвенном служении революционным идеалам, в чьих судьбах символической данностью отражалось нерасторжимое единство Голгофы и эшафота (см. критическое суждение В. Л. Львова-Рогачевского об отличительной особенности поэзии Клюева 1918—1919 годов: «Он сливает Голгофу с эшафотом, мученичество с мятежом, “братские песни” духоборов с марсельезой солнценосцев-революционеров…» [Львов-Рогачевский, 1919, с. 63]. Фигура казненного белогвардейцами Вермишева не только соответствовала ценностным ориентирам творческого сознания Клюева, но и, наверное, обладала для него определённой исключительностью: красный комиссар еще при жизни снискал себе славу революционного поэта, которая после его трагической гибели становилась ведущей силой в формировании образа бессмертия героя в народной памяти.

Острое понимание цены такого бессмертия, тягостные раздумья о жертвах белого террора, мучительный страх быть подвергнутым жестокой казни и, вместе с тем, твердая вера в революцию как «*великий красный пир воскресения*» [СД, с. 119] во многом, думается, и определяют у Клюева основную канву идейно-эмоционального содержания стихотворения «Повешенным вниз головою…», в котором отчетливо дает о себе знать жанровая традиция литературной эпитафии.

3. Увековечение Н. Клюевым памяти жертв белого террора (Эпитафия «Повешенным вниз головою…»)

Истинная глубина смыслов анализируемого клюевского текста, возникающая во многом за счет образно-метафорической насыщенности,

CC BY

наличия всевозможных отсылок и символов, открывается лишь только в библейском контексте. Исследователь Т. И. Пономарева, характеризуя этот контекст в творчестве Клюева вытегорского периода, справедливо указывает, что его «библейско-мифологическая образность … опирается одновременно на тексты Священного писания, на апокрифы, народно-утопические легенды и сказания. Её центром является Христос и символика распятия (сораспятия) — воскресения» [Пономарева, 1999].

В соответствии с эпитафической традицией монументальный текст «Повешенных вниз головою…» обращен к читающим эти стихотворные строки «прохожим» (к тем, чей земной путь еще не завершён) и призывает их не «будить» (не тревожить) спящих мёртвым сном казненных. Проводимое поэтом сравнение смерти с вечным (мёртвым, непробудным, последним) сном согласуется с православным (и шире — христианским) пониманием исхода земной жизни человека и восходит, как известно, к тексту из Ветхого Завета, в котором Господь предрекает гибель жителей Вавилона: «Во время разгорячения их сделаю им пир и упою их, чтобы они повеселились и заснули вечным сном, и не пробуждались» (Иерем. 51:39).

Образная система стихотворения выстроена Клюевым на развитии поэтического уподобления смерти со сном и легализованного этим сравнением художественного образа — сновидений «казненных через повешение вниз головою», которые они видят, находясь в Царстве Божием. Положение тел повешенных имеет ключевое значение: оно не только отсылает память к мученической смерти святого Петра, посчитавшего, что человек не достоин умереть так же, как Иисус Христос, но и служит важным знаком для осмысления символико-образного строя текста. Современный философ В. В. Петров, изучая ранние апокрифические произведения новозаветной литературы, убедительно доказывает, что «Мученичество Петра» «описывает земное существование падшего человека как жизнь “вниз головой” и следует в этом “Тимею” Платона. После изгнания из рая “опрокинутый” человек воспринимает окружающий мир в “зеркальной” перспективе, меняя правое на левое, истинное на ложное, то есть устанавливая ложные метафизические, эпистемологические и ценностные ориентиры» [Петров, 2020, с. 539]. Чтобы коренным образом изменить земной мир, человеку необходимо его «ещё раз перевернуть, поставить с головы на ноги. Подобное инвертирование является условием “возвращения домой” и вхождения в царство Божие» [Петров, 2020, с. 540]. Данная мысль, заложенная в «Мученичестве Петра», согласуется с взглядами Клюева той поры, с той лишь поправкой, что поэт, как и многие вдохновленные идеалами революции его соотечественники, мечтал об «инвертировании» отпавшей от Бога русской жизни с целью восстановления в ней «своей изначальной родины»

CC BY

[СД, с. 54] и обретения Царства Божия на земле. Эта идея Клюева стала доминирующим религиозным мотивом всего его раннего творчества [Кудряшов, 2012; Терешкина, 2019]. Таким образом, перевернутое (по отношению к обычному земному пребыванию людей) положение тел повешенных символизирует в клюевском тексте людей уже «обращенных», которые после принятой ими мученической смерти иначе (в перевернутом виде) воспринимают окружающий мир. Граница, разделяющая земной и загробный миры, для них открылась, давая им возможность созерцать Царство Божие, войти в которое им предстоит. Такое символическое значение «повешенных вниз головою» восходит к известным словам Иисуса Христа, сказанным им своим ученикам: «…истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18:3).

Картина рая, в который предстоит войти повешенным, символична: здесь у Клюева мы видим и расположенные у аспидно-синей горы (гора, как известно, символ горнего мира) роскошные простые жилища («*косматые шатры*»), и пребывающих друг с другом в мире и гармонии людей, разговаривающих на общем языке, который неизвестен земному миру по той причине, что в нем всегда есть место войнам и раздорам («*И племя с безвестной молвою*»). В воссоздаваемом поэтом раю красота и царящая во всем любовь искоренили даже природную вражду между хищными животными и человеком («*Там девушка тигру услада*»). В Царстве Небесном у Клюева, что согласуется с православной традицией, нашлось место и для грешника («*И отрок геенски двуд*»). Его символический образ также восходит к библейскому тексту, к Евангелию от Марка, где апостол призывает бояться соблазнов, чтобы не погубить душу: «И если соблазняет тебя рука твоя, отсеки ее: лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти в геенну, в огонь неугасимый, где червь их не умирает и огонь не угасает. И если нога твоя соблазняет тебя, отсеки ее: лучше тебе войти в жизнь хромому, нежели с двумя ногами быть ввержену в геенну, в огонь неугасимый, где червь их не умирает и огонь не угасает» (Мк. 9:43—46). Именно геенская «двуудость отрока» (а старинным словом *уд*, как известно, именовались не только детородные органы мужчин, но и другие части тела, такие как нога, рука, палец и пр.) (акцентируем внимание), пребывающего в Царстве Небесном, свидетельствует о том, что отрок как раз таки при жизни сохранил в целости свое ничем не примечательное тело, в отличие от изувеченной соблазном, но окончательно не погибшей души, что в конечном итоге и обусловило его пребывание в клюевском раю. Без учета библейского контекста прочтение образа «двуудого отрока» неизбежно сведётся исключительно к обнаружению патологии его сексуальной детерминации и ограничится возведением его в «символ гермафро-

CC BY

дита (или андрогина)» с соответствующей интерпретацией, как это уже было проделано Ю. П. Соловьевым в его, как нами уже отмечалось, крайне неудачном, но модном сегодня, вследствие затрагиваемой автором темы, «опыте комментария» стихотворения.

В силу особенностей жанра эпитафия непременно содержит обращение из мира живых в загробный мир (к усопшим) или же умерших к еще живым (читающим надпись прохожим), при этом «литературная эпитафия стремится к полному подобию реальной» [Николаев, 1989, с. 49]. Подводя итоги жизненного пути умерших, эпитафия тем самым увековечивает их в памяти еще живых и служит напоминанием им о краткосрочности жизненного пути и предстоящей смерти [Царькова, 1999, с. 5—57], при этом «содержательное напряжение (в сложных пространственных контурах жанра эпитафии. — *И. К., С. П.*) возникает на границе двух миров — земного и потустороннего» [Ложкова, 2018, с. 63].

Увековечивая память о жертвах белого террора, стихотворная эпитафия Клюева «Повешенным вниз головою…» обращена к миру живых. Вслед за картиной Царства Небесного, которое во снах лицезрят повешенные, следуют наставляющие строки о необходимости вечной памяти о перенесенных казненными смертных муках, сопоставимых с теми, которые во искупление грехов человечества испытал Иисус Христос. Здесь Клюев вновь прибегает к излюбленной религиозной символике. Отлитый из «кровинок» повешенных «сосуд», наполненный человеческими страданиями («*В нем влага желёз, сочленений, // И с семенем клей позвонков…*»), рождает аналогию с чашей (потиром), символизирующей «чашу страданий» Христа, восходящую к Его молению о чаше: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия» (Мф. 26:39). Во время богослужения в церкви потир используется для принятия верующими таинства Святого причастия (причащения): под видом вина, содержащегося в сосуде, верующий вкушает кровь Иисуса Христа «во оставление грехов и в жизнь вечную». Таинство причастия восходит к Тайной вечере, во время которой Христос, указывая на преломленный хлеб и вино, сказал, что это и есть Его Тело и Его Кровь (Мф. 26:26—28). Причастие к страданиям жертв белого террора — это, по мнению Клюева, необходимое условие той искупительной жертвы, которую должен принести каждый живущий на пути к новой светлой жизни, понимаемой поэтом как обретение Царства Небесного на земле и жизни вечной. Такой путь «обращения» человека, открывающий ему путь в Царство Божие, сродни его возвращению к своим небесным истокам, что в стихотворении нашло воплощение в отрадном достижении казненными Царства Небесного («*сеней незыблемых горных шатров*» и «*материнской груди*»).

CC BY

К образу чаши и искупительной крови Клюев прибегает в опубликованной без подписи 18 декабря 1919 года в газете «Звезда Вытегры» некрологической статье «Скоро будет радость», написанной поэтом по поводу гибели 24 ноября на Нарвском фронте председателя Вытегорского Уездного Комитета Р.К.П. Василия Александровича Грошникова. В некрологе В. А. Грошникову, созданном в одно время с эпитафией жертвам белого террора «Повешенным вниз головою…», поэт использует сходные образы и символы. Так, образ жизни, которая «носится <…> в каком-то небывалом зловещем вихре» (цит. по: [Субботин, 1984, с. 143]), из некролога проясняет значение употребленного поэтом в эпитафии (по отношению к повешенным за ноги) девербатива «захлёстнутые», то есть повешенные, ставшие жертвами бушующей в стране гражданской войны.

Клюев в некрологе В. А. Грошникову акцентирует внимание на том, что пролитая погибшими борцами кровь священна и бесценна. Их гибель — это искупительная жертва ради общего блага («*Кровь его на нас и на детях наших...*») и «залог грядущей красной радости», которая понимается Клюевым в религиозном духе как обретение новой жизни через «воскресение», как скорое наступление Царства Божия на земле. В финальных строках некролога содержится обращенный к коммунистам призыв поэта быть достойным (в контексте проводимых автором аналогий то же, что и быть причастным, причаститься) «*огненной чаши*», наполненной страданиями и кровью падших товарищей: «*Коммунисты, будьте достойны огненной чаши!*» [Субботин, 1984, с. 144]. Попутно заметим, что в русской литературе сходный образ «огненной чаши страданий», символизирующий ужас ожидания и боль страданий, был использован, например, А. И. Герценом в заметке «Зарево», опубликованной в 137 номере журнала «Колокол» от 22 июня 1862 года, а затем он был перенесен им в текст романа «Былое и думы»: «Что за огненная чаша страданий идет мимо нас? Огонь ли это безумного разрушения, кара ли, очищающая пламенем?» [ГСС, с. 122]. Однако «огненная чаша» Клюева (восходящая, как нами уже было отмечено, к «чаше страданий» Христа) символизирует не только мученичество падших героев гражданской войны, но и вечную память о погибших, которая придает живым мудрости и крепости душевных сил. Это значение у символа возникает вследствие того, что образ «огненной чаши» в некрологе, как и образ вылитого из кровинок «сосуда» в эпитафии, отсылают память читателя и к другому библейскому образу — «чаше», наполненной до краев «как бы водою, но цвет того был подобен огню» из «Третьей книги Ездры» (3 Ездр. 14:39). Содержимое этой таинственной чаши, цветом напоминающее огонь, преображает Ездру: «И взял я и пил; и когда я пил, сердце мое дышало разумом и в груди моей возрастала мудрость, ибо дух мой под-

CC BY

креплялся памятью» (3 Ездр. 14:40). Символическое значение вылитого из кровинок «сосуда», возникающее благодаря библейским отсылкам, выступает в эпитафии «Повешенным вниз головою…» посылом, обращенным из загробного мира в мир земной, позволяющим уверенно идентифицировать жанровую принадлежность этого произведения Клюева.

Образ чаши для причастия становится лейтмотивом лирики Клюева периода революции и гражданской войны. Сохраняя его основное религиозное символическое значение, поэт придает ему разные смысловые оттенки. Так, в «Красной песне» (1917) «чаша с кровью» символизирует людское горе и страдания, которые необходимо претерпеть, и становится главным атрибутом предстоящего таинства всемирного причастия:

Верьте ж, братья, за черным ненастьем
Блещет солнце — Господне окно;
Чашу с кровью — всемирным причастьем,
Нам испить до конца суждено [СЕ, с. 353].

В стихотворении «Из подвалов, из темных углов…», осмысливая сущность происходящих в стране революционных событий 1917 года, поэт вновь прибегает к образу «Спасовой чаши», акцентируя внимание на спасительной цели революции, воспринимаемой им как таинство всеобщего причастия:

Из подвалов, из темных углов,
От машин и печей огнеглазых
Мы восстали могучей громов,
Чтоб увидеть всё небо в алмазах,
Уловить серафимов хвалы,
Причаститься из Спасовой чаши! [СЕ, с. 362].

Характерное для Клюева восприятие событий Октябрьской революции как происходящего таинства всемирной евхаристии, результатом которой, по убеждению поэта, должно стать обретение духовного братства между народами, нашло отражение и в его «Песне Солнценосца» (1917), в которой из «металлов пластов» отливается соответствующий грандиозному масштабу предстоящего события потир невиданных размеров:

В потир отольются металлов пласты,
Чтоб солнца вкусили народы-Христы.
О демоны-братья, отпейте и вы
Громовых сердец, поцелуйной молвы! [СЕ, с. 363—364].

CC BY

Завершает эпитафию Клюева «Повешенным вниз головою…», как нами уже было отмечено, характерный для жанра призыв к живущим не тревожить покой спящих вечным сном казненных: «*Повешенных вниз головою // Трещоткою рифм не буди*». В этих строках, обращенных к живым, содержится очевидная реминисценция из стихотворения Л. И. Пальмина «Requiem» (1865), где также звучит призыв к живущим проникнуться в тишине глубоким уважением к «павшим борцам» и довести «под знаменем тех же идей» начатый ими бой до победного конца:

Не плачьте над трупами павших борцов,
Погибших с оружьем в руках,
Не пойте над ними надгробных стихов,
Слезой не скверните их прах!

Не нужно ни гимнов, ни слез мертвецам,
Отдайте им лучший почет:
Шагайте без страха по мертвым телам,
Несите их знамя вперед! [ПД, с. 410].

«Requiem» Л. И. Пальмина — вершинное в его творчестве произведение. Уже в 70-е годы оно стало популярным и прочно «вошло в революционный репертуар» [ПД, с. 750]. В начале XX века, до и после революционных событий в России, «Requiem» неоднократно перелагался на музыку, а в годы гражданской войны стихотворные строки из него (с разными незначительными вариациями легкоузнаваемого первоначального текста) использовались в качестве неофициальной клятвы «борцов революции», одна из которых была помещена за подписью Г. Русакова в 3-м издании биографического справочника «Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917—1921 гг.» [ПБ, с. IV].

Призыв Клюева в эпитафии не петь гимнов казненным борцам согласуется с жанром произведения: как и надписи на могильных памятниках, текст клюевского произведения рассчитан на чтение «прохожим» (читателем) в тишине, в отличие от громогласного прославления погибших героев в гимнах.

4. Заключение («Трещоткою рифм не буди»)

Не исключено, что одним из возможных источников клюевского произведения выступает «Рассказ о семи повешенных» Л. Андреева (1908), который в отечественной словесности начала XX века обрел твердую репутацию «культового текста». В этой повести описываются последние дни приговорённых к смертной казни. Оказавшись перед лицом неизбежной смерти, все герои

CC BY

(каждый по-своему) борются с изнуряющим страхом перед ней и, пройдя через мучительные «нравственно-психические страдания», предстают в финале, за исключением потерявшего рассудок Янсона, победившими чувство страха, что «становится своеобразным маркером истинной жизни, ее ценностей, итогов» [Петрушкова, 2012, с. 97]. Вполне вероятно, что и переживания героев Л. Андреева, и сама тема казненных, принявших мученическую смерть на виселице во имя светлых идеалов революции, творчески преломляются в художественном сознании клюевского текста, особенно если в данном случае делать акцент на теме казни как распятии; см. подробнее: [Шишкина, 2018].

Кстати сказать, в Вытегре в двадцатые годы местный театр «показал … многие пьесы Островского и Чехова, труппа Домпросвета — инсценировку “Рассказа о семи повешенных” и “Савву” Леонида Андреева» [Азадовский, 2002, с. 179]. Скорее всего, постановка андреевской повести в Вытегре состоялась после выхода в свет книги Николая Клюева «Львиный хлеб» и прямой связи между сценическим представлением «Рассказа о семи повешенных» и стихотворением «Повешенным вниз головою…» нет. Вместе с тем этот факт свидетельствует о широкой популярности произведения Л. Андреева в первые мирные годы молодого советского государства. По мотивам повести был снят фильм, который вышел на экраны в 1924 году. Спустя четыре года, в декабре 1928 года, он был изъят из проката, в том числе (и, думается, главным образом) из-за своего несоответствия новым идеологическим установкам большевистской власти [Кино …, 1987, с. 481]. Такая же участь постигла и произведения Л. Андреева, издания которых в СССР прервутся на четверть века [Чуваков, 1990]. И в целом в обновленном идеологическом дискурсе 20—30-х годов начала господствовать тенденция тотального маркирования и отнюдь не условного деления деятелей культуры и искусства на «своих» и «чужих», которая жёстко определяла границы и формы «литературного ландшафта» Советской России. Николай Клюев стал одним из первых крупных художников слова, кто испытал на себе изменившиеся правила и приемы литературной борьбы.

«В 1927 году, в первом номере ленинградского журнала “Звезда”, появилась знаменитая поэма Клюева — “Деревня”. Как ее пропустила цензура — одному Богу известно. Но она появилась. На следующий день в “Вечерней Красной Газете” громили поэта за контрреволюционное кулацкое выступление, редакцию журнала “обновили”, о поэте завели дело в ГПУ... Испуганный журнал попытался как-то отыграться: спешно заказал Клюеву агитационно-плакатный бодрячок о пионерии и комсомолии: “Мой красный галстук так хорош...”. В пятой книге журнала и появилась эта “Юность” — жалчайшая попытка поэта приспособиться, редакции журнала — оправдаться...» [Филиппов, 1990, с. 138].

CC BY

Оставляя на будущее полемику о художественной ценности клюевской «Юности», внесем в процитированный текст одно принципиальное уточнение, связанное с историей публикации стихотворения о «красном галстуке». Дело в том, что изначально поэт предпринимал попытки напечатать его в той же «Вечерней Красной газете», что, с одной стороны, становилось бы адресным ответом критикам, разгромившим поэму «Деревня», а с другой, сам факт публикации в этом издании (печатном органе ВКП(б)) оказывался бы демонстрацией лояльности к Клюеву со стороны партии большевиков. И самое главное: для поэта было важным, чтобы «Юность» появилась в одном номере со стихотворением «Повешенным вниз головою…», о чем он и просит в письме к редактору газеты П. И. Чагину, при этом лаконично поясняя свое пожелание: «*они скорей бы запомнились*» [ВС, с. 749]. В «Красной газете» эти стихи так и не появились, а в журнале «Звезда» была напечатана только «Юность». И на сегодняшний день неизвестно, обращался ли Клюев с аналогичной просьбой в редколлегию «Звезды».

Клюевское пояснение к необходимости одновременной газетной публикации двух произведений, созданных в разные периоды творчества поэта, по сути, служит авторской репрезентацией этих текстов как своеобразного лирического диптиха. И мысль, объединяющая совершенно отличные друг от друга по своим идейно-художественным свойствам стихотворения, актуализируется в смысловом поле их причинно-следственной связи, поэтому для Клюева не имеет значения печатный порядок текстов. При любой их очередности неизменной будет следующая идея: жертвенный подвиг красных бойцов революции, прошедших сквозь ад белого террора, что увековечено в эпитафии «Повешенным вниз головою…», является единственным залогом торжества юности и мирной жизни, воспеваемого поэтом в позднем стихотворении. В русле этой идеи сами по себе образуются межтекстовые переклички природоморфных метафор, подспудно возникает ощущение кровного родства трагической судьбы казненных (повешенных) с искупительной жертвой Христа и рождается восприятие «красного галстука» как символа Крещения в советской республике… И, конечно же, ясно обозначается преемственность позднего Клюева с его «коммунарским» прошлым, в чем, на наш взгляд, и заключался замысел поэта напечатать в одном номере газеты «Повешенных вниз головою…» и «Юность». И для этого, спешно настраивая «трещотку рифм», Клюев сознательно поступался собственными поэтическими императивами.

Источники и принятые сокращения

1. ВИ — *Вермишев А. А.* Избранное / А. А. Вермишев ; [вступ. статья Л. Озерова ; сост. и подгот. текста Т. Л. Аверьяновой, Л. К. Кувановой]. — Москва : Художественная литература, 1977. — 381 с.

2. ВС — *Николай* Клюев : воспоминания современников / [вступ. ст. Л. А. Киселева; сост. П. Е. Поберезкина]. — Москва : Прогресс-Плеяда, 2010. — 886 с.

3. ГСС — *Герцен А. И.* Собрание сочинений : в 30 т. Т. 16. Статьи из «Колокола» и другие произведения 1862—1863 годов / А. И. Герцен. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. — 529 с.

4. *За Советскую* Карелию. 1918—1920 : Воспоминания о гражданской войне : [Сборник статей] / ред. В. И. Мазешерский. — Петрозаводск : Карел. кн. изд-во, 1963. — 535 с.

5. *Кино* : энциклопедический словарь / гл. ред. С. И. Юткевич. — Москва : Советская энциклопедия, 1987. — 640 с.

6. *Орловская* губерния в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. (1918—1920 гг.) : сборник документов и материалов. — Орел : Орловское кн. изд-во, 1963. — 295 с.

7. ПБ — *Памятник* борцам пролетарской революции, погибшим в 1917—1921 гг. : [биографический справочник] / сост. Л. Лежава, Г. Русаков. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1925. — 779 с.

8. ПД — *Поэты-демократы* 1870—1880-х годов : [сборник] / вступ. ст. Б. Л. Бессонова. — [Ленинград] : Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1968. — 784 с.

9. СД — *Клюев Н. А*. Словесное древо. Проза / Н. А. Клюев ; вступ. ст. А. И. Михайлова; сост. В. П. Гарнин. — Санкт-Петербург : Росток, 2003. — 688 с.

10. СЕ — *Клюев Н. А*. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Н. А. Клюев ; пред. Н. Н. Скатова, вступ. ст. А. И. Михайлова; сост. В. П. Гарнин. — Санкт-Петербург : РХГИ, 1999. — 1072 с.

Литература

1. *Азадовский К. М.* Жизнь Николая Клюева : документальное повествование / К. Азадовский. — Санкт-Петербург : Изд-во журн. Звезда, 2002. — 368 с.

2. *Артикул* воинский : с кратким толкованием / Напечатася повелением ея императорскаго величества. — 2-м тиснением. — Санкт-Петербург : При Имп. Акад. наук, 1735. — 255 с.

3. *Кудряшов И. В.* О доминирующем религиозном мотиве ранней лирики Николая Клюева / И. В. Кудряшов, С. Н. Пяткин // Мир науки, культуры, образования. — 2012. — № 6 (37). — С. 78—81.

4. *Ложкова А. В.* Литературная эпитафия: проблема жанровой специфики / А. В. Ложкова // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. — 2018. — № 4. — С. 56—64.

5. *Львов-Рогачевский В. Л.* Поэзия новой России. Поэты полей и городских окраин / В. Л. Львов-Рогачевский. — Москва : Книгоиздательство писателей в Москве, 1919. — 192 с.

6. *Мейкин М.* «Вытегорский» сборник Николая Клюева «Львиный хлеб» / М. Мейкин [Klyuev's "Vytegra" Collection "Lion's Bread"] // Вытегра: Краеведческий альманах. — Вологда : ВГПУ, Русь, 2005. — Вып. 3. — С. 171—184.

7. *Николаев С. И.* Проблемы изучения малых стихотворных жанров. (Эпитафия) / С. И. Николаев // XVIII век. Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Сборник 16. — Ленинград : Наука, 1989. — С. 44—55.

8. *Петров В. В.* Опрокинутый человек «Тимея» Платона в апокрифических «Мученичестве Петра» и «Мученичестве Филиппа» / В. В. Петров // Schole. Философское антиковедение и классическая традиция. — 2020. — Т. 14, № 2. — С. 535—566. — DOI: 10.25205/1995-4328-2020-14-2-535-566.

9. *Петрушкова Е. С.* Мотив ужаса в прозе Леонида Андреева / Е. С. Петрушкова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2012. — № 3 (19). — С. 90—98.

10. *Пономарева Т. А.* Проза Николая Клюева 20-х годов [Электронный ресурс] / Т. Пономарева. — Москва : Прометей, 1999. — 136 с.

11. *Ратьковский И. С.* Хроника белого террора в России: репрессии и самосуды (1917—1920 гг.) / И. С. Ратьковский. — Москва : Алгоритм, 2017. — 463 с.

12. *Солнцева Н. М.* Странный эрос : Интимные мотивы поэзии Николая Клюева / Н. М. Солнцева. — Москва : Элликс Лак, 2000. — 128 с.

13. *Соловьев Ю. П.* «Иное царство» Николая Клюева. Опыт комментария к одному стихотворению / Ю. П. Соловьев // Контекст-NONA. Литературно-философский альманах. Выпуск 6. — Москва : Контекст-9, 2000. — С. 199—219.

14. *Субботин С. И.* Проза Николая Клюева в газетах «Звезда Вытегры» и «Трудовое слово» (1919—1921 годы). Вопросы стиля и атрибуции / С. И. Субботин // Русская литература. — 1984. — № 4. — С. 136—150.

15. *Терешкина Д. Б.* Евангельские образы и мотивы в первой книге «Братских песен» Николая Клюева / Д. Б. Терешкина // Проблемы исторической поэтики. — 2019. — Т. 17, № 1. — С. 94—107. — DOI: 10.15393/j9.art2019.5861.

16. *Ушерович С. С.* Смертные казни в царской России: к истории казней по политическим процессам с 1824 по 1917 год / С. С. Ушерович. — Харьков : Всеукр. совет о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. — 503 с.

17. *Филиппов Б. А.* Николай Клюев : Материалы для биографии / Б. А. Филиппов // Клюев Н. А. Сочинения : в 2 т. Т. 1. — München : A. Neimanis Buchvertrieb und Verlag, 1969. — С. 7—156.

18. *Царькова Т. С.* Русская стихотворная эпитафия XIX—XX веков : Источники. Эволюция. Поэтика / Т. С. Царькова. — Санкт-Петербург : Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. — 200 с.

19. *Чуваков В. Н.* [Предисловие к комментариям] / В. Н. Чуваков // Андреев Л. Н. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1. Рассказы 1898—1903. — Москва : Художественная литература, 1990. — С. 583—586.

20. *Шишкина Л. И.* Название как ключ к трактовке произведения («Рассказ о семи повешенных» Л. Андреева) / Л. И. Шишкина // Восточнославянская филология. Литературоведение. — 2018. — № 7 (31). — С. 110—118.

Material resources

GSS — Gertsen, A. I. (1959). *Collected Works. Articles from "Bells" and other works of 1862—1863*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House. *30/16*. 529 p. (In Russ.).

Mazesherskiy, V. I. (ed.). (1963). *For Soviet Karelia. 1918—1920 Memories of the Civil War: [Collected Articles]*. Petrozavodsk: Karel. kn. izd-vo. 535 p. (In Russ.).

Oryol province during the period of foreign military intervention and civil war (1918—1920). Collection of documents and materials. (1963). Orel: Orlovskoe kn. izd-vo. 295 p. (In Russ.).

PB — Lezhava, L., Rusakov, G. (eds.). (1925). *Monument to the fighters of the proletarian revolution who died in 1917—1921. Biographical reference*. (3rd ed.). Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatelstvo. 779 p. (In Russ.).
PD — Bessonova, B. L. (ed.). (1968). *Democratic Poets of the 1870—1880.* Leningrad: Sov. pisatel. Leningr. otd-nie. 784 p. (In Russ.).
SD — Klyuev, N. A. (2003). *Word tree. Prose*. St. Petersburg: Rostok. 688 p. (In Russ.).
SE — Klyuev, N. A. (1999). *Heart of the Unicorn. Poems*. St. Petersburg: RKhGI. 1072 p. (In Russ.).
VI — Vermishev, A. A. (1977). *Selected Works*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 381 p. (In Russ.).
VS — *Nikolay Klyuev: Memories of contemporaries*. (2010). Moscow: Progress-Pleyada. 886 p. (In Russ.).
Yutkevich, S. I. (ed.). (1987). *Movie. encyclopedic Dictionary*. Moscow: Soviet encyclopedia. 640 p. (In Russ.).

References

Azadovskiy, K. M. (2002). *The life of Nikolai Klyuev: documentary narration*. St. Petersburg: Zvezda. 368 p. (In Russ.).
Chuvakov, V. N. (1990). [Preface to comments]. In: *Andreev L. N. Collected works. Stories 1898—1903*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 6/1. 583—586. (In Russ.).
Filippov, B. A. (1969). Nikolay Klyuev: Materials for biography. In: *Klyuev N. A. Essays.* München: A. Neimanis Buchvertrieb und Verlag. 2/1. 7—156. (In Russ.).
Kudryashov, I. V., Pyatkin, S. N. (2012). On the dominant religious motive in the early lyrics of Nikolai Klyuev. *World of Science, Culture, Education, 6 (37):* 78—81. (In Russ.).
Lozhkova, A. V. (2018). Literary epitaph: the problem of genre specificity. *Ural philological bulletin. Series: Russian classics: dynamics of art systems, 4:* 56—64. (In Russ.).
Lvov-Rogachevskiy, V. L. (1919). *Poetry of new Russia. Poets of fields and city outskirts*. Moscow: Knigoizdatelstvo pisateley v Moskve. 192 p. (In Russ.).
Meykin, M. (2005). Klyuev's "Vytegra" Collection "Lion's Bread". In: *Vytegra: Almanac of Local Lore*. Vologda: VGPU, Rus'. 3. 171—184. (In Russ.).
Military article: with a brief interpretation. (1735). (2nd ed.). St. Petersburg: Pri Imperatorskoy Akademii nauk. 255 p. (In Russ.).
Nikolaev, S. I. (1989). Problems of studying small poetic genres. (Epitaph). In: *XVIII century. Results and problems of studying Russian literature of the 18th century.* Leningrad: Nauka. 16. 44—55. (In Russ.).
Petrov, V. V. (2020). The overturned man of "Timaeus" by Plato in the apocryphal "Martyrdom of Peter" and "Martyrdom of Philip". In: *Schole. Philosophical studies of antiquity and classical tradition*. 14 (2). 535—566. DOI: 10.25205/1995-4328-2020-14-2-535-566. (In Russ.).
Petrushkova, E. S. (2012). The motive of horror in the prose of Leonid Andreev. *Perm University Bulletin. Russian and foreign philology. 3 (19):* 90—98. (In Russ.).
Ponomareva, T. A. (1999). *The prose of Nikolai Klyuev of the 20s*. Moscow: Prometey. 136 p. (In Russ.).
Rat'kovskiy, I. S. (2017). *Chronicle of White Terror in Russia: Repression and Lynching (1917—1920 gg.).* Moscow: Algoritm. 463 p. (In Russ.).

Shishkina, L. I. (2018). The title as the key to the interpretation of the work ("The seven who were hanged" by L. Andreev). *East Slavic Philology. Literary criticism, 7 (31):* 110—118. (In Russ.).

Solntseva, N. M. (2000). *Strange eros: Intimate motives of the poetry of Nikolai Klyuev*. Moscow: Elliks Lak. 128 p. (In Russ.).

Solovyev, Yu. P. (2000). «"Another Kingdom" by Nikolai Klyuev. Experience of commentary on one poem. In: *Context-NONA. Literary and Philosophical Almanac*. Moscow: Kontekst-9. 6. 199—219. (In Russ.).

Subbotin, S. I. (1984). Nikolai Klyuev's prose in the newspapers Vytegra's Star and Trudovoye Slovo (1919—1921). Style and Attribution Issues. *Russian Literature, 4:* 136—150. (In Russ.).

Tereshkina, D. B. (2019). Gospel images and motives in the first book of "Brotherly Songs" by Nikolai Klyuev. *Problems of Historical Poetics, 17 (1):* 94—107. DOI: 10.15393/j9.art2019.5861. (In Russ.).

Tsar'kova, T. S. (1999). *Russian poetic epitaph of the XIX—XX centuries: Sources. Evolution. Poetics*. St. Petersburg: Russko-Baltiyskiy informatsionnyy tsentr BLITs. 200 p. (In Russ.).

Usherovich, S. S. (1933). *Death Penalties in Tsarist Russia: Towards the History of Executions by Political Trials from 1824 to 1917*. Kharkov: Vseukrainskiy sovet obshchestva politkatorzhan i ssylno-poselentsev. 503 p. (In Russ.).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Проданик Н. В. Метафора «книга — жизнь» в средневековой словесности и русской литературе первой половины XIX века / Н. В. Проданик // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 207—220. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-207-220.

Prodanik, N. V. (2021). "Book-Life" Metaphor in Medieval Literature and Russian Literature of First Half of 19th Century. *Nauchnyi dialog, 8:* 207-220. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-207-220. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-207-220

Метафора «книга — жизнь» в средневековой словесности и русской литературе первой половины XIX века

Проданик Надежда Владимировна
orcid.org/0000-0003-1871-328X
кандидат филологических наук,
доцент кафедры литературы
и культурологии
omsk.nadezhda@mail.ru

федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Омский государственный
педагогический университет»
(Омск, Россия)

"Book-Life" Metaphor in Medieval Literature and Russian Literature of First Half of 19th Century

Nadezhda V. Prodanik
orcid.org/0000-0003-1871-328X
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Literature
and Cultural Studies
omsk.nadezhda@mail.ru

Omsk State Pedagogical University
(Omsk, Russia)

© Проданик Н. В., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается семантика метафоры «книга — жизнь». Вариации ее лексического состава, изменение смысла описываются на материале средневековой словесности и русской литературы первой половины XIX века: на примере творчества Н. М. Карамзина, Н. М. Языкова, П. А. Вяземского, А. С. Пушкина. Проведенный текстологический анализ позволяет сделать вывод, что наиболее значимыми витальными библиометафорами для двух культурных эпох стали «книга — сокровище вечной жизни», «книга — мир», «жизнь — назидательное Писание»; «расходная книжка бытия», «жизнь — сто раз читанная книга», «роман — жизнь». В них выражен круг оценочных суждений: в древнерусских текстах библиометафора выражает почтительное восхищение тайнами Божьего творения. Аксиологическая составляющая витальной метафорики XIX века более разнообразна: в ней заметны религиозное благоговение, негодование на скуку «книги жизни», понимание жизни как незавершенного романа. Новизна проведенного исследования заключается в том, что устанавливается спектр витальных библиометафор, нюансирующих смысл метафоры-инварианта («книга — жизнь»). Обращение к диахроническому аспекту позволяет отчетливее заметить смысловые сдвиги в метафорическом языке: в XIX веке: осознание судьбы как «чтения» общей для всех Священной книги дополняется метафорой личной «книги жизни».

Ключевые слова:
библиометафорика; метафора; книга; древнерусская литература; русская литература.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the semantics of the “book-life” metaphor. Variations in its lexical composition, changes in meaning are described using the material of medieval literature and Russian literature of the first half of the 19th century: on the example of N. M. Karamzin, N. M. Yazykov, P. A. Vyazemsky, A. S. Pushkin. The textual analysis carried out allows us to conclude that the most significant vital bibliometaphors for two cultural epochs were “the book-treasure of eternal life”, “book-world”, “life-edifying Scripture”; “Expense book of being”, “life is a book read a hundred times”, “novel is life”. They express a range of value judgments: in ancient Russian texts, the bibliometaphor expresses respectful admiration for the secrets of God’s creation. The axiological component of the vital metaphor of the 19th century is more varied: religious reverence is noticeable in it, indignation at the boredom of the “book of life,” an understanding of Life as an unfinished novel. The novelty of the conducted research lies in the fact that a spectrum of vital bibliometaphors, that nuances the meaning of the metaphor-invariant (“book-life”) is established. An appeal to the diachronic aspect makes it possible to more clearly notice the semantic shifts in the metaphorical language: in the 19th century the comprehension of fate as a “reading” of the Holy Book common to all is complemented by the metaphor of a personal “book of life”.

Key words:
ibliometaphorics; metaphor; book-life; ancient Russian literature; Russian literature.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 821.161.1:81'373.612.2"11/18"

Метафора «книга — жизнь» в средневековой словесности и русской литературе первой половины XIX века

© Проданик Н. В., 2021

1. Введение

В истории мировой культуры книга выполняла особую миссию, устремляя человека к смыслообретению: по словам Р. Барта, литература будила человеческое сознание, была «вопрошающим ответом и ответствующим вопросом» [Барт, 1989, с. 260]. Продолжая эти суждения Р. Барта, отметим, что когнитивными интенциями наделены не только содержание книги, ее идеи и образы, но и метафоры книги. В истории мировой культуры спектр библиометафор и осмысленных в них явлений достаточно широк: «книга — пища» свидетельствовала о необходимости духовной пищи для личности [Буланин, 1983, с. 7—13]; «книга — друг» рассказывала о сущности и ценности дружбы [Проданик, 2020, с. 59—66]; метафора «книга — непослушное дитя» определяла статус писателя-творца и созданного им текста [Проданик, 2012, с. 507—519].

Исследование, предпринятое нами в настоящий момент, посвящено концептуальной библиометафоре: «книга — жизнь». Для выявления нюансов смысла, аккумулированных в ней, мы сконцентрируем свое внимание на нескольких временных отрезках, они станут проявляющими контекстами друг для друга.

2. Метафора «книга — жизнь» в средневековой культуре

Семантически близкие метафоры «книга — жизнь» и «книга — мир» относятся к числу немногих, чье время появления и генезис можно установить с высокой степенью точности: европейское Средневековье, следуя за эллинистическими Грецией и Римом, заявило о ведущей роли книги для культурной эпохи. Именно так писал в своем трактате Ричард де Бери, английский епископ и страстный читатель: «Как измерить могущество книг, в которых мы видим границы мира и границы времени, видим, как в некоем зерцале вечности, несуществующее как существующее … благодаря книгам … наш интеллект … постигает духовным зрением общую первопричину и неподвижного движителя бесконечной благости … Сенека научил нас, что досуг без грамоты — это смерть <…> делая вывод от обратного, мы заключаем, что занятие грамотой и книгами — это сама *жизнь* человека…» (Р. де Бери. «Филобиблон, или о Книголюбии», 1345 год)

CC BY

(здесь и далее курсив наш. — *Н. П.*) [Бери, 1985, с. 117—118)]. Как очевидно из слов Р. Бери, в Средневековой европейской культуре книга оказалась проводником в миры дольний и горний, а чтение выступило синонимом жизни, квинтэссенцией витальности человека.

Своеобразным эхом отозвалась фраза Р. Бери в славянской литературе: здесь мир и жизнь тоже предстали книгой, раскрытой перед человеком. Эти смыслы были усвоены Русью от Византии: Иоанн Златоуст, константинопольский архиепископ, в сборнике проповедей «Маргарит» (IV—V веков) настаивал: «… Писаниа же всюду по вселенней …» [цит. по: Калугин, 1991, с. 86]. В его понимании текст бытия представлен в виде вечно живого сада, дарующего человеку плоды знания и «духовное прохлаждение» [Там же].

В XII веке Кирилл Туровский, православный богослов, обращаясь к русской пастве, вторил словам Златоуста: «… постарайтесь прилежно читать святые книги, чтобы, Божьим насытясь словом, вечной жизни несказанного блаженства достичь <…> Давайте не просто проговорим языком, написанное произнося, но, с рассужденьем вчитавшись, постараемся делом исполнить это. Ибо сладко — медвяный сот, и хорошо — сахар, обоих же лучше *книжное знание*: потому что оно — *сокровище вечной жизни*…» [Слова и поучения …, 1997]. Читая книгу, выстраивая свою судьбу в согласии с религиозным инвариантом, человек включался в общий поток вечной жизни и обретал полноту жизни духовной. Напротив, нечитающий человек имел душу безбуквенно-мертвенную: «… душа безъбукъвьна … *мрьтьва* являеться чловецех» (именно так сказано в «Прогласе», авторство которого приписывают святому Кириллу) [цит. по: Калугин, 1991, с. 86]. Как видим, в средневековой европейской и древнерусской культурах чтение и нечтение разведены по аксиологической шкале: «буквенный» полюс был приобщением к саду «вечной жизни», к «полноте благодати», а полюс «безбуквенный» сопоставлен с духовной «тьмой неведения» и «смертью» [Там же].

В древнерусской культуре значима была не только метафора «книга — жизнь», но и ее реверсный вариант — «жизнь — книга»; иначе говоря, к истинам бытия могло вести не чтение Библии, а «чтение» самой жизни. Так, в «Житии Марии Египетской» описана встреча монаха с бывшей блудницей (в момент встречи — отшельницей); ее речи свидетельствовали о глубоком знании Писания. На недоуменные вопросы старца о такой глубине книжного познания она ответила: «Грамоте же никогда я не училась ... Но *слово Божье живое* наставляет человека уму-разуму …» [Житие …, 1999]. Наставляющее живое Божье слово Мария обрела в пространстве «мира — школы». Семантика учения, по мысли С. Аверинцева, показывает, что для человека в эту эпоху мир «… поставлен под знак школы. Время,

CC BY

и притом как историческое время, так и биографическое время отдельной человеческой жизни, имеет смысл постольку, поскольку это есть время педагогической переделки человека» [Аверинцев, 2004, с. 168]. Таким образом, в древнерусской культуре в единый семантико-метафорический узел связаны «книга — мир — жизнь», человек при этом становился учеником, а судьба представала процессом постижения Библии.

3. Метафора «книга — жизнь» в русской литературе первой половины XIX века

В русской литературе XIX века метафора «книга — жизнь» оказалась востребована вновь; с одной стороны, ее семантика отсылала к наследию древнерусской культуры, с другой стороны, обновлялась. Приведем примеры наследования метафорической семантики, но прежде уточним: конечно, библиометафоры, в которых книга осмыслялась в религиозном ключе, гораздо чаще встречались в русской поэзии XVII—XVIII веков. Например, в духовном стихе С. Полоцкого «Книга» есть упоминание о «книге живота», которую создает сам Бог и которая остается тайной для людей: «Шестая книга — тайна, сам ту Бог читает, / церковь “книгу живота” ону нарицает … / Пишут … имена в ней Богом избранных …» (С. Полоцкий. «Книга», 1678) [Полоцкий, 1990, с. 367]. В XIX веке сакральная библиометафора сохранит свою значимость. В творчестве П. А. Вяземского находим ученически смиренные строки: «… Мы в *книге Промысла* читаем по складам: / Нам темен смысл ея: за буквой букву ловим. / Начнем ли толковать, мы пуще пустословим. / Нам, детям, не вполне та грамота дана: / Про нас, но не при нас написана она …» (П. А. Вяземский. «Лес горит», 1858) [Вяземский, 1862, с. 269]. Эта поэтическая фраза, как и скрытая метафора «жизнь — чтение книги Промысла», стала «эхом» религиозных суждений об ученичестве, непостижимости Книги бытия, о смиренной позиции читателя-«ребенка» перед замыслом Бога. Еще раз к сопоставлению «мир, жизнь — это Священная книга» Вяземский обратился, создавая стихотворение, посвященное художнику А. Иванову, автору знаменитого полотна «Явление Христа народу». Памятуя о библейских истоках его творчества, поэт утвердил: «*Священной книги чудеса* / Тебе явились без покрова …» (П. А. Вяземский. «А. А. Иванову», 1858) [Вяземский, 1862, с. 258]. Здесь «Священная книга чудес» — указание на библейские сюжеты и религиозные тайны, открытые в бытии взору художника.

И все же, как и предполагал дух секуляризованной культуры XIX века, мир и жизнь перестали быть монотекстом: если для средневекового чтеца в иерархии книг неизменным лидером было Священное Писание, то для поэта и писателя конца XVIII — XIX веков спектр книжных жанров и оце-

CC BY

ночных суждений расширился. Уже Г. Р. Державин в оде «Фелица», иронично признаваясь в своей греховности («Таков, Фелица, я развратен…»)» [Державин, 1947, с. 24], говорил о широком и, в первую очередь, светском круге чтения: «… в книгах рыться я люблю, / Мой ум и сердце просвещаю, / Полкана и Бову читаю; / За Библией, зевая, сплю …» (Г. Р. Державин. «Фелица», 1783) [Там же].

Теперь автор, создававший витальную библиометафору, демонстрировал индивидуальное понимание судьбы и давал не всегда положительную оценку происходящему в ней. Например, лирический герой П. А. Вяземского в метафоре «расходная *книжка* бытия» отметил в «книге жизни» учетно-канцелярские черты: «…на ночлеге размышленья / С собой рассчитываюсь я: / *В расходной книжке бытия* / Я убыль с прибылью сличаю, / Итог со страхом поверяю / И контролирую себя …» (П. А. Вяземский. «Коляска», 1826) [Вяземский, 1986, с. 197]. Фраза построена так, что духовная составляющая судьбы-путешествия (это все-таки «книжка *бытия»*) дополняется материальной, экономической («*расходная* книжка»). «Расходная книжка бытия» стала карманной, личной (как и частная жизнь дворянина), теперь в ней ведется счет собственным впечатлениям от жизни-путешествия, обретениям и утратам на земном жизненном пути.

Вторил П. А. Вяземскому лирический герой Н. М. Языкова, он тоже десакрализировал жизненный текст, разочарованно назвал свою жизнь «старым календарем», надоевшей, «сто раз читанной книгой»: «Уж я не то, что был я встарь: / Брожу по свету, как расстрига; / Мне жизнь, как *старый календарь*, / Как *сто раз читанная книга* …» (Языков Н. М. «Уж я не то, что был», 1826) [Языков, 1858, с. 93]. Со «старого календаря»-судьбы совлечены и сакральная тайна Промысла, и романтическая тайна бытия. Жизнь поэта оказалась лишена духовного порыва, недаром стихотворение заканчивается ботаническими аллюзиями: «Я гибну жизни на заре, / Как на морозе в пустыре / Забытый огурец иль дыня…» [Там же, с. 94]. Не стоит думать, что такой взгляд лирического героя обусловлен естественнонаучными интенциями, как поясняет поэт-студент, жизнь утратила романтические краски из-за несчастной любви — «Так мысли мне переменила / Сердец пиявица — любовь…» [Там же].

Для приближающегося XIX века чрезвычайно важная библиометафора была употреблена Н. М. Карамзиным, поэт заметил в жизни романные черты: «Что *наша жизнь? Роман*. — Кто автор? Аноним. / Читаем по складам, смеемся, плачем... спим» (Н. М. Карамзин. «Два сравнения», 1797 год) [Карамзин, 1966, с. 236]. Любопытно, что авторство этого романа, в понимании Карамзина, неизвестно. Герой проживает предназначенную ему судьбу, сентиментально прочувствованную (регистры жизненных

CC BY

переживаний — от смеха до плача), но при этом едва осмысленную из своего «детского» витального кругозора. В моделировании метафоры поэт словно делает шаг в строну от религиозного мировоззрения, но полностью не отказывается от него: анонимность романного текста может быть понята и как Божественная (еще у Дионисия Ареопагита в трактате «О божественных именах» находим характеристику — «безымянность», «неназываемость» Бога) [Дионисий Ареопагит, 2002, с. 229], и как безрелигиозная — подчиненность человека метафизически абстрактной Судьбе или собирательному образу сильных мира сего.

Как известно, в истории отечественной литературы Н. М. Карамзин является одним из создателей русского романа — ведущего жанра XIX века. Жанрообразующие принципы русского романа были продекларированы им в тексте «Рыцаря нашего времени»: к примеру, роман оказался не завершен автором. О. Б. Лебедева, характеризуя в этой связи мировоззренческий базис карамзинского текста и поэтику его произведения, писала: «…Свободный, открытый финал романа-фрагмента уподоблял его жанровую форму свободе, *открытости и непредсказуемости самой жизни*…» [Лебедева, 2000]. Тем самым метафора «роман — жизнь» аккумулировала в себе не семантику инвариантности (как это было в древнерусской культуре, где идеалом для каждого выступала жертвенная судьба Христа), а семантику уникальности человеческой судьбы, недосказанности и потенциальности, предромантической стихийности жизни, в которую вовлечен «герой времени».

Спустя три десятилетия метафору Н. М. Карамзина «жизнь — роман» повторил А. С. Пушкин, включив ее в свой текст: «Блажен, кто праздник жизни рано / Оставил, не допив до дна / Бокала полного вина, / Кто не дочел ее романа / и вдруг умел расстаться с ним …» (А. С. Пушкин. «Евгений Онегин», 1823—1830) [Пушкин, 1975, с. 162]. В комментариях к этой поэтической фразе Ю. М. Лотман подчеркнул, что в финале восьмой главы автор максимально сближает литературу и действительность [Лотман, 1983, с. 371]. В том числе литературу и действительность соединяла общая стихия «болтовни» — легкого разговорного тона автора, который вошел в романный текст из текста жизненного. С. Бочаров, изучая «форму плана» «Евгения Онегина», тоже настаивал: «…мир, в котором пишут роман и читают его, смешался с «миром» романа; исчезла рама, граница миров, изображение жизни смешалось с жизнью» [Бочаров, 1967, с. 118]. В такой ситуации любой человек, будь то читатель «Евгения Онегина» или изображенный литературный персонаж, представал в роли чтеца большого романа, автором которого выступала сама Жизнь. Важно и то, что в метафоре «недочитанный, вдруг оставленный роман-жизнь» сохранялась семантика потенциального

CC BY

богатства бытия, витальной неисчерпанности и, вместе с тем, легкой смерти как беспечного, безболезненного прощания с земным бытием.

Известно, что и в собственной биографии близость Танатоса не обесценивала для Пушкина жизни, в письме П. Плетневу от 22 июля 1831 года поэт советовал другу: «… Эй, смотри: хандра хуже холеры, одна убивает только тело, другая убивает душу. Дельвиг умер, Молчанов умер, погоди, умрет и Жуковский, умрем и мы. Но жизнь все еще богата; мы встретим еще новых знакомцев, новые созреют нам друзья ...» [Пушкин, 1978, с. 49]. Надежда на новые встречи, неожиданные перемены судьбы — все это открывало, в понимании Пушкина, перспективу бытия, придавало жизни романную интригу.

Еще в молодости, говоря о событиях южной ссылки и внезапных изменениях в своей судьбе, Пушкин в письме брату восклицал: «Мне хочется, душа моя, написать тебе целый *роман — три последние месяца моей жизни.* Вот в чем дело: здоровье мое давно требовало морских ванн, я насилу уломал Инзова, чтоб он отпустил меня в Одессу <...> Между тем приезжает Воронцов, принимает меня очень ласково, объявляют мне, что я перехожу под его начальство, что остаюсь в Одессе — кажется и хорошо — да новая печаль мне сжала грудь — мне стало жаль моих покинутых цепей. Приехал в Кишенев на несколько дней, провел их неизъяснимо элегически …» [Пушкин, 1977, с. 67]. Написать «роман своей жизни», как это показывает письмо, означало и прожить события, удивившись их неожиданной смене, и литературно их осмыслить: например, отметить в переживаниях элегические нотки. Поэт становился героем и автором своего романа, находясь одновременно в двух «реальностях» — литературной и жизненной.

Как сказано выше, в метафорах «роман — жизнь» и ее реверсном варианте «жизнь — роман» выражен особый принцип отношения действительности и искусства. В. В. Виноградов говорит о том, что «мир в такой интеллектуальной культуре воспринимался через книгу, через стиль. Действительность была окутана миражами искусства …» [Виноградов, 1991, с. 482], тем самым утверждался приоритет романного начала над витальным**.** Сказанное верно для романтической эпохи, в этот период личная судьба строилась по законам романа: требовала бурных страстей, ярких событий. К примеру, современники называли «романом» жизнь Софьи Пономаревой, известной владелицы петербургского литературного салона. В 1818 году Н. Греч, шутя, представлял ее так: «София Дмитриевна Пономарева, *комический*, но и *чувствительный роман* …» [цит. по: Вацуро, 2004, с. 241].

Еще один тип сопоставления жизни и романа дан в творчестве малоизвестного поэта золотого века Виктора Теплякова в его библиометафоре «пошлый роман жизни»: «И, *жизни* листая *таинственный том*, / Весь *по-*

CC BY

шлый роман сей и в том, и в другом / довольно пустым находили; / Свергали земного мучительный груз / И в царстве ума, средь божественных муз, / Тень чистого счастья следили …» (В. Тепляков. «Чудный дом», 1831) [Тепляков, 1972, с. 669]. В примечании к тексту автор пояснял, что пребывание героя в доме, выстроенном в готическом стиле, породило странную фантасмагорию. В балладном по духу произведении герой рассуждал о тайне любви, скрытой за наносной пошлостью повседневности; ему чудилась музыка и облик прекрасной девы, но все это оказалось лишь видением. Таким образом, в сознании лирического героя возникла романтическая оппозиция метафор: жизнь с ее готическим, чувственным, непознанным — это «таинственный том» бытия, но внутри этого тома могут оказаться страницы повседневной жизни, «пошлого романа». «Пошлый роман жизни» — метафора обытовленной действительности, в которой нет черт высокого искусства.

С утверждением реализма семантический спектр метафоры «роман — жизнь» расширился, одним из первых об этом пушкинском открытии сказал В. Г. Белинский: поэт «… понял, что время эпических поэм давным-давно прошло и что для изображения современного общества, в котором проза жизни так глубоко проникла самую поэзию жизни, нужен роман, а не эпическая поэма. Он взял эту жизнь, как она есть, не отвлекая от нее только одних поэтических ее мгновений; взял ее со всем холодом, со всею ее прозою и пошлостию …» [Белинский, 1985, с. 362]. Как верно почувствовал критик, «роман — жизнь» для зрелого творчества Пушкина допускал как обращение к поэтическим сюжетам (любовно-романным, например), так и изображение земной, «прозаической» жизни в ее деталях и непоэтических проявлениях, то есть жизни «как она есть».

Этот аспект смысла — изображение в тексте неромантических ситуаций — выражен в сниженной пушкинской метафоре «домашняя жизнь — роман во вкусе Лафонтена»: «Гимена хлопоты, печали… / Ему не снились никогда. / Меж тем как мы, враги Гимена, / *В домашней жизни* зрим один / Ряд утомительных картин, / *Роман во вкусе Лафонтена* …» [Пушкин, 1975, с. 84]. Однообразность семейного быта и его скука оказываются в метафоре сопоставлены с устаревшей формой поучительного романа Августа Лафонтена, жизнь-штамп метафорически соотнесена с романом-атавизмом. Впрочем, как показывает автор «Евгения Онегина», есть место в земном бытии и обольстительным литературным сюжетам: Татьяна «читает сладостный роман» своих чувств к Онегину: «Теперь с каким она вниманьем / Читает сладостный роман, / С каким живым очарованьем / Пьет обольстительный обман!..» [Пушкин, 1975, с. 50] Высокий роман первой любви создан по литературным образцам Руссо, Ричардсона, Гете, но то, что для Татьяны — «сладостный

CC BY

роман жизни», для автора — «романный обман», то есть не жизнь, а только вымыслы, искусственность Искусства. Таким образом, «жизнь-роман» получает двойную, противоречивую оценку, которая дается в зависимости от «горизонта видения»: возраста и жизненного опыта человека.

Романтическая литература определяла импульсом жизнестроения искусство, но в завершении романтической эпохи первенство перешло к действительности: жизнь оказалась богата такими яркими сюжетами, которые и не снились книгам. Эти смысловые акценты читаются в метафоре П. А. Вяземского «жизнь — настоящий роман». Поэт утвердил, что любовные перипетии, разворачивающиеся в русской повседневности, «подогреваются» самоваром-«свидетелем». Пар самовара добавляет жара в чувства влюбленных и одновременно «остужает» их чрезмерную чувствительность, демонстрируя, как быстро чувства способны исчезать: «Как много тайных глав романов ежедневных, / *Животрепещущих романов*, задушевных, / *Которых в книгах нет* — как сладко ни пиши! … / При пламени его украдкою зажглось / И с облаком паров незримо разнеслось!..» [Вяземский, 1986, с. 266—267].

Вяземский судит об отношениях жизни и искусства категорично (в жизни мы встречаем настоящие романы), у Пушкина же семантика метафор «жизнь — роман» и «роман — жизнь» наделена неоднозначными оценками: жизнь может быть и высока, мечтательна («сладостный роман любви»); утомительна и скучна («семейная жизнь — роман во «вкусе Лафонтена»), бытийно значительна и неисчерпаема (потому-то и нельзя «дочитать» «роман жизни»: этот роман продолжит разворачивать свой сюжет и после завершения многих частных судеб). Литература может диктовать жизни свои сюжеты, так произошло в истории любви Татьяны и Онегина; но жизнь может и сохранять свою автономность, развиваться по собственным законам (такова особенность большого романа Жизни, который вряд ли может быть дочитан и предсказан).

4. Заключение

Отметим в заключение, что библиометафора «книга — жизнь» была концептуальной для европейской средневековой и древнерусской культуры, не менее значима она оказалась для литературоцентричного XIX века. При сопоставлении метафор в эти культурные эпохи можно заметить семантические сдвиги: единственно возможный в древнерусской культуре регистр восхищения главным текстом культуры — Библией — сменился сложными и разнообразными аксиологическими суждениями в XIX веке: благоговением перед Священным текстом бытия, удивлением потенциальностью романа Жизни и негодованием на скуку личной судьбы — «сто раз читанной кни-

CC BY

ги», «пошлого романа». Расширился в литературе XIX столетия и формат витального текста: теперь это и календарь, и расходная книга, и роман.

Продолжая антиномичный ряд семантических акцентов, отметим, что в религиозной культуре витальная библиометафора определяла общее бытие, а, указывая на Промысел Божий, она была тождественна метафорам «книга — мир» и «книга — сад». В лирике XIX века книга жизни стала частной, свидетельствовала о личной судьбе, представляя жизнь как земное путешествие. В древнерусской культуре тайны Священной книги были известны только Богу. В культуре же XIX века автором и читателем витального романа мог выступать сам человек, за ним признавалось «авторство» собственной жизни [Алтухова, 2018, с. 169]. Семантика таинственности («жизни таинственный том» — так скажет В. Тепляков) осталась известна и веку XIX, но теперь она была преимущественно готического, художественного, а не религиозного свойства.

Одной из важных библиометафор XIX века стала «роман — жизнь», ее встретим в творчестве Н. М. Карамзина, П. А. Вяземского. Своеобразной «энциклопедией» этой витальной метафоры предстал «Евгений Онегин», здесь оценочный спектр интересующей нас метафорики очень широк: от «утомительного романа семейной жизни» до «любовного романа» Татьяны и глобального «романа Жизни». Тем самым Пушкин продемонстрировал в библиометафоре емкое, стереометрическое видение жизни, открытой в перспективу земного бытия и тесно связанной с бытием литературным.

Источники

1. *Вяземский П. А.* В дороге и дома : Собрание стихотворений князя П. А. Вяземского / П. А. Вяземский. — Москва : Типография Бахметева, 1862. — 420 с.

2. *Вяземский П. А.* Стихотворения / П. А. Вяземский. — Ленинград : Советский писатель, 1986. — 544 с.

3. *Державин Г. Р.* Стихотворения / Г. Р. Державин. — Ленинград : Советский писатель, 1947. — 306 с.

4. *Дионисий Ареопагит*. Сочинения. Толкования Максима Исповедника. — Санкт-Петербург : Алетейя ; Издательство Олега Абышко, 2002. — 854 с. — ISBN 5-89329-522-6.

5. *Житие* Марии Египетской [Электронный ресурс] // Библиотека литературы Древней Руси. — Санкт-Петербург : Наука, 1999. — Т. 2 : XI—XII века. — Режим доступа : http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2170 (дата обращения 20.02.2021).

6. *Карамзин Н. М.* Полное собрание стихотворений / Н. М. Карамзин. — Москва-Ленинград : Советский писатель, 1966. — 424 с.

7. *Полоцкий С.* Вирши / С. Полоцкий. — Минск : Мастацкая літаратура, 1990. — 447 с. — ISBN 5-340-00115-6.

8. *Пушкин А. С.* Евгений Онегин / А. С. Пушкин // Пушкин А. С. Собрание сочинений : В 10 т. — Москва : Художественная литература, 1975. — Т. 4. — С. 5—180.

9. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений : В 10 т. / А. С. Пушкин. — Москва : Художественная литература, 1977. — Т. 9. — 462 с.

10. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений : В 10 т. / А. С. Пушкин. — Москва : Художественная литература, 1978. — Т. 10. — 471 с.

11. *Слова* и поучения Кирилла Туровского / Кирилл Туровский [Электронный ресурс] // Библиотека литературы Древней Руси. — Санкт-Петербург : Наука, 1997. — Т. 4 : XII век. — 687 с. — Режим доступа : http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4877 (дата обращения 13.04.2021).

12. *Тепляков В.* Чудный дом / В. Тепляков // Поэты 1820—1830-х годов : В 2 т. — Ленинград : Советский писатель, 1972. — Т. 1. — С. 668—674.

13. *Языков Н. М.* Стихотворения. 1822—1830 : В 2 ч. / Н. М. Языков. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1858. — Ч. 1. — 153 с.

Литература

1. *Аверинцев С. С.* Мир как школа / С. С. Аверинцев // Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. — Санкт-Петербург : Азбука-Классика, 2004. — С. 155—188. — ISBN 5-352-00743-X.

2. *Алтухова О. И.* Концептуальная метафора «жизнь человека-текст» в английской и русской поэтической традиции / О. И. Алтухова // Вестник ВГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2018. — № 2. — С. 167—170.

3. *Барт Р.* Структурализм как деятельность / Р. Барт // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. — Москва : Прогресс, 1989. — С. 253—262.

4. *Белинский В. Г.* Сочинения Александра Пушкина / В. Г. Белинский. — Москва : Художественная литература, 1985. — 560 с.

5. *Бери Р.* Филобиблон, или о Книголюбии / Р. де Бери // Библиотека в саду : Писатели античности, средневековья и Возрождения о книге, чтении, библиофильстве. — Москва : Книга, 1985. — С. 109—118.

6. *Бочаров С.* Форма плана / С. Бочаров // Вопросы литературы. — 1967. — № 12. — С. 115—136.

7. *Буланин Д. М.* О некоторых принципах работы древнерусских писателей / Д. М. Буланин // Труды Отдела древнерусской литературы. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1983. — Т. 37. — С. 3—14.

8. *Вацуро В. Э.* Избранные труды / В. Э. Вацуро. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 847 с. — ISBN 5-94457-179-9.

9. *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина / В. В. Виноградов. — Москва : Художественная литература, 1991. — 620 с.

10. *Калугин В. В.* «Кънигы» : отношение древнерусских писателей к книге / В. В. Калугин // Древнерусская литература : Изображение общества. — Москва : Наука, 1991. — С. 85—117.

11. *Лебедева О. Б.* История русской литературы XVIII века : Учебник / О. Б. Лебедева. — Москва : Высшая школа : Издательский центр «Академия», 2000. — 415 с. — ISBN 5-06-003703-7.

12. *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий : Пособие для учителя / Ю. М. Лотман. — Ленинград : Просвещение, 1983. — 416 с.

13. *Проданик Н. В.* Этапы «взросления» книги в русской литературе XVIII—начала XIX вв. / Н. В. Проданик // «Точка, распространяющаяся на все…» : К 90-летию профессора Ю. Н. Чумакова : сборник научных трудов. — Новосибирск : Издательство НГПУ, 2012. — С. 507—521. — ISBN 978-5-85921-830-1.

14. *Проданик Н. В.* Метафора «книга-друг» в русской литературе Золотого века / Н. В. Проданик // Филологический вестник. — 2020. — № 4. — С. 59—66.

Material resources

Derzhavin, G. R. (1947). *Poems.* Leningrad: Soviet writer. 306 p. (In Russ).

Dionysius the Areopagite. Essays. Interpretations of Maxim the Confessor. (2002). St. Petersburg: Aleteya; Oleg Abyshko Publishing House. 854 p. ISBN 5-89329-522-6. (In Russ).

Karamzin, N. M. (1966). *The complete collection of poems.* Moscow-Leningrad: Soviet writer. 424 p. (In Russ).

Polotsky, S. (1990). *Verses.* Minsk: Mastatskaya literature. 447 p. ISBN 5-340-00115-6. (In Russ).

Pushkin, A. S. (1975). Eugene Onegin. In: *Collected works: in 10 volum, 4.* Moscow: Fiction. 5—180. (In Russ).

Pushkin, A. S. (1977). *Collected works: in 10 volum, 9.* Moscow: Fiction. 462 p. (In Russ).

Pushkin, A. S. (1978). *Collected works: in 10 volum, 10.* Moscow: Fiction. 471 p. (In Russ).

Teplyakov, V. (1972). Wonderful house. *Poets of the 1820—1830s: in 2 volum, 1.* Leningrad: Soviet writer. 668—674. (In Russ).

The Life of Mary of Egypt. (1999). *Library of Literature of Ancient Russia, 2: XI—XII centuries.* St. Petersburg: Nauka. Available at: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2170 (accessed 20.02.2021). (In Russ).

Vyazemsky, P. A. (1862). *On the road and at home: A collection of poems by Prince P. A. Vyazemsky.* Moscow: Bakhmetev Printing House. 420 p. (In Russ).

Vyazemsky, P. A. (1986). *Poems.* Leningrad: Soviet writer. 544 p. (In Russ).

Yazykov, N. M. (1858). *Poems. 1822—1830: At 2 o'clock, 1.* St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 153 p. (In Russ).

Words and teachings of Kirill Turovsky / Kirill Turovsky. (1997). *Library of Literature of Ancient Russia, 4: XII century.* St. Petersburg: The science. 687 p. Available at: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4877 (accessed 13.04.2021). (In Russ).

References

Altukhova, O. I. (2018). Conceptual metaphor "human life-text" in the English and Russian poetic tradition. *Bulletin of the VSU. Series: Linguistics and intercultural communication, 2:* 167—170. (In Russ).

Averintsev, S. S. (2004). Mir as a school. *Poetics of early Byzantine literature.* St. Petersburg: ABC-Classics. 155—188. ISBN 5-352-00743-X. (In Russ).

Bart, R. (1989). Structuralism as an activity. *Selected works. Semiotics. Poetics.* Moscow: Progress. 253—262. (In Russ).

Belinsky, V. G. (1985). *The Works of Alexander Pushkin.* Moscow: Fiction. 560 p. (In Russ).

Beri, R. (1985). Philobiblon, or about Book-loving. *Library in the garden: Writers of antiquity, the Middle Ages and the Renaissance about the book, reading, bibliophilism.* Moscow: Book. 109—118. (In Russ).

Bocharov, S. (1967). The form of the plan. *Questions of literature, 12:* 115—136. (In Russ).

CC BY

Bulanin, D. M. (1983). On some principles of the work of Old Russian writers. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature, 37.* Leningrad: Nauka, Leningrad Branch. 3—14. (In Russ).

Kalugin, V. V. (1991). "Kinigy": the attitude of ancient Russian writers to the book. *Old Russian literature: The image of society.* Moscow: Nauka. 85—117. (In Russ).

Lebedeva, O. B. (2000). *History of Russian literature of the XVIII century: Textbook.* Moscow: Higher School: Publishing center "Academy". 415 p. ISBN 5-06-003703-7. (In Russ).

Lotman, Yu. M. (1983). *Pushkin's novel "Eugene Onegin". Comment: A manual for a teacher.* Leningrad: Prosveshcheniye. 416 p. (In Russ).

Prodanik, N. V. (2012). Stages of "growing up" of a book in Russian literature of the XVIII — early XIX centuries. *"A point that extends to everything...": To the 90th anniversary of Professor Yu. N. Chumakov: a collection of scientific works.* Novosibirsk: Publishing House of the National Pedagogical University. 507—521. ISBN 978-5-85921-830-1. (In Russ).

Prodanik, N. V. (2020). Metaphor "book-friend" in Russian literature of the Golden Age. *Philological Bulletin, 4:* 59—66. (In Russ).

Vatsuro, V. E. (2004). *Selected works.* Moscow: Languages of Slavic culture. 847 p. ISBN 5-94457-179-9. (In Russ).

Vinogradov, V. V. (1991). *Pushkin's style.* Moscow: Fiction. 620 p. (In Russ).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Чижов Н. С. Советский поэтический андеграунд в критическом и научном освещении (статья первая) / Н. С. Чижов // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 221—247. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-221-247.

Chizhov, N. S. (2021). Soviet Poetic Underground in Critical and Scientific Coverage (First Article). *Nauchnyi dialog, 8:* 221-247. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-221-247. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-221-247

Советский поэтический андеграунд в критическом и научном освещении (статья первая)

Чижов Николай Сергеевич
orcid.org/0000-0001-7636-0780
кандидат филологических наук
старший преподаватель
n.s.chizhov@utmn.ru

Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

Благодарности:
Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (конкурс «Экспансия»)
проект № 20-112-50384
«Советский поэтический андеграунд в критическом и научном освещении»

Soviet Poetic Underground in Critical and Scientific Coverage (First Article)

Nicolay S. Chizhov
orcid.org/0000-0001-7636-0780
PhD in Philology
Senior Lecturer
n.s.chizhov@utmn.ru

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

Acknowledgments:
The reported study was funded by RFBR (competition "Expansion"), project number 20-112-50384 "Soviet poetic underground in critical and scientific coverage"

© Чижов Н. С., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В обзорной статье представлены результаты исследования литературно-критических работ, посвященных изучению советской андеграундной поэзии 1960—70-х годов. Показано, как в самиздатовской и тамиздатовской (за пределами Советского Союза) периодике освещался процесс освобождения неофициальной поэтической культуры от коллективистских установок советской идеологии и поиска ее представителями духовно-нравственных оснований жизни и творчества. Особое внимание в обзоре уделяется рефлексии неподцензурной критикой в отношении проблем восстановления нонконформистскими поэтами связи с литературной традицией Серебряного века и формирования в их творчестве новых принципов художественного письма. В контексте этих процессов раскрывается ценностная природа феномена «христианского ренессанса» в андеграундной поэзии, его роль в развитии модернистской поэтической культуры второй половины XX века. В свете литературно-критической рецепции рассмотрена концепция «культурного движения» как стратегия объединения творческих сил в литературном андеграунде, определяющая ценностные горизонты неофициальной поэзии. Обосновывается, что «культурное движение» осмыслялось неподцензурной критикой с позиции его идейной и институциональной самодостаточности, способности быть активным субъектом русской и мировой культуры.

Ключевые слова:
научный обзор; неподцензурная поэзия; поэтический авангард; литературно-критическая рецепция; христианский неомифологизм; модернистская традиция; культура Серебряного века.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The results of a research of literary critical works devoted to the study of Soviet underground poetry in the 1960s and 70s are presented in the review article. It is shown how the process of liberation of unofficial poetic culture from the collectivist attitudes of Soviet ideology and the search by its representatives for the spiritual and moral foundations of life and creativity was highlighted in the sam- and tamizdat periodicals. Special attention in the review is payed to the reflection of uncensored criticism in relation to the problems of restoring the connection with the literary tradition of the Silver Age by nonconformist poets and the formation of new principles of artistic writing in their work. In the context of these processes, the value nature of the phenomenon of “Christian Renaissance” in underground poetry, its role in the development of modernist poetic culture in the second half of the 20th century is revealed. In the light of literary-critical reception, the concept of “cultural movement” is considered as a strategy for uniting creative forces in the literary underground, which determines the value horizons of unofficial poetry. It is substantiated that the “cultural movement” was interpreted by uncensored criticism from the standpoint of its ideological and institutional self-sufficiency, the ability to be an active subject of Russian and world culture.

Key words:
scientific review; uncensored poetry; poetic avant-garde; literary critical reception; Christian neomythologism; modernist tradition; culture of the Silver Age.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 821.161.1+82-14“196/197”

Советский поэтический андеграунд в критическом и научном освещении (статья первая)

© Чижов Н. С., 2021

1. Введение

Исследование советского поэтического андеграунда как «автономного субполя русской литературы» [Кукулин] является одним из актуальных сегментов современного литературоведения. На это указывают опубликованные за последние два десятилетия несколько антологий неофициальной литературы Советского Союза, целый ряд монографий, сборников статей и диссертационных работ, посвященных как отдельным поэтам, так и поэтической андеграундной культуре в целом. Литературно-критические работы являются аутентичными документами эпохи, позволяют проследить, как формировалась культура оценки и интерпретации новейшей русской поэзии в историко-литературной перспективе, выявить закономерности и линии преемственности в традиции ее научно-критического освоения. К тому же поэзия в андеграундной культуре всегда занимала особое место, поскольку первой реагировала на социогуманитарные вызовы в советском обществе, в ее недрах происходила выработка ценностных моделей и стратегий художественного творчества, определяющих пути развития русской литературы в XX—XXI веках.

Целью обзорной статьи является системное описание литературно-критической рецепции поэтического андеграунда 1960—70-х годов в советской неподцензурной и русской зарубежной периодике.

2. Проблемы периодизации и самоназвания андеграундной поэтической культуры

В заглавии статьи используется один из общепринятых в критике и литературоведении вариантов обозначения поэтических практик, бытовавших в русской неподцензурной литературе во второй половине XX века. Самими ее участниками пространство альтернативной русской культуры <словесного творчества> именовалось по-разному. Можно выделить следующие наиболее распространенные определения: неконформистская, неофициальная, левое искусство, «“вторая культура”, “движение нонконформистов”, “вторая литературная действительность”» [Иванов, 1985, с. 239; Кривулин, 1979б, с. 243]. Данная терминология формулировалась с позиции бинарного противопоставления рассматриваемого

CC BY

социокультурного феномена господствующей в Советском Союзе официальной литературе и с учетом ситуации творческого и этического самоопределения художников слова по отношению к ней. Заметим, что в зарубежной и советской неподцензурной критике неоднократно отмечались двусмысленность и отрицательная семантика указанных определений, невозможность выразить ими всю сложность советского литературного процесса последней трети XX века [Кривулин, 1979б, с. 240; Боулт, 1980; Новиков, 1979, с. 237; Иванов, 1985, с. 239; Нечаев, 1978, с. 242]. Попытки рассмотреть неподцензурную литературу в более широком культурно-историческом контексте, вывести ее за границы моделей бинарного противостояния с литературным официозом и предложить новый понятийно-категориальный аппарат, позволяющий зафиксировать принципиально иное видение проблемы, были предприняты только в конце 1970-х — начале 80-х годов.

Обратимся к периодизации неподцензурной поэзии и обозначим основные этапы ее развития в свете рецепции андеграундной критики. Вопрос о начале разделения единой литературы на официальную и неофициальную сферы неоднозначно решался внутри альтернативной культурной среды. С опорой на литературно-критическую рефлексию, представленную в самиздатовских и тамиздатовских (публикуемых за пределами Советского Союза) изданиях, можно выделить несколько точек зрения по данному вопросу. Согласно первой позиции, неофициальная литература существовала на протяжении всей истории советской России. В этом плане первыми литературными «неофициалами», непосредственными предшественниками представителей литературного андеграунда 1960—80-х годов были Д. Андреев, А. Ахматова, Б. Пастернак, М. Булгаков, О. Мандельштам, А. Введенский, Д. Хармс, П. Филонов и др. [Иванов, 1979, с. 210]. Вторая точка зрения объединяет ряд мнений, исходящих из того, что неподцензурная литература возникла в начале 1950-х годов [Поэзия сегодняшнего дня, т. 23, с. 9; Нечаев, 1978, с. 247] или после смерти И. Сталина и последующих за нею культурно-исторических событий. К таковым относят XX съезд КПСС, где произошло «разоблачение культа личности Сталина» [Иванов, 1979, с. 210], публикацию в 1957 году в Италии романа Б. Пастернака «Юрий Живаго» [Мальцев, 1976, с. 8—9], в целом оттепельные процессы в общественно-политической жизни страны, обнаружившие «глубокую неидентичность в области мысли, настроений, эстетических вкусов и т. д.» [Иванов, 1979, с. 210; Бург, 1963, с. 110—132]. Наконец, ряд критиков и литераторов [Гройс, 1980, с. 67; Кривулин, 1979а, с. 223; Сигей, 1979, с. 4; Игнатова, 1984, с. 214; Кобак и др., 1986, с. 328; Новиков, 1979, с. 237; Терановский, 1976, с. 426] возводят формирование советского

CC BY

поэтического андеграунда к началу 1960-х годов, когда становится очевидной иллюзорность планов демократических преобразований в культуре и обществе как необходимых факторов для свободной творческой самореализации художников слова.

3. Зарождение неподцензурной поэзии в свете оттепельных процессов в советской культуре 1950-х — начала 60-х годов

Проведенный анализ самиздатовской периодики указывает на то, что во вторую половину 1950-х годов, несмотря на появление оппозиционных настроений в творческой (преимущественно студенческой) среде, обусловленных больше проблемами идейно-эстетического характера, чем общественно-политического, разделения советской поэзии (как и культуры в целом) на две противостоящие сферы не произошло. На волне оттепельных послаблений, инициированных культурной политикой советской власти в 1950-х годах, многим критикам и поэтам казалось, что нужно прежде всего «бороться с серостью в форме и пошлостью в содержании» [Самиздат, 1993, с. 130] как важнейшими факторами обновления существующей литературной системы, созданной в 1930—40-х годах на основе соцреалистического метода в искусстве [Горев, 1960, с. 7—14]. Отсюда предпринятая ими попытка актуализировать скрытый и замалчиваемый официальной пропагандой потенциал советской поэзии 1930—50-х годов, представленной именами И. Сельвинского, С. Кирсанова, Н. Асеева, Б. Слуцкого, А. Твардовского и др. [Горев, 1960, с. 9]. Творчество же поэтов поколения А. Вознесенского и Е. Евтушенко воспринималось как безусловный прорыв в актуальной литературе, обращенной к «проблемам современности» и ориентированной на обновление поэтического языка в соответствии с новыми представлениями о мире, месте в нем человека и роли художника слова в общественно-культурной жизни страны [Горев, 1960, с. 9; Поэзия сегодняшнего дня, т. 20, с. 6—7; Бург, 1963, с. 99].

Были и более радикальные позиции в андеграундной критике, утверждающие несостоятельность соцреалистического метода в литературе и требующие отказаться от него как несоответствующего «духу времени»: «Горьковское дерево социалистического реализма захирело <…> современность родила художников, которые перешагнули известные художественные направления и национальные границы» [Самиздат Ленинграда, 2003, с. 422—423]. Наряду с «громкими» именами поэтов-шестидесятников, самиздатовская периодика начала 1960-х годов вводит в круг актуальной поэзии менее известных или совсем неизвестных широкой читающей аудитории молодых авторов (например, Н. Горбаневская, Г. Горбовский,

CC BY

И. Бродский[1]), творчество которых именуется «непечатным» [Поэзия сегодняшнего дня, т. 26, с. 4—8; Терановский, 1976, с. 430—431]. Причем между понятиями «печатная» и «непечатная» <поэзия> при кажущейся на первый взгляд отчетливой их бинарной противопоставленности, выражающей процесс социокультурного размежевания единой литературы на официальную и неофициальную сферы, не было непроходимой границы, семиотически фиксирующей разделение творчества поэтов на «свое» и «чужое». Как заметил Б. Иванов, «непечатный автор» еще воспринимался в качестве «“офицера запаса”, но не отставника» [Иванов, 2003, с. 553].

Но именно во второй половине 1950-х годов, согласно сам- и тамиздатовским литературно-критическим источникам [Лившиц, 1980, с. 141—154; Андреева, 1977, с. 94—98; Осипов, 1971, с. 109; Нечаев, 1978, с. 248], молодые поэты, обычно студенты столичных вузов, начинают объединяться сначала вокруг различных литературных объединений (например, Дворца Пионеров в Москве, Горного Института в Ленинграде, Дома Культуры г. Пушкина и др.), потом в небольшие творческие группы, компании, «салоны», собирающиеся как в частных квартирах, мастерских, так и в «культовых» местах больших городов: Памятник Маяковскому в Москве, Кафе Поэтов на улице Полтавской, кафе «Буратино» на улице Восстания в Ленинграде и др. Так постепенно начинает формироваться альтернативная культурная среда в Москве и Ленинграде [Осипов, 1971, с. 103—136; Мальцев, 1976, с. 277—301; Арефьева, 1977, с. 94—101; Петров и др, 1977, с. 108; Покровский 1976]. В других крупных городах СССР возникали ме-

1 В ленинградской неподцензурной поэтической культуре место И. Бродского было «твердо и неоспоримо» [Каломиров, 1977, с. 214]. В 1950—1960-х годах он был близок кругу поэтов Е. Рейна, Д. Бобышева и А. Наймана, филологической школы (В. Уфлянд, М. Еремин, С. Кулле) и «горняков» (ЛИТО Горного института), но, по воспоминаниям Л. Лосева, покрутившись среди них, «ушел сам по себе» [Лившиц, Т. 1, URL]. Для художников слова следующего за И. Бродским поколения (Е. Шварц, А. Миронов, П. Чейгин и др.) проблемы поэтики и аксиологии творчества поэта, его признание на Западе, стратегии взаимодействия с советской властью являлись предметом разносторонней рефлексии, в том числе в перспективе собственного творческого развития [Д. С., 1977, с. 192—203; Каломиров, 1977, с. 204—214; Бешенковская, 1981, с. 185; Иванов, 1982, с. 291; Северная почта, 1980]. В то же время ленинградскими поэтами, становление которых пришлось на 1970-е годы, четко осознавалась различность эстетических и онтологических установок, исповедуемых И. Бродским и их поколением. Речь идет, в частности, о неспособности поэта прорваться «в религиозное», преодолеть стоическое одиночество, отстаивающий «каждым своим жестом право на существование» — индивидуализм [Каломиров, 1977, с. 212; Иванов, 1982, с. 291]. В этом отношении поэзия Л. Аронзона, ориентированная на воплощение «мифа о рае» [Никитин, 1985, с. 229; Д. В., 1980, с. 297] («мира, увиденного <…> как рай или храм» [Седакова, 210, с. 525]), воспринималась в качестве альтернативы творчеству «более удачливого во славе» [Кривулин, 1977, с. 42] И. Бродского, поэта одного с ним поколения, и «заключала в себе больше творческого будущего для поэтов младшего поколения, которые не раз об этом говорили (Виктор Кривулин, Елена Шварц)» [Седакова, 2010, с. 516].

CC BY

нее масштабные и интенсивные очаги поэтического андеграунда (Киев, Рига, Свердловск, Ейск и т. д.). Между собой эти центры в 1950—60-х годах слабо взаимодействовали, хотя внутри них, как свидетельствуют непосредственные участники тех событий, информация о новом явлении или значимом литературном событии распространялась мгновенно [Жданов, 2017, с. 35]. В то же время, по наблюдению А. Каломирова, то, «что происходит в аналогичных сферах духовной и культурной жизни за пределами города (неважно — в Москве или Вашингтоне), доходило обычно обрывочно, часто в искаженном виде» [Каломиров, 1977, с. 205].

Переломным моментом, зафиксированным в неофициальной критике, становится первая половина 1960-х годов, когда властью инициируется ряд репрессивно-охранительных действий против молодых поэтов [Бург, 1963, с. 110], загнавших «непечатную поэзию, перед тем выступавшую открыто, в глубокое подполье» [Поэзия сегодняшнего дня, т. 27, с. 2]: разгон представителей «ранней Маяковки» (Ю. Галансков, М. Каплан, В. Ковшин, В. Щукин, А. Шухт) [Осипов, 1971, с. 113—114; Дудинский, 1985] и СМОГа [Седакова, 1983, с. 35] во время выступления возле памятника автору поэмы «Облако в штанах» в Москве. В Ленинграде к середине 1960-х годов последовательно были закрыты все студенческие литературно-критические объединения, выпускающие альманахи или периодические издания, в результате у большинства молодых поэтов утрачиваются иллюзии того, что все равны и все могут быть напечатаны. Дальнейшее их творческое развитие определялось ситуацией мировоззренческого и этического выбора как самоопределения по отношению к господствующей в Советском Союзе официально разрешенной культурной традиции [Игнатова, 1984, с. 215; Андреева, 1977, с. 94—98; Нечаев, 1978, с. 243—244].

4. Русская поэзия «по ту строну официальности» (Б. Иванов): вызовы и пути становления

Неофициальная поэзия от начала 60-х и до второй половины 80-х годов в неподцензурной литературной критике рассматривалась преимущественно в поколенческом или литературно-типологическом аспектах с учетом этапов индивидуально-творческого или коллективно-группового формирования художественного сознания поэтов. Причем со второй половины 1970-х годов в самиздатовском литературно-критическом дискурсе начинается меняться оптика оценки и интерпретации актуальных культурных явлений: неофициальная поэзия и ее представители все чаще осмыслялись в качестве важнейших акторов общественно-культурного движения, выходящего за рамки отдельных литературных групп, течений и направлений. Как правило, выделялось три периода в поэтическом андеграунде, прихо-

CC BY

дящихся на 1960-е, 70-е и 80-е годы. Следуя этой логике, охарактеризуем каждый период в отдельности.

В 1960-е годы преобладали протестные настроения в неподцензурной поэзии. Они были вызваны прежде всего оттепельным разочарованием в системе ценностей и эстетике официальной культуры, скепсисом по отношению к возможностям ее преобразования в соответствии с принципами свободного самовыражения художника, преемственности достижениям мировой литературы и открытости к диалогу с современными ее представителями [Андреева, 1977, с. 94—98; Покровский, 1976; Дудинский, 1985]. Некоторые критики фиксируют, что для этого периода характерно усиление в поэзии событийной составляющей, связанной с современностью, с ее актуальными проблемами, в том числе правозащитной направленности, а также социально-политической борьбой «за демократизацию общества» [Дубров, 1973]: например, представители СМОГа, Н. Горбаневская. Но параллельно развивалась ставшая доминирующей в 1970-х годах тенденция отстранения поэтического творчества от политической повестки, от «прямой или зашифрованной декларации <…> политического кредо» [Иванов, 1978, с. 2] и ориентированности художников слова на решение сугубо эстетических, духовно-нравственных и экзистенциальных проблем[1] [Хроника, 1979, с. 210; Савицкий, 2002, с. 12]. Показательной в этом плане является отмеченная А. Дубровым позиция Л. Губанова, который, в отличие от В. Батшева, запрещал соратникам по СМОГу на правах лидера «выступать за свободу творчества и тем самым вступать в открытый конфликт с режимом» [Дубров, 1973].

Кроме того, в рассуждениях самиздатовских литературных критиков об этом периоде прослеживается мысль, что поколение 60-х годов, в основе своей молодые люди 20—25 лет, на волне протеста, освобождения от сковывающих личностную инициативу коллективистских установок и просто в силу возраста, осознавало в себе переизбыток душевных и творческих сил, которые требовали реализации, действенного применения [Лившиц, т. 1, URL; Петров и др., 1977, с. 108; Иванов, 1977, с. 157]. Однако не опосредованная культурной преемственностью, «без объективных читательских и писательских отзывов» [Игнатова, 1984, с. 214], не обусловленная личностным экзистенциальным опытом и ценностной укорененностью в национальной литературной традиции творческая интенци-

1 С. Савицкий показал, что в западной «литературе, посвященной самиздату», образовавшаяся с середины 1960-х годов среда писателей, произведения которых оставались «неизданными» и распространялись «в машинописных копиях среди знакомых», была представлена исключительно в свете «борьбы с тоталитарным режимом» [Савицкий, 2002, с. 11].

CC BY

ональность молодых поэтов обретала эгоцентрический, нигилистический и деструктивный характер. Интересна в этом плане попытка В. Кривулина рассмотреть поэзию 1960-х годов и творческое поведение ее представителей в контексте общемировых социокультурных процессов: «Социальный невротизм 60-х годов, волны которого прокатились по Европе и США, имел аналог и в России. И пока негативная, разрушительная энергия требовала общественного выхода — стихи звучали: они стали одним из каналов, по которым эти силы находили выход, чем-то вроде свистка в паровозе». Другими каналами становились провокационное, эпатажное поведение, «поэтический шаманизм» [Кривулин, 1979б, с. 252], жизнь напоказ, сопровождающаяся выпадением из «социальной репрезентации», не имеющая «целевого направления и заданного контекста» [Иванов, 1977, с. 157].

В московской неконформистской литературе начала 1960-х годов деструктивное начало в художественном мышлении и творческом поведении писателей и поэтов, вызванное вакуумом во всех сферах искусства, когда «поиски приходилось начинать на пустом месте, с нуля», порождает феномен «шизоидной культуры» [Дудинский, 1985; Пуховиков, 1985; Андреева, 1977, с. 97], ключевой фигурой которой становится Ю. Мамлеев. В недрах этой культуры сформировалась «московская идея» как квинтэссенция «глубинного метафизического подполья», обусловленного сомнениями в познавательных и созидательных возможностях разума, осознанием абсурдности, нестабильности и эфемерности существования человека в реальности, состоящей из «множества никак взаимно не соприкасающихся миров» [Дудинский, 1985; Пуховиков, 1985; Мальцев, 1975, с. 187—193]. «Московская идея», по наблюдениям Ю. Дудинского, после эмиграции Ю. Мамлеева в начале 1970-х годов получила сущностное выражение в творчестве поэтов «Лианозовской школы», «ранней Маяковки» и СМОГа, придавших ей «конкретность, натуралистичность, обжигающую иронию, едкого, безбрежного цинизма», с одной стороны, романтический задор, «декадентский и истеричный дух революции» [Дудинский, 1985] и метафизическую тоску по русскому миру, с другой стороны.

Такая атмосфера во многом препятствовала профессиональному и личностному росту поэтов: многие из них, по свидетельству Е. Игнатовой, не обретя «творческой ответственности, духовной зрелости», так и не смогли выйти из возраста «буйных гениев» и «восстановить стремление к нравственности, гуманизм, честность — атмосферу, существовавшую у лучшей части русской интеллигенции» [Игнатова, 1984, с. 220]. Однако, несмотря на обозначенные деструктивные процессы, поэты, выбравшие нонконформистский вектор творческого развития, начали постепенное формирование новой поэтической культуры на обломках и руинах предшествующей мо-

CC BY

дернистской традиции, тем самым способствуя решению общекультурной задачи по «связыванию позвонков столетий» [Иванов, 1977, с. 173].

В этом отношении характерными для всей неофициальной литературы 1960-х годов являются зафиксированные Е. Игнатовой в программной статье «Кто мы?» ностальгическая тоска «по культуре “серебряного века”», безусловное почитание ее легендарных достижений и великих представителей, принятие «знания о том времени в виде мартиролога, рассказа о жесткой вырубке духовности» [Игнатова, 1984, с. 215]. И. Жданов в эссе, посвященном памяти Е. Блажеевского, также вспоминает, что для поэтов его поколения творчество представителей Серебряного века выступало как образец «невиданной эстетической и этической силы», где каждый из них «выстраивал свою биографию в своем письме не менее *как житие*» [Жданов, 2014, с. 50]. На похожее восприятие в 1960-х годах представителей русского модернизма начала XX века указывает московский поэт М. Айзенберг, ср.: «Именно поэты Серебряного века (в основном акмеисты) стали главными культурными героями той среды, которая возникла из небытия. Их *жития* складывались по крупицам из редких мемуаров, часто апокрифических, или устных легенд, чтобы снова разойтись наподобие притч» [Айзенберг, 2004, с. 24] (см. также: [Терановский, 1976, с. 428—29]). Нередко эти легенды творили сами поэты Серебряного века, передавая их начинающим авторам во время творческого и личностного взаимодействия, а в некоторых случаях и прямого ученичества, на правах признанных мастеров художественного слова. В Москве таковыми являлись Б. Пастернак, А. Тарковский, Е. Кропивницкий. А. Крученых, Н. Асеев и др. [Лимонов, 1977, с. 45; Алейников, 2018]. В Ленинграде безусловным авторитетом среди начинавших творческий путь в 1950—60-х годах поэтов пользовалась А. Ахматова. Причем речь идет не только о поэтах круга И. Бродского, так называемых «ахматовских сиротах», но и о поколении В. Кривулина и Е. Шварц.

Причем в самиздатовских литературно-критических работах 1970—80-х годов подчеркивается, что художественный и интеллектуальный опыт представителей культуры Серебряного века хотя и становится основным источником эстетического и духовного развития неофициальной поэзии[1], но далеко не единственным, поскольку для ориентированных на конструктивное творческое развитие поэтов важно было быть открытым

1 По наблюдениям В. Кривулина, «период с 1960 по 1965 годы отмечен усиленным освоением акмеистического (по преимуществу в Ленинграде) и футуристического (в Москве) наследия русской поэзии» [Кривулин, 1979б, с. 246]. В это же время, отмечает главный редактор журнала «37», было «заново “открыто” творчество “обэриутов”», а «знакомство с Хармсом, Введенским (и Вагиновым)» являлось «едва ли не самым существенным фактором эволюции поэтического языка» [Кривулин, 1979б, с. 248].

CC BY

«всем веяниям, всем культурным морфемам» в национальном и мировом контексте [Иванов, 1977, с. 177; Никонова, 1983б, с. 17; Гройс, 1980, с. 68]. Но в 1960-х годах освоение предшествующей и актуальной литературной традиции происходило преимущественно в формах «подражания, стилизации, эклектических заимствований», в то же время направленных на поиск «неких универсальных архетипов, в которых выражается в культуре человеческий опыт вообще» [Гройс, 1980, с. 69][1].

5. Неподцензурная поэзия 1970-х годов в поисках новых форм бытования в культуре

В 1970-х годах произошла консолидация сил в андеграундной поэзии вокруг регулярно издаваемых самиздатовских журналов, что способствовало, наряду с экстенсивным постижением русской и западной культуры XX века (преимущественным расширением представлений об их литературном ландшафте), интенсивному, глубинному ее освоению путем публикационной, исследовательской, литературно-критической и просветительской активности.

В Ленинграде самиздатовская деятельность велась более интенсивно, чем в Москве и других городах Советского Союза. В северной столице в 1970-х годах на постоянной основе выходило более десяти толстых журналов. Среди них самыми известными и продолжительными по времени существования были «Часы», «37», «Северная почта», «Номер» и др. Неофициальная литературная Москва в 1960—70-х годах больше ориентировалась на публикацию альманахов и антологий, многие из которых изначально задумывались как периодические издания, но в силу различных обстоятельств (давление со стороны властей, отсутствие у заинтересованных лиц необходимых условий и времени для издательской работы и т. д.) их выпуск ограничивался одним или несколькими номерами, например: «Синтаксис», «Феникс», «Сфинксы» [От «Феникса» к «Сфинксам», 1965, с. 3—6; Сфинксы № 1, 1965, с. 7—75], «Метрополь», «Московское время» и др.

О выходе андеграундной поэзии на новый уровень культурной коммуникации, не ограниченной интересами группы, «салона» или семинара, и начале процесса рефлексивного осмысления ее непосредственными участниками своего художественного творчества в контексте единого литературного пространства свидетельствуют издание под ред. М. Шемякина

1 К тому же, как обосновывал Б. Гройс, неофициальное искусство в 1950-х — начале 60-х гг., отказавшись от единообразия официальной культуры, выступило против концепции новаторства вообще, поскольку эта концепция идеологически была осмыслена советской властью в качестве основы соцреалистического искусства [Гройс, 1980, с. 68—69].

CC BY

альманаха «Аполлон-77» в Париже, публикация альманаха «Метрополь» (1979 год) в Москве и подготовка коллективного сборника «Лепта» в Ленинграде (1975 год). Подготовка подобного сборника была предпринята и в Москве. В итоге, получив разгромную рецензию от П. С. Выходцева, ознакомившегося с рукописью по поручению главреда Ленинградского Отделения издательства «Советский писатель» А. Чепурова, сборник «Лепта» был опубликован в самиздате [Выходцев, 1976, с. 151—166].

Собранные под одной обложкой стихи «самых, казалось бы, разных поэтов, совершенно неожиданно (и для самих составителей) обнаружили присутствие похожих, повторяющихся мотивов, образов, обилие аналогичных ритмических ходов, синтаксических конструкций и словосочетаний, излюбленных не одним-двумя-тремя, а сразу десятью-двадцатью поэтами». В то же время обозначенные соответствия обнажили провалы и проблемные зоны в поэзии ленинградского андеграунда. В частности, В. Кривулин, один из составителей сборника «Лепта», среди прочего видел причины художественного однообразия представленных в нем стихов в общей исходной традиции, в которой работали авторы («поэзия петербургского “серебряного века”, конкретнее — акмеизм»), и в «равнодушии их к другим (иноязычным) поэтическим традициям и системам», порою граничащем с невежеством [Кривулин, 1979б, с. 255].

Заметим, что в 1980-х годах на страницах самиздатовского журнала «Транспонанс» (г. Ейск) поэт и критик Ры Никонова в обзорах ленинградской неподцензурной периодики («Часы», «Обводной канал»), прежде всего поэтических разделов, всегда акцентировала внимание на отсутствии каких-либо серьезных попыток формально-содержательного обновления поэтического языка в стихах авторов сборника «Лепта», неспособных выйти из-под влияния предшествующей традиции: «На мой взгляд, такого рода стихи, к сожалению, косяками бытующие в Ленинграде связаны со страхом авторов быть “непонятыми”, с желанием творить в проверенных условиях, среди апробированного набора эмоций и метафор, гарантирующих “понимание” публики, якобы опирающейся на традицию» [Никонова, 1984, с. 157]. При этом сама Ры Никонова в критике и эссеистике, с одной стороны, неоднократно программно подчеркивала свою приверженность традиции русского авангарда 1920—30-х годов, указывала на неиссякаемый потенциал и актуальность поэтического опыта и теоретических работ ключевых ее представителей (А. Крученых, В. Гнедова, А. Чичерина и др.) [Никонова, 1983а, с. 20]. С другой стороны, она не раз высказывалась о необходимости «развития и синтезирования достижений всех поэтических школ и направлений, когда-либо существовавших и где-либо существующих» [Никонова, 1983б,

CC BY

с. 17], тем самым сходясь во мнении с практиками и теоретиками ленинградской неофициальной литературы (Б. Иванов, Б. Гройс, В. Кривулин и др.). В свете данных поисков, разработки новых приемов и технологий художественного письма, экспериментов со стиховой формой Ры Никонова оценивала андеграундную поэзию Ленинграда.

Наряду со стремлением поэтов и критиков очертить и осмыслить границы и ценностно-эстетическое наполнение культурного пространства, в котором они работают, в рассматриваемый период фиксируются в самиздатовской периодике еще две тенденции. Они станут важнейшими условиями бытования неофициальной поэзии в 1970—80-х годах. Речь идет о формировании ценностной основы, не заимствованной, а базирующейся на «собственной духовной и экзистенциально опробованной почве» [Иванов, 1977, URL], и о диалогизме художественного мышления как источнике сотворческого взаимодействия читателя и поэта, поэзии и других видов искусства (живописи и музыки) [Новиков, 1979, с. 237; Таршис, 1981, с. 9—10], различных культурных традиций [Иванов, 1977, с. 177; Никонова, 1983б, с. 17; Гройс, 1980, с. 68]. Причем запрос на иные формы эстетической коммуникации шел и от адресата поэтического высказывания [Д. С., 1977, с. 192], обусловленный, как отмечал Г. Айги, тем, что в обстоятельствах, когда человек не занят «безликим “общим делом”», а «переживает свою жизнь перед проблематичным феноменом Существования», читатель нуждается в поэте как «собеседнике, которому можно доверять». Отсюда меняется сам способ обращения к читателю: «не от трибуны — в зал, в слух, а от *бумаги (часто — и не-типографской) — к человеку, в зрение.* Читателя не ведут, не призывают, с ним — беседуют, как с равным» [Айги, 1979, с. 72]. В. Кривулин, вслед за Г. Айги, также фиксирует, что в 1970-е годы «на слух» лучше воспринимается «уже знакомое по чтению глазами, и поэтический шаманизм никого не затрагивает с той силой, с какой затрагивало голосоведение поэта аудиторию 60-х годов» [Кривулин, 1979б, с. 252][1].

6. «Христианский ренессанс» в поэзии 1970-х годов

Поворот к диалогу с читателем, предшествующей национальной и в целом мировой литературной традицией, поиск духовных оснований жизни и творчества лежит в основе обращения многих представителей неподцензурной поэзии (и прежде всего — ленинградской) к православному

1 Применительно к авангардистской традиции Ры Никонова рассматривала современную литературу в аспекте перехода от *исполнительского* искусства к *неисполнительскому* и в этом видела стремление ее к самоценности, подобно музыке, «не связанной с жизнью и обыденным языком» [Таршис, 1981, с. 10].

CC BY

христианству[1]. На значительность этого события указывает множество литературно-критических и публицистических высказываний в ленинградском самиздате, где ставится вопрос о «христианском ренессансе» и его роли в формировании «культурного движения» в литературном андеграунде. Е. Пазухин писал, что в 1960—70-е годы не нашлось бы ни одного представителя неофициальной литературы, который не подписался бы под словами Мандельштама: «В наше время каждый культурный человек — христианин». В. Кривулин на страницах журнала «37» формулирует духовное кредо андеграундных художников слова: «Свет культуры подпольной — это первоапостольский свет» [Пазухин, 1985, с. 200]. Христианская традиция, как заметил Б. Иванов, давала искомую иерархию ценностей, без которой никакой разговор о культуре невозможен, восстанавливала в творчестве поэтов вертикально-восходящую парадигму, постулирующую движение духа вверх, от земли, безвременья, бессмысленности существования, «от оскорбленности высокого в себе» [Иванов, 1977], и способствовала налаживанию «горизонтальных связей» в культуре и жизни, поскольку христианское учение по природе своей диалогично[2].

К христиански ориентированным поэтам литературная критика относила Л. Аронзона, Б. Куприянова, Е. Игнатову, Ю. Вознесенскую, Е. Шварц, О. Седакову, В. Кривулина, А. Миронова, О. Охапкина и др. В отличие от предшественников (А. Ахматовой, Н. Гумилева, О. Мандельштама, Б. Пастернака), за которыми стояла национальная и мировая духовная культура, ленинградские и московские неофициальные поэты практически наощупь, в обстоятельствах «почти полного отсутствия» богословских и религиозно-философских источников, начинали творческий путь. Каждый по-своему восполнял эти пробелы, но все понимали, что только в рамках интеллектуального, духовного и личностного взаимодействия возможно обрести «религиозное самосознание» [Горичева, 1979, с. 231], творческую независимость и онтологическую связь с культурной традицией.

1 Нужно заметить, что интерес к религии в 1970-х годах не ограничивался только православным христианством. Отмечалось в критике увлечение представителей неподцензурной литературы буддизмом, индуизмом, протестантизмом, а также различными формами оккультизма [Иванов, 1977, с. 160]. Причем нередко в условиях информационного вакуума, отсутствия религиозной преемственности и «четких представлений об этой сфере» происходило спекулятивное смешение различных религиозных традицией в трактовках новоиспеченных адептов обновленной веры. Все это, по словам Джорджа Микельсона, напоминало черный рынок религиозности, в ловушку которого попадали многие люди, стремящиеся заполнить духовно-нравственный вакуум в душе [Микельсон, 1982, с. 261—262].

2 Показательной в этом плане является высказывание Е. Пазухина «об объединении творческих личностей» в культурное движение «по модели евангельского понятия церкви (даже Троицы), где каждый член абсолютно личен, строго индивидуализирован и в то же время нераздельно слит с другими» [Пазухин, 1976, с. 6].

CC BY

При этом следует различать, с одной стороны, осознанную декларацию поэтами своих духовно-нравственных позиций со страниц самиздатовских журналов в форме интервью, эссеистики или воспоминаний [Вознесенская, 1978, URL], с другой стороны, их эмоционально-рефлексивное и интуитивное приближение к Богу и евангельской истине в художественном опыте, зафиксированное в литературно-критической рецепции [Седакова, 1990, URL]. С позиции последней творчество поэтов, скорее, следует рассматривать как позднемодернистское с ориентацией на христианскую мифологическую традицию, для которого есть «одна отдаленная параллель, одно прошедшее будущее: эпоха символизма» [Седакова, 1990; Стратановский, 1985, с. 295; Интервью с Виктором Кривулиным, 1985]. Так, критик В. Х. характеризует стихи Б. Куприянова как «описание-описывание духовного пространства», укорененного в «русском христианстве, Православии». Но в то же время, как отмечает В. Х, работа «в сфере христианской мифологии <…> дает возможность не писать стихи на собственно религиозную тему», поскольку «та замечательная мера, с которой Куприянов вводит в свой текст библеизмы, указывает на органичность, почти бессознательность его Богочувствования» [В. Х., 1980, с. 122—124][1]. Характерно, что Б. Иванов в рамках симпозиума «Пути культуры 60—80-х годов» указывал на характерную для религиозности неофициальной поэзии «неортодоксальную модель», которую он предлагал понимать как «одно из проявлений общереформационных тенденций» [Иванов и др., 1986, с. 199].

В рамках поэтики христианского неомифологизма вполне закономерно отмеченное критикой обращение неофициальных поэтов к феноменам демиургизма, демонизма и «самообожествления». Причины этого виделись, во-первых, во влиянии на поэтов модернистской традиции начала XX века с характерным для нее культом индивидуализма и, во-вторых, в низком

1 Приведем еще примеры христианского неомифологизма в творчестве неподцензурных поэтов, который стал предметом рефлексии в самиздатовской критике. Метафизика «распредмечивания», когда «вещи умаляются, сжимаются, становятся неуловимыми», поскольку «важны не они сами, а их предел», лежит в основе, по мнению В. Кривулина, «феномена перехода от эстетического созерцания мира к религиозному восприятию всего, что нам дает мир» [Кривулин, 1977, с. 42] в лирике Л. Аронзона. Творчество самого же В. Кривулина, а также О. Охапкина, А. Миронова, например, главным редактором журнала «Часы» Б. Ивановым рассматривается в «горизонте мифа» [Иванов, 1977, с. 166], возвращения в 1970-х годах к мифотворчеству на базе «нравственной религиозности» и вертикально-восходящего движения духа в перспективе соединения с «мы», понятой «в своей потенции как ново-христианская конфессия» [Иванов, 1977, с. 174]. Проблема преодоления «пропасти между Богом и человеком», не заполняющейся «ни традицией, ни авторитетом, ни таинствами», когда «в одно и то же мгновение Бог и тварь абсолютно близки и абсолютно далеки», решается Е. Шварц, как показывает Т. Горичева, путем нахождения «нужной степени напряжения в мистическом Unio, в непосредственном единстве Я и Бога, твари и Творца» [Горичева, 1977, с. 23].

CC BY

уровне религиозного самосознания художников слова в обстоятельствах культурного вакуума 1960—70-х годов, приводящем к эклектичному смешению христианского учения с оккультизмом разных мастей, часто сопровождающемуся поиском «экзальтированных переживаний, особых молитв-заговоров и магических действ» [Фомин и др., 1986, с. 258]. Нередко, как показал Е. Пазухин, в неофициальной поэзии «творец прочно обосновывался на месте Творца», в отличие от Серебряного века, где «Создатель и поэт могли тогда во многом отождествляться», но никогда «не менялись местами» [Пазухин, 1985, с. 202].

7. «Культурное движение» 1970-х годов и его роль в развитии неподцензурной поэзии

В силу сказанного выше особый смысл приобретает размышление Б. Иванова о роли андеграундной культуры в советском обществе: если бы она «в своем содержании была бы эгоцентрична, ее можно было бы воспринимать *как секту*. Но она встроена в социум как его собственная радикальная проблема, как его собственная потенция» [Иванов, 1979, с. 220—221]. Преодоление эгоцентризма, нигилизма и сектантского искуса выводит на совершенно иной уровень проблему подпольного существования поэта, взаимоотношения официальной и неофициальной культуры и свидетельствует о качественном изменении в понимании участниками советского литературного андеграунда места и функции последней в историческом процессе второй половины XX века. Концептуально продуманная и артикулированная в форме программных высказываний данная позиция была представлена в ряде докладов на первой и второй ленинградской конференции 1979 года, посвященной «культурному движению», и в публикациях в самиздатовской периодике. Собственно, понятие «культурное движение» призвано было снять открытую ценностную противопоставленность официоза и андеграунда, как это подчеркивалось в бинарных формулировках, и зафиксировать идейную и институциональную самодостаточность нонконформистской культуры: «Культурное движение следует рассматривать как явление, возникшее совсем недавно, — с того времени, как художникам удалось добиться легализации, то есть с того момента, как *неофициальность и незаконность перестали быть синонимами*» [Иванов, 1979, с. 211].

Временем зарождения «культурного движения», по мысли главного редактора журнала «Часы», нужно считать середину 1970-х годов, когда оно обретает черты общественного явления «с квартирными и полуофициальными выставками, с салонными и полуофициальными выступлениями поэтов, с неофициальными, но легальными изданиями — журналов, альманахов, сборников, с семинарами, докладами, коллекциями» [Иванов,

CC BY

1979, с. 211—212][1]. Именно периодические издания в 1970—80-х годах и организационная деятельность стоящей за ними редколлегии играли решающую роль в формировании «культурного движения» и осмыслении его в теоретическом и культурно-историческом аспектах. Таковыми являлись ленинградские журналы «37», «Часы», «Обводной канал», «Митин журнал», регулярно издававшиеся на протяжении нескольких лет.

Для нас важно, что в публикациях о проблемах «культурного движения» неофициальная поэзия представлена как наиболее репрезентативный материал, иллюстрирующий социогуманитарные процессы в рассматриваемой области. Особый интерес для их понимания имеет цикл работ Б. Иванова «Реализм и личность»[2], где оппозиция официальное — неофициальное <искусство> рассматривается с точки зрения традиционного для русской культуры противостояния художника и общества, направленного на «высвобождение опыта из раз навсегда данных интерпретаций <…> и утверждение независимости разума индивида» от господствующей общественно-политической идеологии[3]. С этой позиции, неохристианство в процессе становления «культурного движения», по мнению Б. Иванова, — закономерный этап выхода поэтов за границы социалистической традиции с целью «усвоения “наследия прошлого”» и узнавания «самого

1 Н. Нечаев также считал, что началом культурного движения является середина 1970-х годов, а точнее — инициированный властью разгон «“бульдозерной” выставки в Беляево в Москве», следствием которого стала «консолидация художников, поэтов, прозаиков, философов, религиозных деятелей. Возникли объединения художников-нонконформистов (ТЭВ), сборники независимой поэзии, появились открытые издания — журнал “37”, книга-коллаж “Архив”» [Нечаев, 1978, с. 241].

2 Философия культуры Б. Иванова и феномен «культурного движения» в контексте литературно-общественной стратегии самиздатовского журнала «Часы» подробно рассмотрены в работах Житенева А. А. [Житенев, 2015, с. 66—79] и Панкратовой Е. В. [Панкратова, 2019, с. 110—163] соответственно.

3 Во время дискуссии на симпозиуме «Пути культуры 60—80-х годов», наряду с позицией Б. Иванова, выдвигались следующие аргументы в пользу единства русской советской литературы с точки зрения типологических процессов в культуре XIX—XX веков: 1. «Есть хорошие писатели, есть плохие писатели, и советская литература возникла не после революции, а была всегда» (Д. Волчек); 2. «До сих пор остается справедливым разделение В. Лениным (хотя это было известно и до него) всякой национальной культуры на две: господствующую (по идеологическим и традиционным параметрам) и негосподствующую (по тем же параметрам). У этих двух культур свои традиции. Первая исходит из существующей общественной системы и копирует ее, вторая — исходит из диалектики, то есть из борьбы противоречий» (И. Адамацкий); 3) Литература во все времена определялась «архитектурой личности» читателя, характеризующейся «этажностью существующих» у него «чувств» (религиозное, гражданское самосознание и др.): официальная ее сфера ориентирована на людей с отсутствующими или редуцированными чувствами верхней этажности, а неофициальная наоборот (А. Шуфрин); 4) Неофициальная литература, распространенная «в списках, магнитофонных пленках, устно», является не чем иным, как фольклором, который существовал всегда и «у всех народов» наравне с письменной культурой художественного слова (В. Кушев) [Иванов и др., 1986, с. 196—233].

CC BY

себя, своего актуального положения в мире» [Иванов, 1981а, с. 226] (ср.: [Нечаев, 1978, с. 244—245]).

Дальнейшее развитие культурного движения и неофициальной поэзии как ее важнейшей составляющей Б. Иванов связывал с реализмом, понимаемым как «экзистенциальная обоснованность духовных проектов», «ответственная корреляция с проблемами современности» и «открытость пониманию». Причем реализм рассматривается критиком вне оппозиции авангарду, поскольку «утрачивает связь с миметизмом» [Житенев, 2015, с. 75], и в диалектическом взаимодействии с христианской традицией, что выступает в качестве базиса, способного «обличить» его «в моральной, духовной, мировоззренческой и эмпирической несостоятельности». В свою очередь реализм является силой, способной «оздоровить традиционные устои общества, помочь отбросить невежественных и компрометирующих защитников традиций, вдохнуть в традиционализм волевой и моральный пафос, очистить традиции от схоластики» [Иванов, 1981б, с. 242].

Таким образом, в рецепции Б. Иванова и ряда других неофициальных критиков и издателей [От редакции, 1982, с. 232] формируется модель развития культурного движения как процесса духовно-нравственного обновления общества и выработки ценностно-мировоззренческой основы для эффективной модернизации официальной культуры и социально-политической системы в стране. Нужно заметить, что позиция Б. Иванова участниками «культурного движения» воспринималась в качестве консервативной, почвеннической [Иванов и др., 1986, с. 219]. Ее определяла, помимо обозначенных выше дефиниций, во-первых, личная ответственность за «культуру в целом», во-вторых, понимание идеологии как «сферы абсолютных универсалий (этико-гуманитарных)», в-третьих, национальное самосознание, когда личность «начинает думать о том организме, в котором существует, о его здоровье, о его успехе», в-четвертых, создание на этой основе общей «этической платформы», противостоящей крайним формам релятивизма в обществе [Иванов и др., 1986, с. 201—202]. Причем идейный состав высказываний Б. Иванова оценивался в контексте возрождения как в официальной, так и неофициальной сфере советской культуры 1970—80-х годов интереса к освещенным традицией национальным моделям интеллектуальной мысли (славянофильство, почвенничество, ортодоксальное христианство) [Иванов и др., 1986, с. 227; Кобак и др., 1986, с. 341—342].

8. Заключение

Итак, нами были рассмотрены с системных позиций проблемы аксиологии и поэтики советской андеграундной поэзии 1960—70-х годов, стратегии художественного развития и творческого поведения ее представителей,

CC BY

зафиксированные в литературно-критических работах различной жанровой принадлежности на страницах самиздатовской и тамиздатовской периодики. Установлено, что разделение единой культуры на официальную и неофициальную сферы приходится на первую половину 1960-х годов. К этому времени в Москве и Ленинграде были закрыты все литературно-критические объединения, возникшие на «оттепельной» волне преимущественно в студенческой среде, заморожены культурные инициативы и в то же время инициированы государством охранительные меры против открыто отстаивающих свою общественную и творческую позицию молодых поэтов.

В силу сказанного в 1960-х годах преобладали протестные настроения в андеграундной поэтической среде, нередко смыкающиеся с правозащитной деятельностью, отстаиванием социально-политической и творческой свободы (В. Батшев, Н. Горбаневская и др.). В этот период начинается сложный процесс поиска поэтами духовно-нравственных оснований личностной и творческой идентичности в ситуации «культурного вакуума», формирования онтологических границ индивидуального бытия в соответствии с собственным экзистенциальным опытом, освобожденным от коллективистских установок советской идеологии. На первых порах обозначенный процесс обретал эгоцентрический, нигилистический и деструктивный характер: декадентские настроения, эпатажное поведение, «поэтический шаманизм», феномен «шизоидной культуры» (В. Кривулин), различные формы социального и культурного невротизма. В сознании поэтов властвовал культ собственной гениальности и неизбежной роковой гибели, безграничной творческой активности, пророческой миссии, в том числе выражающейся в импульсивно-эмоциональном, гипнотическом воздействии на читателя во время публичного исполнения стихов.

Осваивание поэзии и философии Серебряного века в 1960-х годах, в силу отрыва от культурно-исторического контекста и отсутствия ключей к глубинному ее постижению, во многом принимало формы эклектичного подражания, случайных заимствований и стилизации, не получившей критического осмысления с учетом современной культурной ситуации и личностных духовно-нравственных оснований. В этом плане большое значение в преодолении разрыва с предшествующей литературной традицией, системно-целостным ее постижением имела самиздатовская периодика. На страницах таких регулярно издававшихся толстых литературно-критических журналов, как «37», «Часы», «Транспонанс», «Обводной канал», «Митин журнал» и т. д., печатались не только неподцензурные стихи и проза, но и культурологические и литературоведческие исследования, посвященные изящной словесности и философии Серебряного века, переводы работ западных мыслителей, опыты научно-критической рецепции

CC BY

современной литературы. Все это стимулировало творческую активность поэтов и создавало ценностно-мировоззренческий и эстетический фундамент для продуктивного текстопорождения.

Вокруг самиздатовских журналов в 1970-х годах начинается процесс собирания, консолидации неподцензурной культуры словесного творчества, не ограниченной интересами отдельных групп и литературных салонов. Ленинградский журнал «37» становится центром религиозного культурного возрождения, где печатались такие ориентированные на поэтику христианского неомифологизма авторы, как В. Кривулин, О. Седакова, А. Миронов, Е. Шварц, Ю. Вознесенская и др. Христианская традиция давала искомую ценностную основу для творчества поэтов, способствовала их выходу в пространство духовного взаимодействия с другими участниками андеграундной культуры и читателями, нуждающимися в «собеседнике, которому можно доверять» (Г. Айги). Формы публичной репрезентации поэзии сменяются сотворческим постижением текстов, зафиксированных на бумаге. В это же время впервые предпринимаются попытки системной характеристики культурного пространства в андеграундной поэзии и рефлексивного его осмысления путем создания коллективных сборников стихов («Круг) или альманахов («Аполлон-77», «Метрополь»), организации симпозиумов, семинаров и конференций по вопросам неофициальной культуры.

В рамках этих обсуждений формулируется концепция «культурного движения», определяющая потенциал и пути развития андеграундной культуры и поэзии как важнейшей ее составляющей в 1970—80-х годах. В соответствии с ней нонконформистское поэтическое творчество рассматривалось в широком культурно-историческом контексте (в частности, конфликт художника и общества, власти-небожителя и поэта), снимающем открытое противостояние с официозом. Не случайно Б. Иванов предлагал воспринимать «культурное движение» в качестве «радикальной проблемы» социума, потенциала для его развития и эффективной модернизации. Словесное искусство, согласно данной концепции, должно иметь традиционалистскую ценностную основу, связанную с христианской духовной системой, и в то же время быть ориентированным на экзистенциальное обоснование любых духовных проектов, соотноситься с проблемами современности и быть открытым к культурному диалогу.

Литература

1. *Айги Г.* Сон-и-Поэзия / Г. Айги // Ковчег. — 1979. — №4. — С. 70—78.

2. *Айзенберг М.* Оправданное присутствие : сборник статей / М. Айзенберг. — Москва : Baltrus : Новое издательство, 2005. — 212 с.

3. *Алейников В.* Рассказать о былом [Электронный ресурс] / В. Алейников. — 2018. — Режим доступа : https://7i.7iskusstv.com/2018-nomer11-alejnikov1/ (дата обращения 3.01.2021).

4. *Андреева В.* В «малом круге» поэзии / В. Андреева // Апполон-77 / под ред. М. Шемякина. — Париж : [б. и.], 1977. — С. 94—101.

5. *Бешенковская О.* Волки и кролики / О. Бешенковская // Часы. — 1981. — № 33. — С. 184—218.

6. *Боулт Дж. Э.* «Час итогов» [Электронный ресурс] / Джон Э. Боули // Антология новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны. — Т. 1. — 1980. — Режим доступа : https://kkk-bluelagoon.ru/tom1/cont_1.htm (дата обращения 16.02.2021).

7. *Бург Д.* Партия и писатели / Д. Бург // Грани. — 1963. — № 54. — С. 98—132.

8. *Вознесенская Ю.* Ответы на анкету [Электронный ресурс] / Ю. Вознесенская // Журнал «37». — 1978. — № 18. — Режим доступа : https://samizdatcollections. library.utoronto.ca/islandora/object/samizdat%3A1828 (дата обращения 23.01.2021).

9. *Выходцев П. С.* Рецензия на коллективный сборник ленинградских поэтов «Лепта» / П. С. Выходцев // Журнал «37». — 1976. — № 4. — С. 151—166.

10. *Горев К.* Несколько слов о современной советской поэзии / К. Горев // Оптима. — 1960. — № 1. — С. 8—15.

11. *Горичева Т.* Дискуссия / Т. Горичева, В. Пореш, Е. Пазухин // Журнал «37». — 1979. — № 18. — С. 229—243.

12. *Горичева Т.* Творец и тварь. Идеологическое введение к «Простым стихам» Елены Шварц / Т. Горичева // Журнал «37». — 1977. — № 11. — С. 20—25.

13. *Гройс Б.* Две культуры в одной культуре / Б. Гройс // Журнал «37». — 1980. — № 20. — С. 67—76.

14. *Д. С.* Пушкин и Бродский / С. Д. // Журнал «37». — 1977. — № 9. — С. 192—203.

15. *Д. В.* Хроника. Памяти Леонида Аронзона / В. Д. // Часы. — 1980. — № 27. — С. 296—298.

16. *Дубров А.* Самиздат в венском литературном журнале [Электронный ресурс] / А. Дубров. — 1973. — 4 августа. — Режим доступа : http://tamizdatproject.org/ru/people/andrei-dubrov (дата обращения 28.02.2021).

17. *Дудинский И.* Что такое «Московская идея». Первое приближение [Электронный ресурс] / И. Дудинский // Митин журнал. — 1985. — № 6. — Режим доступа : http://kolonna.mitin.com/archive/mj06/ (дата обращения 3.02.2021).

18. *Жданов И. Ф.* Беззащитное мужество Евгения Блажеевского / И. Ф. Жданов // Культура Алтайского края. — 2014. — № 1 (13). — С. 50—53.

19. *Житенев А. А.* Философия культуры Бориса Иванова / А. А. Житенев // Emblemataamatoria : Статьи и этюды. — Воронеж : НАУКА–ЮНИПРЕСС, 2015. — С. 66—79. — ISBN 978-5-4292-0091-0.

20. *Иванов Б.* Возвращение парадигмы (из книги «Часы культуры») [Электронный ресурс] / Б. Иванов // Часы. — 1977. — № 8. — Режим доступа : https://samizdat. wiki/images/3/39/ЧАСЫ6-8-Б-Иванов-Возвращение-парадигмы.pdf (дата обращения 13.02.2021).

21. *Иванов Б.* Культурное движение как целостное явление / Б. Иванов // Часы. — 1979. — № 21. — С. 209—221.

22. *Иванов Б.* Литературные поколения в ленинградской неофициальной литературе 1950-е — 1980-е / Б. Иванов // Самиздат Ленинграда. 1950-е — 1980-е. Литературная энциклопедия / под общ. ред. Д. Северюхина. — Москва : Новое литературное обозрение, 2003. — С. 535—585. — ISBN 5-86793-216-8.

23. *Иванов Б.* Материалы симпозиума «Пути культуры 60—80-х годов» / Б. Иванов, В. Кривулин, Д. Волчек, В. Антонов, М. Иоссель // Часы. — 1986. — № 62. — С. 198—233.

24. *Иванов Б.* Общественная функция культурного движения / Б. Иванов // Часы. — 1985. — № 56. — С. 237—246.

25. *Иванов Б.* По ту сторону официальности. Из книги «Часы культуры» / Б. Иванов // Часы. — 1977. — № 8. — С. 148—184.

26. *Иванов Б.* Реализм и личность / Б. Иванов // Часы. — 1981а. — № 32. — С. 208—240.

27. *Иванов Б.* Реализм и личность. Продолжение / Б. Иванов // Часы. — 1981б. — № 35. — С. 240—259.

28. *Иванов Б.* Реализм и личность (продолжение) / Б. Иванов // Часы. — 1982. — № 36. — С. 273—293.

29. *Иванов Б.* Резюме. Накануне 70-го / Б. Иванов // Часы. — 1978. — № 15. — С. 1—4.

30. *Игнатова Е.* Кто мы? / Е. Игнатова // Часы. — 1984. — № 52. — С. 212—220.

31. *Интервью* с Виктором Кривулиным. Записал Дмитрий Волчек [Электронный ресурс] // Митин журнал. — 1985. — № 6. — Режим доступа : http://kolonna.mitin. com/archive/mj06/krivulin.shtml (дата обращения 19.02.2021).

32. *Каломиров А.* Проблема современной русской поэзии. Статья I. Иосиф Бродский («Место») / А. Каломиров // Журнал «37». — 1977. — № 9. — С. 204—214.

33. *Кобак А.* Молния и радуга : пути культуры 60—80-х годов / А. Кобак, Б. Останин // Часы. — 1986. — № 61. — С. 325—373.

34. *Козлова С. М.* Иван Жданов : о себе, о нем, о его творчестве / С. М. Козлова, Я. П. Изотова // Русская поэзия Сибири XX века : Иван Жданов : монография (Литературные звезды Сибири ; выпуск 3) / отв. ред. С. А. Комаров. — Тюмень : Издательство Тюменского университета, 2017. — С. 16—72. — ISBN 978-5-400-01417-8.

35. *Кривулин В. Б.* Выступление на вечере памяти Леонида Аронзона. К пятилетию со дня смерти / В. Б. Кривулин // Журнал «37». — 1977. — № 12. — С. 41—43.

36. *Кривулин В.* Двадцать лет новейшей русской поэзии (предварительные заметки) / В. Кривулин // Часы. — 1979б. — № 22. — С. 240—263.

37. *Кривулин В.* Пять лет культурному движению. Связь движения художников с движением поэтов / В. Кривулин // Часы. — 1979а. — № 21. — С. 221—229.

38. *Кукулин И.* Два рождения неподцензурной поэзии в СССР [Электронный ресурс] / И. Кукулин. — Режим доступа : https:///E:/Авангард/Илья%20Кукулин.%20Два%20рождения%20неподцензурной%20поэзии%20в%20СССР.html (дата обращения 23.02.2021).

39. *Лившиц Л.* Тулупы Мы [Электронный ресурс] / Л. Лившиц // Антология новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны. — 1980. — Т. 1. — С. 141—154. — Режим доступа : https://kkk-bluelagoon.ru/tom1/philolog.htm#1 (дата обращения 19.02.2021).

40. *Лимонов Э.* Группа «Конкрет» / Э. Лимонов // Апполон-77 / под ред. М. Шемякина. — Париж : [б. и.], 1977. — С. 43—46.

41. *Мальцев В.* Вольная русская литература. 1955—1975 / В. Мальцев. — Франкфурт-на-Майне : Посев, 1976. — 474 с.

42. *Мальцев Ю.* Русская литература в поисках форм / Ю. Мальцев // Грани. — 1971. — № 80. — С. 159—210.

43. *Микельсон Дж.* Русская религиозная поэзия 70-х годов / Дж. Микельсон // Часы. — 1982. — № 38. — С. 258—265.

44. *Нечаев В.* Нравственное значение неофициальной культуры / В. Нечаев // Грани. — 1976. — № 108. — С. 241—252.

45. *Никитин В.* Поэзия транса и прыжок в трансцендентное (наброски к статье) / В. Никитин // Часы. — 1985. — № 58. — С. 223—230.

46. *Никонова Р.* Вместо манифеста / Р. Никонова // Транспонанс. — 1983а. — № 16. — С. 15—27.

47. *Никонова Р.* Манифест номер три / Р. Никонова // Транспонанс. — 1983б. — № 18. — С. 17—19.

48. *Никонова Р.* Иду на канал / Р. Никонова // Транспонанс. — 1984. — № 23. — С. 155—186.

49. *Новиков Ю.* Критика и современное неконформистское искусство / Ю. Новиков // Часы. — 1979. — № 21. — С. 230—238.

50. От «Феникса» к «Сфинксам» // Грани. — 1965. — № 59. — С. 3—6.

51. *Осипов В.* Площадь Маяковского, статья 70-я / В. Осипов // Грани. — 1971. — № 80. — С. 107—136.

52. *Пазухин Е.* Внешние и внутренние проблемы нашей культуры / Е. Пазухин // Архив. — 1976. — № 1. — С. 2—6.

53. *Пазухин Е.* «Звездные часы» русской поэзии XX века / Е. Пазухин // Часы. — 1985. — № 57. — С. 197—203.

54. *Панкратова Е. В.* Литературная стратегия самиздатского журнала «Часы» : концепция независимой литературы : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. В. Панкратова. — Санкт-Петербург, 2019. — С. 251.

55. *Петров В.* «Забудут? Вот чем удивили …» / В. Петров, М. Шемякин // Аполлон-77 / под ред. М. Шемякина. — Париж : [б. и.], 1977. — С. 108.

56. *Покровский О. В.* Положи мне руку на сердце / Из воспоминаний о поэте Р. Мандельштаме [Электронный ресурс] / О. В. Покровский // Часы. — 1976. — № 2. — Режим доступа : https://samizdat.wiki/images /7/70/ ЧАСЫ2_-_8-Мандельштам _ Покровски.pdf (дата обращения 3.03.2021).

57. *Поэзия* сегодняшнего дня // Искусство коммуны. — 1962. — Т. 20, 23, 26, 27.

58. *Пуховиков А.* К вопросу о «московской идее» [Электронный ресурс] / А. Пуховиков // Митин журнал. — 1985. — № 6. — Режим доступа : http://kolonna.mitin.com/archive /mj06/puhovikov.shtml (дата обращения 6.03.2021).

59. *Савицкий С.* Андеграунд : история и мифы ленинградской неофициальной литературы / С. Савицкий. — Москва : Новое литературное обозрение, 2002. — 224 с. — ISBN 5-86793-186-2.

60. *Самиздат* (По материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950—80 годы» Санкт-Петербург, 25—27 апреля 1992). — Санкт-Петербург : Научно-информационный центр (НИЦ) «Мемориал», 1993. — 142 с.

61. *Самиздат Ленинграда.* 1950-е — 1980-е. Литературная энциклопедия / под общ. ред. Д. Северюхина. — Москва : Новое литературное обозрение, 2003. — 624 с. — ISBN 5-86793-216-8.

62. *Северная почта.* Журнал стихов и критики. Номер посвящается сорокалетию Иосифа Бродского [Электронный ресурс] // Северная почта. — 1980. — № 6. — Режим доступа : https://samizdatcollections.library.utoronto.ca/islandora/objectsamizdat%3A10667 (дата обращения 23.03.2021).

63. *Седакова О.* Заметки и воспоминания о разных стихотворениях, а также похвала поэзии / О. Седакова // Часы. — 1983. — № 46. — С. 1—35.

64. *Седакова О.* Леонид Аронзон : поэт кульминации / О. Седакова // Poetics. — Москва : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. — С. 515—529.

65. *Седакова О.* Музыка глухого времени [Электронный ресурс] / О. Седакова // Вестник новой литературы. — 1990. — № 2. — Режим доступа : https://www.olgasedakova. com/Poetica/175 (дата обращения 25.03.2021).

66. *Сигей С.* О «задачах» транспоэзии / С. Сигей // Транспонанс. — 1979. — № 1. — С. 4—5.

67. *Стратановский С.* Нечто об авангардизме / С. Стратановский // Обводной канал. — 1986. — № 10. — С. 293—300.

68. «Сфинксы» № 1 — литературный российский журнал» // Грани. — 1965. — № 59. — С. 7—75.

69. *Таршис А.* Литература есть частица вселенной / А. Таршис // Транспонанс. — 1981. — № 8. — С. 9—12.

70. *Терновский Е.* Соименник и имярек. Поэт и культура / Е. Терновский // Грани. — 1976. — № 100. — С. 424—438.

71. *Фомин А.* Бумажный сатана (рецензия на «Заметки» Г. Беневича и А. Шуфрина) / А. Фомин, Т. Чудиновская // Часы. — 1986. — № 61. — С. 251—264.

72. *Х. В.* Несколько слов о современнике : Борис Куприянов / В. Х. // Часы. — 1980. — № 28. — С. 118—128.

73. *Хроника* // Журнал «37». — 1978. — № 17. — С. 210—212.

References

Aigi, G. (1979). Son-i-Poeziya. *Ark, 4:* 70—78. (In Russ).

Aleynikov, V. (2018). *Tell about the past.* Available at: https://7i.7iskusstv.com/2018-nomer11-alejnikov1/ (accessed on 3.01.2021). (In Russ).

Andreeva, V., Shemyakin, M. (ed.). (1977). In the "small circle" of poetry. *Apollo-77.* Paris: [B. I.]. 94—101. (In Russ).

Burg, D. (1963). Party and writers. *Grani, 54:* 98—132. (In Russ).

Boult, J. E. (1980). "The Hour of Results". In: *Anthology of the latest Russian poetry at the Blue Lagoon, 1.* Available at: https://kkk-bluelagoon.ru/tom1/cont_1.htm (accessed 16.02.2021). (In Russ).

Beshenkovskaya, O. (1981). Wolves and rabbits. *Hours, 33:* 184—218. (In Russ).

Chronicle. (1978). *Journal "37", 17:* 210—212. (In Russ).

D. S. (1977). Pushkin and Brodsky. *Journal "37", 9:* 192—203. (In Russ).

D. V. (1980). Chronika. In memory of Leonid Aronzon. *Clock, 27:* 296—298. (In Russ).

Dubrov, A. (1973). *Samizdat in the Vienna literary journal.* Available at: http://tamizdatproject.org/ru/people/andrei-dubrov (accessed 28.02.2021). (In Russ).

Dudinsky, I. (1985). What is the "Moscow idea"? The first approximation. *Mitin journal, 6/* Available at: http://kolonna.mitin.com/archive/mj06/ (accessed 3.02.2021). (In Russ).

Eisenberg, M. (2005). *Justified presence: A collection of articles.* Moscow: Baltrus: New publishing House. 212 p. (In Russ).

Feather, A. (1985). To the question about the "Moscow to the idea". *Mitin Zhurnal, 6:* Available at: http://kolonna.mitin.com/archive /mj06/puhovikov.shtml (accessed 6.03.2021). (In Russ).

Fomin, A., Chudinovskaya, T. (1986). Paper Satan (review of "Notes" by G. Benevich and A. Shufrin). *Hours, 61:* 251—264. (In Russ).

From “Phoenix” to “Sphinxes”. (1965). *Grani, 59:* 3—6. (In Russ).
Gorev, K. (1960). A few words about modern Soviet poetry. *Optima, 1:* 8—15. (In Russ).
Goricheva, T., Poresh, V., Pazukhin, E. (1979). Discussion. *Journal “37”, 18:* 229—243. (In Russ).
Goricheva, T. (1977). The Creator and the creature. Ideological introduction to “Simple Poems” by Elena Shvarts. *Journal “37”, 11:* 20—25. (In Russ).
Groys, B. (1980). Two cultures in one culture. *Journal “37”, 20:* 67—76. (In Russ).
H. V. (1980). A few words about a contemporary: Boris Kupriyanov. *Hours, 28:* 118—128. (In Russ).
Ignatova, E. (1984). Who are we? *Hours, 52:* 212—220. (In Russ).
Interview with Viktor Krivulin. Recorded by Dmitry Volchek. (1985). *Mitin magazine, 6:* Available at: http://kolonna.mitin. com/archive/mj06/krivulin.shtml (accessed 19.02.2021). (In Russ).
Ivanov, B. (1977). On the other side of formality. From the book “Hours of culture”. *Hours, 8:* 148—184. (In Russ).
Ivanov, B. (1977). The Return of the paradigm (from the book “Hours of Culture”). *Clock, 8:* Available at: https://samizdat. wiki/images/3/39/HOURS 6-8-B-Ivanov-Return-paradigms.pdf (accessed 13.02.2021). (In Russ).
Ivanov, B. (1978). Summary. On the eve of the 70th. *Hours, 15:* 1—4. (In Russ).
Ivanov, B. (1979). Cultural movement as an integral phenomenon. *Hours, 21:* 209—221. (In Russ).
Ivanov, B. (1981a). Realism and personality. *Hours, 32*: 208—240. (In Russ).
Ivanov, B. (1981b). Realism and personality. Continuation. *Hours, 35:* 240—259. (In Russ).
Ivanov, B. (1982). Realism and personality (continued). *Hours, 36:* 273—293. (In Russ).
Ivanov, B. (1985). Public function of the cultural movement. *Hours, 56:* 237—246. (In Russ).
Ivanov, B. (2003). Literary generations in the Leningrad unofficial literature of the 1950s—1980s. *Samizdat Leningrad. 1950s — 1980s. Literary encyclopedia.* Moscow: New Literary Review. 535—585. ISBN 5-86793-216-8. (In Russ).
Ivanov, B., Krivulin, V., Volchek, D., Antonov, V., Iossel, M. (1986). Materials of the symposium “Ways of culture of the 60—80s”. *Hours, 62:* 198—233. (In Russ).
Kalomirov, A. (1977). The problem of modern Russian poetry. Article I. Joseph Brodsky (“Place”). *Magazine “37”, 9:* 204—214. (In Russ).
Kobak, A., Ostanin, B. (1986). Lightning and the rainbow: ways of culture of the 60—80s. *Hours, 61:* 325—373. (In Russ).
Kozlova, S. M., Izotova, Ya. P., Komarov, S. A. (ed.). (2017). Ivan Zhdanov: about himself, about him, about his work. *Russian poetry of Siberia of the XX century: Ivan Zhdanov: monograph (Literary stars of Siberia; issue 3)*. Tyumen: Tyumen University Press. 16—72. ISBN 978-5-400-01417-8. (In Russ).
Krivulin, V. B. (1977). Speech at the evening in memory of Leonid Aronzon. To the fifth anniversary of his death. *Journal “37”, 12:* 41—43. (In Russ).
Krivulin, V. (1979a). Five years of the cultural movement. The connection of the movement of artists with the movement of poets. *Hours, 21:* 221—229. (In Russ).
Krivulin, V. (1979b). Twenty years of the newest Russian poetry (preliminary notes). *Hours, 22:* 240—263. (In Russ).
Kukulin, I. *Two births of uncensored poetry in the USSR.* Available at: https:///E:/Avangard/Ilya%20Kukulin.%20Dva%20generation%20nepodtsensurnaya%20poezii%20b%20SSR.html (accessed 23.02.2021). (In Russ).

Lemons, E., Shemyakin, M. (1977). Group "Konkret". *Apollo-77.* Paris: [b. i.]. 43—46. (In Russ).

Livshits, L. (1980). Tulupy We [We are sheepskin coats]. In: *Anthology of modern Russian poetry from the Blue Lagoon, 1.* 141—154. Available at: https://kkk-bluelagoon.ru/tom1/philolog.htm#1 (accessed 19.02.2021). (In Russ).

Maltsev, V. (1976). *Free Russian literature. 1955—1975.* Frankfurt am Main: Sowing. 474 p. (In Russ).

Maltsev, Yu. (1971). Russian literature in search of forms. *Grani, 80:* 159—210. (In Russ).

Mickelson, J. (1982). Russian religious poetry of the 70s. *Hours, 38:* 258—265. (In Russ).

Nechaev, V. (1976). The moral significance of unofficial culture. *Grani, 108:* 241—252. (In Russ).

Nikitin, V. (1985). The poetry of trance and the leap into the transcendent (sketches for the article). *Hours, 58:* 223—230. (In Russ).

Nikonova, R. (1983a). Instead of the manifesto. *Transponance, 16:* 15—27. (In Russ).

Nikonova, R. (1983b). Manifesto number three. *Transponance, 18:* 17—19. (In Russ).

Nikonova R. (1984). I'm going to the channel. *Transponance, 23:* 155—186. (In Russ).

Northern Post Office. Magazine of Poetry and Criticism. The issue is dedicated to the fortieth anniversary of Joseph Brodsky. (1980). *Northern Post Office, 6.* Available at: https://samizdatcollections.library.utoronto.ca/islandora/objectsamizdat%3A10667 (accessed 23.03.2021). (In Russ).

Novikov, Yu. (1979). Criticism and modern non-conformist art. *Hours, 21:* 230—238. (In Russ).

Osipov, V. (1971). Mayakovsky Square, article 70. *Grani, 80:* 107—136. (In Russ).

Pankratova, E. V. (2019). *Literary strategy of the samizdat magazine "Hours": the concept of independent literature.* PhD Diss. St. Petersburg. P. 251. (In Russ).

Pazukhin, E. (1976). External and internal problems of our culture. *Archive, 1:* 2—6. (In Russ).

Pazukhin, E. (1985). "Starry hours" of Russian poetry of the twentieth century. *Hours, 57:* 197—203. (In Russ).

Petrov, V., Shemyakin, M. (1977). "Will they forget? That's what surprised...". *Apollo-77.* Paris: [B. I.]. P. 108. (In Russ).

Poetry of today. (1962). *Art of the Commune, 20, 23, 26, 27.* (In Russ).

Pokrovsky, O. V. (1976). Put your hand on my heart / From the memories of the poet R. Mandelstam. *Hours, 2:* Available at: https://samizdat.wiki/images/7/70/ CHASY2_-_8-Mandelstam _ Pokrovsky. pdf (accessed 03.03.2021). (In Russ).

Savitsky, S. (2002). *Underground: the history and myths of Leningrad unofficial literature.* Moscow: New Literary Review. 224 p. ISBN 5-86793-186-2. (In Russ).

Samizdat (Based on the materials of the conference "30 years of independent press. 1950—80 years" St. Petersburg, April 25—27, 1992). (1993). St. Petersburg: Scientific and Information Center (SIC) "Memorial". 142 p. (In Russ).

Sedakova, O. (1983). Notes and memories of various poems, as well as praise of poetry. *Hours, 46:* 1—35. (In Russ).

Sedakova, O. (1990). Music of the deaf time. *Bulletin of New Literature, 2.* Available at: https://www.olgasedakova. com/Poetica/175 (accessed 25.03.2021). (In Russ).

Sedakova, O. (2010). Leonid Aronzon: the poet of the culmination. In: *Poetics.* Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science. 515—529. (In Russ).

Severyukhin, D. (ed.). (2003). *Samizdat of Leningrad. 1950s — 1980s. Literary encyclopedia.* Moscow: New Literary Review. 624 p. ISBN 5-86793-216-8. (In Russ).

Sigey, S. (1979). On the “tasks” of transpoesis. *Transponance, 1:* 4—5. (In Russ).
“Sphinxes” № 1 — literary Russian magazine”. (1965). *Grani, 59:* 7—75. (In Russ).
Stratanovsky, S. (1986). Something about avant-gardism. *Bypass channel, 10:* 293—300. (In Russ).
Tarshis, A. (1981). Literature is a particle of the universe. *Transponance, 8:* 9—12. (In Russ).
Ternovsky, E. (1976). Co-name and name. Poet and culture. *Grani, 100:* 424—438. (In Russ).
Voznesenskaya, Yu. (1978). Answers to the questionnaire. *Magazine “37”, 18:* Available at: https://samizdatcollections. library. utoronto.ca/islandora/object/samizdat%3A1828 (accessed 23.01.2021). (In Russ).
Vykhodtsev, P. S. (1976). Review of the collective collection of Leningrad poets “Mite”. *Journal “37”, 4:* 151—166. (In Russ).
Zhdanov, I. F. (2014). The defenseless courage of Evgeny Blazheevsky. *Culture of the Altai Territory, 1 (13):* 50—53. (In Russ).
Zhitenev, A. A. (2015). Boris Ivanov’s Philosophy of Culture. In: *Emblemataamatoria: Articles and sketches*. Voronezh: NAUKA–UNIPRESS. 66—79. ISBN 978-5-4292-0091-0. (In Russ).

Исторические науки
Historical sciences

Андрей Александрович Иванов, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Андрей Леонидович Анисимов, канд. экон. наук (Екатеринбург)
Василий Анатольевич Саблин, д-р истор. наук (Вологда)
Виктор Юрьевич Апрыщенко, д-р истор. наук (Ростов-на-Дону)
Владимир Михайлович Морозов, канд. истор. наук (Москва)
Владимир Николаевич Мамяченков, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Владислав Витальевич Шведов, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Елена Ивановна Сумбурова, канд. истор. наук (Самара)
Иван Иванович Воронов, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Игорь Валерьевич Балюнов, канд. истор. наук (Тобольск)
Константин Александрович Касаткин, инженер-исследователь (Санкт-Петербург)
Константин Дмитриевич Котельников, инженер-исследователь (Санкт-Петербург)
Константин Сергеевич Носов, д-р истор. наук (Москва)
Ксения Андреевна Созинова, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Маргарита Владимировна Черкасова, канд. истор. наук (Самара)
Наталия Анатольевна Лагошина, младший научный сотрудник (Ростов-на-Дону)
Никита Дмитриевич Пригодич, инженер-исследователь (Санкт-Петербург)
Светлана Раиловна Муратова, канд. истор. наук (Тобольск)
Станислав Вальтерович Андриайнен, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Татьяна Петровна Нестерова, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Юлия Александровна Жердева, канд. истор. наук (Самара)
Юрий Алексеевич Слепцов, канд. пед. наук (Якутск)
Юрий Ильич Костенко, канд. истор. наук (Москва)

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Андриайнен С. В. «Войска без знамен» : История 5 пехотного корпуса русской армии в царствование Николая I / С. В. Андриайнен // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 249—271. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-249-271.

Andriainen, S. V. (2021). "Troops without Banners": History of 5th Infantry Corps of Russian Army during Reign of Nicholas I. *Nauchnyi dialog, 8:* 249-271. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-249-271. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-249-271

«Войска без знамен»: История 5 пехотного корпуса русской армии в царствование Николая I

Андриайнен Станислав Вальтерович
orcid.org/0000-0003-0071-3599
кандидат исторических наук, доцент
andriainen2012@yandex.ru

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
(Санкт-Петербург, Россия)

"Troops without Banners": History of 5th Infantry Corps of Russian Army during Reign of Nicholas I

Stanislav V. Andriainen
orcid.org/0000-0003-0071-3599
PhD in History, Associate Professor
andriainen2012@yandex.ru

Saint Petersburg State Economic University
(Saint Petersburg, Russia)

© Андриайнен С. В., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются вопросы истории 5 пехотного корпуса Русской императорской армии в 1831—1853 годы. Новизна исследования состоит в том, что впервые был проведен комплексный анализ всей истории 5 корпуса, от момента его формирования до начала Крымской войны. Автор отмечает, что 5 корпус решал самый широкий круг задач. Поднимается вопрос о том, что 5 корпус выполнял задачи стратегического резерва Российской империи на южных границах. Анализируется роль подразделений корпуса в строительных работах в Крыму, участие в десанте на Боспор, боевые действия на Кавказе и в Трансильвании. Автор отмечает, что в начале 1830-х годов корпус имел сомнительную репутацию. В частности, пехотные полки пятого корпуса обвинялись в «польском духе» и трусости в сражениях русско-польской войны 1830—1831 годов. Подчеркивается, что репутация корпуса в глазах императора Николая I постепенно улучшалась. Автор утверждает, что в период с 1840-х годов 5 корпус уже был надежным армейским соединением в глазах императора. Автор заявляет, что привлечение корпуса с «дурной репутацией» к решению стратегических проблем демонстрирует ограниченные ресурсы Российской империи в 1830—1840-е годы.

Ключевые слова:
Российская империя; Николай I; армия России; Кавказская война; военные реформы; русско-польская война.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The history of the 5th Infantry Corps of the Russian Imperial Army in 1831—1853 is considered in the article. The novelty of the research lies in the fact that for the first time a comprehensive analysis of the entire history of the 5th Corps, from the moment of its formation to the beginning of the Crimean War, was carried out. The author notes that the 5th corps solved the widest range of problems. The question is raised that the 5th corps carried out the tasks of the strategic reserve of the Russian Empire on the southern borders. The role of corps units in construction work in the Crimea, participation in the landing forces on the Bosporus, military operations in the Caucasus and Transylvania are analyzed. The author notes that in the early 1830s the corps had a dubious reputation. In particular, the infantry regiments of the fifth corps were accused of “Polish spirit” and cowardice in the battles of the Russian-Polish war of 1830—1831. It is emphasized that the reputation of the corps in the eyes of Emperor Nicholas I was gradually improving. The author claims that since the 1840s, the 5th Corps was already a reliable army unit in the eyes of the emperor. The author argues that the involvement of the “bad reputation” corps in solving strategic problems demonstrates the limited resources of the Russian Empire in the 1830s and 1840s.

Key words:
Russian Empire; Nicholas I; the Russian army; Caucasian War; military reforms; Russian-Polish war.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(47).073.3/.5

«Войска без знамен» : История 5 пехотного корпуса русской армии в царствование Николая I

© Андриайнен С. В., 2021

1. Постановка проблемы

Военная политика Николая I относится к числу тем, по которым существует обширная научная литература. Имеются как обзорные работы, так и исследования, посвященные специальным сюжетам — военным реформам в России, отдельным военным кампаниям и личностям [Володина и др., 2020, с. 1022—1023]. Большое внимание царствованию Николая I традиционно уделялось в полковых историях, созданных во второй половине XIX века [Беловинский, 1988, с. 88].

В рамках этой предметной области есть и слабо изученные сюжеты. К их числу относится функционирование армейских соединений — дивизий и корпусов. Единственным заметным исключением является Отдельный Кавказский корпус, о котором написан ряд серьезных работ [Лапин, 2008; Нечитайлов, 2005].

Между тем пехотные и кавалерийские корпуса были высшими организационными единицами в армии Российской империи в тот период. Военный энциклопедический лексикон издания 1855 года содержал такое определение понятия «корпус»: это «…самостоятельное тактическое целое, находящаяся под особым, от одного верховного начальника или начальства армии зависящим управлением… которая… может во всякое время действовать самостоятельно, или в совокупности с другими частями войска» [Военный энциклопедический лексикон, 1855, с. 408].

В Российской империи к началу Крымской войны было 6 «номерных» пехотных корпусов (с номерами от 1 до 6) [Зайончковский, 2002, с. 398]. Вместе с Гвардейским и Гренадерским корпусами они составляли основу российской армии.

В рамках нашей статьи мы обратимся к исследованию истории 5-го пехотного корпуса Русской императорской армии в период 1830—1850-х годов. Верхняя хронологическая граница — 1853 год — определяется началом Восточной (Крымской) войны. В условиях крупномасштабного конфликта задачи 5 корпуса и его состав существенно изменились.

Поскольку нумерация соединений Русской армии в ту эпоху неоднократно менялась, сразу приведем необходимую справку:

— в 18171—1831 годах изучаемый нами корпус именовался Литовским;

CC BY

— в 1831—1835 годах корпус носил номер 6;

— с 26 апреля 1835 года корпус получил наименование 5-й пехотный.

Также для ясности скажем, что основу корпуса составляли сначала две, а потом три пехотные дивизии, но их нумерация при этом изменялась. Сведения о переименованиях приведены в таблице (табл. 1).

Таблица 1

Изменение нумерации пехотных дивизий,
входивших в состав 5-го пехотного корпуса

Год	Пехотная дивизия 1	Пехотная дивизия 2	Пехотная дивизия 3
1817	27 пехотная дивизия	28 пехотная дивизия	Дивизии нет
1820	27 дивизия переименована в 24	28 дивизия переименована в 25	Дивизии нет
1831	24 пехотная дивизия	25 пехотная дивизия	Сформирована 26 пехотная дивизия
Август 1833	24 пехотная дивизия переименована в 16 пехотную дивизию	25 пехотная дивизия переименована в 17 пехотную дивизию	26 пехотная дивизия переименована в 18 пехотную дивизию
Апрель 1835	16 пехотная дивизия стала 13 пехотной дивизией	17 пехотная дивизия стала 14 пехотной дивизией	18 пехотная дивизия стала 15 пехотной дивизией

2. Начальный период истории 5-го корпуса

Пехотные полки 13 и 14 дивизий будущего 5-го корпуса были сформированы в начале XIX века, однако непосредственным «предком» 5-го пехотного корпуса стал Литовский корпус, который был учрежден в июле 1817 года императором Александром I.

Новый корпус был создан в первую очередь с политическими целями — в 1815 году в состав Российской империи, согласно решениям Венского конгресса, было включено Царство Польское на правах вассального государства со всеми атрибутами самостоятельного королевства, включая собственную польскую армию [Западные окраины …, 2006, с. 83—84]. Вновь созданный Литовский корпус представлял собой промежуточное звено между русской императорской армией и польской армией. Рядовой состав корпуса должен был комплектоваться из уроженцев Западного края — бывших территорий Речи Посполитой, которые по разделам 1772 и 1793 годов были включены в состав Российской империи. Среди офицеров корпуса было много этнических поляков. Чтобы подчеркнуть особый статус полков корпуса, в их штат включались не только православные, но и католические священники [Павлюк, 1909, с. 119—121].

CC BY

Часть польского общества воспринимала создание корпуса как первый шаг на пути к воссоединению Западного края и Польши [Kolaczkowski, 1900, с. 41]

Процесс создания корпуса как крупного армейского соединения из трех родов войск занял несколько лет. В 1817 году в состав корпуса вошли две пехотные дивизии — 27 (Брестский, Белостокский, Литовский и Виленский пехотные полки, 47 и 48 егерские) и 28 (Волынский, Минский, Подольский, Житомирский пехотные полки, 49 и 50 егерские) [РГВИА, ф. 2672, оп. 2, д. 4, лл. 11об—12]. На протяжении 1817—1823 годов корпус интенсивно пополнялся новыми частями. В состав корпуса были последовательно включены следующие части:

1817 год — русский гвардейский отряд (Лейб-гвардии Литовский, Лейб-гвардии Волынский, Лейб-гвардии Уланский и Лейб-гвардии Подольский полки);

1817 год — 1 и 2 Литовские гренадерский и Несвижский карабинерный полки (с 1825 года 1 и 2 Литовские гренадерские полки стали Самогитским и Луцким гренадерскими);

1818 год — Литовская уланская дивизия (это была переименованная 2 уланская дивизия);

1823 год — Литовский саперный батальон;

1824 год — Лейб-гвардии Гродненский гусарский полк.

Уже в феврале 1831 года, на фоне русско-польской войны, император Николай I повелел из резервных батальонов 24 и 25 пехотных дивизий сформировать новую 26 пехотную дивизию. Эта дивизия имела стандартную структуру: две пехотные бригады и одна егерская — и включала в себя четыре пехотных полка — Прагский, Модлинский, Люблинский, Замосцский, и 2 егерских — 51 и 52 [РГВИА, ф. 2672, оп. 2, д. 4, лл. 11об—12].

К 1830 году в состав корпуса входили до 45 тыс. чел. Корпус, по отзыву имперских историков конца XIX века, был очень разнородным. Если в надежности русских гвардейских полков и Литовской гренадерской бригады (где офицерами служили выходцы из России) сомневаться не приходилось, то пехотные полки Литовского корпуса сочувствовали полякам [Пузыревский, 1890, с. 34].

Такое двойственное положение вещей в полной мере дало себя знать после начала в ноябре 1830 года польского восстания против империи. Вся польская армия перешла на сторону восставших, а расположенный в Западном крае Литовский корпус формально сохранил верность присяге и первым из частей русской армии должен был на поле боя столкнуться с мятежниками.

Настроения в корпусе были противоречивыми. В сражении при Грохове 13 февраля 1831 года 6 корпус дрался в общем храбро и русские войска одержали победу. Но даже в ходе победоносного для русской армии

CC BY

сражения из 1 батальона Литовского пехотного полка на сторону поляков перебежали сразу 74 нижних чина [Павлюк, 1909, с. 34].

18 марта 1831 года части 6 корпуса должны были выдержать сражение с поляками у Дембе-Вельке. Пехотные полки корпуса (гвардия и литовские гренадеры в сражении активно не участвовали) потерпели тяжелое поражение и вынуждены были отступить с позиции. Это, в свою очередь, сорвало русское наступление на Варшаву. 6 корпус понес у Дембе-Вельке серьезные потери — до 5,5 тыс. чел., 5 знамен и 10 орудий [Пузыревский, 1890, с. 146]. Особенно тяжелое впечатление на русское командование произвел тот факт, что большая часть личного состава Литовского пехотного полка, когда часть попала в окружение, сдалась в плен без серьезного сопротивления [Павлюк, 1909, с. 199].

Суровые испытания пришлось пережить и вновь сформированным полкам 26 пехотной дивизии. В бою 17 августа 1831 года у деревни Мендзержече Волынский, Замосцский и 47-егерский полки прикрывали отход всего корпуса, попали в окружение и понесли тяжелые потери. Из состава Замосцского полка сумели прорваться только 167 человек нижних чинов без офицеров. Командир полка был ранен и взят в плен, все остальные штаб и обер-офицеры были убиты и ранены либо пленены [Беляев, 1894, с. 5; Пузыревский, 1890. с. 397—399].

Полки 6 корпуса продолжили сражаться в составе русской армии вплоть до победы над восставшими поляками осенью 1831 года, участвовали они и в штурме Варшавы 25—26 августа.

Формально на полках бывшего Литовского корпуса не было постановлено «позорное клеймо». По окончании войны отличившиеся солдаты и офицеры корпуса были удостоены наград. Но при этом у императора Николая осталось ощущение, что корпус ненадежен. В феврале 1837 года в беседе с командиром 5 корпуса генерал-лейтенантом Н. Н. Муравьевым Николай настойчиво переспрашивал его: «Нет ли в полках польского духа?» [Павлюк, 1909, с. 293]. Император был уверен, что войскам корпуса есть что доказывать. В августе того же 1837 года во время новой встречи с императором Муравьев уточнил, что многие пехотные батальоны 5 корпуса не имели знамен, утраченных в 1831 году. В ответ на это император заявил, что когда надо будет отправлять подкрепления на Кавказ, то «пошлем эти батальоны, без знамен» [Павлюк, 1909, с. 298].

3. «Поход под Белого Арапа»: 6-й корпус спасает Османскую империю

По окончании польской войны части корпуса были размещены по квартирам в Новороссии и Бессарабии и занялись приведением себя в по-

CC BY

рядок: корпус пополнялся нижними чинами и офицерами. Восстанавливались полковые хозяйства, сильно пострадавшие в период войны. В ходе военной реформы 1833 года полки 6 корпуса перешли на новые штаты.

Надо отметить, что на юго-западной границе империи (Бессарабия, Таврия, Херсонская губерния) 6 корпус был единственным крупным армейским соединением. Это было связано со стратегическими соображениями: крупнейшая группировка русской армии — Действующая армия фельдмаршала И. Ф. Паскевича в составе 4 пехотных корпусов — стояла в Польше и Западном крае [Кривопалов, 2012, с. 88—89]. Следовательно, войск для размещения в Северном Причерноморье просто не хватало. Не менее важную роль при расквартировании войск играли экономические соображения. Несмотря на то, что регион Новороссии имел огромную стратегическую ценность для империи, в 1820-е годы он все еще оставался плохо освоенным. В 1823 году начальник штаба 2 армии генерал-майор П. Д. Киселев прямо заявлял, что только в Киевской и Подольской губерниях можно было бы прокормить войска за счет закупок провианта у местных жителей. В Херсонской, Екатеринославской губерниях, Бессарабии главным занятием местных жителей было скотоводство, поэтому необходимое для войск зерно надо было бы вести за сотни верст из Киева [Заболоцкий-Десятовский, 1882, с. 231; Wirtschafter, 1990, p. 178].

Поскольку других войск в регионе не было, то на вчерашние «нелояльные» части сразу же возлагались задания огромной стратегической важности.

В 1833 году острый кризис переживала Османская империя. В ходе войны с Египтом турецкие войска потерпели тяжелое поражение, победоносная армия правителя Египта Мухаммеда Али успешно продвигалась по Малой Азии. Возникла реальная угроза захвата Стамбула армией Египта. В этих условиях император Николай I принял решение помочь Османской империи. С этой целью он приказал Черноморскому флоту высадить десант на побережье Босфора. Обсуждение и подготовка начались в декабре 1832 года, 23 марта 1833 года первые суда десантного отряда появились возле азиатского берега Боспорского пролива. В состав десанта вошли пехотные подразделения 6 корпуса: 2 и 3 бригада 26 пехотной дивизии — 4 егерских полка, две легких артиллерийских роты. Также в отряд входила саперная рота и сотня донских казаков. Общая численность десанта составила к 11 апреля 242 офицера и 10 072 нижних чина [Муравьев, 1869, с. 279].

На случай расширения боевых действий планировалось перебросить часть русских войск по суше, через Болгарию. Для этого части 24 и 25 пехотных дивизий 6 корпуса были выдвинуты на территорию Дунайских княжеств (небольшой отряд русских войск размещался там еще с 1829 года).

CC BY

Войска, высаженные на Боспоре, встретили теплый прием со стороны турецких властей. На протяжении апреля-мая русские войска деятельно готовились к военным действиям. Осматривались позиции, проводились учения, турецкие союзники поставляли лошадей для артиллерии и обозов. 15 апреля 1833 года в присутствии султана Османской империи Махмуда II состоялся совместный парад русского десантного отряда, моряков Черноморского флота и турецких подразделений [Муравьев, 1869, с. 306—307].

Цель десанта была достигнута в полной мере. Правитель Египта Мухаммед Али согласился на заключение мирного договора с турецким султаном. В свою очередь Россия и Османская империя подписали Ункяр-Искелесийский мирный договор, который ставил черноморские проливы во время войны под контроль России [Гребенщикова, 2007, с. 29—30]. 27 июня 1833 года весь русский отряд был посажен на суда Черноморской эскадры и отправился на родину [Муравьев, 1894, с. 498]. В солдатской памяти эта экспедиция осталась под названием «поход под белого арапа» [РГВИА, ф. 2672, оп. 2, д. 4, л. 78 об.].

Император Николай I решил, что войска 6 корпуса хорошо выполнили свою работу. В 1836—1837 годах, когда обсуждали проект нового десанта на помощь туркам, его основу должны были снова составить части 6 корпуса, к тому моменту уже переименованного в 5 [Муравьев, 1869, с. 85].

После того, как политический кризис в Османской империи в 1833 году разрешился, российские войска были выведены из Дунайских княжеств и пехотные части корпуса были вновь размещены в Бессарабии и Херсонской губернии [Павлюк, 1909, с. 254].

Уточнение о «пехотных частях» является принципиально важным. В апреле 1835 года были утверждены новые штаты нескольких пехотных корпусов российской армии. 6 корпус был переименован в 5. В его состав входили 3 пехотные дивизии с их артиллерийскими бригадами, а также 6 легкая кавалерийская дивизия (два уланских и два гусарских полка, конно-артиллерийская бригада) [ПСЗ-II, т. X, ч. 2, № 8088]. Однако конница 5 корпуса была размещена на постоянных квартирах в округах военных поселений в Херсонской губернии и на протяжении 1830-х годов мало взаимодействовала с другими частями своего корпуса [Висковатов, 1852, с. 91—92].

4. «Каторжная работа»: 5-й корпус строит адмиралтейство в Севастополе

Для пехотных дивизий 5 корпуса покой продлился недолго. Уже в 1836 году пехотные подразделения 5 корпуса стали на регулярной основе отправлять на строительные работы в Крым. Эти работы были частью

CC BY

больших проектов по укреплению западных границ империи и усилению флота, инициатором которых был сам император Николай I. В это время перестраивались и расширялись укрепления Новогеоргиевска, Бобруйска, Брест-Литовска, Кронштадта [Яковлев, 1995, с. 106]. Громадные работы проводились в Крыму. Они включали в себя возведение адмиралтейства для Черноморского флота в Севастополе, а также строительство дорог в Крыму [Огородников, 1902, с. 111].

Всей своей тяжестью эти работы обрушились на пехотные полки 13 и 15 пехотных дивизий. 14 пехотная дивизия продолжала прикрывать границу в Бессарабии, а кавалерийская дивизия оставалась на квартирах в военных поселениях.

Работы были тяжелы для солдат по нескольким причинам: непривычный жаркий климат, недостаточное питание и плохое медицинское обслуживание солдат, очень тяжелые условия расквартирования войск.

Если первые два пункта не нуждаются в подробных комментариях, то относительно условий квартирования надо сказать следующее. Вплоть до начала 1840-х годов большая часть войск не могли оставаться в Крыму на зиму: для этого не было ни казарм, ни свободных квартир у обывателей (в рамках постойной повинности).

В связи с этим войска 13 пехотной дивизии, назначенные на работы в Крым, каждую весну должны были выступать со своих квартир на Правобережной Украине и пешим маршем идти в Севастополь. Осенью марш повторялся в обратном направлении. Счастливы были те подразделения, которые осенью Черноморский флот мог перебросить из Севастополя прямо в Одессу. Но такая удача выпадала не всем и не каждый год.

В результате вымотанные во время летних работ полки вынуждены были проходить сотни верст до своих постоянных квартир. К примеру, Брестский пехотный полк в 1836 году выступил из Крыма 26 сентября, но прибыл на постоянные квартиры только 5 ноября 1836 [РГВИА, ф. 846, оп. 16, т. 3, д. 17451, л. 11 об.]. Схожими по протяженности были марши и других подразделений. В рамках постойной повинности роты были разбросаны на десятки верст от полкового штаба по отдаленным селам, поэтому отдельные роты могли прибыть на свои квартиры и в начале декабря.

Проследим за тем, как распределялись силы 5 корпуса в следующем, 1837 году. 13 пехотная дивизия была задействована на работах в Севастополе в период с апреля по октябрь. 13 пехотных батальонов 15 дивизии также были заняты на работах в Севастополе, 1 батальон был задействован на строительстве шоссе на Южном Берегу Крыма, еще 2 батальона несли караульную службу в Феодосии, Евпатории, Еникале и Херсоне [РГВИА, ф. 846, оп. 16, т. 3, д. 17458, ч. 1, л. 130].

CC BY

14 пехотная дивизия в 1837 году была расквартирована на квартирах от Одессы до Балты и Херсона, ее части привлекались к караульной службе и охране границы.

Тяжелые условия службы приводили к высокой смертности и заболеваемости личного состава. В 15 пехотной дивизии за сентябрь — декабрь 1839 года умерло 933 солдата и 34 бежали. Таким образом, дивизия потеряла целый батальон солдат. В 13 пехотной дивизии потери были ниже, но все равно крупными: 293 солдата умерли и 64 бежали. Такие тяжелые потери несли именно войска в Крыму. Для сравнения: за тот же период времени в полках 14 пехотной дивизии в Бессарабии насчитали всего 62 умерших и 52 бежавших [РГВИА, ф. 14085, оп. 1, д. 2, л. 3—5 об].

В 1837 году войска 5 пехотного корпуса пережили еще одно тяжелое испытание — императорский смотр. В эпоху правления Николая I такой смотр был серьезным испытанием для любой воинской части. Император Николай был истинным «поэтом» строевой подготовки, который замечал малейшие упущения. Для подразделений 5 корпуса подготовка к смотру осложнялась тремя обстоятельствами: (1) тяжелыми условиями квартирования и службы (войска были постоянно заняты на работах и в караулах, и им было некогда заниматься всерьез строевой подготовкой), (2) предвзятым отношением Николая к бывшим «польским» войскам и (3) подспудным конфликтом между императором Николаем и командиром корпуса генерал-лейтенантом Н. Н. Муравьевым, который был талантливым военным, но очень независимым в суждениях человеком и позволял себе критиковать многие военные реформы императора [Зайончковский, 2002, с. 411].

При таких условиях не удивительно, что император во время смотра в Николаеве и Севастополе раскритиковал подразделения 5 корпуса. Н. Н. Муравьев был вынужден подать в отставку. Новым командиром корпуса стал генерал-лейтенант А. Н. Лидерс. «Наследство» новому командиру досталось сложное. Судьба частей 5 корпуса считалась незавидной. Опытный офицер Кавказского корпуса полковник Г. И. Филипсон отмечал, что сами солдаты считали свою работу «каторжной» и радовались отправке на Кавказ, где можно было «просто воевать» [Архив Раевских, 1910, с. 486].

А. Н. Лидерс деятельно принялся за наведение порядка в корпусе: принимались меры по снижению заболеваемости солдат, повышению качества строевой подготовки. Постепенно войска обживали Севастополь и Крымский полуостров. В 1840 году Белостокский полк впервые не ушел с полуострова, а остался на зиму на постоянных квартирах в Крыму [Николаев, 1907, с. 133]. Однако для 5 корпуса начиналась другая эпоха, которая надолго прервала мирную, хотя и тяжелую первоначально службу в Крыму.

CC BY

5. «Горец смышлен и знает все стежки»: участие частей 5-го корпуса в Кавказской войне

В феврале — апреле 1840 года под натиском закубанских горцев пали 4 укрепления Черноморской береговой линии (Лазаревское, Вельяминовское, Михайловское, Николаевское) [Очерк положения …, 1877, с. 30—31].

Командование Отдельного Кавказского корпуса должно было решать неотложную задачу: восстановить прорванную горцами береговую линию. Поскольку подразделений Кавказского корпуса для этого не хватало, было решено привлечь к экспедиции часть сил 5 пехотного корпуса.

В экспедицию в апреле 1840 года были отправлены основные силы 15 пехотной дивизии: 12 пехотных батальонов (по 3 от каждого из полков дивизии) [Очерк положения …, 1877, с. 33].

10 мая 1840 года десантный отряд на кораблях Черноморского флота появился возле укрепления Вельяминовское в устье реки Туапсе. После этого были проведены высадки и у других разрушенных русских укреплений. Закубанские горцы благоразумно отказались от лобового столкновения с превосходящим по численности противником, однако части 15 дивизии серьезно пострадали от болезней — на восточном побережье Черного моря свирепствовала лихорадка. Дополнительные проблемы для солдат создавало и увлечение корпусного начальства строевой подготовкой. Даже в ходе экспедиции в частях 15 дивизии занимались одиночной строевой подготовкой солдат, не обращая внимания на сильную жару. Стремление начальника 15 пехотной дивизии генерал-лейтенанта Г. Х. Гасфорда заниматься строевой подготовкой посреди военных действий немало удивляло офицеров Кавказского корпуса, поскольку в их войсках такого быть просто не могло [Архив Раевских, 1910, с. 506—508]. После того, как укрепления были восстановлены и в них были введены гарнизоны, в сентябре 1840 года войска 15 пехотной дивизии вернулись в Крым.

В 1841 году вовлечение частей 5 корпуса в Кавказскую войну продолжилось.

Во-первых, в сентябре-октябре 1841 года состоялась новая десантная экспедиция на Черноморское побережье. На этот раз в ней участвовали 4 батальона 13 пехотной дивизии по одному от каждого из полков и опытные кавказские ветераны из Тенгинского пехотного полка [Павлюк, 1909, с. 320]. Целью экспедиции было вторжение в земли убыхов. С упорными боями войска продвигались от мыса Адлер в сторону долины реки Сочи, участвовали в укреплении форта Навагинский.

Во-вторых, 14 пехотная дивизия была в полном составе переброшена на Кавказ и включена в состав Отдельного Кавказского корпуса. Эти части

CC BY

были переброшены на Кавказскую линию и проводили боевые операции на Северном Кавказе вплоть до 1846 года [Гизетти, 1896, с. 109].

В-третьих, часть нижних чинов из частей 5 пехотного корпуса переводилась во вновь комплектовавшиеся Черноморские линейные батальоны [Гизетти, 1896, с. 141—142].

Несмотря на принимавшиеся русским командованием меры, Кавказская война принимала все большие масштабы. В период с 1840 по 1843 годы достигло пика своего могущества государство имама Шамиля, который вел упорную борьбу с русским правительством. Наличных сил Отдельного Кавказского корпуса для военных действий не хватало, и осенью 1843 года император повелел двинуть на Кавказ 5 пехотный корпус в составе 13 и 15 пехотных дивизий. При этом полки отправляли на Кавказ в составе 3 пехотных батальонов. 4-е батальоны оставались на постоянных квартирах, где они занимали караулы, готовили рекрутов.

Сама переброска частей 5 пехотного корпуса на Кавказ началась в январе 1844 года и представляла сложную задачу. Части 15 пехотной дивизии шли по северному берегу Черного моря через Мариуполь и Таганрог. При этом протяженность маршрута у Прагского пехотного полка составила 1356 верст, поход занял 85 дней [РГВИА, ф. 2672, оп. 2, д. 4, лл. 16—19]. Подразделения 13 пехотной дивизии шли южным маршрутом — через Керченский полуостров и Тамань.

По случаю переброски войск начальник 15 дивизии генерал-лейтенант Г. Х. Гасфорд издал воинственный приказ, в котором были такие строки: «Мы знаем, что горцы тогда только храбры, когда имеют дело с трусами. Горец, правда, смышлен и знает все стежки и закоулки в своих горах и лесах. Но русский не уступит ему в смышлености и знании местности. Мы скоро познакомимся. Нам горы и леса не ново» [РГВИА, ф. 2672, оп. 2, д. 4, л. 38].

В 1844 году войскам 5 пехотного корпуса не пришлось активно воевать. После того как части корпуса к апрелю 1844 года были переброшены в Центр Кавказской линии и на Левый фланг, на их долю выпало первоначально участие в нескольких экспедициях, строительстве передовых укреплений, рубке леса.

Однако в 1845 году 5 корпус поучаствовал в походе совершено иного масштаба. Петербургские стратеги замыслили нанести решающее поражение Шамилю, а ради этого войска должны «утвердиться в центре владычества Шамиля». В качестве главной цели похода было заявлено овладение аулом Анди — столицей Шамиля [Обзор военных действий …, 1846, с. 2].

Ряд генералов, знакомых с реалиями кавказских войн, выражали сомнения по поводу такого грандиозного плана. По их мнению, поход круп-

CC BY

ных русских сил с большими обозами вглубь враждебной территории мог привести только к большим потерям и усилению боевого духа горцев. Используя свою излюбленную тактику, чеченцы могли пропустить русские отряды, сковать их постоянными атаками и постараться разгромить противника во время отхода [Даргинская трагедия …, 2001, с. 5]. Собственно говоря, так и получилось.

Несмотря на все эти сомнения, сам поход состоялся летом 1845 года. Во главе экспедиции встал сам командующий Кавказским корпусом генерал М. С. Воронцов. Отправлявшиеся под его началом войска были поделены на два отряда — Дагестанский и Чеченский. В обоих отрядах большую роль играли войска 5 корпуса. В составе Чеченского отряда было 12 батальонов пехоты. Из них 6 представляли 5 корпус (1 батальон от 13 дивизии и 5 от 15) [Обзор военных действий …, 1846, с. 11].

Кроме того, в экспедиции участвовали взвод 14 артбригады и рота кавказских стрелков. В состав Дагестанского отряда входили 9 пехотных батальонов, из них 4 представляли полки 14 дивизии. В общем из 21 батальона пехоты — 10 выделил 5 корпус [Обзор военных действий …, 1846, с. 14]. В поход отправлялись и чины штаба 5 корпуса. Генералу Лидерсу было поручено командование Чеченским отрядом.

В конце мая отряды начали выходить на свои маршруты. 3 июня у селения Гертме соединились главные силы: Чеченский и Дагестанский отряды. Общее начальство над ними принял сам наместник Кавказа генерал от инфантерии М. С. Воронцов. Войска с боями продвигались в горы. 5 июня часть русских сил под командованием генерал-майора Д. В. Пассека была выделена для занятия горы Анчимеер, что и было выполнено после боя. Также отрядом была занята гора Зунумеер. Прикрывая движение главных сил, Пассек со своим отрядом удерживал гору Зунумеер до 12 июня. При этом войска, занимавшие гору, серьезно пострадали: в горах шел снег, и солдаты в летнем обмундировании и без топлива сильно мерзли, несли большие потери обмороженными. В составе отряда Пассека все лишения переносили вместе с коренными кавказскими частями и представители 5 корпуса — литовцы, житомирцы, люблинцы. [Даргинская трагедия …, 2001, с. 271—273]. 14 июня войска Воронцова с боем заняли аул Анди, 6 июля была взята столица Шамиля — аул Дарго (ныне село в Веденском районе Чеченской республики).

При наступлении на Дарго особенно отличился 1 батальон Литовского полка. Как мы помним, он утратил свое знамя в 1831 году. Во искупление своей вины литовцы были поставлены в авангарде отряда, штурмовавшего укрепления перед Дарго, и с честью выдержали испытание. В ходе боя они последовательно взяли до 20 завалов на лесной дороге. Во главе 1 батальо-

CC BY

на в три шеренги встали его офицеры и юнкера (вместе с добровольцами из штаба отряда) [Павлюк, 1909, с. 395].

На долю солдат 5 корпуса также выпало участие в самом трагическом эпизоде похода — так называемой сухарной экспедиции. Сводный отряд генерал-лейтенанта К. фон Клюгенау был 10 июля отправлен из Дарго для встречи с подошедшим из тыла отрядом. Необходимо было переправить в тыл раненых и забрать привезенное для войск Воронцова продовольствие. Этот поход обернулся катастрофой. Начальники русских войск — генерал Клюгенау, командовавший авангардом Пассек — распоряжались неудачно и неумело. Горцы сумели отрезать авангард Пассека от основной колонны и нанести обеим частям сильные потери. Та же сцена повторилась и 11 июля. Отряд Клюгенау получил продовольствие и начал отходить к Дарго, навстречу Воронцову. При этом отряд Клюгенау был вновь внезапно атакован, разрезан на части и понес огромные потери. Вместе с кавказскими полками тяжелый урон понесли также солдаты Литовского, Замосцкого и Люблинского полков, входившие в этот отряд. Большая часть продовольствия была отбита неприятелем [Даргинская трагедия …, 2001, с. 17—19].

После катастрофических итогов сухарной экспедиции у Воронцова не оставалось иных вариантов, как отступать обратно на Кавказскую линию. С 13 по 17 июля русские войска, обремененные огромным количеством раненых, страдая от нехватки продовольствия и боеприпасов, с огромным трудом прокладывали себе дорогу среди атакующих отрядов Шамиля.

Части 5 корпуса в общем справились с выпавшими на них испытаниями. Конечно же, не обошлось без критики со стороны офицеров кавказских войск. 5 корпус периодически обвиняли в недостатке выдержки под огнем, в нехватке дисциплины. Отчасти это можно объяснить обычным голодом. Менее опытные, чем кавказские войска, солдаты 5 корпуса хуже умели находить себе продовольствие «из местных запасов» и жестоко страдали. Это приводило к эксцессам. Кавказский ветеран полковник К. К. Бенкендорф в своих воспоминаниях о походе отмечал, что, доставив в лагерь Воронцова караван с продовольствием, он должен был защищать его от голодных солдат Житомирского полка [Даргинская трагедия …, 2001, с. 290].

Однако при этом подразделения 5 корпуса постоянно привлекались для решения частных боевых задач вместе с кавказскими полками.

К 17 июля русские войска оказались в тяжелейшем положении, раздавались даже голоса, предлагавшие бросить раненых и пробиваться налегке любой ценой. Но в последний момент окруженный отряд был спасен. Вечером 18 июля на соединение с Воронцовым с Кавказской линии пробился отряд генерала генерал-майора Р. К. Фрейтага. При этом в отряде Фрейтага треть сил

CC BY

составляли солдаты 5 корпуса, это были подразделения 15 дивизии (прагцы, люблинцы и замосцы) [Обзор военных действий …, 1846, с. 71—72].

После деблокады боевое напряжение спало и отряд Воронцова смог спокойно вернуться в русские укрепления. Итоги похода были катастрофическими. Санитарные потери соединенного отряда Воронцова за период с 14 июня по 20 июля составили, по официальным данным, 3321 чел. [Даргинская трагедия …, 2001, с. 321].

Российское общество, задетое такими большими потерями, стало искать причины неудач. И здесь, безусловно, некоторые наблюдатели стали обвинять полки 5 корпуса. Некоторые циркулировавшие в Москве слухи мы можем узнать из писем отставного Командующего Отдельным Кавказским корпусом генерала А. П. Ермолова. Несмотря на то, что с 1827 года Ермолов был в отставке, он продолжал внимательно следить за Кавказской войной. В письме генералу Н. Н. Муравьеву от 10 октября 1845 года Ермолов утверждал, что в Москве есть общее невыгодное мнение о полках 13 и 15 дивизий [Ермолов, 2014, с. 465]. В своем письме к М. С. Воронцову в феврале 1846 года Ермолов писал: «В Москве и теперь проскальзывают суждения, что весьма немногие батальоны 5 пехотного корпуса могут почитаться смелыми и что остальные не делают чести оружию нашему» [Ермолов, 2014, с. 477].

Сам Ермолов признавал исключительную сложность тех боевых задач, которые решали войска в Даргинской экспедиции. По его оценке, части 5 корпуса попали в сражения, «каковых и прежние (то есть старые кавказские полки. — С. А.) не испытывали» [Ермолов, 2014, с. 465]. Схожую оценку походу высказывал император Николай I. Уже после первых успехов (взятия горы Анчимер 5 июня 1845 года) император благодарил войска Кавказского и 5 корпусов в одном приказе: «Я их благодарю, что доказали, что они все те же кавказские герои, даром, что ряды пополняются молодыми, к доброму корню легко прививаться» [Даргинская трагедия …, 2001, с. 93].

Такую же оценку император публично высказал и по окончании похода. У нас есть объективное свидетельство на этот счет — количество и статус наград, которые были получены подразделениями регулярной армии за Даргинский поход. Щедрые награды получили как кавказские полки, так и подразделения 5 корпуса. Из 10 пехотных батальонов 5 корпуса Георгиевские знамена получили 8 (исключением стали 2 батальона Минского полка, которые несли в ходе похода гарнизонную службу). Из коренных Кавказских полков награды в виде георгиевских знамен получили 9 батальонов. Таким образом, мы видим принципиальное равенство в количестве наград, полученных войсками. Стоит также отметить, что Георгиевское знамя получил и 5 саперный батальон [Даргинская трагедия …, 2001, с. 210—211]. На протяжении всего Даргинского похода саперы проделали

CC BY

колоссальную работу. Они умело восстанавливали мосты, расчищали завалы. Периодически им приходилось браться за винтовки и отбиваться от наседающих горцев [Даргинская трагедия …, 2001, с. 181—182].

В 1846 году император отказался от проведения крупных наступательных операций на Кавказе, а потому присутствие там всего 5 корпуса было сочтено излишним. В 1846 году полки выступили на свои постоянные квартиры, но при этом состав частей был сильно изменен. Пехотные полки 5 корпуса стали «донорами» для создания 4 новых пехотных полков Кавказского корпуса. На базе 2 и 3 батальонов пехотных полков 5 корпуса были сформированы Самурский, Дагестанский, Ставропольский и Кубанский пехотные полки [Гизетти, 1896, с. 97—98] Взамен ушедших батальонов в составе частей 5 пехотного корпуса формировались новые.

6. «Подвиги наши… быстры и стремительны»: поход 5-го корпуса в Трансильванию в 1849 году

В 1846 году 5 корпус вернулся на свои постоянные квартиры в Таврическую и Херсонскую губернии. Однако вернулись они, уже пользуясь репутацией боевых и надежных частей. Об этом свидетельствовало поведение императора Николая. В 1847 году после смотра в Киеве частей 5 корпуса Николай особенно благодарил офицеров, участвовавших в Даргинской экспедиции [Даргинская трагедия …, 2001, с. 519].

Спустя два года после возвращения с Кавказа на долю 5-го пехотного корпуса выпало новое ответственное задание. Начиная с января-февраля 1848 года по Европе стала распространяться полоса революционных выступлений. Летом 1848 года начались революционные движения в Молдавии и Валахии. Для прекращения революции в этих вассальных от Османской империи княжествах в сентябре 1848 года туда были введены русские и турецкие войска, которые быстро разогнали отряды революционеров. Со стороны России в княжество были введены части 15-й пехотной дивизии и другие подразделения (артиллерия, казаки) из состава 5-го корпуса.

Осенью 1848 года в Венгрии развернулось полномасштабное восстание против австрийского владычества. Войска венгерского правительства действовали также и на территории Трансильвании, то есть по соседству с Молдавией и Валахией. Поскольку своими силами австрийцы справиться с венгерскими войсками в Трансильвании не могли, на помощь им пришлось отправлять подразделения 5-го корпуса. При этом 5-й пехотный корпус получил самостоятельный театр военных действий. Главные силы империи — Действующая армия фельдмаршала И. Ф. Паскевича — готовилась к походу в Венгрию, и потому 5 корпус действовал в Трансильвании самостоятельно.

CC BY

В начале 1849 года император Николай I стремился действовать осторожно и не провоцировать европейские правительства. Только по просьбе австрийцев в январе 1849 года в Трансильванию был введен «ограниченный контингент» российских войск — в общей сложности 6,5 пехотных батальонов с артиллерией и казаками из состава 5-го пехотного корпуса [Дараган, 1859, с. 10—11].

Такие силы не могли действовать самостоятельно и выступали только в качестве подкрепления для австрийцев. Боевые действия в Трансильвании велись австрийцами неудачно. Несмотря на то, что собственно русские войска не потерпели поражений, после отступления австрийцев в начале марта 1849 года русские отряды вышли из Трансильвании обратно в Валахию [Дараган, 1859, с. 24—26].

Начиная с мая 1849 года части 5-го пехотного корпуса стали готовиться к полномасштабному походу в Трансильванию, который и начался 5 июня, одновременно с походом Паскевича в Венгрию.

В поход выступила часть сил 5-го пехотного корпуса. 13-я пехотная дивизия была оставлена охранять порядок в Молдавии и Валахии. В Трансильванию пошла 15-я пехотная дивизия в полном составе, три полка 14-й пехотной дивизии, сформированный в 1843 году 5-й стрелковый батальон, 5-й саперный батальон, девять артиллерийских батарей, бригада улан (два полка) и три полка казаков [Дараган, 1859, с. 39]. Отметим, что в Трансильванском походе впервые 5-й пехотный корпус действовал в составе всех трех родов войск, включая армейскую конницу.

С севера, навстречу Лидерсу, должны был действовать другой русский отряд под командованием генерал-лейтенанта М. М. Гротенгельма из состава 4-го корпуса русской армии и приданные ему австрийские части.

Силы венгров и русских были примерно равны по численности. В составе войск генерал Бема насчитывалось, по данным разведки, до 50 тыс. чел, столько же насчитывали соединенные силы Лидерса, Гротенгельма и австрийских союзников [Дараган, 1859, с. 29, 41].

Однако русские войска значительно превосходили венгров по уровню боевой подготовки. В открытых боях русские войска постоянно имели успех. 7 июня Лидер сбил авангард Бема у монастыря Предял, 8 июня венгры потерпели поражение в бою у Темешского ущелья. Поскольку русские отряды планомерно занимали территорию Трансильвании, генерал Бем решился предпринять рейд в Молдавию, чтобы остановить русское наступление и поднять на борьбу население дунайских княжеств. Однако наступление Бема было остановлено у Ойтузского перевала небольшим отрядом — первоначально одним первым батальоном Литовского пехотного полка, который выдержал нападение превосходящих сил противника до подхода подкреплений [Павлюк, 1909, с. 462—465].

CC BY

Несмотря на превосходство русской армии, генерал Бем не оставлял надежд переломить ход неудачно складывавшейся кампании. Критическим моментом для русской армии стало 24 июля. Пока главные силы генерала Лидерса наступали на север, Бем неожиданно обрушился на слабый отряд генерал-лейтенанта Гасфорда, занимавший город Германштадт (в современной Румынии он именуется Сибиу) — тыловую базу русских. Несмотря на неравенство в силах, Гасфорду надо было принимать бой. Неприятель подошел уже слишком близко, чтобы можно было просто отступить, надо было прикрыть огромные русские обозы и госпиталь, которые эвакуировали из Германштадта. С другой стороны, Лидерс двинулся форсированным маршем на Германштадт, надеясь уничтожить армию Бема.

В результате на протяжении 24 июля русским войскам пришлось медленно с тяжелым боем отходить. Житомирцы, модлинцы и прагцы мужественно отбивали атаки венгров, понесли при этом существенные по меркам кампании потери — до 350 человек [Дараган, 1859, с. 188].

25 июля роли переменились. Теперь уже подоспевшие части Лидерса обрушились на генерала Бема и нанесли ему тяжелое поражение. Решающую роль в поражении венгерской армии сыграли атаки русских улан и донских казаков при поддержке конной артиллерии. Противник потерял до 2 тыс. чел., урон русской армии составили 12 человек убитыми и 47 ранеными [Дараган, 1859, с. 202].

31 июля 1849 года последние остатки венгерской армии были разбиты в бою при Мюленбахе быстрой атакой русской конницы. Император остался доволен действиями 5-го корпуса. Всем участвовавшим в нем военнослужащим было выражено монаршее благоволение с занесением «в формулярные всех чинов списки». Отличившиеся батальоны получили коллективные награды. Генерал Лидерс по итогам похода издал приказ по 5-му корпусу, в котором торжественно объявлял: «Подвиги наши были так быстры и стремительны, что неприятель не смог причинить нам большого вреда» [Беляев, 1894, с. 59—60].

Вплоть до 1851 года части 5 корпуса продолжали занимать Молдавию и Валахию, а потом вернулись в Россию. Летом 1853 года, готовясь к новой войне Османами, части 5-го корпуса снова заняли Дунайские княжества. Однако участие частей корпуса в Восточной (Крымской) войне — это уже отдельная история.

7. Заключение

В структуре российской императорской армии Николая I 5-й корпус занимал особое место. Это связано с двумя обстоятельствами.

CC BY

Во-первых, пехотные полки 5-го корпуса унаследовали дурную славу подразделений Литовского корпуса. Их обвиняли в «польском духе» и трусости в сражениях русско-польской войны 1830—1831 годов. К концу 1840-х годов корпус сумел избавиться от подобной репутации, получив статус одного из надежных соединений императорской армии.

Во-вторых, части корпуса были размещены в стратегически важном регионе Российской империи — Новороссии. На протяжении всего николаевского царствования 5-й корпус был единственным соединением регулярной армии на огромной территории — от границы с Османской империей на западе до Области Войска Донского на востоке. В связи с этим на пехотные полки корпуса легла огромная и разнообразная нагрузка. Подразделения корпуса охраняли границу с Молдавским княжеством, строили крепостные сооружения и дороги в Крыму. В силу непривычного климата и тяжелых условий службы это приводило к огромным потерям личного состава. Кроме того, корпус периодически привлекался к морским десантным операциям: в 1833 году в Османскую империю и в 1840 году на восточное побережье Черного моря. После того, как на территории Восточного Кавказа достигло своего пика восстание имама Шамиля, на пополнение Кавказского корпуса был вновь брошен 5-й пехотный корпус. В 1848—1849 годах корпус вновь решал самостоятельную и важную задачу — усмирение венгерских революционных отрядов в Трансильвании. Таким образом, корпус играл в русской армии роль стратегического резерва, который должен был находиться в распоряжении главного командования и перебрасываться на максимально угрожаемые направления.

Служба 5-го корпуса отражает важную особенность российской армии второй трети XIX века. Руководству Российской империи не хватало воинских соединений. Из шести пехотных корпусов четыре входили в состав Действующей армии и не могли быть убраны с западной границы, а 6-й корпус предназначался для подготовки пополнений и караулов во внутренних губерниях. Гренадерский же корпус и гвардия располагались далеко на севере и не могли быть быстро переброшены на юг. Таким образом, вчерашние «неблагонадежные» части должны были решать задачи стратегической важности.

Кроме того, интенсивное использование войск 5-го корпуса обнажает еще одну проблему Российской империи: ее новороссийские территории в 1830-е годы были плохо освоены, и потому больше войск там император разместить попросту не мог.

Источники и принятые сокращения

1. ПСЗ-II — *О переименовании* 4, 5 и 6 Пехотных Корпусов : закон от 26 апреля 1835 г. № 8088 // Полное собрание законов Российской империи : собрание второе

(1825—1881) : в 55 т. Т. X. Ч. 1. — Санкт-Петербург : Тип. 2-го Отделенияния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830—1916. — С. 371.

2. РГВИА — *Российский* государственный военно-исторический архив. Ф. 14085 (Приказы по 5 пехотному корпусу). Оп. 1. Д. 2 ; Ф. 2672. (Штаб 58 пехотного Прагского полка). Оп. 2. Д. 4 ; Ф. 846. (Военно-ученый архив). Оп. 16. Т. 3. Д. 17451 ; Ф. 846 (Военно-ученый архив). Оп. 16. Т. 3. Д. 17458. Ч. 1.

3. *Архив Раевских* : в 5 т. Т. 3 / изд. П. М. Раевского. — Санкт-Петербург : тип. М. А. Александрова, 1910. — 718 с.

4. *Военный энциклопедический лексикон* : в 14 т. Т. VII. — Санкт-Петербург : Тип. штаба военно-учебных заведений, 1855. — 711 с.

5. *Ермолов А. П.* Кавказские письма. 1816—1860 / А. П. Ермолов. — Санкт-Петербург : Журнал «Звезда», 2014. — 832 с.

6. *Даргинская* трагедия. 1845 год / сост. и подг. текстов Г. Г. Лисицыной. — Санкт-Петербург : Журнал «Звезда», 2001. — 612 с.

7. *Муравьев Н. Н.* Из записок Н. Н. Муравьева-Карского / Н. Н. Муравьев // Русский архив : историко-литературный сборник, издаваемый при Чертковской библиотеке. — Москва : Университетская типография (Катков и К°), 1894. — Т. 3. — С. 363—428, 467—555.

8. *Муравьев Н. Н.* Русские на Боспоре. Из записок Н. Н. Муравьева (Карского) / Н. Н. Муравьев. — Москва, 1869. — 572 с.

9. *Обзор* военных действий на Кавказе в 1845 году : составлено при Генеральном штабе Отдельного Кавказского корпуса. — Тифлис : тип. Штаба Отд. кавк. корпуса, 1846. — 113 с.

10. *Kolaczkowski K.* Wspomnienia jenerała Klemensa Kołaczkowskiego / K. Kolaczkowski. — Krakow, 1900. — 140 p.

Литература

1. *Беловинский Л. В.* История полков русской армии / Л. В. Беловинский // Военно-исторический журнал. — 1988. — № 12. — С. 88—90.

2. *Беляев Н. А.* Боевые подвиги 60-го пехотного Замосцского полка. 1831—1894 / Н. А. Беляев. — Херсон, 1894. — 96 с.

3. *Висковатов А. В.* Хроника Российской Императорской армии : в 7 т. Ч. V / А. В. Висковатов. — Санкт-Петербург : Воен. тип., 1852. — 533 с.

4. *Володина Т. А.,* Подрезов К. А., Тарунтаева Т.А. Российская армия как феномен империи : анализ историографии / Т. А. Володина., К. А. Подрезов, Т. А. Тарунтаева // Былые годы. Российский исторический журнал. — 2020. — № 57 (3). — С. 1011—1024. Bylye gody. 2020. 57(3) Russian historical journal. Russian Army as a Phenomenon of Empire: Analysis of Historiography.

5. *Гизетти А. Л.* Хроника кавказских войск / А. Л. Гизетти. — Тифлис, 1896. — 598 с.

6. *Гребенщикова Г. А.* Андреевский флаг над древним Босфором / Г. А. Гребенщикова // Гангут. — 2007. — № 43. — С. 3—31.

7. *Дараган М. И.* Записки о войне в Трансильвании в 1849 году / М. И. Дараган. — Санкт-Петербург, 1859. — 278 с.

8. *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев и его время : материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II / А. П. Заблоцкий-Десятовский. — Санкт-Петербург, 1882. — 422 с.

9. *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853—1856 г. : в 2 т. Т. 1 / А. М. Зайончковский. — Санкт-Петербург : Полигон, 2002. — 928 с.

10. *Западные* окраины Российской империи / Л. А. Бережная [и др.]. — Москва : Новое литературное обозрение, 2006. — 608 с.

11. *Кривопалов А. А.* Царство Польское в стратегических взглядах фельдмаршала И. Ф. Паскевича в середине 1840-х годов / А. А. Кривопалов // Российская история. — 2012. — № 4. — С. 88—100.

12. *Лапин В. В.* Армия России в Кавказской войне / В. В. Лапин. — Санкт-Петербург : Европейский дом, 2008. — 400 с.

13. *Нечитайлов М. В.* Военно-бытовая повседневность солдат и офицеров Кавказского корпуса (1817—1864 гг.): материальный аспект : автореферат диссертации … кандидата исторических наук: 07.00.02 / М. В. Нечитайлов. — Ставрополь, 2005. — 24 с.

14. *Николаев Е. П.* История 50-го пехотного Белостокского Его Высочества Герцога Саксен-Альтенбургского полка 1807—1907 гг. / Е. П. Николаев. — Санкт-Петербург, 1907. — 608 с.

15. *Огородников С. Ф.* Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования (1802—1902 гг.) / С. Ф. Огородников. — Санкт-Петербург, 1902. — 263 с.

16. *Очерк* положения военных дел на Кавказе с начала 1838 до конца 1842 года // Кавказский сборник. — 1877. — Вып. 3. — С. 1—74.

17. *Павлюк К. К.* История 51-го Пехотного Литовского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка : 1809—1909 гг. : в 2 т. Т. 1 / К. К. Павлюк. — Одесса : типо-лит. Штаба Одес. воен. окр, 1909. — 490 с.

18. *Пузыревский А. К.* Польско-русская война 1831 г. : в 2 т. Т. 1 / А. К. Пузыревский. — Санкт-Петербург : Воен. тип., 1890. — 440 с.

19. *Федоров В. А.* Декабристы и их время / В. А. Федоров. — Москва : Изд-во Московского университета, 1992. — 272 с.

20. *Яковлев В. В.* История крепостей / В. В. Яковлев. — Москва : Полигон, 1995. — 312 с.

21. *Wirtschafter E. K.* From serf to Russian soldier / E. K. Wirtschafter. — Princeton (N.J.) : Princeton univ. press, 1990. — 214 p.

Material resources

Ermolov, A. P. (2014). *Caucasian letters. 1816—1860*. St. Petersburg: Zhurnal «Zvezda». 832 p. (In Russ.).

Kolaczkowski, K. (1900). *Wspomnienia jenerała Klemensa Kołaczkowskiego*. Krakow. 140 p.

Lisitsynoy, G. G. (ed.). (2001). *Dargin tragedy. 1845 year*. St. Petersburg: Zhurnal «Zvezda». 612 p. (In Russ.).

Military encyclopedic lexicon. (1855). St. Petersburg: Tip. shtaba voenno-uchebnykh zavedeniy. 14/7. 711 p. (In Russ.).

Muravyev, N. N. (1869). *Russians in the Bosporus. From the notes of N. N. Muravyev (Karsky)*. Moscow. 572 p. (In Russ.).

Muravyev, N. N. (1894). From the notes of N. N. Muravyev-Karsky. In: *Russian archive: a historical and literary collection published at the Chertkovskaya library.* Moscow: Universitetskaya tipografiya (Katkov i K°). 3: 363—428, 467—555. (In Russ.).

Overview of military operations in the Caucasus in 1845: compiled by the General Staff of the Separate Caucasian Corps. (1846). Tiflis: tip. Shtaba Otd. kavk. korpusa. 113 p. (In Russ.).

PSZ-II — Renaming the 4th, 5th and 6th Infantry Corps: Act of April 26th 1835. No. 8088. (1830—1916). In: *Complete collection of laws of the Russian Empire: second collection (1825—1881)*. St. Petersburg: Tip. 2-go Otdeleniyaniya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii. 55/10 (1): 371. (In Russ.).

Raevskiy, P. M. (ed.). (1910). *Raevsky Archive.* St. Petersburg: tip. M. A. Aleksandrova. 5/3. 718 p. (In Russ.).

RGVIA — *Russian State Military Historical Archive*. (In Russ.).

References

Belovinskiy, L. V. (1988). History of the regiments of the Russian Army. *Military history journal, 12:* 88—90. (In Russ.).

Belyaev, N. A. (1894). *Military exploits of the 60th infantry regiment of Zamosc. 1831—1894.* Kherson. 96 p. (In Russ.).

Berezhnaya, L. A. (et al.) (ed.). (2006). *Western outskirts of the Russian Empire*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 608 p. (In Russ.).

Daragan, M. I. (1859). *Notes on the War in Transylvania in 1849*. St. Petersburg. 278 p. (In Russ.).

Fedorov, V. A. (1992). *Dekabrists and their time.* Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta. 272 p. (In Russ.).

Gizetti, A. L. (1896). *Chronicle of the Caucasian troops*. Tiflis. 598 p. (In Russ.).

Grebenshchikova, G. A. (2007). St. Andrew's flag over the ancient Bosphorus. *Gangut, 43:* 3—31. (In Russ.).

Krivopalov, A. A. (2012). The Kingdom of Poland in the strategic views of Field Marshal I. F. Paskevich in the mid-1840s. *Russian History, 4:* 88—100. (In Russ.).

Lapin, V. V. (2008). *Russian Army in the Caucasian War.* St. Petersburg: Evropeyskiy dom. 400 p. (In Russ.).

Nechitaylov, M. V. (2005). *Military everyday life of soldiers and officers of the Caucasian corps (1817—1864): the material aspect. Author's abstract of PhD Diss.* Stavropol. 24 p. (In Russ.).

Nikolaev, E. P. (1907). *History of the 50th Infantry of Bialystok His Highness Duke of Saxe-Altenburg Regiment 1807—1907.* St. Petersburg. 608 p. (In Russ.).

Ogorodnikov, S. F. (1902). *Historical overview of the development and activities of the Maritime Ministry over a hundred years of its existence (1802—1902).* St. Petersburg. 263 p. (In Russ.).

Outline of the state of military affairs in the Caucasus from the beginning of 1838 to the end of 1842. (1877). In: *Caucasian collection*. 3: 1—74. (In Russ.).

Pavlyuk, K. K. (1909). *History of the 51st Lithuanian Infantry His Imperial Highness Heir to the Tsarevich Regiment: 1809—1909.* Odessa. 2/1. 490 p. (In Russ.).

Puzyrevskiy, A. K. (1890). *Polish-Russian War of 1831.* St. Petersburg: Voen. tip. 440 p. (In Russ.).

Viskovatov, A. V. (1852). *Chronicle of the Russian Imperial Army.* St. Petersburg: Voen. tip. 7/5. 533 p. (In Russ.).

Volodina, T. A., Podrezov, K. A., Taruntaeva, T. A. (2020). Russian Army as a Phenomenon of Empire: Analysis of Historiography. *Bylye gody, 57 (3):* 1011—1024. (In Russ.).

CC BY

Wirtschafter, E. K. (1990). *From serf to Russian soldier*. Princeton (N.J.): Princeton univ. press. 214 p.

Zablotskiy-Desyatovskiy, A. P. (1882). *Count P. D. Kiselev and his time: materials for the history of the emperors Alexander I, Nicholas I and Alexander I.* St. Petersburg. 422 p. (In Russ.).

Zayonchkovskiy, A. M. (2002). *Eastern war 1853—1856 g.* St. Petersburg: Poligon. 2/1. 928 p. (In Russ.).

Yakovlev, V. V. (1995). *Fortress history*. Moscow: Poligon. 312 p. (In Russ.).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Апрыщенко В. Ю. Ирландские якобиты в континентальной Европе конца XVII — XVIII веков / В. Ю. Апрыщенко, Н. А. Лагошина // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 272—289. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-272-289.

Apryshchenko, V. Yu., Lagoshina, N. A. (2021). Irish Jacobites in Continental Europe at End of 17th — 18th Centuries. *Nauchnyi dialog, 8:* 272-289. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-272-289. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-272-289

Ирландские якобиты в континентальной Европе конца XVII — XVIII веков

Апрыщенко Виктор Юрьевич
orcid.org/0000-0001-5365-1534
доктор исторических наук, профессор
кафедра зарубежной истории
и международных отношений
директор Института истории и
международных отношений
victorapr@sfedu.ru

Лагошина Наталия Анатольевна
orcid.org/0000-0002-7712-3469
младший научный сотрудник
Институт истории
и международных отношений
lagoshina@sfedu.ru

Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 19-39-90024 от 27.08.2019 г.
(номер внутренней регистрации
РФФИ/19-53-ИС)

Irish Jacobites in Continental Europe at End of 17th — 18th Centuries

Victor Yu. Apryshchenko
orcid.org/0000-0001-5365-1534
Doctor of History, Professor
Department of Foreign History
and International Relations
Director of the Institute of History
and International Relations
victorapr@sfedu.ru

Natalia A. Lagoshina
orcid.org/0000-0002-7712-3469
junior research scientist
Institute of History
and International Relations
lagoshina@sfedu.ru

Southern Federal University
(Rostov-on-Don, Russia)

Acknowledgments:
The reported study was funded by RFBR,
project number 19-39-90024
dated August 27, 2019
(RFBR internal registration
number / 19-53-IS)

© Апрыщенко В. Ю., Лагошина Н. А., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется проблема миграции ирландских военных на европейский континент в Новое время. Особое внимание уделяется их роли, политическим настроениям и адаптации в принимающих обществах. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью специфики ирландской военной миграции XVIII века и степени влияния якобитской идеологии на политические настроения ирландцев в Европе. Новизна исследования видится в том, что изучение массовой миграции ирландских военных в Европу в период между Лимерикским договором 1691 года и окончанием войны за Австрийское наследство 1748 года дополнит ирландскую военную историю Нового времени. Изучение личной переписки, мемуаров и литературных произведений позволяет глубже исследовать вопросы идентичности, идеологии и коллективной памяти ирландских военных, определить степень участия ирландцев в различных династических войнах и заговорах Европы XVIII века, восстановить некоторые детали из жизни ирландских якобитов, заговорщиков, шпионов и социальных сетей мигрантов. Анализ разнообразных источников привел к переосмыслению положения ирландской диаспоры во Франции и Испании. Было установлено, что с помощью разветвленной миграционной сети ирландские якобиты осуществляли коммуникацию с мировым сообществом ирландцев в изгнании, представляя угрозу ганноверскому правительству.

Ключевые слова:
ирландские военные в Европе Нового времени; миграционные сети; якобитское движение; диаспора; идентичность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The problem of migration of the Irish military to the European continent in modern times is examined in the article. Particular attention is paid to their role, political attitudes and adaptation in host societies. The relevance of the study is due to insufficient knowledge of the specifics of the Irish military migration of the 18th century and the degree to which Jacobite ideology influenced the political mood of Irish people in Europe. The novelty of the study is seen in the fact that the study of the mass migration of the Irish military to Europe in the period between the Treaty of Limerick in 1691 and the end of the War of Austrian Succession in 1748 will complement the Irish military history of modern times. The study of personal correspondence, memoirs and literary works allows a deeper study of the issues of identity, ideology and collective memory of the Irish military, to determine the degree of participation of the Irish in various dynastic wars and conspiracies in Europe in the XVIII century, to restore some details from the life of the Irish Jacobites, conspirators, spies and social networks migrants. Analysis of various sources has led to a rethinking of the situation of the Irish diaspora in France and Spain. It was found that through an extensive migration network, the Irish Jacobites communicated with the world community of Irish-in-exile, posing a threat to the Hanoverian government.

Key words:
Irish military in modern Europe; migration networks; Jacobite movement; diaspora; identity.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(410+415)“16/17”

Ирландские якобиты в континентальной Европе конца XVII — XVIII веков

© Апрыщенко В. Ю., Лагошина Н. А., 2021

1. Изучение ирландской миграции

Устойчивая миграция в Европу характеризовала историю Ирландии и Великобритании в течение последних полутора тысяч лет. Тесные связи с папством и крупнейшими университетами Европы, религиозными институтами и организациями, обширные владения английской короны во Франции и прибыльная торговля рыбой, вином и шерстью через Ирландское море и Ла-Манш определяли большую часть этого международного потока в Средневековый период. В эпоху раннего Нового времени политические, военные, социально-экономические и культурные последствия Реформации и Контрреформации привели к увеличению связей ирландских католиков с европейским континентом. Повторное завоевание Ирландии англичанами, окончившееся сокрушительным поражением ирландской стороны, вынудило тысячи ирландцев эмигрировать в Европу. В течение десятилетий после «Славной революции» 1688 года, результатом которой стало свержение католического короля Якова II, тысячи английских консерваторов, ирландских католиков, шотландских горцев и, в гораздо меньшей степени, валлийцев, сторонников изгнанного короля, оказались рассредоточены по всей Европе от Пиренейского полуострова до русской степи. Основную часть этого разнообразного сообщества в изгнании составляли ирландцы. Они были вовлечены во все сферы жизни европейского общества, включая торговлю, банковское дело, церковь, образование и военное дело.

Изучение роли, положения и адаптации ирландских военных в принимающих обществах проливает свет на политическое, общественное и культурное влияние ирландцев на Европейском континенте в XVIII веке. Массовая миграция в англоязычном мире и за его пределами с XIX века несколько затмила опыт эмигрантов предшествующего столетия. В современных академических исследованиях [Bredin, 1987, p. 272], как правило, недооценивалось влияние якобитской идеологии, которая пронизывала большую часть политического и военного дискурса в рассматриваемый период. Для зарубежной историографии также характерно чрезмерное влияние подходов военной истории. Те историки, которые изучали специфику ирландской военной миграции XVIII века, были в основном сосредоточены на биографических и просопографических исследованиях ирландцев,

CC BY

занимавших высокие политические, военные и церковные должности [Ireland in the Stuart Papers, 1996, p. 53—55]. На сегодняшний день нам мало известно о жизни рядовых солдат, сражавшихся и погибших в бою. Несмотря на то, что изучение ирландской диаспоры в глобальном общеевропейском, атлантическом и имперском контекстах все более привлекает современных зарубежных историков, использующих транснациональный подход при изучении миграционных процессов, до сих пор не было проведено всеобъемлющего исследования идентичности и адаптации ирландских военных мигрантов, а также международных связей диаспоры в Новое время [McGurk, 1992, p. 36—62]. Влияние якобитской идеологии на ирландскую миграцию в XVIII веке также недостаточно изучено.

Источники личного происхождения воссоздают политическую, военную и культурную среду жизни мигрантов, проливают свет на роль ирландцев в якобитской политике, их отношение к изгнанному королю и родине. Кроме того, данный вид источников содержит информацию о том, как сообщество экспатриантов поддерживало контакты с Ирландией и функционировало как военная, политическая, дипломатическая и культурная группа в Европе конца XVII — XVIII веков, как они организовывали вербовочную деятельность внутри страны и за рубежом и использовали католицизм и якобитскую идеологию в военно-политических целях.

В данной статье изучаются особенности адаптации ирландской военной диаспоры в Европе Нового времени. Ирландские мигранты составляли диаспору, и, несмотря на потрясения, в результате которых многие ирландские и английские лидеры и их семьи были изгнаны, эти люди сохранили тесную связь с Ирландией, многие из них на протяжении десятилетий стремились вернуть родовые поместья и титулы.

2. Истоки ирландской военной миграции в Европу

В течение столетий после заключения Лимерикского договора ирландские солдаты укомплектовывали и возглавляли армии по всему континенту от Лиссабона до Москвы, пересекая границы разных государств и культур. Как и другие новобранцы, они присоединялись к иностранным армиям по разным причинам: идеологическим, политическим, практическим и профессиональным. Ирландцы бежали от конфессионального, культурного и политического преследования, избегая голода, экономической стагнации и безработицы у себя на родине.

Преданность ирландцев династии Стюартов впервые проявилась сразу после того, как Яков VI Шотландский, он же Яков I Английский, наследовал английский престол и ирландскую корону в 1603 году. Его приверженность католицизму, безупречная гэльская родословная, а также политика,

CC BY

направленная на ослабление культурного, политического и религиозного притеснения ирландских богословов, гэльских поэтов и писателей глубоко симпатизировали католикам Ирландии и обеспечили лояльность местного населения. Эта преданность сохранялась и после Войн трех королевств 1638—1652 годов, Междуцарствия 1649—1660 годов и политических кризисов времен царствования Карла II 1660—1685 годов. После наследования Якова II в 1685 году многие ирландцы обратились к новому католическому монарху, чтобы восстановить земли, которые они потеряли, сражаясь с английским парламентом.

Приблизительно 19 000 ирландских якобитских солдат покинули страну во время и сразу после Войны двух королей 1689—1691 годов, оставаясь особой военной единицей при короле Якове II, пока не были включены в состав французской армии после заключения Рейсвейкского мирного договора 1697 года, а затем были приняты на испанскую службу в конце Войны за испанское наследство 1714 года. Знаменитые «Дикие гуси» с националистической историей и агиографией стали особой, притом высоко оцениваемой военной силой, заработав внушающую страх репутацию на полях сражений в Европе XVIII века.

Историки до сих спорят о численности ирландских военных, набранных в ряды французской и испанской армии в течение первой половины XVIII века. В 1729 году ирландский якобит сэр Ч. Воган сетовал о том, что с 1690-х годов более ста тысяч ирландцев погибли на службе во Франции. В письме настоятелю собора св. Патрика доктору Дж. Свифту в 1733 году он утверждал, что 120 000 человек были убиты в ходе этой службы [O'Ciardha, 2013, p. 1—27]. В начале 1760-х годов аббат МакГоган, посвятивший свою «Историю Ирландии» (1758) ирландским бригадам на французской службе, отметил, что за период между 1691 и 1745 годами погибло 45 000 ирландских солдат [Ireland and the Jacobite cause, 2002, p. 32—33]. Военный историк Р. Хейс отметил, что, согласно подсчетам МакГогана, все те, кто служил во французской и испанской армиях, имели ирландское происхождение. По мнению Хейса, общая численность ирландцев, состоящих на службе в континентальных армиях в рассматриваемый период, составляла 48 000 человек [Hayes, 1952, p. 198—201]. Процессор Тринити-колледжа в Дублине Л. Каллен заявлял гораздо меньшие масштабы ирландского военного присутствия в иностранных армиях, полагая, что «на пике ирландской военной миграции в конце 1720-х и 1730-х гг. количество ирландцев, ежегодно поступающих на военную службу во французскую армию, не превышало 1000 человек в год». Он также утверждал, что приток военных не уменьшился окончательно до 1740-х годов [Cullen, 1994, p. 121, 124, 139]. Тем не менее цифры, обсуждаемые в последних исследованиях, все еще значительны.

CC BY

Возрастающее количество ирландских военных на континенте, которых часто считали предателями, мятежниками, беглецами или, в лучшем случае, военными и религиозными беженцами, играло важную роль в европейской политической и культурной жизни [McLaughlin, 1980, p. 5]. По мнению якобитского памфлетиста Н. Планкетта, ирландцы, покинувшие родину, являлись ключевым компонентом «ирландской нации». Планкетт изобразил эпизодическую роль этой отсутствующей, но необходимой политической единицы в брошюре начала XVIII века под названием «Государство нации». Он определил, что «на родине и за границей» есть много людей, которые «не пользуются землями или наследством, но все же являются достойными патриотами и способны служить своей стране». Он восславлял «тех ирландцев, которым принадлежит мир, и призвал их быть неизменно верными католической религии, своему королю и прославлять свою природную доблесть» [Ireland and the Jacobite cause, 2002, p. 34—35]. Ирландский историк XIX века У. Леки полагал, что «реальная история ирландских католиков в первой половине XVIII века находится в странах Европы» [Lecky, 1892, p. 250, 413]. В свою очередь, Р. Хейс справедливо предположил, что Париж стал столицей католической Ирландии XVIII века [Hayes, 1934, p. 9].

После поражений при Бойне 1690 года, Охриме и Лимерике [Ireland and the Jacobite cause, 2002, p. 118] 1691 года ирландские католические джентри оставались верны якобитским интересам на континенте [Ireland and the Jacobite cause, 2002, p. 120—122]. Лишенное своего лидера крестьянство Ирландии не скрывало своей преданности Якову II, его французскому союзнику Людовику XIV и изгнанной ирландской военной и политической элите. Численное преимущество якобитских изгнанников компенсировало их относительно слабую политическую позицию при дворе изгнанников [Ireland and the Jacobite cause, 2002, p. 122]. Тем не менее ирландское лобби в Европе надеялось на восстановление Стюарта и возвращение их конфискованных имений. В 1690-х годах они наносили регулярные визиты в свои наследные поместья.

Беспокойство вигов в отношении ирландских военных мигрантов нашло отклик в одном из описаний современников 1695 года: Саутвелл отметил, что истинная лояльность католического крестьянства зависит от их изгнанного короля, а также от ирландской аристократии и джентри [Barry, 1957, p. 134]. Он особо подчеркнул французское влияние на ирландскую якобитскую идеологию и высказал опасение, что европейский мир будет способствовать ирландскому военному вторжению или восстанию, финансируемому Францией [Calendar of the State Papers Domestic, 1877, p. 197, 240, 243, 503].

Ирландская армия, а позднее ирландские бригады во Франции и Испании стали базирующимся в Европе микрокосмом ирландского якобитского

CC BY

государства, прекратившего свое существование после поражения католиков при Охриме и Лимерике. Ирландская военная диаспора в изгнании предоставляла убежище тем, кто пытался избежать революционного урегулирования, действия уголовных законов или сделать военную карьеру на континенте. Ирландские католические аристократы и джентри, генералы-эмигранты и их потомки фактически сохранили свое влияние в «малой Ирландии» в течение первой половины XVIII века [Dunton, 1982, p. 14]

3. Цели и стремления ирландских изгнанников

Часть ирландских военных стремилась к немедленному возвращению политических прав и наследных владений. Перед неудачным вторжением французских якобитов в 1692 году некий капитан Ч. О'Малли из Сен-Жермена в письме своему сыну в Ирландии отказал в предоставлении прав на свое имущество и предостерег от участия в Суде Претензий, который должен был состояться. Он сообщил сыну о запланированном восстановлении имущества якобитов в течение следующей весны и о своем стремлении воссоединиться с семьей и родиной. В своем завещании якобитский генерал и близкий друг Якова II Д. Маккарти, виконт Маунткашел, пожелал, чтобы его похоронили в Ирландии и чтобы его кузен Флоренс унаследовал титулы предков. Он выразил надежду, что его родственник и все те, кто в будущем наследуют древние титулы, постараются отвоевать все, что англичане отняли у его семьи, и что будущий наследник посвятит себя служению Стюартам и королю Франции, его законным суверенам [O'Malley, 1952, p. 32—46].

Культ ирландских бригад на иностранной службе зародился в брошюрах современников. Английский якобитский писатель Джон Сержант в своем аллегорическом произведении высоко оценивает ирландский героизм в битве при Ландене 1693 года: «Они завоевали большую благодарность за свое мужественное поведение и убедили мир в том, насколько лживые свидетельства распространились о них на родине, поскольку они не уступали лучшим вильямитам, особенно когда были хорошо одеты, вооружены и сыты» [Sergeant, 1694, p. 67]. Н. Планкетт также хвалебно отзывался об «ирландских военных за границей, за последние двадцать лет вызывающих восхищение народов» [Cullen, 1994, p. 217].

Рейсвейкский мирный договор 1697 года, положивший конец войне за Английское наследство 1688—1697 годов и существованию Аугсбургской лиги, привел к последующему расформированию ирландской армии. Недовольство ирландских военных изложено в петиции якобитского солдата французскому королю. Автор напомнил Людовику XIV, что «ирландские якобиты боролись в течение десяти лет в защиту католической религии

CC BY

и своего законного суверена со всем мужеством и верностью, которые от них могли требоваться. Они были разочарованы миром, который не только не способствовал реставрации их монарха, но также оставил его ирландских последователей лишенными собственности, на которую они имели законные требования. Они также были лишены возможности возвращения в свою страну под страхом смерти» [Sergeant, 1694, p. 79].

Данная риторика продолжала фигурировать в письмах ирландских военных. Они выражали недовольство фаворитизмом короля Стюарта по отношению к его английским и шотландским подданным. Анонимный якобитский офицер, посвятивший «Стоны Ирландии» королю Вильгельму III, самым решительным образом выразил свое отчаяние и обиду. Он осудил якобитских генералов за то, что они «строят свое состояние во Франции на руинах побежденных ирландцев», сетовал о плачевном положении «бедных джентльменов, женщин и детей, которых пригласили на континент, чтобы теперь просить милостыню» [Barry, 1957, p. 131]. Н. Планкетт отметил, что «значительная часть ирландских джентри, служивших Его Величеству и готовых отправиться на войну за его пребывание в Ирландии», получив известие о смерти Якова II в 1701 году были ранены в самое сердце, «потому что он называл их по именам, считая товарищами по несчастью». По мнению Планкетта, «с воцарением Якова III ситуация изменилась, потому что для него они были незнакомцами» [Cullen, 1994, p. 242]. Офицер ирландской бригады писал своему сыну о том, что «ирландцы не имеют удовольствия приблизиться к новому королю, потому что они плохо говорят по-английски, и, хотя ирландские изгнанники пожертвовали всем ради Стюартов, ввиду политической целесообразности новый монарх отдавал предпочтение англичанам и шотландцам» [Hayes, 1952, p. 68—75].

Несмотря на военные и политические неудачи в 1690-х годах, ирландцы оставались неотъемлемой частью якобитской общины в Европе. Более того, якобиты, оставшиеся в Ирландии, и английские и шотландские эмигранты рассматривали ирландскую диаспору в Европе как ключ к будущей реставрации Стюартов. Британские политические деятели видели во франко-ирландских офицерах угрозу мятежа в Ирландии и вторжения в южную Англию и шотландский Хайленд.

Ирландская община, состоящая из солдат, торговцев, духовенства, а также их семей и иждивенцев, пополнялась главным образом за счет вербовки в ирландские полки во французских и испанских армиях. В отчетах и свидетельствах современников содержится информация о том, что многие ирландцы были приняты в ряды иностранных армий «для службы Самозванцу» или «Якову III» [O'Buachalla, 1993, p. 128—138]. Эти свидетельства проливают свет на связи между Ирландией и континентом, на-

CC BY

лаженные при помощи католических священников, солдат, каперов, судовладельцев и торговцев.

Вербовка на иностранную службу неизменно ассоциировалась с общественной деятельностью, спортивными мероприятиями, религиозной службой, посещением святых источников, клятвой присяги и традиционным питьем за здоровье и привлекала часть ирландского населения, включая аристократов и представителей джентри, сыновей эсквайров, поэтов, священников, сборщиков налогов и сельскохозяйственных рабочих [O'Buachalla, 1993, p. 139].

Ирландские священнослужители, поэты, пропагандисты, солдаты и контрабандисты играли определенную роль в вербовке ирландских полков на всех театрах военных действий Нового времени, а также передавали разведданные между Ирландией и ирландскими военными в Европе. Ирландские священники становились капелланами в ирландских полках, они оказывали духовную помощь своим подопечным, выступали в качестве нотариусов и свидетелей по завещаниям, а также опекунов вдов и сирот. В дополнение к своей секретной роли в вербовке, католические священнослужители поддерживали коммуникацию между Ирландией и ее военными изгнанниками [Brewester, 1697, p. 5]. Военные мигранты поддерживали регулярные контакты с соратниками из родной епархии, оказывали финансовую помощь приходам, поручая обучать своих детей. Благотворительные стипендии и пожертвования, которые они даровали колледжам, обеспечивая образование своего обедневшего духовенства, собственных семей, приходов и епархии, лучше всего иллюстрируют данную практику. В свою очередь колледжи заботились о духовных потребностях своих светских братьев, подготавливали и отправляли капелланов в ирландские бригады, занимались обучением ирландцев, незнакомых с европейскими языками и обычаями.

4. На секретной службе у иностранного монарха

Ирландские военные играли заметную роль в международной политике, обеспечивая коммуникацию якобитов в Ирландии с агентами французского короля и ирландскими мигрантами за границей.

В период интенсивной вербовки и обширной миграции между Ирландией и ее военной диаспорой франко-ирландский якобитский солдат и дипломатический представитель короля Франции, удостоенный звания пэра, Н. Гук вел секретные переговоры в Шотландии от имени короля Стюарта в начале 1705 года. Он связался с шотландскими якобитами с целью организации вооруженного восстания в рамках подготовки к французскому вторжению. Гук уехал в Шотландию в июле 1707 года и вернулся с многочисленными письмами и петициями французскому королю. Он сообщил,

CC BY

что, «если пожелает Его Величество, шотландцы хотят, чтобы их короля [Якова III] сопровождали 5000 солдат», и что они «предпочли бы ирландские войска, которые служат во Франции, как более привыкшие к их образу жизни и говорящие на двух языках своего королевства» [Hooke, 1760, p. 5]. Гук предположил, что «по доблести и безупречному поведению ирландских полков, которые служат во Франции, можно легко судить о том, как их соотечественники могли бы воевать у себя на родине, если бы у них было оружие» [Hooke, 1760, p. 193].

Анонимный план вторжения (1706—1708 гг.) содержит список изгнанных ирландских аристократов, джентри и солдат из каждой провинции Ирландии, которые могли быть восстановлены в правах в случае французского вторжения [Clark, 1991, p. 297]. Автор предложил отправить 6000—8000 человек в Ольстер во время сбора урожая в сопровождении реорганизованных ирландских офицеров французской армии, которые могли возглавить полки, сформированные в Ирландии. Эти силы могли доставить дополнительное оружие и снаряжение для 20 000 пехотинцев, двух кавалерийских полков и 4000 солдат драгунского полка [Clark, 1991, p. 304].

В послании Людовику XIV полковник Г. О'Нилл из Кинара (Роскомон) предположил, что вторжение на север Ирландии с 5—6-тысячной армией будет необходимой предпосылкой для десантирования в Шотландию. О'Нилл выступал за обеспечение солдат оружием, боеприпасами и питанием в течение первых шести месяцев. Французы могли предоставить необходимое оружие, обмундирование и денежные средства, чтобы собрать дополнительно 30 000—40 000 ирландцев или шотландцев [Report on the manuscripts, 1961, p. 106]. Чтобы привлечь ирландцев и шотландцев на королевскую службу, он предложил предоставить им те же права и привилегии, которыми располагают английские подданные Его Величества, обеспечивая при этом неприкосновенность собственности и полную свободу вероисповедания ирландских протестантов. О'Нилл также отметил, что все жители Ирландии должны пользоваться свободной торговлей, при которой им больше не придется отправлять или выгружать свои товары через английские порты, что наносит большой ущерб ирландским подданным и доходам короны в Ирландии [Kelly, 1994, p. 23].

Неудачный исход военной кампании неблагоприятно отразился на положении ирландских якобитов в Ирландии. По словам якобитского агента А. О'Коннора в 1708 году [Fenning, 1990, p. 30], двое влиятельных якобитов Коннахта, лорд Диллон и Т. Макдоно, были заключены в Дублине. В Ленстере О'Коннор смог добиться поддержки главных католических лордов региона, которые подчеркнули свою готовность внести свой вклад в реставрацию Якова III [O'Ciardha, 2009, p. 781—782].

CC BY

Мемуары и описания современников, отчеты и показания вербовщиков проливают свет на взгляды и чувства ирландских рядовых пехотинцев, которые отправлялись на континент в первые десятилетия XVIII века. Уроженец Голуя, служивший в Европе, отправлял денежные средства своему отцу на родину, обменивался новостями из дома и информацией о своих соотечественниках-якобитах. Как и его современники, он анализировал европейскую политику и возможные последствия для реставрации Стюартов, а также описал отчаяние ирландцев по поводу неуверенности их молодого короля и подчеркнул их недоверие к своим шотландским и английским конкурентам: «Ирландцы сильно устали, потому что король Яков обсуждает политические действия с джентльменами из Шотландии, а также с англичанами. Они свяжут его руки, и он не сможет сделать что-либо хорошее для католиков» [Hooke, 1760, p. 53].

Показания вербовщиков содержат европейские военные новости. В качестве примера можно привести показания современников, касающиеся вербовочной деятельности Т. Батлера, лейтенанта в полку англо-ирландского дворянина П. Батлера, третьего виконта Галмоя, за голову которого власти объявили награду в 200 фунтов стерлингов [Melvin, 1979, p. 182]. Батлер сообщил новобранцам, что они будут служить Якову III, от которого у него было поручение, и пообещал, что они вернутся на родину в течение года, чтобы искоренить протестантов. Майкл Леги обращал особое внимание на оружие, одежду и деньги, обещанные новобранцам по прибытии во Францию, а также отмечал широкий охват и тайный характер призыва [O'Buachalla, 1993, p. 128].

Сообщение Дж. Брэди 1714 года содержит данные об ирландской якобитской сети, пролегавшей через Дувр, Бристоль и Кале и протянувшейся во Францию, которая связывала вербовочных офицеров с влиятельными континентальными якобитами [Melvin, 1979, p. 183]. Брэди встретил ирландцев, которые присоединились к армии королевы Анны в Испании, но теперь служили французскому королю. По прибытии в Колледж де Ломбардес в Париже он встретил «очень много ирландских молодых священников, прибывших из окрестностей графств Монаган, Фермана, Каван и других регионов Ирландии, которые пытались убедить его присоединиться к французской армии. Как и многие ирландские военные эмигранты, они ожидали своевременного возвращения на родину» [Melvin, 1979, p. 184].

В другом сообщении современника подчеркиваются связи между Францией и Ирландией, сообщается о переписке священника из Кавана с сэром Т. Шериданом в Лондоне, позднее одним из «семи мужей Мойдарта», верных последователей, сопровождающих молодого претендента принца Чарльза Эдварда Стюарта в Шотландию в 1745 году [Hooke, 1760, p. 110, 193, 209].

CC BY

Автор «Сообщения Мару» 1716 года демонстрирует значительную осведомленность о численной и политической мощи ирландской якобитской общины за рубежом. Он выступал за отправку Дж. Батлера, второго герцога Ормонда, и группы ирландских офицеров с 3000 воинов в качестве предвестника ирландского восстания. Из анонимного послания следует, что его автор имел прямые разведданные из Ирландии: «Что касается положения дел в Ирландии, я узнаю об этом от старого джентльмена, недавно вернувшегося на родину, который служит изгнанному королю и точно знает о нынешнем состоянии этого королевства» [Ireland in the Stuart Papers, 1996, p. 64]. Согласно разведывательным данным современника из Трали (Керри), в январе 1716 года местные якобиты были убеждены, что 6000 солдат ирландских бригад вскоре прибудут во главе с генерал-лейтенантом Артуром Диллоном. Кроме того, информатор полагал, что если в Коннахте высадится от 3000 до 4000 солдат, по 200—300 человек за один раз, то в течение десяти дней к ним присоединятся еще 20 000 человек. Осведомленность католиков о намерениях и состоянии военных сил короля усиливала страхи информаторов [Ireland in the Stuart Papers, 1996, p. 64].

В докладе, написанном после вторжения войск Якова III, генерал-лейтенант А. Диллон поделился общепринятой позицией ирландских якобитов на французской и испанской службе. Он подчеркнул, что неспособность отправить деньги, оружие и подкрепление повстанцам помешала успешному нападению на ганноверское государство [Hayes, 1948, p. 59]. По мнению Диллона, политическое покровительство ирландских бригад, поддерживающих своего законного принца, имеет политическое и военное значение: «Ваше Величество знает, что во Франции пять батальонов и конный полк ваших подданных, а в Испании пять батальонов с двумя драгунскими полками. Мне представляется, что вы должны вовремя принять меры, чтобы получить эти войска на службу или, по крайней мере, лучшую их часть... Крайне необходимо нанять главных командиров упомянутых войск на французскую службу. Вы можете не сомневаться в послушании и преданности ирландских офицеров и во всем, что касается военной службы. Относительно Ирландии — военная экспедиция в эту страну может быть осуществлена с небольшими затратами» [Secret memoirs, 1716, p. 7].

Заинтересованность современников ирландскими бригадами продолжалась на протяжении периода устойчивого набора новобранцев. Отчеты и свидетельства международных якобитских деятелей предоставляют бесценную информацию о тайной коммуникации ирландских военных по всему миру [Calendar of the Stuart papers belonging, 1902, p. 654]. Большинство петиций, отчетов и мемуаров, созданных во время службы ирландских военных во французской и испанской армии, раскрывают сложные свя-

CC BY

зи между Ирландией и сообществами ирландских мигрантов за рубежом, включая франко-ирландских солдат, агентов католической церкви, ирландских судовладельцев и торговцев [Camden, 1675, p. 518]. Эти показания демонстрируют удивительно точное понимание якобитской политики. Обещания скорейшего возвращения в Ирландию с изгнанным королем дополняют свидетельства современников о продолжающихся заговорах якобитов и планах вторжения. Авторы письменных отчетов придают особое значение вознаграждениям, полученным за службу претенденту Стюарту, необходимости давать клятву верности и не раскрывать личностей вербовщиков. Новобранцы искали заверения в том, что они будут служить только королю Якову и вернутся на родину, чтобы получить земли и титулы.

Эти изгнанники поддерживали прочные культурные и идеологические связи с землей своего рождения. Они выступали под ирландскую боевую музыку, на их флагах были изображены символы Святого Патрика, Девы Марии, арфы, красной руки, короны, трилистника, палящего солнца, а также легенды на ирландском языке. Они использовали генеалогию, приверженность якобитским стремлениям и поддержку влиятельных представителей диаспоры для поступления на военную службу и продвижения по карьерной лестнице в выбранных ими родах войск.

После «пятнадцатого поражения» ирландские якобиты в Европе попрежнему предлагали нападение на Ирландию. Францисканский монах и агент якобитов А. О'Каллаган, оправдывающий бездействие ирландских якобитов во время неудачного восстания, представил своему монарху новый план вторжения. Он подчеркнул, что «отсутствие подрывной и разведывательной деятельности в Ирландии предопределило неблагоприятный исход экспедиции Якова III в Шотландию в 1715 году, а состоятельные джентльмены Ирландии не могли содействовать восставшим из-за недостатка оружия» [Clark, 1991, p. 144].

В то время как слухи о вторжении проникали в Ирландию посредством морской торговли, агентов и вербовщиков, между ирландскими военными и их родиной были налажены более прямые контакты [Clark, 1991, p. 223—228]. Усиление подозрения вигов о сильной связи между вербовочной деятельностью и якобитской идеологией подчеркивается в переписке Якова III с франко-ирландскими якобитами полков в марте 1722 года. Изгнанный король предоставил полковникам, командующим ирландскими бригадами во французской армии, неограниченные полномочия при вербовке солдат в ирландские бригады, тем самым продемонстрировав собственное влияние и то, что его изгнанные ирландские подданные поддерживали тайные политические намерения Стюарта на иностранных землях [State Papers Foreign, 1982, p. 108]. Неудивительно, что в многочисленных свидетельствах современни-

CC BY

ков, поступающих на военную службу, подчеркивается необходимость подлинности поручений и доверенностей, полученных непосредственно от их изгнанного короля [O'Buachalla, 1993, p. 339—340].

«Дикие гуси» и изгнанные лидеры ирландской якобитской нации продолжали фигурировать в отчетах, оправленных Людовику XIV, претенденту Стюарту, французскому правительству и в якобитский двор Сен-Жермена.

В 1750-х годах влиятельные ирландские якобиты из Франции были уверены в улучшении положения якобитов [Hayes, 1934, p. 247]. Французский генерал Т. де Лалли, губернатор Болоньи, также оставался убежденным в том, что принц все еще был самым сильным козырем Франции. Он выступал за отправку 8000—10000 солдат в Ирландию или Шотландию, разделяя уверенность принца Чарльза Эдварда в победе [Hayes, 1934, p. 249]. В начале Семилетней войны 1754—1763 годов ирландские изгнанники выразили уверенность в успехе высадки французских войск в Британии и вновь выступили в поддержку диверсионной экспедиции в Ирландию. Однако снижение интереса ирландских военных к французской военной и политической жизни после смерти влиятельных якобитов нарушило связь между королем Стюартом и ирландскими бригадами. Падение и смерть Якова III в 1766 году, последующее погружение его сына в алкоголизм и вероотступничество фактически уничтожили все сохранившиеся связи между ирландскими военными и династией Стюартов [Griffin, 1979, p. 465].

5. Заключение

Военные мигранты составляли часть многогранного ирландского сообщества на европейском континенте, поддерживающего коммуникацию изгнанников с родиной посредством разветвленной миграционной сети. В конце XVII—XVIII веков многие из них оставались верными династии Стюартов и участвовали в военных кампаниях и серии якобитских заговоров вторжения 1692, 1695, 1708, 1715, 1719, 1745, 1759 годов под руководством ирландской аристократии в армиях Франции и Испании, чтобы восстановить их конфискованные земли, отменить Уголовные законы и политическое, социальное и культурное господство протестантов. Ирландские военные связывали восстановление короля с их собственным возвращением в Ирландию, восстановлением титулов и земельных владений и реабилитацией католической церкви. Они обращались к изгнанному монарху за привилегиями и титулами, чтобы занять свою нишу в европейских обществах Нового времени. Католицизм и якобитская идеология, неразрывно связанные до смерти Якова III в 1766 году, помогли удержать эту группу вместе, способствуя ее интеграции в европейское общество и позволяя ее приверженцам без особых усилий перемещаться из Мадрида в Москву.

CC BY

Католическая, роялистская идентичность оказывала влияние на культурные, социальные и ментальные аспекты жизни ирландских военных и выражалась в преданности изгнанному королю и местной аристократии, наличии генеалогии рода, изображении семейных гербов на щитах, покровительстве католической церкви, праздновании ключевых событий якобитского календаря, проведении якобитских обрядов и ритуалов.

Дипломатическая и военная служба, общественная деятельность и послевоенная карьера ирландских военных свидетельствуют об их высоком влиянии и способности адаптироваться в европейском обществе. Необходимость балансировать между лояльностью королю Стюарту, собственными интересами, и военно-политическим долгом по отношению к Бурбонам и Габсбургам привела к развитию стратегии приспособления, культурной гибкости и мобильности ирландцев в иностранной среде.

Вербовщики, якобитские агенты, купцы и католические священнослужители поддерживали важные каналы связи ирландской диаспоры с родиной. Несмотря на стремление многих ирландских военных вернуться на родину, восстановить политические права и земли предков, часть ирландских военных рассматривали службу в ирландских полках континентальных армий в качестве конечного пункта назначения. Несмотря на многолетнюю службу и преданность иностранным монархам на континенте, ирландские мигранты сохранили тесную связь с родиной. В свою очередь, ирландские банковское, клерикальное, морское, торговое, политическое и иные профессиональные сообщества поддерживали ирландских военных, заботясь об их образовательном, семейном, финансовом и духовном благополучии, помогая своим соотечественникам на родине в кризисных ситуациях.

Источники

1. *Brewester F.* Discourse concerning Ireland and the different interests thereof in answer to the Exon and Burnstable petition / F. Brewester. — London : Smith, Elder & Co, 1697. — 217 p.

2. *Calendar* of the State Papers Domestic, 1547—1695. — London. — 1877. — 844 p.

3. *Calendar* of the Stuart papers belonging to his majesty the king preserved at Windsor Castle. — London : Printed for H. M. Stationery off. by Mackie & co. ld, 1902. — Vol. 1. — 774 p.

4. *Camden W.* The history of the most renowned and victorious Princess Elizabeth, late queen of England / W. Camden. — London : Printed by M. Flesher, for C. Harper, 1675. — 746 p.

5. *Dunton J.* Teague Land, or a merry ramble to the Wild Irish, tiers from Ireland, 1698, repr. / J. Dunton. — Dublin : Four Courts Press, 1982. — 190 p.

6. *Hooke N.* The secret history of Colonel Hooke's negotiations in Scotland in favour of the Pretender / N. Hooke. — Dublin : General Books, 1760. — 222 p.

7. *Report* on the manuscripts of Lord Polwarth. — London : H. M. Stationery off, 1961. — Vol. 2. — 724 p.

8. *Secret* memoirs of the new treaty of alliance with France. — Dublin : Gale ECCO, 1716. — 30 p.

9. *Sergeant J.* An historical romance of the wars between the mighty giant Gallieno and the great knight Nasonius / J. Sergeant. — Dublin, 1694. — 98 p.

10. *State* Papers Foreign 1577—1782 : government papers on foreign affairs, France, 1723—1738 [Electronic resource] / The National Archives. — London, 1982. — p. 164. — Access mode : http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C13617 (accessed 26.02.2021).

Литература

1. *Barry J.* The groans of Ireland / J. Barry // Irish Sword. — 1957. — Vol. 2. — Pp. 128—141.

2. *Bredin A.* History of the Irish Soldier / A. Bredin. — Belfast : Century Books, 1987. — 566 p. — ISBN 9780903152181.

3. *Clark J.* English Society : Ideology, Social Structure and Political Practice during the Ancien Regime, 1688—1832 / J. Clark. — Cambridge : Cambridge University Press, 1991. — 449 p. — ISBN 0521309220.

4. *Cullen L.* The Irish diaspora of the seventeenth and eighteenth centuries / L. Cullen // Europeans on the Move : Studies m European Migration / Ed. by N. Canny. — Oxford : Clarendon Press, 1994. — 344 p. — DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198204190.003.0006.

5. *Fenning H.* The Irish Dominican Province, 1698—1797 / H. Fenning. — Dublin : Dominican Publications, 1990. — 667 p. — ISBN 1871552095.

6. *Griffin W.* Irish on the Continent in the Eighteenth Century / W. Griffin. — Wisconsin : [b. i], 1979. — 465 p.

7. *Hayes R.* Irish Casualties in the French Military Service / R. Hayes // The Irish Sword : Journal of the Military History Society of Ireland. — 1952. — Vol. 1. — Pp. 172—201.

8. *Hayes R.* Irish Swordmen in France / R. Hayes. — Dublin : M. H. Gill and son, 1934. — 307 p.

9. *Ireland* and the Jacobite cause, 1685—1766 : a fatal attachment. O'Ciardha E. — Dublin : Four Courts Press, 2002. — 468 p. — ISBN 1851825347.

10. *Ireland* in the Stuart Papers / Ed. by P. Fagan. — Dublin : Four Courts Press, 1996.

11. *Kelly J.* Ireland in the Stuart Papers / J. Kelly // Eighteenth-Century Ireland. — 1994. — Vol. 11. — Pp. 7—43.

12. *Lecky W.* A History of Ireland in the Eighteenth Century / W. Lecky. — London : Longmans, 1892. — Vol. 1. — 471 p.

13. *Melvin P.* Irish soldiers and plotters in Williamite England / P. Melvin // Irish Sword. — 1979. — Vol. 8. — Pp. 181—184.

14. *McGurk J.* "Wild Geese" : the Irish in European armies (sixteenth to Seventeenth centuries) / J. McGurk // The Irish Worldwide : Identity and Patterns of Migration / Ed. by P. O'Sullivan. — London : Leicester University Press, 1992. — Pp. 36—62.

15. *McLaughlin M.* The Wild Geese : The Irish Brigades of France and Spain / M. McLaughlin, C. Warner. — London : Osprey Publishing, 1980. — 48 p. — ISBN 0850453585.

16. *O'Buachalla B.* Irish Jacobitism in official documents / B. O'Buachalla // Eighteenth-Century Ireland. — 1993. — Vol. 8. — Pp. 128—138.

17. *O'Ciardha E.* Hooke, Nathaniel / E. O'Ciardha // Dictionary of Irish Biography / Eds. by McGuire J., Quinn J. — Cambridge : Cambridge University Press, 2009. — Vol. 4. — Pp. 776—782. — ISBN 978-0-521-63331-4.

18. *O'Malley O.* O'Malleys between 1651—1715 / O. O'Malley // Galway Historical and Archaeological Society Journal. — 1952. — Vol. 25. — Pp. 32—46.

Material resources

Brewester, F. (1967). *Discourse concerning Ireland and the different interests thereof in answer to the Exon and Burnstable petition.* London: Smith, Elder & Co. 217 p.

Calendar of the State Papers Domestic, 1547—1695. (1877). London. 844 p.

Calendar of the Stuart papers belonging to his majesty the king preserved at Windsor Castle, 1. (1902). London: Printed for H. M. Stationery off. by Mackie & co. ld. 774 p.

Camden, W. (1675). *The history of the most renowned and victorious Princess Elizabeth, late queen of England.* London: Printed by M. Flesher, for C. Harper. 746 p.

Dunton, J. (1982). *Teague Land, or a merry ramble to the Wild Irish, tiers from Ireland, 1698, repr.* Dublin: Four Courts Press. 190 p.

Hooke, N. (1760). *The secret history of Colonel Hooke's negotiations in Scotland in favour of the Pretender.* Dublin: General Books. 222 p.

Report on the manuscripts of Lord Polwarth, 2. (1961). London: H. M. Stationery off. 724 p.

Secret memoirs of the new treaty of alliance with France. (1716). Dublin: Gale ECCO. 30 p.

Sergeant, J. (1964). *An historical romance of the wars between the mighty giant Gallieno and the great knight Nasonius.* Dublin. 98 p.

State Papers Foreign 1577—1782: government papers on foreign affairs, France, 1723—1738. (1982). In: *The National Archives.* 164. Available at: http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C13617 (accessed 26.02.2021).

References

Barry, J. (1957). The groans of Ireland. *Irish Sword, 2:* 128—141.

Bredin, A. (1987). *History of the Irish Soldier.* Belfast: Century Books. 566 p. ISBN 9780903152181.

Clark, J. (1991). *English Society: Ideology, Social Structure and Political Practice during the Ancien Regime, 1688—1832.* Cambridge: Cambridge University Press. 449 p. ISBN 0521309220.

Cullen, L. (1994). The Irish diaspora of the seventeenth and eighteenth centuries. In: *Europeans on the Move: Studies m European Migration.* Oxford: Clarendon Press. 344 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198204190.003.0006.

Fenning, H. (1990). *The Irish Dominican Province, 1698—1797.* Dublin: Dominican Publications. 667 p. ISBN 1871552095.

Griffin, W. (1979). *Irish on the Continent in the Eighteenth Century.* Wisconsin: [b. i]. 465 p.

Hayes, R. (1934). *Irish Swordmen in France.* Dublin: M. H. Gill and son. 307 p.

Hayes, R. (1952). Irish Casualties in the French Military Service. *The Irish Sword: Journal of the Military History Society of Ireland, 1:* 172—201.

Ireland in the Stuart Papers. (1996). Dublin: Four Courts Press.

Ireland and the Jacobite cause, 1685—1766: a fatal attachment. (2002). Dublin: Four Courts Press. 468 p. ISBN 1851825347.

Kelly, J. (1994). Ireland in the Stuart Papers. *Eighteenth-Century Ireland, 11:* 7—43.

Lecky, W. (1892). *A History of Ireland in the Eighteenth Century, 1.* London: Longmans. 471 p.

McGurk, J. (1992). "Wild Geese": the Irish in European armies (sixteenth to Seventeenth centuries). In: *The Irish Worldwide: Identity and Patterns of Migration.* London: Leicester University Press. 36—62.

McLaughlin, M., Warner, C. (1980). *The Wild Geese: The Irish Brigades of France and Spain.* London: Osprey Publishing. 48 p. ISBN 0850453585.

Melvin, P. (1979). Irish soldiers and plotters in Williamite England. *Irish Sword, 8:* 181—184.
O'Buachalla, B. (1993). Irish Jacobitism in official documents. *Eighteenth-Century Ireland, 8:* 128—138.
O'Ciardha, E. (2009). *Hooke, Nathaniel. Dictionary of Irish Biography, 4.* Cambridge: Cambridge University Press. 776—782. ISBN 978-0-521-63331-4.
O'Malley, O. (1952). O'Malleys between 1651—1715. *Galway Historical and Archaeological Society Journal, 25:* 32—46.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Воронов И. И. Телеграфный департамент как структурный элемент государственного управления в России в 1865—1881 годах / И. И. Воронов // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 290—306. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-290-306.

Voronov, I. I. (2021). Telegraph Department as a Structural Element of Public Administration in Russia in 1865—1881. *Nauchnyi dialog, 8:* 290-306. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-290-306. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-290-306

Телеграфный департамент как структурный элемент государственного управления в России в 1865—1881 годах

Воронов Иван Иванович
orcid.org/0000-0001-7293-4396
доктор исторических наук, профессор
кафедра истории и регионоведения
ivan.voronov@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
(Санкт-Петербург, Россия)

Telegraph Department as a Structural Element of Public Administration in Russia in 1865—1881

Ivan I. Voronov
orcid.org/0000-0001-7293-4396
Doctor of History, Professor, Department of History and Regional Studies
ivan.voronov@mail.ru

The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications
(Saint Petersburg, Russia)

© Воронов И. И., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос становления одного из центральных органов управления связью Российской империи — Телеграфного департамента. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения особенностей эволюции ведомств для совершенствования механизма государственного управления на современном этапе. Автором приведен обзор мнений историков по поводу учреждения и ликвидации Министерства почт и телеграфов. Особое внимание уделяется деятельности министров почт и телеграфов И. М. Толстого, Л. С. Макова и директора Телеграфного департамента К. К. Людерса. Новизна исследования видится в том, что автором раскрываться и уточняться ранее неизвестные аспекты функционирования Телеграфного департамента. Вводятся в научный оборот новые данные из архивных источников. Представлены результаты сопоставительного анализа численности и финансового положения чиновников Телеграфного и Почтового департаментов. Доказано, что содержание персонала структур связи развивалось в сторону выравнивания, выражавшегося в понижении зарплаты в Почтовом и повышении в Телеграфном департаментах. Автор останавливается на рассмотрении привилегий чиновников Телеграфного департамента и положении женщин-служащих.

Ключевые слова:
Александр II; И. М. Толстой; А. Е. Тимашев; Л.С. Маков; К. К. Людерс; Министерство почт и телеграфов; Телеграфный департамент; телеграф; телефон.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issue of the formation of one of the central communication management bodies of the Russian Empire — the Telegraph Department is considered. The relevance of the study is due to the need to study the features of the evolution of departments to improve the mechanism of public administration at the present stage. The author provides an overview of the views of historians on the establishment and liquidation of the Ministry of Posts and Telegraphs. Particular attention is paid to the activities of the Ministers of Posts and Telegraphs I. M. Tolstoy, L. S. Makov and Director of the Telegraph Department K. K. Luders. The novelty of the research is seen in the fact that the author reveals and clarifies previously unknown aspects of the functioning of the Telegraph Department. New data from archival sources are introduced into scientific circulation. The results of a comparative analysis of the number and financial position of officials of the Telegraph and Post Departments are presented. It has been proved that the maintenance of the personnel of the communication structures was developing towards equalization, expressed in a decrease in salaries in the Postal Department and an increase in the Telegraph departments. The author dwells on the consideration of the privileges of officials of the Telegraph Department and the position of women employees.

Key words:
Alexander II; I. M. Tolstoy; A. E. Timashev; L. S. Makov; K. K. Lüders; Ministry of Posts and Telegraphs; Telegraph Department; Telegraph; Telephone.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(47).081:354.43

Телеграфный департамент как структурный элемент государственного управления в России в 1865 — 1881 годах

© Воронов И. И., 2021

1. Введение

Великие реформы Александра II изменили общественную жизнь и повлекли за собой ряд реорганизаций государственных органов, в том числе входившего в Главное управление путей сообщения и публичных зданий (ГУПСиПЗ) Телеграфного управления. В свою очередь это преобразование привело к консолидации руководства связью в одном учреждении и созданию Министерства почт и телеграфов (МПиТ). В составе этого ведомства наряду с уже существующим почтовым был учрежден новый Телеграфный департамент.

11 октября 1862 года исполняющим должность, а 30 августа 1863 года главноуправляющим путей сообщения и публичных зданий был назначен П. П. Мельников. Вскоре он подготовил план развития железных дорог, а в 1863 году начал реформу ГУПСиПЗ. П. П. Мельников предполагал объединить технические и административно-хозяйственные подразделения и избавиться от непрофильных, управлявших строительством и телеграфом. 24 октября 1864 года Министерству внутренних дел (МВД) было передано строительство путей сообщения и публичных зданий, а ГУПСиПЗ переименовано в Главное управление путей сообщения (ГУПС). 21 декабря 1864 года Телеграфное управление перешло к Главному начальству над почтовым департаментом (ГНнПД). Преобразование мотивировалось окончательным устройством телеграфных линий и единством их назначения с почтовыми сообщениями [Министерская …, 2007, с. 438—439].

2. Первое учреждение МПиТ

15 июня 1865 года ГНнПД было переименовано в Министерство почт и телеграфов во главе с И. М. Толстым [Шилов, 2001, с. 668]. По мнению М. С. Высокого, учреждение МПиТ состоялось благодаря желанию входившего в ближний круг императора И. М. Толстого повысить статус своего ведомства [Высоков, 2004, с. 203]. С. В. Перекрестова считает, что образование МПиТ стало одним из последствий ограничения компетенции ГУПСиПЗ вопросами транспорта. Получив в управление разностатусные подразделения, И. М. Толстой добился максимально возможного объема полномочий [Перекрестова, 2019, с. 60—61]. На наш взгляд, учреждение МпиТ, хоть и явилось побочным результатом реформы ГУПСиПЗ, впол-

CC BY

не соответствовало мировой логике развития управления средствами связи. Появление МПиТ в России лишь незначительно опередило создание аналогичных зарубежных структур. Так, самостоятельное почтово-телеграфное ведомство Великобритании учреждено в 1870 году. В Германии аналогичная структура создана в 1876 году. В Австрии с 1872 года связь контролировалась третьим отделом Министерства торговли. А во Франции МПиТ было сформировано в 1879 году [Перекрестова, 2019, с. 66].

Однако после объединения Почтовый департамент и Телеграфное управление, различаясь по статусу, структуре и финансированию, фактически остались обособленными. Поэтому требовалось унифицировать делопроизводство и штаты МПиТ. В основном к ведению Телеграфного управления относились дела, требующие специальных знаний. Это были телеграфные линии, станции, техническая документация, изобретения, тарифы, статистика, подряды на обслуживание и поставки оборудования и т. п. [РГИА, д. 1989, л. 13—20]. Но круг вопросов, решаемых управлением, был достаточно узок, а обращение к министру замедляло решение даже важнейших дел. Быстрое развитие телеграфа требовало преобразования управления в департамент, что расширяло его полномочия, ускоряло работу и сокращало переписку. Еще в 1862 году директор Телеграфного управления Л. И. Гергарт подготовил проект учреждения Телеграфного департамента [РГИА, д. 2255, л. 4—6 об., 7—13, 20—21]. Железнодорожная реформа не позволила Л. И. Гергарту реализовать задуманное, но после появления МПиТ эта реформа вновь оказалась на повестке дня.

3. Преобразование Телеграфного управления в Департамент

17 июня 1865 года И. М. Толстой предал государственному секретарю С. Н. Урусову для внесения в Государственный совет представление о преобразованиях по телеграфному ведомству. 24 сентября 1865 года С. Н. Урусов запросил у И. М. Толстого отзыв II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (СЕИВК) на представленные проекты. Но отзыва у И. М. Толстого не было, и только 4 ноября 1865 года он передал документы на экспертизу во II отделение СЕИВК. 27 ноября 1865 года проекты в общем были одобрены, но главноуправляющий II отделением В. Н. Панин сделал ряд замечаний. Он возражал против прав министра изменять разряд и учреждать новые подразделения, утверждать проекты и подряды на неограниченную сумму и назначать в ведомство офицеров. Предлагал переименовать начальников отделений Почтового департамента в делопроизводителей, а столоначальников и их помощников в старших и младших помощников делопроизводителей. По мнению В. Н. Панина, инспектирующим телеграфные линии вместо дополнитель-

CC BY

ного содержания (порционов) следовало выдавать суточные и квартирные на общем основании. Также он сделал ряд незначительных дополнений и редакционных правок. 9 декабря 1865 года И. М. Толстой представил В. Н. Панину свои возражения. Лишь 29 декабря 1865 года позиции сторон были согласованы за исключением вопроса о порционах [РГИА, д. 2392, л. 25—26, 33—42, 69—76 об.]. II отделение СЕИВК занималось вопросами кодификации законодательства и проводило юридическую экспертизу законопроектов. Положительное решение вопроса о порционах позволяло инспектирующим телеграфные линии эффективнее выполнять свои обязанности. Но вводить подобное правило для одного департамента было несправедливо, а распространять на другие накладно. Поэтому положение о порционах было отклонено как противоречащее закону.

4 января 1866 года И. М. Толстой передал С. Н. Урусову для внесения в Государственный совет представление «О некоторых преобразованиях по МПиТ». Министр писал, что проекты согласованы II отделением СЕИВК во всем, кроме порционов, на выплате которых он настаивает; что Телеграфному управлению не хватает полномочий и его нужно переименовать в Департамент; что входивший в МПиТ Телеграфный корпус следует упразднить, а его офицеров причислить к армии. Кроме того, И. М. Толстой предлагал переименовать ряд должностей Почтового департамента и произвести некоторые изменения в подведомственных учреждениях. Телеграфный департамент составляли четыре отделения с содержанием 94 тыс. 500 руб. Предполагалось, что содержание нового штата будет обходиться в меньшую сумму — меньше прежнего на 189 руб. [Представление …, 1866, с. 3—11]. 9 апреля 1866 года Соединенные департаменты законов и государственной экономии Государственного совета в присутствии И. М. Толстого, министра финансов М. Х Рейтерна и государственного контролера В. А. Татаринова одобрили преобразование. Вопрос о судьбе телеграфных офицеров был передан для согласования И. М. Толстому и военному министру Д. А. Милютину. Положение о порционах было одобрено как включенное в 1862 году во временный штат телеграфного ведомства. 2 мая 1866 года Общее собрание Государственного совета одобрило реформирование МПиТ, а 17 мая 1866 года его утвердил император. Теперь МПиТ состояло из министра, совета министра Почтового и Телеграфного департаментов. Министру предоставлялись дополнительные права в области почт и телеграфов. Директором Телеграфного департамента назначался Л. И. Гергарт, а вице-директором и членом совета министра с правом голоса — К. К. Людерс [РГИА, д. 2392, л. 110—126, 129—132, 139]. Проведенное преобразование укрепило положение МПиТ в системе органов государственной власти. Повышение статуса управления до департамента позволяло телеграфному ведомству

CC BY

оперативнее выполнять свои обязанности. Однако отсутствие в МПиТ канцелярии говорит о сохранившейся обособленности департаментов. Местом согласования телеграфных и почтовых интересов стал Совет министра, в котором представительство малочисленного Телеграфного департамента было усилено за счет вице-директора.

4 августа 1866 года император одобрил согласованное с военным министром Д. А. Милютиным причисление офицеров Телеграфного корпуса к армии. 28 октября 1866 года Д. А. Милютин разрешил телеграфным офицерам участие в пенсионной программе военного ведомства. 13 ноября 1866 года И. М. Толстой запросил мнение министра финансов М. Х. Рейтерна о правилах повышения в чинах телеграфных офицеров. И. М. Толстой, опираясь на согласие Д. А. Милютина, предлагал положить в основу служебного роста сотрудников должность и выслугу лет; желающим сохранить военное звание предоставить право отказаться от гражданского повышения, а в гражданские чины производить постепенно; после перевода предоставить сотрудникам пенсии по правилам гражданских корпусов, а уволенным — на общем основании. М. Х. Рейтерн в общем согласился с мнением И. М. Толстого, но отложил решение до принятия новых пенсионных правил. 11 апреля 1867 года Комитет министров рассмотрел и одобрил проект М. Х. Рейтерна о преобразовании военизированного Корпуса горных инженеров в гражданский. 22 апреля 1867 года проект был утвержден императором и стал образцом для аналогичных преобразований [РГИА, д. 2392, л. 149—149 об., 152—164]. После ликвидации Телеграфного корпуса потребовалось урегулировать положение его офицеров. Предстоящее преобразование военных корпусов в гражданские грозило оттоком квалифицированных кадров. Поэтому И. М. Толстой предпринял шаги по сохранению максимально льготного статуса офицеров. В итоге при ликвидации Телеграфного корпуса его состав мог получить пенсионное обеспечение по правилам военного ведомства, но утрачивал возможность военной карьеры. Но так как на повестке дня стояла реорганизация не только Телеграфного, а всех военизированных корпусов, подобное решение вопроса не устраивало некоторых министров.

27 апреля 1867 года управляющий МПиТ Н. И. Лаубе запросил у М. Х. Рейтерна правила преобразования Корпуса горных инженеров. 31 мая 1867 года преобразование Телеграфного корпуса было согласовано с Д. А. Милютиным, а 10 июня 1867 года в общем одобрено Комитетом министров. Но реформе препятствовал нерешенный вопрос об офицерских привилегиях. 18 июля 1867 года Комитет рассмотрел представления заинтересованных министров о преобразовании корпусов путей сообщения, лесного, межевого и телеграфного. Министр государственных имуществ

А. А. Зеленой и управляющий министерством юстиции Д. Н. Замятин ходатайствовали о сохранении привилегий широкому кругу офицеров. Они предлагали оставить военные чины с правом дальнейшего производства участникам боевых действий и офицерам, ранее состоявшим на действительной военной службе. Министр путей сообщения П. П. Мельников и управляющий почт и телеграфов Н. И. Лаубе поддерживали только права участников боевых действий. В итоге Комитет одобрил сохранение привилегий только участникам боевых действий. 2 августа 1867 года военизированные корпуса гражданских ведомств упразднялись, а 29 сентября 1867 года был преобразован Телеграфный корпус [РГИА, д. 2392, л. 165—166, 173—174, 181—188]. Телеграфное ведомство получило гражданский характер, а привилегии сохранили лишь ветераны. Но процесс интегрирования Телеграфного департамента в структуру МПиТ так и остался незавершенным, так как компетенции министерства вскоре были пересмотрены.

4. Чиновничество Телеграфного департамента

При учреждении в 1858 году штат Телеграфного управления включал 48 сотрудников (20 классных чиновников и 29 служащих) с бюджетом в 33 тыс. 291 руб. 60 коп. Временный штат 1862 года увеличил Телеграфное управление на 57 человек (52 классных чиновника и 53 служащих), а финансирование — на 34 тыс. 542 руб. 20 коп., но оплату персонала оставил прежней. После преобразования в 1866 году Телеграфного управления в Департамент его личный состав был сокращен. Телеграфный департамент попрежнему включал 52 классных чиновника, но лишился всех служащих. Однако содержание Департамента увеличилось на 26 тыс. 666 руб. 20 коп. Иная ситуация была в Почтовом департаменте. Так, по штату 1830 года в его составе числилось 144 человек с бюджетом 152 тыс. 790 руб. Точное число его классных чиновников назвать сложно, так как в штате отсутствует указание на классы должностей. Поэтому можно говорить лишь о 77 классных чиновниках, занимающих конкретные должности. Остальной персонал относился к канцелярским служителям трех категорий. Столовые получал лишь директор, вероятно, как компенсацию за совмещение должности Санкт-Петербургского почтдиректора. После преобразования в 1867 году Почтовый департамент пополнился 14 сотрудниками, составив 158 классных чиновников. Финансирование ведомства увеличилось на 45 тыс. 31 руб., 6 коп. Однако даже после преобразования Телеграфный департамент был меньше Почтового на 106 человек, а его финансирование — на 103 тыс. 321 руб. 6 коп. [ПСЗРИ, 1831, с. 51—52; ПСЗРИ, 1860, с. 189; ПСЗРИ, 1865, с. 455—456; ПСЗРИ, 1868, с. 303—304; ПСЗРИ, 1871, с. 553—555]. Первоначально классные чиновники составляли около половины состава почтово-телеграф-

CC BY

ных структур. Но по мере развития подразделений связи число их чиновников увеличивалось, а служащих — сокращалось, пока последних совсем не вывели за штат. Всего в 1881 году личный состав Телеграфного департамента вместе с подведомственными учреждениями насчитывал 8634 мужчин и 665 женщин [Министерство … 1902, с. 198].

Первоначально личный состав телеграфного ведомства в основном формировался из офицеров и иностранцев-специалистов, а с 1859 года телеграфная служба стала доступна представителям всех сословий. Но сотрудников все равно не хватало, и 14 января 1871 года было подтверждено существовавшее с 1864 года в виде опыта право женщин на телеграфную службу. Женский персонал приравнивался к III-м разряду без права на пенсии и пособия. Временным штатом от 25 мая 1874 года численность женщин ограничивалась 30 % от первых трех разрядов. Для подготовки служащих первоначально использовалась сигнальная школа Санкт-Петербурга и местные телеграфные учреждения, а к 80-м годам было открыто уже 12 телеграфных школ. Строительство телеграфных линий на окраинах привело к появлению льгот для сотрудников, которых часто назначали из Европейской России. Но тяготы службы в Азиатской России не устраивали многих служащих. Поэтому с 1862 года сотрудникам начали оплачивать проезд к месту службы в двойном размере и выдавать пособия в виде полугодового оклада для Восточной и годового для Западной Сибири. Получившие выплаты обязывались отработать в месте назначения не менее трех лет или вернуть деньги. Вскоре пособия были увеличены до двухгодового оклада для семейных и годового для холостых чиновников. В 1872 году был утвержден временный штат телеграфных станций. В Азиатской России повышалась оплата за выслугу 5, 10, 15 лет и сокращался срок службы. В Восточной три, в Западной Сибири четыре года действительной службы при назначении пенсии считались за пять. С 1877 года персонал окраин получил право на пособия на воспитание детей, оплату проезда при переводе в Европейскую Россию и ряд др. льгот [Министерство …, 1902, с. 155, 159—162, 183]. Развитие телеграфа способствовало снятию сословных ограничений, появлению дополнительных привилегий для сотрудников и привлечению на службу женщин. Благодаря этому ведомство получило многочисленную категорию образованных и ответственных сотрудников, а женщины — возможность заработка. Развитие телеграфа способствовало установлению сословного и зарождению принципа гендерного равенства среди персонала телеграфного ведомства.

Содержание чиновника состояло из оклада и столовых. Но, несмотря на выполнение почтой и телеграфом общей функции связи, финансовое положение их персонала было различным. Ранее учрежденный и значительное время существовавший как самостоятельное подразделение По-

CC BY

чтовый департамент полнее оплачивал труд своих сотрудников. Молодое и малочисленное Телеграфное управление не имело своего бюджета и полностью зависело от ГУПСиПЗ. Однако по мере развития телеграфа наблюдается постепенное снижение содержания почтовых и повышение сумм на содержание телеграфных чиновников. После объединения структур связи в МПиТ и повышения статуса телеграфного ведомства произошло выравнивание окладов в двух департаментах (табл. 1). Во многом это объясняется прибыльностью телеграфа и убыточностью почты. Так, в 1881 году чистый доход от телеграфа составил 2 млн 208 тыс. 590 руб., а дефицит почты — 1 млн 393 тыс. 983 руб. [Почта … 1901, с. 9, 12].

После замены военной организации телеграфного ведомства гражданской его офицеры 26 апреля 1868 года получили новую форму военного покроя гражданского ведомства. Фактически это была прежняя форма, но без «военного прибора по роду оружия»: темно-зеленые полукафтаны с воротником и обшлагами из черного бархата, желтой выпушкой и серебряным шитьём. Вместо эполет использовались погоны гражданских чиновников генеральского образца со звездочками из галуна трех сантиметров ширины. После запрета в 1869 году гражданским чиновникам носить наплечные погоны они переместились на воротники сюртуков в качестве особых клапанов (петлиц), повторяя систему обозначения чинов посредством просветов и звездочек (в контрцвет с галуном). На полукафтанах звездочки (трех размеров) помещались на воротниках. Для младших сотрудников в октябре 1869 года дополнительно к петлицам были введены небольшие поперечные погончики из черного бархата с желтой окантовкой, на которой звездочками или молниями обозначались специальность и ранг должности. Вольнонаемные служащие (не обладавшие чинами) имели форму без обозначения рангов. Женская форма состояла из длинного двубортного жакета с поясом и широкой юбкой до пят. На воротнике помещались петлицы (клапанцы), а на левом плече — «бархатный черного цвета бант с желтой выпушкой и телеграфным знаком. Шитье упрощенного узора 23 апреля 1876 года было заменено новым серебряным шестиразрядным. Основным элементом узора стали дубовые ветви и «пуки» электрических стрел. В том же году были восстановлены погоны [Шепелёв, 2001, с. 242, 293—295]. Упразднение военной организации телеграфного ведомства привело к трансформации формы военного образца в гражданскую военного покроя; преобразование осуществлялось в течение нескольких лет. Это изменение определялось общеведомственным стремлением установить оптимальное соотношение общности и различий военной и гражданской формы. Появление новых категорий сотрудников, таких как вольнонаемные служащие и женщины, вызвало к жизни особую форму, позволяющую сразу отличать служащих от классных чиновников.

Таблица 1

Содержание чиновников Телеграфного и Почтового департаментов

Должность	Телеграфное управление (департамент)						Почтовый департамент			
	1858 г.		1862 г.		1866 г.		1830 г.		1867 г.	
	жало-вание	столо-вые	жало-вание	столо-вые	жало-вание	столо-вые	жалование	столо-вые	жалование	столо-вые
Директор департамента (управления)	1681 р. 20 к.	1681 р. 20 к.	1681 р. 20 к.	1681 р. 20 к.	2000 р.	3000 р.	6000 р. — вместе с должностью почтдиректора Санкт-Петербурга	3000 р.	1715 р. 52 к., 2000 р. — за должность почтдиректора Санкт-Петербурга	1715 р. 52 к.
Вице-директор (помощник директора)	1120 р. 80 к.	840 р. 60 к.	1120 р. 80 к.	840 р. 60 к.	1500 р	2000 р.	4500 р.	-	1500 р.	2000 р.
Начальник отделения (делопроизводитель)	840 р. 60 к	420 р. 30 к.	840 р. 60 к	420 р. 30 к.	1000 р.	1000 р.	2500 р.	-	1000 р.	1000 р
Столоначальник (старший помощник делопроизводителя)	560 р. 40 к.	-	560 р. 40 к.	-	500 р.	500 р.	1500 р.	-	500 р.	500 р.

Составлено по: [ПСЗРИ, 1831, с. 51—52; ПСЗРИ, 1860, с. 189; ПСЗРИ, 1865, с. 455—456; ПСЗРИ, 1868, с. 303—304; ПСЗРИ, 1871, с. 553—555].

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

CC BY

5. Присоединение МПиТ к МВД

Отмена крепостного права породила в 1860-х годах лавинообразный рост преступности [Яковлев, 2016, с. 44], что привело к преобразованиям в МВД. 14 января 1863 года из Министерства народного просвещения в МВД была передана цензура и учрежден совет министра по делам книгопечатания с Центральным управлением по цензурному ведомству при Петербургском цензурном комитете. С 6 апреля 1865 года цензурой ведало входившее в МВД Главное управление по делам печати. Иностранную цензуру контролировал Центральный комитет цензуры иностранной [Высшие …, 2001, с. 11]. 21 сентября 1867 года умер И. М. Толстой. 14 декабря 1867 года главой МПиТ был назначен А. Е. Тимашев. В должности министра он успел провести лишь реорганизацию почтового ведомства. 9 марта 1868 года А. Е. Тимашев возглавил МВД, в которое в тот же день вошло МПиТ [Управленческая …, 2008, с. 278] в виде Почтового и Телеграфного департаментов [Министерская …, 2007, с. 140]. Несколько ранее в Телеграфном департаменте также произошла смена руководства. 4 ноября 1866 года новым директором Департамента был назначен К. К. Людерс [Лосич, 2007, с. 6]. Находясь в структуре МВД, Телеграфный департамент быстро развивался. Так, в 1868 году к телеграфному ведомству перешло от частных компаний строительство и обслуживание телеграфных линий. Вскоре началось телеграфное освоение окраин, самым большим проектом которого стала построенная в 1860—1871 годах линия *Казань — Владивосток* протяженностью в 8330 верст. Всего в 1855—1881 годах было построено 78 тыс. 487 верст телеграфных линий, открыто 1 тыс. 83 государственных телеграфных станций, организован приём депеш на 1 тыс. 466 железнодорожных станциях. В 1881 году один телеграф уже приходился на 40 тыс. 210 жителей и 7 тыс. 569 кв. верст [Министерство …, 1902, с. 168, 182—183, 198]. После покушения 4 апреля 1866 года на Александра II МВД стремилось к усилению мер безопасности в государстве [Управленческая …, 2008, с. 278]. Для повышения эффективности полномочия МВД следовало дополнить перлюстрацией корреспонденции и контролем телеграфных сообщений. Но для этого потребовалось присоединение МПиТ, что было сделано после смерти его министра И. М. Толстого. После присоединения к МВД благодаря освоению окраин деятельность Телеграфного департамента постоянно расширялась.

Начиная с середины 50-х годов XIX века правительство проводило политику, направленную на включение России в европейскую, а затем во всемирную телеграфную сеть. Первоначально заключались двухсторонние телеграфные конвенции, затем вопросы развития телеграфа решались на международных телеграфных конференциях в Париже (1865 год), Вене (1868 год),

CC BY

Риме (1872 год) и Санкт-Петербурге (1875 год) [Высоков, 2004, с. 260]. Развитие телеграфа и заключение международных конвенций потребовали корректировки телеграфного законодательства. Поэтому 23 августа 1865 года для пересмотра нормативных документов была учреждена комиссия из семи человек во главе с К. К. Людерсом [РГИА, д. 2376, л. 1—2 об., 4—5, 23]. 7 декабря 1868 года К. К. Людерс поручил Н. Г. Писаревскому составить свод постановлений и распоряжений телеграфного ведомства. 18 февраля 1869 года был подготовлен проект журнала с официальными документами в приложениях, одобренный К. К. Людерсом 3 марта 1869 года. Подготовка статей возлагалось на чиновников департамента. Сотрудники, получающие не менее 300 руб. в год, обязывались способствовать самоокупаемости журнала за счет принудительной подписки. Редакция поручалась Н. Г. Писаревскому с двумя помощниками в свободное от основной работы время. Но издание не состоялось. Вместо него 2 апреля 1869 года Н. Г. Писаревский подготовил «Сборник постановлений и распоряжений по телеграфному ведомству», неоднократно переиздававшийся [РГИА, д. 2696, л. 2—11 об., 4—5, 29, 89, 106—107]. После Петербургской телеграфной конференции, проходившей под председательством К. К. Людерса [Министерство …, 1902, с. 194—195], были внесены изменения в телеграфное законодательство, и в 1876 году был издан Устав телеграфный [Устав …, 1876]. Развитие телеграфа и подключение его к международным линиям потребовали внесения изменений в телеграфное законодательство и повышения уровня знаний сотрудников ведомства. При подготовке свода постановлений и распоряжений появилось предложение учредить периодическое издание с неофициальной частью. Однако эта идея не была реализована, и ведомство ограничилось изданием лишь законодательных документов. Вероятно, работа над журналом была отложена из-за недостатка средств и неготовности чиновников к научной работе на предложенных условиях.

6. Второе учреждение МПиТ

27 ноября 1878 года А. Е. Тимашев вышел в отставку. В тот же день управляющим, а с 19 февраля 1879 года министром был назначен Л. С. Маков [Шилов, 2001, с. 278—282]. Время Л. С. Макову досталось сложное: террористические группировки, пожары и неурожаи держали страну в постоянном напряжении. В такой ситуации для управления силовым ведомством требовался не обычный чиновник, а незаурядный и решительный министр [Тот, 1996, с. 57]. После взрыва 5 февраля 1880 года в Зимнем дворце Александр II попытался преодолеть внутриполитический кризис с помощью коллегиального чрезвычайного органа. 9 февраля 1880 года была учреждена Верховная распорядительная комиссия во главе с М. Т. Лорис-

CC BY

Меликовым. Но, не добившись результата, 6 августа 1880 года царь упразднил Комиссию, назначив М. Т. Лорис-Меликова главой МВД [Управленческая …, 2008, с. 282—283]. Теперь основные административные рычаги управления сосредоточивались в одних руках. Министру предоставлялись чрезвычайные полномочия по установлению общественного порядка, руководство корпусом жандармов и др. МВД передавалось III отделение СЕИВК, в котором учреждался Департамент государственной полиции. Для снижения функциональной нагрузки МВД и упорядочения работы из его состава выделялись Департаменты: почт, телеграфов, духовных дел и иностранных исповеданий. На основе первого и второго восстанавливалось МПиТ, а третий поручался управлению особого лица [ПСЗРИ, 1884, с. 529—530]. В тот же день эти учреждения возглавил Л. С. Маков [Шилов, 2001, с. 394]. Таким образом, необходимость усиления охраны общественного порядка привела к преобразованию МВД и способствовала второму учреждению МПиТ. Кроме того, что Телеграфный департамент вновь оказался в ведомстве связи, других изменений он не претерпел.

В 70-х годах XIX века появляется и быстро распространяется новое средство связи, не требующее от человека специальной подготовки, — телефон. В России информация о технической новинке появилась в 1877 году, а летом 1880 года для обеспечения безопасности императора была открыта первая телефонная линия царскосельской железной дороги. В том же году в МПиТ стали поступать многочисленные запросы частных лиц о разрешении устройства телефонных линий. Однако использование телефона еще не было разрешено законом. Поэтому сначала Л. С. Маков заручился согласием на удовлетворение этих просьб у главы МВД М. Т. Лорис-Меликова. В январе 1881 года Министр почт и телеграфов представил Александру II доклад «Об устройстве телефонных сообщений», предложив их опытное устройство. Л. С. Маков обосновывал телефонизацию, а также он изложил просьбу предоставить ему необходимые полномочия. В начале февраля 1881 года соответствующий запрос МПиТ был направлен в Комитет министров. 17 февраля 1881 года проект Л. С. Макова был одобрен Комитетом, а 27 февраля утвержден императором [Высоков, 2004, с. 276—281]. Впервые использованное для обеспечения безопасности императора, новое средство связи вскоре потребовалось бизнесменам и частным лицам. Однако отсутствие телефонного законодательства и недостаток государственных средств сдерживали его развитие.

Убийство 1 марта 1881 года революционной организацией «Народная воля» Александра II привело к власти его сына Александра III. Новый император принял ряд экстренных мер по охране общественного порядка [Управленческая …, 2008, с. 284]. 16 Марта 1881 года МПиТ было упразд-

CC BY

нено, а Почтовый и Телеграфный департаменты снова вошли в состав МВД на прежних основаниях [Министерская …, 2007, с. 140]. Ю. В. Тот считает, что Л. С. Маков был назначен главой МВД по протекции фаворитки императора Е. М. Юрьевской. Но Л. С. Маков не справился с управлением МВД. Тем не менее он произвел на императора положительное впечатление, и для него восстановили МПиТ [Тот, 1996, с. 54]. По мнению М. С. Высокова, МПиТ было расформировано из-за неприязни Александра III к покровительствовавшей Л. С. Макову второй жене погибшего императора Е. М. Юрьевской [Высоков, 2007, с. 3]. С. В. Перекрестова предположила, что причиной восстановления МПиТ послужила необходимость разгрузки МВД, позволявшая ему сосредоточиться на охране общественного порядка. А исчезновение поводов к концентрации МВД на вопросах государственной безопасности привело к возвращению в его состав прежних структур [Перекрестова, 2019, с. 64]. По нашему мнению, восстановление, а затем ликвидация МПиТ были обусловлены поиском новым императором оптимальной структуры управления. После вступления на престол Александр III испытывал затруднения с выбором министров и сомневался в эффективности прежних государственных структур. Император был шокирован убийством отца и, опасаясь за судьбу династии, принимал особые меры по обеспечению государственной безопасности.

7. Заключение

Эпоха великих реформ вызвала изменения в системе министерского управления Российской империи. Быстрое развитие телеграфа потребовало преобразования руководства связью. Реформирование ГУПСиПЗ и развитие управления средствами связи привело к передаче телеграфного ведомства ГНнПД. Вскоре Телеграфное управление оказывается в специализированном ведомстве связи и преобразовывается в Департамент. Более высокий статус соответствовал особому значению ведомства, отвечавшего за быструю передачу информации. Но эта реорганизация носила поверхностный характер, Почтовый и Телеграфный департаменты остались обособленными подразделениями, что снижало эффективность работы МПиТ.

Последовавший за отменой крепостного права рост преступности потребовал усиления охраны общественного порядка и привел к преобразованию МВД. В итоге МПиТ было присоединено к МВД в виде Телеграфного и Почтового департаментов. Благодаря освоению окраин и включению России во всемирную телеграфную сеть деятельность телеграфного ведомства значительно расширилась. Департаментом были построены телеграфные линии большой протяженности и разработано соответствующее законодательство. Среди сотрудников ведомства заняли прочное место женщины.

CC BY

Однако благодаря специфике объекта управления и изменению концепции охраны общественного порядка, вызвавшей новое преобразование МВД через 15 лет, МПиТ было вновь восстановлено. В краткий период нахождения в ведомстве связи Телеграфный департамент начал подготовку к внедрению телефонизированной связи. Ликвидация МПиТ была обусловлена поиском оптимальной структуры управления после убийства императора. МПиТ вновь вошло в состав МВД, а Телеграфный департамент стал его подразделением.

Источники и принятые сокращения

1. ПСЗРИ, 1831 — *Полное* собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е. Штаты и табели. — Санкт-Петербург : II Отделение СЕИВК, 1831. — Т. 5. — Ч. 2. — 193 с.

2. ПСЗРИ, 1860 — *Полное* собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е. Штаты и табели. — Санкт-Петербург : II Отделение СЕИВК, 1860. — Т. 33. — Ч. 3. — 434 с.

3. ПСЗРИ, 1865 — *Полное* собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е. — Санкт-Петербург : II Отделение СЕИВК, 1865. — Т. 37. — Ч. 3. — Штаты и табели. — 543 с.

4. ПСЗРИ, 1868 — *Полное* собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е. — Санкт-Петербург : II Отделение СЕИВК, 1868. — Т. 41. — Ч. 2. — Штаты и табели. — 704 с.

5. ПСЗРИ, 1871 — *Полное* собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е. — Санкт-Петербург : II Отделение СЕИВК, 1871. — Т. 42. — Ч. 2. — Штаты и табели. — 476 с.

6. ПСЗРИ, 1884 — *Полное* собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е. — Санкт-Петербург : II Отделение СЕИВК, 1884. — Т. 55. — Ч. 1. — 966 с.

7. РГИА — (*Российский* государственный исторический архив). Ф. 1289, Оп. 1, Д. 1989, 2255, 2376, 2392, 2696.

Литература

1. *Высоков М. С.* Из истории государственного управления электросвязью в России. Управление электросвязью в период царствования Александра III / М. С. Высоков // Электросвязь : История и современность. — 2007. — № 3. —С. 3—4.

2. *Высоков М. С.* Российская империя на путях модернизации : зарождение и развитие электросвязи в XIX — начале XX вв. : диссертация … доктора исторических наук : 07.00.02 / М. С. Высоков. — Санкт-Петербург, 2004. — 468 с.

3. *Высшие* и центральные государственные учреждения России 1801—1917 гг. / отв. ред. Д. И. Раскин. — Санкт-Петербург : Наука, 2001. — Т. 2. — 260 с. — ISBN 5-02-028478-5.

4. *Лосич Н. И.* Директор телеграфов Карл фон Людерс / Н. И. Лосич // Радиосвязь : история и современность. — 2007. — № 4. — С. 5—7.

5. *Министерская* система Российской империи : к 200-летию министерств в России / отв. составитель Д. И. Раскин. — Москва : РОССПЭН, 2007. — 920 с. — ISBN 978-5-8243-0854-9.

6. *Министерство* внутренних дел. Исторический очерк. Приложение второе. Почта и телеграф в XIX столетии. — Санкт-Петербург : Типография МВД, 1902. — 262 с.

7. *Перекрестова С. В.* Реорганизация почтово-телеграфного управления России в середине 1860-х — начале 1880-х гг. : несостоявшееся формирование объединенной службы связи / С. В. Перекрестова // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». — 2019. — № 4 (24). — С. 59—68. — DOI: 10.24147/2312-1300.2019.4.59-68.

14. *Почта* и телеграф в царствование императора Александра III. — Санкт-Петербург : МВД, 1901. — 42 с.

15. *Представление* министра почт и телеграфов о преобразованиях по министерству почт и телеграфов. — Санкт-Петербург : [б. м.], 1866. — 27 с.

16. *Тот Ю. В.* Персонажи российской истории (история и современность) / Ю. В. Тот // Третья всероссийская заочная научная конференция. — Санкт-Петербург : Нестор, 1996. — С. 54—58.

17. *Управленческая* элита Российской империи. История министерств 1802—1917 / под ред. Н. Ю. Семенова. — Санкт-Петербург : Лики России, 2008. — 696 с. — ISBN 978-5-87417-261-9.

18. *Устав* телеграфный. — Санкт-Петербург : [Б. м.], 1876. — 21 с.

19. *Шепелёв Л. Е.* Чиновный мир России XVIII — начало XX века / Л. Е. Шепелёв. — Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2001. — 479 с. — ISBN 5-210-01518-1.

20. *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи 1802—1917 гг. / Д. Н. Шилов. — Санкт-Петербург : Д. Буланин, 2001. — 830 с. — ISBN 5-86007-227-9.

21. *Яковлев К. Л.* Государственно-правовой статус Министерства внутренних дел Российской империи в дореформенный период (1802—1861 гг.) : автореферат диссертации … кандидата юридических наук : 12.00.01 / К. Л. Яковлев. — Москва : 2016. — 56 с.

Material resources

RGIA — *(Russian State Historical Archive). F. 1289, Op. 1, d. 1989, 2255, 2376, 2392, 2696.* (In Russ.).

The complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting 2. States and report cards, 5 (2). (1831). St. Petersburg: II Department of the SEIVK. 193 p. (In Russ.).

The complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting 2. States and report cards, 33 (3). (1860). St. Petersburg: II Department of SEIVK. 434 p. (In Russ.).

The complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting 2, 37 (3). Staff and report cards. (1865). St. Petersburg: II Department of SEIVK. 543 p. (In Russ.).

The complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting 2, 41 (2). Staff and report cards. (1868). St. Petersburg: II Department of SEIVK. 704 p. (In Russ.).

The complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting 2, 42 (2). Staff and report cards. (1871). St. Petersburg: II Department of SEIVK. 476 p. (In Russ.).

The complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting 2, 55 (1). (1884). St. Petersburg: II Department of SEIVK. 966 p. (In Russ.).

References

Losich, N. I. (2007). Director of telegraphs Karl von Luders. *Radiosvyaz: history and modernity, 4:* 5—7. (In Russ.).

Mail and telegraph in the reign of Emperor Alexander III. (1901). St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs. 42 p. (In Russ.).

Perekrestova, S. V. (2019). Reorganization of the postal and telegraph administration of Russia in the mid-1860s — early 1880s : the failed formation of the unified com-

CC BY

munications service. *Bulletin of Omsk University. The series "Historical Sciences", 4 (24):* 59—68. DOI: 10.24147/2312-1300. 2019.4.59-68. (In Russ.).

Presentation of the Minister of Posts and Telegraphs on the reforms under the Ministry of Posts and Telegraphs. (1866). St. Petersburg: [B. M.]. 27 p. (In Russ.).

Raskin, D. I. (ed.). (2001). *Higher and central state institutions of Russia 1801—1917, 2*. Saint Petersburg: Nauka. 260 p. ISBN 5-02-028478-5(In Russ.).

Raskin, D. I. (ed.). (2007). *The ministerial system of the Russian Empire: to the 200th anniversary of ministries in Russia.* Moscow: ROSSPEN. 920 p. ISBN 978-5-8243-0854-9. (In Russ.).

Semenov, N. Y. (ed.). (2008). *The managerial elite of the Russian Empire. The History of Ministries 1802—1917.* St. Petersburg: Faces of Russia. 696 p. ISBN 978-5-87417-261-9. (In Russ.).

Shepelev, L. E. (2001). *The official world of Russia of the XVII — the beginning of the XX century.* Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB. 479 p. ISBN 5-210-01518-1. (In Russ.).

Shilov, D. N. (2001). *Statesmen of the Russian Empire 1802—1917.* St. Petersburg: D. Bulanin. 830 p. ISBN 5-86007-227-9.

Toth, Yu. V. (1996). Characters of Russian history (history and modernity). In: *The Third All-Russian correspondence Scientific Conference.* St. Petersburg: Nestor. 54—58. (In Russ.).

The Ministry of Internal Affairs. Historical essay. Appendix two. Mail and telegraph in the XIX century. (1902). St. Petersburg: Printing House of the Ministry of Internal Affairs. 262 p. (In Russ.).

The telegraph Charter. (1876). St. Petersburg: [b. m.]. 21 p. (In Russ.).

Vysokov, M. S. (2004). *The Russian Empire on the ways of modernization: the origin and development of telecommunications in the XIX — early XX centuries.* Doct. Diss. St. Petersburg. 468 p. (In Russ.).

Vysokov, M. S. (2007). From the history of state management of telecommunications in Russia. Telecommunications management during the reign of Alexander III. *Telecommunications: History and modernity, 3:* 3—4. (In Russ.).

Yakovlev, K. L. (2016). *State-legal status of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in the pre-reform period (1802—1861).* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 56 p.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Жердева Ю. А. Восприятие российской политики в Галиции в дневниках и мемуарах участников Первой мировой войны / Ю. А. Жердева, Е. И. Сумбурова, М. В. Черкасова // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 307—322. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-307-322.

Zherdeva, Yu. A., Sumburova, E. I., Cherkasova, M. V. (2021). Perception of Russian Politics in Galicia in Diaries and Memoirs of World War I Participants. *Nauchnyi dialog, 8:* 307-322. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-307-322. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-307-322

Восприятие российской политики в Галиции в дневниках и мемуарах участников Первой мировой войны

Жердева Юлия Александровна [1]
orcid.org/0000-0003-4842-9853
кандидат исторических наук, доцент
julzher@gmail.com

Сумбурова Елена Ивановна [2]
orcid.org/0000-0001-5202-3202
кандидат исторических наук, доцент
elena-sumburova@yandex.ru

Черкасова Маргарита Владимировна [3]
orcid.org/0000-0002-1870-8993
кандидат исторических наук, доцент
marga-cheshirsky@yandex.ru

[1] Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева (Самара, Россия)

[2] Самарский государственный экономический университет (Самара, Россия)

[3] Самарский государственный институт культуры (Самара, Россия)

Perception of Russian Politics in Galicia in Diaries and Memoirs of World War I Participants

Yulia A. Zherdeva [1]
orcid.org/0000-0003-4842-9853
PhD in History, Associate Professor
julzher@gmail.com

Elena I. Sumburova [2]
orcid.org/0000-0001-5202-3202
PhD in History, Associate Professor
elena-sumburova@yandex.ru

Margarita V. Cherkasova [3]
orcid.org/0000-0002-1870-8993
кандидат исторических наук, доцент
marga-cheshirsky@yandex.ru

Samara National Research University (Samara, Russia)

Samara State University of Economics (Samara, Russia)

Samara State Institute of Culture (Samara, Russia)

© Жердева Ю. А., Сумбурова Е. И., Черкасова М. В., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается проблема восприятия российской политики в Галиции в годы Первой мировой войны участниками военных действий. Актуальность исследования обусловлена интересом современного общества к историческим источникам личного происхождения. Новизна определяется широким корпусом дневников и воспоминаний участников военных действий, вводимых в научный оборот неопубликованных архивных эго-документов. Исходя из новых источников, интерпретируются действия российских властей и армии в Галиции в 1914—1916 годы. Выявляются сюжеты, не фиксируемые чиновниками в официальных документах. Анализируются неоправданные решения местной администрации, бюрократическая неразбериха и произвол. В исследовании определена степень влияния официальной российской пропаганды на позицию комбатантов и галичан, выявлены разные точки зрения в среде русского общества на организацию управления в Галиции и проводимую там национальную и конфессиональную политику. Дневники и воспоминания комбатантов позволили взглянуть на события, происходившие в Галиции, с позиции очевидца, проливая свет на особенности повседневной жизни, как местного мирного населения, так и войсковых частей, и медицинской службы, оказавшихся на отвоеванных территориях.

Ключевые слова:
история России; история Галиции; Первая мировая война; источники личного происхождения; эго-история; конфессиональная политика; национальная политика; культура повседневности.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The problem of perception of Russian politics in Galicia during the First World War by participants in military operations is considered. The relevance of the study is due to the interest of modern society in historical sources of personal origin. The novelty is determined by a wide corpus of diaries and memoirs of participants in hostilities, unpublished archival ego-documents introduced into scientific circulation. Based on new sources, the actions of the Russian authorities and the army in Galicia in 1914—1916 are interpreted. Plots are revealed that are not recorded by officials in official documents. Unjustified decisions of the local administration, bureaucratic confusion and arbitrariness are analyzed. The degree of influence of official Russian propaganda on the position of combatants and Galicians is determined in the study. Different points of view among Russian society on the organization of governance in Galicia and the national and confessional policy pursued there are revealed. The diaries and memoirs of the combatants made it possible to look at the events that took place in Galicia from the perspective of an eyewitness, shedding light on the features of everyday life, both of the local civilian population, and of military units, and of the medical service who found themselves in the conquered territories.

Key words:
history of Russia; history of Galicia; World War I; sources of personal origin; ego story; confessional policy; national policy; culture of everyday life.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 327:94(47).083+94(477)“1914/1916”

Восприятие российской политики в Галиции в дневниках и мемуарах участников Первой мировой войны

© Жердева Ю. А., Сумбурова Е. И., Черкасова М. В., 2021

1. Введение

В силу своего географического положения в центральной части Восточной Европы историческая область Галиции оказалась в сфере геополитических интересов двух крупных империй: Австро-Венгерской и Российской. Войдя в состав австрийского государства в 1772 году после первого раздела Речи Посполитой, Королевство Галиции и Лодомерии сначала стало одним из девяти наместничеств, а в 1867 году получило автономное управление. Такая политика Вены была вызвана необходимостью поддерживать лояльность со стороны местного славянского населения и не давала возможности различным национальным движениям объединиться против Габсбургов [Клопова, 2016, с. 9—10]. С 1850 года Галиция была официально разделена на два судебных округа с центрами в Кракове и Львове, закрепив тем самым фактическое деление Галиции на Западную и Восточную. Первая была населена преимущественно западными славянами (поляками) и была когда-то частью Речи Посполитой, в то время как население второй принадлежало к восточным славянам (в империи Габсбургов для них не было единого этнонима, они назывались *руськие, Ruthenen, русины*) [Клопова, 2016, с. 8]. Несмотря на эти этнические различия, политическая власть и в Восточной, и в Западной Галиции находилась в руках польской аристократии, усиливая тем самым влияние польского национального движения в крае и создавая препятствия для оформления национального движения среди восточнославянского населения. Российская империя старалась придать этому национальному движению русофильское обличье, стремясь облегчить предполагаемый процесс интеграции этих земель с империей.

Империя Романовых имела свой интерес в Галиции, ссылаясь на факт вхождения Восточной Галиции в состав Древнерусского государства в IX—XII веках и на значительную долю восточнославянского населения, проживавшего в ней. В период Первой мировой войны 1914—1918 годов российская армия дважды занимала земли Восточной Галиции по праву войны, и, не дожидаясь окончания военных действий, имперское правительство стало проводить политику, направленную на интеграцию захваченных территорий с центральной частью страны.

CC BY

Целью данной работы является анализ действий российской администрации на территории Восточной Галиции в 1914—1916 годах глазами участников военных событий. Предметом исследования является организация управления на временно оккупированных территориях, взаимоотношение с местным населением, а также конфессиональная и этническая политика и культурно-исторические особенности региона. Именно эти сюжеты чаще всего затрагивают в своих дневниках и воспоминаниях авторы-комбатанты.

Источником для данного исследования послужили автодокументальные тексты работников медицинской службы, участников военных действий на Юго-Западном фронте. Ключевым документом послужил неопубликованный дневник сестры милосердия Юлии Владимировны Буторовой (1885—1946) [СФ ЦГАСО, ф. 63, оп. 1, д. 2—5]. Он велся с 23 сентября 1914 года по 18 августа 1916 года. Это личный документ, не предназначавшийся для постороннего читателя. Он содержит не только походные поденные записи, но и различные отступления личного, философского и религиозного характера, в том числе уникальные наблюдения о Галиции. Малоизученным источником в России остаются воспоминания англичанки Флоренс Фармборо (1887—1978), также служившей сестрой милосердия на Юго-Западном фронте [Фармборо, 2014]. Эти записи, составленные на основе дневника, интересны иным, «европейским», взглядом на события в Галиции. Воспоминания сестры милосердия Татьяны Александровны Варнек (1894—1990) содержат наблюдения за работой госпиталя во Львове и описание поездки в Галицию императора Николая II [Варнек, 2001]. Эго-документы, оставленные сестрами милосердия, дополняют воспоминания и дневники врачей. Особый интерес представляет дневник корпусного врача Василия Павловича Кравкова (1859—1920), который содержит сведения об организации российской администрации в Галиции, проблемах беженцев, жизни местного населения [Кравков, 2014]. Подробная характеристика еврейского вопроса содержится в литературно обработанной военной хронике Льва Наумовича Войтоловского (1875—1941), руководившего во время войны дивизионным лазаретом [Войтоловский, 1998].

Несмотря на большое количество работ по истории Галиции, вопрос о действиях российских властей на занятых в годы войны галицийских землях исследован неравномерно. В немногочисленных работах советского периода утвердилась антиавстрийская позиция, согласно которой местное славянское население лояльно отнеслось к приходу российских войск, так как Австро-Венгрия была для них «тюрьмой народов» [Осечинский, 1949, с. 19]. Одним из первых исследователей, обратившихся к изучению попытки интеграции Восточной Галиции в состав Российской империи в 1914—1917 годах, стал В. Н. Савченко [Савченко, 1996; Савченко, 2002]. Он показал, что,

CC BY

несмотря на «издержки великодержавной политики российских властей» [Савченко, 2004, с. 97], широкие массы местного населения сохраняли свою пророссийскую ориентацию, по крайней мере, до середины 1916 года. Лояльное отношение местного населения к действиям российской армии и администрации подчеркивают и другие исследователи [Суляк, 2016]. Самым серьезным исследованием российской политики в Галиции в годы войны являются работы А. Ю. Бахтуриной, проследившей национальный и конфессиональный аспекты развития региона, создание и функционирование Галицийского военного генерал-губернаторства, охарактеризовавшей позиции сторон [Бахтурина, 2000; Бахтурина, 2004]. Главной ошибкой российской администрации, приведшей в итоге к разочарованию местного населения в новой власти, она считает методы управления, обусловленные низким образовательным и культурным уровнем назначаемых чиновников.

Зарубежная историография национальной политики в Галиции достаточно обширна. Особого внимания заслуживают исследования Марка фон Хагена, который приходит к выводу, что именно религиозная политика настроила многих некогда лояльных или нейтральных галицийских крестьян против русских войск [Hagen, 2007, p. 37]. Рассматривая политику Российской империи в Галиции как «колониальную», Гвидо Хаусманн отмечает, что отношение к русинам в империи Габсбургов было более лояльным, чем к украинцам в Российской империи [Hausmann, 2014, p. 198]. Значительное число зарубежных исследований посвящено положению еврейского населения в Галиции. К примеру, Александр Прусин показывает, что вакуум власти, образовавшийся в Галиции после ухода русских войск весной 1915 года и до занятия её австрийцами, привел к волне антиеврейских погромов со стороны местных поляков и украинцев [Prusin, 2005]. Мнение о том, что именно Первая мировая война стала причиной ухудшения отношений между поляками, евреями и украинцами в Галиции, усилив польский и украинский национализм, является общим местом современной историографии [Ther et al., 2000, p. 251]. Далее мы рассмотрим, как проблемы российской администрации и отношение местного населения к властям воспринимались участниками военных действий.

2. Организация управления на временно оккупированных территориях

До начала войны, в составе Австро-Венгерской империи, Галиция управлялась наместником, назначаемым австрийским императором по представлению правительства. Наместник осуществлял высшую исполнительную власть в регионе, руководил полицией, наблюдал за деятельностью общин. С введением в Австро-Венгрии конституционного правления

CC BY

в Галиции был учрежден сейм, являвшийся высшим представительным учреждением края и уполномоченный решать вопросы местной жизни. И в местной администрации, и в сейме преобладали поляки.

Со вступлением российских войск в Галицию в августе 1914 года появляется российская администрация. Было создано военное генерал-губернаторство во главе с графом Г. А. Бобринским. Галиция управлялась на основании «Временного положения об управлении областями Австро-Венгрии, занятыми по праву войны» от 19 августа 1914 года, утвержденного Верховным главнокомандующим Великим князем Николаем Николаевичем [РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1643, л. 54—56]. В руках военного генерал-губернатора была сосредоточена как военная, так и гражданская власть, распространяемая на всю территорию, занятую войсками. Военное генерал-губернаторство Галиции просуществовало с 29 августа 1914 года по 17 марта 1916 года. В обязанности военного генерал-губернатора входили обеспечение всем необходимым (продовольствие, топливо, расквартирование, транспорт) четырех армий Юго-Западного фронта, эвакуация больных, раненых и военнопленных, а также налаживание дружественных отношений между войсками и местным населением [Отчет, с. 37].

Сложности в управлении Галицией проявились с самых первых дней и проистекали, в первую очередь, из отсутствия единоначалия в системе руководства (например, войска были подчинены военному генерал-губернатору, начальнику Львовского укрепрайона, командующим армиями, начальнику военно-эксплуатационного отдела и начальнику этапно-транспортного отдела Юго-Западного фронта). Такое количество начальства зачастую было равносильно безначалию, что отмечали как представители российской администрации [Там же, с. 36], так и рядовые комбатанты.

Впервые столкнувшаяся с административной системой на местах сестра милосердия Ю. В. Буторова уже в первый месяц своего пребывания в Галиции записала в дневнике: «Между местными чиновниками дрязги страшные. Все грызутся и ужиться не могут» [СФ ЦГАСО, ф. 63, оп. 1, д. 2, л. 14 об.]. Имевший еще до войны опыт общения с чиновниками офицер-артиллерист И. С. Ильин видел причину этого чиновного беспорядка в фундаментальных основах российской жизни: «Все эти злоупотребления, видимо, так вошли в плоть и кровь, что считаются совсем естественным явлением и никого не удивляют» [Ильин, 2016, с. 107].

Неразбериха присутствовала и в деятельности военно-врачебных заведений Галиции, также подчинявшихся различным структурам: военному генерал-губернатору, начальнику санитарной части армий фронта и помощнику главноуполномоченного Российского общества Красного Креста [Отчет …, с. 37]. Военный врач В. П. Кравков отмечал раздражение, с кото-

CC BY

рым воспринимали военные власти неуемное стремление краснокрестных властей постоянно докладывать о «скоплении раненых» [Кравков, 2014, с. 72]. Проблема с эвакуацией раненых, однако, была очень серьезной. В декабре 1914 года, к примеру, Ю. В. Буторова указывала на пренебрежение состоянием тяжелораненых, которое демонстрировало распоряжение верховного главнокомандующего держать во Львове не более 500 раненых, опасаясь отступления. «Это свинство со стороны Н[иколая] Н[иколаевича] велеть выселять всех тяжелых. Половину привезем трупами», — возмущенно пишет она и жалуется главноуполномоченному Б. Е. Иваницкому [СФ ЦГАСО, ф. 63, оп. 1, д. 2, л. 63—64, 66—66 об.].

В эго-документах комбатантов обращают на себя внимание случаи злоупотреблений в Галиции, особенно по отношению к местному населению. К примеру, осенью 1914 года Ю. В. Буторова отмечает проблемы с поставками топлива во Львов: «подвоз слишком незначителен, всего 3 вагона в день, чернь два раза собиралась перед генер[ал]-губер[наторским] домом гр[афа] Бобринского, желая выразить протест» [Там же, л. 12]. Проблема была решена установлением очередности в выдаче дров: в первую очередь снабжались войсковые части, расквартированные во Львове, во вторую — организации Красного Креста и только в третью — население Львова [Бахтурина, 2000, с. 100]. Понятно, что подобные решения со стороны «освободителей» не способствовали усилению симпатий местного населения к действиям российской администрации. Прямолинейно об отношении к местному населению писал И. С. Ильин: «Война — это кошмар, везде и всюду зло. Одни крадут казенные деньги и заботятся о наживе, другие грабят жителей, третьи издеваются над этими жителями и ничего не признают» [Ильин, 2016, с. 99].

По эго-документам мы можем видеть разную степень лояльности жителей Галиции: от дружелюбного отношения со стороны русинов до настороженного, а в некоторых случаях и враждебного, со стороны поляков и евреев. Так, Ю. В. Буторова в октябре 1914 года отмечает доброжелательное отношение русинов к австрийским раненым: «Местные жители посылали им исподтишка поцелуи, махали руками. Они все мечтают о возвращении австрийцев и нас отчего-то ненавидят» [СФ ЦГАСО, ф. 63, оп. 1, д. 2, л. 7—8 об].

Основные принципы политики российской администрации в Галиции, прозвучали в официальной речи военного генерал-губернатора Г. А. Бобринского при его вступлении в должность: «Я буду учреждать здесь русский язык, закон и строй» [Соколов, 2016, с. 68]. Военная администрация для ознакомления офицеров действующей армии с условиями Галиции в первые недели войны отпечатала брошюру «Современная Галичина». Особо подчеркивалось «страдающее» состояние «русского населения» Га-

CC BY

лиции «от культурного и политического засилья поляков, а также от экономического засилья евреев» [Современная Галичина …, 1914, с. 5]. Еще до занятия Галиции, 10 августа 1914 года, главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта Н. И. Иванов издал приказ об обращении офицеров и нижних чинов с местным населением. В нем противопоставлялись жители Восточной («коренной русский народ», «поселянин … говорит на малорусском языке, а интеллигент на чистом русском») и Западной («поляки») Галиции. Для первой предписывалось «доброжелательное и мягкое» отношение к крестьянам, «чтобы они могли видеть в нас действительно избавителей Зарубежной Руси от австрийского гнета», для второй — в зависимости от отношения самих галицийских поляков к русским войскам [РГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 11, л. 13]. Под «доброжелательным» отношением имелось в виду осторожное поведение при реквизициях, уважение к местным святыням (ходить в униатские церкви, раздавать им крестики и бумажные иконки из Киева и Почаева), приветливое обращение при встрече, выдача войсками хлеба и муки голодающему населению, гуманное отношение к пленным русинам. Насколько эти рекомендации исполнялись офицерами, можно судить по эго-документам, которые наполнены рассказами о страданиях галицийского крестьянства от казаков, страшными сценами из жизни беженцев и сообщениями о настороженном, если не враждебном, отношении солдат к местным.

3. Этническая и конфессиональная политика Российской империи в Галиции

Этническая и конфессиональная политика Российской империи в Галиции проводилась с целью ассимиляции [Миллер, 2006, с. 60], однако движение к этой цели шло по извилистой дороге, ступать по которой необходимо было с достаточной осторожностью. Как уже отмечалось, официальная российская пропаганда в годы Первой мировой войны трактовала захват Галиции как «воссоединение русского народа» [Бахтурина, 2004, с. 59]. С этой точки зрения отличие русин виделось, прежде всего, в их конфессиональной принадлежности. Хотя иногда и удавалось избежать противопоставления «руских» и «русских» по такому критерию. В изданной в 1915 году брошюре «Что такое Галиция?» автор предлагал считать критериями русской национальности язык, православие и восточный обряд греко-униатской церкви. Впрочем, принадлежность к римско-католической церкви в восточной Галиции тоже не мешала быть ее населению русскими, если те использовали «русское наречие» [Вергун, 1915, с. 11].

Однако население Галиции не было этнически однородным, и, помимо русинов, отождествляемых официальной пропагандой с русскими, здесь

CC BY

проживали и поляки, и евреи. К последним в рамках имперской национальной политики отношение было особым.

Важно иметь в виду характерное для Российской империи «отсутствие единства в вопросах о тактике и стратегии русификаторских усилий между властью и обществом, а также внутри бюрократии, между различными общественными движениями и внутри этих движений» [Миллер, 2006, с. 69]. Неоднозначным было и восприятие этой политики участниками Первой мировой войны, наблюдавшими жизнь местных жителей во время боев за Галицию. Продвигавшиеся вглубь Восточной Галиции российские солдаты, врачи, санитары, судя по оставленным ими воспоминаниям и дневникам, видели главное сходство галичан и русских в языке. Так, описывая Львов, один из очевидцев указывает: «Магазины большинство — вывески полотняные с надписью “русская торговля”. Трактиры и чайные названия имеют все чисто русские» [РГАЛИ]. В повседневном общении с местными жителями также удавалось достичь взаимопонимания: «Русин-старик разговорчив и говорит половина по-польски, половина по-хохлацки и частью по-русски и все-таки можно понять» [Там же]. Даже в дневнике англичанки Ф. Фармоборо русинский характеризуется как наречие русского языка [Фармборо, 2014, с. 146]. Во Львове от галичан не только ожидалось, но и требовалось использование русского языка: «Покупала разные мелочи, всюду говорила по-русски и на русские деньги идет вся торговля. Из принципа не говорю иначе как по-русски» [СФ ЦГАСО, ф. 63, оп. 1, д. 2, л. 11 об.].

Обращалось внимание и на культурное своеобразие галичан. Интересно проявление гендерного аспекта при рассмотрении этого вопроса, когда в женских дневниках акцент делается на различиях в нарядах, прическах, украшениях. Так, Ю. В. Буторова в ходе своего повествования подмечает «фантастические платья» [СФ ЦГАСО, ф. 63, оп. 1, д. 5, л. 65] жительниц Коломыи, предпочтительное использование национальных костюмов галичанами («даже маленькие пупсы одеты в национальные костюмы»), ношение меховых безрукавок, «не смотря на жару», и красивые «красные сафьяновые сапоги у девушек и баб» [Там же, л. 75 об.]. Однажды Ю. В. Буторова с подругой-медсестрой нарядились в костюмы женщин-галичанок и выглядели в них настолько естественно, что встречные русские солдаты принимали их за галичанок-шпионок, поскольку девушки заговаривали с ними на чистейшем русском [Там же, л. 13].

Российские войска относились к местным жителям настороженно, подозревая их в симпатиях к австрийцам и немцам. Особенные подозрения вызывали поляки и евреи, но единой позиции в отношении них в обществе не было.

Приверженцы консервативных взглядов стояли на твердых антисемитских позициях. В галицийских евреях зачастую виделись вражеские со-

CC BY

общники, о чем встречается немало упоминаний во фронтовых дневниках. Так, описывая отступление русских войск из Галиции, Ю. В. Буторова сообщает: «Жиды смотрят со злорадством, галичане — с ужасом» [Там же, д. 3, л. 14]. Воспоминания Войтоловского также фиксируют подозрительное отношение к евреям и полякам: «По слухам, замечена была сигнализация с купола синагоги. Арестовано несколько евреев, президент магистрата и два поляка» [Войтоловский, 1998, с. 121].

Но самое большое раздражение вызывала экономическая активность и повседневная деятельность еврейского населения, в которой виделись проявления беспринципности, низменности интересов: «Мы видали, как старый жид в пейсах тащил старую-старую дверь монастырского двора; дверь резная, дубовая. Стояла, я думаю, века, и он её уволакивал себе на топливо» [Там же, л. 28 об.].

Представители либеральной общественности не разделяли подозрений в отношении подрывной враждебной деятельности евреев-галичан: «Раз пускаются в ход приказы об еврейских шпионах, значит… завелась сильная червоточина и прикрыть ее надо испытанной заплатой — еврейским шпионажем. Старые козлы отпущения извлекаются из старых средневековых могил» [Войтоловский, 1998, с. 122]. Однако даже при общем терпимом отношении к еврейскому населению его склонность к занятиям торговлей у приверженцев либеральных взглядов вызывала некоторое презрение: «…старухи… завтра же из нищих превращаются в торговок и с той же настойчивостью, с какой сегодня просили милостыню, завтра будут навязывать прохожим свой товар» [Там же, с. 112].

Особняком в этом ряду смотрятся высказывания Ф. Фармборо, которая с глубоким сочувствием относится к евреям, удивляясь популярности антисемитских настроений в русском обществе: «Несправедливость по отношению к евреям — обычное дело в этой части мира; похоже, что для русских солдат само слово “еврей” звучит презрительно» [Фармборо, 2014, с. 161].

Восприятие конфессиональных различий с галицийскими католиками у пришедших с российскими войсками православных военнослужащих и медицинских работников было также неоднозначным: от резкого неприятия этих отличий до вполне терпимого отношения. Критику вызывала и организация католической службы, и католическая обрядность, и даже набожность: «Везде у них понаставлены идолы. И с такими ужасными лицами, что дьяволу впору, а не святым угодникам… Жил я у одного здешнего мужика: старый, больной, жрать нечего, а каждые полчаса на колени бухается. Оттого они и голодные, что только Богу молятся и костелы строят» [Войтоловский, 1998, с. 123].

Более умеренные позиции по отношению к католическим церквям были связаны с общностью христианской веры, красотой церковной архи-

CC BY

тектуры и убранства, хотя в ней и отмечалось отсутствие глубокой духовности, противопоставление икон и религиозных картин: «Как образ, это некрасиво, или, вернее, немолитвенно, но, как картина — очень красиво» [СФ ЦГАСО, ф. 63, оп. 1, д. 2, л. 78].

К униатам отношение было более спокойным. Негативное отношение вызвали не канонические расхождения между униатским и православным христианством, а видимая обывателю схожесть униатских церквей с католическими. Например, так описывала Ю. В. Буторова свои впечатления от посещения униатской службы: «Священник в католической шапке сказал речь по-славянски ужасно плохо, но помолиться было приятно» [Там же, л. 36]. К тому же в условиях военного времени конфессиональные различия не вызывали принципиального отрицания: православные сестры милосердия ходили на службы и молились в тех церквях, которые были доступны: и в католических, и в униатских.

Сами галицийские прихожане-униаты порой вовсе не видели различий между православными и униатскими службами и священниками, их проводившими. По свидетельству Г. И. Шавельского, заведующего церковным делом в Галиции и Буковине в 1916 году: «Униатская масса — народ — совсем не разбиралась в богословских тонкостях. Навязанные ей католицизмом, отделяющие униатов от православных догмы… оставались для униатов-мирян пустыми… звуками» [Шавельский]. Однако высшая государственная, в том числе церковная, администрация в рамках политики русификации галицийского населения видела необходимость в воссоединении униатов с русской православной церковью. При этом официально одобряемую конфессиональную политику поддерживали не все; к примеру, тот же Г. И. Шавельский считал, что воссоединение должно быть постепенным и проводиться путем укрепления доверия к православному духовенству [Там же].

4. Культурно-бытовая среда Галиции

Материалы эго-документов, особенно дневники, позволяют увидеть неожиданный срез войны — поведение комбатантов как путешественников, оказавшихся в интересных и новых местах. Описание ими фронта местами превращается в увлекательный путеводитель по историческим местам или сентиментальный рассказ о «красотах природы». Конечно, авторы не ставили перед собой задачу написать путеводитель. «Туристические» отступления появляются в их записях от случая к случаю, но обязательно имеют иной эмоциональный градус, чем остальной текст. Как правило, они содержат экспрессивы: «дивный» замок, «замечательно красивый» город [Варнек, 2001, с. 15, 21], «живописный сосновый бор», «великолепное зрелище» окружающих холмов, «роскошные окрестности» поместья [Фармборо, 2014,

CC BY

с. 111, 132, 158], «чудно красиво» в Карпатах, «красивая» извилистая река, «очень красивый» лес [СФ ЦГАСО, ф. 63, оп. 1, д. 2—5].

Оказавшись в Галиции, в окружении иной культуры, природы, комбатанты временами ведут себя как настоящие туристы. Они отправляются осматривать достопримечательности города, в котором оказались, и даже покупают для этого путеводитель [Ильин, 2016, с. 93]. Оказавшись рядом с усадьбами или монастырями, обязательно идут его исследовать и нередко делают серии снимков [Фармборо, 2014, с. 46, 109, 128; Ильин, 2016, с. 68–69, 80, 93, 107]. Имея возможность ездить по Юго-Западному фронту, известный искусствовед барон Н. Н. Врангель берет с собой в одну из поездок художника-символиста М. В. Добужинского, который создает серию видов Галиции [Врангель, 2001, с. 83—84].

Переживание высокого эмоционального подъема во время спокойных стоянок или прогулок по лесу, по словам авторов, переносит их из фронтового пространства, заставляя вспомнить прежнюю, спокойную, довоенную жизнь. «Мы пили чай, слышался искренний смех. Не верилось, что идет война. Ничего не напоминало о ней сейчас, это был просто весёлый пикник на свежем воздухе!» [Фармборо, 2014, с. 120] — вспоминала Фармборо. «Долго не мог уйти из Кармелитского монастыря … Необыкновенно хорошо было сидеть в полной звенящей тиши и смотреть на всю эту красивую роскошь храма», — записывает И. С. Ильин в дневнике о поездке во Львов [Ильин, 2016, с. 93].

Одним из наиболее сильных переживаний у всех авторов является размышление о том, что их родные в безопасности, им не угрожает всё то, что переживают жители Галиции (разрушенные дома, оставленные семейные гнезда, разлученные семьи, исковерканные судьбы юных девочек-русинок, тотально разрушенная спокойная мирная жизнь). Их воображение в такие моменты переносится в родной дом, места, где они выросли или последний раз виделись с семьей: «Невольно глядя на это разорение, вспомнилось наше Вязовое. Как было бы ужасно, если в него ворвались бы люди и устроили такой привал. Выломали бы деревья, уничтожили все мелочи, кот[орые] для них ничего не значат, а для живущих вызывают рой воспоминаний, составляют кусочки жизни» [СФ ЦГАСО, ф. 63, оп. 1, д. 2, л. 19].

Подобные сцены с активацией памяти нередки в текстах: «Увидел какую-то книжку на полу, поднял, оказывается, французский роман. Я взял его в руку и, не глядя, задумался. Вспомнились Селищи, семь лет, проведенные там», — записал И. С. Ильин [Ильин, 2016, с. 82]. «Повсеместно цвели ландыши, и их нежный аромат вызывал ностальгические воспоминания о моем саду в далеком Бэкингемшире», — вспоминала Ф. Фармборо [Фармборо, 2014, с. 46].

CC BY

«Личное измерение», эмоционально окрашенные события, которые предстают в автодокументальных текстах, заметно отличаются от тех официальных, туристических, историко-культурных или чисто пропагандистских изданий о Галиции, которые публиковались в 1914—1917 годах в Российской империи.

5. Заключение

Таким образом, в восприятии комбатантов проблемы управления занятой по праву войны Галиции связывались с теми ситуациями, свидетелями которых они оказывались. Автодокументальные тексты позволяют увидеть дифференциацию между общими задачами российской администрации (обеспечение лояльности населения и русификация края) и частными проблемами, возникавшими в определенные периоды военных действий (организация эвакуации раненых, обеспечение городов топливом, решение проблем отступающей армии). Этническая и конфессиональная политика российских властей в целом предстает вполне соответствующей официальной российской пропаганде. Заметный антисемитизм авторов из дворянского сословия базируется как на этических стереотипах, распространенных в Российской империи до войны (скаредность еврейского населения, занятие выгодной торговлей), так и на увиденных ими примерах симпатии местного населения прежнему режиму, от «гнета» которого предполагалось Галицию «освобождать». И хотя авторы делают различия этнические, отделяя русинов, поляков и евреев, конфессиональные отличия им не всегда важны. Культурные особенности края предстают в текстах, порой, в противопоставлении с российскими, но с частыми сожалениями о том, насколько серьезно пострадал этот процветающий прежде край от войны. Посещение местных усадеб и дворцов оставляет у многих комбатантов гнетущее впечатление, несмотря на роскошь и красоту, и служит мемориальным стимулом для воспоминаний о доме.

Источники и принятые сокращения

1. *Варнек Т. А.* Воспоминания сестры милосердия (1912—1922) / Т. А. Варнек // Доброволицы : Сборник воспоминаний / под редакцией Н. Д. Солженицыной. — Москва : Русский путь, 2001. — С. 6—170.

2. *Войтоловский Л. Н.* Всходил кровавый Марс : По следам войны / Л. Н. Войтоловский. — Москва : Воениздат, 1998. — 430 с. — ISBN 5-203-01845-6.

3. *Врангель Н. Н.* Дни скорби : Дневник 1914—1915 годов / Барон Н. Н. Врангель ; [Публикация, составление комментариев А. А. Мурашева]. — Санкт-Петербург : Журнал «Нева» : Летний сад, 2001. — 319 с. — ISBN 5-87516-225-2.

4. *Ильин И. С.* Скитания русского офицера : Дневник Иосифа Ильина. 1914—1920 / И. Ильин ; [подготовка текста, вступительная статья В. П. Жобер и К. В. Чащина, разра-

ботка карт-схем Т. В. Русиной]. — Москва : Книжница : Русский путь, 2016. — 480 с. — ISBN 978-5-9905658-7-6.

5. *Кравков В. П.* Великая война без ретуши. Записки корпусного врача / В. П. Кравков. — Москва : Вече, 2014. — 416 с. — ISBN 978-5-4444-4537-2.

6. *Отчет* деятельности Штаба Временного военного генерал-губернатора Галиции в период времени с 29 августа 1914 года по 1 июля 1915 года. — Киев : типография Штаба Киевского воен. округа, 1916. — 109 с.

7. РГАЛИ — *Российский* государственный архив литературы и искусства. Ф. 738. (Рукописи Духовской Любови Дмитриевны (урожденной Воейковой)). Оп. 1. Д. 3. Л. 170.

8. РГВИА — *Российский* государственный военно-исторический архив. Ф. 2003. (Штаб Верховного главнокомандующего (1914—1918)). Оп. 1. Д. 1643. Л. 54—56 ; Ф. 2067. (Полевое управление главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (1914—1918)). Оп. 1. Д. 11. Л. 13.

9. *Современная* Галичина. Этнографическое и культурно-политическое состояние ее в связи с национально-общественными настроениями. — Без места : Походная типография Штаба Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, 1914. — 35 с.

10. СФ ЦГАСО — *Сызранский* филиал Центрального государственного архива Самарской области. Ф. 63. (Ю. В. Буторова — участница 1-ой мировой войны). Оп. 1. Д. 2. Л. 7—8 об, 11 об., 12, 14 об., 19, 28 об., 29, 36, 59, 63—64, 66—66 об., 78 ; д. 3, л. 14 ; д. 5, л. 13, 65, 75 об.

11. *Фармборо Ф.* Первая мировая война : дневники с фронта / Ф. Фармборо. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2014. — 400 с. — ISBN 978-5-373-06064-6.

12. *Шавельский Г. И.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота [Электронный ресурс] / Г. И. Шавельский. — Режим доступа : http://militera.lib.ru/memo/russian/shavelsky_gi/index.html (дата обращения 13.02.2021).

Литература

1. *Бахтурина А. Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны / А. Ю. Бахтурина. — Москва : «АИРО-XX», 2000. — 264 с. — ISBN 5-88735-064-4.

2. *Бахтурина А. Ю.* Окраины Российской империи : государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914—1917 гг.) / А. Ю. Бахтурина. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. — 392 с. — ISBN 5-8243-0455-6.

3. *Вергун Д.* Что такое Галиция? / Д. Вергун. — Петроград : Лукоморье, 1915. — 65 с.

4. *Клопова М. Э.* Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX — начале XX века / М. Э. Клопова. — Москва : Индрик, 2016. — 280 с. — ISBN 978-5-91674-412-5.

5. *Миллер А.* Империя Романовых и национализм : эссе по методологии исторического исследования / А. Миллер. — Москва : Новое литературное обозрение, 2006. — 248 с. — ISBN 978-5-86793-762-1.

6. *Осечинский В. К.* Галичина под гнетом Австро-Венгрии в годы первой мировой империалистической войны : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук / В. К. Осечинский. — Львов, 1949. — 23 с.

7. *Савченко В. Н.* Восточная Галиция в 1914—1916 гг. (этносоциальные особенности и проблема присоединения к России) / В. Н. Савченко // Вопросы истории. — 1996. — № 11—12. — С. 95—106.

8. *Савченко В. Н.* Восточная Галиция в 1914—1915 годах (национально-политическая ситуация и политика российской администрации) / В. Н. Савченко // Отечественная история. — 2002. — № 5. — С. 76—89.

9. *Савченко В. Н.* Восточная Галиция в 1916—1920 годах (этнополитическая ситуация в крае) / В. Н. Савченко // Отечественная история. — 2004. — № 2. — С. 96—113.

10. *Соколов А. Р.* Воссоединительные церковные проекты 1914—1915 гг. в Галиции и Закарпатье по мемуарам Георгия Шавельского / А. Р. Соколов // Русин. — 2016. — № 2 (44). — С. 58—72. — DOI: 10.17223/18572685/44/5.

11. *Суляк С. Г.* Русины в воспоминаниях участников Великой войны / С. Г. Суляк // Русин. — 2016. — № 2 (44). — С. 73—92. — DOI: 10.17223/18572685/44/6.

12. *Hagen M.* War in a European Borderland : Occupations and Occupation Plans in Galicia and Ukraine, 1914—1918 / M. von Hagen. — Seattle : Herbert J. Ellison Center for Russian, East European, and Central Asian Studies, University of Washington, 2007. — 122 p.

13. *Hausmann G.* Maps of the Borderlands : Russia and Ukraine / G. Hausmann // The Shadow of Colonialism on Europe's Modern Past / Eds. by Healy R. & Dal Lago E. Basingstoke. — UK : Palgrave, 2014. — Pp. 194—210. — ISBN 9781137450746.

14. *Prusin A. V.* Nationalizing a Borderland : War, Ethnicity, and Anti-Jewish Violence in East Galicia, 1914—1920 / A. V. Prusin. — Tuscaloosa : University of Alabama Press, 2005. — 181 p.

15. *Ther P.* War versus Peace : Interethnic Relations in Lviv during the First Half of the Twentieth Century / P. Ther, J. Czaplicka // Harvard Ukrainian Studies. — 2000. — Vol. 24. — Pp. 251—284.

Material resources

Farmborough, F. (2014). *The First World War. Diaries from the front.* Moscow: OLMA Media Group. 400 p. ISBN 978-5-373-06064-6. (In Russ).

Ilyin, I. S. (2016). *The wanderings of a Russian officer: The Diary of Joseph Ilyin. 1914—1920.* Moscow: Knizhnitsa: Russian Way. 480 p. ISBN 978-5-9905658-7-6. (In Russ).

Kravkov, V. P. (2014). *The Great War without retouching. Notes of a corps doctor.* Moscow: Veche. 416 p. ISBN 978-5-4444-4537-2. (In Russ).

Modern Galicia. The ethnographic and cultural-political state of it in connection with national and public moods. Without a place: The field printing house of the Headquarters of the Commander-in-Chief of the armies of the South-Western Front. (1914). 35 p. (In Russ).

Report on the activities of the Headquarters of the Provisional Military Governor-General of Galicia in the period from August 29, 1914 to July 1, 1915. (1916). Kiev: printing house of the Headquarters of the Kiev military. Districts. 109 p. (In Russ).

RGALI — *Russian State Archive of Literature and Art. F. 738. (Manuscripts of Lyubov Dmitrievna Dukhovskaya (nee Voeikova)). Op. 1. d. 3. l. 170.* (In Russ).

RGVIA — *Russian State Military-Historical Archive. F. 2003. (Headquarters of the Supreme Commander-in-Chief (1914—1918)). Op. 1. d. 1643. l. 54—56; F. 2067. (Field administration of the Commander-in-Chief of the armies of the South-Western Front (1914—1918)). Op. 1. d. 11. L. 13.* (In Russ).

SF TSGASO — *Syzran branch of the Central State Archive of the Samara region. F. 63. (Yu. V. Butorova-participant of the 1st World War).* (In Russ).

Shavelsky, G. I. *Memoirs of the last protopresbyter of the Russian Army and Navy.* Available at: http://militera.lib.ru/memo/russian/shavelsky_gi/index.html (accessed 13.02.2021). (In Russ).

Varnek, T. A. (2001). Memoirs of a sister of mercy (1912—1922). *Volunteers: A collection of memoirs*. Moscow: Russian Way. 6—170. (In Russ).

Voitolovsky, L. N. (1998). *The bloody Mars rose: In the footsteps of the war.* Moscow: Voyenizdat. 430 p. ISBN 5-203-01845-6. (In Russ).

Wrangel, N. N. (2001). *Days of Sorrow: Diary of 1914—1915.* St. Petersburg: Neva Magazine: Summer Garden. 319 p. ISBN 5-87516-225-2. (In Russ).

References

Bakhturina, A. Yu., Bordyugov, G. A. (ed.). (2000). *The policy of the Russian Empire in Eastern Galicia during the First World War.* Moscow: "AIRO-XX". 264 p. ISBN 5-88735-064-4. (In Russ).

Bakhturina, A. Yu. (2004). *The outskirts of the Russian Empire: state administration and national policy during the First World War (1914—1917).* Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 392 p. ISBN 5-8243-0455-6. (In Russ).

Hagen Mark von. (2007). *War in a European Borderland: Occupations and Occupation Plans in Galicia and Ukraine, 1914—1918.* Seattle: Herbert J. Ellison Center for Russian, East European, and Central Asian Studies, University of Washington. 122 p.

Hausmann, G. (2014). Maps of the Borderlands: Russia and Ukraine. *The Shadow of Colonialism on Europe's Modern Past.* UK: Palgrave. 194—210. ISBN 9781137450746.

Klopova, M. E. (2016). *Rusyns, Russians, Ukrainians. National movements of the East Slavic population of Galicia in the XIX — early XX century.* Moscow: Indrik. 280 p. ISBN 978-5-91674-412-5. (In Russ).

Miller, A. (2006). *The Romanov Empire and nationalism: an essay on the methodology of historical research.* Moscow: New Literary Review. 248 p. ISBN 978-5-86793-762-1. (In Russ).

Osechinsky, V. K. (1949). *Galicia under the oppression of Austria-Hungary during the First World imperialist War.* Author's abstract of PhD Diss. Lviv. 23 p. (In Russ).

Prusin, A. V. (2005). *Nationalizing a Borderland: War, Ethnicity, and Anti-Jewish Violence in East Galicia, 1914—1920.* Tuscaloosa: University of Alabama Press. 181 p.

Savchenko, V. N. (1996). Eastern Galicia in 1914—1916 (ethnosocial features and the problem of joining Russia). *Questions of history, 11—12:* 95—106. (In Russ).

Savchenko, V. N. (2002). Eastern Galicia in 1914—1915 (the national-political situation and the policy of the Russian administration). *Domestic history, 5:* 76—89. (In Russ).

Savchenko, V. N. (2004). Eastern Galicia in 1916—1920 (the ethnopolitical situation in the region). *Domestic history, 2:* 96—113. (In Russ).

Sokolov, A. R. (2016). Reunion Church projects 1914—1915, in Galicia and Transcarpathia memoirs of George of shavel region. *Rusin, 2 (44):* 58—72. DOI: 10.17223/18572685/44/5. (In Russ).

Sulak, S. G. (2016). Rusyns in the memories of the great war. *Rusin, 2 (44):* 73—92. DOI: 10.17223/18572685/44/6. (In Russ).

Ther, P., Czaplicka, J. (2000). War versus Peace: Interethnic Relations in Lviv during the First Half of the Twentieth Century. *Harvard Ukrainian Studies, 24:* 251—284.

Vergun, D. (1915). What is Galicia? Petrograd: Lukomorye. 65 p. (In Russ).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Иванов А. А. Епископ Андрей (Ухтомский) : церковное осмысление и критика идеологии и практики социализма / А. А. Иванов // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 323—340. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-323-340.

Ivanov, A. A. (2021). Bishop Andrey (Ukhtomsky): Church Comprehension and Criticism of Ideology and Practice of Socialism. *Nauchnyi dialog, 8:* 323-340. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-323-340. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-323-340

Епископ Андрей (Ухтомский): церковное осмысление и критика идеологии и практики социализма

Иванов Андрей Александрович
orcid.org/0000-0001-6438-5200
доктор исторических наук, профессор
кафедра новейшей истории России
Институт истории
andrey.a.ivanov@spbu.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44084

Bishop Andrey (Ukhtomsky): Church Comprehension and Criticism of Ideology and Practice of Socialism

Andrey A. Ivanov
orcid.org/0000-0001-6438-5200
Doctor of History, Professor
Department of Contemporary History
of Russia, Institute of History
andrey.a.ivanov@spbu.ru

St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The reported study was funded
by RFBR according to the research
project № 21-011-44084

© Иванов А. А., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос об отношении известного церковного публициста епископа Андрея (Ухтомского) к теории и практике социализма в России и СССР. Впервые реконструируются и анализируются взгляды архиерея на схожесть и различия социалистической идеологии и православного вероучения, начиная с событий Первой российской революции и заканчивая советским периодом. Особое внимание уделяется критике Андреем (Ухтомским) социализма, исповедуемого левыми политическими силами и попыткам противопоставить ему иной социализм, который церковный публицист называл христианским и церковным. Ставится под сомнение правомерность причисления архиерея к сторонникам христианского социализма и предлагается взгляд, согласно которому противопоставление епископом Андреем политическому социализму «церковного социализм» было вынужденным и имело целью лишить социалистов монополии на знание о справедливом переустройстве общества, а также вести полемику с приверженцами социализма на понятном им языке. Утверждается, что, меняя на протяжении своей жизни политические воззрения и отношение к различным формам государственной власти, Андрей (Ухтомский) оставался последовательным в отстаивании своего взгляда, как на природу социализма, так и на способы его преодоления.

Ключевые слова:
Андрей (Ухтомский); христианство; православное духовенство; социализм; социалисты; христианский социализм; большевизм; советская власть.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The question of the attitude of the famous church publicist Bishop Andrey (Ukhtomsky) to the theory and practice of socialism in Russia and the USSR is considered. For the first time, the views of the bishop on the similarities and differences between socialist ideology and the Orthodox faith, starting with the events of the First Russian Revolution and ending with the Soviet period, are reconstructed and analyzed. Particular attention is paid to Andrey (Ukhtomsky)'s criticism of socialism, professed by left political forces and attempts to oppose it with a different socialism, which the church publicist called Christian and ecclesiastical. The legitimacy of classifying the bishop as a supporter of Christian socialism is questioned and a view is proposed according to which Bishop Andrey's opposition to political socialism was forced and was intended to deprive the socialists of the monopoly on knowledge about the just reorganization of society, as well as to conduct polemics with the adherents of socialism in a way they understand language. It is argued that changing political views and attitudes towards various forms of state power throughout his life, Andrey (Ukhtomsky) remained consistent in upholding his views, both on the nature of socialism and on the ways to overcome it.

Key words:
Andrey (Ukhtomsky); Christianity; Orthodox clergy; socialism; socialists; Christian socialism; Bolshevism; Soviet power.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(47)“1905/1937”

Епископ Андрей (Ухтомский): церковное осмысление и критика идеологии и практики социализма

© Иванов А. А., 2021

1. Введение

Личность, биография и публицистическое наследие епископа Андрея, в миру — князя Александра Алексеевича Ухтомского (1872—1937), в последние десятилетия привлекают внимание исследователей церковной истории, общественной мысли и политических партий. И такое разностороннее внимание к этой неординарной личности неудивительно, ведь на протяжении своей жизни владыка принимал весьма активное участие не только в церковной, но и общественно-политической жизни страны, привлекая внимание современников (а вслед за ними и историков) неординарностью своих воззрений и подчас крутыми поворотами в своих симпатиях и антипатиях к современным ему политическим силам и господствовавшим в обществе идеям. Достаточно отметить, что в разные периоды жизни современники причисляли его то к консерваторам, то к либералам или видели в нем «христианского социалиста»; называли его аристократом и характеризовали как епископа-демократа; считали его то убежденным контрреволюционером, то не менее убежденным сторонником революции. И для подобных суждений архиерей давал достаточно поводов. В революцию 1905—1907 годов он выступал сторонником черносотенного движения, затем, разочаровавшись в крайне правых, некоторое время возлагал надежды на русских националистов, к концу существования Российской империи сблизился с либеральной оппозицией, а в ходе революции 1917 года пытался найти общий язык с социалистами. При этом владыка всегда оставался тверд и непреклонен в своей верности Православной Церкви и славянофильским убеждениям.

К настоящему времени биография епископа Андрея изучена — как в целом [Зеленогорский, 1991; Зеленогорский, 2011], так и отдельные ее периоды [Зимина, 2005; Павлова, 2018; Дехтярев, 2019]. Историками рассмотрены особенности его мировоззрения в целом [Алексеев, 2010] и взгляды на отдельные вопросы (например, национальный [Иванов и др., 2020]); опубликованы сборники его трудов [«Я хочу …», 2012; Андрей (Ухтомский), 2013; Священномученик …, 2019]. Однако далеко не все сюжеты проработаны одинаково подробно, и некоторые его публикации (в первую очередь, газетные), до сих пор не введены в научный оборот. Цель данной статьи — выявление и анализ взглядов Андрея (Ухтомского) на социа-

CC BY

лизм — идеологию, массово захватившую умы человечества в XX веке, — и его попыток ее осмысления с церковно-православных позиций.

2. Дореволюционный период

Обращение Андрея (Ухтомского) к проблематике социализма произошло под влиянием событий Первой российской революции. В 1906 году в газете «Казанский телеграф», являвшейся рупором местных правых (Казанского отдела Русского собрания, Казанского Царско-народного русского общества и других черносотенных и более умеренных консервативных организаций губернии), он опубликовал ряд статей, посвященных общественно-политической ситуации в стране, взаимоотношениям Церкви и общества и другим злободневным вопросам, затронув среди них и вопрос о социализме. В этот период архимандрит Андрей был сторонником правых политических взглядов, поддерживал Союз русского народа и выступал с обличением социалистов и их учения. Он отказывал социализму в праве считаться научной теорией, отмечая, что, отвергая христианскую метафизику, социализм сам утверждает «догматы»: отрицая Царство Божие на небе, «чает какого-то царства права на земле» [Андрей (Ухтомский), 1906, 12 марта]. Провозглашая «великую цель» и «прекрасную задачу» — установить царство социальной справедливости, социалисты, по словам церковного публициста, не верят в добрую волю человека, отвергают христианское понятие о нравственности и «раз и навсегда усвоили тот догмат дохристианской жизни, который гласит: человек человеку — волк (homo homini lupus)», а тем, «кто примет в своей жизни этот догмат языческого Рима, тому в христианстве искать нечего» [Андрей (Ухтомский), 1906, 11 мая]. Он обвинял социалистов в том, что заповедь Христа «любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас» (Мф. 5:44) они заменили на прямо противоположную: «ненавидьте врагов ваших» [Алексеев, 2010, № 1 (15), с. 35]. В своих статьях «Они требуют отречения от христианства» и «Нужно исцелить нашу больную совесть!» архимандрит Андрей утверждал, что «христианство, как религия любви, и социализм, как учение о массовом насилии и ненависти одних над другими, — совершенно несовместимы», а «русский социализм, выросший на наших глазах, есть совершенно явно обнаружившийся враг христианства, всеми средствами ведущий против Евангелия ожесточенную борьбу» [Алексеев, 2010, № 1 (15), с. 35].

Характеризуя социализм как теорию «подозрительную в нравственном отношении», «социал-психопатию» и «завзятого врага христианства», будущий архиерей предупреждал, апеллируя к опыту европейских революций, что, дорвавшись до власти, социалисты начнут борьбу с христианством и Церковью. «Социал-демократы по отношению ко всей религии

CC BY

имеют один очень категоричный лозунг: “долой”, — писал архимандрит Андрей в 1905 году. — Долой и Церковь, и духовенство, и нравственный закон, и религию! Все долой! В этом отношении социалистов к религии для русского народа, разумеется, ничего заманчивого нет … Но оно страшно, когда народ хотя на некоторое время чем-нибудь взволнован, когда в самой ничтожной степени есть возможность для него обратиться в простую толпу. Толпа не знает нравственных принципов, толпа не руководится рассудком, толпа идет только за сильным человеком, способным ее увлечь, хотя бы чрез обман. И страшны в современном социалистическом движении два привходящие элемента: одушевление его приверженцев, по преимуществу пылкой молодежи, и несомненная нервность в современном народном настроении, способном поддаться даже и на обман. Второе обстоятельство очень опасно; оно настойчиво и почти повсеместно подогревается прокламациями (которые не встречают противовеса в церковной печати) и по местам переходит уже в явное брожение, всегда направленное прежде всего против духовенства как самой консервативной части населения. Подобные народные волнения, вызванные всецело социал-демократами, в Гурии (на Кавказе) закончились полным изгнанием духовенства, когда многие священники принуждены были сделаться чернорабочими. Но важно здесь, конечно, более то, что чисто церковное дело здесь, на местах социалистической пропаганды, надолго потеряло среди народа всякий интерес; церковная жизнь, несомненно, здесь замерла надолго, уступив место безрелигиозному быту социалистов» [Священномученик …, 2019, с. 24].

Выражая надежду, что на русской почве социалистам еще не скоро удастся привлечь на свою сторону религиозно настроенные народные массы, церковный публицист вместе с тем признавал, что социалисты сильны и с этой силой нельзя не считаться. «Но чем же сильны русские социалисты? <…> Они сильны нашей слабостью. Они сильны нашей ленью и бездельем. <…> Одним словом, они грехами нашими кормятся, как о подобных людях говорит Библия (Ос. 4, 8)» [Андрей (Ухтомский), 1906, 12 марта]. «Социализм силен нашей нецерковностью, — развивал архимандрит Андрей ту же мысль в другой своей статье, — нашей духовной ленью; и он, помимо материальной потребности, представляет из себя и психологическую необходимость: человек по природе своей стремится жить жизнью общественной, и, когда наши так называемые “охранители” сдавили жизнь церковно-общественную, в ответ на это на Руси и объявили социализм как протест жизни против излишних (незаконных) рамок» [Андрей (Ухтомский), 1906, 11 мая].

Посвятив одну из своих статей вопросу о силе социализма, Андрей (Ухтомский) констатировал: «Да, он силен и живуч. <…> … Все государства Европы трепещут перед социальной революцией на почве борьбы социа-

CC BY

листов против капитала. И социализм силен своей жизненностью, своей заботой о всех обездоленных и отверженных мира сего, своим стремлением облегчить физический труд и физический голод людей, неспособных к самозащите!» [Андрей (Ухтомский), 1906, 11 мая]. Обращаясь к членам черносотенного Русского собрания, архимандрит Андрей указывал правым, что их главными конкурентами являются социалисты, «сильные духом, хотя о духе ничего не говорящие», поскольку их идеология «имеет на себе всю личину истинно нравственных организаций» [Священномученик …, 2019, с. 80—81]. Социализм, отмечал он, «велик своей показной стороной; и русский человек, всей душой стремящийся к живой вере, оказывается, теперь рад уже хотя бы живым делам и уже почти отвернулся от мертвой веры наших официальных покровителей “господствующей” Церкви» [Там же, с. 80]. Сила социалистов также виделась архимандриту Андрею в том, что «вся ужасная действительность за них», а потому, отвергая материалистический социализм, христианская совесть заставляет признать, что, как учение о справедливости, «социализм — это жизненная необходимость; это ведь только самозащита слабых против произвола сильных; это естественное последствие борьбы одних против других» [Андрей (Ухтомский), 1906, 11 мая]. В этом плане очень показательно, что, критикуя социализм за потворство низменным человеческим страстям (зависть, ненависть), материализм, атеизм и стремление к насилию [Андрей (Ухтомский), 1906, 8 сентября], Андрей (Ухтомский) мог одновременно наделять это понятие и позитивной коннотацией. Обращаясь к православным христианам, он, в частности, заявлял: «Помните же, возможно одно из двух: или мы должны немедленно восстановить на Руси христианский социализм (т. е. церковность), или нас измучит социализм физической силы, который и погубит Россию» [Священномученик …, 2019, с. 70]. Противопоставление христианского социализма социализму левых встречается в публицистике Андрея (Ухтомского) неоднократно. Так, например, обращаясь к русским правым партиям и союзам, он указывал на то, что, «когда русский народ будет скреплен и спаян христианским социализмом (церковно-приходской общиной)», он «будет силен для того, чтобы не поддаться никакой пропаганде» [Там же, с. 83—84].

При этом Андрей (Ухтомский) был убежден, что современный ему русский социализм и особенно его антицерковность — «это чистое недоразумение». Если западный католицизм, — писал он, — религия воинствующая и в лице римских пап привык господствовать и повелевать, чем и вызвал против себя протестную реакцию [Андрей (Ухтомский), 1916, с. 14], то «Православная Церковь ни с кем не воюет, а всем служит, и по преимуществу обиженным беднякам» [Андрей (Ухтомский), 1914, с. 322]. Считая,

CC BY

что русские социалисты перепутали церковную бюрократию, заменившую соборность «канцелярщиной», а церковность — клерикализмом, с истинной Церковью, священнослужитель писал: «Вследствие этого в русских головах появился истинный сумбур по духовным вопросам; и в печати, и в обществе стали раздаваться совершенно невозможные мнения о Церкви, и на этой почве ошибок и выросло социалистическое движение русских рабочих. Люди возражают против церковной жизни, а на самом деле все их возражения касаются только непорядков “ведомства православного исповедания”. Начинают бранить церковные установления, а на самом деле оказывается, что Церковь в большинстве случаев неповинна в этих установлениях, которые оказываются просто консисторскими указами и пр.» [Андрей (Ухтомский), 1906, 11 мая].

Устранить это «недоразумение» Андрей (Ухтомский) предлагал путем восстановления соборного начала в Церкви и правильной приходской жизни, полагая, что если эта задача будет выполнена и закипит полноценная церковно-приходская общественная жизнь, то «социализм, эта нравственная болезнь, мало-помалу пройдет, не оставив следа» [Андрей (Ухтомский), 1906, 11 мая]. В целом ряде своих статей он доказывал, что «приходская организация включает в себя все то лучшее, о чем говорит социализм и что служит ко благу человечества» [Священномученик …, 2019, с. 121]. «Приход — вот та живая вода, которая может залить кровавое пламя русского социализма, утолить ту жажду правды, в которой томится русский народ», — патетически восклицал Андрей (Ухтомский) [Андрей (Ухтомский), 1906, 12 марта]. При этом церковный публицист был далек от идеализации современного ему церковного прихода. Напротив, во многих своих статьях он настойчиво указывал на необходимость оживления приходской жизни, пробуждения активности прихожан (в том числе и социальной) и даже призывал брать пример с социалистов, сумевших построить партии на регулярном самообложении своих членов, взаимовыручке и деятельном служении общему делу. «…Народная, церковно-социальная организация совершенно необходима именно в нынешнее время, это доказывается самой жизнью, необычайным и совершенно неожиданным развитием социализма. Но зато — там деятели, а у нас, в церковных приходах, пока деятели мало заметны… Там твердо знают свои обязанности, а у нас о них никто еще не слыхал как следует» [Андрей (Ухтомский), 1906, 21 мая]. «Нужно постараться, — отмечал он в одной из статей, — чтобы народ сознательно остался в Церкви и на красноречивые и заманчивые обещания социалистической пропаганды убежденно мог сказать: “да, у вас хорошо, но у нас лучше; вы только хлопочете о всеобщей сытости и забываете о Боге, и никогда ничем недовольны, а мы и без вас одинаково сыты и за хлеб насущный

CC BY

благодарим Бога, и не завидуем чужому счастью”» [Священномученик …, 2019, с. 29]. В противном же случае, предупреждал он, «социализм будет только усиливаться» [Андрей (Ухтомский), 1906, 12 марта]. А в одной из своих статей Андрей (Ухтомский) и вовсе выдвинул лозунг «Пролетарии русские, соединяйтесь!», призывая не потерявших веру в Бога рабочих не идти за партийными вождями из левого лагеря, а объединяться вокруг православных храмов и создавать крепкие приходы. Именно такие приходы, которые должны были, по его мнению, получить статус юридического лица, а также полное право заведовать и распоряжаться церковными денежными средствами, избирать себе причт и оказывать своим членам всяческую поддержку, породили бы в России «настоящий русский церковный социализм, который и во сне не снился всем этим “товарищам” — лентяям и неучам» [Андрей (Ухтомский), 1906, 16 июля].

И хотя эта мечта Андрея (Ухтомского) во всероссийском масштабе так и не осуществилась, в 1909 году, уже будучи епископом Мамадышским, викарием Казанской епархии, он писал, что ему лично известны такие пастыри, которые «великолепно устроили свою приходскую жизнь с церковно-приходскими советами, … буквально захватили в свои руки все стороны жизни своих прихожан и сделались действительно их духовными отцами — пастырями не только их карманов, но и их самих. <…> Вырвали свой приход из социалистической пропаганды и доказали своим прихожанам, что когда у них, отцов духовных, просят хлеба, то они хлеб и подают просящим, а не камень — не заменяют рыбу змеей…» [Священномученик …, 2019, с. 217]. Сам же он в июле 1916 года ввел в Уфимской епархии практику избрания настоятелей храмов собранием прихожан, а весной 1917 года осуществил приходскую реформу с введением выборности всего духовенства и приходского самоуправления [Дехтярев, 2019, с. 419].

3. Революция 1917 года и Гражданская война

Революционные события 1917 года заставили епископа Андрея, занимавшего в это время Уфимскую кафедру, снова вернуться к рассуждениям о социализме. В этот период архиерей уже был весьма далек от консервативного лагеря и имел репутацию церковного вольнодумца, «прогремевшего на всю Россию своим либерализмом» [Евлогий (Георгиевский), 1994, с. 267]. По оценке А. В. Соколова, в начале 1917 года Андрей (Ухтомский) принадлежал к числу «самых левых церковных деятелей» [Соколов, 2014, с. 68]. Февральскую революцию владыка приветствовал, отмечая, что «кончилась тяжкая, грешная эпоха в жизни нашего народа», и выражал надежду, что «началась великая эпоха новой жизни … наступили дни … свободного народного труда: зажглась яркая звезда русского народного счастья» [Андрей

CC BY

(Ухтомский), 1917, № 7, с. 175—176]. Столь же оптимистичными были поначалу и его прогнозы в отношении социалистов. «Я хочу сказать, — писал он на страницах своих изданий, — что все наши социалисты в глубине души — искренние христиане, честнейшие натуры, ищущие истины, но еще не нашедшие ее. Это алчущие и жаждущие правды жизни; отчасти они нашли ее, но радости небесной жизни они еще не постигли, потому что не знают жизни церковной. Они вместо Церкви знают только "победоносцевское ведомство", а это похоже на Церковь не более, чем сам Победоносцев похож на Святителя Николая Мирликийского» [Андрей (Ухтомский), 1917, № 5—6, с. 140—141]. Обращаясь к социалистам с пасхальным приветствием, уфимский архиерей желал всем русским социалистическим кружкам превратиться в «христианские братства любви» и отринуть всяческую вражду [Там же, с. 141]. «Известия по Казанской епархии» сообщали, что в августе 1917 года епископ Андрей «был на собрании социалистов-революционеров, по их приглашению, и высказал им свои благожелания, а те рассыпались в любезностях пред ним» [Автор, 1917, с. 574]. Осенью того же года он приветствовал появление христианско-социалистического издания «Русская изба» [Андрей (Ухтомский), 1917, № 1, с. 4]. В связи со всем этим религиозный философ В. В. Розанов возмущался, что Андрей Уфимский с первых дней революции оказался в числе тех представителей духовенства, которые «подскочили под социалиста … и стали вопиять, глаголать и сочинять, что "церковь Христова и всегда была, в сущности, социалистической"…» [Розанов, 1994, с. 414]. Сам же владыка, признаваясь, что неоднократно получал с разных сторон упреки за свое «пристрастие к социализму» и даже был назван одной газетой «синодальным большевиком», заявлял, что «церковный большевизм — это добродетель, а не порок» [Андрей (Ухтомский), 1917, № 21, с. 587—588]. «Большевизм социалистический, — раскрывал он свою мысль, — это проявление наибольшего насилия; большевизм церковный — это стремление организовать жизнь только на почву Христова учения о том, что больший должен быть как меньший и начальствующий как служащий (Лк. 22:26). Неужели так преступно не только говорить об этом, но и осуществлять это сверхсоциалистическое учение?» [Андрей (Ухтомский), 1917, № 21, с. 588].

Как справедливо отмечает биограф Андрея (Ухтомского), пока в первые месяцы революции в социалистическом движении преобладали сравнительно умеренные силы, владыка стремился наладить с ними контакт и старался делать акцент на том, что в социализме и христианстве было общего, пытался научить социалистов «истинному социализму духа, внести в их учение нравственное начало» [Зеленогорский, 2011, с. 61]. Однако стремление Андрея (Ухтомского) к диалогу с социалистами не означало, что он изменил свои взгляды на идеологию социализма. По его

CC BY

собственному признанию, он стремился послужить «примирению наших социалистов с Церковью, возвращению этих иногда чистых душ в церковное водительство», что невозможно без проявления к ним христианской любви. Называя социалистов «великими грешниками», архиерей вместе с тем напоминал своим критикам, что христианство призывает искренне возлюбить всех людей, а значит и «социалиста-безбожника, социалиста-кощунника, социалиста-еретика», которые, несмотря ни на что, остаются «нашими ближними». По-прежнему характеризуя проповедуемый левыми партиями социализм как явление заграничное, нерусское; отмечая, что социализм «нагло обманул простодушных русских людей», епископ Андрей, как и прежде, призывал Церковь «идти к социалистам и научить их тому социализму, который есть деятельная любовь церковной общины и который был известен еще во времена апостольские» [Андрей (Ухтомский), 1917, № 21, с. 589]. Но вместе с тем трагические реалии заставляли Андрея (Ухтомского) не только искать возможности диалога с социалистами, но и обличать их. В августе 1917 года в открытом письме министру-председателю Временного правительства социалисту А. Ф. Керенскому владыка, перечисляя творящиеся бесчинства, насилия и грабежи, негодуя, писал: «Это ли не расцвет русского социализма? Это ли не торжество демократии? Такой социализм дикарей скоро может выродиться в коммуну, от которой до людоедства останется только один шаг…» [Андрей (Ухтомский), 1917, № 15—16, с. 433]. Пытаясь вразумить народ, поддавшийся социалистической пропаганде, епископ Андрей указывал, что от обилия красных знамен на улицах, многочисленных митингов и броских лозунгов, разжигающих социальную вражду, не прибавится ни любви, ни братства и жизнь сама по себе лучше не станет. Отвергая популярный лозунг социалистов-революционеров — «В борьбе обретешь ты право свое», который, по его мнению, мог привести только к междоусобию, владыка взывал: «Братья-социалисты русские, подумайте об этом! <…> Выслушайте мое слово и спрячьте ваши интернациональные знамена; спрячьте хоть на время эти лозунги борьбы и злобы. Во взаимной борьбе никакого права и никакого счастья мы не найдем, а только погубим родину. Братья социалисты христиане! Скорее делайте новые, святые, христианские знамена и пишите на них: “В любви христианской обретем мы радость свою”. Идите с этими знаменами в деревню, к русскому народу, и народ вас поймет и благословит. И начнется тогда обновление родины и совершится то чудо, которое необходимо для нашего спасения. <…> Идите в народ со словом примирения и любви, — идите и спасайте родину. “Совесть и родина”, — вот два священных слова, которые должны возродить Россию» [Андрей (Ухтомский), 1917, № 16, с. 446].

CC BY

Большевистская революция заставила архиерея обратиться с наставлениями к новой власти. Побывав в начале 1918 года в уфимском Совете рабочих и солдатских депутатов, он охарактеризовал рядовых местных советских деятелей как «святых праведников», фанатично настроенных, но «сбитых с толку умными людьми, которые преступно пользуются их неумением разобраться в самых простых вещах» [Андрей (Ухтомский), 2013, с. 640]. Критикуя их за недалекость и непонимание многих вещей, Андрей (Ухтомский) вместе с тем высоко оценивал само их желание установить в России справедливое общественное устройство. «Но все-таки я должен сказать, что эти люди просто подвижники, — писал он. — Ведь они так свято верят в свои новые догматы о царстве небесном на земле, что завтра могут сделаться мучениками своей идеи. <…> Это какие-то исповедники христианства! <…> Они святые люди! Это лишь дьявольское наваждение в том, что они, в ослеплении, губят и разоряют свою родину. … И Бог знает, кто в этом виноват — они или мы, оставившие их одних без церковного попечения» [Там же, с. 641]. В завершение своей речи, сказанной перед верующими, владыка призвал их быть терпимее к большевикам и пытаться привлечь их к церковно-приходской жизни, так как их одушевление, энергия и горячая вера могли бы принести много пользы Церкви, если бы они захотели к ней обратиться. Но довольно скоро он пришел к заключению, что новая власть мало чем отличается от «разбойников», что, проповедуя свободу и братство, она на практике оказалась «глубоко антинародной», деспотичной, нетерпимой, неоправданно жестокой, антицерковной [Там же, с. 649—650]. Особенно возмущало православного архиерея богоборчество большевиков. Он обвинял большевистских вождей в том, что они совершили переворот в мировоззрении простого неграмотного народа, в результате чего тот «перестал верить в догматы Церкви о том, что он создан по образу и подобию Божию, и поверил на слово утверждающим, что не Бог, а — просто какая-то неведомая сила создала их по образцу и подобию — обезьяны. Ведь это же один из главных догматов социализма, будто религия есть предрассудок, о котором пора забыть! И поверил русский народ своему обезьяньему происхождению, и перестала русская молодежь исполнять заповеди Божии, и превратилась святая Русь в социалистическое отечество, — проще говоря, — в огромный зверинец!..» [Там же, с. 662].

Все это заставило архиерея выступить с открытым письмом к верующим большевикам и к «тем русским людям, которые запутались в социалистических тенетах и задыхаются в партийной ненависти и не знают, как выбраться на верный путь жизни» [Журавский, 2001, с. 363]. Большевизм владыка охарактеризовал как «серьезную и глубокую болезнь» [Андрей (Ухтомский), 2013, с. 635]. «Большевизм — это болезнь духа, социализм — брюха … а

CC BY

жизнь во св. Церкви … — социализм духа, истинное христианство», — отмечал он в одной из проповедей [Андрей (Ухтомский), 2013, с. 635—636]. При этом во времена Уфимской Директории, во главе которой стоял правый эсер Н. Д. Авксентьев, Андрей (Ухтомский) все еще не исключал блока с социалистами. В октябре 1918 года он заявлял, что партия социалистов-революционеров для него из остальных самая близкая и «церковно-приходские советы и партия социалистов-революционеров должны составлять единое неразрывное целое» [Зеленогорский, 2011, с. 66].

Поддержав Белое движение и возглавив духовенство 3-й армии адмирала А. В. Колчака, архиерей продолжал использовать в своих публичных выступлениях те же призывы, что звучали в его проповедях и раньше. Призывая православных сплотиться для осуществления «церковно-народного дела», владыка характеризовал это дело как подлинный русский социализм, осуществляемый через приходские организации, через которые возможно создать «сильный и народный кооператив, который многое исправил бы в нашей жизни, во всяком случае, сделал бы нашу жизнь сколько-нибудь полегче» [Андрей (Ухтомский), 2013, с. 649]. Как и ранее, он взывал к возрождению подлинной приходской жизни, называя приход «свободной народно-социалистической единицей» [Там же, с. 636], и выражал убежденность, что «если мы в России устроим приход и организуем его на свободных началах саморазвития, то мы сможем сказать, что мы — социалисты духовные, не забывающие ни о смысле жизни, ни о ее последней цели» [«Я хочу …», 2012, с. 219]. И эти заверения владыки не были голой теорией. Надпартийный Уфимский союз приходских советов в сентябре 1918 года на выборах в Уфимскую городскую думу одержал убедительную победу, получив 28 % мест, опередив кадетов (19 %), эсеров (9 %) и Союз трудовой интеллигенции (6 %), и провел своего кандидата — сподвижника епископа Андрея Г. М. Курковского — в городские головы [Дехтярев, 2019, с. 421].

Образец такой общины виделся Андрею (Ухтомскому) в старообрядчестве, в допетровской церковной старине [Андрей (Ухтомский), 2013, с. 635]. Он указывал, что «старообрядцы — истинные социалисты» [Андрей (Ухтомский), 2013, с. 636], что «старообрядческая или древнерусская община предупредила западный социализм; она дала пример христианской заботливости о неимущих классах. Это был прекрасный социализм, основанный только на любви <…> … Это социализм, но здоровый, основанный на взаимном доверии — это святая общественность, которую благословляет св. Церковь» [«Я хочу …», 2012, с. 175]. Если такой «социализм» удастся возродить в Православной Церкви, — заключал владыка, — то «от безбожного социализма и следа не останется» [Андрей (Ухтомский), 2013, с. 636].

CC BY

4. Советский период

После поражения белых епископ Андрей остался в России, неоднократно арестовывался и попадал в тюрьму. Заявив о своей лояльности победившей советской власти, владыка безуспешно пытался добиться от нее разрешения на создание «религиозных коммун на почве этического социализма». Он сообщал, что, находясь в тюремной больнице, написал новый православный катехизис, «выясняющий принципы христианского социализма» [«Я хочу…», 2012, с. 273]. Однако попытки советской власти использовать его для укрепления авторитета обновленческого движения успехом не увенчались, церковный раскол владыка не поддержал и выступил с критикой обновленцев.

В «Политической исповеди», написанной в 1928 году, архиерей утверждал, что считает русских людей по природе республиканцами-социалистами, но отмечал при этом, что «наш социализм — свой собственный, доморощенный, а не французский и, вообще, не западноевропейский» [«Я хочу…», 2012, с. 343]. Он относил к заслугам Ленина «борьбу за социальную правду» и выражал убеждение, что «советизация есть истинно русское слово, которое русская культура внесла во всемирную сокровищницу мысли и жизни» [«Я хочу…», 2012, с. 355]. «Эта советизация, — писал Андрей (Ухтомский), — потому так скоро и привилась к русской жизни, что этот принцип — наш родной, основанный на мысли о братстве, о братском равенстве, а главное — на чувстве братской любви, воспитанной христианством. Русский человек хоть и бессознательно, но все-таки твердо усвоил мысль о всеобщем братстве и вытекающих из этого братства обязанностях. Эту мысль и святые чувства, с нею связанные, воспитало в русских людях Евангелие. И вот Ленин и осуществил в жизни русского народа самую русскую мысль его — о всеобщем братстве» [«Я хочу…», 2012, с. 355].

Следуя принципам Декларации митрополита Сергия (Страгородского) о лояльности советской власти, Андрей (Ухтомский) в последние годы своей жизни не позволял себе жесткой критики установившегося в стране политического строя. Но вместе с тем он все еще не оставлял надежды убедить советских руководителей в том, что государство в России не может обойтись без церковной поддержки. Он говорил о том, что советскому социализму требуется нравственное оправдание, и, обращаясь в 1933 году к В. М. Молотову, указывал, что «Советская власть сделает великое для себя дело, если позволит организоваться честным христианским Советам, т. е. советам христианских общин», которые помогут ей бороться «с общественной бессовестностью, с ужасающей дезорганизацией народного духа и его озлоблением» [Зеленогорский, 2011, с. 128—129]. Он также просил разрешить Церкви созыв Собора, целью которого будет «нравственное оправда-

CC BY

ние социализма». «Наш русский социализм, — писал он, — это подлинная жизнь, воплощение слова Евангельского в дело христианское; этот социализм Евангельский живет вот уже 1900 лет, несмотря на гонения Неронов и несмотря на лжепокровительство Николаев Романовых. И этот социализм несравненно научнее так называемого научного социализма, ибо захватывает всю жизнь, а не часть ее» [Зеленогорский, 2011, с. 129]. Естественно, что тогда эти смелые предложения православного архиерея остались без ответа. На сотрудничество с Православной Церковью советская власть решилась лишь в условиях тяжелейшей для страны Великой Отечественной войны, дав согласие на проведение в 1943 году Архиерейского собора и избрание Патриарха. Андрей (Ухтомский) до этого дня не дожил. После ряда арестов, ссылок и заключений в 1937 году он был приговорен тройкой при УНКВД к высшей мере наказания и расстрелян в тюрьме Ярославля.

5. Заключение

Проблематика социализма занимала одно из центральных мест в публицистике Андрея (Ухтомского). Обратившись к ней под влиянием революционных событий 1905 года, он в дальнейшем не оставлял этой темы до конца своей жизни, пытаясь найти рецепты «исцеления» народных масс от увлечения социализмом атеистическим и материалистическим. При этом владыка был далек от того, чтобы видеть в социалистическом учении исключительно негативные черты. Существующее в литературе мнение, что епископ Андрей до революции «жестко критиковал социализм» и лишь с 1917 года стал прибегать к социалистической терминологии в своих проповедях [Журавский, 2001, с. 363], не совсем корректно. Помимо критики социалистического учения, он всегда указывал и на его сильные стороны, призывая православных даже кое в чем брать у социалистов пример (в глубокой вере в правоту своего учения, жертвенности, готовности служения). Будучи убежденным в том, что все хорошее, что есть в социализме, давно содержится в учении Христа, архиерей призывал преобразовать на этих принципах церковно-приходскую жизнь, так как только в социальной активности приходов, спаянных духом христианской любви, а не классовой борьбы, в их кооперативной деятельности, взаимопомощи и взаимовыручке видел единственную возможность улучшить жизнь трудового народа, остановить распространения материалистического «социализма брюха», заменив его церковным «социализмом духа». При этом было бы неверно относить Андрея (Ухтомского) к представителям христианского социализма, несмотря на неоднократное употребление этого термина в его работах. Представляется, что противопоставляя политическому социализму «христианский социализм», «церковный социализм», «социализм духа»

CC BY

и т. д., архиерей вынужденно использовал популярный термин, чтобы лишить социалистов исключительности и монополии на знание о справедливом переустройстве общества, а также для того, чтобы вести полемику с приверженцами социализма на понятном им языке. Епископ Андрей неоднократно подчеркивал, что социалистом, пусть даже и христианским, он не является, поскольку «в так называемом христианском социализме есть нечто от лукавого в виде человеческого негодного пустословия и прекословий» [Зеленогорский, 2011, с. 229]. Сам себя он определял как «христианского общинника» [Там же], и, пожалуй, эта формулировка наиболее точно отражает стрежневую идею его социальных воззрений. Меняя на протяжении своей жизни политические воззрения и отношение к различным формам государственной власти, Андрей (Ухтомский) вместе с тем остался верным и последовательным в отстаивании своего взгляда как на природу социализма, так и на способы его преодоления.

Источники

1. *Автор*. Брызги жизни / Автор // Известия по Казанской епархии. — 1917. — № 35. — С. 573—578.

2. *Андрей* (Ухтомский). К характеристике господ социалистов / Андрей (Ухтомский) // Казанский телеграф : газета. — 1906. — 12 марта.

3. *Андрей* (Ухтомский). Несколько слов о социализме / Андрей (Ухтомский) // Заволжский летописец. — 1917. — № 21. — С. 587—589.

4. *Андрей* (Ухтомский). Нравственный смысл современных великих событий / Андрей (Ухтомский) // Уфимские епархиальные ведомости. — 1917. — № 5—6. — С. 138—141.

5. *Андрей* (Ухтомский). Обязанность церковно-приходских советов / Андрей (Ухтомский) // Казанский телеграф : газета. — 1906. — 21 мая.

6. *Андрей* (Ухтомский). Ответственный час / Андрей (Ухтомский) // Заволжский летописец. — 1917. — № 7. — С. 175—177.

7. *Андрей* (Ухтомский). Открытое письмо министру-предс[едателю] А. Ф. Керенскому / Андрей (Ухтомский) // Уфимские епархиальные ведомости. — 1917. — № 15—16. — С. 432—436.

8. *Андрей* (Ухтомский). Письма к пастырям Уфимской епархии. I. Беды мои от лжебратии моей / Андрей (Ухтомский) // Уфимские епархиальные ведомости. — 1916. — № 1. — С. 9—19.

9. *Андрей* (Ухтомский). Письма к пастырям Уфимской епархии. IX. Исполнение славянофильских предсказаний / Андрей (Ухтомский) // Уфимские епархиальные ведомости. — 1914. — № 18. — С. 321—332.

10. *Андрей* (Ухтомский). Пролетарии русские, соединяйтесь! / Андрей (Ухтомский) // Казанский телеграф : газета. — 1906. — 16 июля.

11. *Андрей* (Ухтомский). Совесть, или только сытость? / Андрей (Ухтомский) // Казанский телеграф : газета. — 1906. — 8 сентября.

12. *Андрей* (Ухтомский). Труды : собрание творений / сост. Т. Г. Сидаш, С. Д. Сапожникова. — Санкт-Петербург : Свое издательство, 2013. — 1279 с. — ISBN 978-5-4386-0120-3.

13. *Андрей* (Ухтомский). Яков Максимов // Русская изба. — 1917. — № 1. — С. 4.

14. *Андрей* (Ухтомский). Уничтожьте лозунги злобы и междоусобия! / Андрей (Ухтомский) // Заволжский летописец. — 1917. — № 16. — С. 444—446.

15. *Андрей* (Ухтомский). Чем силен социализм / Андрей (Ухтомский) // Казанский телеграф : газета. — 1906. — 11 мая.

16. *Евлогий* (Георгиевский). Путь моей жизни / Евлогий (Георгиевский). — Москва : Московский рабочий, 1994. — 677 с.

17. *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Мимолетное / В. В. Розанов ; под общ. ред. А. Н. Николюкина. — Москва : Республика, 1994. — 540 с. — ISBN 5-250-01933-1.

18. *Священномученик* Андрей, архиепископ Уфимский. Статьи 1905—1918 годов, документы и воспоминания // Сост. Н. И. Колева, Л. Е. Сикорская. — Москва : Братонеж, 2019. — 576 с. — ISBN 978-5-8463-1102-2.

19. *«Я хочу* принадлежать только Св. Церкви …» Священномученик Андрей, архиепископ Уфимский. Труды, обращения, проповеди, письма, документы / Сост. И. И. Осипова, Л. Е. Сикорская. — Москва : Братонеж, 2012. — 480 с. — ISBN 978-5-7873-0711-5.

Литература

1. *Алексеев И. Е.* «Я пошел служить духу …». К вопросу о мировоззрении епископа Сухумского Андрея (князя Ухтомского) / И. Е. Алексеев // Былые годы. — 2010. — № 1 (15). — С. 27—37.

2. *Алексеев И. Е.* Смиренный бунтарь : к вопросу о мировоззрении архиепископа Андрея (князя Ухтомского) (Окончание) / И. Е. Алексеев // Былые годы. — 2010. — № 4 (18). — С. 20—32.

3. *Алексеев И. Е.* Смиренный бунтарь : к вопросу о мировоззрении архиепископа Андрея (князя Ухтомского) (Продолжение) / И. Е. Алексеев // Былые годы. — 2010. — № 3 (17). — С. 19—30.

4. *Дехтярев Г. Г.* Жизненный путь и мировоззрение архиепископа Андрея (Ухтомского) в революционный период / Г. Г. Дехтярев // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2019. — № 4 (49). — С. 417—424.

5. *Журавский А. В.* Андрей (Ухтомский Александр Алексеевич) / А. В. Журавский // Православная энциклопедия. — Москва : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». — 2001. — Т. 2. — С. 361—365. — ISBN 5-89572-005-6.

6. *Зеленогорский М. Л.* Жизнь и деятельность архиепископа Андрея / М. Л. Зеленогорский [Гринберг]. — Москва : Терра, 1991. — 334 с. — ISBN 5-85255-015-9.

7. *Зеленогорский М. Л.* Жизнь и труды архиепископа Андрея (князя Ухтомского) / М. Л. Зеленогорский [Гринберг]. — Москва — Иерусалим : Мосты культуры, 2011. — 446 с. — ISBN 978-5-93273-288-1.

8. *Зимина Н. П.* Епископ Уфимский Андрей (Ухтомский) и деятельность Восточно-русского культурно-просветительного общества в г. Уфе (1916—1919 гг.) [Электронный ресурс] / Н. П. Зимина // Российское объединение исследователей религии. — 2005. — Режим доступа : https://rusoir.ru/03print/03print-04/03print-04-19/ (дата обращения 30.05.2021).

9. *Иванов А. А.* Апология и критика русского национализма в публицистике епископа Андрея (Ухтомского) / А. А. Иванов, И. В. Амбарцумов // Государство, религия,

церковь в России и за рубежом. — 2020. — № 3 (38). — С. 255—283. — DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-3-255-283.

10. *Павлова О. С.* Деятельность епископа Андрея (Ухтомского) по организации миссионерской работы в Сухумской епархии в 1912—1913 годах (по материалам журнала «Сотрудник Закавказской миссии») / О. С. Павлова // Научный диалог. — 2018. — № 7. — С. 278—290. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-7-278-290.

11. *Соколов А. В.* Государство и Православная церковь в России, февраль 1917 — январь 1918 гг. : диссертация … доктора исторических наук : 07.00.02. — Санкт-Петербург, 2014. — 810 с.

Material resources

Andrey (Ukhtomsky). (1906). Conscience, or just satiety? *Kazan telegraph: newspaper. September 8.* (In Russ).

Andrey (Ukhtomsky). (1906). Russian proletarians, unite! *Kazan telegraph: newspaper. July 16.* (In Russ).

Andrey (Ukhtomsky). (1906). The duty of parish councils. *Kazan telegraph: gazeta. May 21.* (In Russ).

Andrey (Ukhtomsky). (1906). To the haracteristics of the Socialist gentlemen. *Kazan Telegraph: gazeta. March 12.* (In Russ).

Andrey (Ukhtomsky). (1906). What is the strength of socialism. *Kazan telegraph: gazeta. May 11.* (In Russ).

Andrey (Ukhtomsky). (1914). Letters to the pastors of the Ufa Diocese. IX. The fulfillment of Slavophil predictions. *Ufa Diocesan Vedomosti, 18:* 321—332. (In Russ).

Andrey (Ukhtomsky). (1916). Letters to the pastors of the Ufa diocese. I. My troubles from my false brotherhood. *Ufa diocesan Vedomosti, 1:* 9—19. (In Russ).

Andrey (Ukhtomsky). (1917). A few words about socialism. *Zavolzhsky chronicler, 21:* 587—589. (In Russ).

Andrey (Ukhtomsky). (1917). An open letter to the Minister-chairman A. F. Kerensky. *Ufa Diocesan Vedomosti, 15—16:* 432—436. (In Russ).

Andrey (Ukhtomsky). (1917). Destroy the slogans of malice and internecine strife! *Zavolzhsky chronicler, 16:* 444—446. (In Russ).

Andrey (Ukhtomsky). (1917). Responsible hour. *Zavolzhsky chronicler, 7:* 175—177. (In Russ).

Andrey (Ukhtomsky). (1917). The moral meaning of modern great events. *Ufa Diocesan Vedomosti, 5—6:* 138—141. (In Russ).

Andrey (Ukhtomsky). (1917). Yakov Maksimov. *Russian hut, 1:* P. 4. (In Russ).

Andrey (Ukhtomsky). (2013). *Proceedings: collection of creations.* St. Petersburg: Its publishing house. 1279 p. ISBN 978-5-4386-0120-3. (In Russ).

Evlogiy (Georgievsky). (1994). *The way of my life.* Moscow: Moscow worker. 677 p. (In Russ).

Rozanov, V. V. (1994). *Collected works. Fleeting.* Moscow: Republic. 540 p. ISBN 5-250-01933-1. (In Russ).

Holy Martyr Andrey, Archbishop of Ufa. Articles of 1905—1918, documents and memoirs. (2019). Moscow: Bratonezh. 576 p. ISBN 978-5-8463-1102-2. (In Russ).

"I want to belong only to the Holy Church ..." Holy Martyr Andrew, Archbishop of Ufa. Works, addresses, sermons, letters, documents. (2012). Moscow: Bratonezh. 480 p. ISBN 978-5-7873-0711-5. (In Russ).

The author. Splashes of life. (1917). *News on the Kazan diocese, 35:* 573—578. (In Russ).

References

Alekseev, I. E. (2010). "I went to serve the spirit ...". On the question of the worldview of Bishop Andrey of Sukhum (Prince of Ukhtomsky). *Bygone years, 1 (15):* 27—37. (In Russ).

Alekseev, I. E. (2010). The Humble rebel: on the question of the worldview of Archbishop Andrey (Prince of Ukhtomsky) (Continued). *Bygone years, 3 (17):* 19—30. (In Russ).

Alekseev, I. E. (2010). The Humble rebel: on the question of the worldview of Archbishop Andrey (Prince of Ukhtomsky) (Ending). *Bygone years, 4 (18):* 20—32. (In Russ).

Dekhtyar, G. G. (2019). The Life and worldview of the Archbishop Andrew (Ukhtomsky) during the revolutionary period. *Issues of national and Federative relations, 4 (49):* 417—424. (In Russ).

Ivanov, A. A., Ambartsumov, I. V. (2020). Apologia and criticism of Russian nationalism in the journalism of Bishop Andrey (Ukhtomsky). *State, religion, Church in Russia and abroad, 3 (38):* 255—283. DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-3-255-283. (In Russ).

Pavlova, O. S. (2018). Bishop Andrew (Ukhtomsky)'s Activity on Organization of Missionary Work in Sukhumi Eparchy in 1912—1913 (Based on "Employee of the Transcaucasian Mission" Journal Materials). *Nauchnyy dialog, 7:* 278—290. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-7-278-290. (In Russ.).

Sokolov, A. V. (2014). *The state and the Orthodox Church in Russia, February 1917 — January 1918.* Doct. Diss. St. Petersburg. 810 p. (In Russ).

Zelenogorsky, M. L. (1991). *The life and work of Archbishop Andrey***.** Moscow: Terra. 334 p. ISBN 5-85255-015-9. (In Russ).

Zelenogorsky, M. L. (2011). *The life and works of Archbishop Andrey (Prince of Ukhtomsky). 2nd edition, add.* Moscow — Jerusalem: Mosty Kultury. 446 p. ISBN 978-5-93273-288-1. (In Russ).

Zhuravsky, A. (2001). Andrew (Ukhtomsky Alexander Alekseevich). In: *Orthodox encyclopedia, 2.* Moscow: Orthodox Encyclopedia Church Research Center. 361—365. ISBN 5-89572-005-6. (In Russ).

Zimina, N. P. (2005). Bishop of Ufa Andrew (Ukhtomsky), the work of the Eastern Russian cultural and educational society in the city of Ufa (1916—1919 gg.). In: *The Russian Association of researchers of religion.* Available at: https://rusoir.ru/03print/03print-04/03print-04-19/ (accessed 30.05.2021). (In Russ).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Касаткин К. А. «Балканы» в российских энциклопедических словарях первой половины XIX века / К. А. Касаткин // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 341—355. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-341-355.

Kasatkin, K. A. (2021). "Balkans" in Russian Encyclopedic Dictionaries of First Half of 19th Century. *Nauchnyi dialog, 8:* 341-355. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-341-355. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-341-355

«Балканы» в российских энциклопедических словарях первой половины XIX века

Касаткин Константин Александрович
orcid.org/0000-0003-3541-3377
инженер-исследователь
kasatkin1825@gmail.com

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90033 «"Опыт словоистолкователя Оттоманской империи …" И. П. Липранди и образ Османской империи в российском нарративе первой — третьей четверти XIX в.».

"Balkans" in Russian Encyclopedic Dictionaries of First Half of 19th Century

Konstantin A. Kasatkin
orcid.org/0000-0003-3541-3377
Research Engineer
kasatkin1825@gmail.com

St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The reported study was funded by RFBR, project number 19-39-90033 "The Experience of the Word-Interpreter of the Ottoman Empire I. P. Liprandi and the Image of the Ottoman Empire in the Russian Narrative of the First — Third Quarters of the 19th Century"

© Касаткин К. А., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируются способы репрезентации статуса Балканского полуострова, реализованные в российских печатных изданиях в первой половине XIX века. Источниками для исследования послужили энциклопедические словари первой половины XIX века (А. А. Плюшара, Л. И. Зедделера, А. В. Старчевского), а также неопубликованное сочинение И. П. Липранди «Опыт словоистолкователя Оттоманской империи». Автор доказывает, что Балканский полуостров долгое время не воспринимался как единый регион, обладающий набором исторически обусловленных особенностей. Приводятся аргументы, подтверждающие, что отдельные области полуострова являлись элементами разных дискурсов. Показывается взаимосвязь между выбором авторами словарей того или иного регистра дескрипции и политической принадлежностью описываемых областей Балканского полуострова. В качестве примеров приводятся Австрийские владения на полуострове, которые рассматривались как культурная и географическая периферия Европы, а также европейские области Османской империи, считавшиеся неотъемлемой частью Востока. Установлено особое отношение авторов энциклопедий к Сербии и Греции — новообразовавшимся государствам на территории Балканского полуострова. Приводятся примеры, показывающие двойственность их образов в российском нарративе в первой половине XIX века.

Ключевые слова:
Балканы; энциклопедия; И. П. Липранди; А. А. Плюшар; Л. И. Зедделер; А. В. Старчевский.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The ways of representing the Balkan Peninsula that existed in Russia in the first half of the 19th century are analyzed in the article. The sources for the study were encyclopedic dictionaries of the first half of the 19th century. (A. A. Plyushar, L. I. Zeddeler, A. V. Starchevsky), as well as an unpublished work by I. P. Liprandi “The Experience of the Word Interpreter of the Ottoman Empire”. The author argues that for a long time the Balkan Peninsula was not perceived as a single region with a set of historically determined features. Arguments are presented confirming that certain areas of the peninsula were elements of different discourses. The relationship between the choice of a particular register of descriptions by the authors of the dictionaries and the political affiliation of the described regions of the Balkan Peninsula is shown. The relationship between the choice of a particular register of descriptions by the authors of the dictionaries and the political affiliation of the described regions of the Balkan Peninsula is shown. A special attitude of the authors of encyclopedias to Serbia and Greece, the newly formed states on the territory of the Balkan Peninsula, has been established. Examples are given that show the duality of their images in the Russian narrative in the first half of the 19th century.

Key words:
Balkans; encyclopedia; I. P. Liprandi; A. A. Plyushar; L. I. Zeddeler; A. V. Starchevsky.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(497.1)“180/185”

«Балканы» в российских энциклопедических словарях первой половины XIX века

© Касаткин К. А., 2021

1. Введение

Начиная с XVIII века энциклопедия была большим, чем просто формой организации материала. Она являлась воплощением самого духа Просвещения с его стремлением к рациональному осмыслению мира и открытию абсолютных истин. Ряды томов на книжных полках должны были свидетельствовать о мощи человеческого разума в открытии все новых и новых тайн мироздания. При этом энциклопедия, в отличие от словаря, никогда не связывалась со словами. Главным образом она указывала на то, что означают или к чему отсылают конкретные понятия: на мир, стоящий за словами [Eco, 2014, p. 47—60; Pombo, 2013; Schopflin, 2013, p. 113—127]. В первую очередь энциклопедии призваны были выполнять синтезирующую и структурирующую роль: они формировали у читателя ясное и однозначное представление о том или ином понятии, а также интегрировали его в существующую систему представлений.

При этом в энциклопедиях сосуществовали две противоположные тенденции. С одной стороны, являясь открытой структурой, энциклопедия абсорбировала различные точки зрения и стремилась нивелировать индивидуальную позицию авторов. В ее основе лежала древовидная модель, в которой частное происходило от общего: авторам неизбежно приходилось давать определения одним понятиям, опираясь на другие. Следовательно, некоторые из понятий приобретали особенную семантическую насыщенность, в то время как другие имели лишь производный характер. Фактически составители энциклопедий — путем включения и исключения понятий — формулированием определений и установлением между терминами горизонтальных и вертикальных связей конституировали доминирующий в данном обществе дискурс.

С другой стороны, полностью заглушить голоса отдельных авторов было невозможно по целому ряду причин. Это неизбежно приводило к появлению на страницах энциклопедии альтернативных точек зрения и возникновению полифонии между отдельными статьями. Отсутствие в обществе консенсуса по тому или иному вопросу неизбежно проявлялось в возникавших противоречиях между отдельными статьями.

Таким образом, энциклопедии, будучи продуктом конкретного исторического периода, могут служить своего рода срезом интеллектуальной и куль-

CC BY

турной традиции эпохи. Они определяли, что важно знать просвещенному человеку, а что нет. Поэтому если какое-либо понятие не было представлено в энциклопедии, значит, в данную эпоху оно представлялось нерелевантным или вообще не являлось элементом существовавшего в то время дискурса.

Ярким примером подобного «отсутствующего» понятия в первой половине XIX века был Балканский полуостров. В первой половине XIX века «Балканы» являлись исключительно орографическим термином, которым обозначали Стара-Планину — крупнейшую горную систему Болгарии [ВЭЛ, т. 2, с. 59; СЭС, т. 2, с. 65; ЭЛ, т. 4, с. 178]. Концептуализация слова как обозначения полуострова в российском и европейских нарративах началась только в 1840-е годы и шла различными путями. Для западных авторов Балканский полуостров приобретал черты Другой, «дикой» Европой [Езерник, 2017]. С самого начала Балканы конструировались как несамодостаточные, способные только отражать сущность других цивилизаций и определяться через них — как мост между Востоком и Западом [Todorova, 1999, p. 169]. Это привело к формированию в Европе в начале XX века особого ви́дения полуострова и его жителей — балканизму [Вульф, 2003, с. 38—39; Allcock, 1991; Bakić-Hayden et al., 1992; Bakić-Hayden, 1995; Mishkova, 2006; Norris, 1999, p. 11—14; Todorova, 2009, p. 3—20]. В России, напротив, примерно в 1840-е годы Балканы попадают в сферу внимания славянофилов. Рост национального самосознания, а также этническая и / или религиозная близость русских и балканских народов способствовала тому, что полуостров начинает восприниматься в качестве Своего, то есть как часть Славянства или православной семьи народов [Григорьева, 2013; Тесля, 2014; Kasatkin, 2020].

В данной статье на примере российских энциклопедий мы попытаемся ответить на вопрос, в рамках каких дискурсов происходило описание Балканского полуострова в первой половине XIX века в российском нарративе. Изучение системы понятий, к которой прибегали составители энциклопедий при описании Балкан, позволяет достаточно четко определить место, занимаемое регионом в мировосприятии авторов указанного периода [Чернышев, 2020, с. 143—144].

Хотя первые попытки создания отечественных универсальных «лексиконов» относятся уже к концу XVIII века, долгое время традиции энциклопедизма в России не могли прижиться [Савельева, 2004, с. 55]. Наиболее ранней попыткой создать российскую универсальную энциклопедию следует считать «Энциклопедический лексикон» А. А. Плюшара, выходивший в 1835—1841 годах [Шпаковская, 2004, с. 136—137] К сожалению, издание слишком растянулось, и участникам пришлось прервать публикацию на букве «Д». Более успешными в этом плане оказались «Военный энциклопедический лексикон» 1837—1850 годов в 14 томах под редакци-

CC BY

ей барона Л. И. Зедделера и «Справочный энциклопедический словарь» 1847—1855 годов в 12 томах А. В. Старчевского. Лексикон Плюшара во многом послужил источником для двух других: часто статьи открыто заимствовались, подвергаясь лишь незначительной правке и сокращению. Применительно к интересующей нас теме это может свидетельствовать о существовании достаточно устойчивой традиции описания Балканского полуострова в российском нарративе первой половины XIX века.

Помимо трех вышеназванных энциклопедий, мы использовали уникальный, однако до сих пор не опубликованный лексикон военного и государственного деятеля И. П. Липранди «Опыт словоистольковательа Оттоманской империи …» 1836 года[1]. Автор хотел собрать все имевшиеся сведения о европейских областях Османской империи и систематизировать их в «азбучном» порядке для последующего использования военными и государственными служащими. В своей работе Липранди привлекал не только сочинения на всех европейских языках, но также личный опыт и информацию, полученную непосредственно от жителей полуострова. Законченный труд содержал несколько тысяч статей, посвященных политическому устройству Османской империи, а также истории, нравам, обычаям, религии и языку балканских народов. Являясь отраслевой, а не универсальной энциклопедией, работа Липранди, тем не менее, позволяет во многом уточнить и дополнить выводы, сделанные в результате изучения других энциклопедий.

Переходя к рассмотрению способов репрезентации Балкан в российских энциклопедиях, стоит отметить, что мы не найдем специально посвященной полуострову статьи. Хотя словосочетание «Балканский полуостров» появилось в немецкоязычной литературе уже в начале XIX века и достаточно быстро проникло в другие европейские языки, оно не утвердилось в качестве обозначения всего полуострова [Езерик, 2017, с. 5—6]. Если авторы XIX века все же применяли это название, то преимущественно к владениям Османской империи в Европе. Только в 1891 году в энциклопедии Брокгауза и Ефрона впервые появилась отдельная статья «Балканский полуостров», а также карта региона [Mishkova, 2018, p. 8].

Отсутствие в энциклопедиях первой половины XIX века специальной статьи о полуострове привело к тому, что информация о нем была распределена между другими. К ним относятся статьи о таких широких понятиях, как «Европа», «Восток», «Оттоманская империя», «Европейская

1 Несмотря на все попытки, Липранди так и не удалось опубликовать свой труд. Окончательную редакцию энциклопедии до сих пор обнаружить не удалось. Вероятно, как и некоторые другие свои работы, он продал ее в период безденежья [Белов, 2012, с. 93]. Тем не менее в Российском государственном историческом архиве хранится множество материалов, которые позволяют составить достаточное полное представление о структуре энциклопедии и ее содержании [РГИА ф. 673, оп. 1, д. 138—219].

CC BY

Турция», «Австрийская империя», «Славяне». Кроме того, сведения о полуострове содержатся в статьях, посвященных отдельным регионам и народам. Вследствие этого Балканский полуостров оказался «разорван», а отдельные его области репрезентировались в рамках разных дискурсов.

Можно выделить минимум три способа описания земель полуострова, каждый из которых был характерен для конкретных регионов. Западные территории Балканского полуострова, находившиеся под властью Габсбургов, считались пограничными областями Европы и характеризовались соответствующим образом — в контексте европейских традиций. При описании Османских владений на полуострове авторы, напротив, прибегали к средствам ориентализма. Наконец, совершенно иначе репрезентировались балканские государства, завоевавшие самостоятельность — Сербия и Греция, изображавшиеся как причудливое переплетение Востока и Запада. Ниже мы подробнее рассмотрим каждый из существовавших способов нарративного конструирования образа Балкан.

2. Балканы как окраина Европы

Прежде чем говорить о способах описания австрийских владений на Балканском полуострове, следует отметить, что для составителей энциклопедий Европа имела не только пространственные рамки, но и цивилизационные. Такие антонимические пары, как *Азия — Европа, Восток — Запад*, никогда не были только географическими маркерами, но обозначениями понятий, вокруг которых сформировался целый шлейф положительных и отрицательных коннотаций. Когда авторы обозначали отдельные области Балканского полуострова как часть, например, Европы или Востока, это неизбежно вызывало у читателей совершенно определенные ассоциации. Поэтому географические представления о месте Балкан неотделимы от восприятия их культурной и цивилизационной принадлежности.

С географической точки зрения принадлежность Балканского полуострова к Европе словно бы не вызывала сомнений: в словарях Плюшара и Старчевского указано, что Азия начинается от Уральских гор и Суэцкого перешейка и тянется дальше на восток [СЭС, т. 1, с. 100; ЭЛ, т. 1, с. 254]. Однако можно заметить, что полуостров постоянно «выпадает» из поля зрения авторов, когда они пишут о Европе. Например, в статье «Европа» содержится только отрывочная информация о Балканах, а в некоторых разделах вообще отсутствуют какие-либо упоминания о регионе. Автор даже не знает, как правильно обозначить полуостров: сначала называет его «Истрийским», а уже на следующей странице — «Балканским». Иногда он вообще опускает какое-либо обозначение, и догадаться, что речь идет о Балканском полуострове, можно только из контекста [СЭС, т. 4, с. 224].

CC BY

Такое предвзятое отношение к Балканскому полуострову невозможно объяснить одной лишь недостаточной изученностью региона. Действительно, только в начале XIX века в российском обществе зарождается научный интерес к полуострову, предпринимаются первые поездки за Дунай [Белов, 2018; Достян, 1980; McArthur, 2011]. Однако, с другой стороны, значительное влияние оказывал идеальный образ Европы, какой ее представляли составители энциклопедий: «По другим естественным отношениям, ей только свойственным, она может быть рассматриваема не только как самостоятельная, отдельная часть земного шара, но и как центр и самый обширный рассадник просвещения на земле» [СЭС, т. 4, с. 216]. Эти слова никак не могли относиться к Балканам, которые считались «отстающим» регионом. Из этого можно заключить, что в представлении авторов первой половины XIX века Балканский полуостров исключительно в географическом отношении принадлежал к Европе. В культурном плане они по-разному смотрели на земли и народы, находившиеся под властью Австрии и Турции: если европейские владения Османской империи были для авторов энциклопедий однозначно не-Европой, то владения Австрийской империи считалась уже Европой, хотя и дальней ее окраиной.

Большую часть информации об австрийских владениях на полуострове можно найти в отдельных статьях («Иллирия», «Далмация» и др.) и в общей статье «Австрийская империя». Авторы не выделяли каким-либо образом балканские владения Габсбургов среди прочих областей империи. По большей части они изображаются во многом процветающими землями, хотя и населенными народами все еще «диких нравов, со склонностью к грабежу» [СЭС, т. 4, с. 13], а также «склонными ко лжи и воровству» [ЭЛ, т. 15, с. 316]. При этом для составителей энциклопедий такое состояние являлось не следствием онтологической «отсталости» балканских народов, но только недостаточной степенью распространения просвещения среди них. Составители энциклопедий крайне высоко оценивали цивилизационную миссию немцев: они отмечали, что «австрийцы нашли далматов в самом жалком невежестве» [ЭЛ, т. 15, с. 317] и теперь прилагают немало усилий, чтобы поставить их на одну ступень просвещенности со всеми прочими своими подданными, а потому ставят своей главной целью «образование невежественных жителей» [СЭС, т. 4, с. 14; ЭЛ, т. 15, с. 316]. Тем не менее, несмотря на всю свою «отсталость», балканские владения Габсбургов воспринимались все же как часть Европы, хотя и лиминарная.

3. Балканы как часть Востока

На балканские территории, находившиеся под властью турецкого султана, авторы энциклопедических словарей смотрели совершенно не так,

CC BY

как на Австрийские владения. Хотя географически османские владения на полуострове являлись Европой, составители энциклопедий описывали их в границах совершенно иного дискурса — ориентализма. В одной из статей прямо указывается, что под «Востоком» следует понимать всю Азию «за исключением Сибири; но со включением Европейской Турции и даже северной Африки» [ЭЛ, т. 12, с. 102]. Таким образом, европейские области Османской империи объявлялись частью «неведомого» Востока, который только предстояло изучить.

Первое, что в культурном плене отличало Балканы от остальной Европы, — невероятное этническое, языковое и религиозное многообразие местных народов. Это составляло разительный контраст с тем, насколько унифицированной видели Европу: «Несмотря на разнообразие народов, населяющих Европу, которые, при более подробном исследовании, относятся к 60 различным племенам и говорят на 53 языках, распадающихся, в свою очередь, на множество наречий, этнография Европы сохраняет то же однообразие и тождество, как и естественные ее отношения; потому что только одно индоевропейское племя господствует в ней и распадается на три главные ветви: романскую, германскую и славянскую. Эти три главные ветви в религиозном отношении, имея одну христианскую веру, исповедуют ее в трех главных формах: в форме греко-российской, римско-католической и протестантской» [СЭС, т. 4, с. 221]. Совершенно иную картину авторы видели на Балканах. Здесь вперемешку жили турки, славяне, греки, влахи и албанцы; бок о бок существовали христиане и мусульмане. Сюда же стоит отнести убежденность авторов в том, что на Балканах среди коренных народов проживает огромное количество евреев, армян и цыган [Вульф, 2003, с. 269]. Липранди, приступая к составлению своей энциклопедии, писал: «Обозрение земель, прилегающих к юго-западным границам нашим, совершенно отличается от всех других просвещенной Европы. Дух турецкого правительства, полудикие нравы и обычаи различных племен различных происхождений между собою столь же разнообразны, как и самые области, что одна провинция не может быть рассматриваема с той же самой точки, что и другая» [РГИА, ф. 673, оп. 1, д. 172, л. 102 об.]. Культурная и языковая чересполосица делала Балканы похожими на пестрый восточный ковер, что сильно отличало полуостров от привычной Европы.

Второе, на что указывали авторы, — отсутствие достоверных сведений о европейских областях Османской империи, которые представляли настоящую terra incognita. В России и Европе имели крайне смутное представление о народах, проживавших на Балканском полуострове. Не имея точных данных не только относительно их численности, но и его этнического состава, составители энциклопедий приводили самые противоречи-

CC BY

вые данные. Одни писали, что преобладающее население — турки; другие — славяне. При этом было непонятно, какие народы относить к славянам. Например, Липранди считал болгар народом «дист-кипчакским» [РГИА, ф. 673, оп. 1, д. 173, л. 83 об.], в других энциклопедиях писали об их смешанном, турецко-финском происхождении [ВЭЛ, т. 2, с. 570; ЭЛ, т. 7, с. 307]. Однако в статье «Оттоманская империя» болгар уже указывают в числе прочих славянских народов, подвластных турецкому султану [СЭС, т. 9, ч. 1, с. 117]. Вопрос этногенеза албанцев и влахов также не был окончательно решен. Авторы статей имели определенные сомнения даже относительно происхождения современных греков.

Кроме этнографической неопределенности, авторы признавали, что границы регионов европейских областей Османской империи не имели ничего общего их с реальным политическим делением или расселением народов. Липранди сетовал, что до сих пор не существует ни одной порядочной карты Балканского полуострова [РГИА, ф. 673, оп. 1, д. 173, л. 95 об—96]. Следовательно, все существовавшие границы являлись в значительной степени продуктом воображения европейских картографов. Самым ярким примером подобного «изобретения» является Болгария: «Собственно Булгарии ныне не существует. Весьма трудно и невозможно определить точные границы ее», — писал Липранди [РГИА, ф. 673, оп. 1, д. 173, л. 95]. Это было абсолютной истиной, потому что Болгария до 1878 года не имела не только политического оформления, но и сколько-нибудь определенного географического. Сами турки, продолжает Липранди, «знают булгар, но не знают Булгарии», а ее территория поделена между несколькими санджаками. Составители других энциклопедий тоже не знали, как описать несуществовавшую Болгарию, а потому просто ограничились ссылкой на общую статью об Османской империи [ВЭЛ, т. 2, с. 568; СЭС, т. 2, с. 509; ЭЛ, т. 7, с. 292].

Вообще характерно, что многие европейские области Османской империи не освещены в формате отдельных статей. Энциклопедии отсылали читателя к одной общей статье («Турецкая империя», «Оттоманская империя» или «Европейская Турция») [ВЭЛ, т. 1, с. 223; ВЭЛ, т. 2, с. 449, 568; СЭС, т. 2, с. 428, 509]. «Османская империя», следовательно, являлась родовым понятием, и отдельные области определялись через нее. Соответственно, на нетурецких подданых султана распространялись многие стереотипы, атрибутируемыев качестве характерных для «восточных» народов: алчность, пассивность, невежество, воинственность, лень, жестокость и др. Обладая всеми возможностями для безбедной жизни, балканские народы пребывали в нищете, так как не умели и не хотели получить всех выгод от своих богатых земель [СЭС, т. 1, с. 149].

CC BY

Таким образом, в географическом и культурном плане Балканский полуостров расщеплялся на две части. Авторы, в полной мере осознавая географическую принадлежность Балканского полуострова к Европе, в культурном отношении большую его часть относили к Востоку. Ментальная граница между Западом и Востоком проходила прямо по полуострову и, полностью совпадая с политическими границами, разделяла его на две части. В полном смысле Европой на полуострове считались только Австрийские владения. Земли, подвластные Османской империи, принадлежали к Европе только в географическом плане, а в культурном — были частью Востока[1].

4. Двойственность восприятия Сербии и Греции

Между тем, согласно преставлениям российских авторов, на Балканах существовали области, где встречались Восток и Запад, — это Сербия и Греция. Сразу же после обретения самостоятельности правительства обоих государств приступили к проведению модернизации и начали активно заимствовать европейские достижения в области государственного устройства. Тем не менее, несмотря на все успехи, этот процесс достаточно скептически описывается на страницах энциклопедий. Авторы указывали на его половинчатость и даже в некоторой степени противоестественность. Хотя сербы и греки «стали в ряду самостоятельных европейских народов» [ВЭЛ, т. 12, с. 198; СЭС, т. 9, ч. 2, с. 391—392], оба народа сохранили большое количество «азиатских» черт, которые принизывали всю их жизнь от повседневных привычек до политического устройства. Оба государства представлены в энциклопедиях как неудачные попытки европеизации, где настоящие преобразования подменялись одним лишь внешним подражанием европейским порядкам.

В «Опыте словоистолкователя …» Липранди писал, что сербы обладали множеством замечательных качеств: они были отважны и находчивы, легко переносили трудности, сохранили «чистоту нравов, гостеприимство, почитание старших и непритворную дружбу» [РГИА, ф. 673, оп. 1, д. 154, л. 169], что выгодно отличало их от прочих южнославянских народов. В то же время, продолжал автор, они переняли у своих бывших господ суеверность, коварность, склонность к мятежу и многие другие отрицательные качества. В таком же ключе описывали сербов и в других энциклопедиях: «Дикая полнота сил, вместе с полуразвитою степенью их образования, проявляется как в их военных подвигах, так и в их вспыльчивости, в их мстительности, которая поддерживает у них обычай кровной мести» [СЭС, т. 9, ч. 2, с. 389].

1 Стоит отметить, что европейски области Османской империи считали Востоком и путешественники [Cufurovic, 2017, p. 45; Fleming, 2000].

CC BY

«Восточные» основания сербской государственности проявлялись и в фигурах первых князей: образ их правления вызывал ассоциации скорее с деспотией, нежели с просвещенной монархией. Заимствованные европейские институты, такие как Сенат, не могли исправить положения и привели только к постоянным интригам во властных кругах и борьбе между князьями и «аристократической партией», в ходе которой обе стороны забывали о нуждах народа и национальных интересах. Например, Милош Обренович отвратил от себя весь народ «деспотическим корыстолюбием, своеволием, жестокостью и безнравственной жизнью» [СЭС, т. 9, ч. 2, с. 392]. Примерно в тех же тонах рисуется и правление его преемника [СЭС, т. 9, ч. 2, с. 393].

Молодое Греческое королевство изображалось в энциклопедиях схожим образом. Авторы не видели континуитета между античной Грецией и современным королевством и даже помещали информацию о них в двух разных статьях: «Греция» и «Греческое королевство» соответственно [ЭЛ, т. 15, с. 107, 127]. В «Справочном энциклопедическом словаре» Старчевского автор так характеризует современных греков: «хотя они и считают себя прямыми потомками древних эллинов, но смешение их со славянами и булгарами делает это сомнительным. Тягостное рабство, в котором они находились столь долгое время у турок, изгладило у их черты благородного характера великих их предков» [СЭС, т. 3, с. 476]. Современные греки, по мнению авторов, обладали всеми пороками «азиатских» народов: они склонны к лицемерию, непостоянны, тщеславны, высокомерны, ревнивы и алчны, а женщина у них низведена до положения рабы [СЭС, т. 3, с. 476—477].

Несмотря на все попытки модернизации и приобщения к современной европейской культуре, Греция оставалась, как и прежде, «восточной» страной, лишь поверхностно затронутой просвещением. Все нововведения носили исключительно внешний характер и не затрагивали основ жизни населения. Например, «медицина и археология изучаются более из подражания, нежели из потребности», а единственным свидетельством некоторой образованности населения служили выпускавшиеся газеты. Как следствие, государство пребывало в плачевном состоянии: земледелие «как во времена Гезиода» [ЭЛ, т. 15, с. 128], финансы в критическом состоянии, слабо развито образование и науки, дороги неисправны и кишат разбойниками [СЭС, т. 3, с. 477—478].

5. Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что в первой половине XIX века политическая и культурная неоднородность Балканского полуострова не способствовала выработке в справочной литературе единого понятия для

CC BY

обозначения региона. Не сложилось в российском нарративе и целостного образа Балкан. Для авторов полуостров представлялся скорее конгломератом земель, не имевших ничего общего между собой. В зависимости от политического статуса области, они описывались в рамках одного из трех дискурсов. Западные земли Балканского полуострова, входившие в состав Австрийской империи, считались окраиной Европы. Авторы отмечали, что просвещение уже начало распространяться среди местных народов, и выражали надежду, что в скором времени они станут полноправными членами «цивилизованной» Европы. Османские владения, напротив, представлялись частью Востока. Не имея достоверных сведений об этих землях, авторы воспринимали их в первую очередь как часть политического тела Османской империи. Следовательно, они не видели принципиальной разницы между балканскими жителями и прочими подданными султана и считали их всех «восточными» народами. Наконец, совершенно иначе описывались Сербия и Греция. Оба государства, проводившие форсированную модернизацию, казались составителям энциклопедий в некоторой степени химерами: эклектичные заимствования европейских институтов причудливо переплетались с «восточным» характером обоих народов. Перестав быть Востоком, в культурном плане они так и не стали Европой, а принадлежали к ней только географически.

Источники и принятые сокращения

1. ВЭЛ — *Военный* энциклопедический лексикон. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии Наук, 1837—1850. — Т. 1, 2, 12.
2. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 673 (Липранди И.П.). Ф. 673, Оп. 1. Д. 154. Л. 169 ; Ф. 673. Оп. 1. Д. 172. Л. 102 об ; Ф. 673. Оп. 1. Д. 173. Л. 83, 95—96.
3. СЭС — *Справочный* энциклопедический словарь. — Санкт-Петербург : Типография К. Крайя, 1847—1855. — Т. 1—4, 9.
4. ЭЛ — *Энциклопедический* лексикон. — Санкт-Петербург : Типография А. Плюшара, 1835—1841. — Т. 1, 7, 12, 15.

Литература

1. *Белов М. В.* Бессарабия как исследовательская площадка : служебная балканистика 1820-х годов / М. В. Белов // Revista de Istorie de Moldovei. — 2012. — № 2 (90). — С. 85—96.
2. *Белов М. В.* На пути к славянскому братству … Претворение опыта русских путешествий на Балканы первой половины XIX века / М. В. Белов // Открытие «братьев-славян» : русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2018. — С. 517—604. — ISBN 978-5-4469-1272-8.
3. *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу : Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Л. Вульф. — Москва : Новое литературное обозрение, 2003. — 560 с. — ISBN 5-86793-197-8.

4. *Григорьева А. А.* Панславизм : идеология и политика (40-е годы XIX — начало XX века) / А. А. Григорьева. — Иркутск : Аспринт, 2013. — 200 с. — ISBN 978-5-4340-0007-9.

5. *Достян И. С.* Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов / И. С. Достян. — Москва : Наука, 1980. — 328 с.

6. *Езерник Б.* Дикая Европа. Балканы глазами западных путешественников / Б. Езерник. — Москва : Лингвистика, 2017. — 376 с. — ISBN 978-5-91922-061-9.

7. *Савельева М. Ю.* Энциклопедизм эпохи Просвещения и «Энциклопедия философских наук» / М. Ю. Савельева // Философский век. Альманах. Энциклопедия как форма универсального знания : от эпохи Просвещения к эпохе Интернета. — 2004. — Выпуск 27. — С. 53—59.

8. *Тесля А.* «Славянский вопрос» в публицистике М. П. Погодина 1830—1850-х годов / А. Тесля // Социологическое обозрение. — 2014. — Т. 13. — № 1. — С. 117—138.

9. *Чернышев А. А.* Идея славянства в дореволюционных российских энциклопедиях конца XIX в. / А. А. Чернышев // Вестник Томского государственного университета. История. — 2020. — № 64. — С. 143—148. — DOI: 10.17223/19988613/64/20.

10. *Шпаковская И. А.* Влияние «Энциклопедического лексикона» Адольфа Плюшара на последующие энциклопедические издания / И. А. Шпаковская // Философский век. Альманах. Энциклопедия как форма универсального знания : от эпохи Просвещения к эпохе Интернета. — 2004. — Выпуск 27. — С. 131—138.

11. *Allcock J. B.* Constructing the Balkans / J. B. Allcock // Black Lambs and Grey Falcons : Women Travellers in the Balkans. — Bradford : Berghahn Books, 1991. — Pp. 170—191. — ISBN 978-1-57181-744-0.

12. *Bakić-Hayden M.* Orientalist Variations on the Theme 'Balkans' : Symbolic Geography in Recent Yugoslav Cultural / M. Bakić-Hayden, R. M. Hayden // Slavic Review. — 1992. — Vol. 51. — № 1. — Pp. 1—15. — DOI: 10.2307/2500258.

13. *Bakić-Hayden M.* Nesting Orientalism : The Case of Former Yugoslavia / M. Bakić-Hayden // Slavic Review. — 1995. — Vol. 54, № 4. — Pp. 917—931. — DOI: 10.2307/2501399.

14. *Cufurovic M.* Fully known yet wholly unknowable orientalising the Balkans / M. Cufurovic // Australian Journal of Islamic Studies. — 2017. — Vol. 2, № 1. — Pp. 39—58.

15. *Eco U.* From the tree to the labyrinth : historical studies on the sign and interpretation / U. Eco. — Cambridge ; London : Harvard University Press, 2014. — 640 p. — ISBN 978-0674049185.

16. *Fleming K.* Orientalism, the Balkans, and Balkan Historiography / K. Fleming // American Historical Review. — 2000. — Vol. 105, № 4. — Pp. 1218—1233. — DOI: 10.2307/2651410.

17. *Kasatkin K.* "You Do Not Hear The Cry of the People to Whom You Owe So Much …" : The Image of the Bulgarians in Russian Pan-Slavism of the 19th Century / K. Kasatkin // Балканистичен Форум. — 2020. — № 3. — Pp. 250—267. — DOI: 10.37708/bf.swu.v29i3.13.

18. *McArthur S.* Being European : Russian Travel Writing and the Balkans, 1804—1877 : PhD thesis / S. McArthur. — London : School of Slavonic and East European Studies, 2011. — 253 p.

19. *Mishkova D.* Beyond Balkanism : The Scholarly Politics of Region Making / D. Mishkova. — New York ; London : Routledge, 2018. — 292 p. — ISBN 9780367666088.

20. *Mishkova D.* In Quest of Balkan Occidentalism / D. Mishkova // Tokovi istorije. — 2006. — № 1—2. — Pp. 29—62.

21. *Norris D. A.* In the Wake of the Balkan Myth : Questions of Identity and Modernity / D. A. Norris. — Basingstoke : Palgrave Macmillan UK, 1999. — 208 p. — ISBN 978-0-230-28653-5.

22. *Pombo O.* Encyclopedia / O. Pombo // Encyclopedia of Philosophy and the Social Sciences. — Los Angeles, London : Sage Publications, 2013. — Pp. 253—257. — ISBN 9781412986892.

23. *Schopflin K.* The Encyclopaedia as a Form of the Book : PhD thesis / K. Schopflin. — London, 2013. — 413 p.

24. *Todorova M.* Imagining the Balkans / M. Todorova. — New York : Oxford University Press, 2009. — 288 p. — ISBN 978-0195387865.

25. *Todorova M.* Is 'the Other' a Useful Cross-Cultural Concept? Some thoughts on its Implications to the Balkan Region / M. Todorova // Internationale Shilbuchforchung. — 1999. — № 21 (2). — Pp. 163—171.

Material resources

EL — *Encyclopedic lexicon, 1, 7, 12, 15.* (1835—1841). St. Petersburg: A. Plyushar's Printing House. (In Russ).

RGIA — *Russian state historical archive. F. 673 (I. P. Liprandi).* (In Russ).

SES — *Reference encyclopedic dictionary, 1—4, 9.* (1847—1855). St. Petersburg: Printing house of K. Kraya. (In Russ).

VAL — *Military encyclopedic lexicon, 1, 2, 12.* (1837—1850). St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. (In Russ).

References

Allcock, J. B. (1991). Constructing the Balkans. In: *Black Lambs and Grey Falcons: Women Travellers in the Balkans.* Bradford: Berghahn Books. 170—191. ISBN 978-1-57181-744-0.

Bakić-Hayden, M., Hayden, R. M. (1992). Orientalist Variations on the Theme 'Balkans': Symbolic Geography in Recent Yugoslav Cultural. *Slavic Review, 51 (1):* 1—15. DOI: 10.2307/2500258.

Bakić-Hayden, M. (1995). Nesting Orientalism: The Case of Former Yugoslavia. *Slavic Review, 54 (4):* 917—931. DOI: 10.2307/2501399.

Belov, M. V. (2012). Bessarabia as a research site: official Balkanistics of the 1820s. *Revista de Istorie de Moldovei, 2 (90):* 85—96. (In Russ).

Belov, M. V. (2018). On the way to the Slavic brotherhood … Russian Russian travel experience in the Balkans of the first half of the XIX century. In: *Discovery of the "Slavic Brothers": Russian travelers in the Balkans in the first half of the XIX century.* Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 517—604. ISBN 978-5-4469-1272-8. (In Russ).

Chernyshev, A. A. (2020). The idea of Slavs in pre-revolutionary Russian encyclopedias of the late XIX century. *Bulletin of the Tomsk State University. History, 64:* 143—148. DOI: 10.17223/19988613/64/20. (In Russ).

Cufurovic, M. (2017). Fully known yet wholly unknowable orientalising the Balkans. *Australian Journal of Islamic Studies, 2 (1):* 39—58.

Dostyan, I. S. (1980). *Russian social thought and the Balkan peoples. From Radishchev to the Decembrists.* Moscow: The science. 328 p. (In Russ).

Eco, U. (2014). *From the tree to the labyrinth: historical studies on the sign and interpretation.* Cambridge; London: Harvard University Press. 640 p. ISBN 978-0674049185.

Fleming, K. (2000). Orientalism, the Balkans, and Balkan Historiography. *American Historical Review, 105 (4):* 1218—1233. DOI: 10.2307/2651410.

Grigorieva, A. A. (2013). *Pan-Slavism: ideology and politics (the 40s of the XIX — early XX century).* Irkutsk: Asprint. 200 p. ISBN 978-5-4340-0007-9. (In Russ).

Kasatkin, K. (2020). "You Do Not Hear The Cry of the People to Whom You Owe So Much…": The Image of the Bulgarians in Russian Pan-Slavism of the 19th Century. *The Forum is Balkanistic, 3:* 250—267. DOI: 10.37708/bf.swu.v29i3.13.

McArthur, S. (2011). *Being European: Russian Travel Writing and the Balkans, 1804—1877: PhD thesis.* London: School of Slavonic and East European Studies. 253 p.

Mishkova, D. (2006). In Quest of Balkan Occidentalism. *Tokovi istorije, 1—2:* 29—62.

Mishkova, D. (2018). *Beyond Balkanism: The Scholarly Politics of Region Making.* New York; London: Routledge. 292 p. ISBN 9780367666088.

Norris, D. A. (1999). *In the Wake of the Balkan Myth: Questions of Identity and Modernity.* Basingstoke: Palgrave Macmillan UK. 208 p. ISBN 978-0-230-28653-5.

Pombo, O. (2013). Encyclopedia. In: *Encyclopedia of Philosophy and the Social Sciences.* Los Angeles, London: Sage Publications. 253—257. ISBN 9781412986892.

Savelyeva, M. Yu. (2004). Encyclopedism of the Enlightenment era and the "Encyclopedia of Philosophical Sciences". *Philosophical century. The almanac. Encyclopedia as a form of universal knowledge: from the Age of Enlightenment to the age of the Internet, 27:* 53—59. (In Russ).

Schopflin, K. (2013). *The Encyclopaedia as a Form of the Book: PhD thesis.* London. 413 p.

Shpakovskaya, I. A. (2004). The influence of Adolf Plyushar's "Encyclopedic Lexicon" on subsequent encyclopedic publications. *Philosophical Century. The almanac. Encyclopedia as a form of universal knowledge: from the Age of Enlightenment to the age of the Internet, 27:* 131—138. (In Russ).

Teslya, A. (2014). "The Slavic question" in the journalism of M. P. Pogodin in the 1830s—1850s. *Sociological Review, 13 (1):* 117—138. (In Russ).

Todorova, M. (1999). Is 'the Other' a Useful Cross-Cultural Concept? Some thoughts on its Implications to the Balkan Region. *Internationale Shilbuchforchung, 21 (2):* 163—171.

Todorova, M. (2009). *Imagining the Balkans.* New York: Oxford University Press. 288 p. ISBN 978-0195387865.

Yezernik, B. (2017). *Wild Europe. The Balkans through the eyes of Western travelers.* Moscow: Linguistics. 376 p. ISBN 978-5-91922-061-9. (In Russ).

Wolf, L. (2003). *Inventing Eastern Europe: A Map of Civilization in the Consciousness of the Enlightenment.* Moscow: New Literary Review. 560 p. ISBN 5-86793-197-8. (In Russ).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Костенко Ю. И. Отношения Израиля и СССР в 1956—1957 годах : по документам Государственного архива Израиля / Ю. И. Костенко, В. М. Морозов // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 356—374. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-356-374.

Kostenko, Yu. I., Morozov, V. M. (2021). Relations between Israel and USSR in 1956—1957: according to Documents of State Archives of Israel. *Nauchnyi dialog, 8:* 356-374. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-356-374. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-356-374

Отношения Израиля и СССР в 1956—1957 годах: по документам Государственного архива Израиля

Костенко Юрий Ильич
orcid.org/0000-0002-8583-1115
кандидат исторических наук,
доцент кафедры языков
стран Ближнего и Среднего Востока
kostenko_jouri56@mail.ru

Морозов Владимир Михайлович
orcid.org/0000-0003-2429-9150
кандидат исторических наук,
доцент кафедры дипломатии,
проректор по кадровой политике
morozov@inno.mgimo.ru

Московский государственный
институт международных отношений
(университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Relations between Israel and USSR in 1956—1957: according to Documents of State Archives of Israel

Yuri I. Kostenko
orcid.org/0000-0002-8583-1115
PhD in History, Associate Professor,
Department of Languages
of the Near and Middle East
kostenko_jouri56@mail.ru

Vladimir M. Morozov
orcid.org/0000-0003-2429-9150
PhD in History, Associate Professor,
Department of Diplomacy,
Vice-Rector for Personnel Policy
morozov@inno.mgimo.ru

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

© Костенко Ю. И., Морозов В. М., 2021

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проанализированы отношения между Израилем и СССР в 1956—1957 годах. Особое внимание уделяется усилиям Израиля по обеспечению национальной безопасности, последствиям Синайской кампании и «проблеме евреев СССР». Актуальность исследования обусловлена важностью данных вопросов для двусторонних отношений. Комментируется утвердившееся в Израиле мнение о том, что СССР перешел к безоговорочной поддержке арабов и эта политика не изменится. Отмечается, что победа Израиля в Синайской кампании 1956 года нанесла удар по позициям СССР в арабском мире, но руководство Израиля осознавало, что СССР не согласится с утратой этих позиций. Показано, что Израиль стремился поддерживать «атмосферу диалога», развивать торговые отношения, культурные и научные связи с СССР, опасаясь, что позиция СССР по Ближнему Востоку повлияет на положение советских евреев. Новизна исследования заключается в том, что авторы использовали не публиковавшиеся и не переводившиеся ранее архивные материалы, позволившие взглянуть на события глазами израильской дипломатии, понять аргументацию принятия решений. Авторы приходят к выводу, что события 1956 года повлияли на то, как руководство страны воспринимало место Израиля в международных отношениях. Подчеркивается, что в это время Израиль окончательно утвердился в прозападной внешнеполитической ориентации.

Ключевые слова:
внешняя политика Израиля; Израиль и СССР; формирование внешней политики Израиля; политика СССР на Ближнем Востоке; внешнеполитическая ориентация Израиля.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Authors of the article analyze the relations between Israel and the USSR in 1956-1957. Particular attention is paid to Israel's efforts to ensure national security, the consequences of the Sinai campaign and the "problem of the Jews of the USSR". The relevance of the study is due to the importance of these issues for bilateral relations. The opinion that the USSR has passed to unconditional support of the Arabs and that this policy will not change is commented on the opinion that has taken root in Israel. It is noted that Israel's victory in the 1956 Sinai campaign dealt a blow to the positions of the USSR in the Arab world, but the Israeli leadership realized that the USSR would not agree with the loss of these positions. It is shown that Israel strove to maintain an "atmosphere of dialogue", to develop trade relations, cultural and scientific ties with the USSR, fearing that the position of the USSR on the Middle East would affect the position of Soviet Jews. The novelty of the research lies in the fact that the authors used unpublished and previously untranslated archival materials, which made it possible to look at the events through the eyes of Israeli diplomacy, to understand the reasoning for decision-making. The authors conclude that the events of 1956 influenced the way the country's leadership perceived Israel's place in international relations. It is emphasized that at this time Israel finally established itself in a pro-Western foreign policy orientation.

Key words:
foreign policy of Israel; Israel and the USSR; the formation of Israel's foreign policy; Soviet policy in the Middle East; foreign policy orientation of Israel.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 327(569.4:47+57)“1956/1957”

Отношения Израиля и СССР в 1956—1957 годах: по документам Государственного архива Израиля

© Костенко Ю. И., Морозов В. М., 2021

1. Общая картина состояния двусторонних отношений в середине 1950-х годов

Отношения между СССР и Израилем в первые годы после образования Государства Израиль освещаются в работах многих отечественных и зарубежных авторов. Среди них можно выделить работы И. Д. Звягельской, [Звягельская, 2012, с. 12], А. А. Корнилова [Корнилов, 1994, с. 100], В. И. Носенко [Носенко, 1991, с. 65], И. В. Рыжова [Рыжов, 2009, с. 78], Ю. И. Стрижова [Стрижов, 1995, с. 95], коллективную работу И. Д. Звягельской, Т. А. Карасовой, А. В. Федорченко [Звягельская и др., 2005, с. 7]. Из зарубежных авторов следует отметить работы У. Бялера [Bialer, 1990, p. 16], М. Бречера [Brecher, 1974, p. 20], А. Шлаима [Shlaim, 2000, p. 12], А. Эбана [Eban, 1992, p. 35].

Торговые отношения между СССР и Израилем в середине 1950-х годов находились на очень низком уровне. В соответствии с соглашениями, подписанными между СССР и Израилем в декабре 1953 года и январе 1954 года, советская сторона продавала Израилю нефть и мазут и покупала цитрусовые и бананы. Израиль не хотел ограничиваться этим и стремился расширить торговые связи с СССР путем подписания соглашений о торговле и платежах, но наталкивался на уклончивые ответы. Попытки расширить и диверсифицировать торговлю с Советским Союзом не были успешными. Руководитель экономического департамента МИД Израиля М. Бартур беседовал в апреле 1956 года в Женеве по этому вопросу с министром внешней торговли СССР И. Кабановым. Советский министр лишь пообещал изучить вопрос.

Ситуация в области культурного и научного обмена между СССР и Израилем оставляла желать лучшего. Посол Израиля в Москве И. Авидар на встрече с министром иностранных дел СССР В. Молотовым 1 февраля 1956 года отмечал отсутствие прогресса в двусторонних отношениях, низкий уровень взаимной торговли, почти полное отсутствие культурных связей [ГАИ, 130.02/2410/8].

В. Молотов объяснял низкий уровень существовавших на тот момент двусторонних отношений огромным влиянием на Израиль со стороны западных держав и превращением его в инструмент в их руках.

CC BY

Небольшие подвижки наблюдались в спортивной сфере. В июне 1956 года группа парашютистов из Израиля участвовала в международных соревнованиях по парашютному спорту, которые состоялись в Москве. В июле 1956 года состоялись два футбольных матча между сборными Израиля и СССР. Первый прошел в Москве, ответный матч — в Израиле [ГАИ, 130.11/2507/4].

На встрече в МИД СССР 4 июня 1956 года с заместителем заведующего Отделом стран Ближнего и Среднего Востока Д. Солодом первый секретарь посольства Израиля А. Шлуш предлагал использовать предстоящие футбольные матчи для повышения информированности граждан двух государств о жизни в СССР и Израиле. Д. Солод согласился, что идея хорошая, что СССР принципиально заинтересован в расширении культурных и научных связей, туризме и обмене различными делегациями, но что это зависит от условий и обстоятельств. И попытался увязать эти вопросы с вопросом русского имущества в Израиле [ГАИ, 130.11/2507/4].

В телеграмме о посещении МИД СССР и беседе с В. Молотовым 2 апреля 1956 года И. Авидар сообщал, что В. Молотов никак не отреагировал на израильскую готовность к улучшению отношений, расширению связей и к обмену парламентскими делегациями. В жестком тоне он говорил о подготовке Израиля к войне и о критике позиции СССР в израильской прессе.

11 мая 1956 года генеральный директор МИД Израиля В. Эйтан сообщил заместителю министра иностранных дел СССР В. Семенову о желании правительства Израиля принять министра иностранных дел СССР Д. Шепилова во время его турне по Ближнему Востоку. Отрицательный ответ СССР на это предложение был дан 19 мая 1956 года.

2. «Проблема евреев СССР» в двусторонних отношениях

Требования репатриации евреев СССР в Израиль были впервые предъявлены правительством Израиля еще в начале 1950-х годов, затем были внесены в повестку дня мирового еврейства. Министр иностранных дел М. Шаретт говорил об этом с А. Вышинским и Я. Маликом, посланник Израиля в СССР Ш. Эльяшив говорил с А. Громыко. Тема была дважды поднята М. Шареттом перед А. Вышинским: первый раз в декабре 1950 года, когда они встретились в Нью-Йорке. А. Вышинский сказал тогда, что выдача разрешений на выезд противоречит сути системы Советского Союза. В декабре 1951 года министры встретились в Париже. На этот раз А. Вышинский отметил разницу между воссоединением семей, в рамках которого будет рассматриваться каждая просьба, и между репатриацией [«эмиграцией», по его словам], о которой не стоит и говорить.

CC BY

Беседа Ш. Эльяшива с А. Громыко состоялась в декабре 1953 года. Ш. Эльяшив получил отрицательный ответ «с неслыханной доселе решительностью». Среди первых указаний, которые были даны послу И. Авидару, было указание представить проблему репатриации перед МИД СССР, однако у посла были другие соображения.

Желая снизить остроту и актуальность еврейского вопроса, советские власти дали в 1956 года согласие на открытие ешивы для подготовки священнослужителей (раввинов, забойщиков скота и птицы и т. д.) и магазина по продаже кошерного мяса. Было выделено место для кошерного ресторана.

Израильская дипломатия стремилась найти новые способы воздействия на руководство СССР в «проблеме евреев» и предложила задействовать парламентские делегации, нееврейских общественных и политических деятелей, священнослужителей, известных личностей. Расчет был на то, что Советский Союз, желающий расположить к себе мировое общественное мнение, будет вынужден считаться с критикой в свой адрес.

Делегация Французской социалистической партии посетила СССР в мае 1956 года. Она встречалась с руководством органов власти. На встрече с Н. Хрущевым и А. Микояном социалисты подняли вопрос репатриации. Микоян ответил следующим образом: «Мы не поощряем выезд евреев, потому что Израиль — это американское капиталистическое логово и антисоветский центр. Вместе с тем никто не препятствует и не будет препятствовать в будущем выезду тех, кто хочет этого, но таких вообще нет. Евреи СССР вообще не хотят уезжать в Израиль. У нас нет антисемитизма» [ГАИ, 130.11/2497/2].

В директиве министра иностранных дел Израиля Г. Меир в зарубежные миссии Израиля от 27.08.1956 г. напоминалось, что год назад в представительства был направлен циркуляр по поводу операции во имя евреев СССР, в котором отмечалась необходимость поднять вопрос о будущем евреев России. Тогда в циркуляре предлагалось убедить нееврейский мир рассматривать форму отношения правительства СССР к проблеме евреев России как пробный камень серьезности всех его намерений и готовности к изменению его политики.

В директиве Г. Меир отмечалось, что подтвердилось предположение о поиске правительством СССР подходов к мировому общественному мнению, что оно учитывает еврейский фактор. Утверждалось наличие доказательств того, что постоянные претензии, множившиеся в последнее время, оказали влияние на правительство СССР, которое попыталось создать впечатление, будто бы произошел поворот в его отношении к проблеме евреев в СССР.

В директиве предлагалось использовать любые возможности для контактов с евреями СССР в форме визитов делегаций или еврейских дея-

CC BY

телей искусства, поддерживать интерес и напряжение среди еврейских общин в мире относительно вопроса о положении евреев в СССР, продолжать наращивать разъяснительную работу среди неевреев. Целями всей этой деятельности называлось предоставление евреям СССР права на духовное, культурное и организационное самоопределение, права вступать в контакты с евреями других стран по еврейским, духовным, культурным и национальным вопросам, права евреев России репатриироваться в Израиль [ГАИ, 130.11/2497/7].

Министр иностранных дел Г. Меир предложила и дальше придерживаться линии «неувязывания» проблемы безопасности государства с проблемой евреев СССР.

3. Вопросы обеспечения национальной безопасности и внешнеполитическая ориентация Израиля

Министр иностранных дел Израиля М. Шаретт в телеграмме генеральному директору МИД Израиля В. Эйтану, находящемуся в Москве для проведения переговоров, охарактеризовал сложившуюся ситуацию следующими словами: «Державы могут заблокировать или поощрять как желание согласиться с существованием Израиля, так и искушение уничтожить его. Катастрофой для будущего региона, преступлением перед миром и опасностью для существования Израиля является то, что действия держав и соперничество между ними оказывают негативное влияние» [ГАИ, 130.02/2456/2].

К середине 1956 года ситуация на Ближнем Востоке предельно обострилась. Поставки западного и советского оружия арабским странам, воинственный арабский национализм Г. А. Насера, подписание соглашения между Египтом, Сирией и Иорданией, направленного против Израиля, призывы некоторых арабских лидеров к уничтожению Израиля, расширение и укрепление влияния Советского Союза в арабском мире усилили в Израиле тревогу за безопасность.

Забота о безопасности перед лицом арабской агрессии заставила Израиль на определенном этапе выяснить возможность договора о безопасности с США. Израиль обратился к США по данному вопросу 12 апреля 1955 года посредством письма М. Шаретта, бывшего в то время премьер-министром, к А. Даллесу и получил уклончивый ответ.

Израиль рассматривал увеличение поставок оружия арабским странам как действие, угрожающее его безопасности и поощряющее посягательство на его существование. Это касалось поставок оружия в целом арабским странам, которые отказывались вести переговоры о мире и открыто заявляли, что готовятся с помощью этого оружия к войне против Израиля. Начавшиеся в 1955 году поставки в регион советского оружия через Че-

CC BY

хословакию нарушили баланс сил и определили количественное превосходство арабов над Израилем в оружии: в авиации, артиллерии, танках: «Масштабные поставки советского оружия меняли баланс сил в регионе» [Eban, 1992, p. 241]. Следствием этого явился рост напряженности и военной угрозы существованию Израиля, участились военные столкновения на границах Израиля. А. Эбан назвал этот период (1952—1955) «годами кошмара» [Eban, 1992, p. 124].

В Израиле понимали, что у Советского Союза есть свой политический курс, который лежит в основе политики поставок оружия. По мнению израильских дипломатов, поставка оружия Египту в своей основе не была направлена против Израиля. Она служила средством закрепления позиций СССР в Египте и расширения влияния в арабском мире. «Будет справедливо считать оружейную сделку между Чехословакией и Египтом частью просчитанной советской политики по проникновению на Ближний Восток с целью ослабить западное влияние в регионе, заполучить влияние и присутствие в нем, чтобы стать фактором, который сможет, с одной стороны, не позволить Западу или затруднить ему военное использование региона против СССР, а, с другой стороны, путем политической поддержки арабских стран, расширения торговых связей и технической помощи сделать так, чтобы арабские страны опирались на Советский Союз в решении международных проблем» [ГАИ, 130.02/2410/18а].

Израильские дипломаты обращались к советским коллегам с вопросом, позволительно ли великой державе, которая считает себя ответственной за сохранение мира во всем мире и требует, чтобы к ее мнению прислушивались во всех регионах, складировать горючие материалы рядом с пороховой бочкой, подобно тому, как она делает, поставляя оружие Египту и Сирии.

Израиль снял с повестки дня лозунг о гарантиях безопасности. Главным для обеспечения безопасности руководство Израиля считало усиление оборонительных способностей, то есть приобретение оборонительного оружия. М. Шаретт отмечал в этой связи: «Мы будем приветствовать запрет на поставки оружия на Ближний Восток, но только после того, как будет устранена угрожающая диспропорция» [ГАИ, 130.02/2456/2].

Усилия Израиля в этот период были сконцентрированы на том, чтобы достать оборонительное оружие. В беседе с В. Молотовым посол Израиля в СССР И. Авидар отмечал: «Я уверен, что в создавшейся ситуации быстрая поставка примерно сотни истребителей и противотанкового оружия Израилю, — это самая лучшая гарантия, и, возможно, единственная, гарантирующая, что арабские страны не начнут войну против нас» [ГАИ, 93.39/449/9].

От сотрудника миссии СССР в ООН израильской стороне поступило устное предложение обратиться к СССР с просьбой об оружии. Было

CC BY

дано заверение, что, в случае обращения, Израиль получит его [ГАИ, 130.02/2387/12]. Израильские дипломаты вместе с представителем «Моссад» проанализировали советское предложение, пытаясь выяснить, не кроется ли в нем подвох. Они пришли к заключению, что есть желание уговорить Израиль подать письменную просьбу, но нет гарантии, что она будет удовлетворена. Израильтяне увидели в этом опасность публикации обращения к СССР за оружием и отказ предоставить его. Тем самым СССР продемонстрировал бы арабам свою дружбу, укрепил бы свои позиции в арабском мире, а Израиль потерял бы шансы на получение оружия на Западе. «Мы абсолютно уверены, что нет никакого смысла и шансов продолжать усилия здесь, если будет обращение к Праге. Вывод такой: если шанс получить здесь и шанс получить там являются нестабильными, то первый неизмеримо предпочтительней второго» [ГАИ, 93.01/2213/7].

В феврале 1956 года в МИД Израиля прошли консультации по ситуации в Восточной Европе. Основное место было уделено вопросам приобретения оружия и положению евреев в СССР и государствах Восточной Европы. Выступивший в ходе консультаций министр иностранных дел М. Шаретт сказал, что СССР рассматривает все свои внешнеполитические шаги в аспекте противостояния США. «По сути, судьба Израиля их не интересует и не волнует. Их интересует только одно, усиливаются США или ослабевают в результате этого. Эти соображения присутствуют всегда при голосовании по тому или иному вопросу. Это их основной курс» [ГАИ, 130.02/2410/18б].

Обращение к США за оружием М. Шаретт, помимо политических, объяснял также экономическими причинами. Он утверждал, что единственным источником бесплатного оружия для Израиля являются США, так как Конгресс может повлиять на администрацию, побудив назвать любую цену. Шансы на получение бесплатного оружия повысил своим выступлением высокопоставленный сотрудник Госдепартамента Дж. Аллен, который, выступая по «Голосу Америки», заявил: «Если нам потребуется поставить оружие, то я считаю, что мы предоставим его как подарок» [ГАИ, 130.02/2410/18б]. Это свидетельствовало об определенной подвижке в американо-израильских отношениях.

Глава «Моссад» И. Харель отметил на совещании: «Франция может дать оружие, только если США скажут ей сделать это. Все упирается в США. Нашу борьбу за оружие мы должны довести в США до конца» [ГАИ, 130.02/2410/18б].

Данные высказывания представителей военно-политического истеблишмента Израиля отражали тенденцию во внешнеполитической ориентации страны. В отношениях с СССР, для выигрыша времени и создания

CC BY

возможностей для маневра, предлагалось следовать курсу на создание «атмосферы диалога» или «атмосферы переговоров».

4. Синайская кампания и её влияние на советско-израильские отношения

29 октября 1956 года израильские войска атаковали позиции армии Египта на Синайском полуострове. Основанием для превентивной атаки послужили возросшие угрозы национальной безопасности: проникновение отрядов федаинов на израильскую территорию и убийства мирных граждан, концентрация египетских войск вблизи границы с Израилем, документально подтвержденная подготовка Египта к «уничтожению Израиля в кратчайшие сроки путем жестоких и беспощадных боев» [ГАИ, 130.09/2326/6], заключение военного союза между Египтом, Сирией и Иорданией, направленного против Израиля, экономический бойкот Израиля, запрет израильским судам на свободу судоходства в Суэцком канале и Эйлатском заливе. Атака оказалась неожиданной для руководства Египта. В результате армия Египта понесла тяжелые потери. 31 октября 1956 года под лозунгом защиты Суэцкого канала и необходимости разъединить враждующие стороны к военным действиям против Египта подключились Великобритания и Франция. Реагируя на действия израильской стороны, СССР отозвал своего посла из Израиля.

В телеграмме от 07.11.1956 г. из Восточноевропейского департамента МИД Израиля в зарубежные миссии Израиля отмечалось: «СССР, который был серьезно уязвлен нашей победой на Синае, еще не готов принять новое создавшееся положение как окончательное и пока еще не готов согласиться с утратой своей позиции на Ближнем Востоке, которую он создавал с огромным трудом. Он возлагал большие надежды на “арабский Восток”, видя в нем одну из важнейших арен своей деятельности, ему нелегко согласиться с явным поражением, которое должно понизить его престиж по обе стороны занавеса. Тот факт, что это поражение не только является политическим, но и связано с серьезным ударом по “непобедимому советскому оружию”, лишь усиливает глубину травмы и гнева» [ГАИ, 130.11/2507/14].

В Израиле серьезно опасались, что военный успех страны отразится на положении советских евреев и повлияет на репатриацию евреев из СССР. Отмечалось также, что «нельзя сбрасывать со счетов возможность увеличения поставок оружия, а также отправку “добровольцев”, технического персонала и даже летчиков в Сирию» [ГАИ, 130.11/2507/14].

В Израиле отметили, что советские власти заставили 34 известных еврейских деятеля подписать опубликованное 6 ноября 1956 года в газете «Правда» заявление, осуждающее действия Израиля, а также направили

CC BY

в тот же день евреев с плакатами на идиш на демонстрацию перед посольством Израиля в Москве. Впервые в Москве публично поднимались надписи на идиш [ГАИ, 130.09/2332/2].

В телеграмме делалось предположение, что «СССР заинтересован в предотвращении большой войны, которая может явиться результатом его открытого прямого военного вмешательства на Ближнем Востоке» [ГАИ, 130.11/2507/14].

Победа Израиля в Синайской кампании 1956 года в значительной мере повлияла на восприятие руководством страны места Израиля в международных отношениях. В ноте премьер-министра Израиля Д. Бен-Гуриона главе правительства СССР Н. Булганину от 08.11.1956 г. содержался намек на неосведомленность или искажение информации руководством СССР: «Я получил Вашу ноту от 5 числа этого месяца. Я внимательно прочитал её и должен с сожалением отметить, что некоторые утверждения в ней основываются на неверной и неполной информации, поступившей к Вам» [ГАИ, 130.09/2326/6]. Тональность ноты отражала возросшую уверенность Израиля в своей силе и указывала на то, что Израиль определился со своими внешнеполитическими приоритетами. «В конце я должен выразить удивление и сожаление по поводу угроз целостности и существованию Израиля, содержащихся в Вашей ноте. Наша внешняя политика диктуется нашими жизненными потребностями и нашим стремлением к миру, и никакой иностранный фактор не определяет и не будет определять её» [ГАИ, 130.09/2326/6].

В ответ на ноту главы правительства СССР Н. Булганина от 15.11.1956 г. премьер-министра Израиля Д. Бен-Гурион направил ему 18.11.1956 г. свою ноту, в которой неоднократно намекается на неосведомленность руководства СССР о происходящем на Ближнем Востоке и об истинных намерениях руководства Египта. «Правители Египта в течение этих восьми лет постоянно заявляли, и заявления стали радикальными и частыми особенно в два последних года, что близится время, когда египетская армия ликвидирует Израиль силой. Неужели эти заявления не доходили до Ваших ушей ни разу?» [ГАИ, 130.09/2377/4].

Д. Бен-Гурион указывает на искажение фактов, содержащихся в ноте Н. Булганина. «Вы пишете в своей ноте, что в своей речи в израильском парламенте 7 ноября [1956 г.] я заявил о “невыполнении соглашений о перемирии, которые были подписаны Израилем с арабскими государствами”. Это неверно. Если Вы внимательно изучите текст моего выступления, Вы обнаружите, что я сказал в этой речи, что Израиль, со своей стороны, будет соблюдать соглашения о перемирии с арабскими странами, даже если они не будут готовы к постоянному миру, пока они, со своей стороны, будут соблюдать соглашения о перемирии. То, что я сказал в Кнессете, это — что

CC BY

соглашение о перемирии с Египтом, и только с Египтом, но не с арабскими государствами, мертвое и похоронено и не воскреснет после того, как египетский диктатор издевался над этим соглашением целые годы <…> Я должен отметить, что Ваши слова о наших военных действиях неточны. Мы не разрушили ни одного египетского города, не причинили вреда ни одному населенному пункту. Мы не совершили диверсий на канале, и, насколько известно нам, он был перекрыт самими египтянами» [ГАИ, 130.09/2377/4].

Реагируя на события на Ближнем Востоке, правительство СССР в одностороннем порядке отменило контракты, заключенные советскими организациями с израильскими компаниями. Посол Израиля в Москве предложил обратиться в суд и обязать советскую сторону компенсировать ущерб, нанесенный израильским компаниям невыполнением обязательств. «Не может быть, чтобы отмена контрактов по топливу и трубам для бурения осталась без ответа со стороны правительства. Тот факт, что СССР не опубликовал информацию об этом, … означает, что публикация неудобна им с точки зрения имиджа в торговых отношениях. Мы предлагаем, чтобы вы подали в посольство СССР ноту, указывающую на незаконность отмены, требующую надлежащего выполнения контрактов и представляющую советское правительство ответственным за ущерб, который образуется от невыполнения обязательств компаний» [ГАИ, 130.09/2326/8].

Соответствующая нота МИД Израиля была подана 28.12.1956 г. Ответ на нее последовал только 06.02.1957 г. в виде ноты посольства СССР в МИД Израиля. В ноте говорилось: «Расторжение контрактов, которые были подписаны между советскими внешнеторговыми организациями и израильскими фирмами, на поставку в Израиль сырой нефти, мазута и труб, — это последствие того факта, что правительство Израиля своими агрессивными действиями против Египта привело к тому, что выполнение этих контрактов стало невозможным» [ГАИ, 93.39/449/7]. Намерение правительства Израиля возложить ответственность за расторжение упомянутых контрактов на правительство Советского Союза было названо безосновательным.

Ознакомившись с ответом советской стороны, в Израиле решили подать иск о компенсации ущерба. «После официального уведомления Советским Союзом о расторжении контрактов на покупку нефти и продажу цитрусовых по политическим соображениям мне кажется, что не следует больше откладывать подачу иска к Советскому Союзу об оплате ущерба. По-моему, русские не смогут сейчас оправдать расторжение контрактов форс-мажором» [ГАИ, 130.06/1951/21].

25 октября 1957 года в арбитражную комиссию министерства торговли СССР были поданы иски двух топливных израильских компаний, которые

CC BY

пострадали в результате расторжения контрактов на поставку топлива Советским Союзом после Синайской кампании. Иски были отклонены решением суда от 19 июня 1958 года [ГАИ, 130.09/2377/7].

10 декабря 1956 года из МИД Израиля в зарубежные миссии Израиля была отправлена телеграмма с анализом позиции СССР в свете последних событий в регионе. В телеграмме утверждалось, что СССР решил проводить антиизраильскую политику в долгосрочной перспективе. По мнению израильских экспертов, статья в «Известиях» от 29.11.1956 г. представляет собой объявление политической войны и окончательное выступление на стороне арабов. В телеграмме отмечается, что эта политика СССР не изменится с устранением нынешнего кризиса на Ближнем Востоке. Она продолжится, пока СССР и США будут бороться за англо-французское наследие в регионе.

Руководство МИД Израиля отмечало, что антиизраильские действия СССР отличаются таким большим пропагандистским накалом, что нельзя сбрасывать со счетов опасение, что в СССР собираются заранее оправдать принятие более решительных мер против Израиля. Был сделан вывод, что необходимо наращивать усилия, направленные на получение гарантии безопасности от США.

Причинами обострения ситуации и негативного изменения тональности были названы ущерб, причиненный Израилем позиции СССР в регионе, которая строилась с большим трудом и вложением огромных средств, и опасение нового ущерба. При этом отмечалось, что, несмотря на то, что Израиль проявил себя в регионе как сильный фактор, СССР пока еще далек от вывода, что с ним стоит достичь урегулирования. С сожалением констатировалась необходимость учитывать факт того, что положение евреев в СССР напрямую зависит от качества отношений между Израилем и СССР.

К маю 1957 года никаких изменений в отношениях между СССР и Израилем не произошло. Это отмечено в служебной записке первого секретаря посольства Израиля А. Шлуша. Он приводит несколько предположений, которые называет общепринятыми среди израильского руководства. Они повторяют выводы, сделанные в декабре 1956 года. Первым из них является утверждение, что после смерти И. Сталина Ближний Восток занимает важное место во внешней политике СССР. Советский Союз сумел закрепиться на Ближнем Востоке, прибегнув к помощи националистических арабских элементов во главе с Г. А. Насером, и не собирается быть вытесненным из этого региона. СССР продолжит свои усилия, чтобы укрепить и расширить позиции в регионе.

А. Шлуш ссылается на мнение руководства МИД Израиля, что СССР стремится завоевать признание своей позиции в качестве равноправного

CC BY

партнера на Ближнем Востоке со стороны западных держав, но не готов идти на какие-либо уступки, чтобы достичь этого признания.

Поддержка Советским Союзом арабских требований расширилась и углубилась до такой степени, что вряд ли бы СССР смог отступить от неё, не потеряв не только престиж, но и часть своих позиций [ГАИ, 130.23/3115/8].

На основании вышесказанного был сделан вывод, что в обозримом будущем не стоит ожидать какого-либо изменения в советской политике относительно Израиля. Даже возвращение к договорам о регулярной поставке топлива из СССР в Израиль вызовет в арабских странах негативную реакцию.

Вместе с тем в документе отмечалось, что СССР не заинтересован в новой вспышке военных действий в регионе и хотел бы сохранить за собой определенную степень влияния на Израиль. На основании этого делалось предположение, что одновременно с продолжением угроз и острой критикой в отношении Израиля Советский Союз попытается вводить Израиль в заблуждение, якобы у него есть желание договориться и прийти к нормализации отношений между двумя государствами [ГАИ, 130.23/3115/8].

В отсутствие возможности навязать СССР изменение позиции в отношении Израиля единственной политикой признавалась «политика назойливости и давления на те немногочисленные слабые места, которые мы можем использовать» [ГАИ, 130.23/3115/8]. Примерами сфер воздействия были названы пропагандистское давление, русская собственность в Израиле.

В документе отмечалось, что на данном этапе установление официальных двусторонних культурных связей не представляется возможным, однако надо попытаться выжать максимум ограниченных возможностей, чтобы привить советской общественности более широкие и правдивые знания об Израиле и его проблемах. Для этого желательно стимулировать прямые индивидуальные контакты между учеными, деятелями культуры и учреждениями в Израиле и СССР.

Очень скоро подтвердилось предположение, содержащееся в записке А. Шлуша, что СССР попытается продемонстрировать желание к нормализации отношений. Восточноевропейский департамент МИД Израиля сообщал в посольство в Москве, что посольство СССР в Израиле усиливает активность с целью найти точки соприкосновения [ГАИ, 130.23/3115/8].

Свое видение состояния и перспектив советско-израильских отношений А. Шлуш повторил в письме от 20.09.1957 г. руководителю Восточноевропейского департамента МИД Израиля А. Эшелю. «Борьба, которую ведет СССР, это состязание с США за влияние в регионе. В этой борьбе СССР решил разыграть арабскую карту до конца, и поэтому ему удобно играть в “раздражение” с Израилем» [ГАИ, 130.23/3115/4б]. А. Шлуш пред-

CC BY

ложил изменить курс общения с советскими дипломатами: «Мое предложение такое — попытаться перестать выслушивать их, когда они читают мораль, и перестать высказывать им доказательства. Мне кажется, что настало время говорить с ними открыто и раскрыть карты. <…> Вы могли бы сказать Абрамову: корень проблемы кроется не в русском имуществе или в экспорте 12 тысяч тонн цитрусовых в СССР, и это известно вам так же, как и нам. Основная причина состоит в том, что, по нашей оценке, СССР проводит политику безоговорочной поддержки арабских стран и у него нет никакой надобности или желания учитывать жизненные интересы Израиля, которые он полностью игнорирует. <…> Вы рассматриваете нас как инструмент, служащий империализму, и навешиваете на нас всевозможные пороки» [ГАИ, 130.23/3115/4б].

В беседе с руководителем Восточноевропейского департамента МИД Израиля А. Эшелем, посетившим Москву осенью 1957 года, А. Шлуш был еще более категоричен. В отчете министру иностранных дел Г. Меир о поездке в Москву А. Эшель сообщает: «Я долго беседовал с Ави Шлушем. Он поддерживает жесткую линию «око за око» и считает, что это единственный язык, который понимают Советы. <…> По его словам, Советы считают, что, сколько бы они нас не пинали, мы всегда будем готовы выразить им свою приветливость, когда они дадут самый маленький сигнал» [ГАИ, 130.23/3115/9б].

А. Шлуш предложил использовать сложившуюся ситуацию для того, чтобы взять в руки Израиля русскую собственность в Иерусалиме, ограничить свободу передвижения советских дипломатов в Израиле в соответствии с тем, как это принято в СССР, объявить некоторые регионы Израиля закрытыми для посещения советскими дипломатами. А. Эшель посчитал необходимым вынести эти предложения на обсуждение в МИД Израиля.

У СССР не было ограничений на демонстрацию своих фильмов в Израиле. Средства от проката фильмов поступали на специальный счет, и время от времени крупные суммы денег с этого счета переводились на цели «починки и ремонта». В письме в экономический департамент МИД А. Шлуш предложил запретить импорт советских фильмов. «Нет сомнения, что этим мы нанесем удар по ним в чувствительной точке. Только курс на сужение их деятельности может привести с течением времени к определенному улучшению отношений и их переосмыслению на основе взаимности» [ГАИ, 130.23/3115/9а]. Израиль воздержался от запрета импорта фильмов на русском языке.

10 декабря 1957 года СССР подал Израилю ноту, в которой разъяснялись причины международной напряженности и содержались принципы, призванные укрепить мир во всем мире, включая Ближний Восток. 21 января 1958 года Г. Меир вручила послу СССР ответ Израиля.

CC BY

Восточноевропейский департамент МИД Израиля в телеграмме в зарубежные миссии Израиля зафиксировал подходы к политике в отношении СССР и государств Восточного блока. Отмечалось, что к концу 1957 года в отношениях с СССР Израиль демонстрировал стремление к контактам и диалогу, старался выработать умеренные и гибкие подходы, не сужал и не ограничивал деятельность дипломатов, не затруднял дипломатическую деятельность техническими вещами, такими как предоставление виз, проявлял сдержанность и гибкость в вопросах культурных связей, торговых конфликтах, старался по-деловому, спокойно и точно отвечать на статьи и антиизраильские публикации.

Хотя Израиль не был согласен с деталями советского анализа факторов международного кризиса, содержащимися в ноте СССР от 10.12.1956 г., он соглашался с некоторыми положениями, такими как мирное сосуществование, воздержание от применения силы для решения конфликтов или изменения существующего положения, воздержание от враждебной пропаганды, развитие свободных торговых и культурных связей. Израиль предлагал перевести эти принципы в политические действия на Ближнем Востоке.

5. Заключение

Оценивая ситуацию, сложившуюся на Ближнем Востоке после Синайской кампании, и влияние результатов этой кампании на советско-израильские отношения, в Израиле отмечали, что, несмотря на победу Израиля, в СССР не готовы менять свою политику в отношении него. Тональность советских заявлений, касающихся Израиля, стала более критичной. Причиной этого назывался ущерб, который Израиль причинил позициям СССР в регионе, его имиджу в арабском мире. В Израиле пришли к выводу, что в долгосрочной перспективе СССР решил проводить проарабскую политику. Констатировалась необходимость учитывать факт того, что положение евреев в СССР зависит от состояния отношений между Израилем и СССР.

Израиль стремился поддерживать «атмосферу диалога», развивать торговые отношения, культурные и научные связи с Советским Союзом, опасаясь, что позиция СССР по Ближнему Востоку повлияет на положение советских евреев, лишит их возможности репатриации в Израиль. К середине 1950-х годов тема евреев СССР заняла одно из центральных мест во внешней политике Израиля.

В Израиле понимали, что победа в Синайской кампании принесла Израилю только временную передышку, что арабы постараются взять реванш за поражение, что, помимо политических усилий, направленных на снижение напряженности, необходимо укреплять свою обороноспособность.

CC BY

Источники и принятые сокращения

1. ГАИ, 93.01/2213/7 — *Государственный* архив Израиля. Телеграмма А. Эбана министру иностранных дел М. Шаретту. 27.01.1956. Архивный номер: 93.01/2213/7.

2. ГАИ, 93.39/449/7 — *Государственный* архив Израиля. Нота посольства СССР в МИД Израиля. 06.02.1957. Архивный номер: 93.39/449/7.

3. ГАИ, 93.39/449/9 — *Государственный* архив Израиля. Сообщение посла Израиля в Москве И. Авидара в Восточноевропейский департамент МИД Израиля о беседе с министром иностранных дел СССР В. М. Молотовым. 15.04.1956. Архивный номер: 93.39/449/9.

4. ГАИ, 130.02/2387/12 — *Государственный* архив Израиля. Телеграмма М. Кидрона в Восточноевропейский департамент МИД Израиля. 18.01.1956. Архивный номер: 130.02/2387/12.

5. ГАИ, 130.02/2410/8 — *Государственный* архив Израиля. Письмо посла Израиля в Москве И. Авидара в Восточноевропейский департамент МИД Израиля о встрече с Молотовым. 01.02.1956. Архивный номер: 130.02/2410/8.

6. ГАИ, 130.02/2410/18а — *Государственный* архив Израиля. Письмо посла Израиля в Москве И. Авидара генеральному директору МИД Израиля о советской политике на Ближнем Востоке. 17.11.1955. Архивный номер: 130.02/2410/18.

7. ГАИ, 130.02/2410/18б — *Государственный* архив Израиля. Продолжение консультаций по Восточной Европе в канцелярии министра иностранных дел Израиля. 20.2.1956. Архивный номер: 130.02/2410/18.

8. ГАИ, 130.02/2456/2 — *Государственный* архив Израиля. Телеграмма М. Шаретта генеральному директору МИД Израиля В. Эйтану в Москву. 07.06.1956. Архивный номер: 130.02/2456/2.

9. ГАИ, 130.06/1951/21 — *Государственный* архив Израиля. Письмо Зева Аргамана Шабтаю Розенне. 22.02.1957. Архивный номер: 130.06/1951/21.

10. ГАИ, 130.09/2326/6 — *Государственный* архив Израиля. Нота премьер-министра Израиля Д. Бен-Гуриона главе правительства СССР Н. Булганину. 08.11.1956. Архивный номер: 130.09/2326/6.

11. ГАИ, 130.09/2326/8 — *Государственный* архив Израиля. Телеграмма посла Израиля в Москве в Восточноевропейский департамент МИД Израиля. 04.12.1956. Архивный номер: 130.09/2326/8.

12. ГАИ, 130.09/2332/2 — *Государственный* архив Израиля. Телеграмма Б. Элиава М. Ривлину в Нью-Йорк. 12.11.1956. Архивный номер: 130.09/2332/2.

13. ГАИ, 130.09/2377/4 — *Государственный* архив Израиля. Нота премьер-министра Израиля Д. Бен-Гуриона главе правительства СССР Н. Булганину. 18.11.1956. Архивный номер: 130.09/2377/4.

14. ГАИ 130.09/2377/7 — *Государственный* архив Израиля. Телеграмма из Восточноевропейского департамента МИД Израиля в зарубежные миссии Израиля. 06.01.1958. Архивный номер: 130.09/2377/7.

15. ГАИ, 130.11/2497/2 — *Государственный* архив Израиля. Письмо А. Эшеля послу Израиля в Москве И. Авидару. 24.05.1956. Архивный номер: 130.11/2497/2.

16. ГАИ, 130.11/2497/7 — *Государственный* архив Израиля. Директива министра иностранных дел Израиля Г. Меир в зарубежные миссии Израиля. 27.08.1956. Архивный номер: 130.11/2497/7.

17. ГАИ, 130.11/2507/4 — *Государственный* архив Израиля. Письмо А. Шлуша в Восточноевропейский департамент МИД Израиля о беседе с Д. Солодом. 04.06.1956. Архивный номер: 130.11/2507/4.

18. ГАИ, 130.11/2507/14 — *Государственный* архив Израиля. Телеграмма из Восточноевропейского департамента МИД Израиля в зарубежные миссии Израиля. 07.11.1956. Архивный номер: 130.11/2507/14.

19. ГАИ, 130.23/3115/4б — *Государственный* архив Израиля. Письмо А. Шлуша руководителю Восточноевропейского департамента МИД Израиля А. Эшелю. 20.09.1957. Архивный номер: 130.23/3115/4.

20. ГАИ, 130.23/3115/8 — *Государственный* архив Израиля. Служебная записка А. Шлуша послу Израиля в Москве И. Авидару. 30.04.1957. Архивный номер: 130.23/3115/8.

21. ГАИ, 130.23/3115/9а — *Государственный* архив Израиля. Письмо А. Шлуша в экономический департамент МИД об импорте советских фильмов. 04.12.1957. Архивный номер: 130.23/3115/9.

22. ГАИ, 130.23/3115/9б — *Государственный* архив Израиля. Служебная записка А. Эшеля министру иностранных дел Израиля Г. Меир о поездке в Москву. 23.10.1957. Архивный номер: 130.23/3115/9.

Литература

1. *Звягельская И. Д.* История Государства Израиль / И. Д. Звягельская. — Москва : Аспект Пресс, 2012. — 359 с.

2. *Звягельская И. Д.* Государство Израиль / И. Д. Звягельская, Т. А. Карасова, А. В. Федорченко. — Москва : Институт востоковедения РАН, 2005. — 560 с.

3. *Корнилов А. А.* Между войной и миром. О процессе принятия внешнеполитических решений в Государстве Израиль. (1948—1993) / А. А. Корнилов. — Нижний Новгород : ННГУ, 1994. — 144 с.

4. *Носенко В. И.* Характер и этапы советско-израильских отношений (1948—1990) / В. И. Носенко // СССР и третий мир : новый взгляд на внешнеполитические проблемы. — Москва : 1991. — С. 65—104.

5. *Рыжов И. В.* Особенности советско-израильских политико-экономических отношений / И. В. Рыжов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. — 2009. — № 1. — С. 78—85.

6. *Стрижов Ю. И.* СССР и создание Государства Израиль / Ю. И. Стрижов // Международная жизнь. — 1995. — № 11/12. — С. 94—97.

7. *Bialer U.* Between East and West: Israel's Foreign Policy Orientation 1948—1956 / U. Bialer. — London : Cambridge University Press, 1990. — 304 p.

8. *Brecher M.* Decisions in Israel's Foreign Policy / M. Brecher. — London : Oxford University Press, 1974. — 639 p.

9. *Eban A.* Personal Witness: Israel Through My Eyes / A. Eban. — New York : G. P. Putnam's Sons, 1992. — 671 p.

10. *Shlaim A.* The Iron Wall: Israel and the Arab World / A. Shlaim. — London : Penguin, 2000. — 670 p.

Material resources

GAI, 93.01/2213/7 — *State Archives of Israel. A. Eban's telegram to the Minister of Foreign Affairs M. Charette 27.01.1956.* Archive number: 93.01/2213/7. (In Russ.).

CC BY

GAI, 93.39/449/7 — *State Archives of Israel. Note from the USSR Embassy to the Israeli Foreign Ministry 06.02.1957*. Archive number: 93.39/449/7. (In Russ.).

GAI, 93.39/449/9 — *State Archives of Israel. Message from the Ambassador of Israel in Moscow I. Avidar to the Eastern European Department of the Israeli Foreign Ministry on a conversation with the Minister of Foreign Affairs of the USSR V. M. Molotov 15.04.1956.* Archive number: 93.39/449/9. (In Russ.).

GAI, 130.02/2387/12 — *State Archives of Israel. Telegram from M. Kidron to the Eastern European Department of the Israeli Foreign Ministry 18.01.1956.* Archive number: 130.02/2387/12. (In Russ.).

GAI, 130.02/2410/8 — *State Archives of Israel. Letter from the Ambassador of Israel in Moscow I. Avidar to the East European Department of the Israeli Foreign Ministry on a meeting with Molotov 01.02.1956.* Archive number: 130.02/2410/8. (In Russ.).

GAI, 130.02/2410/18a — *State Archives of Israel. Letter from the Ambassador of Israel in Moscow I. Avidar to the Director General of the Israeli Foreign Ministry on Soviet policy in the Middle East 17.11.1955*. Archive number: 130.02/2410/18. (In Russ.).

GAI, 130.02/2410/18b — *State Archives of Israel. Continuation of consultations on Eastern Europe in the Office of the Israeli Foreign Minister 20.2.1956*. Archive number: 130.02/2410/18. (In Russ.).

GAI, 130.02/2456/2 — *State Archives of Israel. Telegram from M. Sharett to Director General of the Israeli Foreign Ministry V. Eitan to Moscow 07.06.1956.* Archive number: 130.02/2456/2. (In Russ.).

GAI, 130.06/1951/21 — *State Archives of Israel. Zev Argaman's letter to Shabtay Rosenna 22.02.1957*. Archive number: 130.06/1951/21. (In Russ.).

GAI, 130.09/2326/6 — *State Archives of Israel. Note from the Prime Minister of Israel D. Ben-Gurion to the Head of the Government of the USSR N. Bulganin 08.11.1956*. Archive number: 130.09/2326/6. (In Russ.).

GAI, 130.09/2326/8 — *State Archives of Israel. Telegram from the Israeli Ambassador to Moscow to the Eastern European Department of the Israeli Foreign Ministry 04.12.1956.* Archive number: 130.09/2326/8. (In Russ.).

GAI, 130.09/2332/2 — *State Archives of Israel. Telegram from B. Eliava to M. Rivlin to New York 12.11.1956.* Archive number: 130.09/2332/2. (In Russ.).

GAI, 130.09/2377/4 — *State Archives of Israel. Note by Israeli Prime Minister D. Ben-Gurion to the head of the USSR government N. Bulganin 18.11.1956*. Archive number: 130.09/2377/4. (In Russ.).

GAI, 130.09/2377/7 — *State Archives of Israel. Telegram from the East European Department of the Israeli Foreign Ministry to Israel's foreign missions 06.01.1958*. Archive number: 130.09/2377/7. (In Russ.).

GAI, 130.11/2497/2 — *State Archives of Israel. Letter from A. Eshel to the Ambassador of Israel in Moscow I. Avidar 24.05.1956.* Archive number: 130.11/2497/2. (In Russ.).

GAI, 130.11/2497/7 — *State Archives of Israel. Directive of the Minister of Foreign Affairs of Israel G. Meir to the foreign missions of Israel 27.08.1956*. Archive number: 130.11/2497/7. (In Russ.).

GAI, 130.11/2507/4 — *State Archives of Israel. Letter from A. Shlyush to the Eastern European Department of the Israeli Foreign Ministry about the conversation with D. Solod 04.06.1956.* Archive number: 130.11/2507/4. (In Russ.).

CC BY

GAI, 130.11/2507/14 — *State Archives of Israel. Telegram from the East European Department of the Israeli Foreign Ministry to Israel's foreign missions 07.11.1956*. Archive number: 130.11/2507/14. (In Russ.).

GAI, 130.23/3115/4b — *State Archives of Israel. Letter from A. Shlyush to the head of the East European Department of the Israeli Foreign Ministry A. Eshel 20.09.1957*. Archive number: 130.23/3115/4. (In Russ.).

GAI, 130.23/3115/8 — *State Archives of Israel. Memo of A. Shlyush to Israel's Ambassador in Moscow I. Avidar 30.04.1957*. Archive number: 130.23/3115/8. (In Russ.).

GAI, 130.23/3115/9a — *State Archives of Israel. Letter from A. Shlyush to the Economic Department of the Ministry of Foreign Affairs about the import of Soviet films 04.12.1957*. Archive number: 130.23/3115/9. (In Russ.).

GAI, 130.23/3115/9b — *State Archives of Israel. Meir by A. Yeshel to Israeli Foreign Minister G. Meir on his trip to Moscow 23.10.1957*. Archive number: 130.23/3115/9. (In Russ.).

References

Bialer, U. (1990). *Between East and West: Israel's Foreign Policy Orientation 1948—1956.* London: Cambridge University Press. 304 p.

Brecher, M. (1974). *Decisions in Israel's Foreign Policy*. London: Oxford University Press. 639 p.

Eban, A. (1992). *Personal Witness: Israel Through My Eyes*. New York: G. P. Putnam's Sons. 671 p.

Kornilov, A. A. (1994). *Between war and peace. On the process of making foreign policy decisions in the State of Israel (1948—1993)*. Nizhniy Novgorod: NNGU. 144 p. (In Russ.).

Nosenko, V. I. (1991). The nature and stages of Soviet-Israeli relations (1948-1990). In: *USSR and the Third World: A New Look at Foreign Policy Problems*. Moscow. 65—104. (In Russ.).

Ryzhov, I. V. (2009). Features of Soviet-Israeli political and economic relations. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 4. History. Regional studies. International relationships, 1:* 78—85. (In Russ.).

Shlaim, A. (2000). *The Iron Wall: Israel and the Arab World.* London: Penguin. 670 p.

Strizhov, Yu. I. (1995). USSR and the creation of the State of Israel. *The International Affairs, 11/12:* 94—97. (In Russ.).

Zvyagelskaya, I. D. (2012). History of the State of Israel. Moscow: Aspekt Press. 359 p. (In Russ.).

Zvyagelskaya, I. D., Karasova, T. A., Fedorchenko, A. V. (2005). *State of Israel.* Moscow: Institut vostokovedeniya RAN. 560 p. (In Russ.).

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Котельников К. Д. Амбулатория Российского Общества Красного Креста в Берлине в 1920—1930-е годы / К. Д. Котельников // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 375—387. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-375-387.

Kotelnikov, K. D. (2021). Outpatient Clinic of Russian Red Cross in Berlin in 1920s —1930s. *Nauchnyi dialog, 8:* 375-387. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-375-387. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-375-387

Амбулатория Российского Общества Красного Креста в Берлине в 1920—1930-е годы

Котельников Константин Дмитриевич
orcid.org/0000-0001-7726-0706
инженер-исследователь
kotelnikowk@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-39-90061

Outpatient Clinic of Russian Red Cross in Berlin in 1920s —1930s

Konstantin D. Kotelnikov
orcid.org/0000-0001-7726-0706
Research Engineer
kotelnikowk@mail.ru

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The reported study was funded by RFBR, project number 19-39-90061

© Котельников К. Д., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья вводит в научный оборот документы архива Лиги Наций, касающиеся истории уникального эмигрантского учреждения — русской Амбулатории в Берлине. Сообщается, что не менее 17 лет (с 1920 года) клиника оказывала бесплатную помощь малоимущим. Годовые отчёты и переписка клиники позволяют не только оценить масштабы деятельности благотворителей Русского Берлина и ее гуманитарное значение, но и проанализировать сведения о социальных и демографических процессах в эмигрантском сообществе в 1920—1930-е годы. Отмечается, что с 1920 по 1934 годы клиника приняла 171 955 посещений пациентов (более полутора тысяч человек в год, любых возрастов и национальностей). Приводятся сведения о том, что врачи лечили широкий спектр заболеваний: сердечно-сосудистые, нервные, венерические, органов дыхания и пищеварения, мочеполовой системы, глазные и ушные, последствия ранений и травмы. Установлено, что амбулатория выдавала бесплатные лекарства, продукты питания, предметы первой необходимости и с начала 1930-х годов предоставляла обеды и места в общежитии Армии Спасения для бездомных. Приводится статистика клиники с данными о национальном составе Русского Берлина (самыми репрезентативными из известных), старении эмиграции в Германии, низкой рождаемости в 1930-е годы и распространении бедности в связи с «великой депрессией».

Ключевые слова:
Русский Берлин; русская эмиграция; Лига наций; беженцы; статистика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The documents of the League of Nations archive concerning the history of a unique emigrant institution — the Russian Ambulatory in Berlin are introduced into scientific circulation in the article. It is reported that for at least 17 years (since 1920), the clinic had provided free assistance to the poor. The annual reports and correspondence of the clinic make it possible not only to assess the scale of the activities of the philanthropists of Russian Berlin and their humanitarian significance, but also to analyze information about the social and demographic processes in the emigrant community in the 1920s—1930s. It is noted that from 1920 to 1934 the clinic received 171,955 patients (more than one and a half thousand people a year, of all ages and nationalities). Information is given that doctors treated a wide range of diseases: cardiovascular, nervous, venereal, respiratory and digestive system, urogenital system, eye and ear, the consequences of injuries and trauma. It has been established that the outpatient clinic distributed free medicines, food, and basic necessities since the early 1930s and provided lunches and places in the Salvation Army dormitory for the homeless. The statistics of the clinic are presented with data on the ethnic composition of Russian Berlin (the most representative of the known ones), the aging of emigration in Germany, and the low birth rate in the 1930s and the spread of poverty associated with the Great Depression.

Key words:
Russian Berlin; Russian Emigration; League of Nations; refugees; statistics.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94:341.33(47:430.131)“192/193”

Амбулатория Российского Общества Красного Креста в Берлине в 1920—1930-е годы

© Котельников К. Д., 2021

1. Введение

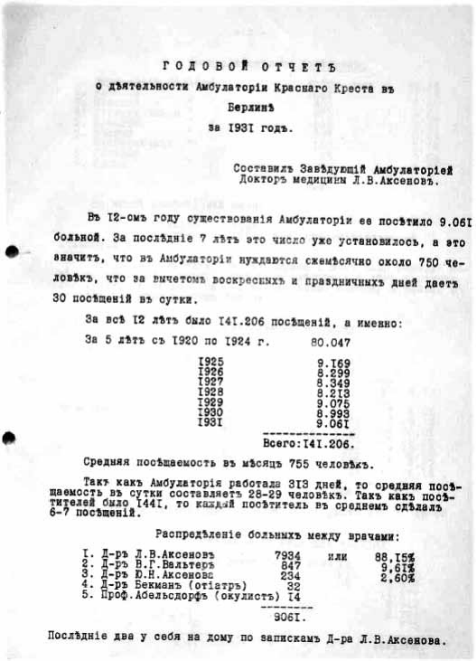
Русские эмигранты в Берлине, которых в начале 1920-х годов насчитывалось около 100 тысяч человек, оказались в сложной гуманитарной ситуации [Котельников, 2020а]. «Бесподданные» в Германии не могли пользоваться теми же гарантированными государством услугами, что и немецкие граждане; правительство вело анти-интеграционную политику: биржи труда неизменно отдавали предпочтение немцам, в несколько раз дороже стоили для иностранцев жильё, высшее образование и государственные пошлины (например, судебные) [Oltmer, 2003; Oltmer, 2005; Бочарова, 2006]. Среди немцев распространилось враждебное отношение к иностранцам и беженцам — как к бремени для немецкого народа и конкурентам за рабочие места [Dodenhoeft, 1993, S. 18—19]. Хроническая для огромного числа эмигрантов проблема трудоустройства стала причиной их массовой бедности и оттока из Германии, особенно с 1923 года. Тысячи людей не могли самостоятельно обеспечить свои базовые потребности в продуктах питания, предметах одежды и гигиены, юридической и медицинской помощи.

«Ответом» на эти трудности стало появление в «русской колонии» в Берлине благотворительных организаций и профессиональных союзов. В первой половине 1920-х годов возникло несколько десятков эмигрантских объединений (по оценке историка А. И. Ушакова, более восьмидесяти) [Ušakov, 1995, S. 133]. Большая их часть представляла собой небольшие клубы по интересам и комитеты-однодневки вроде союза владельцев недвижимости в России или клуба русских бильярдистов [Время, 1921, 4 апреля], однако не менее десятка действовали много лет, оказывали помощь тысячам беженцев и включали в себя сотни, а то и тысячи членов (Общество помощи русским гражданам в Берлине, Центральное бюро русских артелей, Союз русских евреев в Германии, Союз русских сценических деятелей в Германии, студенческие союзы и др.). Сведения о деятельности большей части подобных организаций довольно скупы, некоторые подробности известны из периодической печати (эмигрантской берлинской газеты «Руль» прежде всего), документов РЗИА (ГАРФ) и источников личного происхождения.

В этом ряду история русской амбулатории в Берлине — пример организации, не только жизненно необходимой и широко известной среди

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

эмигрантов в 1920—30-е годы, но и доступной для исследования благодаря фонду берлинского офиса верховного комиссара по делам беженцев Ф. Нансена при Лиге наций; фонд хранится в архиве ООН[1] (United Nations Archives, Geneva. Nansen Office for Refugees in Germany (Berlin)) [UN Archives]. В материалах фондах содержится переписка русских объединений с офисом, который оказывал им финансовую и иную помощь. В числе прочих документов сохранились годовые отчёты русской Амбулатории от 1931 года (рис. 1) и 1934 года, а также финансовый отчёт 1933 года. Особенность этих документов заключается в том, что их составитель — заведующий клиникой доктор Леонид Аксёнов — включал в них статистические сведения о предшествующих годах, отмечал динамику демографического и социального положения Русского Берлина. Эти акты дополняют публикации газеты «Руль» о работе врачей.

ГОДОВОЙ ОТЧЕТЪ
о дѣятельности Амбулаторіи Краснаго Креста въ
Берлинѣ
за 1931 годъ.

Составилъ Завѣдующій Амбулаторіей
Докторъ медицины Л.В.Аксеновъ.

Въ 12-омъ году существованія Амбулаторіи ее посѣтило 9.061 больной. За послѣдніе 7 лѣтъ это число уже установилось, а это значитъ, что въ Амбулаторіи нуждается ежемѣсячно около 750 человѣкъ, что за вычетомъ воскресныхъ и праздничныхъ дней даетъ 30 посѣщеній въ сутки.

За всѣ 12 лѣтъ было 141.206 посѣщеній, а именно:

За 5 лѣтъ съ 1920 по 1924 г. 80.047

1925	9.169
1926	8.299
1927	8.349
1928	8.213
1929	9.075
1930	8.993
1931	9.061
Всего:	141.206.

Средняя посѣщаемость въ мѣсяцъ 755 человѣкъ.

Такъ какъ Амбулаторія работала 313 дней, то средняя посѣщаемость въ сутки составляетъ 28-29 человѣкъ. Такъ какъ посѣтителей было 1441, то каждый посѣтитель въ среднемъ сдѣлалъ 6-7 посѣщеній.

Распредѣленіе больныхъ между врачами:

1. Д-ръ Л.В.Аксеновъ	7934	или	88,15%
2. Д-ръ В.Г.Вальтеръ	847		9,61%
3. Д-ръ Е.Н.Аксенова	234		2,60%
4. Д-ръ Бекманъ (отіатръ)	32		
5. Проф.Абельсдорфъ (окулистъ)	14		
	9061.		

Послѣдніе два у себя на дому по запискамъ Д-ра Л.В.Аксенова.

Рис. 1. Первый лист Годового отчёта амбулатории за 1931 год
(Место хранения: С 1254 / 169.2. Годовой отчёт о деятельности Амбулатории Красного Креста в Берлине за 1931 год) [UN Archives]

1 Копии дел архива ООН, привлечённых для подготовки этой статьи, предоставил автору историк Игорь Романович Петров.

CC BY

Врачи стали одним из первых профессиональных сообществ, создавших в Берлине своё объединение. Общество русских врачей появилось в начале 1920 года. Под председательством д-ра Н. И. Голубева (а с 1922 года — д-ра В. Н. Лызнова) собралось несколько десятков человек: Б. Б. Кипнис, Е. К. Пиэтт, А. Н. Нибург, Л. В. Аксенов и другие [Руль, 1921, 18 января, № 51; Руль, 1922, 26 марта, № 414]. К 1923 году формально Общество включало в себя 139 членов, но реальное участие в его работе принимало 36 докторов [Руль, 1923, 28 января, № 658]. Одна из проблем союза заключалась в занятости его членов: врачи открывали в Берлине частные кабинеты, но, очевидно, не все могли позволить себе практику. Перед организацией встал вопрос о трудоустройстве. Сначала врачи планировали открыть платную амбулаторию «для помощи нуждающимся коллегам» [Руль, 1920, 23 ноября, № 6], но очень скоро нашли способ соединить это полезное дело с ещё одним, полезным даже более. Так 1 марта 1920 года при поддержке РОКК (Российского Общества Красного Креста[1]) появилась «Русская Амбулатория», в которой помощь больным оказывалась на благотворительных началах. Возглавил клинику доктор А. Н. Нибург, которого вскоре сменил терапевт Леонид Аксенов — он и руководил амбулаторией более 15 лет[2].

Кроме РОКК, которое активно помогало клинике все 1920-е годы, врачей поддержали отдельные благотворители. Сначала русский немец В. Э. Фальц-Фейн и К. А. Цоппи оплатили оборудование: медицинские инструменты и всё необходимое для зубоврачебного кабинета, а также лабораторий химических и бактериоскопических анализов [Руль, 1924, 3 октября, № 1166]. Со временем появился в амбулатории и «электрический кабинет» — то есть физиотерапевтический. Благодаря частным благотворителям и РОКК клиника разместилась в центре Берлина в нескольких комнатах пансиона на Мариенштрассе, 30. Постоянно работали там 6 врачей и 2 санитара. Окулист проф. Абельсдорф и отиатр д-р Бекман принимали больных по необходимости (с заболеваниями глаз и ушей обращались нечасто). Врачи занимались лечением «внутренних заболеваний» (то есть терапией), сердечно-сосудистых, требующих небольшого хирургического вмешательства (под местным наркозом), лечили травмы, нарушения пищеварения, гинекологические, кожные, венерические и психические болезни. В сложных случаях венерических заболеваний или при необходимости серьёзной операции больные направлялись в больницы (значительную часть операций

1 В РОКК входили в основном бывшие члены Российского Красного Креста под началом председателя С. Д. Боткина и барона А. А. Врангеля.

2 Леонид Аксенов — сын русского военного чиновника из Санкт-Петербурга, врач, с 1919 года в Германии [UN Archives. C 1254 / 169.2. Bescheinigung, den 11. April 1933, S. 2].

CC BY

как в амбулатории, так и в немецких больницах оплачивал РОКК [Volkmann, 1966, S. 19]). Посетители амбулатории платили за услуги врачей по мере возможности, неимущих принимали бесплатно. Внимания на национальность, гражданство и политические убеждения доктора не обращали.

2. Пациенты, заболевания и последствия экономического кризиса

С самого начала в Обществе врачей звучала идея, что клиника должна оказывать не только медицинскую помощь, но и иную, в том числе выдавать бесплатно лекарства [Руль, 1921, 18 января, № 51]. Это удалось реализовать. В начале 1920-х годов амбулатория предоставляла наиболее бедным пациентам и детям сгущённое молоко, масло, яйца, хлеб [Руль, 1924, 3 октября, № 1166], лекарства, очки, костыли, а затем в большом количестве мыло, одежду, карточки на бесплатные обеды, с начала 1930-х годов бездомных пациентов амбулатория направляла в общежития Армии Спасения (оплачивалось это в основном частными благотворителями клиники из числа обеспеченных эмигрантов) [UN Archives. C 1254 / 169.2. Годовой отчёт… 1931 год; Годовой отчёт… 1934 год].

Помощью амбулатории в первую очередь пользовались, по выражению журналиста газеты «Руль» Ивана Лукаша, «отпетые бедняки» [Руль, 1924, 3 октября, № 1166]. Более половины пациентов не могли оплатить лечение. Таких насчитывалось по несколько сотен в год. За 15 лет работы (1920—1934 годы) пациенты посетили клинику 171 955 раз. Каждый больной делал в среднем 6—7 посещений; так, в 1934 году на 11 244 посещений пришлось 1709 пациентов [UN Archives. C 1254 / 169.2. Годовой отчёт … 1934 год. Л. 6]. Отчёты заведующего д-ра Аксенова содержат данные о посещениях амбулаторий за каждый год [Там же]. Почти половина приходится на 1920—1924 годы, когда Русский Берлин был особенно многочисленным (табл. 1).

Таблица 1

Статистика посещений клиники в 1920—1934 годах

Год	Число посещений
1920—1924	80 047 (пик пришёлся на 1923 год — 19 014)
1925—1929	43 105
1930	8 993
1931	9 061
1932	9 052
1933	10 453
1934	11 244

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Не менее скрупулёзно амбулатория вела учёт заболеваний; документы отражают статистику за первую половину 1920-х годов [UN Archives. C 1252 / 1671. Bericht ueber die Taetigkeit… S. 8], 1931и 1934 годов [UN Archives. C 1254 / 169.2. Годовой отчёт… 1931 год. Л. 2; Годовой отчёт… 1934 год. Л. 6—7] (табл. 2).

Таблица 2

Статистика заболеваний

Болезни	**1920 — 1926 гг.**	**1931 г.**	**1934 г.**
Внутренние (в основном малокровие, лёгочные, сердечно-сосудистые заболевания и нарушения пищеварения)	52,2 %	58,6 % (5275)	58,8 % (6638)
Анализы	н.д.	11,8 % (1062)	10,5 % (1191)
Нервные (в основном неврастения и невралгия)	9,5 %	8,9 % (803)	10,1 % (1145)
Хирургия (преимущественно травматология)	8,7 %	8,6 % (770)	9,7% (1103)
Женские (преимущественно климактерий)	5 %	5,9 % (535)	5,4% (618)
Кожные	4,5 %	3,4 % (307)	2,6 (293)
Ушные	3,5 %	0,8 % (73)	0,5 % (63)
Венерические	2,8 %	1,7 % (150)	1 % (117)
Зубные	2,7 %	н.д.	н.д.
Глазные	2,6 %	0,9 % (86)	0,7 % (76)

Таблица демонстрирует довольно устойчивое распределение, в этой общей классификации отсутствует значительная динамика, которая требовала бы дополнительных объяснений. Снижение числа кожных болезней можно объяснить улучшением санитарного состояния Берлина, подчёркнутое Л. В. Аксеновым в отчёте; с этим же доктор связывал очень низкое количество случаев туберкулёза [UN Archives. C 1254 / 169.2. Годовой отчёт… 1931 год, л. 5]. Большее число венерических заболеваний в первой половине 1920-х годов объясняется несколькими факторами: значительную часть эмигрантов в то время составляли бывшие воины белых армий, недавно покинувшие военную обстановку и оказавшиеся в Берлине с его бурной ночной жизнью и процветающей проституцией; во-вторых, клиника нередко отправляла больных этой категории в берлинскую клинику «Шаритэ» — возможно, зная это, пациенты сразу обращались туда.

Интересны наблюдения Л. В. Аксенова за тенденциями заболеваемости. Его сведения особенно ценны, так как он лично видел большую часть

CC BY

пациентов: в 1931 году амбулаторию посетило 1441 человек, 88 % принял сам заведующий. Доктор заметил в том году резкий рост заболеваемости «катарром верхушек лёгких», что он объяснил «житейскими невзгодами», то есть «тяжёлым материальным положением беженца», «его плохим заработком и связанным с этим плохим питанием, недостаточным отоплением жилища, плохой одеждой». По этой же причине существенно возросло число заболевших малокровием (по 5 человек в день) и неврастенией [Там же, л. 4—5]. Кризисный 1931 год стал одним из самых тяжёлых для Германии в период «великой депрессии»: безработица к тому моменту достигла отметки в 5 млн человек [Preller, 1949, S. 394], неудивительно, что небогатым иностранцам приходилось особенно туго. Отчёт амбулатории за 1931 год говорит об этом прямо: «*Пошли крахи банков, пошло повсюду сокращение штатов, число безработных стало расти — во всей этой катастрофе более всего потерпел многострадальный русский беженец и ни в чем не повинные русские*» [Там же, л. 14]. К 1934 году ситуация с катарром и малокровием стала несколько лучше, однако в целом положение оставалось тревожным. Аксенов отмечал большое число случаев неврастении (449 посещений), истерии (43) и психозов — паранойи и меланхолии (7) [UN Archives. C 1254 / 169.2. Годовой отчёт… 1934 год, л. 10].

О бедности посетителей амбулатории красноречиво сообщает и структура обращений по гинекологическим вопросам. В 1931 году всего 18 посещений пришлось на беременность, в 1934 году — 19. С одной стороны, это свидетельство низкой рождаемости в эмиграции в принципе, с другой — ситуация объясняется бедностью пациентов конкретно этой клиники (бедные, как известно, обычно менее склонны заводить детей). Гораздо чаще в амбулаторию обращались с климактерием. В отчёте 1934 года Аксенов отмечает, что климакс «у русских беженок <…> начинается очень рано, часто в середине 5-го десятка жизни» [Там же, л. 12]. Этой тенденции способствовало также старение русской эмиграции. В клинику всё чаще приходили с ревматизмом, рос средний возраст пациентов: «*В первые годы существования Амбулатории число ревматиков ограничивалось десятками (моложе колония, богаче её представители, лучшие условия жизни); за последние 5—6 лет их число растёт и достигло в последнем году 570 случаев (в 33 году 356)*» [Там же, л. 10].

Наконец, о бедности эмиграции в Берлине свидетельствует востребованность бесплатного мыла. В 1934 году врачи раздали 577 кусков. Л. В. Аксенов писал об этом: «*На первый взгляд, выдача куска мыла кажется настолько скромной помощью, что об ней не стоило бы и говорить. На самом деле это далеко не так. Чтобы понять это, надо знать, что многие из получавших его не видели мыла неделями, при чем в это время они пешком*

CC BY

брели сотни километров со всех границ Германии в ее центр — Берлин. Надо было видеть удовольствие этих людей при мысли о возможности помыться с мылом в ночлеге, куда их направляла Амбулатория» [Там же, л. 14]. Спросом пользовалась и квартирная помощь, организованная при клинике в 1930 году; в 1934 году ей воспользовалось 162 человека — они провели в общежитии Армии Спасения 826 ночей; в 1931 году — чуть больше; кроме того, Амбулатория выдала 3520 карточек на бесплатные обеды в столовой, 24 рубахи, 24 пары кальсон и 72 пары чулок [Там же, л. 15]. Доктор Аксенов указывал также, что к 1934 году обеднение коснулось и прежде благополучных эмигрантов: «*Амбулаторию стали посещать те люди, которые несколько лет тому назад в случае болезни приглашали врача к себе на дом. Ухудшившееся материальное положение … заставляет их пойти в Амбулаторию и искать совет за 50 пф[еннигов]*» [Там же, л. 18]. Это отразилось и на финансовом положении клиники. Суммы пожертвований уменьшались (в 1928 году — 2503 марок, а в 1931 году — 1224 марки), объём бесплатной помощи увеличивался [UN Archives. C 1254 / 169.2. Доклад …, л. 1].

3. Национальная, демографическая и собственная финансовая статистика

Наряду с данными о бедности и заболеваемости отчёты доктора Аксенова содержат сведения о национальном и демографическом составе эмигрантов в Берлине. При анализе 171 955 посещений за 15 лет получилась следующая статистика по национальностям (табл. 3).

Таблица 3

Статистика национальной принадлежности пациентов

Национальность	**Численность**		
	1934 г.	**1920—1934 гг.**	
Русские	5705	107 569	62,5 %
Немцы	2761	31 826	18,5 %
Евреи	1704	19 332	11,2 %
Украинцы	211	6 320	3,6 %
Жители Кавказа	346	2 817	1,6 %
Татары	13	2 770	1,6 %
Поляки	294	н.д.	
Прочие	210	1 027	0,6 %
Всего	11 244	171 955	

Данная статистика основана на наиболее репрезентативной выборке из всех известных в источниках о Русском Берлине. В целом она соответству-

CC BY

ет сделанным ранее наблюдениям о доминирующем числе русских при высокой численности в Берлине русских немцев, русских евреев и украинцев [Котельников, 2020б, с. 45]. Учёт поляков не вёлся до 1934 года, так как их количество составляли единицы. Л. В. Аксенов отметил, что под немцами имеются в виду преимущественно русские немцы, православные, хотя некоторые и граждане Германии; коренных берлинцев в клинике появлялось год от года всё больше, но в целом было немного: в 1934 году — 402 посещения из 2761 [UN Archives. C 1254 / 169.2. Годовой отчёт... 1934 год, л. 7—8].

Большая часть посетителей клиники к 1934 году — эмигранты старше 40 лет. Обращает на себя внимание небольшое число детей до 12 лет, то есть рождённых уже в эмиграции: 617 посещений за год, в основном это воспитанники немецко-русской берлинской гимназии (в школе обучалось до полутора сотен мальчиков и девочек [Шевченко, 2017, с. 376—378]). Немного и молодёжи — от 12 до 20 лет (584 посещения) и от 21 до 30 лет (792). Чаще посещали клинику эмигранты от 31 до 40 лет (2676), а наибольшее число посещений приходится на возраст от 41 до 60 лет (6015); пациентов от 61 года и старше клиника в 1934 году приняла 560 раз. Из 1709 пациентов мужчин насчитывалось 830, женщин — 879, при этом Аксенов отмечал, что в первые годы работы клиники мужчин, наоборот, было чуть больше [Там же, л. 6—7].

В докладах заведующий амбулаторией подробно описывает и доходы клиники. Ввиду бедности русской эмиграции врачи не раз сталкивались с финансовым кризисом и даже временно ограничивали выдачу бесплатных лекарств. Менее половины расходов покрывали собственные сборы амбулатории, то есть плата пациентов за помощь. Остальное обеспечивали отдельные благотворители и организации — «высокодобрый и гуманный человек» В. И. Корнель (русский немец, московский предприниматель, помогал врачам особенно много), В. Э. Фальц-Файн, Н. Г. ф. Фальц-Файн, К. А. Цоппи, О-во Текстиль Экспорт-Импорт, немецкое благотворительное общество «Каритас» (существует и поныне), РОКК и др.; доходы давали и благотворительные вечера, устраиваемые обычно раз в год [UN Archives. C 1254 / 169.2. Годовой отчёт… 1931 год, л. 12]. Покровительство врачам оказывала великая княжна Вера Константиновна. С 1932 года решающую роль играли ассигнования Лиги наций. Благодаря им амбулатория обновила инвентарь и переехала в более приспособленное помещение [UN Archives. C 1254 / 169.2. Доклад…, л. 1—2].

4. Заключение

Клиника регулярно просила эмигрантов и общественные организации о помощи, чтобы покрыть расходы на бесплатное лечение пациентов. По-

CC BY

следний лист отчёта 1934 года заканчивается словами: «Амбулатория приступает к 16-му году своего существования, в котором готовится принять более 12 000 больных, из коих более 7 000 не сможет заплатить за полученный совет и помощь» [UN Archives. C 1254 / 169.2. Годовой отчёт… 1934 год, л. 25]. Очевидно, изыскивать средства удавалось по меньшей мере до 1937 года — этим годом датируются последние документы переписки клиники, РОКК и берлинского нансеновского офиса. Дальнейшая судьба амбулатории неизвестна, вероятно, она действовала до конца 1930-х годов.

Клиника стала одним из самых социально значимых благотворительных начинаний Русского Берлина (наряду с бесплатным общежитием Общества помощи русским гражданам в Берлине и Центральным бюро русских артелей). Её работа удовлетворяла базовую и критическую потребность эмигрантов. Главная газета берлинской эмиграции «Руль» неизменно публиковала призывы помочь амбулатории и её новости, журналисты оставляли тёплые отзывы о её работе. В статье «Тихий огонь» в 1924 году журналист И. Лукаш писал, что клиника — это «огромное, может быть, самое значительное дело для русских эмигрантов в Берлине»: «*Работа шести амбулаторных врачей, заведующего доктора Л. В. Аксенова, В. Г. Вальтера, И. Л. Гольденберга, Я. Г. Шерешевского, Ю. Н. Аксеновой, Ф. Ф. Вильтрубе, а также доктора Бекмана и проф. Абельсдорфа — имеет, вероятно, в конечном счете больше значения, чем самый шумный концерт и самый глубокий бас*» [Руль, 1924, 3 октября, № 1166].

Статистика клиники представляет собой ценный источник — это единственные численно обоснованные данные о национальном составе русской эмиграции в Германии, а также уникальные сведения обобщающего характера о социальном положении Русского Берлина начала 1930-х годов. Статистика заболеваний и комментарии Л. В. Аксенова также представляют собой убедительное свидетельство распространения бедности вследствие экономического кризиса начала 1930-х годов в Германии. Наконец, данные о доходах клиники и её благотворителях позволяют сделать вывод о том, что русские немцы (В. И. Корнель, К. А. Цоппи, В. Э. Фальц-Файн и др.) играли важную интегрирующую роль в сообществе Русского Берлина 1920—1930-х годов, а сам факт длительного существования амбулатории (аналоги которой в эмиграции автору неизвестны), несмотря на финансовые трудности, демонстрирует масштабы и эффективность самоорганизации русской эмиграции «первой волны» в Германии.

Источники и принятые сокращения

1. *Время* (Берлин). — 1921, 4 апреля.

2. *Руль* (Берлин). — 1920, 23 ноября, № 6 ; 1921, 18 января, № 51 ; 1922, 26 марта, № 414 ; 1923, 28 января, № 658 ; 1924, 3 октября, № 1166.

3. UN Archives — *United* Nations Archives. C 1254 / 169.2. Годовой отчёт о деятельности Амбулатории Красного Креста в Берлине за 1931 год ; C 1254 / 169.2. Годовой отчёт о деятельности Амбулатории при О-ве бывших деятелей Красного Креста Императорской России за 1934 год ; United Nations Archives, Geneva. Nansen Office for Refugees in Germany (Berlin)). C 1254 / 169.2. Delegation in Germany (Berlin). Russisches Rotes Kreuz : various correspondence 1929—1938. Bescheinigung, den 11. April 1933 ; C 1254 / 169.2. Delegation in Germany (Berlin). Russisches Rotes Kreuz : various correspondence 1929—1938. Доклад о финансовом положении амбулатории РОКК в Берлине ; Nansen Office for Refugees in Germany (Berlin). C 1252 / 1671. Delegation in Germany (Berlin). Correspondence with organizations of Russian Refugees. A — T. 1924—1927. Bericht über die Tätigkeit und Bedürfnisses des Ambulatoriums des Russischen Roten Kreuzes in Deutschland (Alte Organisation), Berlin, Marienstr. 30.

Литература

1. *Бочарова З. С.* Урегулирование прав российских беженцев в Германии в 1920—1930-е гг. / З. С. Бочарова // Русский Берлин : 1920—1945 : Международная научная конференция. — Москва : Русский путь, 2006. — С. 369—405.

2. *Котельников К. Д.* “Пирамида без основания» : социальный состав русской эмиграции в Германии в 1920-е гг. / К. Д. Котельников // Клио. — 2020а. — № 2. — С. 43—47.

3. *Котельников К. Д.* Численность русской эмиграции в Берлине 1920-х гг. по германским источникам / К. Д. Котельников // Вестник архивиста. — 2020б. — № 3. — С. 692—704. — DOI: 10.28995/2073-0101-2020-3-692-704.

4. *Шевченко В. А.* Русская школа в эмиграции. От Белграда до Харбина / В. А. Шевченко. — Москва : АЙРИС-пресс, 2017. — 573 с. — ISBN 978-5-8112-5780-5.

5. *Dodenhoeft B.* “Laßt mich nach Rußland heim”. Russische Emigranten in Deutschland von 1918 bis 1945 / B. Dodenhoeft. — Frankfurt am Main : Peter Lang, 1993. — 338 S.

6. *Oltmer J.* Migration und Politik in der Weimarer Republik / J. Oltmer. — Göttingen : Vadenhoeck & Ruprecht, 2005. — 564 p.

7. *Oltmer J.* Schutz des nationalen Arbeitsmarkts: transnationale Arbeitswanderungen und protektionistische Zuwanderungspolitik in der Weimarer Republik / J. Oltmer // Migration steuern und verwalten. Deutschland vom späten 19. Jahrhundert bis zur Gegenwart / IMIS-Schriften, Bd. 12. — Göttingen : V&R unipress GmbH, 2003. — Pp. 85—122.

8. *Preller L.* Sozialpolitik in der Weimarer Republik / L. Preller. — Stuttgart, 1949.

9. *Ušakov A. I.* Die russischen Hilfsorganisationen in Deutschland zu Beginn der 20er Jahre / A. I. Ušakov // Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941 : Leben im europäischen Bürgerkrieg. — Berlin : Akademie Verlag, 1995. — Pp. 131—138.

10. *Volkmann H.-E.* Die russische Emigration in Deutschland 1919—1929 / H.-E. Volkmann. — Würzburg : Holzner-Verlag, 1966. — VIII. — 154 p.

Material resources

Rudder (Berlin). (1920). November 23, № 6. (1921). January 18, № 51. (1922). March 26, № 414. (1923). January 28, № 658. (1924). October 3, № 1166. (In Russ).
Time (Berlin). (1921). April 4. (In Russ).

CC BY

UN Archives — *United Nations Archives, Geneva. Nansen Office for Refugees in Germany (Berlin).* (1933). C 1254 / 169.2. Delegation in Germany (Berlin). Russisches Rotes Kreuz: various correspondence 1929—1938. Bescheinigung, den 11. April ; C 1254 / 169.2. Annual report on the activities of the Red Cross Outpatient Clinic in Berlin for 1931 ; C 1254 / 169.2. Annual report on the activities of the Outpatient Clinic at the Former Red Cross Workers of Imperial Russia for 1934 ; C 1254 / 169.2. Delegation in Germany (Berlin). Russisches Rotes Kreuz: various correspondence 1929—1938. Report on the financial situation of the ROKK Outpatient Clinic in Berlin ; Nansen Office for Refugees in Germany (Berlin). C 1252 / 1671. Delegation in Germany (Berlin). Correspondence with organizations of Russian Refugees. A—T. 1924—1927. Bericht über die Tätigkeit und Bedürfnisses des Ambulatoriums des Russischen Roten Kreuzes in Deutschland (Alte Organisation), Berlin, Marienstr. 30.

References

Bocharova, Z. S. (2006). Settlement of the rights of Russian refugees in Germany in the 1920s — 1930s. In: *Russian Berlin: 1920—1945: International Scientific Conference.* Moscow: The Russian Way. 369—405. (In Russ).

Dodenhoeft, B. (1993). *"Laßt mich nach Rußland heim". Russische Emigranten in Deutschland von 1918 bis 1945*. Frankfurt am Main: Peter Lang. (In Germ).

Kotelnikov, K. D. (2020a). "Pyramid without a foundation": the social composition of Russian emigration in Germany in the 1920s. *Klio, 2:* 43—47. (In Russ).

Kotelnikov, K. D. (2020b). The number of Russian emigration in Berlin in the 1920s. according to German sources. *Bulletin of the archivist, 3:* 692—704. DOI: 10.28995/2073-0101-2020-3-692-704. (In Russ).

Oltmer, J. (2003). Schutz des nationalen Arbeitsmarkts: transnationale Arbeitswanderungen und protektionistische Zuwanderungspolitik in der Weimarer Republik. In: *Migration steuern und verwalten. Deutschland vom späten 19. Jahrhundert bis zur Gegenwart. IMIS-Schriften, 12.* Göttingen: V&R unipress GmbH. 85—122. (In Germ).

Oltmer, J. (2005). *Migration und Politik in der Weimarer Republik.* Göttingen: Vadenhoeck & Ruprecht. 564 p. (In Germ).

Preller, L. (1949). *Sozialpolitik in der Weimarer Republik*. Stuttgart. (In Germ).

Shevchenko, V. A. (2017). *Russian school in emigration. From Belgrade to Harbin.* Moscow: IRIS-press. 573 p. ISBN 978-5-8112-5780-5. (In Russ).

Ušakov, A. I. (1995). Die russischen Hilfsorganisationen in Deutschland zu Beginn der 20er Jahre. In: *Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941: Leben im europäischen Bürgerkrieg.* Berlin: Akademie Verlag. 131—138. (In Germ).

Volkmann, H.-E. (1966). *Die russische Emigration in Deutschland 1919—1929, VII.* Würzburg: Holzner-Verlag. 154 p. (In Germ).

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Мамяченков В. Н. Великая Отечественная война и трудовые ресурсы промышленности Урала : особенности развития / В. Н. Мамяченков, А. Л. Анисимов, В. В. Шведов // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 388—399. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-388-399.

Mamyachenkov, V. N., Anisimov, A. L., Shvedov, V. V. (2021). Great Patriotic War and Labor Resources of Urals Industry: Development Features. *Nauchnyi dialog, 8:* 388-399. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-388-399. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-388-399

Великая Отечественная война и трудовые ресурсы промышленности Урала: особенности развития

Мамяченков Владимир Николаевич
orcid.org/0000-0001-6070-8746
доктор исторических наук, профессор
кафедры государственного и
муниципального управления
mamyachenkov@mail.ru

Анисимов Андрей Леонидович
orcid.org/0000-0002-5787-3975
кандидат экономических наук, доцент
кафедры конкурентного права и
антимонопольного регулирования
13051957@bk.ru

Шведов Владислав Витальевич
orcid.org/0000-0003-2130-3273
кандидат исторических наук, доцент
кафедры государственного и
муниципального управления
svedoff@mail.ru

Уральский государственный
экономический университет
(Екатеринбург, Россия)

Great Patriotic War and Labor Resources of Urals Industry: Development Features

Vladimir N. Mamyachenkov
orcid.org/0000-0001-6070-8746
Doctor of History, Professor
Department of State and
Municipal Administration
mamyachenkov@mail.ru

Andrey L. Anisimov
orcid.org/0000-0002-5787-3975
PhD in History, associate professor
Department of Competition Law
and Antimonopoly Regulation
13051957@bk.ru

Vladislav V. Shvedov
orcid.org/0000-0003-2130-3273
PhD in History, associate professor
Department of State and
Municipal Administration
svedoff@mail.ru

Ural State University of Economics
(Yekaterinburg, Russia)

© Мамяченков В. Н., Анисимов А. Л., Шведов В. В., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проводится анализ влияния Великой отечественной войны на обеспеченность трудовыми ресурсами промышленности Уральского экономического района. Использованы материалы фондов трех архивов — Российского государственного архива экономики, Государственного архива Свердловской области и Центра документации общественных организаций Свердловской области, часть из которых ранее не публиковалась. Сообщается, что вопросу влияния Великой Отечественной войны на экономику Уральского экономического района и ее отдельные отрасли (прежде всего — промышленность и сельское хозяйство) посвящен довольно обширный перечень исследований. Утверждается, что в годы войны в ходе массовой эвакуации Урал принял около 700 промышленных предприятий из западных районов страны. Констатируется, что столь масштабная, незапланированная и вынужденная миграция, с одной стороны, создала трудности, связанные с размещением оборудования и людей, а с другой — непропорционально разросшийся промышленный потенциал Уральского экономического района создал большие проблемы в послевоенный период. Акцентируется внимание на том, что Великая Отечественная война придала промышленности Урала сильнейший импульс к дальнейшему развитию. Доказывается, что война оказала противоречивое влияние на социально-экономическое развитие Урала. Подчеркивается, что для ликвидации дефицита трудовых ресурсов использовался испытанный еще до войны способ — массовое перемещение населения из села в город.

Ключевые слова:
трудовые ресурсы; промышленность; Великая Отечественная война; Уральский экономический район.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The analysis of the influence of the Great Patriotic War on the supply of labor resources to the industry of the Ural economic region is carried out. Materials from the funds of three archives were used — the Russian State Archive of Economics, the State Archive of the Sverdlovsk Region and the Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region, some of which have not been previously published. It is reported that a rather extensive list of studies is devoted to the question of the impact of the Great Patriotic War on the economy of the Ural economic region and its individual sectors (primarily industry and agriculture). It is alleged that during the war, during the mass evacuation, the Urals received about 700 industrial enterprises from the western regions of the country. It is stated that such a large-scale, unplanned and forced migration, on the one hand, created difficulties associated with the placement of equipment and people, and on the other. The disproportionately expanded industrial potential of the Ural economic region created great problems in the post-war period. Attention is focused on the fact that the Great Patriotic War gave the industry of the Urals a strong impetus for further development. It is proved that the war had a contradictory impact on the socio-economic development of the Urals. It is emphasized that to eliminate the shortage of labor resources, a method tested even before the war — the massive movement of the population from village to city was used.

Key words:
labor resources; industry; The Great Patriotic War; Ural economic region.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(47).084.8(470.5)

Великая Отечественная война и трудовые ресурсы промышленности Урала: особенности развития

© Мамяченков В. Н., Анисимов А. Л., Шведов В. В., 2021

1. Введение

Великая Отечественная война сохранится в истории СССР как событие, в сильнейшей степени повлиявшее буквально на все стороны его социально-экономической жизни и во многом определившее будущее страны. Можно утверждать, что шлейф этих событий распространится даже не на десятки — на сотни лет, а по сути последствия той войны не будут исчерпаны никогда, так как многие из них давно уже приняли необратимый характер.

В нашей статье речь пойдет о том, как повлияла война на обеспеченность трудовыми ресурсами промышленности Урала или, как иногда говорят, Уральского экономического района (УЭР). В исследуемый нами период в состав указанного района входили две республики (Удмуртия и Башкирия) и пять областей: Курганская (выделилась из Челябинской в 1943 году), Чкаловская (сейчас — Оренбургская), Молотовская (сейчас — Пермская), Свердловская и Челябинская. Все они довольно сильно различались по природно-климатическим условиям, структуре экономики и уровню ее развития, демографической ситуации и т. д.

На 1941 год площадь УЭР составляла 856,9 тыс. км^2 с населением 13,5 млн человек. При этом, например, по уровню развития машиностроения УЭР занимал четвертое место в СССР после Московского, Ленинградского и Украинского экономических районов, а его металлургические предприятия давали 18 % чугуна, 21 % стали и столько же проката от их общесоюзного производства. За годы предвоенных пятилеток в УЭР было построено и реконструировано более 400 крупных промышленных предприятий, а основные фонды промышленности только с 1928 по 1937 год выросли в 12 раз [Уральская …, с. 109].

Проблеме влияния Великой Отечественной войны на экономику УЭР и ее отдельные отрасли (прежде всего — промышленность и сельское хозяйство) посвящен довольно обширный перечень исследований. Из него мы бы в первую очередь выделили работы А. А. Антуфьева [Антуфьев, 1992], А. Ф. Васильева [Васильев, 1982], Г. Е. Корнилова [Корнилов, 1990], В. П. Мотревича [Мотревич, 1991] и М. А. Фельдмана [Фельдман, 2001]. В эти исследования внес свою лепту и один из авторов настоящей статьи [Мамяченков, 2017; 2019].

CC BY

В работах всех вышеперечисленных авторов значимое место уделено роли трудовых ресурсов («рабочей силе», как писал К. Маркс), ибо соединение последней со средствами производства и есть основа технологического процесса. При этом можно утверждать, что именно качество трудовых ресурсов является важнейшим фактором социально-экономического прогресса человеческого общества в целом.

Говоря об источниковой базе написания данного труда, следует сказать, что ее составили, прежде всего, неопубликованные по сей день материалы Российского государственного архива экономики (РГАЭ). Кроме того, в работе мы также использовали материалы двух региональных архивов: Государственного архива Свердловской области (ГАСО) и Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Авторы надеются, что введение данных материалов в научный оборот послужит делу дальнейшей успешной разработки проблемы использования трудовых ресурсов.

2. Великая Отечественная война и «великое переселение народов» в СССР: как это было на Урале

Последствия Великой Отечественной войны (точнее даже — Второй мировой, если учесть, что война с Японией завершилась 3 сентября 1945 года) явились для экономики области, как и всей советской страны, катастрофическими: практически во всех сферах экономики произошло существенное снижение показателей. Так, выплавка чугуна в 1945 году по сравнению с довоенным 1940 годом составила всего лишь 59 %, стали и проката было произведено соответственно 66 % и 65 %, нефти добыто 62 %. За этот же период в стране резко сократилось производство тракторов, комбайнов, паровозов, автомобилей — в 2—5 раз [Симонов, 1996].

Война самым серьезным образом деформировала всю структуру экономики страны, так как в одном только самом тяжелом 1941 году пришлось срочно переместить на Восток 2,6 тыс. промышленных предприятий (в том числе 1523 крупных), а кроме того — 5,5 млн человек. Это, естественно, привело к временному, но очень сильному падению объемов промышленного производства, которое в целом по стране сократилось в 2,1 раза. При этом выпуск целого ряда видов продукции невоенного назначения был полностью прекращен [Мотревич, 2004, с. 405—406, 414—415].

Уральский регион внес свой достойный вклад в процесс массовой эвакуации военных предприятий: здесь было принято и размещено, по некоторым источникам, 703 объекта. При этом, как отмечают некоторые авторы, в Свердловскую область было перемещено больше всего предприятий — 212, в Челябинскую — 200, в Пермскую (тогда Молотовскую) — 124

CC BY

[Мотревич, 2004, с. 404]. Впрочем, в литературе можно найти и другие цифры. Например, авторы Уральской исторической энциклопедии утверждают, что только во второй половине 1941 года на Урал было перемещено 667 предприятий [Уральская …, с. 620], а Я. Изаков пишет (ссылаясь на материалы ГАСО), что только в одну лишь Свердловскую область было эвакуировано 473 предприятия, из них 202 — в Свердловск [Мы приближали …, 2000, с. 480]. Наконец, Н. С. Симонов указывает немного другую цифру — 455 предприятий [Симонов, 1996, с. 140].

Конечно, суть дела была не столько в количестве предприятий (они могли быть самыми разными по размерам), сколько в количестве их персонала. Для разъяснения этого вопроса мы составили таблицу 1. Из нее очевидно следует, что наибольшее количество эвакуированных рабочих и служащих было направлено в Свердловскую и Челябинскую области, так как именно в этих регионах в 1945 году наблюдался наибольший прирост численности упомянутого персонала — 174 и 178 тыс. человек соответственно (табл. 1). Остальные регионы по этому показателю были далеко позади.

Конечно, в действительности две вышеприведенные цифры не в полной мере отражают количество прибывших в эвакуацию рабочих и служащих, так как они не учитывают призванных в действующую армию, успевших реэвакуироваться до сентября 1945 года на прежнее место жительства, наконец, повышенную в годы войны смертность и сниженную рождаемость (которая, кстати, в 1941—1944 годах на Урале упала в 3,7 раза [Урал …, с. 146]. Тем не менее мы оцениваем общее количество эвакуированных в годы войны рабочих и служащих предприятий западных регионов СССР в Свердловскую и Челябинскую области как минимум по 200 тыс. человек

Таблица 1

Динамика численности рабочих и служащих промышленности УЭР в 1940—1960 годах (по данным сентябрьского учета), *чел.*

Республики и области	**Годы**				
	1940	**1945**	**1950**	**1955**	**1960**
Башкирия	73635	131744	160489	216865	275482
Удмуртия	92510	112800	117470	147386	181443
Курганская	24821	32091	36956	46066	69490
Чкаловская	45607	81514	91931	111090	145295
Молотовская	202209	273502	324845	404329	482710
Свердловская	337016	511120	602572	693693	804891
Челябинская	180214	358232	391622	449218	535054
Весь УЭР	956042	1501003	1725885	2068647	2494365

Источник: [РГАЭ, ф. 1562, оп. 15, д. 3733, лл. 63—68, 71].

CC BY

в каждую. Всего же на январь 1943 года в УЭР насчитывалось 1474 тыс. эвакуированных граждан, ведь, помимо работников промышленности и членов их семей, среди эвакуированных были научные работники, деятели искусства и другие граждане [Уральская …, с. 619].

Столь масштабная, незапланированная и вынужденная миграция населения имела в качестве своих последствий два негативных фактора. Первый из них состоял в том, что она создала невероятные сложности при размещении оборудования и персонала на новых площадках и местах временного проживания. Другой же фактор заключался в том, что непропорционально разросшийся промышленный потенциал двух упомянутых областей (и не только их) создал большие проблемы в послевоенный период, о которых пойдет речь ниже.

И все-таки, несмотря на гигантские трудности, промышленность Урала все военные годы устойчиво обеспечивала фронт всем необходимым, внеся свой неоценимый вклад в дело достижения Победы. При этом созданная в годы войны производственная база получила дальнейшее развитие уже в послевоенные годы, благо, что большинство эвакуированных заводов и фабрик так и остались на уральской земле. Поэтому неудивительно, что, например, в Свердловской области объемы промышленного производства уже в 1947 году превзошли показатели довоенного 1940 года в разы: так, предприятия неофициальной столицы УЭР — Свердловска — произвели продукции вчетверо больше [ЦДООСО, ф. 4, оп. 43, д. 222, лл. 3—5].

Второй же позитивной стороной вынужденной эвакуации в годы войны было увеличение численности инженерно-технических работников, деятелей образования и культуры, что, несомненно, способствовало повышению темпов не только экономического, но и социального развития Урала.

3. Промышленность УЭР в послевоенные годы: долгий незатухающий импульс войны

После завершения Великой Отечественной войны большинство эвакуированных рабочих и служащих вернулись к местам своего довоенного проживания, чего нельзя сказать о предприятиях, на которых они работали. Действительно, только в Свердловске навсегда остались такие крупные военные предприятия, как московский завод № 214 (стал Уральским приборостроительным заводом), завод имени Калинина (стал крупнейшим производителем средств ПВО), завод № 217 (преобразован в Уральский оптико-механический завод), киевский завод «Большевик» (стал «прародителем» знаменитого Уралхиммаша) и др. Из невоенных предприятий осталась, например, известная столичная парфюмерная фабрика «Новая Заря», производственную базу которой «унаследовала» фабрика «Уральские самоцветы».

CC BY

В другом крупном городе Свердловской области — Нижнем Тагиле — на базе Уралвагонзавода, а также эвакуированных сюда более десятка предприятий (в их числе были Харьковский паровозостроительный и Бежицкий сталелитейный заводы) был создан танковый завод № 183 (в наши дни — снова Уралвагонзавод, занесенный, кстати, в книгу рекордов Гиннесса как самое крупное по занимаемой территории предприятие на нашей планете).

Аналогичная ситуация складывалась и в других регионах Урала. Так, Магнитогорский металлургический завод принял основные фонды 34 эвакуированных предприятий, а Челябинский тракторный завод «вобрал» в себя оборудование ленинградского Кировского, Харьковского дизельного и других заводов, что позволило создать крупнейший в стране танковый завод — знаменитый «Танкоград».

Таким образом, как это ни парадоксально на первый взгляд, Великая Отечественная война придала промышленности Урала сильнейший импульс к дальнейшему развитию. Но при этом резкий рост производственной базы создал и чрезвычайно острые социально-экономические проблемы:

— необходимость конверсии ряда военных предприятий после окончания войны;

— ограниченность послевоенных инвестиций (что неудивительно — помощь требовалась, в первую очередь, западным регионам страны, непосредственно пострадавшим в ходе войны);

— неотложная реэвакуация некоторой части оборудования и большей части персонала эвакуированных предприятий;

— предельный физический и моральный износ оборудования, которое в годы войны эксплуатировалось с максимальной интенсивностью;

— острый дефицит электроэнергии, сырья для черной и цветной металлургии (прежде всего — железной и медной руд), а также ***рабочей силы*** (в связи со значительной ее убылью в лице реэвакуированных).

Последнее обстоятельство значительно усиливало отток людей из сельской местности и способствовало развитию гипертрофированной урбанизации. Данный процесс мы можем проиллюстрировать на примере Свердловской области (табл. 2). По таблице хорошо видно, как численность сельского населения этого промышленно развитого региона, резко сократившись в годы войны, и в дальнейшем неуклонно снижалась, достигнув к началу 1980-х годов критически малой величины. Можно утверждать, что это и было платой за обеспечение промышленности трудовыми ресурсами.

Конечно, неверно было бы полагать, что вышеуказанный процесс был «запущен» войной, но то, что она в значительной степени ускорила и усилила его, не подлежит сомнению. Но, помимо войны, на исход сельского на-

CC BY

селения в сильной степени влияли и другие причины, главными из которых, как нам представляется, были значительная дифференциация уровня жизни городского и сельского населения, а также культурная отсталость села.

Таблица 2

Динамика численности населения Свердловской области и соотношение городской и сельской его составляющих в 1941—1980 годах

	Годы							
	1941	**1942**	**1945**	**1956**	**1959**	**1966**	**1970**	**1980**
Численность населения, тыс. чел.	2597	3171	2841	3727	4027	4303	4305	4483
В том числе:								
— город	1580	2109	1952	2751	3056	3399	3470	3820
— село	1017	1 062	889	976	971	904	835	663
В %:								
— город	60,8	66,5	68,7	73,8	75,9	79,0	80,6	85,2
— село	39,2	33,5	31,3	26,2	24,1	21,0	19,4	14,8

Источники: [ЦДООСО, ф. 4, оп. 113, д. 649, л. 27; Корнилов, 1990, с. 30; Кругликов, 2006; Свердловская …, с. 7; Свердловская область ,…, с. 3].

В этом плане сельских жителей привлекали в городах три момента: перспектива получения благоустроенного жилья, сравнительно высокие доходы (о которых в деревне они могли только мечтать) и, наконец, возможность «культурно» проводить свободное время. Надо также учесть, что в течение 1940-х годов доходы рабочих и колхозников изменились разнонаправлено. Так, например, в Свердловской области среднедушевые денежные доходы в рабочих семьях с 1940 по 1950 годы выросли с 2171 до 5341, а в семьях колхозников, по нашим подсчетам, они катастрофически снизились с 1840 до 1022 руб. При этом самым негативным образом на доходах крестьянства сказалась конфискационная денежная реформа декабря 1947 года, так как в указанном году их среднедушевые доходы в той же Свердловской области все-таки составили 1535 руб. [ГАСО, ф. р1813, оп. 1, д. 457, лл. 64—65, 74—75. д. 2789, лл. 5—6, 35; оп. 14, д. 657, лл. 13, 25].

Динамика зарплат рабочих и служащих промышленных предприятий УЭР представлена нами в таблице (табл. 3). По указанной таблице хорошо видно, какими высокими темпами росли эти зарплаты в военные и послевоенные годы.

CC BY

Таблица 3

Средняя заработная плата рабочих и служащих промышленности УЭР в 1940—1955 годах (по данным сентябрьского учета), *руб./мес.*

Республики и области	**Годы**			
	1940	**1945**	**1950**	**1955**
Башкирия	283	481	654	753
Удмуртия	386	506	657	730
Курганская	354	641	936	948
Чкаловская	312	461	660	771
Молотовская	410	547	744	830
Свердловская	362	563	777	847
Челябинская	359	625	803	889

Источник: [РГАЭ, ф. 1562, оп. 15, д. 3730, лл. 52—58].

Но, конечно, не следует обольщаться представленными в данной таблице цифрами, так как необходимо учесть рост товарных цен за те же годы. Изучение соответствующей литературы и несложные подсчеты показывают, что даже в 1952 году розничные цены на большинство товаров были существенно выше, чем в 1940 году. Так, в продовольственной номенклатуре сахар стоил дороже в два с лишним раза, хлеб ржаной и яйца — в полтора раза, молоко было дороже на 35 % и т. д. [Алексеев и др., 1980, с. 99—100]. Тем не менее жизнь в городе была более обеспеченной и давала больше возможностей, перспектив и гарантий.

4. Выводы

Подводя итоги нашего исследования, следует сформулировать его основные принципиальные выводы.

Первым из них будет следующий: Великая Отечественная война оказала двоякое и противоречивое влияние на социально-экономическое развитие Урала, в том числе на уровень его промышленного развития и обеспеченность предприятий трудовыми ресурсами. Это проявилось в резком увеличении в годы войны численности и самих предприятий, и работающих на них рабочих и служащих. Результатом было значительное увеличение объемов промышленного производства и роли УЭР в экономике страны.

Но, во-вторых, упомянутый выше быстрый экономический рост обернулся по окончании войны многими сложнейшими проблемами, одной из которых явился дефицит трудовых ресурсов.

Наконец, в-третьих, в условиях господства командно-административной системы управления единственным ресурсом для ликвидации вышеу-

CC BY

помянутого дефицита оставался испытанный еще до войны способ — массовое перемещение населения на новое постоянное место жительства и работы из села в город. И оно происходило, несмотря на наличие формальных административных препятствий. При этом мощным катализатором данного процесса выступала значительная разница в материально-бытовых и культурных условиях жизни между городом и деревней.

Источники и принятые сокращения

1. ГАСО — *Государственный* архив Свердловской области. Ф. Р1813 (Облстатуправление). Оп. 1. Д. 457. Лл. 64—65, 74—75. Д. 2789. Лл. 5—6, 35; Оп. 14. Д. 657. Лл. 13, 25.

2. РГАЭ — *Российский* государственный архив экономики. Ф. 1562 (Центральное статистическое управление). Оп. 15. Д. 3730. Лл. 52—58. Д. 3733. Лл. 63—68, 71; Оп. 43. Д. 222. Лл. 3—5.

3. *Свердловская* область в цифрах, 1966—1970 : статистический сборник. — Свердловск : Статистика, 1971. — 148 с.

4. *Свердловская* область в цифрах, 1976—1980 годы : статистический сборник. — Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1981. — 144 с.

5. *Уральская* историческая энциклопедия. — Екатеринбург : Академкнига, 2000. — 640 с.

6. ЦДООСО — *Центр* документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4 (Обком КПСС). Оп. 43. Д. 222. Лл. 3—5; Оп. 113. Д. 649. Л. 27.

Литература

1. *Алексеев В. В.* Рост благосостояния рабочих Сибири в условиях строительства развитого социализма / В. В. Алексеев, С. С. Букин. — Новосибирск : Институт истории СО РАН, 1980. — 215 с.

2. *Антуфьев А. А.* Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны / А. А. Антуфьев. — Екатеринбург : Институт истории и археологии, 1992. — 336 с.

3. *Васильев А. Ф.* Промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны, 1941—1945 / А. Ф. Васильев. — Москва : Наука, 1982. — 279 с.

4. *Корнилов Г. Е.* Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) / Г. Е. Корнилов. — Свердловск : УрГУ, 1990. — 226 с.

5. *Кругликов В. В.* Городское население Свердловской области в годы Великой Отечественной войны : проблемы демографического развития / В. В. Кругликов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. — 2006. — № 17 (72). — С. 44—52.

6. *Мамяченков В. Н.* Политика советского государства в сфере трудовых отношений в 1940-х — начале 1950-х гг.: как заставить людей работать? (на материалах Свердловской области) / В. Н. Мамяченков // Научный диалог. — 2017. — № 4. — С. 168—187. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-4-168-187.

7. *Мамяченков В. Н.* Состояние государственной и кооперативной розничной торговли Свердловской области в 1940-х годах / В. Н. Мамяченков, В. С. Плохотников // Научный диалог. — 2019. — № 3. — С. 276—291. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-276-291.

8. *Мотревич В. П.* Валовая продукция сельского хозяйства Урала (1941—1960 гг.) : препринт / В. П. Мотревич. — Свердловск : Институт истории и археологии, 1991. — 72 с.

9. *Мотревич В. П.* Экономическая история России : учебное издание / В. П. Мотревич. — Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2004. — 712 с.

10. *Мы приближали* Победу: очерки, воспоминания, письма / отв. ред. Н. С. Толмачева. — Екатеринбург : АРТ ЛТД, 2000. — 544 с.

11. *Симонов Н. С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—1950-е годы : темпы экономического роста, структура, организация производства и управление / Н. С. Симонов. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 1996. — 336 с.

12. *Урал:* век двадцатый. Люди. События. Жизнь : очерки истории. — Екатеринбург : Уральский рабочий, 2000. — 414 с.

13. *Фельдман М. А.* Рабочие крупной промышленности Урала в 1914—1941 гг. (численность, состав, социальный облик) / М. А. Фельдман. — Екатеринбург : УрГУ, 2001. — 430 с.

Material resources

GASO — *State Archives of the Sverdlovsk Region*. F. R1813 (Regional Statistical Office). (In Russ.).

RGAE — *Russian State Archives of Economics*. F. 1562 (Central Statistical Office). (In Russ.).

Sverdlovsk region in figures, 1976—1980: statistical collection. (1981). Sverdlovsk: Central Ural Book Publishing House. 144 p. (In Russ.).

Sverdlovsk region in figures, 1966—1970: statistical collection. (1971). Sverdlovsk: Statistics. 148 p. (In Russ.).

TsDOOSO — *Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region*. F. 4 (Regional Committee of the CPSU). (In Russ.).

Ural Historical Encyclopedia. (2000). Yekaterinburg: Akademkniga. 640 p. (In Russ.).

References

Alekseev, V. V., Bukin, S. S. (1980). *The growth of well-being of workers in Siberia in the conditions of the construction of developed socialism*. Novosibirsk: Institute of History SB RAS. 215 p. (In Russ.).

Antufiev, A. A. (1992). *Ural industry on the eve and during the Great Patriotic War.* Yekaterinburg: Institute of History and Archeology. 336 p. (In Russ.).

Feldman, M. A. (2001). *Workers of large-scale industry of the Urals in 1914—1941 (number, composition, social appearance*). Yekaterinburg: USU. 430 p. (In Russ.).

Kornilov, G. Ye. (1990). *Ural village during the Great Patriotic War (1941—1945)*. Sverdlovsk: USU. 226 p. (In Russ.).

Kruglikov, V. V. (2006). Urban population of the Sverdlovsk region during the Great Patriotic War: problems of demographic development. *Bulletin of the South Ural State University, 17 (72):* 44—52. (In Russ.).

Mamyachenkov, V. N., Plohotnikov, V. S. (2019). The state of state and cooperative retail trade in the Sverdlovsk region in the 1940s. *Nauchnyi dialog, 3:* 276—291. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-276-291. (In Russ.).

Mamyachenkov, V. N. (2017). The policy of the Soviet state in the sphere of labor relations in the 1940s — early 1950s: how to make people work? (based on materials from

the Sverdlovsk region). *Nauchnyi dialog, 4:* 168—187. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-4-168-187. (In Russ.).

Motrevich, V. P. (1991). *Gross agricultural production of the Urals (1941—1960):* preprint. Sverdlovsk: Institute of History and Archeology. 72 p. (In Russ.).

Motrevich, V. P. (2004). *Economic history of Russia: educational publication*. Yekaterinburg: Humanitarian University. 712 p. (In Russ.).

Simonov, N. S. (1996). *The military-industrial complex of the USSR in the 1920—1950s: the rate of economic growth, structure, organization of production and management*. Moscow: Russian political encyclopedia. 336 p. (In Russ.).

Tolmacheva, N. S. (2000). *We brought Victory closer: essays, memoirs, letters*. Yekaterinburg: ART LTD. 544 p. (In Russ.).

Ural: twentieth century. People. Developments. Life: Essays on History. (2000). Yekaterinburg: Ural worker. 414 p. (In Russ.).

Vasiliev, A. F. (1982). *Industry of the Urals during the Great Patriotic War, 1941—1945*. Moscow: Nauka. 279 p. (In Russ.).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Нестерова Т. П. Франция, Италия и дипломатическое завершение итало-эфиопской войны в Лиге Наций (май — июль 1936 года) / Т. П. Нестерова // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 400—413. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-400-413.

Nesterova, T. P. (2021). France, Italy and Diplomatic End of Italo-Ethiopian War in League of Nations (May—July 1936). *Nauchnyi dialog, 8:* 400-413. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-400-413. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-400-413

Франция, Италия и дипломатическое завершение итало-эфиопской войны в Лиге Наций (май — июль 1936 года)

Нестерова Татьяна Петровна
orcid.org/0000-0002-1799-1897
кандидат исторических наук, доцент
кафедра зарубежного регионоведения
tpnesterova@yandex.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

France, Italy and Diplomatic End of Italo-Ethiopian War in League of Nations (May—July 1936)

Tatiana P. Nesterova
orcid.org/0000-0002-1799-1897
Doctor of History, Associate Professor
Department of Foreign Region Studies
tpnesterova@yandex.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

© Нестерова Т. П., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена политике Франции по отношению к Италии и Эфиопии на завершающем этапе итало-эфиопской войны 1935—1936 годов и вопросу о ликвидации антиитальянских санкций в Лиге Наций. Выявлено, что великие державы в основном были заинтересованы в восстановлении нормальных отношений с Италией, а защита независимости Эфиопии являлась для них лишь «моральным долгом», и в столкновении моральных факторов и реальной политики безусловно победили реальные интересы государств. Утверждается, что, воспользовавшись заинтересованностью Франции в восстановлении стабильных франко-итальянских отношений, Италия фактически разрушила политические договоренности начала 1935 года и перешла к политическому сближению с Германией, что существенным образом изменило всю международную ситуацию в Европе и фактически открыло путь к началу Второй мировой войны. Кроме того, для Франции существенной политической потерей было падение авторитета Лиги Наций, обусловленное беспомощностью этой организации перед лицом агрессии против одного из членов Лиги. Исследование основано на публикациях советских, французских, итальянских и германских дипломатических документов, документов Лиги Наций, мемуарах политических деятелей той эпохи, а также на неопубликованных документах из Архива Германского информационного бюро (Германия).

Ключевые слова:
Итало-эфиопская война; история Италии; внешняя политика Италии; внешняя политика Франции; Лига Наций; политика умиротворения; санкции.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the policy of France towards Italy and Ethiopia at the final stage of the Italo-Ethiopian war of 1935—1936 and the question of the elimination of anti-Italian sanctions in the League of Nations. It was revealed that the great powers were mainly interested in restoring normal relations with Italy, while the defense of Ethiopia's independence was only a "moral duty" for them, and in the clash of moral factors and real politics, the real interests of states won undoubtedly. It is argued that, taking advantage of France's interest in restoring stable Franco-Italian relations, Italy actually destroyed the political agreements of early 1935 and moved on to political rapprochement with Germany, which significantly changed the entire international situation in Europe and actually opened the way for the outbreak of World War II. In addition, for France, a significant political loss was the drop in the authority of the League of Nations, due to the helplessness of this organization in the face of aggression against one of the members of the League. The study is based on publications of Soviet, French, Italian and German diplomatic documents, documents of the League of Nations, memoirs of political figures of that era, as well as unpublished documents from the Archives of the German Information Bureau (Germany).

Key words:
Italo-Ethiopian war; history of Italy; Italian foreign policy; foreign policy of France; The League of nations; Policy of appeasement; sanctions.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(44+450+63)“1936”

Франция, Италия и дипломатическое завершение итало-эфиопской войны в Лиге Наций (май — июль 1936 года)

© Нестерова Т. П., 2021

1. Введение

Итало-эфиопская война, начавшаяся 3 октября 1935 года, стала крупнейшим испытанием как для Лиги Наций, призванной прежде всего гарантировать мир и стабильность в международных отношениях, так и для стран, входивших в эту международную организацию. Санкции, наложенные Лигой Наций на Италию за нападение на Эфиопию, не являлись обязательными и не были приняты всеми странами — членами Лиги, кроме того, они не затрагивали наиболее чувствительные для Италии экономические аспекты (например, на нефть и другое углеводородное топливо санкции не распространялись); именно поэтому эффект от введения санкций в основном носил пропагандистский характер. Падение Аддис-Абебы и провозглашение Итальянской Эфиопской империи 5—9 мая 1936 года поставили под вопрос целесообразность продления международных санкций против Италии: страны, стоявшие на позициях «реальной политики», были готовы отказаться от санкций ради восстановления нормального международного торгового обмена. Вопрос о признании захвата Эфиопии Италией при этом оставался открытым и зависел исключительно от позиции каждой конкретной страны. Эфиопское правительство продолжало рассчитывать на поддержку Лиги Наций, но эти надежды оказались тщетными.

2. Обсуждение вопроса об Эфиопии в Лиге Наций в мае — июне 1936 года

9 мая 1936 года глава итальянского кабинета Бенито Муссолини выступил с балкона своей резиденции — Палаццо Венеция в Риме — с речью, в которой провозгласил, что Италия, наконец, обрела свою Империю. Война с Эфиопией была завершена победой Италии [L’Italia …, 1936, p. 121]. 10 мая 1936 года Муссолини направил официальное заявление всем иностранным государствам, с которыми у Италии имелись дипломатические отношения, в котором сообщил, что отныне Италия имеет суверенные права над территорией Эфиопии [DDI, 1993, № 1, p. 3]. В тот же день генеральный секретарь Лиги Наций Жозеф Авеноль имел продолжительную беседу с итальянским представителем в Лиге Наций бароном Помпео Алоизи,

CC BY

в которой высказал серьезные сомнения о праве Италии провозглашать свой суверенитет над территорией государства, являющегося признанным членом Лиги Наций [Ibid., № 3, p. 4—5]. 11 мая представитель Эфиопии в Лиге Наций Уольде Марьям направил в Совет Лиги Наций резкое требование оказать давление на Италию и не допустить снятия санкций с этой страны [Weltgeschichte …, 1937, S. 248—249].

В это же время итальянские представители начали интенсивно зондировать возможность снятия санкций с Италии, наложенных на нее в связи с нападением на Эфиопию; в частности, уже 12 мая 1936 года П. Алоизи сообщал о своей беседе по данному вопросу с советским наркомом по иностранным делам М. М. Литвиновым, отметив, что, по мнению самого Алоизи, СССР заинтересован в восстановлении нормальных экономических контактов с Италией без санкционных ограничений [Ibid., № 14, p. 13]. В середине — второй половине мая 1936 года аналогичные беседы Алоизи проводил с представителями других государств в Лиге Наций. Тем не менее первоначальная реакция практически всех стран была очень осторожной. В итоге секретариат Лиги Наций распространил ноту, в которой указывалось, что среди стран — членов Лиги Наций преобладает мнение о непризнании аннексии Эфиопии и о сохранении санкций против Италии [DDF, 1964, № 259, p. 411]. Получив это сообщение, Муссолини заявил французскому послу в Риме графу Шарлю де Шамбрену, что гарантировать свои обязательства по отношению к независимости Австрии и в целом обязательства по договорам и соглашениям с Францией и Англией Италия может только в случае отмены санкций [DDF, 1964, № 262, p. 414—415]. В беседе с английским послом Эриком Дрэммондом Ш. де Шамбрен выяснил, что позиция английского руководства постепенно изменяется — в Лондоне побеждает мнение о необходимости сотрудничества с Италией. «Контакты, предпринимаемые сейчас Лондоном, Парижем и Римом, легко и уверенно позволяют прийти к мнению, противоположному по отношению к господствующему в настоящее время — к признанию нового государства, созданного на территории Эфиопии», — отметил Дрэммонд [DDF, 1964, № 263, p. 416].

В конце мая 1936 года император Эфиопии Хайле Селассие I инкогнито прибыл в Лондон [DDF, 1964, № 257, p. 406—407]. Он принял решение лично отправиться в Женеву, чтобы выступить с речью в защиту своей страны на сессии Ассамблеи Лиги Наций. Еще до этого, находясь в Иерусалиме, Хайле Селассие I направил обращение в Лигу Наций, в котором подчеркивалось, что территориальные изменения, сделанные с использованием грубой военной силы, не должны быть признаны международным сообществом [Weltgeschichte …, 1937, S. 246]. Итальянское правительство

CC BY

отнеслось к прибытию императора Эфиопии очень скептически: по мнению руководства Италии, экс-император Эфиопии отныне не представлял никакого политического интереса [DDI, 1993, № 22, p. 19].

3 июня германский публицист В. Д. Ланген, специальный корреспондент Германского информационного бюро, передал из Рима материал «Уроки одной войны», в котором был дан анализ положения, сложившегося в результате итало-эфиопской войны. «В Европе не может быть политики чувства, — писал Ланген. — Под напором внезапно возникшей проблемы итальянского усиления в Средиземноморье сгинули слова о “старинной, окрепшей за столетия итало-английской дружбы”. Немного позднее потеряла смысл “латинская дружба”, в которую так верили в январе 1935 года и которая лишилась какого-либо практического содержания <…> “Коллективные шаги”, санкции, последствия так называемой коллективной безопасности не могут заставить подвергнутый им народ отказаться от своих планов, напротив, они укрепляют национальное чувство против интернационального нажима. Как показывает итальянский пример, для защиты мира они неприменимы» [ADNB. 3.06.1936]. Мнение Лангена в значительной степени совпадало с германской оценкой сложившейся ситуации, благоприятствовавшей итало-германскому сближению, несмотря на все попытки Франции найти возможность урегулирования конфликта через Лигу Наций. Италия сохраняла непримиримую позицию: санкции должны быть отменены, Эфиопия признана итальянским владением безоговорочно. По данным, сохранившимся в архивах Болгарии, Муссолини ультимативно потребовал от Франции и Англии признания захвата Эфиопии, предоставления Италии кредитов для освоения Эфиопии, отказа Англии от соглашений о взаимопомощи со странами Балканской Антанты и создания «директории четырех держав» для решения европейских проблем. В случае отклонения итальянских требований Муссолини пригрозил перейти на сторону Германии [Чемпалов, 1973, с. 109].

Вопрос о возможном изменении курса итальянской внешней политики особенно остро стоял перед руководством Франции, поскольку итало-французское сближение, в значительной степени направленное против Германии, было одним из стержневых направлений французской внешней политики нескольких предшествующих лет. Анализу возможных изменений во внешней политике Италии была посвящена специальная нота политической дирекции французского МИДа «Тенденции итальянской политики», направленная для ознакомления высшему французскому политическому и военному руководству 4 июня 1936 года. В ноте подробно рассматривались официальные заявления итальянского руководства: отмечалось, что 11 и 12 мая Муссолини говорил о «свободном сотрудничестве» с Франци-

CC BY

ей, а в случае «уклонения» Франции Италия повернется к Германии. 14 мая Муссолини заявлял о необходимости франко-итальянского сотрудничества. 15 мая П. Алоизи говорил Ш. де Шамбрену, что, если санкции отменены не будут, Италия к концу мая выйдет из Лиги Наций. 20 мая заместитель министра иностранных дел Фульвио Сувич заявил, что не следует понимать положение итальянцев столь прямо, но продление санкций может изменить ситуацию. 26 мая Ф. Сувич заявил Ш. де Шамбрену, что продление санкций приведет к тому, что Италии придется изменять всю свою европейскую политику. Наконец, 30 мая итальянский военный атташе в Париже утверждал, что продление санкций приведет к «тяжким последствиям», в том числе к денонсации технических и военных соглашений 1935 года, подписанных Францией и Италией [DDF, 1964, № 271, p. 424—425].

Важнейшим вопросом, отмечалось в документе, для Франции является вопрос о сепаратных контактах Италии с Англией и Германией. Отсутствие каких-либо сдвигов в позитивную сторону в отношениях с Англией неминуемо приведет Италию к улучшению отношений с Германией, скорее всего путем компромисса за счет Австрии. Наконец, Италия провела ряд мероприятий по военному укреплению границы с Францией, а в Восточной Африке распространяются слухи о близости европейской войны [Ibid., p. 426—427].

Возможные изменения приоритетов в итальянской внешней политике могут привести к серьезному ущербу для авторитета Лиги Наций и, главное, к существенной деформации равновесия сил в Европе, подводят итог авторы документа [Ibid., p. 428].

Италия также пыталась найти возможные формы ослабления внешнеполитической напряженности, не ограничиваясь налаживанием контактов с Германией и угрозами выхода из Лиги Наций. 5 июня французский посол при Ватикане Франсуа Шарль-Ру сообщил о результатах своей беседы с кардиналом Эуджению Пачелли (будущим Папой Пием XII, в 1930—1939 годах Э. Пачелли занимал пост государственного секретаря, ответственного за внешние сношения Ватикана). Э. Пачелли передал послу информацию о высказываниях итальянского посла при Ватикане о возможности переговоров о заключении Средиземноморского пакта, который был бы гарантирован Великобританией и всеми странами Средиземноморья, и о возможности распространения на Эфиопию мандатного режима Лиги Наций [Ibid., № 273, p. 431]. С другой стороны, Муссолини заявил представителю политического департамента МИД Франции Б. Жювенелю, что ему будет безразлично, если Лига Наций примет по Эфиопии постановление, аналогичное постановлению по поводу Маньчжоу Го. Санкции раздражают дуче, отметил Жювенель, и в случае сохранения их он найдет общий язык с Гитлером [Ibid., № 275, p. 433].

CC BY

«Англо-итальянский конфликт вызвал в Берлине обсуждение вопроса о возможности отхода Рима от Лондона и Парижа, — сообщал поверенный в делах Франции в Берлине П. Арналь 8 июня. — Многие газеты предсказывают новое усиление санкций. Назначение С. Хора первым лордом адмиралтейства и новая речь Идена создают в германском общественном мнении впечатление, что Англия откладывает изменение своих взглядов на ситуацию в Восточной Африке и перемен не предвидится» [Ibid., № 281, p. 438—439].

Тем не менее для Италии существовали еще и проблемы непосредственно в Эфиопии, поскольку к этому моменту итальянские войска контролировали лишь около половины территории страны. В сложившейся ситуации глава временного правительства, созданного императором Хайле Селассие I накануне отъезда из страны, и регент Эфиопии рас Имру Хайле Селассие обратился к Великобритании с предложением поставить страну под мандатное управление Лиги Наций, но мандат на это управление передать Великобритании, а не Италии [Barker, 1968, p. 281]. Великобритания не отреагировала: было очевидно, что даже постановка этого вопроса в Лиге Наций приведет к открытому англо-итальянскому конфликту.

В это же время правительство Италии сделало попытку привлечь к решению «эфиопской проблемы» Ватикан и непосредственно Папу Пия XI: Муссолини обещал начать ускоренное распространение католицизма в Восточной Африке, а папа в качестве «первого шага» должен был официально признать аннексию Эфиопии. «Эфиопия — первый шаг. Что будет вторым шагом? — писал Ш. де Шамбрен И. Дельбосу. — Святой отец предполагает, что вероятнее всего это будет Албания» [DDF, 1964, № 287, p. 445].

Советские представители в Риме зафиксировали в середине июня 1936 года явное изменение ориентации итальянской внешней политики с Франции на Германию. «Прессе, видимо, поручено начать кампанию за итало-германское сближение <…> Основная идея статей — восхваление Германии, доказательство необходимости сотрудничества с ней Италии, попытка убедить Лондон в выгодности ориентироваться не на Францию и СССР, а на Германию и Италию», — сообщал временный поверенный в делах СССР в Италии 17 июня (имя поверенного в документах не указано) [ДВП, 1974, № 193, с. 309]. Одной из форм внешнего выражения перемен внешнеполитического курса Италии стали изменения в руководстве ведомства иностранных дел: Муссолини передал пост министра иностранных дел своему зятю графу Галеаццо Чиано, со своих постов были смещены заместитель министра Ф. Сувич и начальник кабинета МИДа П. Алоизи [Шихов, 1970, с. 116].

Вопрос о значении Италии для европейской политики правительства Франции и Великобритании решили уже к середине июня: 20—21 июня

CC BY

их представители высказали мнение, что в Лиге Наций будет поддержано предложение об отмене анти-итальянских санкций. Итальянский посол в Москве Пьетро Ароне ди Валентино призвал и СССР выступить с аналогичным заявлением, но беседовавший с ним заместитель народного комиссара СССР по иностранным делам Н. Крестинский отметил, что в положении СССР нет аналогий с положением Франции и Англии: политика этих стран по отношению к санкциям в последнее время подверглась сильным изменениям, и они вынуждены были сделать соответствующую декларацию, а в позиции СССР изменений нет. П. Ароне ди Валентино настаивал, чтобы советское правительство воспрепятствовало принятию Лигой Наций резолюции, осуждающей аннексию Эфиопии: «В целях создания условий для сотрудничества в деле укрепления коллективной безопасности (пусть) Лига Наций обойдет этот вопрос молчанием с тем, чтобы он мог обсуждаться в порядке двухсторонних переговоров Италии с соответствующими государствами в отдельности. В том случае, если бы Лига Наций приняла резолюцию о непризнании аннексии, создался бы тупик…, что крайне затруднило бы дальнейшее сотрудничество Италии с Лигой Наций» [ДВП, 1974, № 200, с. 317—318]. Еще до этого (в мае 1936 года) М. Литвинов разъяснил в частной беседе с представителем МИД Франции Рене Массильи позицию СССР по вопросу о санкциях (в беседе также участвовали представители Франции и Италии в Лиге Наций Жозеф Поль-Бонкур и Помпео Алоизи): вернуть Эфиопии независимость, не применяя мер, более серьезных, чем экономические санкции, нельзя. Раз Совет Лиги Наций на такие меры не идет, санкции нужно отменять, но взамен отмены санкций следует добиться от Италии твердых обязательств по отношению к европейской политике, особенно в том, что касается поддержки принципа коллективной безопасности и Лиги Наций [ДВП, 1974, с. 749].

24 июня 1936 года Шарль де Шамбрен сообщал Ивону Дельбосу о беседе с Галеаццо Чиано, который заявил, что Италия готова к сотрудничеству с Францией и Лигой Наций в случае отмены анти-итальянских санкций. Чиано заявил также, что итальянское правительство намерено официально уведомить Лигу Наций о деятельности итальянской администрации в Эфиопии, однако это сообщение не следует рассматривать в качестве просьбы об установлении над Эфиопией мандата Лиги Наций [DDF, 1964, № 346, p. 521—522].

3. XVI сессия Ассамблеи Лиги Наций

26 июня 1936 года открылось четвертое заседание отложенной в мае 92-й сессии Совета Лиги Наций. Совет отказался обсуждать вопрос об итало-эфиопском конфликте, поскольку уже было официально решено выне-

CC BY

сти его на обсуждение XVI сессии Ассамблеи Лиги Наций, которая должна была открыться 30 июня 1936 года [LNOJ, 1936, № 7, p. 751].

29 июня итальянское правительство направило в Совет Лиги Наций ноту, в которой излагались основные принципы итальянской политики по отношению к Эфиопии. В документе провозглашалось, что Италия, руководствуясь духом Лиги Наций, стремится привести Эфиопию к цивилизации. Жителям страны предоставляется религиозная свобода, они будут допускаться на консультативные роли в местную администрацию, будет ликвидировано рабство. Итальянское правительство готово допустить в страну специальную комиссию Лиги Наций с тем, чтобы она убедилась, до какого ужасного состояния довело эфиопский народ его прежнее правительство и какие меры предпринимает Италия по цивилизации этой страны. Кроме того, в документе выражалось «непреклонное стремление Италии к сотрудничеству ради укрепления мира в Европе» [DDF, 1964, № 368, p. 552—553]. Цель данного документа, опубликованного накануне открытия сессии Ассамблеи Лиги Наций, была очевидна: добиться фактического признания аннексии Эфиопии. По сути, данный документ был аналогичен меморандумам о положении Эфиопии, распространявшимся Италией в Лиге Наций в 1934—1935 годах. Одновременно итальянский представитель в Лиге Наций П. Алоизи обсуждал с представителем МИД Франции И. Дельбосом и генеральным секретарем Лиги Наций Ж. Авенолем возможность запрета для «бывшего императора Эфиопии» Хайле Селассие I выступать на сессии Ассамблеи Лиги Наций [DDI, 1993, № 402, p. 451—452].

30 июня 1936 года открылась XVI сессия Ассамблеи Лиги Наций, одним из важнейших вопросов которой был вопрос об итало-эфиопском вооруженном конфликте. В день открытия сессии на обсуждение было поставлено официальное письмо главы делегации Аргентины Э. Руиса Гиньясу, в котором осуждалась итальянская агрессия и содержался призыв не признавать аннексию Эфиопии Италией [LNOJ SS, p. 98; Weltgeschichte …, 1937, S. 252—253]. В ответ на данное обращение итальянская делегация предоставила ноту от 29 июня, в которой была «определена и документирована существующая ситуация в Эфиопии» [LNOJ SS, p. 19]. Как уже упоминалось, в документе подчеркивалось, что после бегства из страны «негуса Хайле Селассие» (итальянское правительство намеренно именовало императора Эфиопии титулом низшего ранга — «негусом», «царем», а не «царем царей», «нгусэ негести») единственным законным правителем Эфиопии является император Эфиопии и король Италии Виктор Эммануил III [LNOJ SS, p. 20], законность власти которого признали и многие эфиопские феодалы, в том числе представители другой ветви императорской династии, потомки императора Йоханныса IV (1872—1889),

CC BY

правители Тигре рас Сыюм Мэнгэша и дэджазмач Хайле Сыллассе Гугса [LNOJ SS, p. 99]. После зачтения документа, подписанного министром иностранных дел Италии Г. Чиано, на сессии выступил император Эфиопии Хайле Селассие I. В своей речи император указывал на варварские методы, с помощью которых итальянцы поработили Эфиопию; он подчеркивал, что Эфиопия борется, что действует временное правительство, контролирующее две трети страны, и обратился к Лиге Наций с призывом оказать поддержку борьбе Эфиопии за свободу [LNOJ SS, p. 22—25]. Во время речи императора группа итальянских журналистов, присутствовавших на сессии, пытались устроить обструкцию, и только через некоторое время их вынудили покинуть зал [DDI, 1993, № 413, p. 468—469].

1 июля 1936 года на сессии Ассамблеи Лиги Наций начались дебаты. После выступления представителя Колумбии большую речь произнес премьер-министр Франции Л. Блюм. Он подробно остановился на ситуации, сложившейся в Европе после ремилитаризации Рейнской зоны, подчеркнул, что в этих условиях главными задачами становятся укрепление мира и создание системы коллективной безопасности и Италия не может и не должна оставаться в стороне от «политической реконструкции Европы». Драма Эфиопии — трагическая страница в истории современности, но африканские дела — это африканские дела, а основополагающие вопросы войны и мира решаются в Европе, — подчеркнул глава французского правительства. — Поэтому итальянское правительство должно заплатить контрибуцию в том смысле, чтобы оно активно способствовало названной выше европейской политической реконструкции [LNOJ SS, p. 27—30]. О помощи Эфиопии, о положении в этой стране, да и вообще о конфликте Блюм ничего не сказал. Напротив, он подчеркивал необходимость возвращения Италии в число активных европейских держав. Фактически это был прямой призыв к признанию аннексии.

В этот же день на сессии выступил советский нарком по иностранным делам М. М. Литвинов. Как и предшествующие ораторы, он констатировал факт, что члены Лиги Наций «должны ликвидировать акцию, начатую во исполнение наших обязанностей как членов Лиги гарантировать независимость одному из… сочленов, но не доведенную до конца». «Я еще во время майской сессии Совета пришел к заключению о бесполезности дальнейшего применения к Италии экономических санкций и невозможности оказать этим путем Абиссинии какую-либо практическую помощь. К этому заключению, по-видимому, пришли все члены Лиги», — заявил Литвинов [ДВП, 1974, № 206, с. 329—330].

В качестве причины провала системы санкций Литвинов назвал отказ от использования в полном объеме мер, предусмотренных статьей 16 Уста-

CC BY

ва Лиги Наций. Кроме того, многие члены Лиги применяли экономические санкции в узком объеме, а некоторые вообще отказались применять санкции. «Нужна уверенность в том, что во всех случаях агрессии, независимо от степени заинтересованности в конфликте, санкции будут применяться всеми… Я считаю это обстоятельство главной причиной неудачи Лиги в итало-абиссинском конфликте», — подчеркнул Литвинов. Он солидаризировался с идеями Блюма о расширении системы коллективной безопасности и привлечении к созданию этой системы Италии, об укреплении Лиги Наций как инструмента мира, но высказался против признания аннексии Эфиопии [Там же, с. 334—335]. Сходное заявление сделал на сессии А. Иден, подчеркнув необходимость укрепления авторитета Лиги Наций [LNOJ SS, 1936, p. 34—35].

3 июля от имени французской делегации выступил министр иностранных дел Франции И. Дельбос. Опустив вопрос об итало-эфиопском конфликте, он выдвинул идеи укрепления Лиги Наций и возможности использования против агрессора статей 11 и 16 Устава Лиги Наций и призвал правительства стран — членов Лиги высказаться по этому поводу, направив соответствующие письма генеральному секретарю Лиги [LNOJ SS, 1936, p. 59—60]. Как и почти все предшествующие ораторы, кроме Литвинова, Дельбос обошел молчанием вопрос о признании аннексии Эфиопии. В тот же день делегация Эфиопии внесла на рассмотрение сессии две резолюции: о непризнании аннексии Эфиопии и о предоставлении Эфиопии займа в 10 млн ф. ст. для организации дальнейшей борьбы против агрессии [LNOJ SS, p. 60]. На следующий день абсолютным большинством голосов сессия отклонила оба проекта резолюций, представленных Эфиопией [LNOJ SS, 1936, p. 68—69]. Мало того, несмотря на решительный протест официального представителя Эфиопии в Лиге Наций Нэсибу Зэ Мануэла, большинством голосов сессия одобрила резолюцию, рекомендовавшую Координационному комитету рассмотреть вопрос о снятии анти-итальянских санкций, принятых на основании статей 11 и 16 Устава Лиги Наций. Вопрос о признании аннексии Эфиопии остался открытым: по нему не было принято никакой резолюции [LNOJ SS, 1936, p. 66].

6 июля 1936 года Координационный комитет Лиги Наций принял решение ликвидировать 15 июля анти-итальянские санкции, принятые в октябре 1935 года [Weltgeschichte …, 1937, S. 273]. Это означало полную и окончательную победу Италии в эфиопском вопросе Лиги Наций. Британский дипломат Л. Эмери комментировал в мемуарах это событие: «Так прекратила свое существование Лига Наций… Еще три года Лига продолжала существовать номинально, а державы, не считаясь с ней, занимались, каждая по своему усмотрению, испанскими, австрийскими и чехословацкими делами» [Эмери, 1960, с. 423].

CC BY

После снятия санкций французское правительство стало выдвигать идеи непосредственного привлечения Италии к сотрудничеству в европейской политике, как это понимали французские дипломаты: в виде восстановления союза Франции, Италии и Великобритании [DDF, 1964, № 408, p. 614]. Однако британское правительство смотрело на перспективы такого сотрудничества с пессимизмом, отмечая усиление германского влияния в Италии [DDF, 1964, № 415, p. 633]. В Италии торжествовали по поводу отмены санкций, и Ш. де Шамбрен сообщал из Рима, что Италия благодарна Франции за активное участие в отмене санкций [DDF, 1964, № 417, p. 635—637]. Дельбос рассчитывал, что Италия примет теперь активное участие в Брюссельской конференции Локарнских держав [Ibid., p. 636], но вопросы итало-германского сближения беспокоили и его. Особенно разительно отличался от «итальянской благодарности» тот факт, что французский посланник в Аддис-Абебе А. Бодар был выслан из Эфиопии как «враг Италии», а помещение французской дипломатической миссии было занято карабинерами [DDF, 1964, № 420, p. 646]. О возможных проблемах, возникших для французских граждан в Эфиопии (в частности, о проблемах эксплуатации железной дороги Джибути–Аддис-Абеба), сообщал и французский консул в Триесте [DDF, 1964, № 424, p. 653—654].

4. Заключение

Внешнеполитические действия Италии усиливали опасения французского правительства относительно возможности изменения итальянского внешнеполитического курса в сторону итало-германского сближения [DDF, 1964, № 434, p. 667]. 11 июля 1936 года было подписано австро-германское соглашение, в котором провозглашался «германский характер» Австрийского государства. В дополнение к опубликованному тексту соглашение включало несколько секретных пунктов, устанавливавших контроль Германии над австрийской политикой. Германский посол в Вене Ф. фон Папен писал, что «отныне главенство в европейской политике вырвано из рук французов и англичан и перешло в руки Германии» [Шихов, 1970, с. 117]. Естественно, что такое соглашение не могло быть подписано без молчаливого согласия Италии. «Сближение между Италией и Германией глубже и серьезнее, чем это предполагали Вы и вместе с Вами мы, — писал Н. Крестинский полпреду в Италии Б. Штейну. — То обстоятельство, что итальянцы вопрос о своем участии или неучастии в Брюссельском совещании Локарнских держав ставят в зависимость от того, будет ли на это совещание с самого начала на равных правах приглашена Германия, показывает, что между Германией и Италией на сегодняшний день существует единый фронт не только в вопросах, связанных с Австрией и Юго-

CC BY

Восточной Европой, но и в вопросах западноевропейских» [ДВП, 1974, № 223, с. 366]. Муссолини надеялся на германскую поддержку и в вопросах расширения итальянской экспансии: вскоре после окончания военных действий в Восточной Африке он заявил германскому послу, что оккупация Эфиопии была только первой ступенью и Италия готовит новые цели [Шихов, 1970, с. 113].

Итало-эфиопская война завершилась победой Италии. Проигравшей в ходе войны, однако, оказалась Франция: попытки французского правительства, с одной стороны, «умиротворить» Италию за счет Эфиопии, с другой — укрепить Лигу Наций и свое влияние в этой организации привели в тупик: Лига Наций в значительной степени лишилась своего авторитета, Франция лишилась влияния в Лиге, а сделанные Италии уступки не только не укрепили франко-итальянское сотрудничество, но и привели к итало-германскому сближению, которое к концу 1936 года привело к созданию, по словам Муссолини, «вертикальной оси Берлин — Рим».

Источники

1. ДВП — *Документы* внешней политики СССР. Том XIX (1936). — Москва : МИД СССР, 1974. — 823 с.

2. *Эмери Л.* Моя политическая жизнь / Л. Эмери. — Москва : Издательство иностранной литературы, 1960. — 685 с.

3. ADNB — *Archiv der* Deutschen Nachrichtenbüro (Berlin, Germany). 3.6.1936. Langen W.D. Lehren eines Krieges.

4. DDF — *Documents* diplomatiques français 1932—1939. Série 2 (1936—1939). T. 2 (1 avril — 18 juillet 1936). — Paris : Ministère des Affaires étrangères, 1964. — 763 p.

5. DDI — *I Documenti* diplomatici italiani. Seria 8 (1935—1939). T. 4 (10 maggio — 31 agosto 1936). — Roma : Istituto poligrafico e zecca dello Stato, 1993. — 1064 p.

6. LNOJ — *League* of Nations Official Journal. 1936. — № 7.

7. LNOJ SS — *League* of Nations Official Journal. 1936. — Special Supplement № 151.

8. *L'Italia* in Etopia : dal Mareb ad Addis Abeba. — Roma : Edizioni di Novissima, XIV e. f., 1936. — 188 p.

9. *Weltgeschichte* der Gegenwart in Dokumenten. Bd. 3. 1935 / 1936. Internationale Politik / Hrsg. W. Frauendienst. — Essen : Essener Verlagsanstalt, 1937. — 491 S.

Литература

1. *Чемпалов И. Н.* Политика великих держав в Юго-Восточной Европе накануне Второй мировой войны (1933—1939) : диссертация … доктора исторических наук : 07.00.03 / И. Н. Чемпалов. — Пермь, 1973. — 410 с.

2. *Шихов В. И.* Формирование оси Берлин-Рим (июль—октябрь 1936) / В. И. Шихов // Международные отношения в новейшее время. — Свердловск : Уральский государственный университет, 1970. — С. 112—129.

3. *Barker A. J.* The Civilizing Mission : The Italo-Ethiopian War 1935—1936 / A. J. Barker. — London : Cassell, 1968 — 383 p.

CC BY

Material resources

ADNB — *Archiv der Deutschen Nachrichtenbüro (Berlin, Germany). 3.6.1936. Langen W.D. Lehren eines Krieges.* (In Germ).

DDF — *Documents diplomatiques français 1932—1939. Série 2 (1936—1939), 2 (1 avril — 18 juillet 1936).* (1964). Paris: Ministère des Affaires étrangères. 763 p. (In Franc).

DDI — *I Documenti diplomatici italiani. Seria 8 (1935—1939), 4 (10 maggio — 31 agosto 1936).* (1993). Roma: Istituto poligrafico e zecca dello Stato. 1064 p. (In Ital).

DVP — *Documents of the foreign policy of the USSR, XIX (1936).* (1974). Moscow: MFA of the USSR. 823 p. (In Russ).

Emery, L. (1960). *My political life.* Moscow: Publishing House of Foreign literature. 685 p. (In Russ).

L'Italia in Etopia: dal Mareb ad Addis Abeba, XIV. (1936). Roma: Edizioni di Novissima. 188 p. (In Ital).

LNOJ — *League of Nations Official Journal, 7.* (1936).

LNOJ SS — *League of Nations Official Journal. Special Supplement, 151.* (1936).

Frauendienst, W. (hrsg.) (1937). *Weltgeschichte der Gegenwart in Dokumenten. Bd. 3. 1935 / 1936. Internationale Politik.* Essen: Essener Verlagsanstalt. 491 S. (In Germ).

References

Barker, A. J. (1968). *The Civilizing Mission: The Italo-Ethiopian War 1935—1936.* London: Cassell. 383 p.

Chempalov, I. N. (1973). *The policy of the great powers in South-Eastern Europe on the eve of the Second World War (1933—1939).* Doct. Diss. Perm. 410 p. (In Russ).

Shikhov, V. I. (1970). Formation of the Berlin-Rome axis (July—October 1936). In: *International relations in modern times.* Sverdlovsk: Ural State University. 112—129. (In Russ).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Носов К. С. Оборонительные стены Тобольского кремля : историко-архитектурный очерк / К. С. Носов, С. Р. Муратова, И. В. Балюнов // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 414—437. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-414-437.

Nossov, K. S., Muratova, S. R., Balyunov, I. V. (2021). Defensive Walls of Tobolsk Kremlin: a Historical and Architectural Sketch. *Nauchnyi dialog, 8:* 414-437. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-414-437. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-414-437

Оборонительные стены Тобольского кремля: историко-архитектурный очерк

Носов Константин Сергеевич [1, 2]
orcid.org/0000-0002-4501-3871
доктор исторических наук
konstantin_nossov@yahoo.com

Муратова Светлана Раиловна [3]
orcid.org/0000-0001-9088-795X
кандидат исторических наук, доцент
s.r.muratova@utmn.ru

Балюнов Игорь Валерьевич [4]
orcid.org/0000-0002-7733-7504
кандидат исторических наук
balyunoff@mail.ru

[1] Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (Москва, Россия)

[2] Центр изучения истории фортификации (Москва, Россия)

[3] Тюменский государственный университет (Тобольск, Россия)

[4] Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник (Тобольск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта № 20-49-720012\20 «Концепты лимологии в изучении особенностей объектов фортификации XVIII века на территории Западной Сибири»

Defensive Walls of Tobolsk Kremlin: a Historical and Architectural Sketch

Konstantin S. Nossov [1, 2]
orcid.org/0000-0002-4501-3871
Doctor of History
konstantin_nossov@yahoo.com

Svetlana R. Muratova [3]
orcid.org/0000-0001-9088-795X
PhD in History, Associate Professor
s.r.muratova@utmn.ru

Igor V. Balyunov [4]
orcid.org/0000-0002-7733-7504
PhD in History
balyunoff@mail.ru

[1] Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (Moscow, Russia)

[2] History of Fortification Study Centre (HFSC) (Moscow, Russia)

[3] University of Tyumen (Tobolsk, Russia)

[4] Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve (Tobolsk, Russia)

Acknowledgments:
The research was funded by RFBR and Tyumen Region, project number 20-49-720012\20 “Concepts of limology in the study of the features of the objects of fortification of the 18th century on the territory of Western Siberia”

© Носов К. С., Муратова С. Р., Балюнов И. В., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья подготовлена в связи с объявлением года Семена Ульяновича Ремезова в городе Тобольске в 2021 году. Собраны сведения по истории строительства и перестроек крепостных стен и башен Тобольского кремля, нечасто привлекавших внимание исследователей. Выполнен обзор истории возведения ограды Софийского двора. Особое внимание уделено этапам сооружения каменных стен кремля, сохранившимся элементам оборонительного зодчества в них. Авторы уточняют некоторые положения из классических работ В. И. Кочедамова, привлекают новые источники, в том числе фотографии с реставрационных работ середины XX века из фондов Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. Представлены результаты сопоставительного архитектурного анализа кремлёвских стен Тобольска с синхронными и предшествующими памятниками русского военного зодчества. Установлено, что стены Тобольского кремля носили скорее символически-декоративный, чем боевой характер. Определено, что они представляли собой симбиоз столичной кремлёвской архитектуры конца XV века с архитектурой Смоленской крепостной стены, монастырских оград XVII века и, возможно, ограды Архиерейского двора в Ростове.

Ключевые слова:
Тобольск; кремль; крепости; Семен Ремезов; Гостиный двор.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article was prepared in connection with the announcement of the year of Semyon Ulyanovich Remezov in the city of Tobolsk in 2021. Information has been collected on the history of the construction and rebuilding of the fortress walls and towers of the Tobolsk Kremlin, which rarely attracted the attention of researchers. A review of the history of the fence construction in the Sofia courtyard is carried out. Particular attention is paid to the stages of the construction of the Kremlin stone walls, the surviving elements of defensive architecture in them. The authors clarify some provisions from the classical works of V. I. Kochedamov, draw on new sources, including photographs from restoration work in the middle of the 20th century from the funds of the Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve. The results of a comparative architectural analysis of the Kremlin walls of Tobolsk with synchronous and previous monuments of Russian military architecture are presented in the article. It has been established that the walls of the Tobolsk Kremlin were more of a symbolic-decorative than a military character. It was determined that they represented a symbiosis of the Moscow Kremlin architecture of the late 15th century with the architecture of the Smolensk fortress wall, 17th century monastery fences and, possibly, the fence of the Bishops' court in Rostov.

Key words:
Tobolsk; Kremlin; fortresses; Semyon Remezov; Seating yard.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94:728.81(571.12)

Оборонительные стены Тобольского кремля: историко-архитектурный очерк

© Носов К. С., Муратова С. Р., Балюнов И. В., 2021

1. Введение

Тобольский кремль — уникальный по композиции архитектурный ансамбль, задуманный и в значительной степени реализованный знаменитым историком и картографом Сибири Семёном Ремезовым. Он должен был возвышаться над городом на Троицком мысу и состоять из двух огражденных стенами частей, светской и духовной: собственно кремля в западной части (назывался также Малым, или Вознесенским городом из-за Вознесенской церкви) и Софийского двора в восточной части. По проекту С. У. Ремезова, подъём на 60-метровую высоту Троицкого мыса должен был проходить через триумфальные Дмитриевские ворота, перегораживавшие Прямской, или Базарный, взвоз между кремлём и Софийским двором. Название ворот имело идейный смысл — оно должно было отражать победу Ермака над ханом Кучумом в день Св. Дмитрия, что положило начало присоединению Сибири к Московскому государству. Таким образом ворота должны были напоминать всем о покорителе Сибири — Ермаке. До наших дней стены собственно кремля не сохранились, и сегодня кремлём называют комплекс зданий Софийского двора вместе с расположенным рядом укреплённым Гостиным двором.

2. История деревянных крепостных сооружений Верхнего города

Основателем Тобольска был «письменный голова» Данила Чулков, который весной 1587 года с полутысячным отрядом казаков приплыл из Тюмени. Первый острог был построен на высоком Троицком мысу в месте слияния двух крупных рек — Иртыша и Тобола [Кочедамов, 1963, с. 7].

В 1594 году первый тобольский острог был перестроен, и снова из того же материала — «судового леса». Тогда же укреплениями защитили и часть посада. Но уже в 1599/1600 году поселение перенесли из восточной в западную часть Троицкого мыса, ближе к берегу Иртыша [ПСРЛ, т. 36, с. 140]. Прошло всего 5—6 лет, и поселение обстраивается новыми, более мощными стенами. Тогда, в 1605/1606—1608 годах, здесь был возведён «рубленый город» с 7 башнями, из которых три были воротными, а четыре — глухими [ПСРЛ, т. 36, с. 142, 143; Кочедамов, 1963, с. 8, 11, 12]. В 1620-е годы в восточной части на месте заброшенного старого острога

CC BY

начинает строиться Софийский двор (архиерейское подворье), который, очевидно, получил деревянную ограду.

14 августа 1643 года в Тобольске впервые случился большой пожар. Это было страшным бедствием для выстроенных из дерева городов. Выгорел весь Тобольск. Как раз в это время прошёл слух о военных приготовлениях джунгар. Поэтому первым делом начали отстраивать укрепления кремля и посада. Новая острожная стена прошла значительно севернее старой, чтобы в городе не было тесноты, из-за которой огонь легко перекидывался со строения на строение. Возведенный на пепелище в 1645—1646 годах новый город окружала стена с 10 башнями, из которых 4 были «четвероугольными», а 6 — «круглыми» [ПСРЛ, т. 36, с. 154] (для деревянных башен «круглыми» назывались многогранные). Главной была восьмигранная башня высотой 46,8 м с пожарным колоколом наверху и подъёмным мостом внизу. Стены состояли из срубов, каждый из которых имел нижний и верхний бои. По верху срубов проходила крытая боевая галерея с выступом-обламом. Общая высота стен достигала 6,4 м. Острожные стены вокруг посада укрепили 10 «быками». Было составлено боевое расписание, в котором каждому из 765 защитников было указано его место на крепостной стене в осадное время. Это были уже пятые по счету крепостные стены Тобольска [Кочедамов, 1963, с. 13]. Как сообщает летопись, они простояли 31 год с момента «совершения» [ПСРЛ, т. 36, с. 154].

Неизвестный иностранец, побывавший в Тобольске в 1666 году, отмечал, что крепость, стоящая на горе, была укреплена только «стакетой из еловых деревьев». Очевидно, такое описание касалось восточной части Троицкого мыса, где находился Софийский двор, поскольку далее в тексте обозначено, что прямо над рекою (то есть в западной части) стоит острог, имеющий срубные деревянные стены с верхними галереями и башнями о восьми углах. Кроме того, автор отмечает, что в ограде находятся крепко построенные двое ворот, обращенные к городу и одни — к реке [Алексеев, с. 344—345].

29 мая 1677 года от молнии в Тобольске опять возник пожар. Город снова сгорел, ещё более основательно, чем прежде. Как записал летописец, «все сгорело без остатку, и все во едино время и во едины часы единого дня» [ПСРЛ, т. 36, с. 170]. Сразу же после пожара, уже в июне того же года, и всего за 5 дней по трассе прежней крепостной стены поставили острог (частокол), а в следующем году перестроили острог в новый «рубленый город» [Матвеев и др., 2012, с. 87]. Этот шестой по счету Тобольский кремль 1678 года имел 9 башен и встроенную в стену Вознесенскую церковь. Все угловые башни были шестигранными, стеновые башни — четырёхугольными, а главная воротная башня — восьмигранной. Прясла состояли из

CC BY

срубов, общее число которых достигало 158. В каждом срубе было по два боя — нижний и верхний. Бойницы были устроены и в крытой галерее, проходившей поверх срубов. Высота стен до кровли достигала 7 м, башни были намного выше [Кочедамов, 1963, с. 18].

7 августа 1680 года очередная беда постигла Тобольск: пожар уничтожил только что отстроенный город. Но вскоре он возродился. Седьмая по счету крепостная ограда была проще предыдущей — частокол из вертикально вкопанных в землю заострённых бревен с тремя башнями. Две башни были проезжими, одна глухая, все они находились на северной напольной стороне. В стены острога встроили Вознесенскую церковь и Приказную палату. Сохранилось изображение Тобольска этого времени, сделанное самим Семеном Ремезовым (рис. 1) [РНБ ОР; Кочедамов, 1963, с. 22]. На этом изображении можно видеть любопытную деталь: на острожных стенах устроена система опор для скатывания на атакующих бревен-катков [Нечаев, 2020, с. 84].

3. Ограда Софийского двора

В 1681—1686 годах в нагорной части Тобольска возвели каменный Софийский собор, который стал первой в Сибири каменной культовой постройкой. После этого, в 1686—1688 годах, построили главный вход в Софийский двор — Святые ворота с церковью Сергия Радонежского. И, как считает В. И. Кочедамов, только затем начали возводить каменную ограду вокруг всего Софийского двора. Каменная ограда охватила значительно бóльшую территорию по сравнению с предшествующей деревянной [Кочедамов. 1963, с. 28, 30]. Точное время сооружения ограды не известно. Лишь С. В. Копылова примерно очерчивает хронологические рамки: заложена при Павле, завершена при Игнатии [Копылова, 1979, с. 22]. Первый был митрополитом Сибирским и Тобольским с 1678 по 1692 год, второй — в период с 1693 по 1699 год. Учитывая, что ограду начали строить после окончания Софийского собора и Святых ворот, временные рамки можно сузить примерно до 1688—1699 года.

Софийский двор приобрёл вид крепости. Единственное подробное описание ограды этого двора дано В. И. Кочедамовым. Вдоль каменных стен расположились 7 круглых, 2 квадратные и 1 многогранная («Грановитая») башни. Все башни имели высоту до верха зубцов около 17 м. Вверху они расширялись, образуя корону машикулей. Башни были снабжены круглыми бойницами диаметром около 32 см в двух нижних ярусах. Первые ярусы круглых башен были перекрыты сводами, вторые ярусы — балочными перекрытиями. Северо-западная угловая квадратная башня, по мнению исследователя, имела размеры 10,6 х 10,6 м (по археологическим данным, длина

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

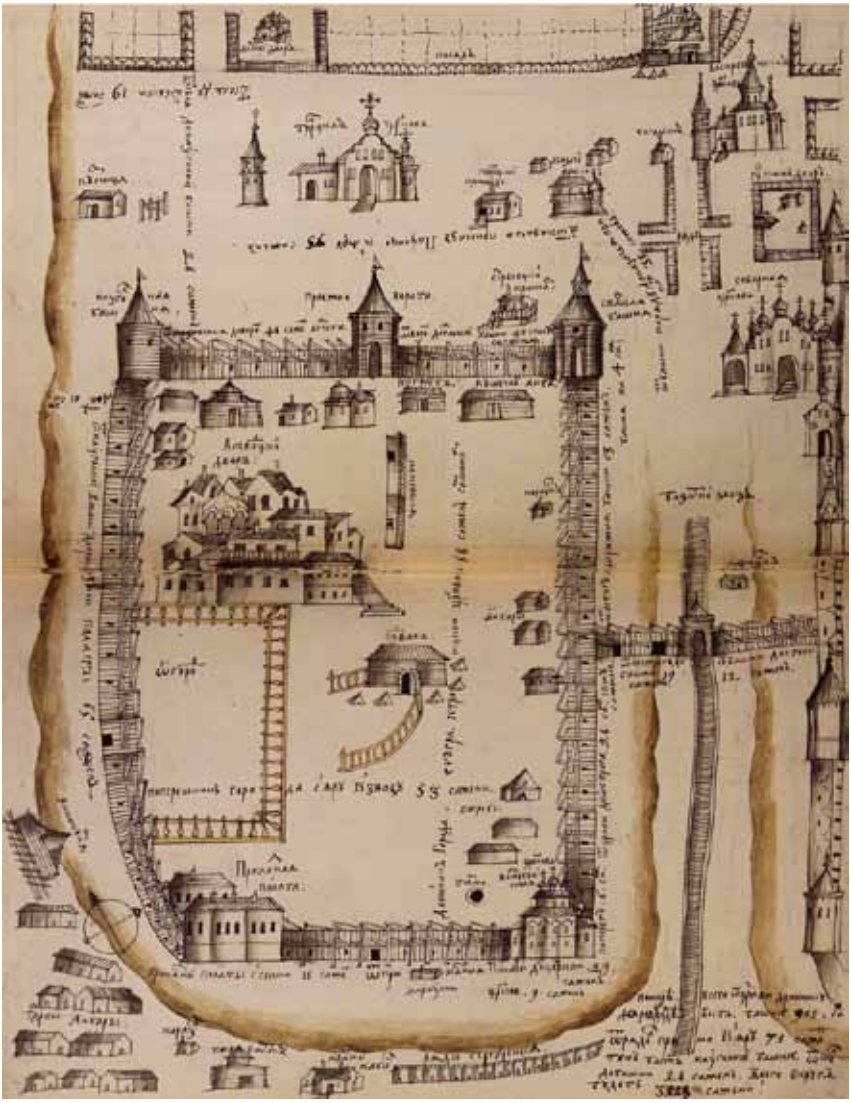

Рис. 1. Объемное изображение Тобольского деревянного города конца XVII века, выполненное С. У. Ремезовым

стороны этой башни всего около 8 м) [Адамов и др., 2008, с. 29]. Южная башня, сохранившаяся до наших дней, имеет внешний диаметр 9 м и толщину стен около метра. Грановитая башня стояла на юго-западном углу ограды,

CC BY

но вскоре после постройки сползла и была возведена заново северо-восточнее прежней. Завершались башни высокими кирпичными шатрами, покрытыми черепицей [Кочедамов, 1963, с. 30, 32; Кочедамов, 1978, с. 154, 155].

Прясла между башнями на юге следовали естественным изгибам мыса и в двух случаях образовывали входящий угол. На других сторонах прясла были прямыми. В. И. Кочедамов приводит следующие характеристики прясел: высота около 9 м с зубцами (по С. В. Копыловой — только 4,3 м [Копылова, 1979, с. 22]), ширина внизу около 1,8 м. С внутренней стороны стен были устроены арки высотой около 3,6 м и пролетом около 4,2 м. Примыкавшая к аркатуре лицевая сторона стены была толщиной всего в 1,5 кирпича (45 см). В некоторых арках сделаны бойницы подошвенного боя. На арках располагался боевой ход. Стена завершалась зубцами высотой 1,9 м, шириной около 1 м и толщиной 0,45 м. Снаружи стены имеют ровную поверхность, обогащенную лишь полукруглым валиком под зубцами на уровне боевого хода. Но южную стену, по мнению В. И. Кочедамова, первоначально украшали ещё рельефные филенки, о существовании которых можно судить по старым изображениям [Кочедамов, 1963, с. 34].

Строили каменную ограду Софийского двора те же подмастерья, что и Софийский собор: Герасим Шарыпин и Гаврила Тютин. Первый руководил строительством западной и южной стены с тремя башнями, а второй — северной и восточной стены с воротами и пятью башнями [Кочедамов, 1963, 30].

4. Каменный кремль

В 1678 году после очередного пожара, уничтожившего Тобольск, в Сибирском приказе было принято решение «впредь город Тобольск делать каменный» [Кочедамов, 1963, с. 18]. Думали и о «земляном городе», то есть земляных укреплениях вместо каменной стены («городом» называли и сами укрепления). Однако тогда город выстроили снова деревянным, о чем уже через пару лет пожалели, когда город снова сгорел в 1680 году.

В 1697 году в Тобольск пришла грамота, по которой требовалось представить в Сибирский приказ проект «каменного города» [Кочедамов, 1963, с. 46]. Основные государственные учреждения решили выстроить из камня и обнести их каменной стеной. По поручению тобольского воеводы С. У. Ремезов подготовил несколько проектов каменного кремля. Сохранилось пять проектов, различающихся планами, занимаемой площадью, числом башен, внутренней застройкой. В 1698 году из Сибирского приказа пришла грамота, в которой предлагалось включить в периметр крепостных стен Гостиный двор, выстроить крепкую проезжую башню для установки артиллерии и позаботиться об обеспечении города водой. Всё это было учтено в четвертом и пятом из сохранившихся проектов С. У. Ремезова [Кочедамов, 1963, с. 48, 49, 51].

CC BY

Закончив подготовку проектов, С. У. Ремезов со старшими сыновьями в 1698 году совершил поездку в Москву. Ремезовы были хорошо приняты в столице и пробыли здесь около 100 дней. Их поселили в московском доме тобольского воеводы М. Я. Черкасского, выдали «жалованье, корм и выход в довольство». В Сибирский приказ С. У. Ремезов представил чертеж и описание «каменного города» Тобольска. Проект был одобрен, и его назначили руководителем строительства. Но сначала направили на обучение в Оружейную палату, ведомство, которое тогда ведало строительством крепостей. Там он прошёл ускоренный курс обучения, приобрел технические знания и получил некий итальянский архитектурный трактат («Строения печатная книга фряжская») [Кочедамов, 1963, с. 51, 52].

В Тобольск Ремезовы вернулись зимой 1699 года и сразу приступили к подготовительным работам. Проект был доработан с учетом сделанных в Москве замечаний. К сожалению, окончательный чертеж будущего кремля до нас не дошёл, но известна смета, составленная подмастерьями Г. Шарыпиным и Г. Тютиным, работавшими под руководством С. У. Ремезова на сооружении кремля. Периметр кремлёвских стен был определён в 229 саж. (487,8 м). В стены должны были быть встроены Вознесенская церковь в юго-восточном углу, Приказная палата в южной стене, три круглые башни в западной стене и несколько воротных башен (Троицкая, Софийская, Спасская и на взвозе). Внутри периметра кремлёвских стен должны были стоять Воеводский двор и хлебные житницы [Кочедамов, 1963, с. 52, 53]. Гостиный двор превратили в самостоятельную крепость, соединив стенами с кремлём и Софийской оградой.

Строительство кремля начали с Приказной палаты, её заложили 9 мая 1700 года, закончили к 1704 году. Для этого здания, спроектированного С. У. Ремезовым, было характерно сочетание итальянских архитектурных черт (видимо, через «фряжскую книгу») с чисто русскими мотивами. Замечательная реконструкция здания выполнена В. И. Кочедамовым [Кочедамов, 1963, с. 56, 57, рис. 29].

Вторым построили Гостиный двор. Долгое время в России существовали ограничения на торговлю вне пределов специально устроенных гостиных дворов. В связи с этим гостиные дворы оказывались основным местом торговли [Соколовский, 2011, с. 348]. Здесь складировали товары, вели торговлю и часто проживали купцы, здесь же порой хранили и вырученные деньги. Вплоть до середины XVIII века гостиные дворы представляли собой значительный торговый комплекс, в который входили таможенная изба, важня, амбары, сараи, церковь или часовня, избы для проживания, мыльни и конюшни. Для защиты от «лихих людей» комплекс обносили стеной с башнями и воротами [Сайфуллина, 2015, с. 207].

CC BY

В силу доступности материала широкое распространение имели деревянные гостиные дворы. Такие гостиные дворы появляются в Сибири с самого начала XVII века: в 1600 году — в Верхотурье, в 1601 году — в Тобольске, в 1619 году — в Енисейске, в 1623 году — в Шуе, в 1624 году — в Тюмени. В XVIII веке гостиные дворы функционировали уже в каждом городе [Там же]. Указ Сената от 29 сентября 1797 года «О нестроении нигде вновь гостиных дворов и о бытии лавкам, нужным для торгов, в домах» [ПСЗРИ, Собрание первое, т. XXIV, № 18171, с. 753—754] вызвал бурю негодования у торгового люда, и в 1799 году Павел I вынужден отменить его. Однако деревянные гостиные дворы имели существенные недостатки: пожары уничтожали их полностью, принося огромные убытки купцам. Так, гостиный двор в Тобольске сгорел в 1629 году, был восстановлен и снова сгорел в 1643 году [Там же, с. 208, 209].

Сохранился каменный гостиный двор Тобольска, входящий в ансамбль Тобольского кремля. Он был построен в начале XVIII века. В 1701 году воеводы М. Я. и П. М. Черкасские, поддержав просьбу населения, обратились в Сибирский приказ с предложением построить гостиный двор на нижнем посаде, на исстари сложившемся торговом месте, более удобном в транспортном отношении. Сибирский приказ сначала согласился на выбранное место, но затем изменил своё мнение и предписал строить каменный гостиный двор на верхнем посаде, отметив: «где бы и городовой стене было в замену» [Копылова, с. 31, 32]. Эта фраза указывает, что в приказе увидели возможность сэкономить на весьма дорогом каменном строительстве: стена гостиного двора должна была заменить участок крепостной стены строившегося тогда же Тобольского кремля. И это же свидетельствует, что ограда гостиного двора должна была иметь достаточный оборонительный потенциал. Надо заметить, что в первоначальном варианте С. У. Ремезов также включал гостиный двор в периметр городских стен, но затем предложил вывести его в виде самостоятельной крепости [Кириллов, 1984, с. 109—119]. В осуществлённом проекте гостиный двор был включен в ансамбль кремля, хотя и сохранил определённую обособленность, будучи окружен стенами по всему периметру.

Тобольский гостиный двор был построен по проекту С. У. Ремезова, сохранился его же план здания. Существуют разные точки зрения на датировки строительства каменного гостиного двора: 1703—1706, 1703—1705, 1704—1706 годы. По архивным документам С. В. Копылова установила, что гостиный двор начал строиться не позднее 1703 года и был окончен в 1708 году [Копылова, 1979, с. 32—34]. В 1703—1704 году над строительством гостиного двора работал подмастерье каменных дел Герасим Шарыпин, который возводил и каменные постройки Софийского двора. Он же составил «разметную роспись» материалов для этого здания. Но летом

CC BY

1704 года он умер [Копылова, 1979, с. 32, 33], и кто возглавлял бригаду каменщиков в дальнейшем, неизвестно.

Гостиный двор, окружённый стенами с башнями, стал крепостью в крепости и должен был защищать как от врагов, так и от огня. В. И. Кочедамов отметил, что своей архитектурой тобольский гостиный двор напоминает бухарские караван-сараи, и на основании изображения на плане 1747 года предложил реконструкцию внешнего вида Гостиного двора. По мнению исследователя, в просторный внутренний двор вели двое ворот, над западными была устроена часовня, над восточными — таможня. С двумя воротными башнями гостиный двор представлен на графической реконструкции кремля В. И. Кочедамова на 1720-е годы [Кочедамов, 1963, с. 61, 62; рис. 32, 33] Однако Е. П. Загваздин считает, что восточная проезжая башня гостиного двора была лишь на проекте, который не был реализован. И в доказательство приводит множество других планов и проектов С. У. Ремезова, где присутствует лишь западная проезжая башня. В качестве дополнительного аргумента он отмечает, что на плане города 1746 года, являющемся копией с плана начала XVIII века, у гостиного двора видна лишь западная воротная башня [Загваздин, 2014, с. 63].

Любопытно, что практически одновременно с тобольским строился гостиный двор в Верхотурье. Он тоже был каменный, примерно тех же размеров и планировки. Однако верхотурский гостиный двор не имел оборонительной ограды с башнями, и его лавки выходили как внутрь двора, так и наружу [Люцидарская и др., 2009, с. 109—114]. Такие неукреплённые гостиные дворы с лавками с внешней стороны были наиболее характерны для России XVII века и позднее. Закрытые укреплённые гостиные дворы были исключениями. Помимо Тобольска, укреплённый гостиный двор в искажённом перестройками виде сохранился в Архангельске.

В кремле строилась ещё и Вознесенская церковь. Но в целом за первое десятилетие XVIII века было построено не так уж и много. Кремлёвские стены оставались деревянными, что не могло не вызывать беспокойства. Новый импульс строительство кремля получило с назначением в Тобольск в 1711 году губернатором князя М. П. Гагарина, который привлёк к строительству пленных шведов. В Тобольск традиционно отправляли ссыльных. В 1704 году впервые упоминаются шведские ссыльные, принимавшие участие в строительстве Гостиного двора [Копылова, 1979, с. 145, 147]. Пленённые в Полтавской битве шведы сначала жили в Москве. Но в 1711 году часть пленников попыталась бежать, после чего все шведы были отправлены в Сибирь, и их число здесь стало исчисляться тысячами. Более 300 шведских пленных строили каменные кремлёвские стены. Руководил ими «каменного строения архитектор Яган» (настоящее имя Яган Индрик

CC BY

Бекен). Любопытно, что военнопленные за свою работу получали деньги [Кочедамов, 1963, с. 64, 67, 68; Копылова, 1979, с. 146].

Строительство кремлёвских стен покрыто завесой неопределённости. Ни дата начала, ни дата окончания их строительства не известны. Указ Петра I от 1714 года, запрещавший каменное строительство по всей стране, кроме Петербурга, безусловно, повлиял и на строительство Тобольского кремля. В. И. Кочедамов написал, что «после указа 1714 года вообще всякое каменное строительство в городе прекратилось на добрые 20 лет» [Кочедамов, 1963, с. 102]. Но в более поздней работе он предположил, что «юго-западная и северная крепостные стены с одной глухой и одной проезжей Князевской башней, видимо, по особому разрешению были построены в 1715 году» [Кочедамов, 1978, с. 161]. В то же время С. В. Копылова в одном месте отметила, что после указа 1714 года «все работы вскоре были свёрнуты» [Копылова, 1979, с. 47], но в другом месте датирует сооружение Дмитриевских ворот 1714—1717 годами. [Там же, с. 37] Дмитриевские ворота, задуманные С. У. Ремезовым как триумфальные, достроены не были. Есть мнение, что прототипом для их проекта послужила Сухарева башня в Москве [Карелин, 2001, с. 174—190] (построена в 1695 году, снесена в 1934 году). Позднее это вытянутое поперек проезда прямоугольное здание стало известно как Рентерея (от слова *рента* — налог, так как сюда свозили меха и другие товары со всей губернии перед отправкой в Москву). Башни в северной стене кремля, очевидно, так и не были построены, как и воеводский дом и житницы внутри него [Кочедамов, 1963, с. 71].

5. Разрушения, перестройки и современное состояние кремлёвских стен

К сожалению, в последующие столетия природа и человек сильно повлияли на состояние кремлёвских стен. В юго-западном углу ограды Софийского двора, на месте Грановитой башни, в 1750 году было построено здание новых архиерейских покоев, протянувшееся и по южной стене ограды [Кочедамов, 1963, с. 84]. К 1775 году это здание сломали, вместе с ним снесли и встроенную в него крепостную стену, а на месте бывшей Грановитой башни возвели напоминающую парковый павильон декоративную квадратную башенку. В 1781 году лишилась крепостных стен и западная часть кремля (собственно кремль): снесли обветшавшие западную и северную крепостную стену, а на месте южной стены построили дом наместника. К концу XVIII века южная и восточная стены Софийского двора, выстроенные по кромке, сползли в обрыв. Участок от угла до квадратной башни просто сломали, и построили длинное здание архиерейских конюшен. Сохранился только небольшой фрагмент этой стены, встроенный в квадратную башню (рис. 2).

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

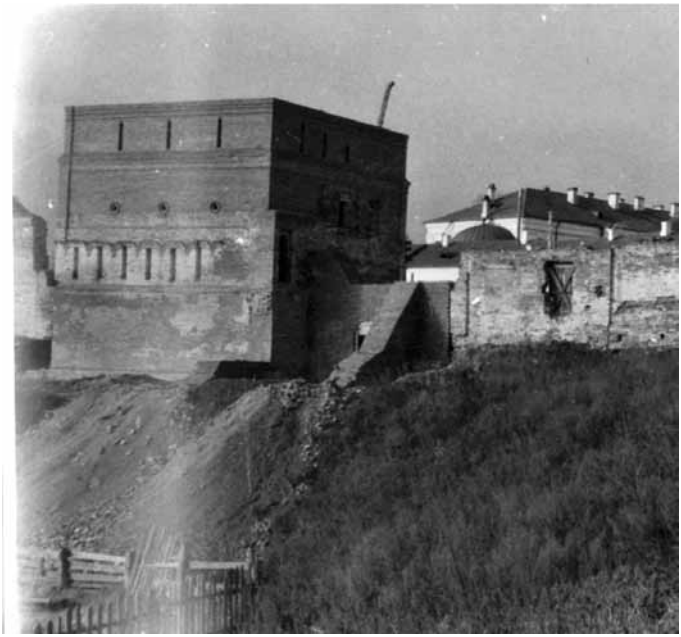

Рис. 2. Фото после реставрации 1961 года восточной квадратной башни Софийского двора с остатками стены конца XVII века на середине высоты

В самом начале XIX века в юго-западном углу ограды возвели круглую башню с большими арочными проёмами на втором ярусе; башня эта не имеет ничего общего с архитектурным стилем более ранних крепостных стен. В 1843—1845 годах архиерей В. Алявдин приказал разобрать стену ограды Софийского двора между центральными круглыми башнями южной стороны на кирпич, который пошел на строительство каменной церкви в загородной Архиерейской роще. В 1887 году обрушилась юго-восточная башня, руины тут же разобрали на кирпич. В XIX веке снесли и северную стену Софийского двора. Только раскопки позволили обнаружить места, где раньше стояли три круглые и одна квадратная башня западной стены и квадратная северо-восточная башня [Кочедамов, 1963, с. 90—92, 133, 144].

Таким образом, от первоначальных крепостных стен Тобольского кремля до наших дней почти ничего не сохранилось (рис. 2а). К XX веку трасса каменных кремлёвских стен была лишь примерно обозначена деревянным штакетником или невысокой каменной стенкой, не имевшими ничего общего с крепостными стенами. Однако сегодня Тобольский кремль выглядит более впечатляюще.

CC BY

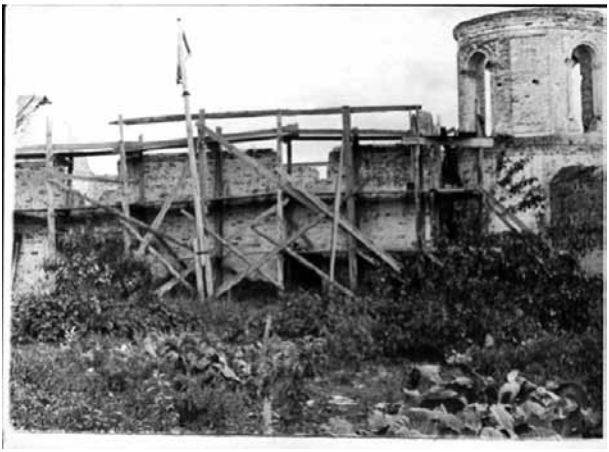

Рис. 2а. Фотография 1950-х годов. Тобольский кремль в процессе реставрации. Кремлевская стена в лесах

В 1963 году В. И. Кочедамов записал: «Реставрационные работы в разгаре. Впереди самое интересное — восстановление древнего облика кремлевских стен. В 1962 году впервые на двух небольших участках появились крепостные зубцы, а на сохранившейся круглой башне южной стены — древние “стрельницы” и т. д. Скоро Тобольский Кремль будет радовать взор полностью восстановленным силуэтом своих сооружений, свидетелей его бурной трехвековой истории, памятника народного мастерства сибирских умельцев» [Кочедамов, 1963, с. 146]. Результат реставрации круглой башни южной стены и участка прясла Софийского двора представлен на фотоснимке (рис. 3). Башня была оборудована бойницами для нижнего и верхнего боя диаметром 32 см. Третий ярус с машикулями имел деревянный пол [Кочедамов, 1963, с. 32].

В 1963 году В. И. Кочедамов записал: «Реставрационные работы в разгаре. Впереди самое интересное — восстановление древнего облика кремлевских стен. В 1962 году впервые на двух небольших участках появились крепостные зубцы, а на сохранившейся круглой башне южной стены — древние “стрельницы” и т. д. Скоро Тобольский Кремль будет радовать взор полностью восстановленным силуэтом своих сооружений, свидетелей его бурной трехвековой истории, памятника народного мастерства сибирских умельцев» [Кочедамов, 1963, с. 146]. Результат реставрации круглой башни южной стены и участка прясла Софийского двора представлен на фотоснимке (рис. 3). Башня была оборудована бойницами для нижнего и верхнего боя диаметром 32 см. Третий ярус с машикулями имел деревянный пол [Кочедамов, 1963, с. 32].

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Рис. 3а. Южная башня и участок ограды Софийского двора до реставрации

Рис. 3б. Южная башня с реконструированными круглыми бойницами и прясло Софийского двора после реставрации

Таким образом, все кремлевские стены так и не были восстановлены. Однако уже восстановлены (фактически отстроены заново) восточная квадратная и северо-восточная круглая башни, а также несколько прясел. В 2006 году конфигурация выстроенной реставраторами в 1950—1960-х годах южной стены ограды Софийского двора в очередной раз была изменена: зигзагообразный выступ у Архиерейского дома был спрямлён, и стена немного отступила к югу [Загваздин, 2018, с. 155].

Для дальнейшего архитектурного анализа важно понимать, какие части кремлёвской ограды можно считать оригинальными, а какие являются новоделом, где не исключена ошибка реставраторов. В. И. Кочедамов писал, что сохранилась одна башня южной стены и небольшой участок восточной стены ограды Софийского двора [Кочедамов, 1978, с. 154]. К этому можно добавить, что нижняя часть Павлинской башни также датируется концом XVII века [Балюнов, 2017, с. 9]. На фотографиях середины XX века представлены участок прясла кремля и Павлинская башня до и в процессе реставрации (рис. 4а и 4 б).

CC BY

ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Рис. 4а. Фотография 1950-х годов. Тобольский кремль до и в процессе реставрации. Павлинская башня. Позади ее — Софийский собор и колокольня

Рис. 4б. Фотография 1950-х годов. Прясло Тобольского кремля, Павлинская башня в процессе реставрации

С позднейшими перестройками и реставрациями, но относительно оригинальными, дошли до нас Гостиный двор и Рентерея. Сегодня наиболее впечатляющим крепостным сооружением Тобольска выглядит Гостиный двор (рис. 5). Однако если мы посмотрим на его фотографии до реставрации, то увидим на них вполне мирное казенное сооружение с большими окнами и без возвышающихся башен [Кочедамов, 1978, с. 168].

Рис. 5. Западный фасад Гостиного двора. *Фото Ю. Г. Аверина*

CC BY

Современный красивый и горделивый вид Гостиному двору придала реставрация, вполне очевидно выполненная по реконструкции В. И. Кочедамова [Кочедамов, 1963, с. 59]. Вздымающиеся вверх башни с зубцами и машикулями — это тоже творение реставраторов.

6. Сравнительный архитектурный анализ

Первым делом определимся с назначением ограды Тобольского кремля. Мы согласны с мнением исследователей, что кремлёвские стены Тобольска не были предназначены для серьёзной планомерной осады с применением артиллерии: «возводились как “парадные”, а также для защиты от воров и пожаров» [Балюнов, 2015, с. 306]. С. В. Копылова писала: «По внешнему виду башни тобольского гостиного двора сохраняли некоторые крепостные элементы, но они имели скорее декоративное значение (зубцы и т. п.)» [Копылова, 1979, с. 35]. И ещё более конкретно в отношении кремлёвской стены: «Показательно, что к строительству стены приступили лишь на последнем этапе, а в первую очередь построили гражданские здания. Это говорит о том, что уже в процессе строительства кремль утратил военно-оборонительное значение и стал прообразом административного центра русского города XVIII века» [Копылова, 1979, с. 38]. В. И. Кочедамов предположил, что стены Тобольского кремля получили «облегченные конструкции» из-за отсутствия уже в то время военной опасности [Кочедамов, 1978, с. 154]. Однако исследователь противоречит сам себе. В более ранней работе он написал: «Каменный город» только строился, а Тобольску в 1709 году угрожала военная опасность. Ожидалось нападение джунгар. Воеводам было приказано привести город в состояние обороны». Ввиду этой опасности С. У. Ремезов даже подготовил проект укрепления города земляным валом с пятью бастионами [Кочедамов, 1963, с. 63]. Таким образом, не отсутствие военной опасности предопределило слабый с военной точки зрения характер кремлёвских стен Тобольска.

Вместе с тем нет сомнений, что каменные стены Тобольска не были рассчитаны на серьёзного противника. Небоевой характер Тобольского кремля подтверждают хотя бы те факты, что культовые и гражданские строения были встроены в ограду и не защищены снаружи. Софийский собор большей частью выступал наружу, за ограду Софийского двора, Вознесенская церковь и Приказная палата были встроены в южную стену кремля. Толщина прясел ограды Софийского двора (1,8 м) сравнима только с оградой Архиерейского двора в Ростове, но не идет ни в какое сравнение даже с кремлёвскими стенами более чем вековой давности или серьезными монастырскими оградами (например, прясла кремлей рубежа

CC BY

XV—XVI веков имели толщину 3—5 м, а прясла Нового города Кирилло-Белозерского монастыря достигали толщины 6,5—7,0 м).

На опасных с военной точки зрения направлениях в России в начале XVIII века строились бастионные крепости (Новодвинская, Петропавловская и др.). Бастионная фортификация начала свой путь на просторах России в 1580-е годы, но вплоть до XVIII века соседствовала с башенной. До Сибири каменная фортификация добралась только к концу XVII века, и здесь она была в новинку. Показательно, что архитектура стен Тобольского кремля схожа с архитектурой крепостных стен кремля в Верхотурье. Строительство стен Верхотурского кремля началось в 1700 году и велось московскими каменщиками под руководством Тимофея Гусева [Кочедамов, 1978, с. 164].

В отношении архитектуры кремлёвских стен В. И. Кочедамов отметил, что «конструкция и архитектура каменной стены Софийского двора обычны для аналогичных сооружений конца XVII века» [Кочедамов, 1963, с. 30].

Действительно, если посмотреть на памятники архитектуры Центральной России второй половины XVII века, обнаруживается множество аналогичных черт. В 1660—1690-х годах митрополит Иона Сысоевич построил в Ростове Архиерейский (Митрополичий) двор, который сегодня не совсем верно называют кремлём. Функционально это наиболее близкий аналог Софийского двора Тобольска. Строительство Архиерейского двора в Ростове началось раньше Софийского в Тобольске и, возможно, послужило стимулом для митрополита Павла. Ростовский архиерейский двор также окружён стенами с круглыми башнями. Толщина прясел около 2 м, высота — 10—12 м. [Воротникова и др., 2013, с. 426, 427] Однако с архитектурной точки зрения есть и существенные отличия. В Ростове стены завершаются сплошным парапетом с бойницами и навесным боем (машикули) под боевым ходом, в то время как прясла ограды Софийского двора лишены навесного боя, они завершались зубцами в форме «ласточкин хвост». Последние хорошо видны на середине высоты восточной квадратной башни. Ростовские башни имеют прямоугольные с арочной перемычкой окошки-бойницы, обрамлённые снаружи декоративными наличниками в стиле сказочного домика. Подобные окошки с нарядными наличниками с фронтом в Тобольске есть на стенах Гостиного двора и на южной башне ограды Софийского двора. В последнем случае их расположение вызывает большие вопросы: они размещены сразу над круглыми бойницами, чего не должно быть. Системность в размещении этих отверстий отсутствует. В. И. Кочедамов отмечал на этой башне только круглые бойницы в два яруса [Кочедамов, 1963, с. 32], не признавая окнообразные, хотя они были и в его время. Надо отметить, что в Тобольске декоративные наличники не столь витиеваты, как в Ростове, и ближе к декору бойниц Смоленской крепости (1595—1602).

CC BY

Основная форма бойниц в башнях Софийского двора — круглая. Круглые бойницы впервые появляются в Астраханском и Казанском кремлях, строившихся во второй половине XVI века [Косточкин, 1964, с. 140, 141, 143]. Круглые бойницы, устроенные на втором и третьем ярусах круглых Консисторской и Безымянной башен Казанского кремля (датируются 1594—1595 годами), по мнению Вл. В. Седова, имеют явные аналогии с круглыми бойницами Астраханского кремля, где они устроены в одной из угловых прямоугольных башен, и Ипатьевского монастыря в Костроме. Это более ранние или одновременные Казанскому кремлю постройки. Вл. В. Седов не исключает, что Казанский кремль в 1594—1595 годах строили те же мастера, что и крепости Астрахани и Ипатьевского монастыря [Седов, 2015, с. 63, 64]. Чуть позднее — на рубеже XVI—XVII веков — круглые бойницы появились на некоторых воротных башнях Смоленской крепости (Авраамиевской, Еленинской, Копытинской). Но здесь это не истинные бойницы, а псевдобойницы, так как они не прорезают стены насквозь, а лишь заглублены в их кладку [Хозеров, 1930, с. 10; Косточкин, 1964, с. 102—106]. Таким образом, в Смоленской крепости круглые бойницы являются декоративным, а не боевым элементом. Позднее круглые бойницы перекочевали на стены и башни многих монастырей. Но здесь они представлены, как правило, полноценными бойницами. Круглые бойницы можно видеть в башнях многих монастырей второй половины XVII века: Борисоглебском (близ Ростова), Спасо-Прилуцком (Вологда), Кирилло-Белозерском и др.

Сегодня зубчатым парапетом завершаются только башни Гостиного двора Тобольска, а башни ограды Софийского двора (южная и северо-восточная) совсем лишены парапета: кровля начинается прямо над навесным боем (машикулями). Последнее представляется результатом неверной реставрации. Ни в одном памятнике русского военного зодчества или монастырских оградах нет подобного решения. Оно не могло быть в принципе, так как в таком случае верхним ярусом башни становится невозможно пользоваться.

Зубцы в форме «ласточкин хвост», как и некоторые другие элементы в архитектуре стен Тобольского кремля (арки с внутренней стороны прясел, полувалик и проч.), можно отнести к «итальянизмам». Однако итальянское влияние здесь явно сказалось не напрямую, а опосредованно, в первую очередь через Московский Кремль, перестраивавшийся под руководством итальянских зодчих в 1485—1495, 1499, 1516 годах. Под влиянием столичного образца был построен целый ряд других кремлей в конце XV — первой трети XVI веков (Новгородский, Тульский, Коломенский, Зарайский), была возведена Смоленская крепость, перестраивались многие другие крепости и особенно монастырские ограды в XVI—XVII веках. Итальянцы в их строительстве не участвовали, и влияние на них сказалось

CC BY

опосредованно. Зодчие Тобольского кремля Гаврила Тютин и Герасим Шарыпин были посланы из Москвы [Копылова, 1979, с. 228]. В Москву же в конце XVII века приезжал и С. У. Ремезов. Здесь он, несомненно, видел и изучал архитектуру Московского Кремля. Более того, ему была выдана некая «фряжская книга» (итальянский трактат) [Кочедамов, 1963, с. 52], которая, возможно, тоже повлияла на проект. Вместе с тем ряд архитектурных деталей не встречается на стенах Московского Кремля и, очевидно, был привнесён из более поздней русской архитектуры. К таким деталям можно отнести круглые бойницы с внешним полуваликом, нарядные наличники с фронтом. Мы видим такие детали в Смоленской крепости, ограде Архиерейского двора в Ростове и монастырских оградах XVII века.

С. Н. Баландин отмечал: «Стены и башни Софийского двора в Тобольске по своим формам близки к стенам и башням Смоленской крепости: те же квадратные башни с лопатками по углам, зубцы, “граненые” башни, обрамление стрельниц на башнях, но, естественно, все в меньших размерах. Смоленские стены строились в 1595—1602 гг. и их хорошо знали строители тобольских стен и башен. Отец Герасима Шарыпина, Яков Шарыпин, в 1674 году строил в Смоленске Успенский собор. С ним вместе работал и Савелий Тютин, отец Гаврилы Тютина. И если Г. Шарыпин был зачислен в приказ каменных дел в 1682 г., будучи уже немолодым (умер в Тобольске в 1704 г.), то естественно предположить, что ранее он работал с отцом в Смоленске. Конечно, стены и башни Софийского двора не являлись, как стены Смоленска, мощными оборонительными сооружениями, они скорее, как стены Лужецкого монастыря в Можайске, построенные в 1684—1692 гг., были просто представительным ограждением резиденции высшей церковной власти в Сибири. Сохранившаяся Павлинская башня Софийского двора почти идентична башням Лужецкого Можайского монастыря. Стены и башни имеют сходство со стенами Борисоглебского монастыря близ Ростова (1545 г., зодчий Г. Борисов), Спасо-Прилуцкого монастыря в Вологде (1640—1650 гг.)» [Баландин, 1981, с. 182—183].

Также можно предположить влияние монастырских оград XVII века и ограды Архиерейского двора в Ростове. Но для последних характерно устройство навесного боя (машикулей) на пряслах, чего нет на ограде Софийского двора. И в этом опять можно усмотреть подобие Московскому Кремлю.

7. Заключение

Рассмотренная выше история строительства и перестроек, а также архитектура стен Тобольского кремля позволяет сделать ряд выводов, а именно констатировать слабую степень изученности этого памятника, наличие

CC BY

противоречий и «белых пятен». Наиболее досадным из последних является неустановленность конкретных дат начала и окончания строительства.

Сохранность стен Тобольского кремля оставляет желать лучшего. Фактически до наших дней в более или менее оригинальном виде дошли лишь две башни ограды Софийского двора, Гостиный двор и Рентерея, а также небольшой фрагмент прясла.

В архитектурном плане, насколько можно судить по ограде Софийского двора, от которой хоть что-то сохранилось до наших дней, стены Тобольского кремля носили скорее символически-декоративный, чем боевой характер и представляли собой симбиоз столичной кремлёвской архитектуры конца XV века с архитектурой Смоленской крепостной стены, монастырских оград XVII века и, возможно, ограды Архиерейского двора в Ростове.

Источники и принятые сокращения

1. ПСЗРИ — *Полное* собрание законов Российской империи (далее). Именной указ Правительствующего Сената от 29 августа 1797 г. «О нестроении нигде вновь гостиных дворов и о бытии лавкам, нужным для торгов, в домах» / Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649—1825 гг. : в 45 т. — № 18171. — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — Т. XXIV. — С. 753—754.

2. ПСРЛ — *Полное* собрание русских летописей. Т. 36 : Сибирские летописи, ч. 1 : Группа Есиповской летописи / Сибирское отделение АН СССР, Институт истории, филологии и философии ; отв. ред. А. П. Окладников, Б. А. Рыбаков. — Наука, 1987. — 381 с.

3. РНБ ОР — *Российская* национальная библиотека Отдел рукописей. Эрмитажное собрание. № 237.

Литература

1. *Адамов А. А*. Археологические исследования в Тобольском кремле / А. А. Адамов // Русские старожилы : материалы III Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11—13 декабря 2000 г., Тобольск). — Тобольск — Омск : Омский государственный педагогический университет, 2000. — С. 450—451.

2. *Адамов А. А*. Город Тобольск : археологический очерк / А. А. Адамов, И. В. Балюнов, П. Г. Данилов. — Тобольск : [б. и], 2008. — 114 с.

3. *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей : введение, тексты и комментарий. XIII—XVII вв. / М. П. Алексеев. — Иркутск : ОГИЗ. Иркутское областное издательство, 1941. — 609 с.

4. *Аношко О. М*. Тобольск в период российской колонизации Сибири : археолого-исторические реконструкции / О. М. Аношко // Уральский исторический вестник. — 2018. — № 4 (61). — С. 96—104. — DOI: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-96-104.

5. *Баландин С. Н.* «Начало русского каменного строительства в Сибири» / Сибирские города XVII — начала XX века / С. Н. Баландин. — Новосибирск : [б. и], 1981. — С. 174—196.

6. *Балюнов И. В*. Начало каменного строительства в г. Тобольске (по материалам археологических исследований) / И. В. Балюнов // Ежегодник Тобольского музея–заповедника. — Тюмень : Изд-во «Вектор-Бук», 2003—2006. — № 3—4 (32—33). — С. 184—189. ISBN 5-88131-464-6.

7. *Балюнов И. В.* Оборонительные сооружения Тобольского кремля по материалам археологических исследований / И. В. Балюнов, П. Г. Данилов // Баландинские чтения. — 2017. — Т. 12, № 1. — С. 8—13.

8. *Балюнов И. В.* Тобольский кремль — памятник археологии периода русского освоения Сибири / И. В. Балюнов // Третьи Ядринцевские чтения. — Омск : Омский государственный историко-краеведческий музей, 2015. — С. 305—307.

9. *Воротникова И.А.* Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV—XVII веков. Крепости Центральной России / И. А. Воротникова, В. М. Неделин. — Москва : БуксМАрт, 2013. — 888 с. ISBN 978-5-906190-01-7.

10. *Гуменюк А. Н.* Зодчие малых городов Западной Сибири XVIII — начала XX вв. : к словарю архитекторов и инженеров Тобольской и Томской губерний / А. Н. Гуменюк, И. В. Ляликов // Омский научный вестник. — 2014. — № 3 (129). — С. 226—234.

11. *Данилов П. Г.* К вопросу об оборонительных укреплениях города Тобольска в XVII веке (по данным археологии) / П. Г. Данилов // XVII Уральское археологическое совещание : материалы научной конференции. — Екатеринбург — Сургут : Изд-во «Магеллан», 2007. — С. 237—238.

12. *Данилов П. Г.* Святые ворота в Тобольском кремле (по данным письменных и археологических источников) / П. Г. Данилов // Баландинские чтения. — 2016. — Т. 11. — № 1. — С. 39—42.

13. *Дергачева-Скоп Е. И.* Служебная чертежная книга. Семен Ремезов и сыновья / Е. И. Дергачева-Скоп. — Тобольск : Возрождение Тобольска, 2006. — 167 с. — ISBN 5-98178-016-9.

14. *Загваздин Е.П.* Материалы к истории Гостиного Двора Тобольска / Е. П. Загваздин // Баландинские чтения. — 2014. — Т. 9. — № 2. — С. 61—68.

15. *Загваздин Е. П.* Новые данные об устройстве фортификаций Тобольского кремля (по материалам исследований 2006 года) / Е. П. Загваздин // Баландинские чтения. — 2018. — Т. 13. — № 1. — С. 153—159. — DOI: 10.24411/9999-001A-2018-10024.

16. *Загваздин Е. П.* Новые материалы по археологии Тобольского кремля / Е. П. Загваздин // Теория и практика археологических исследований. — 2019. — № 3 (27). — С. 52—65. — DOI: 10.14258/tpai(2019)3(27).-05.

17. *Загваздин Е. П.* Тобольский кремль с «полуденной» стороны : новые данные по архитектуре крепости в XVIII—XIX веках / Е. П. Загваздин // Баландинские чтения. — 2019. — Т. 14. — № 1. — С. 245—251. — DOI: 10.24411/9999-001A-2019-10086.

18. *Загваздина Я. Г.* Рентерея в Тобольске : история и современность / Я. Г. Загваздина // Баландинские чтения. — 2015. — Т. 10. — № 1. — С. 61—68.

19. *Карелин В. Г.* Тайна Тобольской башни / В. Г. Карелин // Урал. — 2001. — № 9. — С. 174—190.

20. *Кириллов В. В.* Методы проектирования Семена Ремезова / В. В. Кириллов // Архитектурное наследство. — 1974. — Выпуск 22. — С. 53—62.

21. *Кириллов В. В.* Постройки Семена Ремезова в Тобольске (Приказная палата и Дмитриевские ворота Тобольского кремля) / В. В. Кириллов // Архитектурное наследство. — 1962. — Выпуск 14. — С. 109—124.

22. *Кириллов В. В.* Проекты «образцовых домов», разработанные С. Ремезовым для Тобольска / В. В. Кириллов // Архитектурное наследство. — 1960. — Выпуск 12. — С. 153—168.

23. *Кириллов В. В.* Тобольск / В. В. Кириллов. — Москва : Искусство, 1984. — 239 с.

24. *Копылова С. В.* Каменное строительство в Сибири : Конец XVII—XVIII в. / С. В. Копылова. — Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1979. — 255 с.

25. *Косточкин В. В.* Государев мастер Федор Конь / В. В. Косточкин. — Москва : Наука, 1964. — 176 с.

26. *Кочедамов В. И.* Первые русские города Сибири / В. И. Кочедамов. — Москва : Стройиздат, 1978. — 190 с.

27. *Кочедамов В. И.* Тобольск (Как рос и строился город) / В. И. Кочедамов. — Тюмень : Книжное издательство, 1963. — 156 с.

28. *Люцидарская А. А.* Архитектурно-строительные и функциональные особенности верхотурского гостиного двора (XVII—XVIII вв.) / А. А. Люцидарская, А. Ю. Майничева // Уральский исторический вестник. — 2009. — № 4 (25). — С. 109—114.

29. *Матвеев А. В.* Остатки старинных тобольских укреплений на мысу Чукман / А. В. Матвеев, О. М. Аношко, А. И. Клименко // AB ORIGINE : археолого-этнографический сборник. — Тюмень : ТюмГУ, 2012. — С. 76—91.

30. *Нечаев А. Г.* Проблема катков на стенах деревянных крепостей XVI—XVII вв. / А. Г. Нечаев // Вопросы истории фортификации. — 2020. — Выпуск 7. — С. 81—93.

31. *Сайфуллина М. И.* Деревянные гостиные дворы г. Тобольска / М. И. Сайфуллина // Aus Sibirien-2015. — Тюмень : Тюменский государственный университет, 2015. — С. 207—209.

32. *Седов Вл. В.* Казанский кремль в конце XVI века / Вл. В. Седов // Архитектурное наследство. — 2015. — Выпуск 62. — С. 52—67.

33. *Ситникова Е. В.* Архитектурный облик старинного сибирского города Тобольска / Е. В. Ситникова // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. — 2013. — № 4 (41). — С. 100—114.

34. *Соколовский И. Р.* К вопросу о реконструкции внешнего облика гостиного двора в Иркутске XVII—XVIII вв. / И. Р. Соколовский // Иркутский историко-экономический ежегодник. — Иркутск : Издательство БГУЭП, 2011. — С. 348—349. — ISBN 978-5-7253-2323-8.

35. *Сухорукова Н. В.* Образно-символический ряд в архитектуре Тобольского кремля / Н. В. Сухорукова // Гуманитаризация инженерного образования : методологические основы и практика. — Тюмень : Тюменский государственный университет, 2020. — С. 108—111.

36. *Хозеров И. М.* Новые данные о смоленской городской стене / И. М. Хозеров. — Смоленск : Записки Западного областного общества краеведения, 1930. — 31 с.

Material resources

PSRL — *The Complete collection of Russian Chronicles, 36: Siberian Chronicles, part 1: The Group of the Esipovskaya Chronicle / Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, Institute of History, Philology and Philosophy.* (1987). Nauka. 381 p. (In Russ).

PSZRI — *The Complete collection of laws of the Russian Empire (hereinafter). The nominal decree of the Governing Senate of August 29, 1797 "On the non-construction of living rooms anywhere again and on the existence of shops needed for trading in houses" / The Complete Collection of laws of the Russian Empire. The First Meeting. 1649—1825: In 45 volum, XXIV (18171).* (1830). St. Petersburg: Printing house II of The Department of His Imperial Majesty's Own Chancery. 753—754. (In Russ).

RNB OR — *Russian National Library Department of Manuscripts. The Hermitage Collection, 237.* (In Russ).

References

Adamov, A. A. (2000). Archaeological research in the Tobolsk Kremlin. In: *Russian old-timers: materials of the III Sib. simp. "Cultural Heritage of the peoples of Western*

CC BY

Siberia" (December 11—13, 2000, Tobolsk). Tobolsk-Omsk: Omsk State Pedagogical University. 450—451. (In Russ).

Adamov, A. A., Balyunov, I. V., Danilov, P. G. (2008). *The city of Tobolsk. Archaeological essay.* Tobolsk: [b. i]. 114 p. (In Russ).

Alekseev, M. P. (1941). *Siberia in the news of Western European travelers and writers: introduction, texts and commentary. XIII—XVII centuries.* Irkutsk: OGIZ. Irkutsk Regional Publishing House. 609 p. (In Russ).

Anoshko, O. M. (2018). Tobolsk during the Russian colonization of Siberia: archaeological and historical reconstructions. *Ural Historical Bulletin, 4 (61):* 96—104. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-96-104. (In Russ).

Balandin, S. N. (1981). *"The beginning of Russian stone construction in Siberia" / Siberian cities of the XVII — early XX century.* Novosibirsk: [b. i.]. 174—196. (In Russ).

Balyunov, I. V. (2003—2006). The beginning of stone construction in Tobolsk (based on the materials of archaeological research). In: *Yearbook of the Tobolsk Museum-Reserve, 3—4 (32—33).* Tyumen: Publishing house "Vector-Book". 184—189. ISBN 5-88131-464-6. (In Russ).

Balyunov, I. V. (2015). Tobolsk Kremlin a monument of archeology of the period of Russian development of Siberia. In: *Third Yadrintsev readings*. Omsk: Omsk State Museum of Local History. 305—307. (In Russ).

Balyunov, I. V., Danilov, P. G. (2017). Defensive structures of the Tobolsk Kremlin based on the materials of archaeological research. *Balandinsky readings, 12 (1):* 8—13. (In Russ).

Danilov, P. G. (2007). On the question of the defensive fortifications of the city of Tobolsk in the XVII century (according to archeology). In: *XVII Ural Archaeological meeting: materials of a scientific conference.* Yekaterinburg-Surgut: Magellan Publishing House. 237—238. (In Russ).

Danilov, P. G. (2016). The Holy Gates in the Tobolsk Kremlin (according to written and archaeological sources). *Balandinsky readings, 11 (1):* 39—42. (In Russ).

Dergacheva-Osprey, E. I. (2006). *Service drawing book. Semyon Remezov and sons*. Tobolsk: Rebirth of Tobolsk. 167 p. ISBN 5-98178-016-9. (In Russ).

Gumenyuk, A. N., Lyalikov, I. V. (2014). Architects of small cities of Western Siberia of the XVIII — early XX centuries: to the dictionary of architects and engineers of the Tobolsk and Tomsk provinces. *Omsk Scientific Bulletin, 3 (129):* 226—234. (In Russ).

Karelin, V. G. (2001). The secret of the Tobolsk Tower. *Ural, 9:* 174—190. (In Russ).

Khozerov, I. M. (1930). *New data on the Smolensk city wall*. Smolensk: Notes of the Western Regional Society of Local Lore. 31 p. (In Russ).

Kirillov, V. V. (1960). Projects of "model houses" developed by S. Remezov for Tobolsk. *Architectural heritage, 12:* 153—168. (In Russ).

Kirillov, V. V. (1962). The buildings of Semyon Remezov in Tobolsk (the Prikaznaya Chamber and the Dmitrievsky Gates of the Tobolsk Kremlin). *Architectural heritage, 14:* 109—124. (In Russ).

Kirillov, V. V. (1974). Methods of designing Semyon Remezov. *Architectural heritage, 22:* 53—62. (In Russ).

Kirillov, V. V. (1984). *Tobolsk*. Moscow: Art. 239 p. (In Russ).

Kochedamov, V. I. (1963). *Tobolsk (How the city grew and was built)*. Tyumen: Book Publishing House. 156 p. (In Russ).

Kochedamov, V. I. (1978). *The first Russian cities of Siberia.* Moscow: Stroyizdat. 190 p. (In Russ).

Kopylova, S. V. (1979). *Stone construction in Siberia: The end of the XVII—XVIII centuries.* Novosibirsk: Nauka. Siberian Branch. 255 p. (In Russ).

Kostochkin, V. V. (1964). *Gosudarev master Fyodor Kon.* Moscow: Nauka. 176 p. (In Russ).

Lucidarskaya, A. A., Mainicheva, A. Yu. (2009). Architectural, construction and functional features of the Verkhotursky gostiny dvor (XVII—XVIII centuries). *Ural Historical Bulletin, 4 (25):* 109—114. (In Russ).

Matveev, A. V., Anoshko, O. M., Klimenko, A. I. (2012). The remains of ancient Tobolsk fortifications on Cape Chukman. In: *AB ORIGINE: archaeological and ethnographic collection.* Tyumen: TSU. 76—91. (In Russ).

Nechaev, A. G. (2020). The problem of ice rinks on the walls of wooden fortresses of the XVI—XVII centuries. *Questions of the history of fortification, 7:* 81—93. (In Russ).

Sayfullina, M. I. (2015). Wooden living rooms of the city of Tobolsk. In: *Aus Sibirien-2015.* Tyumen: Tyumen State University. 207—209. (In Russ).

Sedov, V. V. (2015). Kazan Kremlin at the end of the XVI century. *Architectural heritage, 62:* 52—67. (In Russ).

Sitnikova, E. V. (2013). The architectural appearance of the ancient Siberian city of Tobolsk. *Bulletin of the Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering, 4 (41):* 100—114. (In Russ).

Sokolovsky, I. R. (2011). On the question of the reconstruction of the external appearance of the Gostiny dvor in Irkutsk of the XVII—XVIII centuries. In: *Irkutsk Historical and Economic Yearbook.* Irkutsk: BSUEP Publishing House. 348—349. ISBN 978-5-7253-2323-8. (In Russ).

Sukhorukova, N. V. (2020). Figurative-symbolic series in the architecture of the Tobolsk Kremlin. In: *Humanitarization of engineering education: methodological foundations and practice.* Tyumen: Tyumen State University. 108—111. (In Russ).

Vorotnikova, I. A., Nedelin, V. M. (2013). *Kremlins, fortresses and fortified monasteries of the Russian state of the XV—XVII centuries. Fortresses of Central Russia.* Moscow: BuksMArt. 888 p. ISBN 978-5-906190-01-7. (In Russ).

Zagvazdin, E. P. (2014). Materials for the history of the Gostiny Dvor of Tobolsk. *Balandinsky readings, 9 (2):* 61—68. (In Russ).

Zagvazdin, E. P. (2018). New data on the device of the fortifications of the Tobolsk Kremlin (based on research materials of 2006). *Balandinsky readings, 13 (1):* 153—159. DOI: 10.24411/9999-001A-2018-10024. (In Russ).

Zagvazdin, E. P. (2019). New materials on the archeology of the Tobolsk Kremlin. *Theory and practice of archaeological research, 3 (27):* 52—65. DOI: 10.14258/tpai(2019)3(27).-05. (In Russ).

Zagvazdin, E. P. (2019). Tobolsk Kremlin from the "midday" side: new data on the architecture of the fortress in the XVIII—XIX centuries. *Balandinsky readings, 14 (1):* 245—251. DOI: 10.24411/9999-001A-2019-10086. (In Russ).

Zagvazdina, Ya. G. (2015). Rentereya in Tobolsk: history and modernity. *Balandinsky readings, 10 (1):* 61—68. (In Russ).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Пригодич Н. Д. Формирование и развитие аэродромной сети Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны / Н. Д. Пригодич // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 438—451. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-438-451.

Prigodich, N. D. (2021). Formation and Development of Airfield Network of Leningrad Region during Great Patriotic War. *Nauchnyi dialog, 8:* 438-451. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-438-451. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-438-451

Формирование и развитие аэродромной сети Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны

Пригодич Никита Дмитриевич
orcid.org/0000-0002-3774-9731
Scopus Author ID: 57200622209
инженер-исследователь
ndprigodich@gmail.com

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой
поддержке РФФИ, проект № 19-39-90021
«Деятельность высших партийных органов Ленинграда по обеспечению действий авиации в обороне города 1941—1944 гг.».

Formation and Development of Airfield Network of Leningrad Region during Great Patriotic War

Nikita D. Prigodich
orcid.org/0000-0002-3774-9731
Scopus Author ID: 57200622209
Research Engineer
ndprigodich@gmail.com

St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The reported study was funded by RFBR, project number 19-39-90021
"The activities of the highest party bodies of Leningrad to ensure aviation actions in the defense of the city 1941—1944".

© Пригодич Н. Д., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о формировании ленинградской аэродромной сети в предвоенный период и ее трансформация в годы блокады. Уделено особое внимание обработке статистики задействованной сети. Новизна исследования видится в том, что впервые вводится в научный оборот ряд данных о результатах работы отдела аэродромного строительства фронта и управления аэродромного строительства НКВД. Поднимается вопрос о причинах аэродромно-технических проблем в работе авиации Северо-Западного направления в начальный период войны. Приводятся общие сведения об аэродромной сети на «большой земле», использованной силами 14 воздушной армии и авиацией балтийского флота. Автор останавливается на подробном рассмотрении аэродромов ленинградского аэроузла, их обслуживании, использовании и трансформации. Приводятся сведения об основных проблемах в использовании летных полей в зимний период и планы развития сети в период 1942/1943 годов. Доказывается, что, несмотря на внушительный объем аэродромной сети, так или иначе задействованной в ходе обороны города, лишь ограниченное их число использовалось на протяжении самого тяжелого периода с осени 1941 года по весну 1943 года.

Ключевые слова:
аэродром; авиация; Ленинград; блокада; коммуникации; снабжение; ВВС.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issue of the formation of the Leningrad airfield network in the pre-war period and its transformation during the years of the blockade are considered. Particular attention is paid to processing statistics of the involved network. The novelty of the research is seen in the fact that for the first time a number of data on the results of the work of the airfield construction department of the front and the administration of airfield construction of the People's Commissariat of Internal Affairs (NKVD) are being introduced into scientific circulation. The question is raised about the causes of aerodrome-technical problems in the work of aviation in the North-Western direction in the initial period of the war. General information about the airfield network on the "mainland" used by the forces of the 14th air army and the aviation of the Baltic fleet is provided. The author dwells on a detailed examination of the airfields of the Leningrad air hub, their maintenance, use and transformation. Information on the main problems in the use of airfields in the winter period and plans for the development of the network in the period 1942/1943 are given. It is proved that, despite the impressive volume of the airfield network, one way or another involved in the defense of the city, only a limited number of them were used during the most difficult period from the fall of 1941 to the spring of 1943.

Key words:
aerodrome; aviation; Leningrad; blockade; communications; supply; Air force.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(47).084.8

Формирование и развитие аэродромной сети Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны

© Пригодич Н. Д., 2021

1. Введение

Тематика становления и трансформации аэродромной сети вокруг Ленинграда в годы Великой Отечественной войны никогда не становилась самостоятельным предметом изучения. Вместе с тем различные аспекты использования площадок ленинградского аэроузла представляют значительный интерес для исследователей блокадного периода жизни города. В целом ряде фундаментальных обобщающих трудов при рассмотрении вопросов продовольственного снабжения города, эвакуации населения, действий войск ПВО, истребительной авиации и ВВС Балтийского флота затрагивается фактор наличия взлетно-посадочных полос для действий авиации как внутри города, так и на территории «большой земли» [Соболев, 2013; Соболев, 2015; Соболев, 2017; Ковальчук, 2005]. Ввиду недостаточной изученности данной тематики многие вопросы логистики внутри блокированного города, специфика принятия политических решений по некоторым вопросам остаются нераскрытыми.

Общие положения современной историографии по представленной проблеме указаны в исследовании, посвященном работе тыла авиации Ленинградского фронта в годы войны [Пригодич, 2017, с. 32—34]. Наиболее ценные сведения о формировании аэродромной сети приведены в исследовании И. Г. Иноземцева о действиях ВВС в обороне Ленинграда [Иноземцев, 1978]. В то же время они представляют собой в основном отрывочные, плохо систематизированные данные. Значительный вклад в изучение транспортных систем, в том числе авиационных коммуникаций, был внесен В. М. Ковальчуком в его работе о «дороге жизни» [Ковальчук, 2001]. Отдельно следует отметить ряд новейших работ о продовольственном снабжении Ленинграда, в которых затрагивается проблематика настоящего исследования [Ломагин, 2019; Пригодич, 2020; Соболев и др., 2016; Ходяков, 2019]. Тем не менее необходимо констатировать заметную историографическую лакуну по теме аэродромной сети в обороне Ленинграда, которая требует дополнительного анализа и систематизации материала.

К началу 1941 года, учитывая опыт войны с Финляндией, высшее военное руководство производило целый комплекс мероприятий по модер-

CC BY

низации инфраструктурной базы для соединений РККА. В конце февраля 1941 года было принято постановление правительства о создании военно-аэродромного комплекса в Ленинградском военном округе [Иноземцев, 1978, с. 28]. Это позволяло решить наиболее острую проблему по отсутствию достаточного количества взлетных площадок [ЦАМО РФ, ф. 362, оп. 6184, д. 1, л. 17]. В то же время ответственные за исполнение данного постановления управление аэродромного строительства НКВД и ВВС округа запустили работы одновременно на всей аэродромной сети [Иноземцев, 1978, с. 33]. В связи с этим дислокация авиационных соединений оказалась уплотненной, что привело к проблемам с маскировкой и стратегическим использованием воздушных сил. Запланированные взлетно-посадочные полосы к лету 1941 года еще находились на стадии строительства, а целый ряд аэроузлов не располагал местами для базирования. Данные обстоятельства вынудили сконцентрировать авиацию на аэродромах вблизи Ленинграда [Барышников, 2010, с. 52].

2. Становление аэродромной сети и ее трансформация с началом блокады

Обобщённые сведения штаба ВВС Ленинградского фронта по результатам начального периода ведения военных действий свидетельствуют о расположении на территории Ленинградского военного округа (ЛВО) к 22 июня 1941 года следующего количества аэродромов [ЦАМО РФ, ф. 362, оп. 6184, д. 1, л. 17]: 41 — подготовленные для размещения трехчетырех авиаполков; 208 — рассчитанные на один-два авиаполка; 11 — с ограниченным стартом; 36 — на стадии строительства.

В данном отношении речь идет о максимально возможных значениях при больших территориальных границах. В то же время, отталкиваясь от документов штаба за первый месяц войны, прослеживается использование лишь 90 аэродромов и взлетно-посадочных полос (как введенных в эксплуатацию, так и строящихся), которым были присвоены соответствующие оперативные шифры [ЦАМО РФ, ф. 217, оп. 1221, д. 191, л. 11]. При этом ситуация осложнялась отсутствием необходимых транспортных коммуникаций и подъездных путей, которые в большинстве случаев так и не были проведены [ЦАМО РФ, ф. 362, оп. 6184, д. 1, л. 40].

Ввиду быстрого продвижения противника по территории Советского Союза к Ленинграду наибольшую оперативность в развитии аэродромной сети необходимо было проявить для северного, восточного и юго-восточного районов, ранее слабо задействованных. Достижение поставленной цели планировалось за счет увеличения мобилизации населения на строительные работы. Это обстоятельство позволило только в течение первого

CC BY

месяца войны ввести в эксплуатацию 65 полей, из которых 47 были новыми. Общая численность рабочих летом 1941 года достигала 85 000 человек [ЦАМО РФ, ф. 217, оп. 1260, д. 1086, л. 5—7]. Среди них основную нагрузку несли мобилизованные комсомольцы и колхозники.

Проблемы аэродромной сети под Ленинградом и негативные особенности введения новых летных полей в эксплуатацию летом 1941 года в воспоминаниях А. А. Новикова, командующего авиацией Ленинградского фронта, были названы одной из главных причин поражений в небе северо-западного направления [Новиков, 1970, с. 66]. Отдельно он пишет о прямом конфликте с начальником управления аэродромного строительства НКВД на почве попыток более рационального и равномерного введения в строй аэродромов [Новиков, 1970, с. 67]. В противном случае это приводило не только к скучиванию авиации, ее демаскировке, но и к ограничению возможности прямой работы. Скорректировать политику центрального аппарата на местном уровне удалось частично, в основном лишь сузив количество возводимых летных полей и места их дислокации. Характерной чертой первого периода военных действий стало строительство аэродромов без планов, смет и консультаций с авиационными специалистами [ЦАМО РФ, ф. 217, оп. 1260, д. 986, л. 177].

Отталкиваясь от данных актов приемки и ввода в эксплуатацию новых аэродромов, подготовленных исключительно силами УАС НКВД, можно судить о начале использования 23-х лётных полей к концу ноября 1941 года [ГАРФ, ф. 8437, оп. 2, д. 137, л. 1—62]. В общей сложности за год существования службы с апреля 1941 по апрель 1942 годов в Ленинградской области было возведено 46 аэродромов [ГАРФ, ф. 8437, оп. 1, д. 2, л. 2]. К началу первой военной зимы количество рабочей силы, привлеченной органами внутренних дел к возведению взлетно-посадочных полос и коммуникаций, насчитывало 26 486 человек, из них: строительные батальоны — 7070 человек; заключенные — 5216 человек; вольнонаемные — 3038 человек; мобилизованные — 10560 человек; служащие — 276 человек; инженерно-технические работники — 326 человек [ГАРФ, ф. 8437, оп. 1, д. 2, л. 13]. Кроме того, было задействовано 1209 единиц автомобильной техники разных типов [Там же].

Вместе со стремительным осложнением ситуации на фронте происходило масштабное отступление авиационных частей и соединений обслуживания. Количество оставленных аэродромов росло с каждым днем. Среди большого количества летных полей, перешедших в руки немецкого управления, уже к исходу второго месяца войны противник использовал 32 авиационные площадки, что обеспечило дополнительные трудности частям Ленинградского фронта [ЦАМО РФ, ф. 362, оп. 6184, д. 1,

CC BY

л. 67]. Эвакуация материальной части, техники, имущества и личного состава происходила начиная с июля 1941 года до оттягивания последних сил с пушкинского аэродрома в сентябре. По результатам первых шести месяцев войны в отчете о действиях ВВС фронта было указано, что при отступлении удалось не только сохранить укомплектованность частей, но и вывести из строя полосы оставленных летных полей [Там же, л. 6—7]. Исключения при этом были фрагментарны [Там же]. Отталкиваясь от текста дополнительных материалов и докладных записок, следует констатировать, что содержание отчетов не всегда соответствует действительности и количество спешно оставленных аэродромов вместе с имуществом и уцелевшими взлетно-посадочными полосами было значительно выше. Отступление часто происходило в спешке, при непосредственном появлении передовых частей вермахта вблизи мест базирования, что приводило к прямым столкновениям с личным составом и обороне отходящих назад соединений [Там же, л. 67]. Наиболее ощутимые потери среди батальонов аэродромного обслуживания были понесены именно в этот период.

Важным аспектом в деле обслуживания бесперебойной работы авиации было наличие аэродромно-технических рот, включавших по штату до 70 человек (вместе с начальствующим составом) [ЦАМО РФ, ф. 217, оп. 1260, д. 989, л. 28]. Их основной задачей было не только строительство новых, но и усовершенствование существующих летных полей. Так они занимались удлинением и расширением полос, созданием искусственного покрытия, укрытий, капониров, маскировочных навесов, землянок и прочего. На Ленинградском фронте было создано 60 аэродромно-технических рот. Укомплектованы они оказались в лучшем случае наполовину, при остром недостатке необходимой техники [Там же]. Основной причиной неукомплектованности стало частое перемещение боеспособных военнослужащих в передовые части, на что вскоре был наложен запрет сначала в рамках Ленинградского фронта, а затем и во всей армии. К решению проблем с недостатком техники подключились промышленные предприятия города, которые в период первой блокадной зимы запустили выпуск простейших агрегатов для облегчения ручного труда личного состава [Там же, л. 73].

Использование опыта первых месяцев войны стало активно применяться уже осенью 1941 года после установления кольца блокады вокруг Ленинграда. Для соединений обслуживания аэродромов города был подготовлен специальный план действий на случай отхода войск с перечислением конкретных мероприятий по ликвидации имущества, материальной и технической части и самих летных полей [ЦАМО РФ, ф. 217, оп. 1260, д. 985, л. 117]. Данное обстоятельство подчеркивало готовность командования и частей к прорыву противником обороны города. Однако был подготовлен

CC BY

и альтернативный план с общим шаблоном действий в случае отступления немцев. Наиболее важной задачей среди поставленных командованием перед началом зимы 1941/1942 годов стал планомерный отказ от использования лыжных шасси [Бородулин и др., 1986, с. 55—56]. Это требование стало уникальным для авиации Красной Армии, так как требовало колоссальной ежедневной работы по расчистке и укатыванию снежного покрова. Промышленные предприятия города даже наладили выпуск специализированной гладильной техники. Использование лыж вместо колес под фюзеляжем самолетов значительно упрощало эксплуатацию военной техники, однако приводило к фатальному снижению боевых характеристик. Это обстоятельство требовало радикального решения даже ввиду отсутствия возможности привлечения дополнительных сил к обслуживанию аэродромов. По результатам зимней кампании эксперимент был признан успешным.

К концу ноября 1941 года в общей численности взлетно-посадочных полос на окруженной противником территории (ленинградский аэроузел) насчитывалось 15 аэродромов [ЦАМО РФ, ф. 217, оп. 1260, д. 985, л. 128]: Горская, Гражданка, Каменка, Касимово, Комендансткий, Кудрово, Левашово, Манушкино, Новая, Парголово, Павлово, Смольная, Сосновка, Углово, Янино. Кроме того, существовала тихвинская авиагруппа (впоследствии станет основой для авиации Волховского фронта) и самолеты транспортной и бомбардировочной авиации, занимавшиеся снабжением осажденного города в рамках «воздушного моста». Они базировались на части аэродромов череповецкого, хвойнинского, вологодского, боровичского и подборовского аэроузлов, которые вместе насчитывали 41 функционирующее летное поле.

Отдельно следует отметить аэродромную сеть Краснознаменного Балтийского флота, которая стремительно начала сливаться с аэродромами армейской и фронтовой авиации к осени 1941 года. Всего к 22 июня авиация балтийского флота располагала сетью из 24 аэродромов в Ленинградском аэроузле [ЦВМА]. Однако только половина из них была достроена окончательно. После формирования кольца блокады морским авиасилам пришлось перебазироваться на общие летные поля с ВВС фронта. Только несколько аэродромов, располагавшихся вблизи финского залива, использовались обособленно. На них производились работы по расширению взлетно-посадочных полос и установлению искусственного покрытия. Зачастую таким покрытием становился засев лугопастбищных трав [Ленинград, 2019, с. 182]. Происходило и строительство новых летных полей для реализации задач флота. В общей сложности к началу зимы удалось закончить строительство пяти новых площадок [Наливкин, 2007, с. 217]. Одной из наиболее ценных среди них стала «Гражданка», обнаружить которою противнику не удавалось долгое время.

CC BY

3. Стабилизация положения под Ленинградом

В период первой военной зимы эксплуатация аэродромов происходила в максимально тяжелых условиях. Обильное количество осадков и сильные морозы лишь усугубляли положение. Помощь ощущалась в виде поступлений от промышленных предприятий северо-западного региона, которые за три зимних месяца изготовили 240 единиц гладильной техники, более 600 катков и 15 000 лопат. В то же время на ряде участков противостояния ВВС в рамках Ленинградского фронта началось затишье, что позволило организовать курсы подготовки специалистов (шоферов, трактористов, механиков) [ЦАМО РФ, ф. 362, оп. 6184, д. 1, л. 45].

Внимание бомбардировочной авиации противника успешно удавалось отвлекать за счет созданной системы ложных аэродромов, которых к началу 1942 года насчитывалось более 20-ти. На этих площадках активно поддерживалась «жизнь», стояли макеты самолетов, были сделаны укрытия. Сразу девять таких аэродромов подвергались систематическим атакам, что позволяло сохранить безопасность настоящих летных полей [Там же, л. 88—89].

С того момента как линия фронта под Ленинградом перестала менять свои очертания, наметились и изменения в обслуживании работы аэродромов. Основной фокус был смещен на формирование и модернизацию логистической системы. Острая проблема наличия достаточного количества подъездных путей, которая существовала еще со времен войны против Финляндии, наконец начала выправляться. Кроме этого, в 1942 году продолжалась работа по расширению аэродромной сети (возведено 19 полей, 3 отдельных взлетно-посадочных полосы, более 350 укрытий, около 200 стоянок для самолетов и более 800 прочих защитных сооружений) [ЦАМО РФ, ф. 362, оп. 6184, д. 1, л. 69]. Однако мы вынуждены использовать контрольные цифры статистики весьма осторожно. В качестве одного из аргументов следует указать выявленные отчетно-финансовые махинации внутри штаба ВВС Ленинградского фронта [ЦАМО РФ, ф. 217, оп. 1260, д. 1106, л. 1—24]. Результатом противоправных действий сотрудников бухгалтерии стало завышение цифр введенных в эксплуатацию аэродромов, формирование целого штата несуществующих служащих для извлечения финансовых средств напрямую. Систематические хищения и подтасовки отчетов вызывают необходимость дополнительной верификации различных контрольных цифр.

Отдельно следует упомянуть об общем положении авиационных коммуникаций за пределами «кольца блокады». Еще в сентябре 1941 года была сформирована восточная (тихвинская) опергруппа ВВС Ленинградского фронта под командованием И. П. Журавлева [Иноземцев, 1978, с. 38]. Впоследствии на ее основе была сформирована военная авиация Волховского фронта, преобразованная в 14 воздушную армию. Расположенные соеди-

CC BY

нения задействовали аэродромы сразу одиннадцати аэроузлов восточного направления. Положение дел по части подъездных коммуникаций здесь обстояло не лучшим образом. По этой причине силами УАС НКВД и ОАС ВВС строительство аэродромов и коммуникаций производилось наиболее активно. Неподготовленность сети в довоенное время была обусловлена плохим качеством почвы и недооценкой данного региона в стратегическом отношении. Для обустройства новых летных полей уже в военное время приходилось отторгать довольно значительные земли коллективных хозяйств по причине их относительной пригодности [ГАРФ, ф. 5446, оп. 44а, д. 5463, л. 14; ГАРФ, ф. 5446, оп. 44а, д. 5383, л. 14]. Всего к концу 1942 года военно-авиационные части и соединения гражданской авиации, занятые в поддержке прорыва блокады Ленинграда, задействовали 71 аэродром всех типов [ЦАМО, ф. 364, оп. 6269, д. 2, л. 62—68].

К концу 1942 года настоящая опасность прорыва обороны вокруг города миновала. В этой связи руководство авиационными силами Ленинградского фронта осуществило разработку плана воздушной поддержки Красной Армии при наступлении на немецкие позиции. Значительной частью поставленной задачи стала работа по подготовке взлетно-посадочных полей, строительству укрытий, расширению ложных площадок [Инженерно-аэродромное …, 1952, с. 83—84].

Успех операции «Искра» в середине января 1943 года по прорыву ленинградской блокады, к которому были приложены значительные усилия 13-й воздушной армии, одновременно снизил нагрузку на соединения аэродромного обслуживания. Часть личного состава с разрешения командования пополнила передовые соединения. Их заменили в основном солдатами, негодными к строевой службе, что значительно снизило эффективность работы инженерных соединений. За весь 1943 год было возведено не более 10 летных площадок, 2 взлетно-посадочных полосы и небольшого количества укрытий для самолетов [ЦАМО РФ, ф. 362, оп. 6184, д. 1, л. 71].

В то же время количество задач перед отделом аэродромного обслуживания ВВС Ленинградского фронта в 1943 году лишь росло. Помимо необходимости поддерживать сухопутные силы в ударах по немецким соединениям на территории, занятой противником, значительно усилилось пополнение новыми самолетами, для которых было необходимо изыскать места дислокации. Это вызывало уже известные трудности с чрезмерным скоплением авиатехники на ограниченном пространстве. В период с прорыва ленинградской блокады до ее полного снятия части тыла 13-й воздушной армии (сформирована в конце 1942 года из соединений ВВС фронта и авиации сухопутных армий) обслужили работу более 1500 самолетов [Закревский, 1986, с. 138].

CC BY

В период временного затишья, возникшего после проведения операции «Искра», частям аэродромного обслуживания удалось избавиться от целого ряда проблем с транспортными коммуникациями. Это стало одним из важных аспектов успеха масштабного наступления в январе 1944 года. После завершения освобождения практически всей территории ранее оккупированной Ленинградской области у соединений аэродромного строительства начался новый период чрезвычайной активности. За короткий срок к марту 1944 года было внедрено в эксплуатацию более 60 аэродромов, из которых две трети было разминировано [ЦАМО РФ, ф. 362, оп. 6184, д. 1, л. 72]. Однако по причине стремительного движения советской армии значительная их часть использовалась менее месяца или не была задействована вовсе [Там же]. Параллельно производилась работа как на южном направлении, так и на Карельском перешейке, где были введены в строй более 10 аэродромов [Там же, л. 73]. Главной заботой командования 13 воздушной армии в условиях весенней распутицы стало перебазирование техники, имущества, материальной части и личного состава, которое не поспевало за продвижением армии к новым местам дислокации.

Перебазирование авиационного соединения происходило в течение двух дней. Осуществление операции в кратчайшие сроки достигалось за счет максимального задействования транспортников Ли-2, осуществлявших по несколько челночных рейсов. Они брали на борт не только самое необходимое имущество, но и личный состав. В период весны-лета 1944 года для обеспечения оперативного переезда на помощь 13 воздушной армии был направлен 4 транспортный полк Гражданского воздушного флота [Векшин, 2010, с. 27]. Впоследствии уже силами автотранспорта подвозились остатки материальной части. Параллельно возрастала и нагрузка на соединения обслуживания. В 1944 году под Ленинградом дислоцировалось более 100 различных соединений общей численностью до 2000 самолетов [ЦАМО РФ, ф. 362, оп. 6184, д. 1, л. 61].

4. Выводы

К моменту полного окончания военных действий на территории Ленинградской области в 1944 году результатом усилий военных и гражданских организаций, с массированным привлечением комсомольских активистов, колхозного и городского населения, заключенных и строительных батальонов, стало введение в эксплуатацию более 250 аэродромов, 30 взлетно-посадочных полос, 1200 защитных укрытий для самолетов и около 3600 иных сооружений [ЦАМО РФ, ф. 362, оп. 6184, д. 1, л. 76]. Период наиболее высокой активности пришёлся на лето 1941 года, когда происходило массированное отступление Красной Армии, и весну 1944 года,

CC BY

когда осуществлялась тотальная передислокация на аэродромы, освобожденные от противника. Жесткие условия ограниченности аэродромного маневра внутри ленинградского аэроузла в период блокады вынудили искать всевозможные альтернативы для более массированного задействования уже имеющихся летных площадок. Значительные проблемы с вводом в эксплуатацию новых аэродромов и фатальный коллапс лета 1941 года, произошедший, в том числе, по вине управления аэродромного строительства НКВД по г. Ленинграду, привел к тяжелому положению авиационных сил в обороне города. Ситуация стала по-настоящему выправляться только моменту окончательного снятия блокады, когда, в свою очередь, удалось значительно нарастить численность военно-воздушных сил.

Важнейшей особенностью эксплуатации аэродромов в зимний период стала мобилизация всех наличных ресурсов на расчистку взлетно-посадочных полос от снега. Данная работа являлась необходимой для использования военной и гражданской авиации на колесных шасси вместо лыжной пары. В практике применения советских военно-воздушных сил это стало серьезным нововведением, которое позволило не допустить искусственного ухудшения летно-технических характеристик самолетов. Следует отметить, что апробация данной стратегии произошла в условиях первой блокадной зимы 1941/1942 годов. Опыт оказался настолько успешным, что впоследствии был распространен на всю советскую авиацию.

Несмотря на внушительный объем аэродромной сети, так или иначе задействованной в ходе обороны города, лишь ограниченное число летных полей использовалось на протяжении самого тяжелого периода с осени 1941 года по весну 1943 года. Военно-воздушным соединениям Ленинградского и Волховского фронтов, морской авиации и армии ПВО приходилось делить летные поля между собой, выполняя при этом совершенно различные задачи. Для жителей блокированного Ленинграда наиболее памятными оказались площадки, использовавшиеся соединениями гражданской авиации — Комендантский аэродром, Смольная (внутри кольца) и Хвойная (на «большой земле»), — через которые происходило снабжение жителей продовольствием и эвакуация населения.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. 5446 (Совет министров СССР) ; Ф. 8437 (УАС НКВД).

2. *Ленинград.* Война. Блокада. Прорыв блокады : материалы и исследования / сост. П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов. — Санкт-Петербург : ГАЛАРТ, 2019. — 528 с. — ISBN 978-5-98747-041-1.

3. *Новиков А. А.* В Небе Ленинграда. Записки командующего авиацией / А. А. Новиков. — Москва : Наука, 1970. — 308 с.

4. ЦАМО РФ — *Центральный* архив министерства обороны Российской Федерации. Ф. 217 (Ленинградский фронт); Ф. 362 (13 воздушная армия) ; Ф. 364 (14 воздушная армия).

5. ЦВМА — *Центральный* военно-морской архив (филиал Центрального архива министерства обороны Российской Федерации). Ф. 596 (Авиация Краснознаменного Балтийского флота). Оп. 7. Д. 34. Л. 3—4.

Литература

1. *Барышников Н. И.* Финляндия : из истории военного времени, 1939—1944 / Н. И. Барышников. — Санкт-Петербург : Наука, 2010. — 407 с. — ISBN 978-5-02-026358-1.

2. *Бородулин В. И.* Опыт организации тылового обеспечения боевых действий авиационных соединений в годы Великой Отечественной войны / В. И. Бородулин, В. П. Щукарев // Военно-исторический журнал. — 1986. — № 11. — С. 40—61.

3. *Векшин А. А.* Организация и осуществление инженерно-аэродромного обеспечения боевых действий частей и соединений фронтовой авиации в наступательных операциях третьего периода Великой Отечественной войны : автореферат диссертации … кандидата исторических наук : 07.00.02 / А. А. Векшин. — Москва, 2010. — 39 с.

4. *Закревский А. Н.* Тыл советских Военно-воздушных сил в годы Великой Отечественной войны / А. Н. Закревский // Роль Военно-воздушных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 (по материалам IX военно-научной конференции ВВС). — Москва : [б. и.], 1986. — С. 135—140.

5. *Инженерно-аэродромное* обеспечение авиации в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. — Москва : Воениздат, 1952. — 213 с.

6. *Иноземцев И. Г.* Под крылом — Ленинград / И. Г. Иноземцев. — Москва : Воениздат, 1978. — 272 с.

7. *Ковальчук В. М.* 900 дней блокады. Ленинград, 1941—1944 : посвящается 60-летию Великой Победы / В. М. Ковальчук. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2005. — 234 с. — ISBN 5-86007-474-3.

8. *Ковальчук В. М.* Магистрали мужества : Коммуникации блокированного Ленинграда, 1941—1943 / В. М. Ковальчук. — Санкт-Петербург : Вести, 2001. — 517 с. — ISBN 5-86153-092-0.

9. *Ломагин Н. А.* Учет и контроль — основа социализма : размышления о внутренних причинах голода в Ленинграде осенью и зимой 1941—1942 гг. / Н. А. Ломагин // Петербургский исторический журнал. — 2019. — № 3. — С. 155—182. — DOI: 10.51255/2311-603X-2019-00054.

10. *Наливкин Л. А.* Авиация Краснознаменного Балтийского флота в летне-осенней кампании 1941 года : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / Л. А. Наливкин. — Санкт-Петербург, 2007. — 333 с.

11. *Пригодич Н. Д.* Продовольственное снабжение блокадного Ленинграда и эвакуация населения с помощью авиации осенью 1941 г. / Н. Д. Пригодич // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : История России. — 2020. — Т. 19. — № 2. — С. 320—329. — DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-2-320-329.

12. *Пригодич Н. Д.* Тыловое обеспечение действий авиации Ленинградского фронта в период блокады Ленинграда / Н. Д. Пригодич // Новейшая история России. — 2017. — № 4 (21). — С. 32—44. — DOI: 10.21638/11701/spbu24.2017.403.

13. *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание. Книга первая : июнь 1941 — май 1942 / Г. Л. Соболев. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2013. — 696 с. — ISBN 978-5-288-05497-6.

14. *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание. Книга вторая : июнь 1942 — январь 1943 / Г. Л. Соболев. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2015. — 526 с. — ISBN 978-5-288-05497-6.

15. *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание. Книга третья : январь 1943 — январь 1944 / Г. Л. Соболев. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2017. — 747 с. — ISBN 978-5-288-05497-6.

16. *Соболев Г. Л.* Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 г. / Г. Л. Соболев, М. В. Ходяков // Новейшая история России. — 2016. — № 1. — С. 8—21.

17. *Ходяков М. В.* Иерархия продовольственного снабжения в блокадном Ленинграде / М. В. Ходяков // Российская история. — 2019. — № 3. — С. 163—166. — DOI: 10.31857/S086956870005191-1.

Material resources

GARF — *State Archive of the Russian Federation. F. 5446 (Council of Ministers of the USSR). F. 8437 (UAS NKVD)*. (In Russ).

Leningrad. War. The blockade. Breakthrough of the blockade: materials and research. (2019). Saint Petersburg: GALART. 528 p. ISBN 978-5-98747-041-1. (In Russ).

Novikov, A. A. (1970). *In The Sky of Leningrad. Notes of the Commander of aviation.* Moscow: Nauka. 308 p. (In Russ).

TsAMO RF — 1. — *Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation. F. 217 (Leningrad Front). F. 362 (13 Air Army). F. 364 (14 Air Army)*. (In Russ).

TSVMA — *Central Naval Archive (branch of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation). F. 596 (Aviation of the Red Banner Baltic Fleet). Op. 7. D. 34. L. 3—4*. (In Russ).

References

Baryshnikov, N. I. (2010). *Finland: from the history of wartime, 1939—1944.* Saint Petersburg: Nauka. 407 p. ISBN 978-5-02-026358-1. (In Russ).

Borodulin, V. I., Shchukarev, V. P. (1986). Experience in the organization of logistics of combat operations aviation units during the great Patriotic war. *Military-historical magazine, 11:* 40—61. (In Russ).

Engineering and airfield support of aviation in the Great Patriotic War of 1941—1945. (1952). Moscow: Voenizdat. 213 p. (In Russ).

Inozemtsev, I. G. (1978). *Under the wing — Leningrad.* Moscow: Voenizdat. 272 p. (In Russ).

Khodyakov, M. V. (2019). Hierarchy of food supply in besieged Leningrad. *Russian History, 3:* 163—166. DOI: 10.31857/S086956870005191-1. (In Russ).

Kovalchuk, V. M. (2001). *Highways of courage: Communications of the blocked Leningrad, 1941—1943.* St. Petersburg: Vesti. 517 p. ISBN 5-86153-092-0. (In Russ).

Kovalchuk, V. M. (2005). *900 days of the blockade. Leningrad, 1941—1944: dedicated to the 60th anniversary of the Great Victory.* St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 234 p. ISBN 5-86007-474-3. (In Russ).

Lomagin, N. A. (2019). Accounting and control — the basis of socialism: reflections on the internal causes of famine in Leningrad in the autumn and winter of 1941—1942. *St. Petersburg Historical Journal, 3:* 155—182. DOI: 10.51255/2311-603X-2019-00054. (In Russ).

CC BY

Nalivkin, L. A. (2007). *Aviation of the Red Banner Baltic Fleet in the summer-autumn campaign of 1941.* PhD Diss. St. Petersburg. 333 p. (In Russ).

Prigodich, N. D. (2017). Logistical support of aviation operations of the Leningrad Front during the siege of Leningrad. *Modern history of Russia, 4 (21):* 32—44. DOI: 10.21638/11701/spbu24. 2017. 403. (In Russ).

Prigodich, N. D. (2020). Food supply of besieged Leningrad and evacuation of the population with the help of aviation in the autumn of 1941. *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: The History of Russia, 19 (2):* 320—329. DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-2-320-329. (In Russ).

Sobolev, G. L. (2013). *Leningrad in the struggle for survival. Book one: June 1941 — May 1942.* St. Petersburg: St. Petersburg University Press. 696 p. ISBN 978-5-288-05497-6. (In Russ).

Sobolev, G. L. (2015). *Leningrad in the struggle for survival. Book two: June 1942 — January 1943.* St. Petersburg: St. Petersburg University Press. 526 p. ISBN 978-5-288-05497-6. (In Russ).

Sobolev, G. L. (2017). *Leningrad in the struggle for survival. Book three: January 1943 — January 1944.* St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House. 747 p. ISBN 978-5-288-05497-6. (In Russ).

Sobolev, G. L., Khodyakov, M. V. (2016). Food Commission of the Military Council of the Leningrad Front in 1942. *Modern History of Russia, 1:* 8—21. (In Russ).

Vekshin, A. A. (2010). *Organization and implementation of engineering and airfield support of combat operations of units and formations of front-line aviation in offensive operations of the third period of the Great Patriotic War.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 39 p. (In Russ).

Zakrevsky, A. N. (1986). The rear of the Soviet Air Force during the Great Patriotic War. *The role of the Air Force in the Great Patriotic War of 1941—1945 (Based on the materials of the IX military Scientific Conference of the Air Force).* Moscow: [b. i.]. 135—140. (In Russ).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Саблин В. А. Крестьянский двор на Европейском Севере России в годы Гражданской войны (1917—1921 гг.) : параметры выживания / В. А. Саблин // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 452—466. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-452-466.

Sablin, V. A. (2021). Peasant Yard in European North of Russia during Civil War (1917—1921): Characteristics of Survival. *Nauchnyi dialog, 8:* 452-466. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-452-466. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-452-466

Крестьянский двор на Европейском Севере России в годы Гражданской войны (1917—1921 гг.): параметры выживания

Саблин Василий Анатольевич
orcid.org/0000-0003-4639-3981
доктор исторических наук,
заведующий кафедрой всеобщей
истории и мировой политики
sablin@inbox.ru

Вологодский
государственный университет
(Вологда, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 20-09-00238 а
«Сельское хозяйство в контексте
модернизации Европейского Севера
России в 1920—1930-е годы»

Peasant Yard in European North of Russia during Civil War (1917—1921): Characteristics of Survival

Vasily A. Sablin
orcid.org/0000-0003-4639-3981
Doctor of History,
Head of the Department
of General History and World Politics
sablin@inbox.ru

Vologda State University
(Vologda, Russia)

Acknowledgments:
The reported study was funded by RFBR,
project number 20-09-00238 a
“Agriculture in the context of
modernization
of the European North of Russia
in the 1920s-1930s”

© Саблин В. А., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются изменения в материальном благополучии крестьянского двора на Европейском Севере России, вызванные аграрной революцией 1917—1921 годов. Автор исходит из определения Европейского Севера России как гомогенного пространства, которое в изучаемый период включало в себя Архангельскую, Вологодскую, Северо-Двинскую губернии, Карельскую автономную советскую социалистическую республику и Автономную область Коми. Проанализированы факторы, которые влияли на организационные основы крестьянского производства. Поднимается вопрос о характере налоговых изъятий из крестьянского хозяйства в годы Гражданской войны и о переходе к системе натуральных изъятий и повинностей. Особое внимание уделяется изменениям составных элементов крестьянского бюджета. Показан уровень потребностей крестьянской семьи. Выявлена зависимость потребления крестьянского двора от размера посева, обеспеченности рабочими руками и средствами производства. Особое внимание уделяется составным элементам доходной и расходной части бюджета крестьянской парцеллы. Показана структура питания крестьянской семьи в хозяйствах разного социального типа. Определены параметры выживания сельского двора и основные направления его эволюции. Предпринята попытка сопоставить материальный достаток крестьян и горожан региона в указанный период.

Ключевые слова:
аграрная революция; крестьянское хозяйство; доходность; налоговые изъятия; эффективность производства; бюджет семьи; личное потребление населения.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The changes in the material well-being of the peasant household in the European North of Russia caused by the agrarian revolution of 1917–1921is examined in the article. The author proceeds from the definition of the European North of Russia as a homogeneous space, which during the period under study included the Arkhangelsk, Vologda, Severo-Dvinsk provinces, the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic and the Autonomous Region of Komi. The factors that influenced the organizational foundations of peasant production are analyzed. The question is raised about the nature of tax withdrawals from the peasant economy during the Civil War and the transition to a system of in-kind withdrawals and duties. Particular attention is paid to changes in the constituent elements of the peasant budget. The level of needs of a peasant family is shown. The article reveals the dependence of the consumption of the peasant household on the size of the sowing, provision of workers with hands and means of production. Particular attention is paid to the constituent elements of the income and expenditure side of the budget of the peasant parcel. The structure of nutrition of a peasant family in farms of different social types is shown. The characteristics of the survival of the rural courtyard and the main directions of its evolution have been determined. An attempt has been made to compare the material wealth of the peasants and townspeople of the region in the specified period.

Key words:
agrarian revolution; peasant economy; profitability; tax exemptions; production efficiency; family budget; personal consumption of the population.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(47).084.3:330.567.22

Крестьянский двор на Европейском Севере России в годы Гражданской войны (1917—1921 гг.): параметры выживания

© Саблин В. А., 2021

1. Проблематика эволюции и жизнедеятельности крестьянского двора в научных трудах

Пристальный интерес к проблемам революции и Гражданской войны в нашей стране в последнее время постепенно перемещается от военно-политических сюжетов к глубинным вопросам экономической жизни государства. Одной из наиболее актуальных тем исследований является научная разработка эволюции и жизнедеятельности крестьянского двора, товарно-денежных отношений в условиях прогрессирующей натурализации хозяйственных связей.

В свое время работы В. П. Данилова, В. В. Кабанова, В. П. Дмитренко, Ю. А. Полякова и др. внесли ощутимый вклад в разработку такой важной проблемы, как материальное положение крестьянского хозяйства в 1917—1921 годах. Ими впервые был поколеблен традиционный для советской историографии тезис об «осереднячивании» деревни в ходе аграрных преобразований первых лет революции и намечены наиболее значимые векторы научного осмысления процессов в аграрном производстве и материальной сфере крестьянской семьи.

Сегодня одним из перспективных направлений представляется изучение параметров выживания и уровня благосостояния деревенского хозяйства, основанное на анализе крестьянских бюджетов в контексте экономической и, прежде всего, налоговой политики государства, а также общей хозяйственной конъюнктуры тех лет. В данном исследовании эта задача решается применительно к северному региону Европейской части России (Архангельская, Вологодская, Олонецкая и Северо-Двинская губернии). Выводы строятся на основе статистических материалов и документов Наркомфина РСФСР и опубликованных бюджетных сведений 1920/21 годов, а также данных о питании сельского и городского населения в годы Гражданской войны.

2. Характер налоговых изъятий из крестьянского хозяйства в годы Гражданской войны

Коренные изменения в производственной, социальной и культурной жизни северной деревни, внесенные Великой российской революцией, не могли не отразиться на уровне жизни каждой крестьянской семьи. Реа-

CC BY

лизация большевистского декрета «О земле» в определенной степени расчистила почву для самостоятельности и хозяйственной деятельности, деревня освободилась от множества ограничений, стеснявших ее развитие. За 1917—1918 годы в основном завершилась уравнительная переверстка земли, резко снизился налоговый пресс.

Сбор старых поземельных налогов (государственного и земского) был прекращен в октябре 1918 года. Собранная сумма поземельного налога с надельных земель и выкупные платежи составили в Вологодской губернии к концу июля 1918 года 26 338 руб., или 26,0 % от оклада, в Олонецкой — 20 614 руб. (по данным на конец ноября 1918 года). Налог с частновладельческих, удельных, городских и учрежденческих земель в Вологодской губернии был собран в сумме 3639,9 руб. (14,4 % к окладу), в Олонецкой — 7646,4 рубля. Земские сборы в Вологодской губернии выражались в объеме 1 686 218,4 руб. (12,2 % к окладу), в Олонецкой — 645 593,1 руб. (49,2 % к окладу) [РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 4582, л. 32—36 об.; д. 4593, л. 19—21].

Судьба специфических для Севера платежей за аренду так называемых казенных и удельных оброчных статей была решена еще более радикально. Наркомат земледелия РСФСР запретил сдачу земель в аренду и их последующую переоброчку, но при этом поддержал местную инициативу (Архангельская и Вологодская губернии) по сбору недоимок с этих земель. Однако в любом случае с 1 января 1918 года сбор всех оброков должен был быть прекращен [РГАЭ, ф. 478, оп. 6, д. 642, л. 134; д. 643, л. 10 об., 26].

В то же время прогрессирующая разруха, охватившая все отрасли экономики страны, нехватка продовольствия и промышленных товаров, увеличившиеся со второй половины 1918 года натуральные изъятия из деревенского бюджета и ряд других факторов постепенно вытесняли благоприятные тенденции развития сельскохозяйственного производства.

Отказавшись от взимания старых налогов в деревне, государство уже в 1917 году наделяет налоговыми правами местные Советы. Местное налоговое творчество шло по линии ограничения экономической мощи имущих слоев города и деревни, носило характер реквизиций и контрибуций. С октября 1917 года по ноябрь 1918 года в четырех северных губерниях было собрано 16 294 818 руб., большая их часть (80,4 %) падала на городские слои [Власть Советов …, с. 2—14]. Введенный 30 октября 1918 года государственный единовременный 10-миллиардный чрезвычайный налог преследовал цель завершить «красногвардейскую атаку» на капитал города и деревни, поэтому и предусматривал ряд льгот для маломощных плательщиков, который в последующем неоднократно расширялся.

Но, вопреки намерениям законодателей, налог не сыграл той роли, которая ему предназначалась. Повсюду он разверстывался по уравнитель-

CC BY

ным нормам — по семьям и дворам, по наличным душам, «мало считаясь с платежеспособностью облагаемых» [РГАЭ, ф. 1562, оп. 1, д. 128, л. 56, 89, 92, 94, 98, 124].

По словам наркома финансов РСФСР Н. Н. Крестинского, в деле взимания налога «был допущен ряд злоупотреблений со стороны органов, местных советских властей, причем эти злоупотребления вызывались иногда не только излишним усердием, но и личным предубеждением; пристрастием, корыстием и всякими другими соображениями...» [РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 4974, л. 1—2 об].

Все это держало северную деревню в постоянном напряжении и нередко приводило к открытым крестьянским выступлениям. За 1918—1920 годы в Вологодской губернии было взыскано 16 780 375 руб. (данные на 24 мая 1920 года), в Олонецкой — 4 429 823 руб. (на 2 марта 1921 года), в Северо-Двинской — 8 101 541 руб. (на 1 января 1921 года) [РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 5138, л. 10—11].

К концу 1918 года в стране сложилась система государственных и местных налогов, в основу которой был положен социально-классовый принцип. В 1918 году в северных губерниях объем собранных прямых налогов (без Архангельской губ.) выражался в сумме 10 540 518 руб., в 1919 году — 30 892 046 руб., в 1920 году — 13 673 537 руб., местных сборов: в 1919 году — 8 760 931 руб., в 1920 — 21 455 523 руб. [РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 5138, л. 1—2].

Введенный одновременно с 10-миллиардным натуральный налог исчислялся по прогрессивным ставкам и был направлен на изъятие излишков сельскохозяйственной продукции. Налог по тому времени, очевидно, был перспективен, но последовавшая за ним разверсточная система натуральных налоговых изъятий свела на нет его значение. В 1919 году, по данным Наркомфина, налог не собирался (по другим сведениям, был собран только в Вологодской губернии в размере 84,0 % от планируемого [Юрков, 1980, с. 114], а в 1920 году (кроме Олонецкой губ.) налог был взыскан в размере 9349 пуд. натурой и 31 928 руб. деньгами [РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 5138, л. 7].

Переход к продразверстке в 1919 году послужил отправной точкой для формирования системы общегражданских натуральных повинностей, завершившегося в 1921 году. Помимо разверстки, она включала в себя всеобщую трудовую и гужевую повинности. Денежные налоги отступают на задний план и перестают играть какую-либо роль. Их доля в доходной части государственного бюджета снизилась с 76 % в 1918 году до 0,2 % в 1920 году [Юрков, 1980, с. 130]. К концу 1920 года разверстка практически охватила все виды сельхозпродукции. За 1919—1921 годы на Севере было собрано 3 млн 854 тыс. пуд. продовольствия [Труды Центрального …,

CC BY

1924, т. XVIII, с. 424]. Общий объем заготовок в 1921 году по сравнению с 1918/1919 годами возрос более чем в 12 раз. В Северо-Двинской губернии по продразверстке изымалось 13,5 % валового сбора хлебов, в Вологодской — 13,2 %, Олонецкой —7,5 %, Архангельской — 6,2 % [Труды Центрального …, 1924, т. XVIII, с. 428].

Убыток от трудгужповинности составлял в довоенных ценах 20,1 руб. на хозяйство потребляющей полосы России, что составляло 6,6 % к условно-чистому доходу. Абсолютные показатели всех крестьянских платежей сравнялись с уровнем 1912 года. В 1920/21 годах у крестьян изымалось до 25,1 % условно-чистого дохода [Вайнштейн, 1924, с. 71, 120]. Именно это обстоятельство в конечном итоге определяло материальное положение крестьянского двора.

3. Изменение параметров доходности крестьянского двора

Среди параметров, которыми измеряется уровень благосостояния любого хозяйства, основное место принадлежит доходу, могущему быть выраженным в стоимостных или натуральных показателях. В 1920/21 годах сумма валового дохода на один крестьянский двор потребляющей полосы России, судя по бюджетным данным, по сравнению с довоенным периодом, снизилась за исключением, пожалуй, лишь Северо-Двинской губернии, в которой отмечалось ее относительное увеличение. Но это снижение не являлось значительным, как можно было предположить, и отчасти объяснялось тем, что хозяйства северных губерний в меньшой степени пострадали от военных действий, чем губернии Центра.

Какие же факторы обусловили уменьшение доходности крестьянского двора? Обратимся к анализу составных частей валового дохода сельской семьи. В среднем по России до войны доля сельского хозяйства в совокупном доходе двора составляла не менее двух третей, остальное приходилось на продукцию промыслов и отхода. На Севере соотношение частей валового дохода было различным в разных уездах, причем ясно прослеживалась тенденция сокращения доли сельскохозяйственной продукции в валовом доходе с юга на север. В окраинных уездах Архангельской губернии крестьянское хозяйство приобрело выраженную промысловую специализацию, и его основной доход складывался из продукции рыбных, «зверобойных», охотничьих, лесных и других неземледельческих промыслов.

Резкое, в силу ряда причин, падение промыслов привело к снижению их удельного веса в доходе крестьянской семьи. Так, если до войны в Вологодской губернии в расчете на одну душу сельского населения промысловый доход равнялся в среднем 19,88 руб., то уже в 1920/21 годах — примерно 1,07 руб. (колебания от 0,43 руб. до 1,98 руб. по разным губерниям

CC BY

потребляющей зоны страны) [Литошенко, 1923, с. 35]. Таким образом, основная потеря дохода крестьянина произошла вследствие упадка промысловой деятельности.

В этих условиях доходы сельского жителя складывались в основном за счет продукции сельского хозяйства, доля которого в непроизводящих губерниях России равнялась в 1920/21 годах 93,6 % совокупного валового дохода. Обратившись к анализу структуры дохода, легко можно убедиться, что доходная часть бюджета крестьянина северного региона в 1920/21 годах в основе своей формировалась за счет продукции животноводства и луговодства, а также частью полеводческой продукции (главным образом из-за увеличения удельного веса в сельскохозяйственном производстве продовольственных культур и картофеля).

Доход среднего крестьянского двора Северо-Двинской губернии равнялся 517 руб., в том числе 136,4 руб. (26,4 %) — от продукции луговодства, 95,5 руб. (18,5 %) — от животноводства и 197,5 руб. (38,2 %) — от полеводства. В определенной степени эти показатели были близки средним показателям по так называемым потребляющим губерниям РСФСР, где при общем доходе двора в 562,9 руб. 36,6 % составлял доход от полеводства, 19,8 % — от луговодства, 30,0 % — от скотоводства. Лесоводство в доходе северодвинского крестьянина составляло 12,0 %, тогда как по потребляющему району — 4,5 %. Примечательно, что доходы от промыслов в 1920/21 годов крестьян Северо-Двинской губернии составляли лишь 2,4 % от валового дохода и были близки к средним районным показателям в 1,9 % [Труды Центрального …, 1922, т. VIII, вып. 3, с. 327].

Если рассмотреть стоимостные показатели доходной части бюджета с точки зрения эволюции условно-чистого дохода (разницы между валовым сельскохозяйственным доходом и покрытием материальных издержек сельскохозяйственного производства) в крестьянском хозяйстве потребляющей полосы, то важно отметить, что он значительно повысился. Так, в Вологодской губернии до революции он равнялся 154,4 руб., а в 1920/21 годах его сумма составляла уже 318 руб. [Костров и др., 1925, с. 416]. К этой сумме следует добавить доход от промыслов, который, несмотря на то, что промысловые заработки неуклонно сокращались, тем не менее, составлял весомую долю в приходной части бюджета, особенно в крестьянских хозяйствах Архангельской губернии. По данным К. Ерофейчева, доход от промысла составлял в эти годы примерно 26,0 % валового дохода, или 40,0 % условно-чистого дохода [Ерофейчев, 1925, с. 1—46] Наибольшее значение промысловые заработки приобретали в бюджете крестьян так называемых поморских уездов. По данным И. Перфильева, доход от промыслов в Архангельском уезде равнялся 53,89 %, в Холмогор-

CC BY

ском — 41,59 %, в Пинежском — 40,59 % от общей суммы дохода. Доход от сельского хозяйства в Архангельском уезде составлял лишь 25,56 % от общих доходных поступлений крестьянского двора [Перфильев, 1925, с. 85].

4.Структура расходной части бюджета крестьянского двора

Наряду с доходностью хозяйства, другим значимым показателем, характеризующим уровень жизни крестьянской семьи, служит потребительская, расходная часть бюджета.

Обратившись к данным, раскрывающим соотношение производства зерновых продуктов и картофеля на душу сельского населения с душевой нормой потребления той доли продуктов, которая осталась после рыночной реализации и обратной покупки, обмена и отчуждения по продразверстке, несложно обнаружить тенденцию к снижению потребления в крестьянских хозяйствах северных губерний. Так, если до войны продукция зерновых и картофеля составляла 25 пуд. на одного члена крестьянской семьи, то внутри хозяйственное потребление превышало собственное производство на 3,6 пуд. и равнялось 28,6 пуд. Поддержание нормы потребления на таком уровне обеспечивалось покупной продукцией. В 1921/22 годах норма потребления снизилась до 26,3 пуд. одновременно с увеличением количества продуктов своего производства до 27,2 пуд. на одного члена [Студенский, 1923, с. 72—73].

Таким образом, если до войны крестьянская семья, чтобы восполнить необходимый объем продукции для внутрихозяйственных нужд, должна была обращаться к рынку, то к концу Гражданской войны при некотором увеличении объема продукции своего производства и сокращении внутреннего потребления острой необходимости в рынке не ощущалось. Последнее служило важнейшим показателем усиления потребительского характера крестьянского двора.

Еще более отчетливо та же тенденция прослеживается при анализе расходов крестьянской семьи на личные потребности в 1921/22 годах, представленных в стоимостном выражении. По данным о расходах на личные потребности крестьянской семьи потребляющей зоны России в 1921/22 годах, представленным Г. Студенским, он равнялся 49,3 руб. на едока в хозяйствах, засевавших площадь менее 2,0 дес., 43,5 руб. — в хозяйствах, засевавших от 2,1 до 4,0 дес., 50,0 руб. — от 4,1 до 6,0 дес., 41,0 руб. — от 6,1 до 8,0 дес., 55,3 руб. — свыше 8,0 дес. В среднем отмеченные показатели равнялись 80,4 — 96,7 % от довоенных данных.

Если принять во внимание, что до войны душевое личное потребление в расчете на среднее хозяйство в вологодской деревне равнялось 51 рублю, а также то, что в результате аграрных преобразований на Европейском Севере совершенно исчезла группа хозяйств, сеющих свыше 8,0 дес., то от-

CC BY

меченный выше усредненный показатель личного потребления для конца Гражданской войны следует уменьшить до 45,9 рубля, что составляло примерно 90 % от довоенного уровня [Студенский, 1923, с. 79]. В связи с этим незначительная разница размеров личного потребления различных посевных групп являлась еще одним прямым свидетельством прогрессирующей натурализации крестьянского хозяйства.

Возобладание тенденций к натурализации хозяйственного строя северной деревни подтверждается данными о расходных статьях личного бюджета. Подавляющая часть расходов крестьянина Северо-Двинской губернии (73,2 %) падала на приобретение пищи, самая минимальная часть — на культурно-религиозные потребности — 0,02 %. Приходится признать, правда, что приведенные данные все же являются весьма относительными, так как говорят больше не о реальном потреблении крестьянина, а о соотношении статей расхода личного бюджета, обусловленных отсутствием или нехваткой и дороговизной промышленных товаров в те годы [Труды Центрального …, 1922, т. VIII, вып. 3, с. 333].

Характеристика уровня благосостояния крестьянской семьи на основе бюджетных цифр не охватывает многих факторов, прямо или косвенно влиявших на изменение уровня жизни, и, в частности, бюджет не всегда отражал влияние государственной политики правящей партии, выражавшейся в оказании материальной и финансовой помощи беднейшей части деревни (снабжение машинами и инвентарем, создание прокатных пунктов, «рассадников скота», случных пунктов, продовольственные и денежные ссуды, бесплатный отпуск леса на хозяйственные нужды, льготы в уплате налогов, общественные помочи и т. п.)

Кроме того, представленные в бюджетах средние данные, как отмечал в свое время В. И. Ленин, все же характеризуют «хозяйство, стоящее выше среднего типа» [Ленин, 1975, с. 141]. Это действительно так, но направление эволюции жизненного уровня крестьянского двора бюджеты передают достаточно объективно.

5. Уровень питания жителей северной деревни: компаративистские характеристики

Приведенные выше данные о сравнительно достаточном уровне благосостояния крестьянства северных губерний к концу Гражданской войны подтверждаются сведениями о его питании. Действительно, как уже отмечалось выше, большую часть личного расхода бюджета (свыше 73,0 %) крестьянин расходовал на пищу. По подсчетам А. Лосицкого, до войны горожанин потреблял в среднем около 14 пуд. хлеба, а в 1918/19 годах — примерно 10,2 пуд. (в потребляющей полосе 7,4 пуд.). Сельский житель за

CC BY

это же время увеличил личное потребление с 16,1 до 16,9 пудов (в потребляющих губерниях с 11 до 14,1 пуд.) [Лосицкий, 1920, с. 5].

Выводы А. Лосицкого подтверждаются расчетами ЦСУ о дневной норме потребления пищи на душу городского и сельского жителя, выраженной в калориях. В 1924 году ЦСУ опубликовало материалы о питании горожан и средние показатели питания населения по северным губерниям. Учитывая то обстоятельство, что основу населения региона составляло крестьянство, не будет большой ошибкой распространить эти показатели на деревню Европейского Севера.

Сведения о питании горожан в декабре 1919 года и сельских жителей в январе-феврале 1920 года свидетельствуют о том, что северный крестьянин потреблял в среднем за день на 510 калорий больше рабочего (2885 калорий против 2375). Соответственно в Вологодской губернии эта разница увеличивается до 590 (3140 против 2550), в Олонецкой — до 580 калорий (2914 против 2334). Калорийность питания в октябре (для горожан) и ноябре / декабре 1920 года (для крестьян) меняется в обратной пропорции [Труды Центрального …, 1924, т. XVIII, с. 377, 396]. Но, очевидно, следует признать, что уровень питания крестьянина в 1920 году не уступал уровню горожанина, а, скорее всего, по-прежнему превышал его. При этом едва ли приходится сомневаться в том, что в год наибольшего охвата деревни всякого рода натуральными разверстками крестьянин менее всего был склонен давать полную информацию о своем потреблении. В 1920 году В. Полиевктов, анализируя данные Вологодского губернского статистического бюро о состоянии питания населения губернии (города Вологды — за декабрь 1919 года, сельских жителей — за январь 1920 года), пришел к выводу, что дневная норма потребления продуктов крестьянина, выражавшаяся в 2217,9 калорий против 2430,3 калорий для горожанина, представляется весьма сомнительной. По его мнению, «средние потребления продуктов все-таки являются сильно приуменьшенными вследствие недоверия населения, опасающегося под влиянием реквизиций обнаружить излишнюю состоятельность» [Полиевктов, 1920, с. 10—11].

Другие источники подтверждают мысль о том, что калорийность питания крестьянина и в 1920 году немного уступала довоенному уровню. Питание взрослого едока Вологодской, Вятской, Костромской и ряда других губерний за январь 1920 года измерялось 3387 калориями в день, что составляло около 90 % от показателей 1913 года [Труды Центрального …, 1928, т. XXX, вып. 2, с. 53], тогда как дневной рацион питания рабочего в декабре 1919 года равнялся 2840 калориям, а в мае 1920 года — всего 2786 калориям [Труды Центрального …, 1928, т. XXX, вып. 1, с. 37].

Если сопоставить рацион питания различных социальных групп деревни, нетрудно заметить, что сумма калорий, расходуемых за день, уве-

CC BY

личивается от групп маломощных крестьян к более зажиточным [Труды Центрального …, т. XXX, вып. 2, с. 4—7, 18—19, 36—37] (табл. 1).

Таблица 1

Питание сельского населения различных посевных групп в губерниях Европейского Севера в 1920—1921 годы (на одного взрослого едока в день калорий)

Губернии и районы	Группы хозяйств по посеву				В среднем по группам
	беспосевные	малопосевные	среднепосевные	многопосевные	
1	2	3	4	5	6
Январь-февраль 1920 года					
По РСФСР	2957	3340	3667	3790	3594
Потребляющая зона	2672	3001	3429	3525	3365
Вологодская	2408	3090	3254	3223	3140
Олонецкая	2244	2666	3077	3299	2914
Северо-Двинская	2375	2225	2700	2905	2600
В среднем по Европейскому Северу	2342	2660	3010	3142	2885
Ноябрь 1920 года					
По РСФСР	2726	3326	3508	3673	3419
Потребляющая зона	2445	3170	3370	3588	3330
Вологодская	1833	2915	3116	3120	2980
Архангельская	2066	2671	2731	3050	2763
Олонецкая	2146	2871	3225	3214	3027
Северо-Двинская	2204	2869	2928	3301	2986
В среднем по Европейскому Северу	2062	2832	3000	3171	2957
Февраль 1921 года					
По РСФСР	2600	2913	3184	3352	3118
Потребляющая зона	2622	3001	3333	3485	3229
Архангельская	2193	2369	2784	2824	2644
Вологодская	3314	3198	3300	3172	3228
Олонецкая	2173	2535	2865	3296	2949
Карельская Трудовая Коммуна	2544	2793	3389	3554	3229
Северо-Двинская	3061	3010	2934	2861	2923
В среднем по Европейскому Северу	2657	2781	3054	3141	2995

CC BY

Приняв за исходные 100 % ту массу калорий, которая приходилась в 1920 году на едока в день (едока-беспосевщика), увидим, что дневная норма питания у крестьянина с небольшим посевом возрастает в январе-феврале 1920 года до 113,8 %, у крестьянина со средним посевом — до 128,5 % и, наконец, у хозяина с большим посевом — соответственно до 134,2 % [Труды Центрального …, т. XXX, вып. 2, с. 61—65] (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение дневного рациона питания крестьян различных посевных групп на Севере РСФСР в 1920—1921 годах (в %)

Группы хозяйств по посеву	1920 г.		1921 г.
	январь — февраль	ноябрь	февраль
Безпосевные	100,0	100,0	100,0
Малопосевные	113,8	137,3	104,7
Среднепосевные	128,5	145,5	114,9
Многопосевные	134,2	153,8	118,2

Приведенные подсчеты показывают, что дневной рацион питания даже у крестьянина северных губерний с присущим ему небольшим размером земледельческого хозяйства был выше рациона питания рабочих. Кроме того, состав продуктов, ежедневно потребляемых сельским жителем, был гораздо выше по качеству, чем те, которые потреблял горожанин. Например, крестьянин Вологодской губернии расходовал в день мяса больше, чем горожанин на 10,1 %. Доля молочной продукции в его рационе составляла 33,7 %, в то время как городской житель потреблял в день 78,5 % овощей, а мясомолочные продукты в его рационе фактически отсутствовали [Полиевктов, 1920, с. 11].

Дневная норма продовольствия рабочих Великого Устюга — административного центра Северо-Двинской губернии — на 42,5 % состояла из хлеба, на 16,5 % — из картофеля. Доля мяса и рыбы составляла примерно 4,7 % [Обследование питания …, 1921, с. 55—58].

6. Выводы

Таким образом, реализация большевистского декрета «О земле» в определенной степени расчистила почву для самостоятельности и хозяйственной деятельности крестьянского хозяйства, северная деревня освободилась от множества ограничений, стеснявших ее развитие. За 1917—1918 годы в основном завершилась уравнительная переверстка

CC BY

земли, были прекращены сборы старых поземельных налогов (государственного и земского) и арендной платы за казенные и удельные оброчные статьи. Правда, к концу 1918 года в государстве сложилась новая система государственных и местных налогов, в основу которой был положен социально-классовый принцип. Объем собранных прямых налогов в северных губерниях выражался в 1918 году в сумме 10 540 518 руб., в 1919 году — 30 892 046 руб., в 1920 году — 13 673 537 руб., местных сборов: в 1919 году— 8 760 931 руб., в 1920 — 21 455 523 руб. Переход к продразверстке в 1919 году послужил отправной точкой для формирования системы общегражданских натуральных повинностей, завершившегося окончательно в 1921 году. Помимо разверстки, она включала в себя всеобщую трудовую и гужевую повинности. В 1920/21 годах у крестьян изымалось до 25,1 % условно-чистого дохода. Это обстоятельство в итоге приводило к падению материального достатка деревни. С другой стороны, свертывание отхода и промыслов также имело следствием значительную потерю дохода крестьянского двора. В этих условиях доходы сельского жителя складывались в основном (до 93,6 %) за счет продукции сельского хозяйства, что служило важным показателем натурализации хозяйственного строя северной деревни. Об этом же свидетельствовали показатели расходной части бюджета северного крестьянина, из которого 73,2 % приходились на приобретение пищи и лишь 0,02 %, — на культурно-религиозные потребности. Всё это обусловило развитие опасных тенденций по свертыванию производства и натурализации хозяйственных отношений.

В ситуации неимоверно сложных условий выживания доходность и потребление сельского двора постепенно снижались, но крестьяне сохранили некоторые преимущества перед неземледельческим населением. Так, дневной рацион питания у крестьянина северных губерний с присущим ему небольшим размером земледельческого хозяйства был выше рациона питания рабочих. Состав продуктов, ежедневно потребляемых сельским жителем, был выше по качеству, чем тот, который потреблял горожанин.

В итоге формирование за годы Гражданской войны по преимуществу потребительского, не связанного с рынком крестьянского хозяйства послужило фоном прогрессирующей социальной нивелировки и обнищания деревни.

Источники и принятые сокращения

1. РГАЭ — *Российский* государственный архив экономики. Ф. 478 (Народный комиссариат земледелия РСФСР). Оп. 6. Д. 642. Л. 134; Д. 643. Л. 10 об., 26; Ф. 1562 (Центральное статистическое управление (ЦСУ) при Совете Министров СССР). Оп. 1. Д. 128. Л. 56, 89, 92, 94, 98, 124; Ф. 7733 (Министерство финансов СССР). Оп. 1. Д. 4582. Л. 32—36 об.; Д. 4593. Л. 19—21; Д. 4974. Л. 1—2 об.; Д. 5138. Л. 1—2, 7, 10—1.

2. *Власть* Советов. Журнал ВЦИК РСФСР. — 1919. — № 2. — С. 2.

3. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 30 / В. И. Ленин ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — 5-е изд. — Москва : Издательство политической литературы, 1973. — 561 с.

4. *Обследование* питания населения города Великого Устюга в мае и октябре месяце 1920 г. // За работу. — 1921. — № 2. — С. 55—58.

5. *Труды* Центрального статистического управления. Т. VIII. Вып. 3. Статистический ежегодник, 1921 г. (Выпуск первый). С присоединением сведений за 1922 г. по внешней торговле. — Москва, 1922. — 371 с.

6. *Труды* Центрального статистического управления. Т. XVIII : сборник статистических сведений по Союзу ССР 1918—1923. — Москва, 1924. — 481 с.

7. *Труды* Центрального Статистического Управления. Т. XXX. Состояние питания городского населения СССР 1919—1924 гг. (по данным периодических обследований питания населения, произведенных Отделом Статистики Потребления Ц.С.У.). Отдел статистики потребления. Вып. 1. — Москва, 1926. — 273 с.

8. *Труды* Центрального Статистического Управления. Т. XXX. Состояние питания сельского населения СССР в 1920—1924 гг. (по данным периодических обследований питания населения, произведенных б. Отделом Статистики Потребления Ц.С.У.). Секция баланса сельского хозяйства. Вып. 2. — Москва, 1928. — 169 с.

Литература

1. *Вайнштейн А. Л.* Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время (Опыт статистического исследования) : монография / А. Л. Вайнштейн. — Москва : Издание книжного склада Экономист Н. К. Ф., 1924. — 165 с.

2. *Ерофейчев И.* Промыслы Архангельской губернии / И. Ерофейчев. — Архангельск, 1925. — 46 с.

3. *Костров Н. И.* Очерки организации крестьянского хозяйства по материалам бюджетных обследований начала XX века / Н. И. Костров, Н. П Никитин., А. А. Эмме. — Москва : Новая деревня, 1925. — 167 с.

4. *Литошенко Л. Н.* Товарность крестьянского хозяйства / Л. Н. Литошенко // Бюллетень ЦСУ. — Москва, 1923. — № 75. — С. 41—42.

5. *Лосицкий А.* Потребление хлеба и мяса сельским населением в 1918—1919 году / А. Лосицкий // Бюллетень ЦСУ. — Москва, 1920. — № 6—7. — С. 3—13.

6. *Перфильев И. А.* Архангельская губерния : (краткая экономическая география губ.) / И. А. Перфильев. — Архангельск : Призыв, 1925. — 112 с.

7. *Полиевктов В.* Питание населения Вологодской губернии (По данным экономической секции Вологод. губерн. статбюро) / В. Полиевктов // Статистический вестник Вологодской губернии. — 1920. — № 1. — С. 10—11.

8. *Студенский Г.* Бюджет крестьянского хозяйства в революционное время 1917—1920 гг. / Г. Студенский // Экономическое строительство. — Москва, 1923. — Кн. 7, (№ 11—12, № 13—14). — С. 157—174.

9. *Юрков И. А.* Экономическая политика партии в деревне, 1917—1920 : научное издание / И. А. Юрков. — Москва : Мысль, 1980. — 224 с.

Material resources

RGAE — *Russian State Archives of Economics*. (In Russ.).

CC BY

Lenin, V. I. (1973). *Full composition of writings*. (5th ed.). Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury. 561 p. (In Russ.).

Proceedings of the Central Statistical Office: collection of statistical information on the USSR 1918—1923. (1924). Moscow. 18. 481 p. (In Russ.).

Proceedings of the Central Statistical Office. Statistical Yearbook 1921. (First release). With the addition of information for 1922 on foreign trade. (1922). Moscow. 8 (3). 371 p. (In Russ.).

Proceedings of the Central Statistical Office. Nutritional status of the urban population of the USSR 1919—1924 (according to periodical surveys of the population's nutrition, produced by the Consumption Statistics Department Ts.S.U.). Consumption statistics department. (1926). Moscow. 30 (1). 273 p. (In Russ.).

Proceedings of the Central Statistical Office. Nutritional status of the urban population of the USSR 1920—1924 (according to periodical surveys of the population's nutrition, produced by the Consump-tion Statistics Department Ts.S.U). Agriculture balance section. (1928). Moscow. 30 (2). 169 p. (In Russ.).

Survey of nutrition of the population of the city of Veliky Ustyug in May and October 1920. (1921). In: *Za rabotu [To work], 2:* 55—58. (In Russ.).

References

Erofeychev, I. (1925). *Crafts of the Arkhangelsk province*. Arkhangelsk. 46 p. (In Russ.).

Kostrov, N. I., Nikitin, N. P., Emme, A. A. (1925). *Essays on the organization of a peasant economy based on budgetary surveys of the early twentieth century*. Moscow: Novaya derevnya. 167 p. (In Russ.).

Litoshenko, L. N. (1923). Marketability of the peasant economy. In: *TsSU Bulletin.* Moscow. 75. 41—42. (In Russ.).

Lositskiy, A. (1920). Rural consumption of bread and meat 1918—1919. In: *TsSU Bulletin*. Moscow. 6—7. 3—13. (In Russ.).

Perfil'ev, I. A. (1925). *Arkhangelsk province: (brief economic geography)*. Arkhangelsk: Prizyv. 112 p. (In Russ.).

Polievktov, V. (1920). Nutrition of the population of the Vologda province (According to the economic section of the Vologda Governorate Statistical Bureau). In: *Statistical Bulletin of the Vologda Province.* 1. 10—11. (In Russ.).

Studenskiy, G. (1923). The budget of the peasant economy in the revolutionary time 1917—1920. In: *Ekonomicheskoe stroitelstvo [Economic construction]*. Moscow. 7/ (11—12, 13—14). 157—174. (In Russ.).

Vaynshteyn, A. L. (1924). *Taxation and payments of the peasantry in the pre-war and revolutionary times (Experience in statistical research)*. Moscow: Izdanie knizhnogo sklada Ekonomist N. K. F. 165 p. (In Russ.).

Yurkov, I. A. (1980). *Economic policy of the party in the countryside 1917—1920*. Moscow: Mysl. 224 p. (In Russ.).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Слепцов Ю. А. Мифологические сюллюкюны в верованиях якутов (саха) (из полевых материалов) / Ю. А. Слепцов // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 467—477. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-467-477.

Sleptsov, Yu. A. (2021). Mythological Xullyukuns in Beliefs of Yakuts (Sakha) (Expedition Materials). *Nauchnyi dialog, 8:* 467-477. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-467-477. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-467-477

Мифологические сюллюкюны в верованиях якутов (саха) (из полевых материалов)

Слепцов Юрий Алексеевич
orcid.org/ 0000-0002-6820-4216
кандидат педагогических наук
младший научный сотрудник
seva_may@mail.ru

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения
Российской академии наук
(Якутск, Россия)

Mythological Xullyukuns in Beliefs of Yakuts (Sakha) (Expedition Materials)

Yuri A. Sleptsov
orcid.org/ 0000-0002-6820-4216
PhD in Pedagogy
Junior Researcher
seva_may@mail.ru

The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian branch
of the Russian Academy of Sciences
(Yakutsk, Russia)

© Слепцов Ю. А., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Собраны и обобщены сведения о загадочном сверхъестественном водном существе «сюллюкюн». Подчеркивается, что оно занимает свое место в пантеоне божеств у якутов (саха) — одного из коренных народов на Северо-Востоке Российской Федерации. Отмечается, что о традициях, быте и религии якутов (саха) в разное время писали русские и иностранные путешественники, политические ссыльные, ученые-исследователи. Приводятся описания верований якутов (саха), в которых встречаются упоминания о водяных существах «сюллюкюнах». Автором выполнен обзор литературы, где упоминаются «сюллюкюны». Анализируется предложенная учеными версия о том, «сюллюкюн» — это контаминация древнего духа-хозяина воды и злого беса, которая стала возможна из-за того, что данный образ соотносился с представлениями о перекочевке водяных из воды на сушу и обратно. Автор статьи критически подходит к подобным суждениям. Приводятся данные, собранные автором статьи в ходе экспедиций по северо-востоку Якутии, где сохранился старый образ существа дохристианского периода. На основе исследований автор приходит к выводу, что образ «сюллюкюна» несопоставим с чертом. Доказано, что «сюллюкюн», согласно древним верованиям, является существом — вершителем судеб человеческих, а новый образ связан со святочными гаданиями, где усматривается влияние христианства. Автор статьи делится первоисточниками. Вводятся в научный оборот сведения, собранные в полевых условиях в ходе бесед с информантами. Отмечается, что данная тематика, связанная с образом «сюллюкюна», для этнографов и этимиологов до сих пор остается мало исследованной.

Ключевые слова:
якуты (саха); анимизм; божества; сюллюкюны; мифы; святочные гадания.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Information about the mysterious supernatural water creature “xullyukun” is summarized in the article. It is emphasized that it takes its place in the pantheon of deities among the Yakuts (Sakha) — one of the indigenous peoples in the North-East of the Russian Federation. It is noted that Russian and foreign travelers, political exiles, and research scientists wrote about the traditions, life and religion of the Yakuts (Sakha) at different times. The descriptions of the beliefs of the Yakuts (Sakha) are given, in which there are references to the water creatures “xullyukuns”. The author has reviewed the literature where the “xullyukuns” are mentioned. The version proposed by scientists is analyzed, that “xullyukun” is a blending of the ancient spirit-master of water and an evil demon, which became possible due to the fact that this image correlated with the idea of the migration of aquatic animals from water to land and back. The author of the article is critical of such judgments. The data collected by the author of the article during numerous expeditions to the north-east of Yakutia, where the old image of the creature of the pre-Christian period has been preserved, is presented. On the basis of research, the author comes to the conclusion that the image of “xullyukun” is incomparable with the devil. It has been proved that “xullyukun”, according to ancient beliefs, is a creature — the arbiter of human destinies, and the new image is associated with Christmas divination, where the influence of Christianity is seen. The author of the article shares the original sources. Information collected in the field during conversations with informants is introduced into scientific circulation.

Key words:
Yakuts (Sakha); animism; deities; syulukyuns; myths; Christmas divination.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 398.432(=1.571.56-81)

Мифологические сюллюкюны в верованиях якутов (саха) (из полевых материалов)

© Слепцов Ю. А., 2021

1. Введение

Согласно сведениям, опубликованным в издании «Народы России: Атлас культур и религий» 2008 года, «якуты — тюркский народ, проживающий в основном в Республике Саха (Якутия), а также в Хабаровском и Красноярском краях, Иркутской и Магаданской областях. Более половины называют себя якуты, остальные — саха. Общая численность в Российской Федерации — 443,9 тыс. чел. [Народы России …, 2008, с. 96].

Истоки религии якутов (саха) до сих пор остаются дискуссионным вопросом, но несомненно то, что она принадлежит к числу древних религий. А. Е. Кулаковский, отмечавший, что «якутская религия была стройная и законченная» [Кулаковский, 2020, с. 8], считал, что общий ход развития якутской религии, одной из естественных религий, был прерван христианством.

В последние годы широко распространяется идея тенгрианства, основанная на вере в бога Неба — *Тенгри*. Это тоже вызывает некоторые вопросы. На наш взгляд, очевидна связь религии якутов (саха) с анимизмом (от лат. *anima, animus* — душа, дух), верой в души и духов, то есть «в фантастические, сверхъестественные существа, будто бы действующие в природе, управляющие всеми предметами и явлениями материального и нематериального мира» [БЭС, с. 450].

Известный английский антрополог Тим Ингольд в своем труде «Манифест северной антропологии» отмечает: «Анимизм — один из старейших вопросов на повестке дня северной антропологии. Эдвард Тайлор считал, что это одна из самых ранних и примитивных форм религии. Антропологи годами избегали этой темы, опасаясь, что назвать человека анимистом равносильно тому, что окрестить его примитивным и суеверным. Но снова северная этнография изменила ситуацию» [Ингольд, 2012, с. 31].

В конце XX и начале XXI веков вновь возрос интерес российских и зарубежных исследователей к религии якутов (саха) как древнего тюркского народа, сохранившего свои традиции в той или иной форме до настоящего времени.

Среди малоизученных таинственных существ в религии якутов (саха) можно назвать «сюллюкюнов» (*суллуукүннэр*).

Сюллюкюны — зимние водяные существа в религии саха (якутов). По иерархии божеств они находятся в разряде сверхъестественных существ

CC BY

«иччи». Иччи — это что-то среднее между «айыы» и «абаасы» [Кулаковский, 2020, с. 29]. «“Айыы” — общее название высших существ (добрых духов, гениев), олицетворяющих собой начала творчества и добра; бог, божество, творец, создатель» [Пекарский, 1959, с. 47]. «“Абаасы” — общее название многочисленных злых существ (духов), населяющих верхнее (үөһээ дойду), среднее (орто дойду) и нижнее (аллараа дойду) места, олицетворящих собою злое начало в природе»; «“Абаасы” — зло, злое начало; все неблагоприятное, враждебное человеку» [Там же, с. 5].

2. Исследования, посвященные водным существам «сюллюкюны» (сүллүүкүннэр)

Одним их первых, кто сделал попытку изучить феномен «сюллюкюн», был Д. К. Зеленин. В статье «Загадочные водяные демоны “шуликуны” у русских» он представил сравнительное исследование сходств и различий якутского «сюллюкюна» и великорусского демонического существа «шуликун» [Зеленин, 1999, с. 82]. Отметим, что многие исследователи, в том числе А. Е. Кулаковский, склонялись к мнению о происхождении слова *сюллюкюн* именно от этого русского слова — *шуликун*. Алексей Елисеевич Кулаковский писал: «Водяные жители — это *сүллүүкүн* (испорченное русское слово шиликун)» [Кулаковский, 2020, с. 44]. Дмитрий Константинович Зеленин отмечает: «Восточным славянам известен весьма своеобразный демон “шуликун”. В нем для этнографов пока загадочно почти все, прежде всего самое имя, которое известно лишь северно-великоруссам и якутам» [Зеленин, 1999, с. 82]. Известный этнограф Г. С. Виноградов в книге «Этнография детства и русская народная культура в Сибири» высказал мнение, что «образ сюллюкюна в якутской мифологии сравнительно недавнего происхождения», он если и не «славянского происхождения», то в верования якутов привнесен славянами и вошел в их мифологию вместе с христианством [Виноградов, 2009, с. 23]. Д. К. Зеленин отметил, что первые русские колонисты в Верхоянском крае, на северо-востоке Сибири (Якутии), верят в существование шеликанов или селиканов (то есть человекообразных) [Зеленин, 1999, с. 83]. Значит, «сюллюкюны» в мифологии якутов (саха) присутствовали до прихода первых русских землепроходцев. Здесь уместно привести мнение А. Е. Кулаковского о том, что, например, святочные гадания, с которыми у якутов (саха) связаны сюллюкюны, проводились у них до прихода русских [Кулаковский, 2020, с. 80].

Кроме вышеперечисленных авторов, «сюллюкюны» или «шиликуны» упоминаются в трудах И. А. Худякова «Краткое описание Верхоянского округа» (1868), Г. Н. Потанина «Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879—1880 годах по поручению

CC BY

Императорского РГО» (1883), Ф. К. Зобнина «Список тобольских слов ...» (1899), В. Л. Серошевского «Якуты» (1896), В. Г. Богораза «Областной словарь колымского русского наречия» (1901), В. Ф. Трощанского «Эволюция черной веры (шаманства) у якутов» (1902), В. М. Зензинова «Русское Устье Якутской области Верхоянского уезда» (1913), А. А. Попова «Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа» (1928), Н. И. Толстого «Шуликуны» в сборнике «Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике» (1995), Е. Л. Березович и Л. Н. Виноградовой «Шуликуны» (2012) и др.

На вопросах этимологии слова *суллүүкүн* останавливался в своем исследовании В. Г. Попов, считавший его происходящим из китайского языка [Попов, 2015, с. 239]. В рамках данной статьи, не заостряя внимания на этимологии слова *сюллюкюн*, сконцентрируемся на самом образе этого водного существа, сложившемся в народных верованиях якутов (саха), на его чертах, участии в святочных обрядах и др.

3. Образ «сюллюкюнов» (сүллүүкүннэр) в традиционной и современной культуре якутов

Среди якутов (саха) центральной и вилюйской этнотерриториальных групп Якутии сегодня «сюллюкюны» почти забыты. Причина кроется в особенностях исторического развития народа: в дореволюционный период оказала влияние политика христианизации населения; в советское время — борьба против всех религий, научный атеизм. Между тем, несмотря на данные обстоятельства, вера в сюллюкюнов сохранилась среди северных якутов (саха), особенно в северо-восточной части Якутии.

Современные художники Якутии изображают сюллюкюна похожим на черта: с рогами, копытами, покрытого шерстью.

У населения северо-востока Якутии существует представление о сюллюкюне как о живом существе, похожем на человека небольшого роста. Так, А. Е. Кулаковский в труде «Материалы для изучения верований якутов...» отмечал, что сюллюкюн внешне ничем не отличается от человека, кроме отсутствия бровей [Кулаковский, 2020, с. 44]. В. Ф. Трощанский в своем труде «Эволюция черной веры (шаманства) у якутов» пишет, что сюллюкюны обыкновенно одеты в полушубок из телячьей шкуры, в таких же штанах и рукавицах [Трощанский, 2012, с. 180]. В. Л. Серошевский в своем труде «Якуты» писал: «Сюльлюкюн живет в воде; на землю он является в виде человека, иногда — мужчины, чаще — женщины» [Серошевский, 1993, с. 646]. Телячья одежда является одним из знаков хозяйственного уклада якутов (саха): несмотря на суровые условия жизни Севера, якуты традиционно занимались скотоводством. Так, ими была вы-

CC BY

ведена особая порода крупного рогатого скота — корова (*якут. — ынах*), устойчивая к морозам и жаре, дающая большие удои молока [Башарин, 2003, с. 66]. Ни один из народов Севера, кроме якутов (саха), не занимался разведением рогатого скота и лошадей. В связи с этим якутская семья, у которой был рогатый скот, селилась в местности, где имелся водоем, в большинстве случаев озеро, куда водили скот на водопой, в том числе и зимой. Именно поэтому образ сюллюкюна включает такую деталь, как одежда из шкуры крупного рогатого скота.

4. Этнографические фиксации образа «сюллюкюнов» (сүллүүкүннэр) у северных якутов

По якутскому поверью, сюллюкюны выходят из проруби в Рождество, 7 января. Сперва выходят взрослые сюллюкюны. С собой они носят амбарную книгу, где записано, кто должен был умереть в прошлом году, с этой книгой они ходят по поселению и, высматривая через окно живых людей, сверяются со списком, составляя новый список на следующий год. Считалось, что если кто-то остался жить из списка прошлого года, то сюллюкюны забирали его с собой. Поэтому в эти дни якуты, не желая, чтобы сюллюкюны внесли их в список мертвых (информатор Слепцова, 2000) [ЛА], старались не шуметь; запрещалось смотреть через окна, так как сюллюкюны могут придти и забрать их души (информатор Громова, 2014) [ЛА].

Существовало поверье, что если с 7 по 19 января стоят теплые дни, то в наступающем году умрет много людей, а если стоят сильные морозы — мало, так как считается, что у сюллюкюнов в морозные дни замерзают ноги и они не успевают обойти все жилища людей (информатор Слепцова, 2000) [ЛА].

В представлениях якутов (саха), сюллюкюны живут семьями, обитают в воде. В ночь с 13 на 14 января все семейство сюллюкюнов выходило из проруби, они расходились по заброшенным юртам (*балаҕан*), начинали играть в карты и разговаривать друг с другом о жизни людей, об их будущем.

С этого дня у якутов (саха) начинаются святочные гадания — Тангха (*Тангха*). Они длились с Рождества до Крещения. Люди гадали на судьбу, подслушивая предсказания божества рока и судьбы Тангха (*Дьылҕа Хан Тойона*) [Большой толковый словарь ..., 2013, с. 119—120].

Информатор Дягилева Вера Лукинична поведала, что в молодости она, чтобы узнать, что ждет ее в следующем году, села на перекрестке дорог, накрылась меховой шубой и стала слушать. Вначале было тихо, но вдруг послышался шум саней, который приблизился и потом стал отдаляться. Скинув шубу, она попыталась рассмотреть следы саней, но их нигде не было видно. Потом она догадалась, что уедет из родного края и никогда не вернется, что и сбылось (информатор Дягилева, 1999) [ЛА].

CC BY

По словам информанта Акулины Васильевны Слепцовой, сюллюкюны — азартные игроки в карты, они выбирают заброшенные дома — балаганы и начинают играть, к полуночи ставки увеличиваются, и человек, заранее спрятавшись в стойле и укрывшись сеном или шкурой, должен напугать сюллюкюнов. Затем, забрав все деньги со стола, в течение трех дней он должен все истратить до последней копейки, иначе все деньги и купленные вещи превратятся в труху (информатор Слепцова, 2000) [ЛА]. Ср. записи А. Е. Кулаковского: «Они (сюллюкюны) очень любят играть в карты и могут играть даже с человеком. Но выигранные у них деньги впоследствии превращаются в мох; если взять у них сор, сметенный в избе, то этот сор впоследствии превращается в настоящие деньги» [Кулаковский, 2020, с. 44]. А. А. Поповым зафиксирована история о том, что старуха взяла у сюллюкюна водоросли, которые превратились в деньги [Попов, 1928, с. 321].

Кроме этого, считалось, что сюллюкюны во время игры в карты рассказывают друг другу про судьбы людей, живущих в этой местности, и что, подслушав их разговоры, можно узнать о своей судьбе и будущем своих близких. При этом нельзя дать себя обнаружить.

Другое гадание заключается в том, что человек должен просунуть руку через окно заброшенного дома — балагана — наружу. Если рука ощутит прикосновение теплой руки или в ладонь положат свежий навоз, то этот человек долго проживет, если в руку гадающего подадут холодную руку или положат холодный, засохший навоз, то это предвещает скорую смерть этого человека (информатор Слепцова, 2000) [ЛА].

В. Л. Серошевский пишет: «... ночью он кочует по дорогам, перевозя на быке с места на место своих детей, которых у него очень много: всякий утопленник делается членом его семьи. Кочуя, он производит различный шум, по которому можно угадать будущее; ради этого люди ходят ночью в поле и садятся где-нибудь около проруби, или на перекрестке дорог, или около пустых юрт; предварительно, однако, очерчивают вокруг себя круг концом ётурака (палка, которой поправляют огонь) и, усевшись плотно друг около друга, накрывают головы одеялом. Кто услышит, что ходит поблизости него или ревет корова, тот будет богат; если над головой летает и щебечет птичка, значит, будет у него много детей; если лает собака — быть свадьбе; если услышит стук по дереву или доске — значит, кто-нибудь умрет: или сам слышавший, или из его семьи; если услышит крик “*альляр-хай*” — быть беде» [Серошевский, 1993].

Информатор В. В. Расторгуев рассказал, что в молодости во время Тангха они гадали при помощи стола с тремя ножками. В процессе гадания стол начал так сильно ходить и топать внутри юрты, что «чуть не убежал на улицу, еле его остановили» (нформатор Расторгуев, 2005) [ЛА]. Мно-

CC BY

гие в эти дни гадали, “*бүлүүһэ сүүрдэр*” («гоняя тарелку» — букв. перевод с якутского), что очень похоже на спиритический сеанс. Такие гадания проводили и в советское время в святочные дни.

Интересное гадание-подслушивание, существовавшее на Колыме, описывает исследователь И. В. Шкловский: «Вот теперь приложи ухо к амбару и услышишь, как рыба, что там запасена, между собой разговаривает. От него свою судьбу услышишь. А то ступай в “*бютяй*” (ограду), ложись там под коня и слушай» [Дионео, 1895, с. 206]. У якутов (саха) широко было распространено поверье о том, что во время выхода сюллюкюнов лошади начинают разговаривать человеческими голосами между собой про своих хозяев или про того, кто подслушивает их разговор.

По завершении странствований сюллюкюны возвращаются в свой мир, в ночь с 18 на 19 января, в день Крещения. Если им помешать, то сюллюкюн, оставшись среди людей, за год уничтожает все живое у того, кто помешал ему уйти в прорубь. Подобное случается, если человек положит сверху на прорубь палки крест-накрест или накроет ее шкурой. Поэтому в этот день якуты прорубь не накрывают, даже если подобные действия они производят всю зиму, чтобы прорубь не замерзла.

5. Заключение

Таким образом, несмотря на усилия православной церкви и Советской власти, многие верования якутов (саха) дошли до наших дней, в том числе вера в водяные существа — сюллюкюны.

По свидетельствам информантов, можно констатировать, что сюллюкюны выступают как существа, способные предугадать и предопределить судьбу человека. Поэтому часто якуты (саха) верят, что они находятся во власти сюллюкюна. По поводу того, почему якуты (саха) считают, что сюллюкюны забирают души людей, которым было предначертано умереть в прошлом году, то необходимо заметить, что в январе и до середины февраля смертность среди населения Якутии резко увеличивалась, и это считалось проделками и кознями сюллюкюна. Чтобы не попасть в список мертвых, якуты (саха) в святочные дни вели себя осторожно, ночью старались без надобности не выходить на улицу, не смотреть через окно; обязательно держали места для водопоя скота в порядке.

Несмотря на забвение святочных гаданий в центральной части Якутии, в конце XX и начале XXI веков они стали возрождаться во время Тангха и широко распространились среди населения Якутии. Большинство гаданий сохраняют этнокультурную специфику — черты, которые фиксировались еще до прихода русских. И сегодня многие якуты (саха) верят, что после ухода сюллюкюн в прорубь вода в ночь Крещения приобретает свойства святой воды.

CC BY

В настоящее время роль сюллюкюна как вершителя судеб человечества почти забыта. Между тем наблюдается рост коммерциализации святочных гаданий среди жителей Якутии, где сюллюкюн выступает как зачинатель начала гаданий.

На основе анализа этнографических материалов установлено, что древний образ «сюллюкюна» является существом — вершителем судеб человеческих, а новый — связан со святочными гаданиями, где усматривается влияние христианства.

Тем не менее образ «сюллюкюна» для этнографов до сих пор остается интересным объектом исследования, следует изучать варианты этого образа, которые существуют и могут быть уточнены по материалам записей, сделанных в отдаленных районах Якутии и на Русском Севере.

Информаторы

Громова Мария Егоровна, 1928 г. рожд., п. Сасыр Момского района Республики Саха (Якутия), 2014 г.

Дягилева Вера Лукинична, 1931 г. рожд., с. Хонуу Момского района Республики Саха (Якутия), 1999 г.

Расторгуев Василий Васильевич, 1919 г. рожд., г. Якутск, 2005 г.

Слепцова Акулина Васильевна, 1932 г. рожд., с. Хонуу Момского района Республики Саха (Якутия), 2000 г.

Источники и принятые сокращения

1. *Большой* толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта : в 15 т. / под ред. П. А. Слепцова. — Новосибирск : Наука, 2013. — Т. X. (Буква Т : т – төһүүлээ). — 575 с. — ISBN 978-5-02-032332-2.

2. БЭС — *Большая* советская энциклопедия / главный редактор С. И. Вавилов. — Москва : БЭС, 1950. — Том 2. — 730 с.

3. *Народы* России : Атлас культур и религий / отв. ред. В. А. Тишков, А. В. Журавский, О. Е. Казьмина. — Москва : ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2008. — 256 с.

4. ЛА — *Личный* архив автора.

5. *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка : в 3 т. / Э. К. Пекарский. — Ленинград : АН СССР, 1959. — Т. I (Буква А). — С. 887.

6. *Якуты* [Электронный ресурс]. — Режим доступ : https://ru.wikipedia.org/wiki/Якуты (дата обращения 05.02.2021).

Литература

1. *Башарин Г. П.* История аграрных отношений в Якутии (XV—XVII — середина XIX в.) : в 2 т. / Г. П. Башарин. — Москва : Арт-Флекс, 2003. — 448 с. — ISBN 5-93253-017-0.

2. *Березович Е. Л.* Шуликуны / Е. Л. Березович, Л. Н. Виноградова // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 томах / под ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 2012. — Т. 5. — С. 583—585.

2. *Виноградов Г. С.* Этнография детства и русская народная культура в Сибири / Г. С. Виноградов ; Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. — Москва : Восточная литература, 2009. — 896 с. — ISBN 978-5-02-036359-5.

3. *Дионео.* На крайнем северо — востоке Сибири / Дионео. — Санкт-Петербург : Л. Ф. Пантелеев, 1895. — [2], VI. — 287 с.

4. *Зеленин Д. К.* Избранные труды. Статья по духовной культуре. 1917—1934 / Д. К. Зеленин. — Москва : Индрик, 1999. — 352 с.

5. *Ингольд Т.* Манифест северной антропологии / Т. Ингольд // Зеленый лист. — 2012. — № 2. — С. 27—33.

6. *Кулаковский А. Е.* Материалы для изучения верований якутов. Вселенная, тотемы, приметы, поверья и гадания / А. Е. Кулаковский. — Москва : Эксклюзивное издание, 2020. — 106 с. — ISBN 978-5-4481-0608-8.

7. *Попов А. А.* Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа / А. А. Попов // Сборник музея антропологии и этнографии. — 1928. — Т. XI. — С. 255—323.

8. *Попов В. Г.* К вопросу об этимологии названий мифологических водяных духов у якутов / В. Г. Попов // Сибирский филологический журнал. — 2015. — № 1. — С. 239—245.

9. *Серошевский В. Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. — 2-е изд. / В. Л. Серошевский. — Москва : Московская типография, 1993. — № 2. — 736 с. — ISBN 5-86004-001-6.

10. *Трощанский В. Ф.* Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. — 2-е. изд. / В. Ф. Трощанский. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2012. — 224 с. — ISBN 978-5-397-02997-1.

Material resources

A large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaarylah ulakhan tyldyt: in 15 t. T. H. (Letter T: t-tohulee). (2013). Novosibirsk: Nauka. 575 p. ISBN 978-5-02-032332-2. (In Russ).

BES — Vavilov, S. I. (1950). *Great Soviet Encyclopedia*. Moscow: BES. Vol. 2. 730 p. (In Russ).

LA — *Personal archive of the author*. (In Russ).

Pekarsky, E. K. (1959). *Dictionary of the Yakut language: in 3 volum. (Letter A), I.* Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. 887. (In Russ).

Tishkov, V. A., Zhuravsky, A. V., Kazmina, O. E. (eds.). (2008). *Peoples of Russia: Atlas of Cultures and Religions*. Moscow: CPC “Design. Information. Cartography”. 256 p. (In Russ).

Yakuts. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Yakuts (accessed 05.02.2021). (In Russ).

References

Basharin, G. P. (2003). *History of agrarian relations in Yakutia (XV—XVII — mid-XIX century): in 2 volum.* Moscow: Art-Fleks. 448 p. ISBN 5-93253-017-0. (In Russ).

Berezovich, E. L., Vinogradova, L. N. (2012). Shulikuny. In: Tolstoy, N. I. (ed.). *Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary: in 5 volumes*. Moscow: International Relations. 5: 583—585. (In Russ).

Dioneo. (1895). *In the extreme north-east of Siberia, [2], VI.* St. Petersburg: L. F. Panteleev. 287 p. (In Russ).

Ingold, T. (2012). Manifesto of Northern Anthropology. *Green Leaf, 2:* 27—33. (In Russ).

Kulakovsky, A. E. (2020). *Materials for the study of the beliefs of the Yakuts. The universe, totems, omens, beliefs and divination.* Moscow: Exclusive edition. 106 p. ISBN 978-5-4481-0608-8. (In Russ).

Popov, A. A. (1928). Materials on the history of the religion of the Yakuts of the former Vilyui district. In: *Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography, XI:* 255—323. (In Russ).

Popov, V. G. (2015). On the question of the etymology of the names of mythological water spirits among the Yakuts. *Siberian Philological Journal, 1:* 239—245. (In Russ).

Seroshevsky, V. L. (1993). *Yakuts. The experience of ethnographic research, 2.* Moscow: Moscow Printing House. 736 p. ISBN 5-86004-001-6. (In Russ).

Troshchansky, V. F. (2012). *The evolution of the black faith (shamanism) among the Yakuts.* Moscow: LIBROCOM. 224 p. ISBN 978-5-397-02997-1. (In Russ).

Vinogradov, G. S. (2009). *Ethnography of childhood and the Russian folk culture in Siberia. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.* Moscow: Oriental literature. 896 p. ISBN 978-5-02-036359-5. (In Russ).

Zelenin, D. K. (1999). *Selected works. An article on spiritual culture. 1917—1934.* Moscow: Indrik. 352 p. (In Russ).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Созинова К. А. Брачные узы в Англии в первой половине XVII века : проповеди новобрачным Томаса Гатейкера / К. А. Созинова // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 478—490. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-478-490.

Sozinova, K. A. (2021). Marriage Ties in England in First Half of 17th Century: Sermons to Newlyweds by Thomas Gateaker. *Nauchnyi dialog, 8:* 478-490. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-478-490. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-478-490

Брачные узы в Англии в первой половине XVII века: проповеди новобрачным Томаса Гатейкера

Созинова Ксения Андреевна
orcid.org/0000-0002-6980-5881
кандидат исторических наук
старший преподаватель
кафедра зарубежного регионоведения
k.a.sozinova@urfu.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Marriage Ties in England in First Half of 17th Century: Sermons to Newlyweds by Thomas Gateaker

Ksenia A. Sozinova
orcid.org/0000-0002-6980-5881
PhD in History, Senior Lecturer,
Department of Foreign Regional Studies
k.a.sozinova@urfu.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

© Созинова К. А., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается эволюция представлений о браке и супружеских обязанностях в XVII веке в Англии. Исследование проводится на основе проповедей новобрачным, опубликованных в 1620-е годы известным умеренным пуританином Томасом Гатейкером: «Краткое изложение брачных обязанностей» (1620), «Хорошая жена — дар Бога» (1620/23) и «Совершенная жена» (1623). Подчеркивается, что данные проповеди представляют собой богатый источник о браке раннего Нового времени. Обращение к ним позволяет понять истоки изменений в традиционных гендерных практиках, привнесенных пуританами в XVII веке. Автор демонстрирует, что, в отличие от англикан и католиков, пуритане на первое место в целях брака выносят дружеский союз между мужчиной и женщиной, служащий спасением от одиночества, а не рождение детей. Автор также делает вывод о том, что пуритане полагались на традиционные представления о патриархальных основаниях брачного союза, однако место и роль женщины в нем активно пересматривались, и женская добродетель начала занимать достойное место в благочестивой общине.

Ключевые слова:
проповеди новобрачным; Томас Гатейкер; пуритане; брак; наставления в браке; обязанности в браке.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The author of the article examines the evolution of ideas about marriage and matrimonial duties in the 17th century in England. The study is based on sermons to newlyweds published in the 1620s by the famous moderate Puritan Thomas Gataker: “A Summary of Marital Responsibilities” (1620), “A Good Wife is a Gift of God” (1620/23), and “A Perfect Wife” (1623). It is emphasized that these sermons are a rich source of early modern marriage. Addressing them allows us to understand the origins of changes in traditional gender practices introduced by the Puritans in the 17th century. The author demonstrates that, unlike Anglicans and Catholics, Puritans put the friendship between a man and a woman in the first place for the purpose of marriage, which serves as a salvation from loneliness, and not the birth of children. The author also concludes that the Puritans relied on traditional ideas about the patriarchal foundations of the marriage union, but the place and role of women in it was actively revised and female virtue began to take its rightful place in a pious community.

Key words:
sermons to newlyweds; Thomas Gataker; puritans; marriage; guidance in marriage; responsibilities in marriage.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94:347.62(410)“160/164”

Брачные узы в Англии в первой половине XVII века: проповеди новобрачным Томаса Гатейкера

© Созинова К. А., 2021

1. Введение

Брачно-семейные отношения в любую эпоху отражают специфику общества. В первой четверти XVII века в английском обществе происходит ряд изменений в понимании брачного союза, целей вступления в брак, ролей супругов в браке и, как следствие, места женщины в обществе, что нашло отражение в интеллектуальной традиции того времени. Источником для анализа подобных изменений в XVII веке служат проповеди новобрачным. Что характерно, именно в пуританской среде обретают наиболее ясные черты новые взгляды на брак и семью. Такие стратегии пуритан, как опора на личный опыт, широкое использование грамотности и привнесение духовных вопросов во все виды жизнедеятельности, сильно повлияли на духовность женщин и их традиционные роли в обществе. В то же время трансформации традиционных гендерных практик изменили и сам пуританский образ жизни.

Наиболее ярко эти тенденции нашли свое отражение в проповедях новобрачным, написанных в 1620-е годы видным членом лондонского пуританского сообщества, уважаемым ученым, проповедником Томасом Гатейкером (1574—1654). Следует отметить, что он получил блестящее образование в колледже Св. Иоанна в Кембридже, что позволило ему впоследствии самому читать лекции в Линкольнс-Инн (1601—1611), а затем сорок три года исполнять обязанности священника в Ротерхите, графство Суррей [Willen, 2007]. Особый интерес представляют три его проповеди: «Краткое изложение брачных обязанностей» (посвящена Роберту и Дороти Кук, 1620), «Хорошая жена — дар Бога» (мистеру Джону Скадамору и миссис Элизабет Скадамор, его супруге, 1620/23) и «Совершенная жена» (Сэру Роберту Харли, рыцарю и леди Бриллиане, его супруге, 1623), прочитанные на свадебных церемониях и впоследствии опубликованные. Обращение к проповедям Гатейкера позволяет проследить, как пуритане активно пересматривали понятие брака. Их проповеди и трактаты подчеркивают, что брак служит благочестивому сообществу, объясняют природу брачного завета и обязанности мужа и жены.

Однако известность Гатейкеру принесли далеко не его проповеди, а произведение «Апологетические рассуждения», которое он опубликовал всего за несколько месяцев до своей смерти в 1654 году. В нем он рас-

CC BY

крывает важные аспекты проповедуемого им пуританства: его склонность связывать английское благочестие с континентальной реформацией, его существенную умеренность и, прежде всего, его зависимость от печати для убеждения и назидания благочестивого сообщества. Наиболее интересным в этом списке является последний пункт, потому что обращение к печати в сочетании с практикой «живого слова», «живой проповеди» было характерно для пуритан. Использование Гатейкером печати как особого ресурса коммуникации эволюционировало в течение его долгой карьеры, пока, после 1640 года, она не стала совершенно незаменимой для его взаимодействия с благочестивым сообществом.

2. Взгляды пуритан на цели брачного союза

Несмотря на то, что термин *пуританин* пользовался большой популярностью в XVII веке, его содержание все еще остается спорным. Существует достаточно ограниченное количество работ, где рассматривались бы не доктринальные основы пуританизма и его связь с Английской революцией, а взаимодействие между пуританизмом и гендером. Многие исследователи подчеркивают патриархальный характер пуританской семейной модели. Однако Д. Уиллен оспаривает этот факт, замечая, что в историографии однобоко представлен взгляд на гендерные роли в семье пуритан, а социальная теория расходится с практикой. Она отмечает, что действительно «теплые и любящие браки не препятствовали практике патриархата, тем более что женщины сами усвоили общественное учение о надлежащих гендерных ролях, узаконившее мужскую власть … Учитывая патриархат в семье, обществе и церкви, и католички, и протестантки традиционно использовали религию как один из немногих путей, доступных им для придания смысла своей жизни» [Willen, 1992, p. 565—566]. Д. Уиллен отмечает, что пуританство особенно привлекало женщин, потому что носило практический характер. Действуя в обществе, которое ценило женское благочестие и ожидало его, женщины могли стремиться к более высокому статусу внутри общины верующих [Willen, 1992, p. 563]. У пуритан даже был специальный термин для обозначения благочестивых женщин, которым гарантировано спасение, их называли *избранными леди* (*ladies elect*). Они выступали объектами хвалебных посвящений в книгах, предметами панегириков и проповедей, образцами для подражания, достойными похвалы [Willen, 1992]. Важным в данном ключе также является исследование Д. Барнс о влиянии брачной проповеди Гатейкера на повседневную жизнь супружеской пары Харли [Barnes, 2017], где на основе сохранившейся переписки леди Брилианны Харли со своим супругом реконструируются пуританские стратегии в семейных взаимоотношениях и активная женская позиция под маской благочестия.

CC BY

Несмотря на некую общность взглядов пуритан на брак, они претерпели определенную эволюцию начиная со второй половины XVI века. Во втором молитвеннике короля Эдуарда VI («Книга общих молитв», 1552) указаны следующие причины для вступления в брак: «Во-первых, для деторождения. Во-вторых, [брак] был назначен как средство от греха и во избежание блуда. <...> В-третьих, для взаимного общества, помощи и утешения, которые один должен получать от другого как в благополучии, так и в несчастьях» [Цит. по: Johnson, 1969, p. 343]. Пуритане же считали, что, когда Бог представил Еву Адаму, Он торжественно создал первый брак, который когда-либо существовал, и тем самым благословил брак как таковой. Пуританские богословы выступали против доминирующего католического и англиканского понимания брака, которое рассматривало сексуальное общение напрямую связанным с падением человека.

Так, католики и англикане рассматривали в качестве основного библейского текста, регулирующего учение о браке, следующий постулат (Бытие, глава 1, стих 22): «И благословил их Бог, говоря: “Плодитесь, и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле”» [Бытие 1:22]. Для пуритан, однако, наиболее важным библейским отрывком, выявляющим изначальную цель брака, заложенную Богом, стало Бытие, глава 2, стих 18: «И сказал Господь Бог: “Нехорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему”» [Бытие 2:18]. Выбор данного стиха демонстрирует, что именно общение, а не деторождение было основной Божьей целью для брака.

Неудивительно, что в течение XVII века немалая часть сочинений о браке пуритан посвящена определению и изменению целей брака, чтобы утвердить примат взаимопомощи в браке над продолжением рода. Первые шаги в этом направлении делает отец пуританизма — Уильям Перкинс (1558—1602) в своей работе «Христианская экономика, или устройство семьи согласно Священному Писанию». Он приводит пять достоинств брака, или пять причин для заключения брака: (1) появился еще до грехопадения, (2) облегчает одиночество, (3) дан непосредственно от Бога, (4) благословен как средство для заселения земли (деторождение), (5) благословен как первичная социальная единица (является основой других союзов, в частности Церкви и государства) [Perkins, 1609, p. 671]. Как мы видим, для него рождение детей — лишь одна из причин для заключения брака, кроме того, она указана предпоследней, даже не первой в отличие от молитвенника Эдуарда VI. Несмотря на выстроенную Перкинсом иерархию причин для брачного союза, остается неясным, что же является первичным в браке — деторождение или же союз, спасающий от жизни в одиночестве. Если Перкинс неоднозначно относится к тем благам, что доступны человеку

CC BY

в браке, то другие пуританские писатели достаточно четко определись со своими предпочтениями. Т. Гатейкер уже ясно показывает примат союза, основанного на взаимной дружбе, над продолжением рода в браке.

В «Кратком изложении брачных обязанностей» (1620) Гатейкер утверждает: брак важен главным образом потому, что «это первое в мире общество», а во-вторых, потому, что «это источник, из которого берут начало остальные потоки» [Gataker, 1620, p. 3]. В другой проповеди «Совершенная жена» (1623) он определяет брак как договор между двумя людьми, каждый из которых несет ответственность перед другим. Гатейкер постоянно подчеркивает, что дружеское общение в браке превалирует над деторождением и придает особое значение зарождению или появлению института брака как такового, утверждая, что провидение прежде всего стремилось положить конец одиночеству человека, предоставив ему подходящего компаньона. Таким образом, основная цель брака — избавление от одиночества. Соответственно, Гатейкер возвышал общение в браке над деторождением.

Джон Мильтон так же четко, как и Гатейкер, говорит о том, что является первичным и вторичным в браке. В трактате «Доктрина и порядок развода» (1643) он, как и большинство других пуританских авторов о браке, также пишет о том, что ответ на вопрос, «что такое брак, а что не брак», содержится в Бытии 2:18. Опираясь на содержание данного стиха, Мильтон замечает: «Из этих слов нельзя не заключить … то, что в Божьем замысле приятная и счастливая беседа является высшей и благороднейшей целью брака; ибо мы не находим в этих строках ничего обязательно подразумевающего плотское познание, кроме как предотвращение одиночества для разума и духа человека» [Milton, 1959, p. 246].

3. Проповеди новобрачным Томаса Гатейкера

Проповедь «Совершенная жена» увидела свет вместе с другой ранее опубликованной проповедью о браке в небольшом томе под названием «“Хорошая жена — дар Бога”; и “Совершенная жена” (1623, репр. 1624)» [Gataker, 1623a]. Объединение двух проповедей в один том не случайно, оно позволяет увидеть связь между двумя текстами. Проповеди действительно разные, каждая имеет свое посвящение и независимую разбивку на страницы. Первая, «Хорошая жена — дар Бога», была в значительной степени неотредактированным переизданием публикации 1620 года [Barnes, 2017, p. 720]. Тем не менее фронтиспис указывает на то, что их следует читать как связанные друг с другом, при этом приводится изречение Соломона о том, что «добродетельная жена — венец для мужа своего; а позорная как гниль в костях его» (Притчи 12.4). Две проповеди тематически совпадают. Вместе они объясняют обязанности женщин в браке (брак —

CC BY

это договор) в общих терминах, взятых из толкования Священного Писания и комментариев. Посвящения обеспечивают локальную связь. «Хорошая жена — дар Бога» — версия проповеди, которую Гатейкер произнес несколькими годами ранее на свадьбе Джона Скадамора (Scudamore), виконта Скадамора, и Элизабет Портер (1615), и посвящена Скадамору. Второе произведение — «Совершенная жена» — это брачная проповедь Конвей-Харли, посвященная Роберту Харли. Д. Барнс отмечает: «На первый взгляд, это сочетание имеет смысл, обе проповеди были прочитаны на знаменательных свадьбах в Херефордшире, и оба текста связывает обсуждение супружеской жизни и женской добродетели с местной общиной в Херефорде. В 1623 г., когда заключался союз Конвей и Харли, отношения между двумя семьями были дружескими (хотя и хрупкими из-за местной конкуренции за власть и влияние), поскольку Харли обратились к Скадамору стать попечителем в брачном соглашении. Когда проповедь была впервые опубликована, посвящение Скадамору, должно быть, читалось как совершенно обычное и ничем не примечательное, но, помещенное рядом с проповедью Конвей-Харли, оно, кажется, призывает Скадамора отказаться от церковной церемонии и ритуала высокой церкви, которые он недавно принял в пользу кальвинистского протестантизма, одобренного Конвеями и Харли» [Barnes, 2017, p. 720—721]. Опубликованные вместе проповеди стремятся сформировать ценности, которые связывают благочестивую общину, и заново привлечь отставших в ее лоно. Гатейкер считает поведение жен ключом к этому стремлению.

Какие же принципиальные моменты Гатейкер артикулирует в данных проповедях? Наиболее ясно он говорит о двух вещах: во-первых, брак, чтобы быть хорошим и правильным браком, должен быть результатом особого Божьего провидения; во-вторых, что главное благословение брака — это хорошая (то есть общительная) жена [Johnson, 1969, p. 431]. В проповеди «Хорошая жена — дар божий» он заявляет: «В первую очередь, Жена является первым и главным благословением, а Дети — следующим. ... Если Дети — Благословение, то источник, из которого они происходят, заслуживает большего уважения». Также он подчеркивает: «Дети — это дар Бога; но Жена — это *особый* дар Бога: она появляется в первую очередь, а они во вторую» [Gataker, 1623b, p. 12].

Поскольку жена — дар особого провидения, то и союз с мужем, сам по себе является великим благословением. Дети же являются дарами общего провидения и их появление демонстрирует благодатное внимание к союзу, который их вызвал. Гатейкер — единственный, кто объясняет этот аргумент, исходя из различных видов провидения. От других пуританских писателей его отличает прямое использование кальвинистских категорий особого и об-

CC BY

щего провидения, что является весьма уникальным явлением. Дар хорошей жены — это особая разновидность провидения: «Божье провидение в большей степени относится к жене, чем к богатству» [Ibid., p. 9]. Хороший брак — высший из даров в этой жизни, потому что он дает постоянного спутника. Дар хорошего супруга сравнивается в этой жизни с даром спасения в следующей, и приходят они через молитву, смирение и веру [Ibid., p. 15].

Следует отметить, что для Гатейкера муж также является особым даром Бога жене, и поэтому целью брака является взаимное общение. «Наконец, если хорошая Жена является таким особым даром Божьим, то и хороший Муж имеет не меньшее значение. Ведь муж нужен жене, как жена — мужу» [Ibid., p. 24].

Все опубликованные проповеди о браке Гатейкера имеют схожую проблематику, и вместе они образуют достаточно полное изложение брачной доктрины, характерной для пуритан. Однако единственное место, где он перечисляет блага брака как таковые, — это проповедь «Совершенная жена». Блага брака, по мнению Гатейкера, заключаются, во-первых, в «обществе»; «во-вторых, в помощи»; «в-третьих, в утешении и покое»; «в-четвертых, в потомстве»; «в-пятых, являются средством от несдержанности (прелюбодеяния. — *К. С.*)» [Gataker, 1623c, p. 27, 29, 31, 33, 36].

Проповедь «Совершенная жена», как уже отмечалось выше, была написана для Сэра Роберта Харли, и его супруги Бриллианы. Для проведения церемонии выбор пал на Гатейкера совершенно не случайно, уже тогда он был известен своими проповедями и религиозно-политической полемикой как среди прихожан, так и в печати. В это время он занимал пост ректора в Ротерхите (графство Суррей) и выступал за кальвинистскую реформу внутри национальной церкви. Д. Барнс отмечает, что Роберт Харли во многом разделял взгляды Гатейкера. Подобно Роберту Харли, он определял пуританина в позитивных терминах, не как нонконформиста или сектанта. Его позиция против римского католицизма также была известна Роберту Харли. Еще одна точка зрения, которую Гатейкер разделял с ним, заключалась в его вере в образовательную функцию проповеди. Хотя Гатейкер утверждал, что живая проповедь вызывает более глубокий отклик у слушателей, он принял на вооружение возможности печатного слова, которое имело определенные преимущества. Оно позволило ему обратиться к более широкой публике, не связанной одним временем и местом, и оказать на нее влияние [Barnes, 2017, p. 719].

Кроме того, в проповеди «Совершенная жена» Гатейкер обрисовывает идеалы поведения в браке. Он отмечает, что замужняя женщина становится женой лишь благодаря своим поступкам, в особенности своим добровольным и любящим служением своему господину. Здесь мы отчетливо

CC BY

видим черты патриархальной доктрины, которую исследователи неоднократно приписывали Гатейкеру. Он объясняет: «Женщина была создана не для мужчины, а для его блага» [Gataker, 1623c, p. 54]. Жена должна стать настоящей помощницей своего мужа — «той, которая может либо помочь освободить его и облегчить долю его, либо взять на себя часть его бремени, либо утешить и подбодрить его, и если надо горевать, то плачет вместе с ним» [Ibid., p. 32]. Женская роль в заключенном союзе — сочувствовать и делиться. Приоритет в союзе принадлежит мужу, и тем не менее Гатейкер подчеркивает, что женская добродетель активна и взаимна. «Брак [он пишет] требует соединения Умов, Привязанностей и Желаний» [Ibid., p. 60].

Следующая проповедь, к которой мы обратимся, — «Краткое изложение совместных обязанностей в браке». Она была опубликована в 1620 году и посвящена Роберту и Дороти Кук, сыну и невестке сэра Уильяма Кука из Хайнэмского суда (Highnam Court), Беркли, Глостершир. Гатейкер был знаком с семейством Куков и даже работал учителем у них в доме около двадцати лет назад. Сам автор описывает книгу как «сырые заметки для проповеди», произнесенные по случаю другой свадьбы, «отредактированные и подготовленные ... для печати» как дань уважения паре молодоженов [Gataker, 1620, The Epistle Dedicatorie]. По форме книга явно заимствована из текста проповеди, наставления апостола Павла к Колоссянам 3: 18—19: «Жены, повинуйтесь мужьям своим, как прилично в Господе. Мужья, любите своих жен и не будьте к ним суровы» [Толкования]. Если говорить о смысловой организации проповеди, то в первой части приводятся обязанности жены, во второй — мужа. Об обязанностях жены Гатейкер пишет, что их «можно обозначить или свести к трем частям: Благоговение, Послушание, Помощь. Первый долг — Благоговение; включает в себя: Почтение и Страх. Почтение — главный долг всех младших, о котором говорится в пятой заповеди <…> Во-вторых, Страх, не холуйский или рабский страх, а не связанный предрассудками, свободный и бесхитростный страх; (подобно тому страху, с которым благочестивые предстают перед Богом) <…> страх, проистекающий из любви и соединяющийся с любовью; состоящий в желании делать все, чтобы угодить мужу и доставить ему удовлетворение, и стараться избегать всего, что может вызвать недовольство его или неудовлетворенность. <…> «Вторая обязанность — Послушание; о ней говорил апостол Петр: “Как Сарра повиновалась Аврааму, называя его господином” и это относится к: Наставлению и Совету и, следовательно, состоит в том, чтобы довольствоваться увещеванием от него (мужа. — *К. С.*), получением от него совета» [Gataker, 1620, p. 11—14].

Гатейкер особо подчеркивает, что, если жена должна преклоняться и подчиняться мужу, то он призван быть наставником для своей жены.

CC BY

«Третья и последняя обязанность жен — это Помощь. Ибо она была сделана помощницей или товарищем мужу своему, и это особенно важно в его Странствиях и в его Бедах» [Ibid., p. 19—20].

Что касается обязанностей мужа в браке, Гатейкер делит их на две части: «Мужья, любите своих жен» и «Не будьте к ним суровы» [Ibid., p. 31].

Интересным является то, каким образом Гатейкер определяет те чувства, которые должен испытывать муж по отношению к жене: «Необходимо, чтобы муж не просто любил свою жену, но любил ее любовью выше всякой другой любви» [Gataker, 1620, p. 33]. Речь идет об особой форме любви. Гатейкер подчеркивает, что мужья должны осознавать особенность своих чувств к жене и «следить за тем, как они относятся к тем, кого они не могут таким образом полюбить; с кем они не могут связать свои сердца и испытать привязанность». Более того, он предостерегает от «ошибок, которые совершают многие мужья, когда уделяют много времени друзьям, или занимаются своими владениями, или изменяют женам. Поэтому мужчин и женщин следует предостеречь: перед заключением брака это решение нужно долго обдумывать, потому что брак может быть заключен лишь единожды. Одним словом, тот, кто свободен, должен потратить время на раздумья и подойти к нему с умом, но тот, кто выбор уже сделал, должен подчинить свое сердце своему выбору» [Gataker, 1620, p. 35].

Он неоднократно использует пример отношения родителей и детей, объясняя природу чувств между мужем и женой. Он наставляет: «…каждый христианин должен заверить себя, что его нынешнее состояние, каким бы оно ни было, наилучшее и более всего подходит для него: значит, женатый христианин обязан верить и убеждать себя не в том, что его жена самая мудрая, самая прекрасная женщина в мире; но что она — самая подходящая жена для него, которой Бог наделил его, и поэтому он должен успокоиться, довольствуясь ею… И поскольку родители любят своих детей и радуются им не потому, что они справедливы, мудры или остроумны, но потому что они их дети: и поэтому, как бы они ни видели лучшие стороны в других, но все же они не променяют своего ребенка на чужого: так мужчина должен любить и радоваться своей жене лишь по той причине, что она его жена» [Gataker, 1620, p. 44].

Также Гатейкер рассуждает о важности материального благополучия семьи и ответственности мужа за ее благосостояние: «… должны быть осуждены те, кто живут, как трутни, трудом своих жен, растрачивая все, что собрано вместе их трудом. О ком нельзя сказать, что Луна светит светом Солнца: но Солнце светит светом Луны» [Gataker, 1620, p. 46]. Недостойны уважения и те, «кто быстро тратит свою долю со своими женами, а затем оставляют их на произвол судьбы» [Ibidem.]. Затем он резюмирует:

CC BY

«И вообще все эти траты, которые хоть и заработаны собственными руками или даны друзьями, а должны содержать дом и жену. Такие мужья должны знать, что они грабят жену, детей и самих себя из того, что они растратили таким образом, и поэтому они ничем не лучше грабителей на обочине дороги. Ибо грабить свою семью — не меньший грех, чем грабить незнакомого человека» [Ibidem.].

Однако муж должен обеспечить жене не только материальное благосостояние, но, что не менее важно, — благо духовное. «Последнее, но не менее важное — это усердное стремление жен к духовному благу, которым, если муж любит ее, как должно, он не может и не будет пренебрегать. По этому поводу Апостол говорит, что мужья должны любить своих жен, как Христос любит Свою Церковь; <…> поэтому муж должен стремиться в своей любви и своих обязанностях, налагаемых любовью к своей жене, указать ей дорогу к Богу или помочь ей на пути к ней» [Ibid., p. 47].

В конце данной проповеди Гатейкер достаточно грозно заключает, что «те замужние люди, кто живет вместе неблаговидно, в неприязни, в разногласиях и раздорах, в отсутствии взаимной и естественной любви, отказываясь помогать кому-либо в делах этой жизни, хуже неверных» [Ibid., p. 48].

4. Заключение

Никто не знает, на что были похожи брачные службы Гатейкера, но в различных проповедях, которые он произносил на свадьбах, подчеркивается, что взаимопомощь является главной целью супружества. Брачная доктрина Гатейкера — сочетание пуританского и гуманистического влияния. Она отличается возвышенным представлением о женщине, которое выражается через утверждение товарищеских отношений как первой цели брака, тогда как англикане и католики придерживались мнения о примате деторождения. Однако его проповеди написаны в рамках патриархальной идеологии начала XVII века и покоятся на тщательно продуманном фундаменте библейского учения, где женщине отводится роль хоть и важного партнера в браке, но созданного в первую очередь для блага мужчины. Тем не менее из текста проповедей очевидно, что женщины наравне с мужчинами (в брачном союзе) должны активно взаимодействовать с благочестивым сообществом. Не случайно почти в конце проповеди «Краткое изложение брачных обязанностей» Гатейкер замечает, что «если мужчины-христиане должны наблюдать друг за другом, чтобы вовремя побудить кого-то к богу и добрым делам, то гораздо больше внимания этому должны уделять христиане: муж и жена» [Gataker, 1620, p. 48]. Д. Уиллен также отмечает, что «необходимость следовать пуританским стратегиям в своей повседневной жизни позволяла

CC BY

благочестивым женщинам преодолевать значительные ограничения, традиционно налагаемые на пол. Благочестивые женщины были не просто получателями пастырских советов, но активными участниками развития мирских отношений. Их пример и совет ободряли других членов благочестивого сообщества, а их благочестие олицетворяло духовное равенство» [Willen, 1992, p. 580]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что женская религиозность в рамках пуританской общины верующих не ограничивалась пределами домашнего очага, а благочестие объединяло общественную и частную сферы, делая их добродетель активной.

Источники и принятые сокращения

1. *Бытие* 1:22 // Библия-центр [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.bible-center.ru/ru/bibletext/synnew_ru/ge/1:20-22 (дата обращения 21.01.2021).

2. *Бытие* 2:18 // Библия-центр [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.bible-center.ru/ru/bibletext/ge/2:18 (дата обращения 14.02.2021).

3. *Толкования* на Кол. 3:18. Толкования Священного Писания. Свт. Иоанн Златоуст [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://bible.optina.ru/new:kol:03:18 (дата обращения 19.02.2021).

4. *Gataker T.* A good wife, God's gift ; and, A Wife indeed : two mariage sermons / T. Gateker. — London : Printed by John Haviland for Fulke Clifton, 1623a.

5. *Gataker T.* A good wife, God's gift / T. Gateker. — London : Printed by John Haviland for Fulke Clifton, 1623b. — 24 p.

6. *Gataker T.* A Wife indeed / T. Gateker. — London : Printed by John Haviland for Fulke Clifton, 1623c. — 67 p.

7. *Gataker T.* Marriage duties briefly couched together ; out of Colossians, 3, 18, 19 / T. Gateker. — London : Printed by William Jones, 1620. — 48 p.

8. *Milton J.* Doctrine and Discipline of Divorce / J. Milton // Complete Prose Works of John Milton / ed. Don M. Wolfe et al. : 4 vols. — New Haven : Yale University Press, 1959. — Vol. II. — 840 p.

9. *Perkins W.* Christian oeconomie : or, A short survey of the right manner of erecting and ordering a familie according to the scriptures / W. Perkins. — London : Imprinted by Felix Kyngston, and are to be sold by Edmund Weauer, 1609. — 175 p.

Литература

1. *Barnes D. G.* Wifely "Affection and Disposition" : Brilliana Harley and Thomas Gataker's A Wife in Deed (1623) / D. G. Barnes // English Studies. — 2017. — Vol. 98, № 7. — Pp. 717—732. — DOI: 10.1080/0013838X.2017.1339988.

2. *Johnson J. T.* English Puritan Thought on the Ends of Marriage / J. T. Johnson // Church History. — December 1969. — Vol. 38, № 4. — Pp. 429—436.

3. *Willen D.* Godly Women in Early Modern England : Puritanism and Gender / D. Willen // Journal of Ecclesiastical History. — October 1992. — Vol. 43, № 4. — Pp. 561—580.

4. *Willen D.* Thomas Gataker and the Use of Print in the English Godly Community / D. Willen // Huntington Library Quarterly. — 2007. — Vol. 70, № 3. — Pp. 343—364. — DOI: 10.1525/hlq.2007.70.3.343.

Material resources

Gataker, T. (1620). *Marriage duties briefly couched together; out of Colossians, 3, 18, 19.* London: Printed by William Jones. 48 p.

Gataker, T. (1623a). *A good wife, God's gift; and, A Wife indeed: two mariage sermons.* London: Printed by John Haviland for Fulke Clifton.

Gataker, T. (1623b). *A good wife, God's gift.* London: Printed by John Haviland for Fulke Clifton. 24 p.

Gataker, T. (1623c). *A Wife indeed.* London: Printed by John Haviland for Fulke Clifton. 67 p.

Genesis 1:22. In: *Bible Center.* Available at: https://www.bible-center.ru/ru/bibletext/synnew_ru/ge/1:20-22 (accessed 21.01.2021). (In Russ).

Genesis 2: 18. In: *Bible Center.* Available at: https://www.bible-center.ru/ru/bibletext/ge/2:18 (accessed 14.02.2021). (In Russ).

Interpretations on Col. 3: 18. Interpretations of the Holy Scripture. Svt. John Chrysostom. Available at: http://bible.optina.ru/new:kol:03:18 (accessed 19.02.2021). (In Russ).

Milton, J. (1959). Doctrine and Discipline of Divorce. In: *Complete Prose Works of John Milton, ed. Don M. Wolfe et al., 4 vols., II.* New Haven: Yale University Press. 840 p.

Perkins, W. (1609). *Christian oeconomie: or, A short survey of the right manner of erecting and ordering a familie according to the scriptures.* London: Imprinted by Felix Kyngston, and are to be sold by Edmund Weauer. 175 p.

References

Barnes, D. G. (2017). Wifely "Affection and Disposition": Brilliana Harley and Thomas Gataker's A Wife in Deed (1623). *English Studies, 98 (7):* 717—732. DOI: 10.1080/0013838X.2017.1339988.

Johnson, J. T. (1969). English Puritan Thought on the Ends of Marriage. *Church History. December, 38 (4):* 429—436.

Willen, D. (1992). Godly Women in Early Modern England: Puritanism and Gender. *Journal of Ecclesiastical History, 43 (4):* 561—580.

Willen, D. (2007). Thomas Gataker and the Use of Print in the English Godly Community. *Huntington Library Quarterly, 70 (3):* 343—364. DOI: 10.1525/hlq.2007.70.3.343.

CC BY

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года
Индексируется в WoS <Emerging Sources Citation Index>
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в международную базу ERIH с 11 июня 2015 года.
Идентификационный номер журнала в ERIH – 485900.
Включен в Международный реестр периодических изданий Global Serials Directory Ulrichs Web
Размещается на платформах EBSCO, НЭБ-РИНЦ (eLibrary), на сайте журнала и др.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России»
Обязательные экземпляры журнала отправляются в ИТАР-ТАСС (Российскую книж-ную палату), Российскую государственную библиотеку, Роспечать и др.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru
Сайт: http://www.nauka-dialog.ru/

Группы научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК	Научные специальности в рамках групп научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК
10.01.00 Литературоведение	10.01.01 Русская литература 10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) 10.01.08 Теория литературы. Текстология 10.01.09 Фольклористика 10.01.10 Журналистика
10.02.00 Языкознание	10.02.01 Русский язык 10.02.03 Славянские языки 10.02.04 Германские языки 10.02.19 Теория языка 10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание
07.00.00 Исторические науки и археология	07.00.02 Отечественная история 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода) 07.00.07 Этнография, этнология и антропология 07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования 07.00.15 История международных отношений и внешней политики

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля. Издается с 2012 года.

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **60** дней. Издательство берет на себя обязательство опубликовать статью не позднее четырех месяцев с момента получения положительной рецензии на статью. Сроки публикации 2—4 месяца.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ

Шрифт Times New Roman, 14 pt (при использовании дополнительных шрифтов они должны быть представлены в редакцию в электронном виде). Межстрочный интервал — полуторный. Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25.

В начале статьи слева без отступа указывается УДК (для получения обращаться к сотрудникам библиотек).

Ниже (через строку) с выравниванием по левому краю без отступа полужирным шрифтом приводится название статьи.

Далее — сведения об авторе / авторах (шрифт — 11 pt) по образцу:

© Иванова Анна Ивановна (2021), orcid.org/0000-0001-3815-8615, доктор филологических наук, доцент кафедры славистики филологического факультета, Белградский государственный университет (Белград, Сербия), ivanova@mail.ru.

Аннотация – шрифт 12 pt (не менее 150 слов), выравнивание «по ширине», абзацный отступ 1,25 (с использованием клише: *Рассматривается вопрос… Уделяется внимание… Представлены результаты сопоставительного анализа… Поднимается вопрос о… Особое внимание уделяется… Новизна исследования видится в том, что… Актуальность исследования обусловлена… Приводятся определения… Автор останавливается на… Доказано, что… Предлагается классификация… Выполнен обзор… Представлена авторская разработка… Описан опыт многолетней работы автора … и под.).*

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–9 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Основной текст – выравнивание «по ширине», абзацный отступ автоматический — 1,25. Структурирование статьи подразумевает деление текста на смысло-

CC BY

вые части. Каждый подраздел должен иметь краткий тематический заголовок. Если исследование имеет характер эксперимента, то структурировать статью допускается по модели, традиционной для публикаций в международных изданиях: Введение, Методика, Результаты и обсуждение, Выводы.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001а; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора …, 1994], [Методика расчета …, 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Список литературы приводится после текста статьи, составляется по алфавиту, нумеруется, предваряется словом «Литература», выполняется шрифтом 12 pt. Сначала в алфавитном порядке приводится перечень работ на русском языке (кириллица), затем, также по алфавиту, работ на иностранных языках (латиница). Список литературы должен свидетельствовать о том, что автор знаком с научной литературой по теме статьи, поэтому рекомендуется включать в библиографический список не менее чем 15 позиций, в том числе желательно, если позволяет область исследования, представлять библиографические описания зарубежных публикаций по данной теме. Если статья написана с использованием лексикографических источников (словарей), архивных материалов, картотек, то они подаются отдельным списком перед списком литературы под заголовком «Источники и принятые сокращения».

Библиографические описания выполняются по ГОСТ Р 7.0.9-2009 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическое обеспечение издательских и книготорговых процессов. Общие требования» (http://www.gosthelp.ru/gost/gost48640.html). Фамилия автора книги или (при его отсутствии) первое слово названия книги выделяется курсивом. При наличии у книги двух или трех авторов первым элементом библиографической записи указывают только имя первого автора. Имена всех авторов приводят за косой линией. Если авторов четыре и более, описание книги начинают с заголовка, а за косой линией приводят имя первого автора с пометкой «[и др.]». Необходимо указывать изда-

CC BY

тельство, в котором выпущена книга. Обязательно указывается общее количество страниц в книге либо диапазон страниц, на которых размещена, например, статья в журнале.

ПРИМЕРЫ:

Источники и принятые сокращения

1. Женщина — председатель колхоза // За Родину : газета. — 1946. — № 10. — С. 1.

2. КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров (хранится в Институте лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург).

3. Николаев А. Председатель во хмелю / А. Николаев // Сталинский призыв : газета. — 1953. — № 126 (990). — С. 4.

4. ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. — Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1967—2008. — Вып. 1—20.

5. СПГ — Словарь пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. — Пермь : Книжный мир, 2000—2002. — Вып. 1—2.

6. ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

7. ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф.4. (Обком КПСС). Оп.53. Д.187. Лл. 2, 6.

Литература

1. Выготский Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. — Москва : Искусство, 1986. — 329 с.

2. Вьюговская Е. Схемы выдвижения в стандартизированном интервью / Е. Вьюговская, А. Ипатова, Д. Рогозин // Телескоп : журнал социологических и маркетинговых исследований. — 2012. — № 4. — С. 40— 45.

3. Карасик В. И. Религиозный дискурс / В. И. Карасик // Языковая личность : проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики : сборник научных трудов. — Волгоград : Перемена, 1999. — С. 5—19.

4. Матвеева А. С. Служебное деловое письмо : теория, история, трансформация в условиях информатизации общества : автореферат диссертации … кандидата педагогических наук : 05.25.02 / А. С. Матвеева. — Краснодар, 2012. — 22 с.

5. Мунье Э. Персонализм : краткое введение к вопросу [Электронный ресурс] / Э. Мунье. — Режим доступа : http://anthropology.rchgi.spb.ru/munie/munie_s1.html.

6. Некоторые перспективы исследования смысловых образований личности / А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, Б. В. Зейгарник, В. А. Петровский, Е. В. Субботский, А. У. Хараш, Л. С. Цветкова // Вопросы психологии. — 1979. — № 4. — С. 118—127.

7. Собкин В. С. Психологический анализ уровней литературного развития старшеклассников : диссертация …. кандидата психологических наук / В. С. Собкин. — Москва, 1982. — 169 с.

8. Garibaldi L. Mussolini e il Professore : Vita e diari di Carlo Alberto Biggini / L. Garibaldi (ed.). — Milano : Mursia, 1983. — 362 p.

9. Giglio C. Dodecaneso / C. Giglio // Oriente moderno. — 1929. — № 8. — P. 347.
10. Rosselli A. Come l'Italia conquista il Dodecanneso [Electronic resource] / A. Rosselli. — Access mode : http:// www.anpi.it/militari/rodi.html.

Англоязычные сведения о статье и ее авторах готовятся редакцией после принятия статьи к публикации (авторские переводы не принимаются) и размещаются в конце статьи.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала **http://www.nauka-dialog.ru/.** Справку можно получить по тел. **(343)3458984, 89120458984.**

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то УКАЗЫВАЙТЕ номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Contents

Linguistics

Aru, A. Word-Formation Representation of Concept FRIENDSHIP in Modern Russian 9

Borisova, E. O. Semantic Reconstruction of Vocabulary with a Speed Value Derived from Verbs of Object Movement 28

Ioanesyan, E. R. One Class of Predicates Reflecting Conceptualization of Time as a Resource. ... 43

Nikitin, O. V. "It is Sad that Lackeys Have Power..." (Unknown Letters from the Archive of B. V. Tomashevsky). 57

Rebrina, L. N., Shamne, N. L. Problematization of Social Reality in Communicative Practices of Conflict Mobilization in Communities Social Networks in Germany 73

Riabtseva, N. K. Cognitive Dominants, Language-Specific Communication and Translation Problems 87

Stepykin, N. I. Potential of Using Formalized Parameters for Modeling Speech Action 112

Literary Studies. Journalism. Folklore

Bogdanova, O. V., Vlasova, E. A. "Sometimes I Feel Like Shakespeare..." (Intertextual Layers of "Pilgrims" by I. Brodsky) 129

Wang Yuzhi, Remchukova, E. N. Confucianism in China's Nationally Oriented Advertising Text 149

Dubrovskaya, S. A., Kirzhaeva, V. P., Vladimirova, S. M. Middle Eastern Everyday Life in S. S. Kondurushkin's Magazine Essays at Beginning of Twentieth Century 170

Kudryashov, I. V., Pyatkin, S. N. What is Nikolai Klyuev's "Hung Upside Down" Crying for? (On Poetic Epitaph to Victims of White Terror) 185

Prodanik, N. V. "Book-Life" Metaphor in Medieval Literature and Russian Literature of First Half of 19th Century 207

Chizhov, N. S. Soviet Poetic Underground in Critical and Scientific Coverage (First Article). 221

Historical sciences

Andriainen, S. V. "Troops without Banners": History of 5th Infantry Corps of Russian Army during Reign of Nicholas I. 249

Apryshchenko, V. Yu., Lagoshina, N. A. Irish Jacobites in Continental Europe at End of 17th — 18th Centuries 272

Voronov, I. I. Telegraph Department as a Structural Element of Public Administration in Russia in 1865—1881 290

Zherdeva, Yu. A., Sumburova, E. I., Cherkasova, M. V. Perception of Russian Politics in Galicia in Diaries and Memoirs of World War I Participants 307

Ivanov, A. A. Bishop Andrey (Ukhtomsky): Church Comprehension and Criticism of Ideology and Practice of Socialism 323

Kasatkin, K. A. "Balkans" in Russian Encyclopedic Dictionaries of First Half of 19th Century.. 341

Kostenko, Yu. I., Morozov, V. M. Relations between Israel and USSR in 1956—1957: according to Documents of State Archives of Israel..... 356

Kotelnikov, K. D. Outpatient Clinic of Russian Red Cross in Berlin in 1920s —1930s. 375

Mamyachenkov, V. N., Anisimov, A. L., Shvedov, V. V. Great Patriotic War and Labor Resources of Urals Industry: Development Features..... 388

Nesterova, T. P. France, Italy and Diplomatic End of Italo-Ethiopian War in League of Nations (May—July 1936) 400

Nossov, K. S., Muratova, S. R., Balyunov, I. V. Defensive Walls of Tobolsk Kremlin: a Historical and Architectural Sketch 414

Prigodich, N. D. Formation and Development of Airfield Network of Leningrad Region during Great Patriotic War 438

Sablin, V. A. Peasant Yard in European North of Russia during Civil War (1917—1921): Characteristics of Survival..... 452

Sleptsov, Yu. A. Mythological Xullyukuns in Beliefs of Yakuts (Sakha) (Expedition Materials).. 467

Sozinova, K. A. Marriage Ties in England in First Half of 17th Century: Sermons to Newlyweds by Thomas Gateaker 478

TO AUTHORS..... 491

ПОДПИСКА

на журнал

«Научный диалог»

Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.

Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос
в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru.**

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий
Global Serials Directory Ulrichs Web
(www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)

Компьютерная верстка и дизайн:
Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 16.08.2021. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 29,04. Тираж 500 экз. Заказ 16/08-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.
Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2021

Свободная цена